

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ,

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

1874.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1874.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 6 дня 1874 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

б).

Сказавши, почему и зачѣмъ былъ въ Іерусалимѣ и что тамъ дѣлалъ, теперь Павелъ говоритъ, какъ принять былъ тамошними христіанами. Всѣ братски приняли, говорятъ, насъ, каковы мы были, сбросившихъ всякую связанность предписаніями іудейскими, какъ доказали они общеніемъ съ Титомъ необрѣзаннымъ (—ст. 3). Лжебратія,—ревнители закона, подходили, чтобы поколебать насъ, но ничего не успѣли (ст. 4), такъ что свобода евангельская отстояна нами предъ лицомъ всѣхъ (ст. 5).

Ст. 3. *Но ни Титъ иже со мною, еллинъ сый, нужденъ бысть обрѣзатися.*

Титъ, вѣрующій изъ язычниковъ, необрѣзанный, со мною всюду былъ среди христіанъ изъ іудеевъ и несмотря на необрѣзаніе всѣми принять въ общеніе. Тамошнее общество никакого затрудненія не представило къ общенію съ Титомъ, чѣмъ сильнѣе всякихъ словъ доказало свое убѣжденіе, что обрѣзаніе и необрѣзаніе не производятъ никакой разности между увѣровавшими въ Господа. *Не нужденъ*, или совсѣмъ не былъ принуждаемъ, т.-е., и помина о томъ не было; или не былъ вынужденъ, хотя убѣждали его и принуждали. Последняго можно было ожидать только отъ лжебратій, непонимавшихъ условій спа-

сенія, о которыхъ особая рѣчь; они не одного обрѣзанія требовали, но соблюденія всего закона и всѣхъ предписаній. Кто не принуждалъ,—апостолы только, или и общество христіанское? Такъ какъ впереди говорить апостоль, что онъ излагалъ свое ученіе и предъ всѣми, и наединѣ апостоламъ; то и здѣсь разумѣется, что Титъ никѣмъ не былъ принуждаемъ, ни апостолами, ни вѣрующими, здраво судившими объ отношеніи закона Моисеева къ христіанству, хотя конечно апостолы были руководящими. Наши древніе толковники говорятъ, что апостолы не заставляли Тита обрѣзаться, хотя иные того желали. Если иные желали, конечно лжебратія, то иные не желали. Дѣло происходило открыто. Лжебратія хотѣли бы обрѣзаться, но апостолы и истинные братія не соглашались на то и оставили Тита свободнымъ. Видно здѣсь намѣреніе апостола Павла выдѣлить изъ сонма здраво-вѣрующихъ этихъ лжебратій, приверженцевъ закона, давая понять, что они были будто какіе особняки, шедшіе съ упорствомъ наперекоръ всѣмъ.

Блаженный Теодоритъ пишетъ: „вотъ самое сильное доказательство, что и по мнѣнію апостоловъ увѣровавшимъ изъ язычниковъ не должно хранить законъ, ибо Титу, который былъ необрѣзанъ и призванъ изъ еллиновъ, не предписывали обрѣзываться, хотя и очень многіе желали противнаго“. Св. Дамаскинъ говоритъ, что необрѣзаніе Тита „было самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что апостолы не оуждали св. Павла за то, что онъ необрѣзываетъ язычниковъ“. Амвросіастъ прибавляетъ: „и подразумѣвается: зачѣмъ же вамъ (Галатамъ) обрѣзываться, когда Титъ не былъ принуждаемъ обрѣзываться апостолами, мнящими быти чтд, но принять былъ въ общеніе необрѣзанный? Другіе наши толковники болѣе останавливаются на томъ, какъ же сами апостолы терпѣли обрѣзаніе въ Иерусалимѣ? На это одинъ у всѣхъ отвѣтъ: то было по нѣкоей экономіи, т.-е. допускаемо на время, какъ мѣра благоразумія, а не какъ правило неизмѣнное. Эку-

меній говорить, что непринужденіе Тита обрѣзаться служить „доказательствомъ того, что и Петръ съ своими не законополагаетъ обрѣзанія, но, по снисхожденію къ вѣровавшимъ изъ іудеевъ, попускаетъ его.“ Теофилактъ: „что и апостолы допускали обрѣзаніе не какъ законъ неоложный, а по нѣкоей экономіи“ (т.-е. какъ временную мѣру благоразумнаго снисхожденія къ немощнымъ). Пространнѣе выясняетъ сіе св. Златоустъ: „Что Тита необрѣзаннаго апостолы не принуждали обрѣзываться, это весьма ясно доказывало, что они неосуждали ученія Павлова, или его дѣлъ; а еще болѣе доказывало сіе то, что и тогда, какъ противники узнавши о семъ настаивали на обрѣзаніе, апостолы не повелѣли сего сдѣлать; на что самое онъ и указываетъ словами: *и за пришедшую лжебратію*. Кто сіи лжебратія, это здѣсь требуетъ объясненія. Если апостолы допускали обрѣзаніе, для чего же ты называешь лжебратіями тѣхъ, которые свѣдома апостоловъ повелѣвали сіе дѣлать?—Во первыхъ, не одно и тоже требовать что нибудь дѣлать, и допускать дѣлаемое. Кто требуетъ, тотъ настаиваетъ, чтобъ его требованіе, какъ необходимое и важное, было исполнено; но кто не требуетъ, а только, не возбраняетъ желающему, тотъ допускаетъ извѣстное дѣйствіе, не какъ должное и необходимое, но по особенному какому-нибудь распоряженію. Такъ и здѣсь апостолы хотя допускали обрѣзаніе, но не какъ защитники закона, а по снисхожденію къ немощи іудеевъ. А еслибъ они защищали законъ, то не стали бы относительно іудеевъ дѣйствовать такъ, а относительно язычниковъ иначе; ибо что нужно было дѣлать по закону Христову однимъ, тоже конечно нужно было дѣлать и другимъ. Но если они постановили закономъ не принуждать къ обрѣзанію язычниковъ, то тѣмъ показали, что іудеямъ дозволяли оное только по снисхожденію. Лжебратія же дѣлали сіе не съ тѣмъ намѣреніемъ, но чтобы отторгнуть вѣрующихъ отъ благодати и снова подчинить подъ иго работы. И это есть первое различіе, по-

лагающее великое средостѣніе между апостолами и лжебратіями. Второе же есть то, что апостолы дѣлали сіе во Иудеѣ, гдѣ и законъ былъ еще такъ силенъ; а лжебратія дѣлали сіе повсюду, ибо хотѣли поработить и всѣхъ Галатовъ. Отсюда явно, что послѣдніе дѣлали сіе не для созиданія, а для совершеннаго разоренія“.

Ст. 4. 5. *И за пришедшую лжебратію, иже привидоша соглядати свободы нашел, юже имамы о Христѣ Исусѣ, да насъ поработятъ: иже ни къ часу повинухомся въ покореніе, да истина благовѣствованія пребудетъ въ насъ.*

Всѣ древніе наши толковники неотдѣляютъ слово: *и за пришедшую лжебратію*, отъ предыдущаго стиха, и такъ сочетаваютъ рѣчь: Титъ не былъ нужденъ обрѣзаться, даже и за пришедшую лжебратію. Такъ св. Златоустъ, какъ видно изъ предыдущей выписки. Такъ блаженный Θεодоритъ, несмотря даже на то, что по-гречески стоятъ не: *и за пришедшую*, а: *за пришедшую же лжебратію*. „Союзъ: *же*, говоритъ онъ, въ составѣ рѣчи излишенъ. Ибо смыслъ сихъ изрѣченій таковъ: и Тита, хотя онъ былъ еллинъ, не принуждали обрѣзаться ради прившедшихъ лжебратій“. Такъ св. Дамаскинъ: „апостолы не принуждали обрѣзаться необрѣзаннаго Тита, хотя прившедшіе лжебратія подсматривали за тѣмъ и принуждали обрѣзать“. Фотій у Экуменія: „даже видя присущими лжебратій“. Самъ Экуменій: „ни даже ради прившедшихъ лжебратій“. И Θεофилактъ такъже. И изъ латинскихъ учителей блаженный Августинъ пишетъ: „за прившедшую лжебратію не былъ принужденъ обрѣзаться Титъ; т.-е. невозможно было исторгнуть у него согласіе на обрѣзаніе, хотя прившедшіе соглядать свободу нашу очень желали, чтобы Титъ обрѣзался, чтобы потомъ преповѣдать, что обрѣзаніе необходимо для спасенія, по согласію и свидѣтельству самого даже апостола Павла“. Такимъ образомъ вся древность за такого рода сочетаніе рѣчи;—

и намъ отдѣляться отъ нихъ не слѣдуетъ. Нашъ славянскій переводъ не отстываетъ отъ нихъ.

Новые инославные толковники полагаютъ, что тутъ начинается особая рѣчь у св. Павла, къ чему понуждаетъ ихъ частица: *же*, о коей поминаетъ блаж. Теодоритъ. Чтеніе этимъ точно выдерживается; но спутывается теченіе рѣчи. Ибо: *за прившедшую же лжебратію*,—такую и такую,—*имже ни къ часу покорихомся...* выходитъ не стройно. Чтобы дать рѣчи строй, они дѣлаютъ разныя предположенія, иногда очень неусдобныя.

Кто такіе были лжебратія? Они были братія, то-есть увѣровавшіе въ Господа и крестившіеся, но братія ложныя, т.-е. державшіеся ложныхъ началъ, полагая, что при вѣрѣ въ Господа необходимо соблюдать и законъ ветхій, чтобы спастися. При этомъ и вѣра о лицѣ Спасителя не могла быть въ нихъ истинна, а далѣе и весь нравственный строй. Слѣдовательно совнѣ они были христіане, а внутри не имѣли христіанскаго настроенія. Державшихся закона было много между вѣровавшими Іудеями,—въ Іерусалимѣ, можно сказать, всѣ. Но между ними одни держались его по привычкѣ только, не считая уже исполненіе его необходимымъ условіемъ спасенія, а другіе держались его въ этомъ именно смыслѣ, думая, что безъ него спастись нельзя. И между этими одни, сложившись въ такихъ убѣжденіяхъ, жили себѣ спокойно, другіе выступали, какъ дѣятельные борцы за истину, и ревновали всѣмъ передать свои убѣжденія. Тѣ, которые въ Антиохію приходили и подняли тамъ споръ, были изъ числа ихъ. Изъ числа ихъ были и эти, которые теперь прокрались къ св. Павлу съ его спутниками, чтобы подсмотрѣть, какъ они живутъ, по-іудейски ли.

Прившедшіе, съ греч. прившедше, *лжебратія привидоша*, будто прокрались. Это, разумѣется, не въ общество христіанское, а въ домъ, гдѣ былъ апостоль Павелъ съ своими. Въ Церковь Христову они вошли по вѣрѣ въ Господа, при чемъ о томъ, какъ должно будетъ отнестись

къ закону, у нихъ мысли не было; они увѣрены были, что законъ останется въ силѣ, и что, принимая вѣру во Христа, они становятся настоящими Іудеями, полными, по всѣмъ пророческимъ обѣтованіямъ. Увидѣвъ, послѣ крещенія Корнилія, что христіане пошли такою дорогою, на которой законъ среди ихъ не можетъ удержаться въ силѣ, какую они ему придавали, а между тѣмъ не желая возвратиться снова къ іудейству, они задумали отстаивать законъ при вѣрѣ, и начали дѣйствовать въ этомъ духѣ. Несмотря на то они долго были терпимы въ Церкви: ихъ не отлучали, въ чаяніи образумленія и исправленія.

Привидоша соглядати. Уже *привидоша* показываетъ нѣчто въ нихъ недоброе, будто тайкомъ прокрались, подъ личиною братства. А *соглядати* еще болѣе обличаетъ не добрыя въ нихъ намѣренія, будто подсмотреть, что тамъ дѣлается и говорится, чтобы потомъ воспользоваться тѣмъ противъ нихъ. Амвросіастъ пишетъ: „привзошли съ лукавствомъ, показывая себя братьями, когда были врагами... вошли съ смиреніемъ, притворяясь друзьями“. Тоже и Экуменій: „Смотри, какъ онъ выставляетъ ихъ врагами, прившедшими, чтобы вредъ причинить вѣрѣ,—вопервыхъ тѣмъ, что говоритъ: *привидоша*, тайкомъ, злонамѣренно прокрались; во вторыхъ тѣмъ, что говоритъ: *соглядати*; ибо соглядающій соглядаетъ съ цѣлію повредить и сдѣлать зло“. Св. Златоустъ пространнѣе: „Видишь ли, какъ онъ названіемъ соглядатаевъ выразилъ непріязнь ихъ? Ибо соглядатаи входятъ только для того, чтобы, высмотрѣвъ дѣла противниковъ, приготовить себѣ удобнѣйшія средства къ пораженію и низложенію ихъ: такъ и лжебратія поступили тогда, желая поработить ветхозавѣтному оному рабству. Почему и отсюда видно, что намѣреніе апостоловъ и лжебратіи было не одно, но весьма различное и противоположное. Ибо апостолы снисходили для того, чтобы мало-по-малу вывести изъ рабства; а тѣ напротивъ устроили сіе, чтобы еще большому подвергнуть рабству. Потому они тщательно подсматривали и наблю-

дали, кто былъ обрѣзанъ, на что указывая и Павелъ ска- залъ: *приснидоша соглядати свободы нашея*, означая ко- варство ихъ не только именемъ соглядатаевъ, но и тѣмъ, что они приходили тайно и какъ тати“.

Соглядати свободы нашея... о Христь Иисусъ. Гос- подь нашъ Иисусъ Христось крестною смертію Своею, замѣнившюю всѣ жертвы и чины ветхозавѣтныя, умило- стивительныя, оправдательныя и освятительныя, и благо- датію св. Духа, въ таинствахъ, обновляющею естество наше, освободилъ вѣрующихъ въ Него отъ ига предпи- саний закона Моисеева, сдѣлалъ ихъ не нужными уже. Приступающіе къ Господу съ вѣрою, чрезъ то самое, что приступали къ Нему, получали все, что прообразо- вательно только обѣтовалъ ветхій законъ, и слѣдовательно становились, по самому существу того состоянія ду- ховнаго, въ какое поставляла ихъ вѣра, свободными отъ него. Апостоль указываеъ симъ выраженіемъ и на сво- боду, которую всѣ вѣрующіе должны имѣть, и на свобо- ду, которую онъ съ своими дѣйствительно имѣетъ, сбросивъ всѣ узы закона. Въ Иерусалимѣ и тѣ, кои здраво понимали силу вѣры въ Господа, держались законныхъ уставовъ по привычкѣ. Св. Павелъ, какъ только увѣро- валъ, оставилъ законъ, коему такъ былъ преданъ. Въ этой же свободѣ онъ воспитывалъ и всѣхъ вѣрующихъ по благовѣстію его, не язычниковъ только, но и Іудеевъ. Иерусалимляне нигдѣ болѣе не могли видѣть этой свобо- ды, какъ у Павла и бывшихъ при немъ. Они явились въ Иерусалимѣ, какъ представители порядковъ обновленной во Христь Иисусъ жизни, чистыхъ отъ всякой примѣси іудейства, и тѣмъ паче язычества. Почему могли состав- лять предметъ любопытства для всѣхъ. Всякому любо- пытно было посмотреть, какъ это живутъ и спасаются, не держась порядковъ, бывшихъ тогда въ употребленіи и считавшихся неотложною принадлежностію благочести- ваго Іудея.

Но лжебратій привлекло туда не одно любопытство. У

нихъ была затаенная мысль, на которую указываетъ св. Павелъ словами: *да насъ поработятъ*. Прокрались они къ св. Павлу тайкомъ, и прокрались съ тѣмъ, чтобы подсмотреть свободу его и тѣхъ, кои были при немъ; но у нихъ было при этомъ и то въ умѣ, чтобы не ограничиться однимъ наблюдениемъ. Ревность по закону влекла ихъ туда, чтобы, замѣтивъ неподчиненность закону, употребить усилія, возвратить этихъ, высвободившихся отъ него, опять подъ иго его. Слова св. Павла наводятъ на мысль, что они и дѣлали такого рода покушенія. Но какъ могли они это дѣлать? Власти конечно никакой въ ихъ рукахъ на это не было. Можно бы это предположить, если бы они дѣйствовали отъ лица апостоловъ; но по ходу всего дѣла видно, что они уже отдѣлились отъ апостоловъ и дѣйствовали независимо отъ нихъ. Присутствиемъ однимъ? Можетъ быть они были лица, важныя среди Іудеевъ, и число ихъ было не мало. Тѣмъ и другимъ они могли вліятельно тяготѣть надъ апостоломъ Павломъ и тѣми, кои были при немъ, и колебать ихъ твердость то уважениемъ, то опасениемъ разлада то страхомъ какимъ-нибудь. Но прямѣе, они заводили рѣчь и старались убѣдить. Ревность ихъ не могла позволить имъ молчать. Видно, что съ ихъ стороны былъ натискъ не малый. Но ничего не успѣли. Не безъ усилій однакожь это обошлось апостолу; почему и памятно было, какъ заключить можно изъ слѣдующихъ словъ.

Имъ же ни къ часу повинухомся въ покореніе. Какъ у насъ говорятъ: ни на минуту, или ни на волосъ не уступили. Слѣдовательно была борьба: одни нападали, другіе защищались.—По-греч. *εἰς ἄρμεν τῆ ὑποταχῆ*—не уступили покорностию. Мысль: или не уступили съ покорностию, покорно, непопереча, или не уступили покорностию закону, и вообще и въ частностяхъ, не согласились возвратиться ни къ какимъ дѣламъ закона, ни большимъ, какъ обрѣзаніе, ни меньшимъ, какъ наприм., уставы о пищѣ, омовеніяхъ и пр. Въ славянскомъ переводѣ выдерживается

послѣдняя мысль; русскій переводъ, чтобъ яснѣе выразить ту же мысль, употребилъ перифразъ: „не уступили и не покорились“. У тѣхъ была мысль не поспорить только, но дѣломъ подчинить закону. „Замѣчай высоту и выразительность сихъ словъ, говорить св. Златоустъ. Не ска- залъ: *слову* (не повинухомся), но *покоренію* (т.-е. ихъ уси- лию покорить). Ибо тѣ сіе дѣлали не для того, чтобы научить чему-либо полезному, но чтобы подчинить и по- работить“.—Св. Дамаскинъ: „ни на минуту не поддались имъ, т.-е. прившедшимъ, чтобъ не оказаться одно гово- рящими, а другое дѣлающими“.

Да истина благовѣствованія пребудетъ въ васъ,—т.-е. да истина спасенія въ Единомъ Господѣ Иисусѣ Христѣ, или христіанство вообще въ цѣломъ своемъ устройствѣ, пребудетъ чистымъ, безпримѣснымъ, у васъ, увѣровавшихъ изъ язычниковъ: ибо среди Іудеевъ явится ему такимъ мѣшаютъ пока многія соприкосновенности, съ которыми благоразуміе заставляло соображаться высшихъ направителей дѣла Христова. Уступи тутъ св. Павелъ, и согласишься принять хоть что-нибудь изъ іудейства, примѣсь эта пошла бы и по всей Церкви изъ язычниковъ, и истина благовѣствованія и вообще не пребыла бы на землѣ такою, какою ей слѣдовало быть. *Въ васъ*,—рѣчь обращается къ Галатамъ, поколику они суть вѣрующіе изъ язычниковъ. Въ этомъ случаѣ онъ смотритъ на нихъ, какъ на представителей языко-христіанъ, и въ лицѣ ихъ говоритъ о всѣхъ таковыхъ. Св. Златоустъ говоритъ: „чтобы то, чему учили мы словами, сіе подтвердить и дѣлами, т.-е. что *древняя мимоидоша, и быша вся нова; и: аще кто во Христь, нова тварь* (2 Кор. 5, 17); и что *обрѣзающимся Христосъ ничтоже пользуетъ* (Гал. 5, 2),—сію истину утверждая, мы ни на часъ не уступили имъ“. Оеофілактъ прилагаетъ: „Да пребудетъ твердымъ и непреложно истиннымъ то, что мы проповѣдывали вамъ. Противостоя имъ мы показали, что и вамъ истинно возвѣщали мы объ упраздненіи закона. Не отступайте же отъ этой истины“.

Блаженный Иеронимъ направляетъ свое толкованіе къ цѣлямъ посланія, и извлекаетъ изъ словъ апостола сильный урокъ Галатамъ: „среди такого множества іудеевъ, враговъ своихъ, которые изъ ревности по закону, хотѣли бы исчерпать всю кровь его, ни онъ самъ, ни Титъ не уступили по какому-либо страху или нуждѣ; хотя можно бы было извинить ихъ, еслибъ они не выдержали ненависти столькихъ и толикихъ,—и уступили... Онъ какъ бы говорить: и угрозами страшая, и своею многочисленностію подавляя насъ, они хотѣли отъ свободы Христовой опять ввергнуть насъ подъ иго закона; но мы ни на минуту не уступили имъ, хотя насъ въ этомъ случаѣ могли извинить необходимость сохранить миръ Церкви. И это сдѣлали мы для того, чтобы не подать вамъ никакого повода къ отступленію отъ благодати. Итакъ, если мы, находясь въ Іерусалимѣ, окруженные такимъ множествомъ іудеевъ и лжебратій, при уступчивости старшихъ апостоловъ, никакою силою не могли быть принуждены исполнить чинъ обрѣзанія, которое признали потерявшимъ уже силу; какъ вы изъ язычниковъ, вы живущіе въ Галатіи (т.-е. вдали отъ Іудеевъ), вы, которымъ не могло быть дѣлаемо никакое вліятельное понужденіе, какъ вы, отступая отъ благодати, задумали подчиниться обветшавшему закону“?

Епископъ Теофанъ.

Разказы изъ исторіи русской церкви.

Г Л А В А XXXIV.

Преемники Никона, патріархи Іоасафъ II и Питиримъ. — Патріархъ Іоакимъ. — Соловецкій бунтъ. — Кончина царя Алексѣя. — Никонъ въ заточеніи. — Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. — Возвращеніе и кончина Никона. — Дѣятельность патріарха Іоакима. — Соборъ 1681 года. — Заботы о просвѣщеніи. — Московское училище. — Состояніе духовнаго просвѣщенія на югѣ. — Дѣла южной митрополіи. — Митрополиты: Діонисій Балабанъ и Іосифъ Целюбивичъ-Тукальскій.

Въ теченіи семи лѣтъ перемѣнилось два преемника Никона на московскомъ патріаршемъ престолѣ. Они прошли едва замѣтно, какъ тѣни, и дѣйствительно казались тѣнями, сравнительно съ тою великою личностію, которою мѣсто они заняли. Первый изъ нихъ, патріархъ Іоасафъ II, посвященный двумя восточными патріархами въ январѣ 1667 года изъ архимандритовъ Троицкаго Сергіева монастыря, старецъ добрый, кроткій и незлобивый, остался замѣтнымъ только по дѣяніямъ великаго Собора, въ которыхъ онъ участвовалъ. Здѣсь, кромѣ суда церковнаго на противниковъ Церкви, опредѣлены были многія статьи, касавшіяся до внутренняго и наружнаго устройства церковнаго, и отмѣнены неправильно вкрашіеся обычаи, какъ-то перекрещиваніе переходящихъ къ намъ изъ латинской церкви, и запрещеніе священнослуженія вдовымъ священникамъ, и нѣкоторыя несвойственныя привилегіи, данныя архимандритамъ великихъ обителей. Соображаясь съ нуждами расширяющагося царства, Соборъ разсудилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ составѣ епархій: архіепископы астраханскій, тобольскій и рязанскій возведены на степень митрополитовъ; основано епископство

въ Бѣлгородѣ; возстановлены особыя епархіи въ Нижнемъ Новгородѣ и Владимірѣ; Пермская епархія отдѣлена отъ Вятской; положено увеличить число епархій въ Сибири. Изданы многія постановленія, касавшіяся устройства судовъ патріаршихъ и епископскихъ, имуществъ архіерейскихъ и монастырскихъ. Исправленіе богослужебныхъ книгъ по греческому тексту не прекращалось при патріархѣ Іоасафѣ. Въ 1670 г. издана была цвѣтная Тріодь, повѣренная съ подлинникомъ, а въ 1672 г. напечатана постная Тріодь, вновь переведенная съ греческаго текста.

По кончинѣ Іоасафа (въ 1672 г.), избранъ на патріаршество митрополитъ новгородскій Пытиримъ, одинъ изъ враговъ Никона. Десятимѣсячное пребываніе его на патріаршемъ престолѣ прошло безслѣдно для русской Церкви, но въ лицѣ преемника его, она получила снова мудраго, твердаго и ревностнаго первосвятителя.

Іоакимъ изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, съ ранней юности обучался въ кіево-братской коллегіи, потомъ проходилъ военную службу, и на 35 году жизни (въ 1655 году) принялъ постриженіе въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ *). Вызванный въ Москву патріархомъ Никономъ въ 1657 году **), онъ былъ архимандритомъ Чудова монастыря, потомъ митрополитомъ новгородскимъ; возведенъ на патріаршество въ іюлѣ 1673 года. Промыслъ Божій судилъ ему, во все время управленія русскою Церковію, непрестанно бороться, то съ расколомъ, то съ отпрысками напизма.

При самомъ вступленіи на первосвятительскій престолъ онъ засталъ горестное и небывалое дотолѣ событіе: бунтъ въ Соловецкой обители противъ Церкви и царской власти.

*) Терновскій. Изслѣд. о подчиненіи Кіев. митроп. Моск. патріархату, стр. 88.

***) Акт. пестор. IV. № 208.

Еще въ 1657 году присланы были въ Соловецкій монастырь новоисправленныя книги. Старые іеромонахи посмотрѣли на нихъ и сказали, что они „старики и по старымъ кпигамъ едва читають, а по новымъ, сколько ни учиться, не навыкнуть будетъ“. Нѣкоторые помоложе хотѣли было служить по новому, но имъ запретилъ это архимандритъ Ілія. Въ Москвѣ въ это время заняты были дѣломъ Никона и не обратили надлежащаго вниманія на отдаленный монастырь, только смѣнили Ілію. А между тѣмъ старообрядчество все зрѣло въ обители подъ вліяніемъ множества сосланныхъ сюда противниковъ Никона. Здѣсь жили князь Львовъ, бывший начальникъ печатнаго двора при патріархѣ Іосифѣ, и бывший архимандритъ Саввина монастыря Никаноръ, нѣкогда духовникъ царскій, ставшій во главѣ возстанія. Въ обитель явились разбѣжавшіеся сообщники волжскаго разбойника атамана Разина и множество безразсудныхъ ревнителей мнимой старины. Когда послѣ великаго Собора снова прислано было въ монастырь требованіе служить по новому, келарь Азарій и казначей Геронтій написали челобитную государю отъ лица всей братіи, въ которой просили оставить монастырь въ старомъ преданіи Чудотворцевъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ вразумленію упорныхъ *), въ 1668 году царь послалъ въ монастырь стрѣльцовъ и началась соловецкая осада, при которой первою опорой бунта были казаки изъ шаекъ Разина. Изъ-за крѣпкихъ стѣнъ обители, привыкшей къ осадамъ во время нападеній отъ Шведовъ, раздались пушечные выстрѣлы по царскому войску, впервые возвѣстившіе открытый разрывъ раскола съ государ-

*) Увѣщанія мятежникамъ были предлагаемы неоднократно: такъ въ 1674 году ѣздили съ царскою грамотою уговаривать ихъ Холмогорскаго Спасекаго собора священникъ Кириллъ и подъячій Василій Истоминъ; но монахи Соловецкіе, принявъ грамоту, посланцевъ „вонъ выслали съ безчестьемъ“. Еще ранѣе того, ѣздя въ Соловки, и также безуспѣшно, Клопскій игумень Макарій, съ грамотою Іоакима, тогда еще митрополита Новгородскаго (Истор. акты IV. № 248).

ствомъ. Въ первый же разъ расколъ отвергъ здѣсь и молитву за царя. Священники всѣ протестовали противъ этого рѣшенія монастырскаго Собора и успѣли ускользнуть изъ монастыря. Тогда явилось другое крайнее положеніе раскола: „мы и безъ священниковъ проживемъ“, порѣшилъ Никаноръ съ казаками и нѣкоторыми изъ монаховъ, „священники намъ не нужны“; и дѣйствительно стали жить безъ богослуженія и безъ таинствъ. Осада монастыря затянулась на 10 лѣтъ, потому что государство, занятое тогда еще Разинскимъ бунтомъ, не могло употребить на нее достаточныхъ силъ. Наконецъ въ 1676 году уже третій воевода Мещериновъ взялъ монастырь. Многіе бунтовщики погибли въ сѣчѣ; оставшіеся въ живыхъ зачинщики бунта, въ томъ числѣ и Никаноръ, перевѣшаны, другіе разосланы въ Колу и Пустозерскъ; покорные Церкви и государству оставлены въ монастырѣ *). Такъ возвращена православію знаменитая лавра Соловецкая, когда зло пустило уже глубокіе корни въ окрестностяхъ и даже въ дальней Сибири.

Усмиреніе соловецкаго бунта было послѣднимъ дѣломъ царствованія царя Алексія; монастырь былъ взятъ за недѣлю до его кончины **). Послѣ краткой болѣзни царь мирно преставился, на 49 году отъ рожденія, напутствованный

*) Раскольниковскій писатель Денисовъ, въ своей „исторіи о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ“, виновникомъ окончательнаго разоренія обители выставляетъ патріарха Іоакима, говоря, что царь Алексій Михайловичъ, предъ своею смертію, хотѣлъ было уже разрѣшить Соловчанамъ жить по ихъ старымъ обычаямъ, но патріархъ воспротивилъ этому всѣми силами: „Патріархъ ожесточился паче камене, не смотря на царевы болѣзны пламене: увѣри царя милость ко отцемъ отложити, хотя мѣсто святое кровію облити. Царь елико патріарху покаряшеся, толико лютейши болѣзнь умножашеся. И толико болѣзны зѣльное терпяше, яко едва и отдыхати можаше.“

**) Тотъ же Денисовъ записалъ день взятія обители Мещериновымъ однимъ числомъ со днемъ смерти государя: тогда какъ государь, дѣйствительно скончался „противъ 30 числа“, а Соловецкая обитель взята 22-го, а не 29-го января. (Акты Археогр. Экспед. IV. № 212).

св. Тайнствами, и назначивъ наслѣдникомъ престола старшаго сына своего Θεодора *).

Царь Алексій Михайловичъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ государей русскихъ. Являя въ себѣ высокій образецъ добродѣтелей христіанскихъ *) и семей-

*) Царь Алексій оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: двое старшихъ были рождены первою его супругою Марією Ильиничною; младшій—Петръ былъ сыномъ второй супруги—Наталіи Кириловны, изъ рода Нарышкиныхъ. Сверхъ того царь имѣлъ отъ первой же супруги еще нѣсколько дочерей; первое мѣсто между ними занимала властолюбивая царица Софія. Это раздѣленіе царскаго семейства на двѣ отрасли послужило, въ послѣдствіи, поводомъ для кровопролитныхъ мятежей стрѣльчихъ.

**) Вѣрный исполнитель всѣхъ обрядовъ святой церкви, Алексій Михайловичъ являлъ примѣръ набожности и воздержанія, доходившихъ до изумительной строгости къ самому себѣ. Никто не наблюдалъ посты строже его. По свидѣтельству иностранца Коллинса, великимъ постомъ онъ обѣдалъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ только по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу, и по стакану подпива. У Котошихина (стр. 63) читаемъ почти то же самое: „и ѣсть царь въ тѣ поэты (Великій и Успенъевъ), въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу, по однажды въ день, а пьеть квась, а въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу во всѣ посты не ѣсть и не пьеть ничего развѣ для своихъ и царицныхъ и царевичевыхъ и царевниныхъ мяиниъ“. Онъ не пропускалъ ни одного богослуженія. Когда былъ здоровъ, всегда выходилъ въ церковь; если былъ боленъ, то служба совершалась въ его комнатахъ. Въ постъ, посѣщая всеобщія, стоялъ по пяти или по шести часовъ сряду и клалъ много земныхъ поклоновъ; часто, подобно Давиду (говорить Мейербергъ), вставалъ ночью и молился до утра. Не менѣе изумительны подвиги его благотворительности. Въ день Благовѣщенья кормилъ очъ, въ своихъ „покоевыхъ хоромахъ“, нищихъ, и изъ собственныхъ рукъ жаловалъ ихъ милостынею; въ Рождество и другіе большіе праздники не садился за столъ безъ того, чтобъ не накормить прежде тюремныхъ сидѣльцевъ и плѣнныхъ. Наканунѣ праздниковъ, особенно въ сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ, бывали такъ называемые „тайные выходы“ въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ царь изъ своихъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, полоняникамъ, богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ, разсыпалъ щедроты свои и по улицамъ, чрезъ котыря проходилъ. Между тѣмъ довѣренные лица изъ стрѣльчихъ подковниковъ и подъячихъ тайнаго приказа раздавали царскую милостыню на Земскомъ дворѣ, у Лобнаго ~~жеста~~ и на Красной площади.

ныхъ, постоянно заботясь о благѣ своего народа, онъ „покорилъ себѣ сердца подданныхъ, которые столько же любили его, сколько благоговѣли предъ нимъ *). Недоставало ему только пронизательности и болѣе глубокаго взгляда на государственныя отношенія; измѣняла иногда и твердость, особенно въ молодыхъ лѣтахъ. Чрезмѣрная доброта подавала поводъ къ излишней довѣрчивости, которую, какъ мы видѣли, часто употребляли во зло люди, умѣвшіе чѣмъ нибудь снискать расположеніе царя. Злоупотребленія, особенно корыстолюбіе нѣкоторыхъ вельможъ, были главными причинами смуть, нарушавшихъ, при Алексѣ Михайловичѣ, спокойствіе московскаго государства. Но тѣнь, набрасываемая временными неустройствами, исчезаетъ предъ свѣтлою стороною царствованія, въ которое присоединилась Малоросія, распространились предѣлы Россіи до береговъ отдаленнаго Амура, вышло уложеніе, рѣшенъ вѣковой вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, совершились многія другія замѣчательныя событія. Потомство забыло бѣдствія, отъ которыхъ страдали только современныя поколѣнія. Оно помнитъ лишь дѣянія, посѣявшія плодотворныя сѣмена для будущаго, имѣвшія благодѣтельное вліяніе на судьбу многихъ грядущихъ поколѣній. Дѣянія эти навсегда увѣковѣчили память о царствованіи Алексія Михайловича; стяжали ему, несмотря на недостатокъ самостоятельности въ характерѣ, наименование „мудраго родителя Петра Великаго“.

Царь Алексій, предъ кончиною, писалъ въ духовномъ завѣщаніи: „отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, Богу тако изволившу, прощенія прошу и разрѣшенія“.

А между тѣмъ патріархъ — изгнанникъ, на котораго умирающій самодержецъ устремлялъ угасающій взоръ свой, еще томился въ заключеніи, въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ.

*) Сказаніе иностранца Лизека, стр. 381.

Послѣ низложенія на соборѣ, Никонъ былъ отправленъ въ Терапонтовъ монастырь, назначенный ему мѣстомъ заточенія. При жестокой стужѣ, изгнанникъ и спутники его, не имѣвшіе теплой одежды, сильно страдали отъ холода *). По прибытіи на мѣсто, Никонъ испыталъ всю строгость заключенія, почти темничную, потому что сперва даже заложены были желѣзными затворами окна его келлій, однако въ непродолжительномъ времени получилъ онъ и ослабу отъ незаслуженныхъ томленій. Никонъ даже началъ пользоваться совершенною свободою и многими льготами, по личной къ нему любви кроткаго царя Алексія, который никогда не питалъ къ нему непріязни, несмотря на происки бояръ. Искренно желалъ онъ примиренія, хотя и тайнаго, съ бывшимъ своимъ другомъ и крестнымъ отцемъ всѣхъ дѣтей своихъ. Милостыня царская—деньги и съѣстные припасы, въ видѣ поминокъ, то радостныхъ, то печальныхъ, часто посылались къ бывшему патріарху. Сначала онъ отвергалъ дары царскіе, но въ день пасхи (1668 г.) пилъ царское вино и угощалъ имъ свою братію **). Вскорѣ Никонъ получилъ отъ царя позволеніе имѣть свою отдѣльную церковь въ монастырѣ, для которой теперь же было прислано ему богатоукрашенное евангеліе на престольное, серебрянные потиръ и дискось, нѣсколько паръ церковныхъ облаченій и немало различной церковной утвари. Никонъ избралъ для себя одну изъ монастыр-

*) Никонъ не принялъ драгоценныхъ мѣховъ, присланныхъ отъ царя на дорогу, но при выѣздѣ изъ Москвы, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ подарилъ ему свою шубу. Спутники же Никона продолжали страдать отъ стужи до тѣхъ поръ, когда въ одномъ селѣ близъ Мологи неизвѣстная старушка тайно отъ приставовъ снабдила ихъ теплымъ платьемъ.

**) Въ день св. Пасхи, послѣ литургій, Никонъ пригласилъ къ столу своему архимандрита Іосифа, цолковника Наумова, игумена и келаря Терапонтова монастыря и многихъ изъ братіи. Наполнивъ чашу виномъ, присланнымъ отъ царя, Никонъ обратился къ своимъ гостямъ и торжественно сказалъ: „да не до конца пребудетъ вражда наша съ государемъ, се нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣйшаго царя со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду.“

скихъ церквей, во имя Богоявленія Господня на св. вратахъ, и здѣсь стали совершать для него богослуженіе иноки, рукоположенные нѣкогда въ священнѣйшій санъ самимъ Никономъ, въ послѣдніе годы его патріаршества. Одни изъ нихъ прибыли съ нимъ изъ Москвы, какъ добровольные спутники осужденнаго патріарха; другіе, послѣ различныхъ судебныхъ изслѣдованій объ участіи ихъ въ дѣлѣ Никона, подъ стражею присланы къ заточенному патріарху. Самъ патріархъ сталъ съ этихъ поръ получать значительное содержаніе изъ Москвы, имѣлъ всѣ удобства жизни, даже выѣзжалъ изъ мѣста своего заточенія, и пользовался свободно монастырской бібліотекой.

По указу государя выстроены были для него новыя обширныя кельи съ 25 жилыми покоями и деревянными переходами на стѣнѣ, въ 30 сажень длины, къ надворотной крестовой церкви *). По своему властительному характеру, Никонъ, можно сказать, былъ полнымъ распорядителемъ въ мѣстѣ своего заточенія; игумень монастыря и братія, и даже самыя стрѣльцы, приставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святѣйшимъ, по тому неизъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяетъ въ окружающихъ человѣкъ гениальный и твердый волею. Никонъ всегда любилъ труды подвижническіе, когда еще былъ патріархомъ, еще болѣе сталъ онъ трудиться въ Терапонтовѣ. Самъ онъ, съ своею прислугою и бывшею при немъ братіею, разчистилъ по другую сторону озера, лѣсистый участокъ на урочищѣ, называемомъ Лещово, развелъ тамъ два обширныхъ огорода и разработалъ поле для хлѣба и овса. Иногда, вмѣсто годовыхъ припасовъ, которые ему должно было получать изъ сосѣднихъ монастырей, требовалъ онъ денегъ въ замѣнѣ

*) Теперь нѣтъ уже келій Никона въ Терапонтовѣ, хотя цѣла еще надворотная церковь, къ которой онъ примыкали переходами, и сохранилась дверь, которая вела на переходы. Послѣднія бревна изъ стѣнъ жилища патріарха-узника недавно употреблены на постройку сельской школы.

ихъ *). Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности, и тѣмъ умножалось его вліяніе; народъ къ нему стекался отовсюду, не только за денежнымъ пособіемъ, на которое Никонъ былъ весьма щедръ, но и за лекарствами и для молитвъ его, потому что бывшій патріархъ читалъ молитвы надъ болящими, особенно надъ бѣснуемыми, помазывая ихъ елеемъ, и нѣкоторые исцѣлялись, какъ онъ самъ письменно извѣщалъ о томъ царя. Никонъ, монахъ и узникъ, казалось, сталъ привыкать къ своей долѣ, не ожидая ничего лучшаго. Вдругъ нечаянная кончина кроткаго царя жестоко напомнила ему о его узахъ **); можетъ быть такое тяжкое испытаніе нужно было для великой души Никона, чтобы окончательно отрѣшить его отъ всего земнаго и сдѣлать достойнымъ той Голгофы, подъ которою онъ избралъ себѣ мѣсто послѣдняго покоя. Давно уже слишкомъ привольное его положеніе въ Оерапонтовѣ приводило въ страхъ недоброжелателей его въ столицѣ; тамъ старались представить его опаснымъ, даже и въ самомъ заточеніи, распускали молву о мнимыхъ его сношеніяхъ съ волжскимъ атаманомъ Разинымъ, не охотно смотрѣли на множество народа, стекавшагося къ нему въ монастырь; келейныя посѣщенія людей всякаго званія и пола возбуждали неблаговидное подозрѣніе и, быть можетъ, въ этомъ былъ неостороженъ Никонъ, слишкомъ строгій нравственностью во всю жизнь и потому мало внимательный къ людской молвѣ. Начались навѣты отъ бѣглаго келейника

*) Особенно тяготился поборами Никона сосѣдній Кирилловъ монастырь. Кирилловцы говорили Оерапонтовскимъ монахамъ: „Батка вашъ ѣсть насъ“.

***) При извѣстїи о кончинѣ царя Алексія, Никонъ вздохнулъ отъ глубины сердца, прослезился, и, обративъ взоры къ небу, сказалъ: „воля Господня да будетъ! Аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, то въ страшное пришествіе Господне судитися имать.“ Лопухинъ просилъ его подать прощеніе царю на бумагѣ. „Мы исполняемъ—сказалъ: Никонъ—слово Господа: оставите, оставится и вамъ,“ и урисовокупилъ: „Богъ его проститъ“. Но не рѣшился дать письменнаго разрѣшенія.

патріаршаго Іоны, который былъ строго наказанъ за нетрезвую жизнь, впрочемъ по суду монастырскому; Іона разсказалъ о крестахъ, какіе ставилъ Никонъ на озерѣ, съ титуломъ патріаршимъ и съ жалобою на свое заточеніе *).

Съ кончиною царя Алексія, отяготилась участь Терапонтовскаго заточника. Новый царь Θεодоръ, и по молодости, и по болѣзненному состоянію, постоянно зависѣлъ отъ лицъ его окружающихъ, а между тѣмъ друзья Никона (Матвѣевъ и другіе) были удалены отъ двора, уступивъ свое мѣсто Милославскимъ, близкимъ родственникамъ царя по матери, враждебно расположеннымъ къ бывшему патріарху.

По доносамъ Іоны и другихъ было назначено строгое изслѣдованіе, съ перемѣщеніемъ Никона монаха, для болѣе строгаго надзора, въ Кирилловъ монастырь. Изъ наставленій, данныхъ чудовскому архимандриту Павлу и окольничему, посланному съ нимъ, для изслѣдованія доносовъ, въ Терапонтовъ, видно, какъ еще боялись Никона въ Москвѣ и не довѣряли его покорности, хотя и напрасно. Велѣно было позвать его къ допросу въ соборную церковь и, въ случаѣ отказа, идти къ нему въ келью съ приговоромъ; но бывший патріархъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, спокойно пошелъ въ церковь и отвѣчалъ на многочисленныя статьи допросовъ.

Не отрекался онъ, что допускалъ къ своей рукѣ и позволялъ себя называть святѣйшимъ патріархомъ, говоря,

*) Устроивъ каменный островъ на озерѣ, прилежащемъ къ Терапонтову монастырю, Никонъ поставилъ на немъ крестъ съ надписью: „Никонъ, Божією милостію патріархъ, постави сій крестъ Господень будучи въ заточеніи за слово Божіе и за св. Церковь на Бѣлѣозерѣ въ Терапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ“. Мимо этого самаго мѣста продегала зимою большая дорога къ монастырю. Путешественники и богомольцы останавливались при крестѣ Никона и прочитывали надпись. Такая же надпись была вырѣзана на всѣхъ келейныхъ сосудахъ Никона, и на стулѣ его работы, который донинѣ хранится въ ризницѣ Кириллова монастыря.

что о томъ извѣстно было великому государю. Клеветы о мнимыхъ сношеніяхъ съ Разинымъ нисколько его не смутили; онъ не скрылъ, что когда шайки атамана были въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, самъ приставъ царскій привелъ къ нему въ Оерапонтовъ двухъ казаковъ, которые извѣщали его о силѣ своего атамана, хотя это не имѣло никакихъ послѣдствій и не было тайною. Видно, что совѣсть бывшаго патріарха была совершенно спокойна и онъ не боялся никакихъ уликъ; касательно же виновнаго келейника объявилъ, что у него не было своей расправы и суда, какъ его въ томъ обвиняли, но что приговоръ надъ Ионою совершился по суду монастырскому.

Несмотря однако на такіе искренніе отвѣты, бывшему патріарху не позволено было даже возвратиться въ свои келліи, и прямо изъ церкви былъ онъ отвезенъ въ Кирилловъ монастырь подъ строгій затворъ; все его имущество келейное описано и отобрано, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей; присные его всѣ разосланы по дальнимъ монастырямъ; къ нему приставлены болѣе для надзора, нежели для услуженія, два совершенно ему чуждые старца въ Кирилловѣ, всякое же свиданіе и переписка запрещены и выходъ изъ келіи дозволенъ только въ ближайшую церковь. Поколебалась на минуту твердая душа Никона; самъ слѣдователь архимандритъ Павель, сжалившись надъ нимъ, доносилъ патріарху Іоакиму, что Никонъ заплакалъ, услышавъ о намѣреніи удалить его присныхъ, и со слезами просилъ оставить ихъ при немъ, ради его старости, обѣщая впредь поминать Іоакима святѣйшимъ патріархомъ, чего прежде не дѣлалъ потому, что почиталъ его причиною всего зла. Онъ даже намекнулъ, что при началѣ своего удаленія въ новый Іерусалимъ, когда дѣло шло о избраніи ему преемника, самъ онъ указывалъ на Іоакима, какъ единственнаго человѣка, способнаго занять его престолъ; но всѣ просьбы престарѣлаго узника остались тщетными: ему надлежало испить до дна всю горькую чашу заточенія.

Тяжка была жизнь Никона въ Кирилловѣ. Здѣсь пред-

стоялъ низложенному первосвятителю послѣдній періодъ испытанія, изъ котораго вышелъ онъ какъ золото, испущенное въ горнилѣ. Никону суждено было, въ первые годы своего заключенія въ Кирилловѣ, страдать ежедневно отъ угара въ дымныхъ кельяхъ, гдѣ его затворили подъ крѣпкою стражею, такъ что онъ едва не скончался отъ невыносимаго томленія, пока не были построены для него новыя келліи *). Изнуренный старецъ помышлялъ о вѣчности, и желалъ только послѣдней отрады: успокоиться подъ сѣнію созданной имъ обители новаго Іерусалима. Все житейское въ немъ уже перекипѣло, и послѣдняя даже искра мірская угасла въ Кирилловѣ, во время пятилѣтняго тяжкаго заключенія.

Наконецъ настало и для него время успокоенія. Благочестивая тетка царя, царевна Татіана Михайловна, всегда благопріятствовавшая Никону, убѣдила Θεодора посѣтить забытую обитель новаго Іерусалима и принять, отъ оставленной тамъ братіи, челобитную о возвращеніи ея основателя. Пораженный величіемъ зданій, начатыхъ по образцу св. Гроба, государь велѣлъ продолжать ихъ и, движимый состраданіемъ, предложилъ на соборѣ позволить старцу Никону умереть въ основанной имъ обители. Долго оставался непреклоннымъ патріархъ Іоакимъ, вѣроятно изъ боязни найти опаснаго совмѣстника въ лицѣ бывшаго патріарха, доколѣ наконецъ вѣсть о принятіи схимы и совершенномъ изнеможеніи Никона тронула его сердце.

Въ самый тотъ день, когда пришло въ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе царя и патріарха, Никонъ

*) При точномъ изслѣдованіи мѣстности, нельзя усумниться, что кельи, которыя занималъ Никонъ, были тѣ самыя, гдѣ теперь помѣщается духовное училище, съ южной стороны Еввиміевской церкви; подлѣ нихъ и доселѣ уцѣлѣлъ корпусъ, называющійся больничнымъ. Мѣстность ихъ съ точностію опредѣлена въ донесеніи архимандрита Никиты патріарху Іоакиму, по тому случаю, когда велѣно было устроить особую кухню для Никона, чтобъ избавить его отъ головной боли, происходившей отъ постоянного угара.

еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и, къ общему изумленію, велѣлъ собираться своей келейной братіи. Съ трудомъ посадили въ сани изнуреннаго болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шексиѣ. При впаденіи Шексны въ Волгу привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенскаго монастыря; Никонъ велѣлъ плыть внизъ къ Ярославлю и, причаливъ у Толгскаго монастыря, приобщился запасныхъ Даровъ, ибо начиналъ крайне изнемогать. Игумень съ братією вышли къ нему на срѣтеніе, и съ ними вмѣстѣ сосланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій архимандритъ Сергій, который во время суда содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Этому Сергію, заснувшему въ трапезѣ, въ часъ приплытія патріарха, явился во снѣ Никонъ, говоря: „брате Сергіе, возстани, сотворимъ прощеніе!“ и внезапно услышалъ онъ, что шестствуетъ Волгою патріархъ и братія уже потекли ему на встрѣчу. Вслѣдъ за ними устремился Сергій и, видя умирающаго, раскаянный, со слезами палъ къ его ногамъ и испросилъ себѣ прощеніе. Снова тронулся стругъ по водамъ. Граждане ярославскіе, слыша о его пришествіи, стеклись къ рѣкѣ, и видя старца на одрѣ смертномъ, съ плачемъ припадали къ нему, цѣлуя руки и одежды и прося благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, другіе же, бросаясь въ воду, имъ помогали: такъ причалили къ обители Всемилостиваго Спаса.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ всѣмъ руку; дьякъ царскій велѣлъ перевезти стругъ на другой берегъ, чтобъ избавиться отъ толпы народной. Ударили въ колоколъ къ вечернѣ, Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ opravилъ себѣ волосы, бороду и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь. Духовникъ съ братією прочитали отходныя молитвы. Патріархъ же, распростершись на одрѣ, сложивъ крестообразно руки и вздохнувъ, отошелъ съ миромъ (17-го августа 1681 г.). Между

тѣмъ благочестивый царь Теодоръ, не зная о его представленіи, послалъ на встрѣчу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: что завѣщалъ о своей духовной Никонъ? Услышавъ, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприкащикомъ и во всемъ на него положился, кроткій царь съ изумленіемъ сказалъ: „если такъ святѣйшій патріархъ возложилъ на меня всю надежду, воля Господня да будетъ, и я его въ забвеніи не положу“. Онъ велѣлъ везти тѣло его въ новый Іерусалимъ.

Новыя затрудненія возникли со стороны патріарха Іоакима, при погребеніи Никона, которому не соглашался онъ воздать почестей святительскихъ, какъ лишённому сана вселенскими патріархами. Однако же государь убѣдилъ Корнилія, митрополита новгородскаго, дѣйствовать при погребеніи и самъ участвуя въ трогательномъ обрядѣ, несъ на раменахъ своихъ останки Никона отъ Елеонскаго креста до той могилы подъ Голговою, гдѣ Никонъ приготовилъ себѣ мѣсто для вѣчнаго покоя. По просьбѣ царя Теодора, всѣ патріархи восточные, признавая церковныя заслуги Никона, грамотами своими разрѣшили, чтобъ имя его опять было включено въ священный ликъ патріарховъ, ибо этотъ великій мужъ русской Церкви всегда былъ достоинъ своего высокаго сана, хотя временно испыталъ искушенія и скорби.

Между тѣмъ какъ царь Теодоръ заботился о восстановленіи святительской чести своего крестнаго отца, ревностный патріархъ Іоакимъ неутомимо подвизался въ устроеніи дѣлъ церковныхъ, въ борьбѣ съ расколомъ и въ распространеніи духовнаго просвѣщенія.

Осудивъ Никона, великій соборъ 1667 года утвердилъ однако всѣ его церковныя распоряженія, призналъ даже справедливымъ его взглядъ на монастырскій приказъ. Было постановлено, что патріархъ не долженъ носить титула „великаго государя“, долженъ повиноваться верховной власти и не вступаться въ мірскія дѣла; но въ то же время

была подтверждена независимость духовенства и всѣхъ людей церковнаго вѣдомства отъ мірскаго суда не только въ гражданскихъ, но даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, несмотря на соборныя постановленія, воеводы и другія мірскія власти постоянно вторгались въ церковныя суды. Само духовенство предпочитало духовному суду свѣтскій, продолжало подавать свои иски на постороннихъ въ разныхъ приказахъ, а также судиться у воеводъ и городскихъ властей; многіе монастыри судились по старому въ приказѣ большаго дворца. Такъ было при двухъ слабыхъ и престарѣлыхъ преемникахъ Никона; но ревностный первосвятитель Іоакимъ, взявшись твердою рукою за кормило Церкви, не допускалъ мірскаго вмѣшательства въ дѣла церковныя *); должности судей, и сборщиковъ даней поручалъ онъ лицамъ духовнымъ, строго слѣдилъ, чтобы лица клира не подлежали суду мірскому, кромѣ преступленій уголовныхъ, которыя должна была судить власть свѣтская, и то не иначе, какъ съ вѣдома власти духовной. Между тѣмъ онъ предпринималъ мѣры, которыя должны были увеличить надзоръ духовной власти за дѣлами Церкви. На соборѣ 1675 года онъ опредѣлилъ, чтобы всѣ церкви и монастыри (кромѣ монастырей приписанныхъ къ патриаршему дому), находившіеся по писцовымъ книгамъ, въ той или другой епархіи, были въ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, и чтобы никто изъ архіереевъ не имѣлъ въ чужой епархіи подвластныхъ себѣ церквей и монастырей. Этимъ распоряженіемъ уничтожились тѣ страшные безпорядки, которые въ то время были такъ обыкновенны между духовенствомъ, особенно монашествующимъ, и къ которымъ вели такъ-называет-

*) Когда Новгородцы были челомъ патриарху Іоакиму, чтобы духовнымъ лицамъ судиться по гражданскимъ дѣламъ не на митрополитскомъ дворѣ, а въ приказной палатѣ, патриархъ, отстаивая неподсудность духовенства мірскому суду, пригрозилъ имъ за это участью Корея, Даана и Авирона. (Знаменскій. Руководство къ Русской церк. исторіи, стр. 276.)

мыя „несудимыя грамоты“, и старыи обычай, по которому нѣкоторые монастыри и церкви ускользали отъ надзора мѣстнаго архіерсея, принадлежа архіереку другой епархіи *).

Въ ноябрѣ 1681 года патріархъ Іоакимъ созвалъ Соборъ русскихъ святителей для разсужденія о дѣлахъ раскола. Соборъ просилъ благочестиваго царя Θεодора, чтобы „развратники и отступники (раскольники), которые, по многомъ церковномъ ученіи и наказаніи и по архіерейскомъ попеченіи явятся противны, и святой Церкви непокорны“, были отсылаемы къ гражданскому суду, гдѣ и получали бы рѣшеніе, какого кто достоинъ, какъ было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ**), при чемъ воеводы и приказные люди обязаны вполнѣ содѣйствовать церковной власти. По предложенію царя, Соборъ положилъ: новоисправленныя книги безденежно выдавать каждому, кто только принесетъ книги прежнихъ изданій. Царь сообщилъ, что самоволіе заводитъ пустыни съ тѣмъ, чтобы онѣ служили пристанищемъ раскола; оно же умножаетъ часовни, гдѣ народъ собирается слушать молитвы предъ сомнительными иконами, а оставляетъ святую литургію. Соборъ постановилъ: впредь не дозволять новыхъ подобныхъ пустынь, а живущихъ въ такихъ пустыняхъ, гдѣ вблизи живутъ мірскіе люди, вывести въ монастыри, храмы же обратить въ приходскія церкви; изъ числа часовень, оставить только тѣ, къ которымъ близка стража, прочія же закрыть.

Лучшими мѣрами, безъ сомнѣнія, были тѣ, которыя направлялись противъ самаго корня раскола, противъ на-

*) Акт. истор. V. № 186. Акт. Археогр. Эксп. IV. № 201 и 253.

**) Въ томъ же году это соборное постановленіе подтверждено указомъ царскимъ, по которому главные расколочители: Аввакумъ, Лазарь, Θεодоръ и Елифавій, были сожжены всенародно, безъ сомнѣнія, въ той надеждѣ, что съ гибелью ихъ погибнетъ и все дѣло ихъ. Но это еще болѣе распалило ненависть раскольниковъ противъ патріарха, котораго они считали главнымъ виновникомъ казней.

роднаго невѣжества, которое предавало массы непросвѣщеннаго народа во власть злонамѣренныхъ расколуучителей. Такъ смотрѣлъ на корень раскола патріархъ Іоакимъ, и на этомъ взглядѣ основывалась заботливость его о распространеніи духовнаго просвѣщенія.

Патріаршая чудовская школа, существовавшая въ Москвѣ, покровительствуемая Никономъ и руководимая Епифаніемъ Славеницкимъ, вмѣстѣ съ другими членами ученаго братства, пережила бурю бѣдъ Никона *). Послѣ паденія Никона, ученые труды наставниковъ, возбудивъ толки въ толпѣ невѣждъ, нашли многихъ противниковъ и училищу и ученію: расколуучители открыто вопіяли противъ книжныхъ исправленій, крѣпко держались за старину и въ свѣтѣ образованія хотѣли видѣть тьму бѣсовскую. Но слѣпое гоненіе на ученіе послужило только къ усиленному сознанію нужды ученія и, вмѣсто разрушенія науки, повело къ ея возрастанію.

Присутствовавшіе на великомъ соборѣ восточные патріархи Паисій и Макарій, въ словѣ, предложенномъ отъ лица ихъ въ день Рождества Христова, убѣждали народъ и царя полюбить мудрость и позаботиться о заведеніи училищъ греческихъ и славянскихъ **), а пастырямъ вмѣняли въ обязанность содѣйствовать царю доходами съ церковныхъ имѣній ***).

*) Чудовское училище существовало и въ 1666 году. Въ семь году Паисій Лигаридъ писалъ свой отвѣтъ шведскому посланнику о вѣрѣ грековъ и русскихъ относительно Евхаристіи въ училищѣ св. Алексія— in Alexiano Musaeo.

***) „Видишь,—сказано въ семь поученіи,— яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣеть премудрость мѣста, идѣже главу приклонити. Скитається она якоже Христось — премудрость Божія, въ Вилеемскомъ вертепѣ, и вѣсть възскаая ея.... Оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ оставили есте и мудрость, и аки оземствовасте (изгнали) ю. Страннии роди и противнии вѣрѣ православной, на западѣ обитающіи, греческій языкъ яко свѣтильникъ держать, ради мудрости его, и училища его назидаютъ. Здѣ точію лѣности ради зѣло обезцѣнися (греческій языкъ).“ Изъ рукописи Моск. Дух. Академіи № 68.

***) „Не хотимъ же, говорили патріархи,—да вся тягота и бремя на

Тогда же нѣкоторые изъ боголюбивыхъ гражданъ Москвы подали просьбу о дозволеніи открыть училище при церкви св. Іоанна Богослова *). Оба патріарха восточные и московскій патріархъ Іоасафъ благословили доброе намѣреніе двумя грамотами **). Но всѣ возванія къ щедрости пастырей и настоятелей монастырскихъ остались тщетными. Церковныя и монастырскія отчины уже довольно были истощены частыми сборами на нужды государственныя. Дряхлые старцы-патріархи Іоасафъ и Питиримъ не предпринимали ничего для устроенія училищъ. Царь озабоченъ былъ то укрощеніемъ бунтовъ, то внѣшними войнами. Нсизвѣстно ничего даже о судьбѣ предположеннаго училища при церкви Іоанна Богослова.

Станнымъ кажется, какъ не настояль объ учрежденіи училищъ въ Москвѣ сильный при дворѣ, молодой образованный инокъ, съ пылкою дѣятельностію, ученикъ уважаемаго царемъ архипастыря черниговскаго Лазаря Барановича, учитель царевича Θεодора Алексѣевича, Симеонъ Полоцкій. Но, прибывъ въ Москву въ 1664 году, онъ, хотя и былъ употребляемъ къ ученымъ трудамъ на пользу Церкви русской, однако болѣе семи лѣтъ жилъ простымъ инокомъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Около 1672 г. сдѣлался онъ наставникомъ царевича Θεодора: съ этой поры сталъ онъ болѣе имѣть силы и вліянія на другихъ.

прекрѣпикій царскій престоль возложится, яко едва не безконечная имѣющій иждивенія на оборону и утверженіе своея державы. Но токмо хошемъ да раздѣлится на архіереи и на избраннѣйшія начальныя архимандриты, яко имѣющихъ многія отчины и доходы довольныи.“ (Изъ той же рукописи.)

*) Въ рук. Синод. библ. подъ № 130, л. 153, есть письмо прихожанъ сей церкви къ неизвѣстному лицу, гдѣ сказано: „Еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливше вещь, сирѣчь словенскія грамматики училища состроеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе, написахомъ челобитную ко пресвѣтлому царскому величеству, да изволитъ намъ сіе начинаніе къ совершенію возводить.“—Слич. Истор. Росс. іерархіи, ч. I, стр. 420.

**) Обѣ грамоты помѣщены въ прибавл. къ Творен. св. отцевъ. 1845, стр. 168—171.

Но къ несчастію онъ не знакомъ былъ съ греческимъ языкомъ, и его латинское образованіе отчуждало отъ него строгихъ къ православію иноковъ и іерарховъ.

При патріархѣ Іоакимѣ пришло наконецъ время, когда завѣщанное восточными первосвятителями дѣло должно было исполниться. Въ 1673 г. возвратился въ Москву изъ путешествія по востоку нѣкто іеромонахъ Тимофей, и принесъ съ собою извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпѣло тогда православіе на востокѣ, особенно въ Іерусалимѣ, отъ латинянъ, домогавшихся не только овладѣть всѣми святыми мѣстами въ Палестинѣ, но и привлечь всѣхъ въ покорность папѣ. Дошло это и до свѣдѣнія юнаго царя. Сожалѣя объ участи христіанъ восточныхъ, онъ пожелалъ учредить училище греческое въ Москвѣ, дабы оказать какую-нибудь помощь угнетаемому православію. Патріархъ Іоакимъ охотно согласился съ мыслию государя. Собрано было до 30 учениковъ; избранъ учителемъ проживавшій въ Москвѣ ученый грекъ Мануилъ *), а послѣ него іеромонахъ Іоакимъ, также изъ грековъ; ректоромъ училища назначенъ самъ Тимофей, котораго патріархъ причислилъ къ своему домовому клиру. Училище открыто было при типографіи. „И невозможно изобразить,—пишетъ одинъ изъ учениковъ сего училища,—какъ заботились о немъ самъ благочестивѣйшій государь и святѣйшій патріархъ. Едва не каждую недѣлю приходили они въ типографію, и порознь, и вмѣстѣ, и явно, и тайно, чтобъ утѣшаться новымъ и неслыханнымъ дѣломъ; надѣляли учащихся и одеждою, и червонцами **). Не менѣе радовался и патріархъ іерусалимскій Досіѳей, когда узналъ о благотворномъ предпріятіи на пользу духовнаго

*) Вѣроятно тотъ самый, который похороненъ въ Московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ 1694 г., по прозванію Левендатовъ, какъ сказано въ надгробной надписи. Др. Вивл. ч. XVІІІ, стр. 201.

***) „Истор. извѣстіе о Московской Академіи,“ составленное Поликарповымъ. Др. Вивл. XVІ, стр. 296.

просвѣщенія *). Скоро начатки еллинскаго ученія показались малы для щедротъ государя, и онъ пожелалъ дать школъ болѣе обширныя размѣры и преобразовать ее въ академію, но не успѣвъ привести дѣла къ исполненію, скончался. Не задолго до ранней кончины, онъ обратился къ патріархамъ восточнымъ съ прошеніемъ прислать въ Москву испытанныхъ въ православіи и учености наставниковъ.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ едва появилась еще заря науки, свѣтъ просвѣщенія колебался и едва не погасалъ на югѣ Руси: Братская коллегія въ Кіевѣ страдала отъ бури мятежей и неурядицъ, объявшей всю Малороссію. Около 1657 года Кіево-Богоявленскій монастырь со всѣми принадлежавшими къ нему строеніями и училищемъ до тла былъ истребленъ страшнымъ пожаромъ. Коллегія въ это тяжкое время уже не существовала, послѣдніе изъ возмужавшихъ питомцевъ ея взяли за оружіе, чтобы отмстить врагамъ отечественнаго спокойствія за гибель и разрушенія, внесенныя ими. Нѣсколько лѣтъ спустя, при ректорѣ Іоанникіи Галятовскомъ предпринято возстановленіе разрушенныхъ зданій, но успѣли построить только деревянную богоявленскую церковь и нѣсколько убогихъ хижинъ для меньшаго остатка уцѣлѣвшихъ учениковъ. Въ 1665 году въ самыхъ окрестностяхъ Кіева открылись военныя дѣйствія и коллегія снова подверглась совершенному разрушенію.

Всѣ эти бѣдствія проистекали изъ междуусобій, разди-

*) Доснее писалъ къ царю Феодору: „Благодаримъ Господа Бога, яко во дни святаго вашего царствія благоволити быти въ царствующемъ вашемъ градѣ еллинской школѣ: еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостолъ; еллини бяху святіи отцы; еллински написашеся дѣяніе святыхъ соборовъ и св. отцевъ списаніе и всѣ святая церкви книги, и сіе есть Божественное дѣло, еже учити христіанамъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писали суть и познавати толкованіе ихъ удобно и наипаче, дабы отдалени были отъ латинскихъ, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожества.“.—Собр. госуд. грам. IV. № 135.

равшихъ несчастную Украину послѣ кончины доблестнаго гетмана Богдана Хмельницкаго и митрополита Сильвестра. Между тѣмъ какъ война польская продолжалась съ обоюдными успѣхами и неудачами, самая Малороссія едва не отпала отъ державы московской, измѣною гетмана Виговскаго, избраннаго вопреки законныхъ правъ сына Хмельницкаго, Юрія. Одинъ только Кіевъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ дарю. Мечтая о совершенной независимости Украины, Виговскій плѣнился ложными обѣщаніями Польши, о свободѣ гражданской и духовной, и обагрилъ кровію благословенную страну, присоединеніе которой не стоило ни единой капли крови. Поляки и хищные крымцы воспользовались ея неустройствомъ, чтобы грабить подъ видомъ союзниковъ, то Виговскаго, то Юрія. Самъ Юрій явился за булавою отца своего, получилъ утвержденіе отъ царя, измѣнилъ ему, и кончилъ иночествомъ, во цвѣтѣ лѣтъ, странное и бурное свое поприще.

Въ столь же печальномъ разстройствѣ находилась, со времени кончины Сильвестра Коссова, кіевская іерархія, страдавшая внутренними раздорами и слабостію двухъ своихъ первосвятителей. Первый изъ нихъ, Діонисій Балобанъ (1657—1663), прежде избранія въ митрополиты, былъ администраторомъ на Волыни отъ имени Сильвестра Коссова и состоялъ въ санѣ епископа лудкаго и острожскаго. Избранный въ кіевскіе первосвятители, Діонисій Балобанъ истребовалъ на это благословеніе отъ константинопольскаго патріарха Паренія. Нежеланіе его снестись предварительно о своемъ избраніи съ патріархомъ московскимъ было причиною того, что царь Алексѣй Михайловичъ не призналъ Діонисія митрополитомъ и повелѣлъ посвященному тогда въ Москвѣ изъ кіевлянъ епископу мстиславскому и оршанскому Меодію быть блюстителемъ кіевской митрополии. Къ стыду православія, Діонисій усердно содѣйствовалъ измѣнѣ Виговскаго и вмѣстѣ съ нимъ присягнулъ въ вѣрномъ испол-

нені статей Гадячскаго договора, предававшаго Малороссію во власть Польши. Онъ окончилъ жалкую и многомятежную жизнь свою въ Корсунѣ, не смѣя показаться въ Кіевъ, но удерживая за собою власть святительскую до самой кончины.

Православное духовенство и шляхетство лѣвой стороны Днѣпра избрали на митрополию Іосифа Нелюбовичъ-Тукальскаго (1663—1676), бывшаго епископа могилевскаго, удалившагося въ Чигиринъ отъ преслѣдованія уніатовъ. Приверженцы Польши, съ своей стороны избрали въ митрополиты Антонія Винницкаго и убѣдили короля заточить Іосифа въ Маріенбургскую крѣпость *).

Въ началѣ 1665 года выступилъ на поприще общественной дѣятельности Петръ Дорошенко, простой чигиринскій казакъ, ознаменовавшій послѣдующую жизнь свою смѣлыми подвигами и разными злодѣяніями. Онъ захватилъ въ свои руки власть гетманскую. По просьбѣ его, король приказалъ освободить изъ заточенія митрополита Іосифа и возвратить его на родину. Но Іосифъ не смѣлъ явиться въ Кіевъ, какъ потому, что боялся негодованія царскаго за принятіе митрополіи, безъ вѣдома и согласія московскаго двора, такъ и потому, что ни кіевское духовенство, ни малороссійскіе казаки правой стороны Днѣпра, какъ не участвовавшіе въ избраніи Тукальскаго, не хотѣли признавать его своимъ митрополитомъ. Въ Кіевѣ между тѣмъ мѣстоблюститель Меѳодій явился возмутителемъ **) противъ благодѣтеля своего, царя православнаго. Вскорѣ послѣ того Дорошенко поддался Туркамъ, по наущенію митрополита Іосифа, который, не внимая совѣтамъ луч-

*) Маркевичъ. Истор. Малор. II, 102.

**) Меѳодій попался въ руки Дорошенка и отосланъ къ митрополиту Іосифу, который предалъ его суду, лишилъ епископскаго сана и заточилъ въ монастырь Уманскій. Оттуда бѣжалъ онъ и явился въ Кіевъ, но, схваченный бояриномъ Шереметевымъ, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь подъ крѣпкою стражею въ монастырѣ Новоспаскомъ.

шихъ людей Украйны *), чрезъ это постыдное дѣло потерялъ уваженіе народное. Малороссіи предстояло быть союзницей поклонниковъ Магомета, еслибъ Андрусовскій договоръ (1667 г.) не остановилъ этого гибельнаго дѣла въ самомъ его началѣ. Россія заключила перемиріе съ Польшею, и взявъ на себя покровительство надъ исповѣдующими вѣру православную, утишила тѣмъ волненіе въ народѣ, а уступка Кіева со всѣми къ нему принадлежностями и военными снарядами во власть царя на два года послужила первымъ звеномъ, неразрывно связавшимъ юго-западную Россію съ сѣверо-восточною.

Блюстителемъ престола кіевской митрополіи отъ царя былъ назначенъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ. Съ перваго же раза онъ благотворно подѣйствовалъ на взволнованные умы несчастной Украйны и способствовалъ къ возстановленію въ ней возможной тишины. Въ 1669 году Барановичъ уговорилъ послать въ Москву посольство о принятіи всей Малороссіи въ подданство, о

*) Еще Хмельницкій говорилъ нѣкогда: „Христіанамъ самопроизвольно отдаться во власть невѣрныхъ, сдружиться и слиться съ ними, есть грѣхъ смертельный, постунокъ позорный и предосудительный, есть почти самоубійство. Имѣя съ невѣрными неразрывное сообщеніе, не возможно не совратиться съ пути христіанскаго и не заразиться бусурманскими мерзостями. Мы останемся тогда, какъ обломанное судно въ пространномъ морѣ, обуреваемое со всѣхъ сторонъ, и немущее пристанища и надежды ко спасенію, и будемъ тоже, что были послѣ нашествія Батя, подъ властію татаръ, невольники, въ богослуженіи отступники и рабы, гибнущіе душою и тѣломъ.“ (Маркевичъ. Истор. Малор. I, 332). А Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, писалъ къ Іосифу, склоняя его на подданство Москвѣ: „Подъ бусурманскою рукою стонегъ Греція и по настоящее время, и самихъ патріарховъ вѣшаютъ; о, невольная вольность! И для чего подь такое ярмо власть шею? Греки рады бы освободиться отъ него, а Русь сама лѣзеть. Я свои овцы черниговскія поставилъ на путь, и вы всея Россіи пастырь, ведите всю Русь къ монарху русскому, а сами летите на престолъ свой, какъ на гнѣздо свое. Знаю, что благодушный монархъ достойно избраннаго на митрополію пастыря негдѣ бы принять милостиво.“ (С. Терновскій. Изслѣд. о подчиненіи Кіев. митрополіи моск. патріархату, стр. 50).

прощеніи вины ея и о подтвержденіи казацкихъ вольностей. Между прочимъ поручено было членамъ сего посольства настоять на томъ, чтобы не отдавать Полякамъ Кіева, „сего, какъ сказано въ инструкціи, первопрестольнаго града царства русскаго, отъ котораго искони на всю Россію возсіяла благодать Божія“. Тогда же состоялись статьи такъ называемаго Глуховскаго договора; Дорошенко отвергнуть, и Демьянъ Многогрѣшный принялъ гетманскіе клейноды и присягнулъ въ вѣрности государю.

Истекалъ срокъ Андрусовскому договору; надо было возвратить Кіевъ польской коронѣ. Всегда праводушный и вѣрный слову, царь Алексій Михайловичъ, можетъ быть, и исполнилъ бы это: но обстоятельства были сильнѣе его царской воли. Гетманъ Многогрѣшный, митрополитъ Іосифъ Тукальскій, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель настоятельно требовали, чтобъ не отдавать священнаго города врагамъ православія, и царь Алексій Михайловичъ рѣшился: въ концѣ 1679 года Кіевъ окончательно присоединенъ къ державѣ русской. Разъ утвердивъ это, царь уже не отступалъ ни предъ какими угрозами, и на неоднократныя требованія польскаго правительства твердо отвѣчалъ одно: „не отдамъ Кіева“. И Кіевъ, колыбель Русскаго православія, остался навсегда достояніемъ державы русской *).

*) На съѣздѣ бояринъ князь Одоевскій говорилъ уполномоченнымъ польскимъ: „Россія не въ противность договоровъ владѣетъ всею западною Украиною, а слѣдовательно и Кіевомъ. Всѣ эти города и Кіевъ завоеваны Россією не у Поляковъ, а у Турокъ. Польша не имѣла права, безъ совѣщанія съ Россією, отдавать султану заднѣпровскую Украйну, а если ужъ она отдала ее, то не въ правѣ имѣть на нее никакихъ притязаній. Напротивъ того королю должно быть пріятнѣе, чтобы Кіевомъ владѣла держава христіанская, а не магометане. Впрочемъ, чтобы ни говорили противъ этого, а Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не будетъ возвращенъ королевству“. (Маркевичъ. Истор. Малор. II, 187.) Въ память этого радостнаго для всей православной Россіи событія, государь принесъ въ даръ Кіево-Печерской лаврѣ ризы

Грустно и смутно померкла вечерняя заря многмятежной жизни митрополита кievскаго Иосифа Нелюбовичь-Тукальскаго. Онъ скончался въ Чигиринѣ, въ 1676 году. Увлекаемый обстоятельствами и слабымъ характеромъ, тяжкими несчастіями заплатилъ онъ за свои политическія ошибки: но потомство не упрекнетъ его въ измѣнѣ православію и самую привязанность его къ недостойному Дорошенку отнесетъ къ движенію благородно-признательной души. Братская коллегія не забыла его посильной благотворительности; не отъ избытковъ онъ жертвовалъ ей, а дѣлился собственно кускомъ хлѣба, ибо отдалъ ей то, что ему самому дано было на пропитаніе *). Смуты и нестроенія своей родины, а всего болѣе Церкви глубоко волновали его добрую, но слишкомъ довѣрчивую душу, а отсутствіе возможности поправить дѣло своей іерархіи сокрушало его безмѣрно. „По беззаконіямъ моимъ,—писалъ онъ 9 августа 1670 года къ боярину Ордыну-Нащокину,—которымъ нѣтъ числа, не признаю я себя душею страждущею за благочестіе. Въ горести душа моя. Какъ могу называться пастыремъ, когда растеряно стадо? О, да соберетъ его Создавшій и Искупившій Свою кровію **).

Таково было бѣдственное положеніе южно-русской митрополи, еще отдѣленной отъ цѣлости отечественной церкви, подъ не дѣйствительною, а только номинальною зависимостью отъ патріарховъ Цареградскихъ.

Гр. М. Толстой.

серебрянаго газета съ золотыми цвѣтами; ошлече этихъ ризъ по красному бархату богато унизано жемчугомъ.

*) Получивъ отъ Дорошенка „на столовое содержаніе“ мѣстечко Стайки, Иосифъ не захотѣлъ пользоваться этимъ даяніемъ и подарилъ его кievо-братской коллегіи. „Хотя я и самъ „барзо нищетенъ“,—писалъ онъ въ своей грамотѣ,—но отдѣляю ихъ (Стайки, какъ двѣ ленты вдовницы, на поддержаніе того обнищавшаго святаго мѣста.“ (Памяти времепной комм. въ Кіевѣ. II, 232).

**.) Филаретъ, архіеп. черниговскій. Истор. Р. Церкви. Періодъ IV, стр. 51.

Состояніе Іудеевъ при персидскихъ царяхъ.

Возвратившіеся изъ Вавилонскаго плѣна Іудеи, какъ мы видѣли *), принесли жертву на развалинахъ храма и отпраздновали праздникъ кущей. Теперь оставалось приступить къ строенію храма. Съ Сидонянами и Тирянами заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго они за определенное количество хлѣба, вина и масла, должны были доставлять съ Ливана кедровый лѣсъ. Весь первый годъ, по возвращеніи изъ плѣна, прошелъ въ заготовленіи матеріаловъ. Во второмъ году положено было основаніе новому зданію; наблюденіе за строеніемъ, по распоряженію Зоровавеля и Іисуса, ввѣрено было особеннымъ смотрителямъ, выбраннымъ изъ сословія жрецовъ и левитовъ. Собранныхъ сокровищъ, хотя они далеко меньше Соломоновыхъ, на первый разъ было достаточно для расходовъ. Закладка храма была совершена съ великою торжественностію. Жрецы были въ полномъ облаченіи, левиты съ музыкальными инструментами попеременно пѣли Давидовы псалмы. Народъ оглашалъ окрестности радостными восклицаніями. Но среди этихъ кликовъ святаго веселія раздавались и громкія рыданія. Это былъ плачь старцевъ, которые за 53 года видѣли на этомъ мѣстѣ первый храмъ, и которымъ настоящее торжество напоминало его сожженіе. Это печальное воспоминаніе вмѣстѣ съ горькою мыслию, что новый храмъ будетъ бѣденъ въ сравненіи съ первымъ, невольно исторгало изъ очей ихъ слезы. Погибшее величіе храма естественно вызывало мысль о прежнемъ благосостояніи народа и святаго града. Что былъ теперь Іерусалимъ, нѣкогда многочисленная и велико-

*) См. апрѣльскую книжку, стр. 470.

лѣпная столица цвѣтущаго царства? Бѣдное селеніе, на время оживленное толпою усердныхъ Іудеевъ, которые болѣе не составляли уже народа и царства.

Благочестивый восторгъ Іудеевъ былъ непродолжителенъ. Едва разнесся по окрестностямъ слухъ, что они строятъ храмъ, какъ явилась въ Іерусалимъ отъ Самарянъ депутація съ требованіемъ, чтобы и ихъ допустили участвовать въ строеніи храма. Зоровавель и первосвященникъ Іисусъ рѣшительно отвергли такое предложеніе, и святое дѣло нашло въ Самарянахъ злыхъ и неутомимыхъ враговъ.

Такъ какъ съ Самарянами намъ придется довольно часто встрѣчаться въ этомъ и послѣдующихъ періодахъ, то мы должны знать, кто были они такіе. Вопросъ объ нихъ въ послѣднее время по поводу преній о подлинности и древности Пятокнижія Моисеева, былъ модною темою въ богосл. иностранныхъ журналахъ, и рѣшаемъ былъ различно. Новѣйшіе изслѣдователи почитали ихъ народомъ, образовавшимся изъ смѣшенія остатковъ 10 колѣнъ съ языческими поселенцами, выведенными сюда изъ ассирійскихъ владѣній. Древніе ученые признавали ихъ народомъ чисто Языческаго происхожденія, мало-по-малу усвоившимъ себѣ религію Моисееву. Единственное основаніе, по которому можно Самарянъ признавать составною частію Израильскаго народа, заключается въ увѣреніи самихъ Самарянъ позднѣйшихъ, что они происходятъ отъ Израильтянъ. И точно Самаряне еще во время І. Христа дѣлали притязаніе на эту честь, какъ видно изъ Іоан. 4, 12, гдѣ самарянская жена называетъ Іакова отцемъ Самарянъ. Вѣроятно и Егезипъ утверждаетъ тоже на сказаніяхъ народа, когда (у Евсевія I. IV. с. 22) причисляетъ Самарянъ къ сынамъ израилевымъ. Златоустъ и Аммоній также говорятъ, что Самаряне величались происхожденіемъ отъ Іакова. Въ самаританскомъ текстѣ книги І. Навина они часто называются сынами израилевыми. Веніаминъ Тудельскій въ своемъ путешествіи говоритъ, что они

производили свое племя отъ колѣна Ефремова. Въ рукописномъ сочиненіи самарянина Абуль-Гассана (которое хранится въ Оксфордѣ) изъ Тира, содержащемъ полемику противъ Іудеевъ, есть особенный отрывокъ подъ названіемъ: *refutatio Iudaeorum, qui Samaritanos non esse Israelitas, dicunt*. Въ письмѣ къ Іову Людольфу самаряне пишутъ, что они сыны Израиля и всѣ происходятъ отъ сыновъ Іосифа праведнаго, отъ колѣнъ Ефремова и Манассина, а жрецы ихъ чрезъ Финееса—отъ Аарона. Такъ и вѣрили донинѣ. Но свидѣтельство народа о себѣ самомъ здѣсь ровно ничего не доказываетъ, уже и потому, что въ его собственной исторіи есть другія свидѣтельства, совсѣмъ противныя такому увѣренію. Во время возвращенія Іудеевъ изъ плѣна сами Самаряне не объявляютъ такого притязанія. Въ письмѣ къ персидскому царю (1 Езд. 4, 9. 10) они отличаютъ себя, „какъ народы, *ихже* преведе Ассенафаръ великій и преславный, и всели во градѣхъ Самарійскихъ.“ Потомъ самарянскимъ депутатамъ, когда они требовали у Іудеевъ допустить Самарянъ къ участию въ строеніи храма (1 Езд. 4, 2), представлялся самый естественный случай упомянуть объ израильскомъ происхожденіи Самарянъ, еслибы они дѣйствительно были родственны израильскому народу,—это давало бы имъ болѣе сильное право на участіе въ строеніи храма, нежели то, что они представляютъ. Однакожь они этого не дѣлаютъ. И въ позднѣйшее время, когда можно было смѣло утверждать что угодно, полагаясь на мракъ времени, покрывающій происхожденіе народа, Самаряне представляютъ на видъ истину, ежели она выгоднѣе лжи. Іосифъ Флавій дѣлаетъ имъ упрекъ за то, что они, когда видѣли Іудеевъ въ счастіи, называли себя родственнымъ съ ними племенемъ, говоря, что происходятъ отъ Іакова; а когда Іудеевъ постигала бѣда, то утверждали, что не имѣютъ съ ними ничего общаго, что они дальніе поселенцы совершенно другаго происхожденія. Этимъ словамъ Іосифа, которыя онъ почти слово въ слово повторяетъ

и въ другомъ мѣстѣ, даетъ подтвержденіе и исторію. Когда Александръ оказалъ Юдеямъ различныя милости, они выдали себя за Юдеевъ, чтобы участвовать въ этихъ милостяхъ. Однакожь увѣрить въ этомъ Александра имъ не удалось. Напротивъ когда начались преслѣдованія отъ Антиоха Епифана, они отказывались отъ родства съ Юдеями, говоря, что они персидскіе и мидскіе высленцы. Въ письмѣ къ Антиоху они отличаютъ себя именемъ Сидонянь-Сихемлянъ, т.-е. язычниковъ. Въ подтвержденіе своего языческаго происхожденія, они ссылаются на публичные документы (πολιτικας αναγραφας). Сознавая, что божество, которому они посвятили себя, ничѣмъ себя между ними не ознаменовало, что съ нимъ не сроднились они съ самаго начала своего существованія подобно израилю, Самаряне тогда говорили, что ихъ отцы основали на горѣ Гаризинъ безымянный храмъ; это святилище, доселѣ не имѣвшее божества, они желали посвятить Зевсу еллинскому, и именно Зевсу страннопримцу (въ 2 Макк. 6, 2 Διος ξενιου), т.-е. защитнику чужихъ, такъ какъ Самаряне дѣйствительно были на этой землѣ не свои, а чужіе.

Если обратимся къ свидѣтельствамъ собственно іудейскаго происхожденія, то между ними нѣтъ ни одного, которое бы говорило въ пользу израильскаго элемента въ Самарянахъ. Приглашеніе приложиться къ іудейскому богослуженію, сдѣланное Езекиєю оставшимся членамъ израильскаго царства, ничего не доказываетъ. Оно падаетъ на время между нашествіемъ Салманассара, послѣ котораго многіе Израильтяне возвратились въ опустошенную свою землю и многіе оставшіеся въ ней вышли изъ своихъ ущелій, и между нашествіемъ Асаргаддона, который переселилъ Израильтянъ и на ихъ мѣсто вывелъ языческихъ поселенцевъ. Ссылаются еще на Іеремію 41, 5, гдѣ говорится, что 80 человекъ изъ Силома, Сихема и Самаріи пришли въ Іерусалимъ, чтобы тамъ на мѣстѣ разрушеннаго храма, гдѣ, какъ кажется, Годолія воздвиг-

нулъ жертвенникъ, —принести Іеговѣ свои дары. Но ежели всмотрѣться въ этотъ разсказъ ближе, то откроется, что эти 80 человекъ были разбѣянные Іудеи, которые теперь, когда правленіе Годоли общало имъ безопасность, возвращались изъ окрестныхъ убѣжищъ въ Іерусалимъ. Иначе нельзя объяснить разсказывасяго въ ст. 8 обстоятельства, что Измаилъ 10-ти изъ нихъ пощадилъ жизнь, потому что они общались показать ему сокрытыя въ окрестностяхъ Іерусалима запасы пшеницы, ячменя, масла и меду. Въ доказательство чисто языческаго происхожденія Самарянъ можно указать на то, что по свидѣтельству 4 кн. Царствъ гл. 17, новые поселенцы въ царствѣ израильскомъ были единственными обитателями страны, что они просили себѣ у ассирійскаго царя израильскаго жреца, поелику въ землѣ ихъ не было никого, кто бы могъ сообщать имъ хотя самыя грубыя понятія о родѣ и образѣ почитанія Бога земли. По разрушеніи царства израильскаго пророки вездѣ и постоянно представляютъ народъ израильскій отведеннымъ въ плѣнъ, и возвращающимся уже въ будущемъ (Іер. 3, 30. Зах. 10). Да и совершенный отказъ во всякомъ участіи при строеніи храма, сдѣланный Самарянамъ, предполагаетъ ихъ чисто языческое происхожденіе, какъ единственное основаніе. Отринутые Самаряне даже словомъ не касаются самаго сильнаго изъ основаній, на которое они, въ случаѣ своего израильскаго происхожденія, могли сослаться при своемъ требованіи. Они ничего не могутъ сказать важнаго, кромѣ того, что ищутъ іудейскаго Бога, и Ему возносятъ жертвы отъ дней Асаргадона, царя ассирійскаго, который вывелъ ихъ сюда. Начальники Іудеевъ отвѣчаютъ имъ: „нѣсть намъ и вамъ создати домъ Богу нашему, понеже мы сами собою созиждемъ Богу Израилеву“ (1 Езд. 4, 3). Этотъ отвѣтъ былъ бы прямою несообразностію, ежели бы Самаряне большею частію состояли изъ потомковъ 10 колѣнъ. Что храмъ долженъ былъ принадлежать Богу Израилеву, это могло служить скорѣе къ подкрѣпленію ихъ требованія.

Если бы такое желаніе высказали члены царства 10 колѣнъ, его бы исполнили съ радостію. Ихъ всегда принимали съ радостію, когда они прилагались къ іудейскому служенію. Примѣръ Езекии показываетъ, что всякія мѣры испытывали къ ихъ обращенію. Возсоединеніе Израиля съ Іудею есть одна изъ живѣйшихъ надеждъ пророковъ.

Обратимся къ Новому Завѣту, Господь Іисусъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, запрещаетъ имъ ходить на путь къ язычникамъ и входить въ городъ самарянскій, и повелѣваетъ идти наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева (Мат. 10, 5. 6). Здѣсь Самаряне наравнѣ съ язычниками исключаются изъ дома Израилева; они приравниваются къ хананейскимъ племенамъ, которымъ Господь отрекался являть Свою милость, на томъ основаніи, что не былъ посланъ, токмо къ овцамъ погибшимъ дома Израилева и не было добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ (Мат. 15, 25. 26),—однимъ словомъ потому, что Хананеи были язычники, которые только послѣ насыщенія Іудеевъ могли просить себѣ божественной пищи. Такимъ образомъ когда Господь, исключая изъ апостольской проповѣди Самарянъ, равняетъ ихъ язычникамъ, когда наравнѣ съ язычниками противопоставляетъ ихъ дому Израилеву, какъ единственному личному предмету проповѣди, такъ что къ нимъ совершенно идетъ сказанное апостоломъ Павломъ объ язычникахъ Еф. 2, 12: „отчуждени житія Израилева, и чужди отъ завѣта обѣтованія“, то этимъ рѣшительно опровергается притязаніе Самарянъ на израильское происхожденіе. Что апостолы назначались не для одного Іуды, это показываетъ ихъ число (12), которымъ изображается 12 колѣнъ. Когда же Господь запрещаетъ имъ входить во градъ самарянскій, то этимъ исключаетъ ихъ изъ 12 колѣнъ. Далѣе Господь Іисусъ исцѣленнаго Имъ Самарянина называетъ *иноплеменникомъ* (Лук. 17, 18), такимъ человѣкомъ, который не принадлежитъ къ сѣмени Авраама, Исаака и Іакова. Притомъ въ бесѣдѣ Господа съ Самарянкою читаемъ (Іоан. 4, 22): „вы

кланяетесь тому, чего не знаете... Яко спасеніе отъ Іудей есть". Самаряне сами не знали, чему кланялись, потому что Божество, которому они построили впоследствии храмъ, крайне неопредѣленно ими было представляемо. Они и сами это еознавали, когда писали въ письмѣ къ Антиоху Епифану, что отцы ихъ воздвигли святилище на горѣ Гаризинѣ безъимянное (*χωρονων ιερου*). Это признаніе согласно съ тѣмъ, что говоритъ Господь женѣ Самарянской. Въ Самарянахъ всегда жило чувство, что Богъ, котораго они почитали, всегда далекъ отъ нихъ. Отсюда объясняется колебаніе Самарянъ, ихъ безсиліе страдать за свою религію, ихъ склонность ко всему, что было не согласно съ вѣрою въ истиннаго Бога, такъ что всякое движеніе невѣрія, заходившее къ Іудеямъ, тотчасъ находило у нихъ себѣ созвучіе. Іосифъ Флавій постоянно раздѣлялъ убѣжденіе въ языческомъ происхожденіи Самарянъ. Въ его время ихъ обыкновенно звали Куеями, по имени Мидійской области, изъ которой они были высланы. Талмудъ называетъ ихъ этимъ же именемъ. Ко всему сказанному должно присовокупить еще и то, что по свидѣтельству путешественниковъ и самая фізіономія Самарянъ обличаетъ не-сврейское происхожденіе. Теперь понятно, почему Зоровавель отказалъ Самарянамъ въ участіи при строеніи храма. Зоровавель опасался, что Самаряне принесли бы съ собою свои языческія заблужденія въ новое средоточіе іудейской религіи; религіозный союзъ съ ними неминуемо повелъ бы и къ родственнымъ связямъ, такъ что чистому племени Авраама угрожало бы смѣшеніе съ племенами языческими, и можетъ быть исчезновеніе въ хаосъ этого смѣшенія.

Между тѣмъ отказъ огорчилъ и раздражилъ Самарянъ. Они рѣшились мстить и всячески препятствовать строенію, которое, судя по усердію и рвенію Іудеевъ, подавало надежду, что пойдетъ быстро и скоро доведено будетъ до конца. Происки и усилія Самарянъ замедлили его еще на много лѣтъ. Недавно пришедшіе въ свое оте-

чество Іудей во многомъ должны были обращаться къ помощи сосѣдей. Самарянамъ давало это случай дѣлать имъ множество разныхъ непріятностей, такъ что наконецъ какъ ни великъ былъ энтузіазмъ Іудеевъ, непрестанныя затрудненія охладили его и заставили многихъ обратиться къ своимъ собственнымъ дѣламъ, оставивъ строеніе на немногихъ, которыхъ усердіе покуда еще не остыло. Сверхъ досады на отказъ въ участіи при построеніи храма, Самаряны не мало раздражало и то, что по распоряженію царя на доходы съ ихъ же земли долженъ былъ строиться храмъ и совершаться въ немъ богослуженіе.

Доколѣ живъ былъ Киръ, Самаряне открыто ничего не предпринимали, тѣмъ менѣе осмѣливались писать противъ Іудеевъ ко двору. Но скоро они нашли средство вовлечь въ свои злыя намѣренія нѣкоторыхъ персидскихъ сановниковъ, которые, хотя тоже ничего не могли сдѣлать противъ царской воли, покрайней мѣрѣ старались отнимать у Іудеевъ случаи доводить до свѣдѣнія царя свои жалобы. Но Киръ черезъ 8 лѣтъ послѣ изданія указа о возстановленіи храма умеръ, и народъ іудейскій лишился въ немъ своего покровителя, столько же памятнаго въ іудейской исторіи, сколько и въ исторіи персидскаго царства. Скоро Іудеи должны были почувствовать, какую потерю понесли, они въ Кирѣ. Его преемникъ Камбизъ, называемый въ книгѣ Ездры Ахашверомъ (въ сл. Биб. Асуиръ 1 Езд. 4, 6), мало былъ расположенъ поддерживать ихъ начинаніе; это дало больше смѣлости врагамъ ихъ, которые не замедлили очернить предъ нимъ народъ и его начальниковъ. Но вѣроятно непрестанные походы не давали царю времени заняться этимъ доносомъ; покрайней мѣрѣ не видно, чтобы Самаряне добились отъ него какого-нибудь распоряженія. Желаніе ихъ исполнилъ преемникъ Камбиза, похититель престола, назвавшій себя Смердисомъ, извѣстный въ книгѣ Ездры подъ именемъ Аресаана (4, 7). Царскіе сановники, управлявшіе Самарією и окрестными странами, написали къ Смердису письмо, которое тѣмъ скорѣе могло

получить ходъ, что было писано отъ имени многихъ чиновниковъ. Ездра помѣщаетъ въ своей 1 книгѣ все это письмо. Писавшіе старались внушить царю, что Іудеи строятъ городъ и обводятъ его стѣнами съ измѣнническими замыслами; что они—народъ издревле непокорный и при первомъ случаѣ возмутятся противъ царя, и что подписавшихся единственно усердіе къ пользамъ царя заставило предупредить его касательно замысловъ іудейскихъ. Собственно о строеніи храма въ письмѣ ничего не говорится, хотя оно-то и было главное, что распалило ненависть Самарянъ и чему вредить старались они всѣми силами. Письмо произвело скорое и желанное дѣйствіе. Царь повѣрилъ наглой клеветѣ и немедленно послалъ въ Самарію писменное повелѣніе, чтобъ остановить возстановленіе Іерусалима. Самарійскіе и другіе чиновники участвовавшіе въ доносѣ, поспѣшили отправиться съ царскимъ письмомъ въ Іерусалимъ и объявили начальникамъ іудейскимъ, что по волѣ царя они не должны болѣе продолжать работъ, и что ихъ будутъ останавливать силою, ежели хотя что-нибудь предпримутъ впредь. При настоящемъ государѣ нечего было и надѣяться, чтобы это запрещеніе было отмѣнено. Іудеямъ оставалось разойтись по домамъ и ждать благоприятнѣйшихъ временъ. Къ счастью ждать пришлось не долго. Камбизъ съ Смердисомъ оба правили только 8 лѣтъ, такъ что Самаряне выиграли не слишкомъ много, успѣвши только приостановить строеніе храма. Существенный вредъ, нанесенный ихъ происками, состоялъ въ томъ, что теперь совершенно прекращены были доходы, которые Киръ назначилъ на совершеніе богослуженія въ новомъ храмѣ. Впрочемъ можетъ быть неутомимыми своими усиліями они наконецъ довели бы народъ до совершеннаго охлажденія къ святому дѣлу, ежели бы Духъ Божій не воздвигъ въ это время двухъ мужей, которые должны были возбудить въ упавшемъ народѣ и поддержать охладѣвающій энтузіазмъ. Это были Аггей и Захарія пророки.

Не за́долго до вступленія ихъ въ пророческое служеніе въ Персіи послѣдовала перемѣна правленія. Ложный Смердисъ былъ убитъ и на престолъ Кировъ возведенъ былъ Дарій Истаспъ, сходство котораго во многихъ отношеніяхъ съ Киromъ располагало ожидать отъ него много добраго для Іудсевъ. Но онъ сдѣлалъ больше, нежели можно было ожидать. Указъ Смердиса съ перемѣною государя потерялъ свою силу; единомысленные съ Самарянами областные правители были смѣнены, и поступившіе на ихъ мѣсто не показывали охоты заниматься ихъ происками, еще менѣе принимать въ нихъ участіе. Такое положеніе дѣлъ было благопріятно для строенія храма. Однакожъ осмилѣтнія препятствія пріучили Іудеевъ наконецъ къ равнодушію. Многие спокойно сидѣли въ новыхъ своихъ домахъ, не помышляя о томъ, что домъ Божій не конченъ, и подъ предлогомъ разныхъ недосуговъ уклонялись отъ общаго дѣла.

Обстоятельства, благопріятствовавшія теперь Іудеямъ, призывали ихъ къ дружнымъ усиліямъ, чтобы дать дѣлу живѣйшее движеніе и спѣшить его окончаніемъ, а народъ большею частію смотрѣлъ на это холодно; надлежало какимъ-нибудь сильнымъ дѣйствіемъ оживить духъ народа. Произвести это дѣйствіе призваны Богомъ пророки Аггей и Захарія. Первый вышелъ на свое пророческое служеніе двумя мѣсяцами раньше послѣдняго. Первую рѣчь свою произнесъ онъ въ первый день шестаго мѣсяца во второмъ году царствованія Дарія Истаспа. Вся она имѣетъ обличительный тонъ. Пророкъ пламенно возстаетъ противъ господствующаго равнодушія, прѣтивъ своекорыстія, ради котораго народъ забылъ о Богѣ, и угрожаетъ гнѣвомъ Божиимъ народу. Рѣчь произвела дѣйствіе. Черезъ 24 дня послѣ нея Зоровавель и Иисусъ, предъ которыми она сказана, приступили снова къ оставленному дѣлу. Но скоро пророку представился случай къ вторичному открытому проповѣданію. Когда работы столько подвинулись впередъ, что можно было разсуждать о сра-

внительномъ достоинствѣ новаго храма и прежняго, народъ впалъ въ глубокую печаль и уныль. Еще при основаніи храма раздавались громкія рыданія старцевъ, которые помнили великолѣпіе храма Соломонова. Теперь обѣтованія, казалось, совершенно противорѣчили явленію. Какъ блистателенъ былъ первый, такъ жалокъ послѣдній. Новый храмъ, по пророческимъ словамъ Исаи (гл. 60), Иереміи, Іезекіиля долженствовалъ безконечно превзойти древній величіемъ. А что увидали теперь въ немъ? Въ ихъ глазахъ, словно его и не было: *како вы видите его, яко не суща предъ вами* (Аг. 2, 4)? говоритъ Аггей. И вѣрующихъ Іудеевъ смущали печальныя мысли. Такой ли это храмъ, который обѣщаль народу Богъ устами пророковъ? Несчастными обстоятельствами, въ которыхъ мы находимся, не показываетъ ли Онъ, что мы должны оставить бесплодное предпріятіе? Хорошо ли строить Ему зданіе, похожее болѣе на бѣдную хижину, нежели на храмъ? Можетъ быть Онъ за грѣхи совершенно отринулъ народъ Свой, и взялъ назадъ Свои условныя обѣтованія; можетъ быть Онъ положилъ исполнить ихъ въ позднѣйшее время, для рода достойнѣе насъ, тогда какъ мы все еще вздыхаемъ подъ Его гнѣвомъ и только по наружности живемъ въ землѣ обѣтованія, а на дѣлѣ все еще томимся какъ бы въ Вавилонѣ.—Вотъ мысли и чувства, которыя возмущали духъ народа и которыя дѣлали благопотребнымъ теперь утѣшеніе. Аггей и былъ посланъ пролить его въ души сѣтующихъ. Утѣшительную рѣчь свою сказалъ онъ въ 21 день 7 мѣсяца (2, 1—9). Въ ней пророкъ предсказываетъ близкіе перевороты и колебанія, которыя произведетъ Господь въ языческомъ мірѣ и которыми сокрушитъ народы, и потомъ отъ лица самаго Бога возвѣщаетъ, что величіе и слава новаго храма далеко превзойдетъ славу перваго по внутреннему значенію (ибо въ немъ явится Мессія).

Двумя мѣсяцами позднѣе Аггея сталъ пророчествовать Захарія. Онъ тоже подобно Иереміи и Іезекіилю происхо-

диль изъ священническаго рода и вышелъ на поприще своего служенія еще въ молодыхъ лѣтахъ. Между тѣмъ какъ все вниманіе Аггея устремлено на то, чтобы возбудить народъ къ дѣятельному строенію храма, Захарія направляетъ свое пророческое слово преимущественно къ той цѣли, чтобы произвести въ народѣ духовное, глубокое измѣненіе. Народъ дѣлился теперь на два класса по нравственному состоянію. Одни были искренно и истинно вѣрующими. Но соблазняемые кажущимся противорѣчіемъ божественныхъ обѣтованій съ видимымъ явленіемъ, съ настоящимъ своимъ положеніемъ, они думали, что грѣхи ихъ собственные и грѣхи отцовъ прогнѣвили Бога, и навсегда отвратили Его отъ Израиля. Это было тоже настроеніе духа, противъ котораго недавно ратовалъ Аггей, но которое было такъ сильно, что онъ своею утѣшительною рѣчью еще не успѣлъ побѣдить его. Дѣло Аггея продолжаетъ Захарія, дѣйствуя на сердца тоюже оживляющею силою— утѣшеніемъ. Отъ печальнаго настоящаго онъ обращаетъ взоръ на свѣтлое будущее, предрекаетъ счастливое окончаніе храма, умноженіе народа пришествіемъ оставшихся въ Вавилонѣ его братій, сохраненіе Іудеи при гибельныхъ для сосѣднихъ народовъ побѣдахъ Александра, возвращеніе народу самостоятельности чрезъ побѣды Маккавеевъ, и наконецъ благословенія, которыя принесетъ Израилю Мессія. Другой классъ въ народѣ составляли лицемѣры. Ихъ привело изъ Вавилона не истинное побужденіе—любовь къ Богу и Его святилицу, но своекорыстіе, надежда на участіе въ благахъ, обѣтованныхъ возвращающимся изъ плѣна. Ихъ они ожидали тотчасъ же и вопреки яснымъ прореченіямъ древнихъ пророковъ, въ слѣпотѣ самообольщенія, думали имѣть право на обладаніе этими благами потому только, что оставили грубое идолопоклонство, замѣнивъ его болѣе утонченнымъ, наружною только праведностію. Пророкъ и этимъ невѣрующимъ рисуетъ картину божескихъ благословеній, чтобы побудить ихъ къ истинному обращенію,

но въ то же время возвѣщаетъ имъ, что только истинное обращеніе дастъ имъ право на участіе въ нихъ; что въ противномъ случаѣ ихъ поразитъ судъ Божій, какой постигаль современниковъ Іереміи, смѣявшихся надъ предостереженіемъ пророка, угрожаетъ новымъ разрушеніемъ Іерусалима, и новымъ разсѣяніемъ народа, ежели народъ отвергнетъ послѣднюю, но величайшую милость Іеговы — посланіе Мессіи.

Большая часть ободрительныхъ пророчествъ Захаріи облечена въ форму видѣній, какъ у Даніила и Іезекииля. Первые 8-мь главъ направлены на современныя судьбы народа, или на ближайшія къ нимъ. Видѣніе ангеловъ, которые были посланы обзрѣть вселенную и доносятъ своему князю, что вездѣ тихо,—должно было обнадежить Іудеевъ въ спокойномъ обладаніи землею отцевъ своихъ. Князь ангеловъ проситъ Іегову помиловать народъ свой, и получаетъ обѣщаніе, что прошеніе его уже исполняется (гл. 1). Въ другой разъ пророкъ видѣлъ четыре рога, которые означали враговъ, разсѣявшихъ Іудеевъ во всѣ четыре стороны, и увидѣлъ, что сильныя руки схватили эти рога и обратили назадъ. Значеніе этого видѣнія ясно само собою. Видѣніе человѣка, измѣрявшаго Іерусалимъ веревкою, имѣло также весьма утѣшительное значеніе. Пророкъ слышитъ голосъ, который возвѣщаетъ ему о многочисленности Іерусалима такомъ, что жители не будутъ вмѣщаться въ стѣнахъ его (гл. 2). Видѣніе двухъ маслинъ надъ золотымъ свѣтильникомъ имѣло особенное отношеніе къ Зоровавелю, котораго такъ же, какъ и народъ, препятствія заставили оставить дѣло, и можетъ быть лишили бодрости. Ангель говоритъ пророку, что ежели бы горы стали на пути у Зоровавеля, то Богъ сдвинулъ бы ихъ и развѣялъ; что онъ положилъ первый камень храму, онъ и окончитъ его (гл. 4). Видѣніе описанное въ седьмой главѣ дано было пророку для утѣшенія и ободренія первосвященника Іисуса, безъ сомнѣнія весьма опечаленнаго тѣмъ, что святое ихъ дѣло идетъ такъ неблагопо-

спѣшно. Такія видѣнія должны были веселить и ободрять какъ главныхъ строителей храма, такъ и народъ. И точно пророческія слова произвели живое впечатлѣніе на народъ, такъ что послѣ первой рѣчи Аггея работы пошли впередъ безостановочно. Пророки сами непосредственно принимали въ нихъ участіе.

Скоро неожиданное вниманіе и милости новаго царя еще болѣе оживили народъ. Персидскими провинціями по сую сторону Евфрата управлялъ уже не Реумъ, а Ѡатнай и Сааръ-Безенай, умные и добрые начальники, которые что ни дѣлали, казалось, единственно дѣлали изъ усердія къ выгодамъ царя. Услыхавъ о быстромъ возстановленіи храма въ Іерусалимѣ, они явились сюда и спрашивали начальниковъ строенія, имѣютъ ли они отъ царя повелѣніе строить храмъ. Отъ Дарія еще не было испрошено позволеніе. Они узнали имена Евреевъ, управлявшихъ работами, но не хотѣли употребить силы, чтобы остановить строеніе, а только признали нужнымъ довести все дѣло до свѣдѣнія царскаго. Они написали къ царю письмо, но совершенно въ другомъ тонѣ, чѣмъ было письмо ихъ предшественниковъ. Въ немъ оправданіе Іудеевъ изложено такъ, какъ будто самъ народъ представлялъ его. Ѡатнай и Сааръ-Безенай между прочимъ предлагали царю справиться въ государственныхъ архивахъ, есть ли тамъ подлинное дозволеніе отъ Кира, на которое ссылаются Іудеи. Извѣстный уже намъ указъ найденъ былъ въ Екбатанѣ; съ него снята была копія и отправлена къ начальникамъ Сирійскаго края съ такимъ неожиданнымъ прибавленіемъ, чтобы они не только не препятствовали строенію, но всячески ему помогали и на то употребляли царскіе доходы съ сосѣднихъ земель. Также повелѣно было для ежедневной жертвы о благоденствіи царя и его дома доставлять священникамъ опредѣленное количество овновъ, тельцовъ, пшеницы, соли, вина и елея. Письмо царя заключалось угрозою нарушителямъ его воли. Такимъ образомъ теперь дѣло опять пришло въ то поло-

женіе, въ которомъ было при началѣ правленія Кирова. И по свидѣтельству Ездры (1 Езд. 7, 24), Дарій до того простеръ свое благорасположеніе къ Іудеямъ, что освободилъ священниковъ и вообще служащихъ храма (это напоминаетъ ханскіе ярлыки) отъ всякой дани. Идумеямъ повелѣлъ очистить занятые ими села Іудейскія; всѣхъ Іудеевъ, которые бы пожелали возвратиться изъ Вавилона въ отечество, освободилъ отъ даней и приказалъ возвратить храму церковную утварь, какая осталась еще въ Вавилонѣ. Не удивительно, что при такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ строеніе храма шло быстро, и наконецъ черезъ 70 лѣтъ послѣ разрушенія его, въ третьемъ мѣсяцѣ шестаго года правленія Даріева, въ 515 году до Рождества Христова, Іудеи имѣли радость видѣть совершенное окончаніе своего храма. На торжество освященія собрался весь народъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ради столь высокаго празднества пришло множество Іудеевъ и изъ тѣхъ, которые еще оставались въ странахъ плѣненія. Въ немъ участвовали и прозелиты изъ окрестностей Іудеи. Конечно были всѣ роды жертвъ, и вообще все богослуженіе было совершено съ великою торжественностію и благочестіемъ. Къ общей радости народа въ слѣдующемъ мѣсяцѣ приходилось празднованіе пасхи, и она была совершена по закону Моисееву. Жрецы и левиты всѣ приготовились къ ней предварительнымъ очищеніемъ по закону. Весь народъ, смотря на храмъ, предавался изліанію радости, которая была еще живѣе при воспоминаніи о множествѣ препятствій, которыя наконецъ были побѣждены.

О второмъ храмѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. По предначертанію Кира (2 Езд. 6, 25), онъ долженъ быть гораздо обширнѣе Соломонова, но по этому ли плану онъ былъ строенъ, или нѣтъ, нельзя сказать опредѣленно. Въ цѣломъ моделью для него былъ храмъ Соломоновъ, но по внѣшнему и внутреннему достоинству онъ былъ только тѣнью послѣдняго. Уже въ немъ многого не-

доставало. Сосуды были въ немъ большею частію мѣдныя, вмѣсто прежнихъ золотыхъ. У него недоставало также самой важной принадлежности древняго святилища—ковчега Завѣта, который при разрушеніи Халдеями перваго храма погибъ безъ вѣсти. Кромѣ того чудесныя обстоятельства, которыми сопровождалось освященіе перваго храма—явленіе славы Божіей въ видѣ облака наполнявшаго храмъ, и ниспосланіе огня на жертвы, уже не повторились при освященіи втораго храма. По свидѣтельству раввиновъ у втораго храма въ сравненіи съ первымъ недоставало пяти вещей, на которыя смотрѣли, какъ на знаки присутствія и благодати Іеговы—именно: 1) Ковчега; 2) Уримъ и Тумимъ; 3) огня небснаго; 4) по однимъ, елея помазанія, и 5) жезла Ааронова, по другимъ 4) облака, именуемаго у раввиновъ славою Божіею и 5) Духа святаго, или духа пророческаго, который со времени Малахія оскудѣлъ совершенно въ ветхо-завѣтной Церкви.

Впрочемъ это не значить, что Богъ не благоволилъ къ новому храму; противное видно уже изъ того, что Богъ нѣсколько разъ возбуждалъ Іудеевъ къ ревностному строенію сего храма чрезъ Своихъ пророковъ. Слава втораго храма зависѣла отъ временъ послѣдующихъ, и такая слава, какой не имѣли ни скинія, ни храмъ Соломоновъ (Агг. 2, 9. Мал. 3, 1).

Исторія возстановленія храма представляетъ намъ одно обстоятельство, которымъ характеризуется политическое и церковное существованіе народа іудейскаго въ это время. Замѣчаемъ, что Іудеи спѣшатъ и заботятся имѣть прежде всего храмъ; казалось, мысль о храмѣ была единственною мыслию, которою дышали плѣнники и для которой одной они возвращались на родину. Храмъ наконецъ уже выстроенъ, но городъ все еще лежалъ въ развалинахъ. Значить не городъ, не гражданскіе интересы главнымъ образомъ соединяли этихъ людей, а храмъ: онъ былъ средоточіемъ, около котораго двигался народъ. Уже послѣ храма начали кругомъ его возвышаться дома Іеру-

салимлянъ. Это былъ добрый знакъ; онъ если не предвѣщалъ въ будущемъ, по крайней мѣрѣ говорилъ за настоящее, что жизнь народа принимаетъ теперь чисто церковное направленіе, что съ нимъ сливается народъ свое гражданское существованіе, и въ немъ только хочетъ продолжать его.

И не тщетная была надежда, что второй храмъ будетъ всегда полонъ ревнителями закона отеческаго. Уже надъ созданиемъ его трудились единственно по чувству привязанности къ религіи. Только это чувство могло имѣть столько силы, чтобы возбудить Иудеевъ, обитавшихъ въ Вавилонѣ и другихъ городахъ, оставить всё и идти въ отечество. Въ землѣ плѣненія у нихъ не было ни жертвенника, ни жертвоприношеній, ни торжественныхъ празднествъ Церкви и Закона. Безъ сомнѣнія скорбь ихъ была жива и велика, но за то теперь, когда они получили возможность отправлять всѣ установленія и обряды своей религіи, безъ стѣсненія,—естественно ожидать, что какъ возстановленіе попранной религіи они примутъ съ энтузіазмомъ, такъ и хранить ее будутъ со всею силою привязанности и ревности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бояться, что въ первомъ пылу благочестія не будутъ они довольно строги для того, чтобы въ служеніи Богу различать существенное и важное отъ менѣ важнаго,—судь, милость и вѣру отъ одесятствованія мяты, копра и кимины (Матѣ. 23, 23), то, что подобало творить, отъ того, что подобало только не оставлять. Начало такого расположенія духа въ Иудеяхъ можно примѣчать еще въ то время, когда продолжалось строеніе храма (Зах. 7, 8). Пророки старались обратить ихъ вниманіе на духъ учрежденій Церкви, но сердце Иудея, прилѣпленное къ наружности, къ буквѣ, уже омертвѣло для того, чтобы воскреснуть для свѣтлой и полной жизни духа. Его непрестанно мучили заповѣди; на каждомъ шагѣ онъ долженъ былъ оглядываться, не нарушилъ ли въ чемъ-нибудь закона, не съѣлъ ли чего, не прикоснулся ли къ чему-нибудь

запрещенному. Долго и много пострадавши за свое отступленіе отъ закона, Іудей теперь всею душою прилѣпился къ уставамъ отеческимъ. Но въ истощенномъ духѣ Іудея не могло найдтись столько силы, чтобы совладѣть со множествомъ разнообразныхъ учрежденій, повелѣній и запрещеній его закона,—они рѣшительно подавляли его, пригвоздили все его вниманіе ко внѣшности и сдѣлали для него благую заповѣдь тяжкимъ ярмомъ.

Долго ли жили Зоровавель съ Іисусомъ по окончаніи храма, неизвѣстно, равно какъ и то, кто преемствовалъ первому въ званіи правителя страны іудейской. Преданіе говоритъ, что послѣ Зоровавеля занялъ его мѣсто сынъ его Мосолламъ, за которымъ слѣдовалъ братъ его Анасія. Вообще же съ смертію Зоровавеля знаменитый родъ Давидовъ, давно уже утратившій царское достоинство, начинаетъ приходить въ упадокъ. Родословная потомковъ Давидовыхъ, которая тщательно была ведена, не представляетъ намъ никакого знаменитаго имени. Надъ ними совершился судъ Божій, возвѣщенный Іереміею Іехонин, дѣду Зоровавелеву, что не будетъ отъ сѣмiani его мужъ, иже сядетъ на престолѣ Давидовѣ и власть имѣти кому во Іудѣ (22, 30). Къ нему же вмѣстѣ съ Седекіею говорилъ Іезекіиль: „сними кидарь и отложи вѣнецъ; униженное возвышу и высокое унижу; превращеніе произведу во всемя,—и это будетъ не прежде, какъ придетъ тотъ, Кому принадлежитъ владычество, которое и дамъ Ему“ (21, 26. 27). И дѣйствительно когда знаменитый родъ, который столько далъ царей, былъ униженъ и почти забытъ, въ будущемъ уже не далекою ожидало его безпримѣрное величіе.

Первосвященникомъ послѣ Іисуса былъ сынъ его Юакимъ.

Извѣстно, что доселѣ достоинства правителя и первосвященника были раздѣлены. Но ежели вѣрить Іосифу Флавію, то они уже при Даріи начали соединяться въ одномъ лицѣ. Ибо называя теперь введенный у Іудеевъ

образъ правленія аристократією, приближавшеюся къ олигархіи, оцъ потомъ прибавляетъ: „и во все время, до той поры, какъ Асмонеи приняли царское достоинство, предстоятелями народа были первосвященники». Однако до Нееміи едва ли это къ кому идетъ, даже къ Ездрѣ, который не былъ первосвященникомъ, а только священникомъ. Слѣдовъ синедріона, ежели разумѣть подъ нимъ высшій церковный и гражданскій совѣтъ, состоящій изъ 70 членовъ, не видимъ еще никакихъ. Но если рѣчь идетъ вообще о собраніи народномъ для совѣщаній, то конечно оно было введено уже и въ эти времена. Князей отечества, о которыхъ упоминаетъ Ездра еще при первомъ возвращеніи Іудеевъ, и которые послѣ являются у него подъ именемъ старѣйшинъ, можно представлять совѣтниками Зоровавеля и его преемниковъ, безъ совѣщанія съ которыми ничего важнаго не было предпринимаемо. Въ книгѣ Нееміи называются они начальниками людей, воеводами, честными (2, 16; 5, 17). Такой составъ правленія довольно справедливо Іосифъ могъ назвать аристократическимъ и близкимъ къ олигархіи. По крайней мѣрѣ эти начальники у Іудеевъ были свои и независимы во внутреннемъ управленіи отъ какого-нибудь персидскаго намѣстника—сатрапа. Такого подчиненія не видимъ ни малѣйшаго слѣда. Правители Іудеи зависѣли непосредственно отъ самого царя.

Вообще же состояніе Іудеевъ въ разсматриваемое нами время можно назвать довольно благоустроеннымъ. Они жили въ родной сторонѣ, какъ свободный народъ, потому что по милости царей не платили никакой дани, имѣли храмъ, могли приносить жертвы. Недавній плѣнъ еще былъ слишкомъ памятенъ, чтобы народъ могъ забыть, за что былъ такъ жестоко наказанъ. Еще и благодарное чувство за избавленіе отъ плѣна было живо. Однимъ словомъ, новопосажденному на берегахъ Іордану обществу оставалось въ безмятежной тишинѣ возрастать, размножаться и созрѣвать для того великаго времени, когда

оно должно было увидать въ нѣдрахъ своихъ благословеннаго Мессію. По крайней мѣрѣ въ продолженіи 36-лѣтняго правленія Даріева ничто не могло нарушить покоя и возмутить благоденствіе народа іудейскаго.

По смерти этого добраго для Іудеевъ государя вступилъ на престоль сынъ его Ксерксъ, мало похожій на своего отца. При немъ народъ Божій, едва еще начинавшій отдыхать и залѣчивать глубокія язвы свои, долженъ былъ испытать страшную грозу, которая окончилась бы совершенною гибелью его, ежели бы она не была отвращена особенною милостію Божіею. Главнымъ образомъ опасность угрожала тѣмъ Іудеямъ, котрые оставались въ провинціяхъ персидской монархіи, какбы для того, чтобъ они увидѣли въ ней гнѣвъ Господа, за безчувственность къ милости Его, за то что отвергли возвращаемое имъ отечество.

На 3-мъ году правленія Ксерксъ давалъ своимъ сатрапамъ и всѣмъ высшимъ сановникамъ государства пиръ. Безъ сомнѣнія онъ соотвѣтствовалъ величію царя, который считалъ въ своей державѣ 127 провинцій. Весьма вѣроятно, что этотъ пиръ данъ былъ съ тою между прочимъ цѣлю, чтобы въ собраніи сатраповъ заняться совѣщаніемъ касательно знаменитаго и несчастнаго похода въ Грецію. Упоенный недавними успѣхами въ Египтѣ царь мечталъ сдѣлаться повелителемъ міра. На этомъ пиру случилось одно неожиданное обстоятельство, которое имѣло важное послѣдствіе для Іудеевъ. Царь повелѣлъ евнухамъ привести въ собраніе вельможъ свою жену Астинь. Царица отказалась. Въ гнѣвѣ Ксерксъ предложилъ поступокъ ея на разсмотрѣніе своихъ совѣтниковъ, которые опредѣлили: чтобы не взяли и прочія жены съ царицы примѣра, опаснаго для мужей, лишить ее высокаго сана и возложить вѣнецъ на достойнѣйшую. Царь принялъ это опредѣленіе и Астинь была немедленно удалена. По обычаю востока сдѣланъ былъ выборъ изъ красивѣйшихъ дѣвицъ, и честь сдѣлаться супругою царя досталась ев-

рейкъ—Есѣири, воспитавшейся у своего двоюроднаго брата Мардохея, который происходилъ изъ Веніамина колѣна и жилъ въ Сузахъ. Это уже было по возвращеніи Ксеркса изъ несчастнаго похода, на 7-мъ году его правленія. Между тѣмъ самъ Мардохей еще прежде имѣлъ случай оказать царю великую услугу. Онъ узналъ о заговорѣ двухъ свнуховъ противъ жизни царя и донесъ на нихъ. Этотъ случай былъ записанъ въ дневникъ царскій, но открывшаго заговоръ царь забылъ наградить какъ слѣдуетъ.

Около этого времени возвысился при дворѣ нѣкто Аманъ, котораго одни признаютъ амалекитомъ, другіе македоняниномъ. Царь такъ любилъ его, что повелѣлъ даже оказывать ему знаки царскаго уваженія. Всѣ встрѣчавшіеся съ Аманомъ должны были падать ницъ. Мардохей, какъ истый израильтянинъ, не могъ и не хотѣлъ такъ унижаться передъ царскимъ любимцемъ. Его предостерегали, но Мардохей отвѣчалъ, что ему запрещаетъ религія такой образъ почитанія. Аманъ, раздраженный дерзостію еврея, задумалъ отмстить всей націи. Вѣроятно Іудеямъ со временъ Кира было хорошо жить въ областяхъ персидскихъ, а можетъ быть еще и лучше, нежели ихъ братіямъ въ отечествѣ. Этимъ и объясняется, что послѣ Зоровавеля между ними не было вовсе желающихъ возвратиться въ отечество. Между тѣмъ благосостояніе плѣнниковъ естественно возбуждало зависть въ Персахъ, и на нее-то Аманъ могъ рассчитывать, какъ на одно изъ вѣрныхъ средствъ къ достиженію своей цѣли. Онъ началъ тѣмъ, что старался очернить передъ царемъ плѣнниковъ, представляя ихъ народомъ челоуѣконенавистнымъ, отличающимся отъ другихъ народовъ странными обычаями, склоннымъ къ возмущеніямъ, у котораго и законы противны законамъ другихъ народовъ и даже собственнымъ повелѣніямъ царя. Онъ говорилъ, что стыдъ и позоръ для государства терпѣть такой народъ, и что было бы достойнымъ царя дѣломъ перебить всѣхъ этихъ негодныхъ людей, которые только

обогащаются на счетъ его подданныхъ, и что онъ съ своей стороны, ежели бы получилъ на то полномочіе, внесъ бы за это 10,000 талантовъ серебра въ царскую казну, которая была теперь конечно истощена. Царя не нужно было убѣждать долго. Онъ вѣрилъ, что любимецъ даетъ добрый совѣтъ, и отвѣчалъ Аману: деньги оставь у себя, а съ народомъ дѣлай что хочешь. Царь и не задумался, что дѣло идетъ о жизни нѣсколькихъ тысячъ людей, которые ни въ чемъ не были виноваты. Аманъ рѣшился произвести кровопролитіе по всему царству въ одинъ день. Посему отъ имени царя всѣмъ сатрапамъ были разсланы повелѣнія за царскою печатью, чтобы въ 14 день мѣсяца Адара весь родъ іудейскій съ женами и дѣтьми былъ преданъ совершенному истребленію, а ихъ имущество предоставлялось расхитить совершителямъ приговора. Этотъ день давно уже былъ назначенъ Аманомъ: онъ выбранъ по жребію. Чтобы предупредить бѣгство, или какое-нибудь сопротивленіе, повелѣнія переданы были правителямъ областей и городовъ съ величайшею поспѣшностію. Въ Сузахъ указъ былъ обнародованъ публично. Мардохей, котораго извѣстность царю давала свободный входъ и выходъ при дворѣ, но не доступъ къ особѣ царя, пришелъ въ величайшее смятеніе, когда узналъ объ этомъ указѣ. Царица, его сестра, ничего не знала. Услыхавъ, что Мардохей облекся въ печальную одежду и не ходитъ въ царскіе чертоги, она желала знать причину и послала къ нему своего евнуха. Черезъ него Мардохей увѣдомилъ о всемъ дѣлѣ и отправилъ къ ней копію съ указа, съ убѣдительнѣйшею просьбой употребить предъ царемъ свое ходатайство за народъ осужденный. Есѣиръ по нѣкоторомъ колебаніи рѣшилась отважиться на все для спасенія своего народа. Заповѣданъ былъ всѣмъ евреямъ, живущимъ въ столицѣ, тридневный постъ, по окончаніи котораго царица рѣшается предстать царю безъ зова. Такъ какъ это было запрещено закономъ, то царь былъ весьма разгнѣванъ такою дерзостію. Испуганная гнѣвнымъ видомъ

его, Есѣирь лишилась чувствъ. Но обезпеченный царь сошелъ съ своего престола, и когда царица нѣсколько оправилась отъ смущенія, милостиво спросилъ ее, о чемъ она хочетъ просить его, присовокупивъ, что не пожалѣтъ для нея даже половины своего царства. Но Есѣирь ничего не просила кромѣ того, чтобы онъ вмѣстѣ съ Аманомъ пришелъ къ ней на вечерю, которая была уже готова. Царь согласился и Аману послано было приглашеніе. Примѣчая, что у Есѣири лежитъ что-то на сердцѣ, царь за вечерю повторилъ требованіе, чтобы она сказала ему свое желаніе, и увѣрялъ, что исполнить его. Но и теперь она ни о чемъ больше не просила, какъ только, чтобы царь опять вмѣстѣ съ Аманомъ отобѣдалъ у нея на завтрашній день. Медленіемъ своимъ она достигала двухъ цѣлей: и въ любимцѣ царя не возбудить безпокойства и царя расположить къ себѣ до такой степени, чтобы несомнѣнно испросить у него исполненіе своей просьбы. Не нивложивъ Амана, она не могла надѣяться достигнуть своей цѣли.

По окончаніи вечера, упоенный честію, какую оказала ему царица, Аманъ, возвращаясь домой, у дверей царицыныхъ чертоговъ встрѣтился съ Мардохеемъ. И на этотъ разъ еврей отказалъ ему въ колѣнопреклоненіи. Конечно Аману тяжело было перенести такое оскорбленіе. Возвратившись домой, онъ созвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ своихъ приближенныхъ и рассказалъ имъ о тѣхъ знакахъ уваженія, которыми былъ осыпанъ нынѣ отъ Есѣири, а также и о своей встрѣчѣ съ Мардохеемъ. Я поставленъ, говорилъ онъ, выше всѣхъ вельможъ царства, и только этотъ одинъ еврей осмѣливается оказывать мнѣ такое неуваженіе. Друзья отвѣчали ему, что его не трудно наказать, что стоитъ только найти дерево высокое (такъ какъ гордецу неприлично висѣть на низкомъ), а казнь можетъ быть совершена завтра. Между тѣмъ въ эту ночь случилось такъ, что царь не могши долго заснуть, приказалъ читать себѣ дневникъ своего правленія. Дошло до того

заговора, который былъ открытъ Мардохеємъ. Царь спросилъ, награжденъ ли спаситель его жизни; всѣ отвѣчали, что не знаютъ ни объ какой особенной наградѣ, или чести, назначенной этому человѣку. На утро является къ царю Аманъ, чтобы выпросить у него позволеніе совершить казнь евреевъ, начиная съ Мардохея. Но царь, не давая ему говорить, спросилъ его, какую бы, по его мнѣнію, приличнѣе всего оказать почесть человѣку, которому царь захотѣлъ бы показать особенный опытъ своего уваженія. Не сомнѣваясь, что царь имѣетъ его въ виду, Аманъ отвѣчалъ: кому царь хочетъ показать свое уваженіе, на того онъ повелитъ одному изъ первыхъ вельможъ надѣть платье, какое онъ надѣвалъ въ день вѣнчанія на царство, посадить его на царскаго коня, провести по главнымъ улицамъ столицы, и провозгласить предъ нимъ: такова честь тому, кого царь почитаетъ достойнымъ чести! Хорошо, сказалъ царь, возьми мое платье и коня, и окажи эту честь еврею Мардохею. Повелѣніе надлежало исполнить тотчасъ же и буквально. И исполнить его долженъ былъ самъ же Аманъ. По исполненіи порученія онъ приходитъ въ свой домъ, и съ негодованіемъ рассказываетъ о нестерпимомъ огорченіи, которое разстроило совѣтъ его планъ, и поклялся до тѣхъ поръ не успокоиться, пока не истребитъ смертельнаго врага своего. Но смущенные друзья не скрыли отъ него, что борьба съ Мардохеємъ теперь опасна, что вѣроятно теперь онъ и самъ далъ клятву подобную Амановой. Пока разсуждали у Амана, за нимъ пришли отъ царицы посланные звать его къ обѣду. За обѣдомъ царь снова требуетъ отъ своей супруги, чтобы она открыла ему, какую просьбу таитъ такъ долго, и снова подтвердилъ, что онъ сдѣлаетъ для нея всё. Ежели я такъ счастлива, отвѣчала она, что царь удостоиваетъ меня милости своей, то я осмѣливаюсь просить у тебя жизни себѣ и своему народу. Мои единоплеменники вмѣстѣ со мною всѣ осуждены на гибель. Ежели бы мы проданы были въ рабство,

я бы молчала, хотя врагъ не вознаградилъ бы ущерба царя (угрожая лишеніемъ многихъ тысячъ полезныхъ подданныхъ). Кто это осмѣливается дѣлать? перебилъ ее царь. Злодѣй, который насъ преслѣдуетъ, отвѣчала Есѣирь, здѣсь. Аманъ окаменѣлъ. Разгнѣванный царь всталъ и вышелъ въ галлерею сада. Пользуясь этою минутой, Аманъ умоляетъ царицу о помилованіи. Возвратившійся неожиданно царь застаётъ его обнимающимъ ноги Есѣири и находитъ положеніе своего любимца оскорбительнымъ для своей чести. Онъ повелѣваетъ немедленно вывести его вонъ. А между тѣмъ одинъ изъ внуховъ сказываетъ царю о деревѣ, которое приготовилъ Аманъ для Мардохея. Пусть же самъ онъ будетъ на немъ повѣшенъ, сказалъ царь, и повелѣніе исполнено тотчасъ же. Ближайшимъ слѣдствіемъ этаго происшествія было возвышеніе Мардохея, котораго царица представила Ксерксу, какъ своего втораго отца и воспитателя. Онъ получилъ всѣ достоинства, какими облеченъ былъ Аманъ, вмѣстѣ съ его палатами и огромнымъ имуществомъ. Повелѣніе объ истребленіи Іудеевъ было немедленно остановлено новымъ эдиктомъ, въ которомъ Іудеямъ вмѣстѣ съ жизнью отдали и справедливость, какъ читателямъ великаго Бога, и какъ народу, полезному и честному. Но мщеніе Есѣири было ужасное: оно не ограничилось домомъ и семействомъ Амана. Побѣду надъ этимъ врагомъ праздновали Іудеи кровавыми жертвами. Сама царица просила у Ксеркса дня для этого кровопролитія. Въ Сузахъ Іудеи умерили 500 человекъ своихъ открытыхъ враговъ, а по провинціямъ число убитыхъ ими простиралось свыше 75,000. Добычи отъ убитыхъ Іудеи не касались.

Въ вѣчное воспоминаніе такого избавленія Мардохея установилъ ежегодно торжествовать два дня въ мѣсяцѣ Адарѣ, сопровождая празднество это всѣми знаками радости, особенно же дѣлами состраданія и нищелюбія. Эти дни: 14 и 15. Самый праздникъ получилъ названіе *Пуримъ*, что значитъ жеребьи, потому что онъ совершает-

ся въ тотъ самый день, который Аманомъ по жребію былъ назначенъ для истребленія Іудейскаго народа. Такимъ образомъ церковь Іудейская получила новое празднество, которое въ членахъ ея должно было возвысить и оживить благочестіе чувствомъ благодарности Богу за великое избавленіе. Послѣ этой страшной опасности, Іудеи наслаждались совершеннымъ благоденствіемъ въ странахъ персидскихъ во все время правленія Ксерксова, потому что теперь они имѣли твердую опору и вѣрную защиту въ единоплеменной царицѣ и ея братѣ. Могущественное ихъ вліяніе, по замѣчанію писателя книги Есѣирь, было даже въ томъ отношеніи благотворно, что приобрѣло Церкви множество прозелитовъ (8, 17).

Нынѣшніе Іудеи празднуютъ дни Пурима слѣдующимъ образомъ. 13 день мѣсяца Адара провождаютъ въ постѣ въ воспоминаніе поста Есѣири и сузскихъ Іудеевъ. День этотъ называется въ іудейскомъ календарѣ *постомъ Есѣири*. Богатые Іудеи раздають бѣднымъ такъ называемое *серебро дани Пуримъ* въ положенномъ по закону количествѣ. Бѣдные должны употребить эти деньги на празднество слѣдующаго дня, такъ чтобы отъ нихъ ничего не оставлять къ другому дню. Вечеромъ мужчины, женщины и дѣти собираются въ синагогу, гдѣ при зажженныхъ лампахъ читается книга Есѣирь. Всякой разъ, когда встрѣчается имя Амана, всѣ хлопаютъ въ ладоши, бьютъ кулаками, или палками по скамьямъ, и кричатъ: „да истребитсѣ имя его, или: проклять Аманъ, благословенъ Мардохей,—или: проклята Засара, жена Амана, благословена Есѣирь; прокляты всѣ идолослужители, благословенны всѣ израильтяне; имя нечестивыхъ да будетъ смердаще!“ Мальчики держатъ въ рукахъ два камня, или двѣ дощечки, на которыхъ написано имя Амана, и бьютъ ихъ одну объ другую до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не сотретсѣ это имя. Прежде Іудеи распинали человѣческое чучело, сдѣланное изъ соломы, и бросали его потомъ въ огонь, но это имъ было запрещено императорами Гоноріемъ и

Оеодосіемъ. Нынче берутъ они изваянный образъ, ставятъ на кровлѣ своихъ домовъ, чтобы этимъ означить высоту дерева, на которомъ повѣшенъ Аманъ, и потомъ бросаютъ его въ огонь. Въ пяти мѣстахъ книги Есѣиръ читающій на словѣ Есѣиръ кричитъ и вопить изъ всѣхъ силъ, а имена десяти сыновъ Амана выговариваетъ за одинъ духъ, дабы показать, что они всѣ десятеро умерщвлены были въ одно мгновеніе. По прочтеніи книги Есѣиръ всѣ идутъ по домамъ и устрояютъ добрую вечерю. На слѣдующій день рано утромъ опять всѣ собираются въ синагогу, и слушаютъ чтеніе малой *параши*, или отдѣленія изъ Исх. 17, 8—16, гдѣ говорится объ Амаликѣ, отъ котораго производятъ они Амана; послѣ параши они оставляютъ синагогу и учреждаютъ въ этотъ день великолѣпное пиршество, сопровождаемое различными играми и увеселеніями. Съ пиршества они посылаютъ по крайней мѣрѣ блюда по два своимъ друзьямъ, и всякое достаточное семейство дѣлаетъ не меньше двухъ подаяній бѣднымъ. Особенно пьютъ они много вина въ эти дни, потому что Есѣиръ за пиромъ испросила помилованіе своему народу, и гибель Аману. Талмудъ позволяетъ пить до того, чтобы уже не было состояніи различать между словами проклятія Аману и благословенія Мардохею. Работа во дни праздника Пуримъ не запрещается Іудеямъ, но они никогда не работаютъ, потому что Талмудъ увѣряетъ, что удачи не будетъ.

Игуменъ лавры преп. Саввы Освященнаго о. Іоасафъ.

(Некрологъ присланный изъ Іерусалима.)

17-го марта, въ 11 часу ночи, въ Іерусалимѣ, отошелъ ко Господу достойный вѣчной памяти игуменъ лавры преп. Саввы Освященнаго, духовникъ святителей и всей патріархіи Іерусалимской, отецъ архимандритъ *Іоасафъ*. Лич-

ность покойнаго, глубоко чтима на всемъ Востокѣ, такъ душевно дорога мпогимъ и въ Россіи, что вѣсть о его кончинѣ, конечно, возбудитъ въ нихъ искреннее сожалѣніе и молитвенное воспоминаніе; ихъ сердечному участию приносимъ мы эти грустныя строки о почившемъ великомъ старцѣ.

Блаженный старецъ игуменствовалъ въ лаврѣ св. Саввы почти 30 лѣтъ, прожить въ ней 58 лѣтъ, всей жизни его было болѣе 80 лѣтъ. Во весь этотъ долгій періодъ времени онъ очень рѣдко болѣлъ; почти до послѣдняго года своей жизни онъ пѣшкомъ хаживалъ въ Іерусалимъ (отъ лавры три часа пути, около 15 верстъ.). И только недавно видѣли его въ Іерусалимѣ ѣдущимъ на осленкѣ, плохенькомъ, невзрачномъ, видѣли и удивлялись, какъ это онъ позволилъ себѣ ѣхать. А между тѣмъ, года три назадъ, его постигнулъ ударъ. И хотя это не имѣло видимыхъ вредныхъ послѣдствій, но преклонныя годы, суровость лаврской жизни, непрестанная дѣятельность, молитвенныя ночи, жгучій и удушливый зной каменнаго ущелья, гдѣ пріютилась обитель, все это тяжело ложилось на его слабѣющія силы. Прошлымъ лѣтомъ онъ былъ еще бодръ и подвиженъ и ни на что не жаловался; но на первой недѣлѣ истекшаго великаго поста мы видѣли его въ обители уже весьма ослабѣвшимъ: старецъ ходилъ медленно, останавливался, но отклонялъ всякую помощь; по прежнему однако онъ посѣщалъ богослуженіе, исповѣдывалъ поклонниковъ, громко говорилъ къ народу и былъ неизмѣнно привѣтливъ. Эта привѣтливость особенно трогала на исповѣди; здѣсь она дышала какой-то благодатною силой: кроткой, задушевной улыбкой встрѣчалъ онъ приходящаго грѣшника и этой кротостью какъ бы раскрывалъ его сердце для полнаго покаянія. И какъ потомъ многіе глубоко цѣнили его назиданія, плодъ его опытности духовной, и растворенныя любовію и смиреніемъ! Въ 3-е воскресеніе поста онъ отслушалъ обѣдню, самъ пѣлъ и читалъ на клиросѣ, съ замѣтною силою и звучностію,

и потомъ отправился на виноградники, близь Виелеема, принадлежащіе его лаврѣ; тамъ онъ надзиралъ за работами и самъ обрѣзывалъ виноградныя лозы. Но необыкновенно сурова и долга была въ этомъ году зима въ Іерусалимѣ; почти непрерывно шли дожди и свирѣпствовали рѣзкіе сѣверозападные вѣтры; работа на дождѣ и вѣтрѣ скоро и окончательно подсѣкла его надломленныя силы. Онъ заболѣлъ отекомъ легкихъ (*emphysema pulmonaris* и слегъ, и восемь дней провелъ безъ всякой помощи, въ холодномъ зданіи, на сыромъ, почти измоченномъ одрѣ. Напрасно порывался послушникъ пойти въ Виелеемъ за помощью; „*оставь! не нужно!*“ приказывалъ ему старецъ. Послушникъ наконецъ безъ его вѣдома бѣжалъ въ Виелеемъ и сообщилъ братіи о болѣзни ихъ духовнаго отца. Тѣ поспѣшно дали знать въ патріархію, откуда немедленно посланы были посылки для перенесенія его въ Іерусалимъ, въ патріаршую больницу. Братія усадили старца на носилки, покрыли шубами, и носильщики-арабы, подъ непрестающимъ дождемъ, принесли его почти безчувственнаго въ Іерусалимъ. Приванный на помощь докторъ нашелъ состояніе его безнадежнымъ. Скоро узнали объ этомъ его духовныя дѣти и многочисленные почитатели и спѣшили къ нему въ больницу навѣстить его, проститься и принять послѣднее благословеніе. Не замедлилъ посѣтить его и нашъ архимандритъ, который читилъ его беспредѣльно, съ сыновней вѣрою и любовью; за нимъ устремились и другіе русскіе жильцы нашихъ построекъ и поклонники. *Богъ да прѣститъ! Богъ да прѣститъ!* говорилъ имъ старецъ, слушая ихъ просьбы о прощеніи и молитвѣ. Такимъ образомъ Господь привелъ его въ Іерусалимъ какъ бы для того, чтобы онъ преподалъ свое послѣднее благословеніе городу и далекой Россіи, въ лицѣ ея поклонниковъ. Въ теченіе шестидневной своей жизни въ больницѣ, онъ былъ два раза приобщенъ Св. Таинъ и напутствованъ благодатью елеосвященія. До самой кончины своей онъ сохранилъ полное сознаніе и память, узнавалъ

приходившихъ знакомыхъ, называлъ ихъ, благословлялъ. Онъ предчувствовалъ свою близкую кончину. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, когда ему сказали о тяжелой болѣзни одного изъ старѣйшихъ братіи св. Гроба, онъ отвѣчалъ: *я прежде его умру!* Онъ какъ будто не хотѣлъ болѣе жить; за четыре дня до смерти говорилъ приближеннымъ въ больницѣ: *гробъ готовъ*; просилъ, чтобы его отпѣвали и похоронили безъ всякаго парада, въ его обители, и часто повторялъ: *когда же къ Саввѣ? когда къ Саввѣ?* 17 марта, въ день воскресный, послѣ обѣдни, его постигла одна изъ духовныхъ дочерей. Видя его угасающимъ, она осмѣлилась спросить: *пріобщались ли вы, батюшка?*—*Уже два раза!* Не хотите ли вы еще сегодня? предложила она съ теплымъ чувствомъ вѣрующей женщины. *Хорошо! скорѣй, скорѣй!* И немедленно принесены были Святые Дары, и болящій имѣлъ великое утѣшеніе пріобщиться Пречистаго Тѣла и Крови Господней, въ самый день кончины. Послѣ этого, остальные часы жизни его были непрерывнымъ молитвеннымъ изліаніемъ его духа. *Святый Савва, святый Савва! св. Иоаннъ Дамаскинъ!* повторялъ онъ многократно и все обращался на правую сторону и улыбался, какъ будто видѣлъ ихъ, святыхъ покровителей своихъ, пришедшихъ повести его къ Господу. *Всесвятая Богородице! осесвятая Богородице!* взывалъ онъ умиленно въ свой послѣдній часъ. Предсмертная агонія его была безъ особыхъ страданій; въ половинѣ 11-го часа ночи, съ молитвою въ устахъ и въ сердцѣ, онъ испустилъ послѣднее дыханіе, тихо, незамѣтно. Спѣлый колосъ палъ, подрѣзанный серпомъ смерти, и взятъ въ житницу Божію... *Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его.*

На Востокѣ не медлятъ погребеніемъ. Къ утру честное тѣло почившаго было опрятано, одѣто въ схиму, зашито и внесено въ больничную церковь. Раннимъ утромъ соборный колоколъ храма Гроба Господня возвѣстилъ Иерусалиму о великой потерѣ. Не о всякомъ служителѣ

Божіемъ гласить святогробскій колоколь, и потому Іерусалимъ тотчасъ узналъ, кого онъ лишился. По звону колокола, многіе изъ города и наши поклонники съ о. архимандритомъ поспѣшили отдать старцу *последнее цѣлованіе, благодаряще Бога*. Россія же принесла покровъ на его страдальческое лицо: вокругъ бѣлаго креста на его параманѣ свѣтились русскія слова: *святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безмертвый, помилуй насъ*. Для прощанія была открыта только правая рука, исхудалая и желтая какъ воскъ, рука, не дававшая себѣ покоя до вѣчнаго отдыха; пальцы ея были сложены для крестнаго знаменія. Въ 8 часу утра, послѣ краткой литіи и прочтенія патріархомъ разрѣшительной молитвы, тѣло усопшаго было вынесено изъ церкви священнослужителями и положено въ погребальныя и зарѣшетченныя носилки (такъ какъ гробовъ здѣсь не употребляютъ, а передаютъ тѣло прямо землѣ). Началось скромное, умиленное и рѣдкое шествіе изъ Іерусалима въ обитель св. Саввы. Едва захвативъ главную улицу Іерусалима, оно направилось въ Яффскія ворота и стало огибать Сіонъ, по узкой и стропотной дорожкѣ, опускающейся въ юдолъ плачевную. Архиепископъ севастійскій Никифоръ и нѣсколько священнослужителей предшествовали почившему; за воротами они сѣли на лошадей и поѣхали впередъ; русскіе поклонники и поклонницы, въ простотѣ сердечной, составили импровизированный хоръ и запѣли: *Святый Боже*. Толпа народа чужаго, пришедшаго съ разныхъ концовъ міра, молилась за того, кто давно отрекся отъ міра, но всѣмъ былъ душевно близокъ и всѣхъ не тѣсно вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ. То и дѣло настигали его новыя лица, и многіе старались понести или хотя прикоснуться къ погребальнымъ носилкамъ. Погода стояла свѣтлая, теплая; это былъ первый весенній день въ настоящемъ году,—онъ возсіялъ какъ бы для того, чтобы проводить отходящаго къ Невечернему Свѣту. Такъ наконецъ пошелъ „къ Саввѣ“, постоянно о немъ воспоминавшій въ болѣзни настоя-

тель его обители. И на пути, своею открытою рукой, какъ бы благословлялъ Сіонъ и всѣ окрестности, самъ уходя къ горнему Сіону. Провожая его, невольно вспоминалось, что вѣрный рабъ Господа, умершій съ надеждой воскресенія, скончался въ день *воскресный*; въ день памяти Алексѣя, *человѣка Божія*, скончался поистинѣ Божій человѣкъ; а въ настоящій день, въ его обители, придѣльный храмовой праздникъ святителя Кирилла *Иерусалимскаго*, и старецъ поспѣшалъ на праздникъ къ родному святителю... О, встрѣтитъ его и святитель и введетъ его въ радость Господа! Въ обители возгласятъ надъ нимъ пѣсни Іоанна Дамаскина, который самъ тамъ же почиваетъ... Сердца вѣрующія ловили всѣ эти добрыя знаменія, слагали ихъ во едино и выводили утѣшительныя заключенія. Немедленно за городомъ смѣнили арабы уставшую братію, несшую одръ. Кедрскій потокъ шумѣлъ и игралъ, какъ этого давно съ нимъ не бывало; онъ словно спѣшилъ донести братьямъ обители вѣсть, что памятный ему старецъ идетъ въ иную, далекую, лучшую обитель и только зайдетъ къ нимъ на вѣки проститься... А народъ все прибывалъ и настигалъ шествіе, кто на ослѣ, кто на лошади, а кто бѣжалъ запыхавшись, чтобы хоть поклониться праху того, кого быть можетъ ни разу не видалъ въ жизни. А знавшіе его близко ловили всякую остановку гроба, каждый разъ цѣловали усопшаго руку, чело, падали предъ нимъ на землю, заливались слезами; самыя спокойныя лица туманились скорбію и грустно прощались съ нимъ, грустно за себя, за свое сиротство; а за него никто не испытывалъ никакой тоски и боязни смертной: всѣ чувствовали и знали, что провожаютъ праведника на свѣтлое торжество. *Ближени мертвию, умирающіи о Господь!* Нечего и говорить, что большую часть въ провожавшей толпѣ составляли русскія женщины. „Воротитесь!—говорили имъ за городомъ: вамъ въ обитель нельзя войти“. А тѣ все-таки идутъ, не внемля совѣту. „Да куда же вы идете?—повторяютъ

имъ: владыка приказываетъ вамъ вернуться. Не нарушать же для васъ устава обители“. *Да мы, батюшка, только до обители проводимъ!*—говорятъ простыя заплаканныя лица... А до обители 15 верстъ труднаго пути!...—Что двигало ихъ? что вызывало эти слезы?... Быстро несли арабы тѣло почившаго. Не разъ по этути пути, бывало, видали его кочевые бедуины идущимъ спѣшно, одиноко, молитвенно и падали предъ нимъ и цѣловали его руку, край его одежды. Съ такимъ же добрымъ чувствомъ уносили теперь арабы тѣло почившаго, какъ дорогое сокровище. Смѣняясь въ пути, безъ всякихъ остановокъ, они достигли обители вполдень. На встрѣчу имъ вышла осиротѣлая братія, и предъ стѣнами обители совершена была литія о ея настоятелѣ, такъ необычно теперь входящемъ въ нее. Братія внесли почившаго отца своего въ соборный храмъ и немедленно начали отпѣваніе. Тотъ же архіепископъ Никпфоръ съ пятью священнослужителями воздавалъ этотъ послѣдній долгъ. Русское консульство, въ знакъ уваженія къ почившему, прислало, для присутствія при его погребеніи, своего драгомапа съ кавасомъ... Послѣ отпѣванія тѣло почившаго было изнесено предъ усыпальницу, изсѣченную въ нѣдрахъ скалы, подъ небольшою площадкою обители. Оригинальна эта единственная въ мірѣ усыпальница. Вы опускаетесь въ нее сквозь узкое отверстіе, упиравсь въ камень, служащій подножіемъ; съ камня вы ступаете на полъ гробоваго покоя: это не широкій корридоръ, аршинъ 9 длины, со сводомъ въ ростъ человѣка; по бокамъ корридора подѣланы уступы, насыпанные землею, поддерживаемые каменной стѣной; на нихъ лежатъ тѣла усопшихъ, зашитыя въ покровы, но ничуть не покрытыя землею. Въ это время тамъ лежало три тѣла уже почти истлѣвшихъ; но никакой гнили, никакого тяжелаго запаха не было слышно. Въ особомъ углубленіи, на востокъ, складываются уже распавшіяся кости усопшихъ. На этомъ тѣсномъ пространствѣ, между храмами обители, почившіе какъ бы внимаютъ богослуженію

и тѣсно примыкають ко гробу своего перваго настоятеля св. Саввы. Его гробница находится въ противоположномъ углубленіи, на западѣ, въ особой малой пещерѣ, надъ кою нынѣ возвышается шестигранная часовня. Въ пещерѣ *Освященнаго* не кладутъ никого. Но на ближайшемъ къ ней уступѣ положили тѣло достойнаго преемника его, близкаго ему по духу, блаженнаго Юасафа, положили до дня востанія. Затѣмъ узкій спускъ въ подземелье снова былъ плотно заложень камнемъ и замазанъ известью... И для глаза ничего не осталось отъ Юасафа, одного изъ немногихъ свѣтильниковъ современной Палестины!..

А русскія поклонницы таки-добѣжали до обители св. Саввы. Не имѣя возможности проникнуть внутрь ея, онѣ пріютились недалеко отъ ограды, въ одной изъ скалистыхъ пещеръ, куда загоняють на ночлегъ лошадей, ословъ; тамъ, среди мокроты, холода, удушливаго воздуха, провели онѣ всю ночь и только на другой день возвратились въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ ихъ, Россія послала почившему теплыхъ молитвенниковъ съ разныхъ концовъ своихъ. Да помолится же онъ *тамъ* о всей Россіи, о ея вѣрѣ и благѣ и спасеніи!...

Будущему, другимъ людямъ предстоить высокая честь начертать біографію сего замѣчательнаго старца; мы теперь приведемъ лишь немногія свѣдѣнія о его жизни и отзывы о немъ лицъ, близко знавшихъ его и неоднократно съ нимъ бесѣдовавшихъ.

Отецъ Юасафъ родился въ 1790 годахъ, на о. Критѣ. Въ ранніе годы онъ прибылъ въ Іерусалимъ и поступилъ въ клиръ патріарха Поликарпа. Святитель скоро замѣтилъ въ немъ скромнаго, благоговѣйнаго инока, рукоположилъ его въ іеродіакона и постоянно отличалъ его своимъ отеческимъ вниманіемъ; но о. Юасафъ тяготился шумомъ, неизбежнымъ при дворѣ патріаршемъ, и въ 1821 году удалил-

исполнять самъ всѣ низшія должности и ни одной изъ нихъ не считалъ унижительной для себя; въ церкви онъ пѣлъ и читалъ на клиросѣ, въ келліи самъ мылъ для себя бѣлье.

При своей неустанной дѣятельности, онъ успѣлъ еще много перечитать священныхъ книгъ и стяжалъ сильный духовный разумъ и рѣдкую пронидательность. Онъ зналъ всѣ житія св. отшельниковъ, тщательно собиралъ преданія и записывалъ всякое доброе дѣло и слово своихъ сподвижниковъ въ домашній патерикъ. И все это живо сохранилось въ его свѣтлой памяти. Многимъ не приходило и на мысль, чтобы столь глубокія познанія таились подъ оболочкою его простоты, повидному грубой.

Келья его, гдѣ едва можно поворотиться, достойна первыхъ подвижниковъ: одна комната полусвѣтлая, съ маленькимъ оконцемъ, вся около 4 аршинъ; у стѣны— три доски на подставкахъ, на нихъ рогожа: это его постель; въ углу икона Божіей Матери, у другой стѣны, на полкѣ, богослужебныя книги: это все ея убранство; въ уголку замѣтенъ гвоздикъ, на которомъ онъ вѣшалъ свою рясу; когда послѣ его кончины посѣтители зашли къ нему въ келью, гвоздикъ былъ осиротѣлымъ: ряса у него была только одна. И въ этой кельѣ онъ прожилъ безсмѣнно 58 лѣтъ.

Если его встрѣчали внѣ кельи, то ни по его виду, ни по одеждѣ никто не узнавалъ въ немъ начальника обители. Онъ казался проще всѣхъ; старая синяя грубой шерстяной матеріи ряса и войлочная камилавка—такія же и у него, какъ и у всѣхъ, если не хуже еще. Между убогою братією онъ былъ самый смиренный. По отзыву самихъ монаховъ, послушники многихъ монастырей держатъ себя куда важнѣе этого великаго простеца о Христвъ Исусѣ. Сколько было доброты и симпатичной простоты въ его смугломъ и морщинистомъ лицѣ, въ интонаціи его голоса! Съ какою дѣтскою улыбкой говорилъ онъ, когда къ нему

обращались! Какое безпримѣрное терпѣніе съ братією и съ строптивыми, несговорчивыми арабами!

Но вотъ онъ въ Іерусалимѣ; здѣсь онъ умалется, кажется, еще болѣе, если только это возможно: идетъ ли по улицѣ, онъ жмется къ сторонкѣ; придетъ ли куда въ доброе семейство, попадетъ въ общество, онъ укроется въ уголокъ; не заботьтесь его усадить на почетномъ мѣстѣ,— онъ уже сидитъ на полу, на рогожѣ. Не подносите ему лишней чашки чая, онъ и вторую пьетъ рѣдко, и то по приказанію патріарха, *изъ послушанія*.

Ограничивая постоянно такимъ образомъ себя, онъ былъ безграниченъ о щедрѣ на услуги поклонникамъ, особенно если замѣчалъ въ нихъ благочестивое настроеніе. Кромѣ угощенія обычнаго при встрѣчѣ и пустыннаго за трапезой, онъ всѣмъ, что только у него было, надѣлялъ путниковъ и на дорогу, давалъ имъ проводниковъ и самъ заботился о малѣйшихъ подробностяхъ пути. Особенно, если путники отправлялись обозрѣвать развалины пустынныхъ іорданскихъ обитателей, онъ тогда нагружалъ для нихъ цѣлый обозъ: мѣшокъ пшеничныхъ хлѣбцевъ, запасъ маслинъ, смоквъ, кофе, винограднаго вина, икры, луку и проч. Въ былое время, при большей крѣпости здоровья, онъ отправлялся самъ провожать. Никто лучше его не могъ объяснять въ пустынѣ развалины обитателей, такъ какъ онъ посѣщалъ ихъ и самъ неоднократно; никто лучше его не зналъ едва видныхъ тропинокъ пустынныхъ, такъ легко ускользящихъ отъ глаза. Пѣшіи, съ посохомъ въ рукахъ, бодро шель онъ впереди, потому что по смиренію никакъ не хотѣлъ сѣсть на мула; пѣшкомъ поспѣвалъ онъ за всадниками, и только изрѣдка, на горахъ, послѣ настоятельныхъ просьбъ, позволялъ онъ себѣ сѣсть на осла и отдыхалъ отъ труднаго пути по безпріютнымъ вершинамъ. Въ пути то и дѣло указывалъ остатки обитателей, передавалъ всѣ сказанія и преданія о нихъ, указывалъ и объяснял слѣды святыхъ и древности. И какъ онъ былъ счастливъ, когда гдѣ-нибудь въ пути могъ отслужить дя-

тургію, которую въ такомъ случаѣ совершалъ на славянскомъ языкѣ!

Молитва не покидала его ни въ какомъ пути. Какъ бы ни было продолжительно странствіе, какъ ни утомителенъ часто бывалъ зной, онъ, едва подкрѣпясь скудною пищею на вечерней остановкѣ, уже поднимался на молитву. Опершись на свой страннической посохъ, онъ наизусть читалъ вечерню и утреню съ каѳизмами. И какъ умиляла его спутниковъ такая всепоцная! И какъ она возбуждала ихъ къ молитвѣ! Прочитавъ всю службу и правило, онъ безъ дальнихъ приготовленій простирался на голую землю, не принимая отъ спутниковъ ничего ни въ изголовье, ни для покрова себѣ и быстро засыпалъ сномъ праведника, какъ воинъ на мѣстѣ битвы, или какъ жнецъ утомленный дневными трудами на полѣ жатвы.

Любовь его къ святымъ отцамъ особенно выражалась въ его путешествіяхъ по обширной пустынѣ св. Града. Онъ любилъ ихъ какъ своихъ присныхъ и ничто не могло удержать его отъ чествованія ихъ памяти на мѣстахъ ихъ подвиговъ. Въ прежнее время страховъ арабскихъ, онъ не разъ подвергался грабежу, въ своихъ путешествіяхъ къ Иордану.

Однажды онъ принужденъ былъ возвратиться съ пути съ большею семьею иноковъ, потому что шайка заіорданскихъ бедуиновъ отобрала у нихъ весь хлѣбъ, запасенный на дорогу; а въ другой разъ бѣдныхъ путниковъ почти обнажили и едва дали имъ нѣсколько лохмотьевъ, чтобы только дойти до обители. Часто вспоминалъ онъ объ этихъ хищникахъ, но всегда рассказывалъ съ радушною улыбкой, будто смѣясь надъ своими бѣдами. Какъ бы ни было поздно, какъ бы ни была неблагоприятна погода, онъ, проникнутый любовію къ угодникамъ Божиимъ, отправлялся въ никому невѣдомыя ущелья и посѣщалъ развалины, прилѣпленныя къ скаламъ, куда всякому другому невозможно и страшно было подняться.

Какъ онъ былъ радъ тѣмъ, въ комъ замѣчалъ живую

любовь къ святынѣ и къ святой древности и какъ былъ признателенъ имъ за это, словно за личное для него благодѣаніе! Наибольшую внимательность въ этомъ отношеніи онъ оказалъ нашему паломнику А. Н. Муравьеву. Неизмѣнно сопутствуя ему въ теченіе нѣсколькихъ недѣль по всей пустынѣ, о. Іоасафъ счелъ это за величайшую для себя радость и выразилъ благодарность только ему одному свойственнымъ образомъ: онъ пѣшкомъ прибрелъ изъ лавры въ Іерусалимъ, въ холодъ и снѣгъ, одинъ, чтобы отслужить для путника, возвращающагося на родину, три литургіи на родномъ языкѣ, въ Геосиманіи, на св. Гробѣ и Голгоѣѣ. Цѣлый день шелъ онъ отъ св. Саввы, гдѣ не было снѣга, до Іерусалима, заходя для отдыха въ пещеры Кедронской долины, когда одолѣвала его противодышущая буря. Отслуживъ три обѣдни, онъ вышелъ за городскія стѣны, встрѣтилъ путника у крайняго холма, благословилъ его въ путь и послѣдній изъ іерусалимлянъ простился съ нимъ.

Затожъ и признателенъ ему Муравьевъ и всѣ, имѣвшіе съ нимъ сколько нибудь близкія отношенія. „Замѣчательное лицо этотъ Іоасафъ—говоритъ Муравьевъ“,—это достойный пресемникъ и подражатель св. Саввы.. Поистинѣ, онъ великое сокровище, какъ бы отголосокъ минувшаго. Большое для меня утѣшеніе, что я его здѣсь обрѣлъ“.

Почти тѣмиже словами отзываются о немъ оо. архимандриты Леонидъ, Антонинъ, путешественникъ И. К. Все, что мы привели доселѣ, это ихъ замѣтки, ихъ слова; мы только собрали сказанія изъ разныхъ книгъ ихъ, съ нѣсколькихъ страницъ *). Мало вамъ этого вниманія

*) См. Письма съ Востока, А. Н. Муравьева, Спб. 1851 г. ч. II, стр. 95, 96, 100, 101, 103, 104, 106, 109, 175, 194, 201, 206, 207, 214, 217, 281, 282, 291, 294, 298, 299; Лавра св. Саввы, брошюра арх. Леонида, 1867 г. стр. 119, 125, 126, 127, 128; его же: Старый Іерусалимъ, М. 1873 года, стр. 415, 417, 433, 454, 455, 460, 466; 26-го января въ Лаврѣ св. Саввы, архим. Антонина, К. 1868, стр. 15, 20, 21, 25, 26, 30, 38, 40, 42, 43; Дух.

единовѣрцевъ къ старцу, вотъ вамъ отношенія къ нему магометанскихъ арабовъ, вотъ самое дѣло:

Съ той самой поры, когда о. Іоасафъ былъ избранъ въ игумена лавры (т.-е. съ 1845 г.), обитель его стояла ужъ безъ страха отъ арабовъ; его нравственное вліяніе на нихъ ограждало обитель крѣпче ея высокихъ стѣнъ. Бедуины называли его своимъ старымъ шейхомъ, чтили его какъ святаго, несмотря на свое магометанство. Абуна, т.-е. отецъ нашъ—вотъ ихъ постоянное обращеніе къ нему. Повсюду, въ дикой пустынѣ іорданской, онъ ходилъ себѣ одинъ, охраняемый ихъ любовію. По знакомству съ нимъ, шейхи бедуинскіе допускали путниковъ во внутренность шатровъ своихъ...

Соединяя все это въ одинъ живой образъ, какъ не повторить отъ всего сердца слова Муравьева: „Утѣшительно встрѣтить въ жизни такія лица, какъбы выглядывающія изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ въ наше скудное столѣтіе и соединяющія между собою отдаленныя эпохи съ новѣйшими, къ назиданію нашему?“—И замѣчательно, что многіе теперь, по смерти его, вспоминая о разныхъ обстоятельствахъ его жизни, постоянно обмолвкой называютъ его—Савва: такъ духовно близокъ онъ къ своему великому образу.

А таинственныя событія его жизни—кто ихъ расскажетъ! кто ихъ соберетъ! Укажемъ хотя два-три, наибѣрѣйшія.

Однажды, надъ бывшей кельею блаж. Софіи, матери препод. Саввы, о. Іоасафъ сталъ ломать камни для своей церкви, и одинъ упалъ внутрь разоренной кельи; въ ту же ночь ему приснилась старица, въ черной одеждѣ, и запретила тревожить ея жилище. Это онъ самъ рассказывалъ Муравьеву.

Бесѣда. 1671, томъ 2-й, № 29, стр. 37, статья П. К. Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками статьи свящ. П. Соловьева въ Странникѣ 1865, февраль и мартъ. Авторъ часто посѣщалъ лавру и всматривался съ любовію и чувствомъ не въ одну ея внѣшность.

Послѣ севастопольской войны, пріѣхаль изъ Крыма въ Іерусалимъ окончить дни свои бывшій настоятель Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря митрополитъ Агаѡангелъ. Онъ скоро узналъ и оцѣнилъ о. Іоасафа; уваженіемъ и любовію отвѣчалъ ему старецъ. Прошло нѣсколько времени. Утромъ однажды входитъ къ святителю знакомый докторъ и замѣчаетъ въ немъ лихорадочный припадокъ; приняты были всѣ нужныя мѣры, но святитель быстро изнемогаетъ болѣе и болѣе и чувствуетъ близость смерти. „Ахъ, еслибы пріобщиться!“ восклицаетъ онъ. И въ ту же минуту отворяется дверь и на порогъ ея является о. Іоасафъ. Владыка пріобщился отъ него и скончался. „А мнѣ сегодня“, рассказывалъ старецъ, „какъ будто говорить кто-то: иди къ Агаѡангелу! иди къ Агаѡангелу... Я и пошелъ... Есть Богъ!...“ (Это была его любимая поговорка)!

Знакомое ему семейство испытываетъ горе: мужъ теряетъ мѣсто, жить трудно, да еще грозятъ непріятности служебныя. Жена въ слезахъ встрѣчаетъ о. Іоасафа и въ отчаяніи рассказываетъ ему о своемъ несчастіи. „Погоди малка (немножко), погоди: будетъ лучше! будетъ лучше, чѣмъ было!“ говоритъ весело старецъ. И дѣйствительно, скоро стало лучше, чѣмъ было.

Пошли однажды саввинскіе монахи на Іорданъ ловить рыбу; и одинъ изъ нихъ, русскій, Никодимъ, утонулъ при этомъ. Въ туже ночь старецъ видитъ во снѣ, что Никодимъ зоветъ его въ свою келью отслужить молебень Богоматери. Идутъ. Передъ кельей Никодимъ останавливается и смотритъ на одно мѣсто у двери; а вошедши въ келью, также внимательно глядитъ на мѣстечко у окна. Старецъ просыпается; въ тотъ же день узнаетъ онъ, что Никодимъ вчера утонулъ. Пошелъ старецъ къ кельѣ Никодима,—заперта; разломали дверь, вошли. Старецъ вспомнилъ сонъ, сталъ осматривать окно: ничего нѣтъ. Зоветъ онъ братію, рассказываетъ имъ свой сонъ, тѣ подсмѣиваются надъ нимъ. Наконецъ одинъ монахъ,

русскій же, замѣчаетъ въ стѣнѣ нитку. Давай ее тянуть—тануть и вытащили вставной камешекъ, а за нимъ 6 золотыхъ монетъ. Послѣ передѣлывали эту же келью, нашли и ключъ отъ нея и именно въ томъ мѣстѣ, куда смотрѣлъ во снѣ утонувшій...

Довольно, читатели! Оставляемъ васъ собственнымъ размышленіямъ. А намъ всего ярче представляется одно,— что блаженный старецъ и своею жизнію и смертію говоритъ намъ: „не будьте невѣрны, но вѣрны. Есть Богъ!“ Да сдѣлается эта его поговорка и вашимъ любимымъ выраженіемъ! И пошли Богъ всѣмъ намъ ее почаще вспоминать и осуществлять въ жизни!

С. Пономаревъ.

Иерусалимъ.

22 марта 1874 г.

Ц в ѣ т ы.

Мы говорили о красотѣ сѣверной осени *). Да! хорошая осень благолѣпна какъ маститая старость, прекрасна какъ лѣтній вечеръ, закатывающееся солнце долгаго дня. Но приходятъ наконецъ послѣднія ноябрскія бури, съ ревомъ и воемъ обрываютъ уцѣлѣвшія листья, гонятъ ихъ по опустѣлымъ долинамъ, по обнаженнымъ полямъ. Грустная пора! Унылы, безразсвѣтно тянутся на печальномъ небосклонѣ сѣрѣя ненастные тучи; земля безцвѣтна, беззвучна; даже безвременная зелень озимыхъ полей наводитъ тоску, какъ румянецъ человѣка, пожираемаго чахоткой. Начинается агонія. Дождь и снѣгъ въ перемежку, какъ жаръ и ознобъ изнурительной лихорадки, добиваютъ остатокъ жизни. Прощайте цвѣты и пѣсни и гнѣзда! Бѣлый, ровный, спокойный и молчаливый саванъ покрываетъ землю,

*). См. въ январской книжкѣ статью: *Вѣтви и листья*, стр. 48.

и будто навсегда засыпаетъ дыханіе жизни. Линіи кустовъ посохшей полыни, по межамъ полей, почернѣвшіе стволы тысячелистника, съ своими окоченѣвшими зонтиками, попожелтѣлыя полосы тростника, у береговъ замерзшей рѣчки,— вотъ все, что напоминаетъ о былой жизни, о прошедшемъ цвѣтеніи, о минувшемъ лѣтѣ.

Но это не смерть, а сонъ, не гибель, а только успокоеніе и отдыхъ утомившейся жизни. Растеніямъ послѣ принесенія плодовъ нужно собрать новые соки; землѣ надобно отдохнуть; когда солнца по большей части не видно и въ воздухѣ отъ мороза нѣтъ влаги,—листья не нужны: они были бы вредны во время зимнихъ бурь для вѣтвей и самаго дерева. Такъ корабль, предвидя сильную бурю, свиваетъ паруса и, съ одними голыми мачтами и реями, противостоятъ ярости вѣтровъ. Въ противномъ случаѣ паруса будутъ изорваны, мачты сломаны и самое судно можетъ быть опрокинуто. Но и во время этого отдыха растительной жизни уже готовятся задатки новой дѣятельности и зародыши новой жизни, матеріалы будущихъ работъ. Когда неумолимый борей съ яростью обрываетъ послѣдніе листья, одежду растений, на нихъ уже появляются почки,—залогъ будущей листвы, цвѣта и плодовъ. *почка*, по своему устройству и значенію, заслуживаетъ полнаго вниманія и наблюденія. Въ ней на самомъ небольшомъ пространствѣ уютно, компактно и чрезвычайно бережно уложена цѣлая горсть будущихъ листьевъ или цвѣточныхъ лепестковъ. Стоитъ бережно разобрать ихъ, распустить и смотрѣть въ увеличительное стекло: передъ вами цѣлое будущее растеніе со всѣми его отличіями *).

Знаетъ Премудрость, создающая эти зародыши будущаго, что придется имъ вытерпѣть долгую, суровую зиму, и по-

*) Недѣли за двѣ до праздника Вербнаго Воскресенья срѣзываютъ вѣтвь черемухи и ставятъ въ воду въ комнатѣ. Воду надобно ежедневно переиѣнять свѣжею, комнатной температуры. Почки проснутся, начнутъ развиваться и къ празднику готова вѣтвь съ настоящими листьями и цвѣтами, правда, очень мелкими, но свѣжими и яркими.

тому, для охраненія ихъ принимаетъ самыя нѣжныя, материнскія попеченія. Однѣ изъ почекъ густо смазываются клеекимъ, смолистымъ веществомъ, которое препятствуетъ замерзанію (отъ того смолистыя деревья не боятся зимы, не сбрасываютъ хвои, кромѣ лиственницы); другія перекладываются мягкою ватою, нѣжнымъ пухомъ; третьи одѣваются сверху плотнымъ кожистымъ чехломъ, и всѣ спятъ зиму, какъ мягко укутанный младенецъ, плотно спеленанный и укрытый въ своей колыбели.

Но вотъ наступаетъ первый мѣсяцъ весны. Невидимо-неслышимо, но просыпается растительная жизнь. Комнатныя растенія пускаютъ новые листочки; доселѣ блѣдныя сучья ветлы, тополя, вербы принимаютъ неопредѣленный, но жизненный оттѣнокъ, желтоватый, красноватый; верба скидываетъ чахлы съ своихъ бѣлоснѣжныхъ почекъ: ей пора встрѣчать Вербное Воскресеніе. Отсюда заимствуетъ изящное сравненіе преп. Макарій въ одной изъ бесѣдъ своихъ: „еже нынѣ собра ото внутрь души, сіе тогда отвнѣ на тѣхъ откроется. И сего примѣръ можно взяти отъ древъ: прешедшей зимѣ и солнцу теплѣйшіе и живѣйшіе испущающу лучи во время свое, и вѣтрамъ благодышущимъ, прорастаютъ оныя извнутри земли, и аки во одежду въ листья и цвѣты и плоды облекаются. Подобнѣ и цвѣтъ сельный въ тожде время отъ нѣдръ земли исходитъ, и покрывается оными земля, и аки въ свѣтлую одѣяна ризу благоукрашается. Тако и тѣlesa святыхъ прославятся тогда неизглаголанымъ онымъ свѣтомъ, сіявшимъ въ нихъ еще здѣ на земли“.

Затѣмъ нѣсколько недѣль колебанія: утренники, солнце, туманъ, слякоть, журчаніе мутныхъ ручьевъ, весенніе водопады, пѣніе пѣтуховъ, постепенный прилетъ птицъ, наконецъ триумфальное шествіе весны: зелень распускающейся листвы, дѣвственное благоуханіе первыхъ цвѣтовъ, тепло и невыразимая лазурь неба, жужжанье пчель и вся нѣга, вся радость, всѣ благословенія юности, надежды изобилія, счастья. „Когда, весною, одѣвается лѣсъ, и цѣлое

море благоуханій разливається въ воздухѣ, когда привѣтливо, словно дѣтскіе глазки, глядятъ на насъ первые весенніе цвѣты, и пробудясь отъ долгаго зимняго сна, зеленѣютъ и цвѣтутъ поля, оглашаемыя звонкими пѣснями птицъ,—этотъ цвѣтущій міръ представляется тогда нашему взволнованному чувству живымъ откровеніемъ незримаго Божества, свѣтлымъ зеркаломъ, отражающимъ Его величіе. Мы чувствуемъ тогда, что это лучезарное солнце и эта жизнь, вызванная его лучами изъ темныхъ нѣдръ земли, эта роскошная растительность и веселое пѣніе птицъ, что все это — звеня единой безконечной цѣпи, отдѣльные аккорды дивной міровой гармоніи, исходящей изъ всѣхъ сферъ бытія и ликующими звуками возносящейся къ престолу Всемогущаго “*).

Появленіе первыхъ цвѣтовъ у всѣхъ народовъ составляло праздникъ, начало весны. Нѣкоторыя растенія зацвѣтаютъ даже до появленія листьевъ; но это не препятствуетъ вѣрить, что весна уже началась. Въ разныхъ поясахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, появленіе весны происходитъ въ разное время и при разныхъ условіяхъ. Въ Аѳинахъ, между другими памятниками античнаго искусства уцѣлѣла, такъ называемая, башня вѣтровъ. На одной изъ осьми сторонъ этого монумента изображенъ прекрасный юноша съ вьющими волосами, открытой грудью и съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ. Это—мѣсяць цвѣтовъ (Апестеріонъ, соотвѣтствующій нашему апрѣлю), или Зефиръ тихій, теплый, влажный, западный вѣтеръ, который господствуетъ въ Атикѣ весною, приноситъ влажность и росы, и обращаетъ поля и горы въ одинъ сплошной цвѣтущій садъ. Въ западной Европѣ май считается самою лучшею порою весны и года. Въ той полосѣ Россіи, въ которой написаны и напечатаны эти строки, самое прекрасное время года, полное напряженіе жизни

*) Единство Мірозданія Гартвига гл. VIII.

пышность растительности,—это начало іюня, праздник весны, истинная пасха цвѣтовъ.

Долго цвѣты составляли только предметъ удовольствія, наслажденіе взора и обоянія. Въ безчисленныхъ подражаніяхъ, или можетъ быть извращеніяхъ, они издавна были предметомъ искусства. Цвѣты живые и восковые, роговые и коленкоровые, букеты и вѣнки бархатные и бумажные,—исконная принадлежность праздниковъ. Цвѣты приносились въ жертву богамъ у древнихъ Перуанцевъ; цвѣтами украшались жрецы и жертвы, алтари и кумиры у Грековъ и Римлянъ; цвѣточными гирляндами украшались входы домовъ и святилищъ въ торжественные дни; цвѣточные вѣнки — принадлежность пировъ и зрѣлищъ со времени древности доннѣ. Живопись, вышиваніе, тканье ковровъ, приготовленіе благовоній и мазей и т. п. прихоть роскоши взяли съ нихъ обильную жагву. Всѣ любовались ими и пользовались, не подозрѣвая впрочемъ, какое великое значеніе въ жизни растений имѣетъ время цвѣтенія, какъ важенъ этотъ иногда чуть замѣтный, иногда великолѣпный, причудливый, узорчатый, ненаглядный органъ большей части растений. Сравнительно недавнему времени удалась, досталась высокая честь узрѣть въ актѣ цвѣтенія одинъ изъ удивительнѣйшихъ процессовъ, которымъ Божественная Премудрость обезпечила непрерывное продолженіе рода. Хотя Теофрастъ въ сочиненіи о растеніяхъ уже называлъ одни растенія мужескими, а другія женскими, и говорилъ, что плодъ пальмы опадаетъ, если не отрясти на зародышъ пыль съ цвѣтовъ другой пальмы, однако онъ часто смѣшивался *); Плиій и Діоскоридъ говорили о томъ же,

*) Въ ботаническомъ саду въ Берлинѣ, одинъ финикъ женскій не приносилъ плода 80 лѣтъ. Привезли изъ Лейпцига нѣсколько сучковъ мужескаго финика въ цвѣтѣ; они были въ дорогѣ около 10 дней. Отрясли пыль. Берлинскіе финики произвели плодъ отъ лейпцигскихъ. Послѣ того они оставались 18 лѣтъ безъ плодотворной пыли. По истеченіи сего времени ихъ оплодотворили снова и съ такимъ же успѣхомъ. Вѣст. Европы 1812 г. ст. о полахъ растеній.

но безъ точныхъ основаній. „Въ 1795 году не было еще общаго рѣшительнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ, когда Линней написалъ отвѣтъ на задачу нашей Петербургской академіи объ изслѣдованіи оплодотворенія растеній. Онъ имѣлъ славу рѣшить великую задачу, а наша академія имѣла достоинство подать случай къ сему важному рѣшенію. Съ того времени всѣ ботаники удостовѣрились, что растенія имѣють полы. Только Спаланцани, Понтедера и Альстонъ оспаривали Линнея, но безъ успѣха: ибо возраженія ихъ, какъ замѣчаетъ Шмитъ, обратились въ пользу Линнеева мнѣнія. Итакъ великій Шведскій ботаникъ доказалъ первый неоспоримымъ образомъ полы растеній, утвердивъ истину на опытахъ вѣрныхъ и ясныхъ“ *).

Что такое цвѣтокъ? Цвѣтокъ есть вѣтвь, осевая часть которой укорочена (припомните, что было говорено о очередномъ спиральномъ расположеніи листьевъ) **), а видоизмѣненные листья расположены концентрическими кругами въ видѣ чашечки, вѣнчика, тычинокъ и пестиковъ ***).

Самая нижняя часть цвѣтка, ваза, въ которой помѣщены цвѣтовые и плодовые органы, есть *чашечка* изъ нѣсколькихъ зеленыхъ листочковъ, въ которой покоится какъ въ колыбели вся надежда растенія на потомство. Это семейный очагъ, внутреннее святилище дома. Кругомъ него возстають разноцвѣтные, блестящіе, узорчатые, самыхъ разнообразныхъ формъ лепестки, составляющіе *вѣнчикъ* (корону) цвѣтка, ограду храма, стражу колыбели. Невозможно описать все разнообразіе формъ и красокъ короны. Самыя часто видимыя, такъ сказать обыденныя формы цвѣтка: подсолнечникъ, макъ, шиповникъ, лютикъ, бѣлена, — и тѣ, чѣмъ дольше смотришь на нихъ, тѣмъ болѣе удивляютъ нѣжной яркостью красокъ, искуснымъ рас-

*) Вѣст. Евр. 1812. О полахъ растеній.

***) Въ январ. книжкѣ стр. 46, статья: „Вѣтви и листья“.

***) Единство міроздавія, Гартвига стр. 105.

положеніемъ жилокъ, несравненною чистотою отдѣлки, благоуханіемъ, изяществомъ. *Смотрите кринъ сельныхъ!* Мы не говоримъ о такихъ рѣдкостяхъ, какъ царственная викторія, тропическія орхидеи, удивительная пассифлора (*passiflora coerulea*), разные кактусы,—нѣтъ, смотрите на полевые цвѣты. Самъ Создатель не указалъ на заоблачныя горы, на чудеса морской пучины, на пространства ээира, гдѣ текутъ Его свѣтила,—эти вещи не всякому подѣ силу,—Онъ указалъ подѣ ноги, только на вѣнчикъ полевого цвѣтка! Божества Индіи изображаются сѣдящими въ цвѣткѣ лотоса. Вотъ престоль нерукотворенный, поистинѣ достойный творческой красоты, почившей и отразившейся на немъ, престоль конечно прекраснѣйшій, чѣмъ золотой тронъ Великаго Могола, усыпанный алмазами, изумрудами, розетами, каменными подражаніями растительнымъ самоцвѣтамъ, живымъ рубинамъ и яхонтамъ *).

Впрочемъ вся эта красота и роскошь, всѣ эти формы, узоры и переливы не суть главное въ цвѣткѣ. Есть цвѣты безъ всякаго виѣшняго убранства и пышности, цвѣты безъ цвѣта: безъ чашечки, безъ вѣнчика. „Такъ какъ цвѣточные покровы не принимаютъ непосредственнаго уча-

*) Человѣческое ли тщеславіе, или бѣдность языка виною того, что вѣковѣчнымъ созданіямъ природы, разнымъ искони существующимъ формамъ цвѣтовъ давали прозаическихъ именъ, взятыхъ изъ нашей будничной жизни, съ нашей кухонной посуды? Какъ звали чашечку цвѣтка, прежде чѣмъ сдѣлали изъ глины блюдо? Почему прекрасная нимфея у насъ называется кувшинкой? Изящный задумчивый цвѣтокъ, украшеніе лѣсовъ и луговъ *Gentiana Pneumonanthe*, *G. Amarella*, *G. Campestris*, напоминаетъ своимъ именемъ валдайскій инструментъ, грязь, ухарскую гоньбу, головоломныя ухабы и прочую цвѣтопосную обстановку промысла, которому даю непривлекательное имя яма. Есть Впрочемъ имена прекрасныя, поэтическія или по крайней мѣрѣ оригинальныя: первоцвѣтъ, астра, дрѣма, ночная красота, незабудка, кукушкины слезы. Синій цвѣточикъ, остающійся по жнивѣ, въ цвѣтникахъ слыветъ кавалерской шпорой (*aquilegia*), а у французскихъ крестьянъ почему-то Богородицыными перчатками. На Аѳонѣ на недоступныхъ высотахъ красуется Богородицынъ цвѣтъ.

стія въ процессѣ оплодотворенія, то иногда цвѣтокъ обходится и безъ нихъ; въ цвѣткѣ анемона наприм. нѣтъ чашечки“ (Гартвигъ), также какъ у тюльпана, у лиліи; у другихъ нѣтъ вѣнчика, какъ у соломистыхъ травъ, у сержчатыхъ. „Калужница, разстилающая весною свои прелестные золотые цвѣты на поверхности водъ, не имѣетъ вѣнчика—одна окрашенная чашечка; у ясени нѣтъ ни вѣнчика, ни чашечки“ и пр. (Фигье) *).

Тѣмъ не менѣе продолженіе рода совершенно обезпечено: у всѣхъ такъ называемыхъ явнобрачныхъ существують *тычинки* и *пестики*. Но и тутъ опять какое удивительное разнообразіе въ устройствѣ, расположеніи, способахъ оплодотворенія! По большей части на одномъ и томъ же цвѣткѣ соединены оба эти органа; тычинки располагаются кругомъ пестика и плодотворною пылью (цвѣтнемъ) оплодотворяютъ зародыши, какъ у растеній, такъ называемыхъ *однодомныхъ*. Иногда на одной особи цвѣты только мужскіе съ цвѣтнемъ, на другой только женскіе съ сѣмянками, какъ у хмѣля, конопли, пальмы и другихъ, такъ-называемыхъ *двудомныхъ*. Иногда на одной и той же особи одни цвѣты однополые, другіе двуполые.

Не менѣе разнообразія въ способахъ опыленія, оплодотворенія. Иногда оплодотвореніе какъ будто представляется на произволь случай. Вѣтеръ переноситъ цвѣточную пыль конопли. Жители Аравіи, Египта приносятъ цвѣтъ дико-растущихъ пальмъ и осѣменяютъ ими плодовые пальмы своихъ садовъ. Въ 1800 году во всемъ Египтѣ былъ неурожай финиковъ, потому что народъ, занятый войною

*) Калужница *Saltilha palustris*, L., это тотъ самый ранній весенній цвѣтокъ, съ сочными листьями и яркзолотистыми крупными цвѣтами, которой попадаетъ по болотцамъ, ручьямъ, канавамъ, подлѣ гатей и мостовъ. Случается въ Троицу негдѣ добиться не только цвѣтовъ, но и травы для церкви по раннему времени и холодной погодѣ; но если по близости есть болотистая мѣстность, съ стоячими лужами воды,—посылайте передъ заутреней, и вамъ добудутъ яркой зелени и красивыхъ цвѣтовъ.

не могъ позаботиться объ искусственномъ оплодотвореніи садовъ. Плакучая ива долго не приносила въ Европѣ плодовъ, потому что были одни женскія деревья *). Въ большей же части случаевъ творческая забота о продолженіи рода видна сама собою. „Въ цвѣткахъ прямостоящихъ пыльникъ помѣщается обыкновенно выше рыльца пестика: при такомъ расположеніи частей цвѣтка хоть часть содержимаго въ пыльникѣ, выдѣляясь изъ него, должна неизбежно попасть на рыльце пестика. У цвѣтовъ же висячихъ пыльники и рыльце пестика находится въ обратномъ отношеніи, такъ какъ тычинки здѣсь бываютъ обыкновенно короче пестика“ **). „Длинные шляпки березы не пускаютъ пыли, пока устья не развернулись вниз, и посконъ не приноситъ сей плодотворной пыли до того времени, какъ совѣтъ приготовятся пестики коноплей для принятія оной“ ***).

Но сколько исключеній изъ этихъ общихъ пріемовъ! Природа какъ будто хочетъ указать мыслящему наблюдателю, что не существуетъ для премудрости Творца затрудненій; что кромѣ общихъ простыхъ причинъ и пружинъ въ процессахъ природы есть еще отдаленныя, запасныя мѣры, которыми желаемая цѣль должна быть достигнута, и непременно достигается, также какъ и общими пріемами. Напримѣръ, цвѣты барбариса имѣютъ странную особенность устройства: „тычинки, какъ обыкновенно, находятся въ срединѣ цвѣтка, и окружаютъ собою сидачее рыльце пестика, но пыльники тычинокъ отклонены въ сторону отъ рыльца и обращены къ периферіи цвѣтка. Но и здѣсь оплодотвореніе происходитъ чрезвычайно легко: отъ самаго легкаго раздраженія, отъ прикосновенія насѣкомаго къ нижней части тычинковой нити, съ ея внутренней стороны, нить эта быстро поднимается и верхнимъ

*) Библ. для Чт. 1838 г. Т. XXVIII.

**) Единство Мірозданія, Гартвига.

***) Вѣст. Евр 1812 г.

концомъ своимъ направляется внутрь цвѣтка, вслѣдствіе чего пыльникъ касается рыльца пестика и такимъ образомъ непосредственно слагаетъ въ него плодотворную пыльцу“ (Гартвигъ).

У нѣкоторыхъ растеній тычинки дольше пестика; зато цвѣты ихъ, обыкновенно висячіе, въ періодъ оплодотворенія *выпрямляются*. У гвоздики (*dianthus*) пестикъ длиннѣе тычинокъ, а цвѣтокъ—прямостоящій; зато пестикъ *наклоняется* къ пыльникамъ. Устье въ состояніи зрѣлости покрыто клейкою жидкостью: на Амариллисѣ (*Am. formosissima*. L.) она имѣетъ видъ капельки, готовой кануть; но сію капельку вбираетъ въ себя маточникъ, какъ скоро плодотворная пыль къ ней прилипнетъ, а до того времени она аккуратно появляется въ 10 часовъ утра и скрывается въ 3 часа пополудни. „Большая часть цвѣтковь развертывается, когда солнце восходитъ на горизонтъ, и закрывается къ вечеру предъ сырмъ воздухомъ: безъ сихъ предосторожностей, взятыхъ природою, плодотворная пыль могла бы отъ сырости прилипнуть къ шляпкамъ; но достойно замѣчанія, что, какъ скоро пыль осыпала устья, цвѣты *не закрываются уже* ни въ часы вечера, ни во время дождя“. (Вѣст. Евр. 1812 г. о полахъ растеній).

Въ другомъ сочиненіи мы говорили между прочимъ о томъ, что птицы содѣйствуютъ распространенію растеній по земной поверхности, заносятъ сѣмена въ отдаленныя страны, на пустынные острова *). Если птицы помогаютъ растительному царству въ распространеніи сѣмянъ, то насѣкомыя съ своей стороны не мало участвуютъ въ оплодотвореніи растеній, перенося цвѣточную пыль съ однихъ особей на другія. „Чтобы представить читателямъ ясную картину этихъ удивительныхъ отношеній, мы приведемъ только одинъ примѣръ и покажемъ, какимъ образомъ происходитъ оплодотвореніе у *Aristolochia*, часто встрѣчающагося въ садахъ. Сначала цвѣты его стоятъ

*) Птицы небесныя. Душеп. Чтеніе 1871, августъ.

прямо, вѣнчикъ ихъ трубчатый, расширяющійся книзу въ шаровидное полое пространство, котелокъ, и разщеляющійся на верху въ формѣ губъ *). На днѣ губы лежитъ отверстіе въ цвѣточную трубку, которая со внутренней стороны выложена смотрящими внутрь волосками такимъ образомъ, что въ нее-то насѣкомыя могутъ попасть очень легко, а выбраться оттуда не могутъ. Маленькія мошки, забирающіяся въ *Aristolochia*, находятъ въ котелкѣ шестидольчатая зрѣлыя рыльца, способныя быть оплодотворенными, но подъ дольками рыльца лежатъ скрытыя, *еще незрѣлыя* пыльники. Если мошки приносятъ цвѣточную пыль изъ другихъ цвѣтовъ, то онѣ оплодотворяютъ рыльце; это послѣднее тогда скоро измѣняется: дольки его вытягиваются и погибаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаютъ пыльники, которые лопаются и выбрасываютъ изъ себя пыль. Все еще находящіяся въ плѣну мошки набираются этой пыли, а такъ какъ вслѣдъ за зрѣlostью пыльниковъ и волоски въ цвѣточной трубкѣ съеживаются, то насѣкомыя получаютъ наконецъ свободу, но съ тѣмъ чтобы снова потерять ее въ слѣдующемъ цвѣткѣ. Оплодотворенный цвѣтокъ *Aristolochia* наклоняется внизъ, и послѣ того какъ насѣкомыя оставятъ его, губа смыкается и запираетъ трубку для другихъ посѣтителей“ **) (Нива 1873 г. № 51). Вотъ какими обоюдными узами соединены между собою всѣ части творенія: одно пользуется благодѣяніями другаго и платитъ взаимно услугами ему или прочимъ; исполняя только свои потребности, въ то же время содѣйствуетъ исполненію плановъ Господа животворящаго. Насѣкомое ищетъ себѣ пищи и помогаетъ оплодотворенію; птица питается сѣменами и способствуетъ расселенію растений. Не только великія стихійныя

*) Цвѣтокъ *Aristolochia* похожъ на длинногорлый молочникъ или кувшиня.

**) Индѣйскія дѣти у рѣки св. Магдалины (текущей въ Каранбское море) надѣваютъ вмѣсто колпаковъ цвѣты Аристолохіи. Мос. Вѣд. 1854. № 17.

силы исполняютъ велѣнія Творца,—мелкія насѣкомыя являются Его усердными слугами. Вѣтеръ несется черезъ поле и поднимаетъ облака, столбы сѣраго тумана: это обсѣменение гуртомъ, гуломъ. Надъ цвѣтущимъ лугомъ вьются толпы бабочекъ, рои пчелъ: здѣсь обсѣменение въ рассыпную, по одиночкѣ, вѣроятно не въ меньшихъ размѣрахъ и можетъ быть съ лучшими результатами. „Содѣйствіе насѣкомыхъ особенно необходимо для оплодотворенія растений, принадлежащихъ къ двумъ большимъ семействамъ ласточниковыхъ и ятрышниковъ. У растений этихъ двухъ семействъ, плодотворная пыльца, отъ прикосновенія особенной клейковатой матеріи, превращается въ слизистую восковидную массу, которая такъ крѣпко пристаетъ къ насѣкомому, что оно не въ состояніи ее сбросить. Железки же отдѣляющія медовидную жидкость, собираемую насѣкомыми, расположены въ цвѣткѣ такимъ образомъ, что насѣкомое, чтобы достигнуть до нихъ, должно неизбѣжно задѣть за рыльце пестика, при чемъ на него и отлагается пыльца, принесенная насѣкомымъ съ тычинковаго цвѣтка“ (Единство мірозданія, Гартвицъ, стр. 107).

Гдѣ наконецъ ни вѣтеръ, ни насѣкомыя, никакая посторонняя сила, кажется, не въ состояніи способствовать оплодотворенію растений, тамъ Провидѣнію угодно было показать другіе замысловатые способы и приемы оплодотворенія. „Растеніе *Aldrovanda*, живущее на днѣ болотистыхъ рововъ и тинныхъ озеръ южной Европы, предъ цвѣтеніемъ отрывается отъ корня и всплываетъ со стеблемъ на верхъ. Здѣсь оно оплодотворяется и сѣмяна вызрѣваютъ при помощи тѣхъ запасовъ питанія, которые скрыты въ его длинномъ плавающимъ стеблѣ“ *). „Многія растенія имѣютъ стебли погруженные на днѣ рѣкъ или ручейковъ; цвѣты, предъ тѣмъ временемъ какъ распу-

*) Библ. д. Чт. 1838 т. XXVIII отд. V.

скаться имъ, всплываютъ на поверхность воды: неюферъ (*nimphaea* L.), остросочникъ (*galeunculus aquatilis*), жалча (*potamogeton* L.), краса (*hydrochris* L.) и проч. служатъ тому примѣромъ. У сихъ цвѣтовъ есть скрученныя ножки, которыя растягиваются или сжимаются, смотря по убыли и прибыли воды и такимъ образомъ удерживаются на поверхности рѣкъ во время цвѣту“ **).

Трудно представить чувство, овладѣвшее тѣмъ, кто впервые разгадалъ, подсмотрѣлъ и съ увѣренностію дозналъ актъ оплодотворенія напр. Валиснеріи. Хотя всякій вѣроятно читалъ, многіе вѣроятно видали на картинкахъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ напомнить читателю этотъ поистинѣ изумительный феноменъ. Растеніе это водится въ Италіи и южной Франціи по каналамъ, служащимъ для орошенія рисовыхъ полей. „Когда приближается время оплодотворенія, въ цвѣткахъ того и другаго рода (тычинковыхъ и плодниковыхъ) появляется сильное стремленіе къ воздуху. Маленькіе красноватые тычинковые цвѣты отрываются тогда и всплываютъ въ своемъ бѣлоснѣжномъ покрывалѣ, на поверхность воды. Цвѣты же плодниковые, предназначенные для произведенія сѣмени, не могутъ оторваться отъ почвы, питающей ихъ своими соками; по этому, при наступленіи времени опыленія, длинная спирально завитая цвѣточная ножка ихъ раскручивается, и цвѣтки, не отрываясь отъ нея, поднимаются на поверхность воды. Интересно наблюдать, какъ цвѣты эти, какъ будто подъ вліаніемъ животнаго инстинкта, движутся по водѣ во все стороны, переплываютъ съ мѣста на мѣсто, даже при отсутствіи всякаго вѣтра, и какъ, найдя наконецъ кучку тычинковыхъ цвѣтковъ, они притягиваютъ ихъ къ себѣ и втираются между ними. Раннимъ утромъ, лишь начнутъ падать на поверхность воды лучи солнца, цвѣточная ножка

**) Вѣст. Евр. 1816 № 18.

закручивается и цвѣтокъ скрывается подъ защиту листьевъ. Но лишь только зайдетъ солнце, цвѣтки снова появляются надъ водою. По совершеніи опыленія ножка плодниковыхъ цвѣтовъ снова скручивается, и они опять погружаются въ воду, гдѣ и происходитъ дальнѣйшее развитіе и созрѣваніе сѣмянъ. Вотъ какія дивныя явленія происходятъ въ жизни этого, незначительнаго по величинѣ, растенія, этой сорной травы, портящей собою каналы“. (Гартвигъ, стр. 109).

Что остается дѣлать зрителю, при видѣ такихъ дивныхъ процессовъ? Поворотится ли наконецъ кощунственный языкъ сказать, что все это *такъ* произошло, зря установилось, случайно и *слыно* продолжаетъ, съ замѣтнымъ упрямствомъ, достигать своихъ однако обширныхъ, возвышенныхъ и благихъ дѣлей? Нѣтъ! Таинственный Перстъ руководитъ этими движеніями растеній; не теченіе вѣтра, не плескъ волнъ,—дыханіе Божества несетъ надъ ними и въ тишинѣ яснѣетъ безъ звука, но неотразимое: „да прораститъ земля зелень, траву сѣющую сѣмя“ (Быт. 1, 11).

Оплодотвореніе растеній, продолженіе ихъ отъ начала созданія ясно и неопровержимо доказываетъ, что бытіе ихъ вызвано Премудростію, поддерживается Промысломъ творческаго всемогущества, для одѣянія, для украшенія планеты, для возможности существованія тварей высшаго порядка, животныхъ и человѣка. „Се, Я даю вамъ всякую траву, сѣющую сѣмя, какая есть на всей землѣ, и всякое дерево, отъ котораго есть плодъ древесный, сѣющей сѣмя; вамъ сіе да будетъ въ пищу“ (Быт. 1, 29). Съ такими мыслями надобно смотрѣть на цвѣтеніе деревьевъ и кустарниковъ, на волнующіяся пространства цвѣтущихъ жатвъ и луговъ. Кромѣ внѣшней красоты линій и цвѣтовъ въ нихъ тогда увидишь въ неизмѣримомъ разнообразіи, по въ неизмѣнномъ порядкѣ и чинѣ, исполненіе отъ вѣка уставленныхъ законовъ, глаголь Божій, который сошедъ на землю не возвращается тощѣ....

Хвала Тебѣ всемогущій Создатель! Ученымъ, книжнымъ,

мудрымъ открыты глубокія таинства и чудеса зарожденія, развитія, цвѣтеніе и увяданія Твоихъ твореній отъ микроскопическаго protococcus до кедра; но и простымъ, неученымъ дѣтямъ природы Ты даль не меньше: даль весну во всемъ ея пышномъ убранствѣ и лучезарномъ сіяніи. Довольно съ нихъ! Они не обижены Твоею благодію. По премудрому плану это блаженнѣйшее время года наступаетъ вслѣдъ за печальными днями долгой и суровой зимы; за сумракомъ и безкормицей вдругъ являются всѣ блага жизни: свѣтъ, тепло, свобода и веселье. Какая противоположность! „Кто не странствовалъ долго въ безводныхъ степяхъ, говоритъ Руссо, кто не жегъ ноги по горячимъ пескамъ пустынь, кого не палило отраженіе скалъ, раскаленныхъ солнцемъ, тотъ можетъ ли оцѣнить прохладу прекраснаго утра? Благоуханіе цвѣтовъ, красота зелени, влажныя испаренія росы, пріятная мягкость луговины подъ ногою могутъ ли очаровывать его чувства?“ И наоборотъ: можетъ ли чувствовать всю благодать весны тотъ, кто живетъ въ странахъ, гдѣ вѣчная весна царствуетъ, какъ описываютъ мореплаватели острова Великаго Океана? Вѣчно цвѣтущіе сады Армиды, не въ укорь пѣвцу Іерусалима, не малую долю прелести своей получаютъ отъ того, что являются послѣ долгихъ разсказовъ о битвахъ, среди утомительно однообразной равнины океана, окруженные суровымъ ландшафтомъ снѣжныхъ пустынь и грозныхъ ледниковъ. Кто можетъ вообразить радость пчелы, просидѣвшей въ холодѣ, въ бездѣйствіи, во мракѣ цѣлые полгода, когда она, вылетѣвши въ первый разъ, опять видитъ солнце, вдыхаетъ свѣжій воздухъ и аромать распускающихся цвѣтовъ. Какое солнце? Какія яркія краски! Какіе живые узоры! Какое нѣжное благоуханіе! Какой сладкій сокъ!

Какъ ни малы, ни легки, ни скоротечны эти мелкія, мимолетныя украшенія земли, но надобно представить, какова ихъ масса, какъ значительно ихъ число, уже потому, какимъ мириадамъ насѣкомыхъ доставляютъ они пищу.

Несмѣтныя „боговы коровки“, козявки, букашки питаются сокомъ цвѣтовъ. Посмотрите на кустъ глухой крапивы (одно изъ самыхъ медоносныхъ растений): непременно увидите нѣсколько штукъ желтыхъ или изумрудно-зеленыхъ коровокъ. Когда цвѣтетъ шиповникъ, почти на каждомъ цвѣткѣ найдете маленькую жуколицу: эта впрочемъ питается не сокомъ, а самую тканью нѣжныхъ лепестковъ. Облака бабочекъ желтыхъ, голубыхъ, бѣлыхъ мелькаютъ на солнцѣ по сырмъ луговинамъ около душистыхъ цвѣтовъ. То и дѣло жужжить толстый шмель и таскаетъ медъ для своихъ неуклюжихъ сотовъ. А пчелы? Ихъ цѣлые легионы снуютъ съ утра до вечера. На вѣтвяхъ акацій, въ цвѣтахъ спирей *)—давка! Великъ ли запасъ нектара въ чашечкѣ цвѣтка? Велико ли насѣкомое, которое носить и по скольку оно носить? А сколько ульевъ наполняется за лѣто янтарнымъ ароматическимъ медомъ (собрано песчинками, считается пудами), не говоря объ осахъ и другихъ породахъ дикихъ пчелъ, которыя тоже заготавливаютъ себѣ запасы! Старые пчеловоды поминуютъ доброе старое время, дикихъ пчелъ, цѣлая дупла налитыя медомъ, жалуются на упадокъ пчеловодства,—онъ естественъ: надобно жаловаться на тѣхъ, кто разрушаетъ гармоническій строй хозяйства природы; истребленіе лѣсовъ, преобладаніе пашень, естественно уменьшаютъ количество цвѣтущихъ деревьевъ и кустарниковъ, липы, калины, рябины, черемухи; за истребленіемъ лѣсовъ слѣдуетъ оскудѣніе воды, уменьшеніе ручейковъ и рѣчекъ; отъ того дуга становятся суше и даютъ меньше травы, меньше цвѣтовъ. Разчищенные лѣсныя пространства, поруби, пожоги засѣваются хлѣбными злаками, которые всѣ даютъ

*) Кустарникъ садовый любимый пчелами. Его родственница *spigaea ulmaga* таволга, бѣлая кашка цвѣтетъ во множествѣ по берегамъ ручьевъ, въ долинахъ въ іюнѣ и іюлѣ. Листья помятые имѣють запахъ свѣжихъ огурцовъ, бѣлые цвѣты—потогонный и мочегонный чай. Отъ водянки 3 чашки настоя въ день—9 дней! Земл. газ. 1856 г. № 1,—съ рисункомъ.—Французское имя—царица луговъ: *reine des pres*.

мало добычи пчеламъ (исключая гречи). Нашимъ благо-словеннымъ странамъ, нѣкогда богатымъ лугами и лѣсами, въ будущемъ грозитъ печальная участь Палестины, которая была землею, кипящею медомъ и млекою, и стала бесплодною, каменистою пустынею.

Чтобы не кончить наши размышленія этими печальными предчувствіями, въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о цвѣтоводствѣ комнатномъ и воздушномъ. На глаза людей, почитающихъ себя практическими (точнѣе выражаясь—утилитаристовъ), любовь къ цвѣтамъ, разведеніе, уходъ за ними есть пустое времяпровожденіе, дѣтская забава, ребячество: цвѣты не работаютъ и доходу не приносятъ, слѣдовательно составляютъ трату времени и денегъ. На глаза строгихъ моралистовъ цвѣтолюбіе, пожалуй, кажется роскошью, изпѣженностью, исполненіемъ прихотей, однимъ изъ чувственныхъ удовольствій, которыя не совмѣстны съ тѣмъ строгимъ характеромъ, который придаютъ добродѣтели ея стоическіе почитатели. Въ извиненіе любви къ цвѣтамъ должно сказать, что если занятіе ими не есть доходная работа, то самый пріятный и благородный отдыхъ души и тѣла, что если цвѣтоводство есть развлеченіе, то самое прекрасное, невинное, изящное. Оно коренится во внутреннемъ сознаніи нашей связи со всѣмъ создагіемъ Господнимъ, и показываетъ душу нѣжную, воспріимчивую къ красотамъ творенія. Оно, если не приноситъ пользы намъ и нашему ближнему, то уже ни въ какомъ случаѣ не дѣлаетъ никому вреда. Оно развиваетъ любовь къ природѣ, къ ея тихимъ и возвышеннымъ впечатлѣніямъ, влечетъ къ изученію ея таинствъ, и успокоиваетъ душу, утомленную вихремъ суеты или суровыми работами. Однажды охотникъ, гласитъ латинская легенда, увидѣлъ Франциска-де-Саль (святой западной Церкви) держащимъ въ рукахъ куропатку и ласкающимъ эту птичку. Охотникъ съ удивленіемъ спросилъ его: зачѣмъ человекъ, съ его характеромъ, тратитъ время на занятіе, столь мало его достойное? Зачѣмъ ты не носишь

свой лукъ всегда натянутымъ, а спускаешь его?—отвѣчалъ пустынный.—Боюсь, чтобы, оставаясь всегда согнутымъ, онъ не ослабѣлъ, не потерялъ упругости. „Не удивляйся же, отвѣчалъ отшельникъ, если и я даю духу моему нѣкоторую ослабу, отдыхъ и успокоеніе. Послѣ этого я съ болѣею бодростію приступаю къ подвигамъ созерцанія.“

Въ отношеніи къ изученію природы цвѣторазведеніе принесло несомнѣнную пользу. Множество опытовъ и наблюденій обогатило науку приемами улучшенія, скрещиванья, пріуроченія (акклиматизаціи) растений. Какого великолѣпія, разнообразія въ цвѣтѣ, ростѣ, въ формахъ подѣ влияніемъ цвѣтоводовъ достигли нынѣ георгины, камеліи, растенія довольно не представительныя въ своей родинѣ (Анды, Японія *), извѣстно всякому. Множество растеній перенесено изъ другихъ частей свѣта сначала только для прихоти, какъ рѣдкость, а потомъ изъ нихъ успѣли извлечь пользу. Кактусъ плодовый, кактусъ кошенилевый—переселены въ старыи свѣтъ, какъ растенія декоративныя, для цвѣтовъ, для устройства живыхъ изгородей, а теперь нашли практическое примѣненіе. Топинамбуръ,—земляная груша, перенесена ради цвѣтовъ. Въ садахъ южной Россіи красуется диковинное дерево тюльпанъ изъ сѣверной Америки, а за нимъ пересажена, изъ южной, Ваймутова сосна, дерево, котораго достоинства оцѣнять, когда по истребленіи природныхъ, мы принуждены будемъ разводить искусственные лѣса. Велигтонія—исполнивъ уже ростеть въ Англій. До чего достигло искусство акклиматизаціи растеній, разительнымъ при-

*) Кстати сообщимъ объ родинѣ нѣкоторыхъ особенно замѣчательныхъ растеній, оговариваясь впрочемъ, что источники не всегда согласны въ своихъ показаніяхъ. Родомъ—астра изъ Китая, бобы турецкіе (фасоль) изъ Индіи, гвоздика изъ Италіи, лилея изъ Сиріи, нарцисъ изъ Персіи. Изъ Азіи иѣтушіи гребешокъ, желтофіоль. Съ береговъ Средиземнаго моря: левкой, резеда, піонъ, шафранъ, гіацинтъ. Изъ Индіи: базилика, бальзамникъ, мѣсячная роза. Изъ Японіи: гортензія, волькамерія, желтая роза. Изъ Америки: фуксія, геліотропъ и т. д.

мѣромъ служить переселеніе въ Европу тропическаго водянаго растенія *Wictoria regia*. Сѣмена нѣсколько разъ доставляли въ Европу, но долго не могли добиться, чтобы они взошли. Наконецъ устроили стекляную теплицу 7 сажень вышины и ширины, съ температурой сходной, по возможности, съ гвіанской и приличной тамошнему переселенцу *); въ ней былъ устроенъ обширный бассейнъ съ иловатымъ дномъ; особенная машина приводила въ движеніе воду и давала теченіе не сильное, но постоянное, подобное тому, какое обыкновенно бываетъ въ заливахъ и заводяхъ рѣкъ. Растеніе ошиблось: вообразило себя на родинѣ, отродилось, разцвѣло и дало сѣмена **). По образцу этой теплицы впоследствии выстроены знаменитый Сайднэмскій хрустальный дворецъ. Такимъ образомъ, цвѣтоводство, служа какъ будто прихотямъ роскоши, обогащаетъ науку и двигаетъ промышленность.

Но какъ ни хороши искусственные сады и цвѣтники, какъ ни хороши оранжерейныя экзотическія растенія,—хороши они только зимою или въ городахъ. Природа въ ея безыскусственной красотѣ, въ ея нерукотворенномъ величіи, лучше, изящнѣе, чѣмъ ухищреніе рукъ человѣческихъ. Она не блещетъ такими рѣзкими и поражающими сопоставленіями, она сіяетъ своею молчаливою красотой. Въ цвѣтникѣ, рукою искуснаго садовника все пригнано съ умысломъ на показъ, съ расчетомъ на эффе́кты контрастовъ, на ослѣпительный блескъ цвѣтущихъ сіяющихъ массъ; но садовая перспектива—не пейзажъ, и театральная декорація—не природа. Впечатлѣніе, производимое молчаливою красотой, тихими сценами жизни природы, не столь рѣзко, не такъ быстро, но зато болѣе глубоко, покойно и благотворно для духа. Въ поле, въ лѣсъ, въ луга! Вотъ гдѣ жизнь, гдѣ природа. Тамъ ея цвѣтуція владѣнія, тамъ

*) Замѣчательно, что викторія всегда теплѣе окружающаго воздуха на 5—6°, а нѣкоторыя ароиды даже до 25°. Всѣ растенія теплѣе во время цвѣтенія.

***) *Nomo obediendo naturae, naturam vincit*, говоритъ Баконъ.

ея радужная имперія! Тамъ гуляетъ теплый вѣтеръ въ широкомъ просторѣ, порхаютъ бабочки,—этого нѣтъ въ теплицѣ. Милліоны цвѣтовъ глядятъ на ясное небо, колышутся метелки, колоски, бѣгутъ бѣлыя пушистыя облака,—и пѣнье птицъ, и шумъ вѣтра, и шелестъ травъ и цвѣтовъ сливаются въ одну общую гармонію спокойнаго счастья наслаждающейся собою жизни.—Вотъ гдѣ истинный праздникъ весны, пасха цвѣтовъ *). Никакими словами нельзя изобразить изобиліе зелени, роскошь юной листвы, сіяніе цвѣтовъ, сумму благоуханій—это безбрежное море колышущееся, сверкающее всѣми цвѣтами радуги, всѣми надеждами молодости, обѣщаніями жизни, переливающееся потоками спокойнаго счастья. Жалки кажутся въ это время выписныя растенія, которыя томятся въ горшкахъ на окнахъ нашихъ комнатъ-темницъ; печальны и скучны городскіе садики (скверы), пришибенные, подстриженные.. Съ какого-нибудь возвышенія взгляните на лугъ, напри- мѣръ на поемныя мѣста по берегамъ какой-нибудь рѣки. Боже мой! что это за царство! „Коверъ луговъ, мозаика цвѣтовъ“—какъ бѣдны эти фабричныя сравненія! „Зеленѣющіе холмы, изумрудные луга“—опять фальшивое выраженіе! Недостойны и бѣдны эти слова предъ широтою дѣйствительности, предъ богатствомъ природы. Въ пору цвѣтенія луга вовсе не зелены. Зелены луга двѣ недѣли послѣ сѣнокоса, а теперь это огромныя полосы золота— море цвѣтущихъ лютиковъ; тамъ разливъ вари, порпуровый пологъ—отъ цвѣтущаго трилистника, отъ цвѣтовъ дремы; здѣсь бугры бисеру, жемчугу, снѣгу, цвѣтеть тминъ, ромашка; далѣе колышется лазуревое озеро, заводь,—это качаются незабудки.

„Кто, взирая на сіи красоты весенней природы, на радость и всеобщее довольство тварей, и слушая хоры

*) Во французскомъ языкѣ три Пасхи: Пасха пальмовая—Вербное воскресенье, недѣля вай; Пасха яичная—Свѣтлая седмица и Пасха цвѣточная, цвѣтоносная—Троица, Пятьдесятница.

пернатыхъ, оглашающихъ собою каждую рощу и поле, не готовъ бываетъ, отъ души и сердца, повторить то, что изречено было Творцемъ, по окончаніи творенія: *яко вся добра злы?* Всякій, можетъ быть не разъ, изъявлялъ желаніе, чтобъ весна продолжалась какъ можно долѣе. Но она кратковременна, короче всѣхъ времянь года, какъбы въ знакъ того, что и наше пребываніе въ раю было недолговременно... Преобразуя весною все лицо земли, и можно сказать, весь міръ, пастъ окружающій, облекая его въ немногіе дни красотою и великолѣпіемъ, премудрость Божія, кажется, говоритъ всѣмъ намъ: смотрите, что Я могу сдѣлать для васъ, если вы будете того достойны! Смотрите, чего вы лишились чрезъ грѣхъ, и чего можете достигнуть освободившись отъ его всеразрушающаго владычества“ *).

Однако нѣтъ ничего скоротечнѣе жизни цвѣтка; его нѣжность, его сіяніе, аромать минутны. Все напоминаетъ намъ что радости и цвѣты не прочны, не долговѣчны на землѣ. Растеніе, блеснувши на мгновеніе въ своемъ пышномъ и благоуханномъ уборѣ, спѣшитъ къ своему главнѣйшему дѣлу—принести плодъ для продолженія рода.

Свящ. В. Владимірскій.

Нѣсколько словъ къ новобрачнымъ послѣ вѣнчанія.

Привѣтствую васъ съ бракосочетаніемъ. Благодарите Господа, освятившаго вашъ супружескій союзъ Своею благодатію въ таинствѣ брака, и старайтесь устроить вашу супружескую жизнь согласно съ тѣмъ назначеніемъ, для выполненія котораго сообщена вамъ благодать сія.

*) Воскр. Чт. годъ VIII. Слово о веснѣ (первое) преосв. Иннокентія еп. Харьковскаго и Ахтырскаго.

Чтобы вамъ лучше помнить, въ чемъ состоитъ это назначеніе, или предстояція вамъ супружескія обязанности, я не буду распространяться о томъ на словахъ, легко забываемыхъ, а укажу вамъ на символическія принадлежности, которыя соединены были съ священнодѣйствіемъ, надъ вами совершеннымъ, и которыя ужь вѣрно вы никогда не забудете. Вотъ эти принадлежности: перстни, вѣнецъ, общая чаша.

Перстни, данные вамъ при обрядѣ обрученія и обмѣненные между вами—это видимые залого супружеской вѣрности, это видимые знаки того, что вы поручились другъ другу соблюдать ее неизмѣнно, и никому больше не принадлежать, какъ только другъ другу. Для всегдшняго напоминанія объ этомъ ручательствѣ перстни однажды навсегда благословлены вамъ для ношенія на рукахъ. Итакъ, согласно съ даннымъ вами ручательствомъ, свято храните супружескую вѣрность, бойтесь даже мыслію согрѣшить противъ этой обязанности и явиться предъ очами Божиими виновными въ сердечномъ прелюбодѣйствѣ; а для избѣжанія сей опасности удаляйтесь внѣшнихъ искушеній и соблазновъ, могущихъ поколебать вашу вѣрность супружескимъ обѣтамъ; паче всего не позволяйте себѣ частыхъ отлучекъ изъ дому для свѣтскихъ развлеченій и увеселеній и соединенныхъ съ ними опасныхъ встрѣчъ съ лицами другаго пола, и старайтесь устроить вашу домашнюю жизнь такъ, чтобы не нужно было искать развлеченій на сторонѣ.

Вѣнцы суть знаменія царской власти. Возложеніе ихъ на васъ означало, что и вамъ дано нѣкоторое подобіе царской власти. Домъ, въ которомъ будете жить самостоятельно, вотъ ваше царство; дѣти, которыхъ вамъ дастъ Богъ, и домочадцы,—вотъ ваши подданные, обязанные покоряться вашей домашней власти, подчиняться тѣмъ порядкамъ, которые заведете, тѣмъ распоряженіямъ, какія будутъ исходить отъ васъ, даже тому суду надъ проступками, который будетъ принадлежать вамъ въ предѣлахъ

вашего домашняго царства. Итакъ, вы въ своемъ родѣ цари или князи. Смотрите же, пользуйтесь принадлежащею вамъ властію ко благу вашихъ подчиненныхъ, особенно духовному ихъ благу; требуйте отъ нихъ повиновенія себѣ ради Господа, освятившаго вашу власть надъ ними, но вмѣстѣ не забывайте, что вы сами—рабы того же Господа, обязанные давать Ему отчетъ въ употребленіи своей власти,—вмѣстѣ съ ними служите Ему со страхомъ и почитайте величайшимъ грѣхомъ обращаться къ нимъ съ такими требованіями, которыя могутъ отвлекать ихъ отъ служенія Богу, отъ исполненія религіозныхъ обязанностей; вообще ведите себя въ отношеніи къ нимъ такъ, чтобы они за вашу заботливость объ ихъ благѣ и особенно объ ихъ вѣчномъ спасеніи благословляли васъ, какъ подданные благословляютъ добрыхъ царей. Не забывайте, что въ этомъ отношеніи много будетъ значить сила добраго примѣра съ вашей стороны. Если хотите, чтобы домашніе искренно уважали вашу власть, никогда не тяготились ею,—паче всего и прежде всего старайтесь приобрѣсть власть надъ самими собою, сами себя подчиняйте во всѣхъ дѣлахъ закону Божію, требованіямъ христіанскаго и гражданскаго долга, уставамъ св. Церкви, ничего не дѣлайте по прихоти, во всемъ показывайте самообладаніе,—и будьте увѣрены, что примѣръ вашей собственной покорности закону, примѣръ вашей власти надъ самими собою будетъ держать въ покорности вамъ вашихъ домашнихъ сильнѣе, чѣмъ слова и приказы.

Вамъ давали пить *общую чашу*. Это значитъ, что отселѣ все должно быть у васъ общимъ. У васъ должны быть однѣ радости и однѣ скорби, одни труды и заботы. Вы должны будете вмѣстѣ радоваться о благодѣяніяхъ Божіихъ къ вамъ и къ вашему семейству; должны будете горе постигающее одного, принимать къ сердцу, какъ личное каждаго изъ васъ горе, и утѣшать въ немъ другъ друга, удерживать другъ друга отъ унынія и отчаянія. Вы должны будете дѣлить другъ съ другомъ труды и заботы о благо-

устроеніи домашней жизни, особенно о воспитаніи дѣтей; должны будете наконецъ споспѣшествовать другъ другу въ дѣлѣ спасенія души. Бойтесь думать, что спасеніе души есть личное каждаго дѣло, ни до кого не касающееся. Непростительно было бы равнодушіе къ спасенію ближняго, кто бы онъ ни былъ, тѣмъ менѣе простительно равнодушіе супруговъ къ спасенію другъ друга. Вы должны рука объ руку идти путемъ спасенія, оберегать другъ друга на этомъ пути отъ грѣхонныхъ претыканій и поощрять другъ друга къ преспѣванію въ благочестіи и добродѣтели.

Таково значеніе *перстней, вѣнцевъ и общей чаши*. Помни, благословенная Богомъ чета, это поучительное значеніе и устрояй твою жизнь по тѣмъ указаніямъ, на которыя мы позволили себѣ обратить твое вниманіе.

Протоіерей Вас. Нечаевъ.

Дневникъ священника *).

1872-й годъ.

Январь. 1-й день. Сего дня, послѣ совершенія божественной литургіи, я читалъ въ храмѣ Божіемъ статью о страшномъ судѣ Христовомъ изъ книги: „краткое изло-

*) Сообщенъ высокопресвященнѣшимъ Платономъ, архіепископомъ костромскимъ. Авторъ дневника, священникъ села Ильинскаго костромскаго уѣзда Николай Пановъ, описываетъ случаи своей служебной дѣятельности по приходу. Его записки, интересныя для пастырей, представляютъ назидательное чтеніе и для мірянъ. Высокопресвященнѣйшій Платонъ справедливо касательно этого замѣчаетъ въ письмѣ къ редактору: „теплота души священника не можетъ не передаваться другимъ“. При томъ изъ дневника читатель увидитъ, какъ трудно служеніе приходскаго священника, днемъ и ночью, въ хорошую и ненастную погоду отвлекаемаго изъ своего дома обязанностями службы, и сколько потому нужно самоотверженія для добросовѣстнаго исполненія этихъ обязанностей. Не мѣшало бы привнѣсть это къ свѣдѣнію порицателямъ духовенства, которые обращаютъ вниманіе на одніи темныя стороны въ его служеніи, а не вмѣстѣ на свѣтлыя, и щедры на порицанія потому только, что незнакомы съ трудностями его. *Ред.*

женіе догматовъ вѣры“ (преосвящ. Платона, архіепископа костромскаго). Послѣ прочтенія этой статьи я увѣщевалъ своихъ прихожанъ, чтобы они, если желаютъ себѣ добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ, съ наступленіемъ новаго года начали и проводить жизнь новую, удалялись отъ различныхъ пороковъ, какъ-то: пьянства, любострастія, сквернословія и вообще отъ всѣхъ грѣховъ, удаляющихъ отъ насъ благодать Святаго Духа, вслѣдствіе чего человѣкъ духовно умираетъ для Бога и вѣчнаго блаженства. Теперь еще, продолжалъ я говорить своимъ духовнымъ чадамъ, Господь время и лѣтъ еще даетъ намъ грѣшнымъ время на покаяніе; но послѣ смерти и страшнаго суда Христова уже не будетъ помилованія, но будетъ вѣчно царствовать одна правда Божія.

Послѣ божественной литургіи отравился со святыми иконами въ деревню Подсосинье, отстоящую отъ нашего села въ 7 верстахъ. Отслужить всенощное бдѣніе и молебны звалъ меня къ себѣ крестьянинъ В. Игнатъевъ. Этотъ крестьянинъ недавно овдовѣлъ и вступилъ во второй бракъ. Но со второю женою онъ сталъ жить несогласно, предался невоздержанію и пьянству. Отъ первой жены у него осталось пятеро дѣтей. При первой женѣ онъ занимался торговлей и жилъ довольно достаточно. Но разгульная жизнь начала уже видимо разстроивать его семейный бытъ. При встрѣчѣ съ этимъ крестьяниномъ, я часто говорилъ ему, не смотря на то, что ему было весьма непріятно, что онъ началъ жить совсѣмъ не по христіански; увѣщевалъ его не обижать свою вторую жену, женщину очень скромную и воздержную. Крестьянинъ В. Игнатъевъ на слова мои отвѣчалъ, что его испортили злые люди. И вотъ, какъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ послѣ, онъ началъ ѣздить къ знахарямъ, чтобы они пособили его горю, отворотили отъ невоздержной жизни и научили жить порядочно съ женою и съ своими дѣтьми. Этимъ знахарямъ, слышно, давалъ онъ порядочныя деньги. Въ Рождество Христово прошедшаго года В. Игнатъевъ пріѣзжалъ молиться въ храмъ и передъ божественной литургіей приходилъ въ мой домъ. Я началъ спрашивать его про его семейную жизнь и узналъ, что онъ по прежнему не доволенъ своею женою и своимъ семействомъ, и съ горя пьянствуетъ. „Послушай, говорилъ я крестьянину В. Игнатъеву, ты бы лучше помолился Господу Богу, чѣмъ

тебѣ шататься по знахарямъ да понапрасну бросать имъ деньги. Я совѣтоваль бы тебѣ, чтобы ты пересталъ во что бы ни стало пить вино, а то иначе съ своимъ характеромъ совсѣмъ пропадешь. Ты самъ видишь, что состояніе твое видимо разстроивается, жена и дѣти твои постоянно плачуть, смотря на твою порочную жизнь. Жаль мнѣ тебя. Если ты не перемѣнишь самаго себя, то дойдешь до нищеты и погубишь свою душу; не царство небесное въ вѣчности будетъ ожидать тебя, но одни вѣчныя муки“. „Ахъ, кормилецъ, брошу я этихъ проклятыхъ знахарей, плуты они окажутся, говорилъ онъ мнѣ. Прошу васъ, отецъ мой, пожаловать ко мнѣ въ домъ со святыми иконами въ Новый годъ. Можетъ быть, по милости Божіей, я перестану и вино пить. Помолигесь за меня Господу Богу“. „А не станешь пить вино, говорилъ я ему, ты самъ увидишь, какъ у тебя на душѣ будетъ свѣтло и покойно“. Вотъ какая нужда заставила этого крестьянина принять въ свой домъ св. иконы. Сознаніе своего крайняго безсилія пачать жизнь христіанскую, кроткую и благочестивую, а вмѣстѣ и тайное дѣйствіе всемогущей благодати божественной заставили его обратиться отъ земныхъ врачей къ помощи небесной. Во время всенощнаго бдѣнія и молебновъ Господу Иисусу Христу, Божіей Матери, Николаю чудотворцу, мученику Мартиніану и Монсею мурину, онъ постоянно молился на колѣнахъ Господу Богу. Отслуживъ всенощную и молебны въ домѣ этого крестьянина, я, по просьбѣ другихъ крестьянъ этой же деревни Подсосинья, служилъ еще молебны въ 15 домахъ.

2 января я ѣздилъ въ село Романово къ отцу благочинному съ книгами и документами для окончательной ревизіи. Отъ благочиннаго вернулся въ свое село въ 10 часовъ вечера. Но не успѣлъ я поотогрѣться отъ холода, какъ пріѣзжаетъ ко мнѣ крестьянинъ Василій Павловъ изъ деревни Подсосинья и просить меня исповѣдать и причастить св. таинъ своего роднаго дядю, крестьянина этой же деревни Евфимія Осипова. „А давно ли захворалъ твой дядя?“ спрашиваю я крестьянина В. Павлова. „Да хвораетъ онъ, батюшка, почти что отъ самаго зимняго Николая“. „Что же ты, братецъ мой, до сихъ поръ не позаботился заблаговременно пріѣхать за мной? Вѣдь теперь 11 часовъ вечера. да ктому же и на улицѣ начинаеть подниматься сильный вѣтеръ. Ваша деревня даль-

ная; при сильной вьюгѣ мы легко можемъ сбиться съ дороги. Такъ нельзя ли подождать до утра? Лошадь свою ты можешь поставить ко мнѣ на дворъ; я ей дамъ своего сѣна, и мы, когда станетъ разсвѣтать, отправимся въ дорогу“. „Воля ваша, кормилецъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, ѣхать со мною или не ѣхать, а только я вамъ сказываю, что больной дядя мой очень тоскуетъ. При отъѣздѣ изъ дому говорилъ онъ мнѣ со сильнымъ стономъ, что не знаетъ, доживетъ ли до утра“. Послѣ этихъ словъ я немедленно пошелъ въ храмъ Господень за святыми Дарами. Предъ свитымъ престоломъ, среди полунощной тишины я пламенно умолялъ Господа сохранить мое здоровье, столь необходимо нужное для прихода и для блага моихъ многочисленныхъ малолѣтнихъ дѣтей. Вышедши изъ церкви на улицу, я увидѣлъ, что вѣтеръ еще болѣе усиливался; насквозь меня такъ и пронизывалъ; вдобавокъ большой снѣгъ. Еслибы не священный долгъ идти на помощь умирающему человѣку-христіанину, въ такую погоду я не рѣшился бы ѣхать ни за какія блага.

На дорогѣ отъ вѣтра и снѣга показались небольшіе сугробы. „Василій, говорилъ я своему спутнику, смотри хорошенько... Видишь ли, какая вьюга? Какъ бы намъ не сбиться съ дороги? Надежна ли у тебя упряжь? Какъ бы не порвались завертки? Взялъ ли ты на всякой случай веревку?“ — „У меня все хорошо, говорилъ мнѣ извозчикъ. Не опасайся, батюшка“. Да только я не напрасно опасался. Не доѣзжая двухъ верстъ до деревни Подсосинья, среди луговой, снѣжной равнины, обѣ завертки лопнули. Запасной веревки хозяинъ не взялъ съ собою, а у меня не попросилъ. Дѣлать больше нечего, употребили для завертокъ возжи и черсѣдельникъ и наконецъ поѣхали. Да какъ поѣхали-го? Спутникъ мой велъ за поводъ своего исхудалаго коня, а вѣтеръ такъ и шумитъ, снѣгъ такъ и валитъ и заслѣпляетъ глаза. „Вотъ каково иногда бываетъ положеніе священника! И вы міряне еще завидуете намъ священникамъ, говорилъ я на дорогѣ своему спутнику. Всякій послѣдній работникъ имѣетъ отдыхъ и дѣлаетъ свои дѣла, когда можетъ и когда хочетъ; только одинъ священникъ этого сдѣлать не можетъ“... Я задрожалъ отъ холода... Съ дороги мы сбились. Спутникъ мой, да и самъ я не знали куда ѣхать. Приѣхали къ крутому берегу рѣки. Нѣтъ ни одной звѣзды на небѣ; не видать по сторонамъ ни одного деревенскаго огонька. Что дѣлать? Ло-

шадь стала выбиваться изъ силъ. Хоть въ полѣ ночуй. Спутникъ мой сталъ раскаиваться, что не послушался моего совѣта, не остался у меня въ домѣ. Господи, взывалъ я невольно, дрожа весь отъ сильнаго холода, не дай намъ погибнуть; помоги, Милосердый, укажи намъ дорогу въ деревню... Наконецъ, къ величайшей нашей радости, мы вдали увидѣли огонекъ, потомъ другой и третій. Сначала я подумалъ, не волки ли это смотрятъ на насъ. Но всматриваясь попристальнѣе, мы узнали, что это дѣйствительно мелькаютъ деревенскіе огни. И на эти огни мы направили свой путь и, благодареніе милующему насъ Господу, пріѣхали наконецъ въ деревню. При входѣ въ домъ больнаго крестьянина Евфимія Осипова, я увидѣлъ, что тамъ собралось уже довольно народу изъ мужчинъ и изъ женщинъ. Жена и малотнія дѣти этого крестьянина предавались горькимъ слезамъ. На спросъ мой: живъ ли Евфимій Осиповъ, или уже умеръ, мнѣ отвѣчали, что живъ, да только пересталъ уже говорить. „Какъ только уѣхалъ за тобою, батюшка, племянникъ нашъ В. Павловъ, больной совсѣмъ умолкъ, теперь только храпитъ“,—говорила рыдая жена его Софья Ѳедорова. „Что же ты, голубушка, говорилъ я ей, за мною не прислала пораньше? Вѣдь ты могла видѣть, что мужъ твой, и безъ того слабый здоровьемъ, сильно разчемогался“. „Да не кого было, отвѣчала она, послать за тобою. Посылала племянника, да все отзывался недосугомъ“.

„Вотъ, православные, обратился я послѣ этихъ словъ ко всѣмъ собравшимся въ домѣ крестьянамъ и крестьянкамъ, какъ вы дорожите своимъ вѣчнымъ спасеніемъ и спасеніемъ своего ближняго! Когда бываете въ добромъ здоровьѣ, то часто вовсе и не думаете о томъ, какъ бы очистить свою душу таинствомъ покаянія. Нѣкоторые изъ васъ въ прошедшую св. четырехдесятиницу не были у исповѣди, не причащались Тѣла и Крови Христовыхъ. А почему? По одной непростительной лѣности и крайней безпечности, такъ противныхъ и ненавистныхъ безконечно милующему насъ Господу. Вы думаете: время еще не ушло, и можно еще раскаяться въ своихъ грѣхахъ! Но отъ васъ сокрыто, допустить ли васъ, столь безпечныхъ и нерадящихъ о своемъ вѣчномъ спасеніи, до покаянія Правосудный Господь Богъ. Вы зовете священника со святыми Дарами тогда, когда больной въ безнадежномъ

положеніи, когда у него притупятся чувства, потемнѣетъ память, помрачится разумокъ. Что тогда съ нимъ можетъ сдѣлать священникъ, пастырь словеснаго стада Христова? Какъ онъ можетъ возбуждать въ его сердцѣ умиленіе и раскаяніе, когда тотъ чуть не въ безпамятствѣ? Оставьте же, православные, говорилъ я окружающимъ меня, свою безпечность и нерадѣніе и въ слѣдующую святую четырехдесятницу приходите всѣ и старые и молодые въ храмъ Господень, пока еще живы и здоровы, очищать свои души и сердца отъ грѣховъ чрезъ св. таинство покаянія. Помните и знайте, что послѣ смерти нѣтъ покаянія, нѣтъ и помилованія отъ правосуднаго Господа. Нераскаянные грѣшники, вы сами знаете, будутъ вѣчно мучиться въ *геснии оиенной*, во вѣки вѣковъ“. Слова мои всѣ находящіеся въ домѣ больного выслушали въ глубокомъ безмолвіи. А больной все еще погруженъ былъ въ глубокой сонъ. Я сталъ опасаться, не сдѣлался бы этотъ сонъ непробуднымъ. Что мнѣ дѣлать? А больше ничего, думалъ я, какъ стать на молитву. Я такъ и сдѣлалъ. Время уже приходило къ утру. Я спросилъ крестьянъ, нѣтъ ли у нихъ канонника, и одинъ изъ нихъ скоро мнѣ принесъ его. Я началъ читать общую повседневную службу ко Господу нашему Іисусу Христу вслухъ. Бывшіе въ домѣ больного слушали и молились вмѣстѣ со мною. Я прочиталъ всю службу до конца. Я началъ читать утреннія молитвы; вдругъ больной застоналъ сильно, и я, оставивъ чтеніе утреннихъ молитвъ, бросился къ нему съ зажженной восковою свѣчей. Больной на меня смотрѣлъ пристально. „Ефимъ, говорилъ я ему, узналъ ли ты меня? Я священникъ; пріѣхалъ къ тебѣ со святыми Дарами, исповѣдать тебя и причастить св. Таинъ“. „Узналъ, батюшка“, былъ его отвѣтъ. Тогда я заставилъ его проговорить за мною: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшника. Онъ проговорилъ эту краткую молитву съ большимъ стономъ. Проговорилъ за мною больной и эти слова молитвы: „вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъже первый есмь азъ“. Услышавъ эти слова отъ болящаго, всѣ присутствующіе въ домѣ невольно перекрестились и сказали: Господи помилуй! Послѣ этого я спросилъ болящаго: „какъ онъ себя чувствуетъ?“—„Шлохо, батюшка, не могу никакъ пересворо-

тяться съ боку на бокъ“, былъ его отвѣтъ. Тогда я спросилъ его: „желаетъ ли опъ исповѣдаться и причаститься св. Таинъ“. Нечего и говорить, что я получилъ утвердительный отвѣтъ. Тогда я велѣлъ женѣ больнаго памочить родю чистое полотенце теплою водою и обтереть этимъ полотенцемъ лицо и руки его. Послѣ этого всѣ присутствующіе стали прощаться съ больнымъ; нѣкоторые изъ нихъ кланялись ему въ ноги и всѣ стали выходить изъ дома. Передъ исповѣдію я говорилъ болящему: „выслушай меня Е. Осиповъ! вотъ ты въ прошедшую св. четырехдесятницу не былъ у исповѣди и св. причастія. Господь, быть можетъ, за это нерадѣніе твое о своемъ вѣчномъ спасеніи послалъ на тебя жестокую болѣзнь. Но видно Господь не до конца на тебя прогнѣвался,—Опъ тебѣ даруетъ еще время на покаяніе. Не унывай духомъ и принеси Ему Сердцевѣдцу чистосердечное раскаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ, во всѣхъ своихъ худыхъ мысляхъ и желаніяхъ. Тогда, вѣрь мнѣ, вѣчное спасеніе твое несомнѣнно. Разбойникъ, при послѣднихъ минутахъ своей жизни, раскаялся въ грѣхахъ своихъ предъ распятымъ на крестѣ Господомъ и первый вошелъ въ рай“. Послѣ сего я приступилъ къ исповѣди больнаго. Глубокіе вздохи и стоны о содѣянныхъ грѣхахъ сопровождали эту исповѣдь. Да и какъ не стонать, какъ не рыдать человѣку-грѣшнику, когда онъ видитъ что стоитъ на краю бездны, которая готова его, быть можетъ, навсегда поглотить? Послѣ исповѣди я причастилъ болящаго св. Таинъ, къ величайшей радости какъ его самого, такъ и всѣхъ домашнихъ. Я пріѣхалъ домой въ 7 часовъ утра. Послалъ больному *летучей мази*, чтобы этою мазью растирали онѣмѣвшіе члены больнаго, да полбутылку крѣпкаго, домашняго уксусу, чтобы этимъ уксусомъ намачивали голову больнаго. Самъ я простудился и началъ кашлять.

4 день. Когда я изъ деревни Подсосинья подѣзжалъ къ крыльцу своего дома, то увидалъ, что меня ожидаеть у тогоже крыльца новая подвода. Вхожу въ домъ свой и узнаю, что меня зоветъ изъ деревни Гущино крестьянская жена Припа Матвѣева исповѣдать и причастить Св. Таинъ своего больнаго мужа, крестьянина Василя Кузьмина. Слава Богу! Эта деревня недалеко отстоитъ отъ села, всего въ 1 верстѣ. Отъ жены В. Кузьмина узнаю, что мужъ ея, назадъ тому двѣ недѣли, бывши на мірскомъ

сходѣ въ селѣ Колшевѣ, порядочно напился вина и дорогою простудился. „Сначала, говорила она, мужъ мой все былъ на своихъ ногахъ; но вотъ ужъ четверо сутокъ лежитъ и совсѣмъ не можетъ встать съ постели“. Я опять отправился въ дорогу; да не дорога меня безпокоила, а тревожилъ душу мою самъ больной, котораго я поѣхалъ исповѣдать и причащать Св. Таинъ. В. Кузьминъ, когда былъ здоровъ, то отличался безпечною и нерадѣніемъ о своемъ спасеніи, болѣе трехъ лѣтъ не былъ на исповѣди. Въ храмъ Господень тоже ходилъ рѣдко.

При входѣ въ домъ этого крестьянина, я увидѣлъ его лежащимъ на полу, на ржаной соломѣ. Страшная, могильная блѣдность покрывала его исхудалое лицо. Сильнѣйшая горячка, должно быть, пожирала его внутренность. Пр. взгляды на этого живаго мертвеца, мнѣ сдѣлалось такъ тяжело, что я не могу и выразить. „Василій, сказалъ я ему, узналъ ли ты меня? Я пришелъ исповѣдать тебя и причастить Св. Таинъ“. Хриплымъ, могильнымъ голосомъ говорилъ онъ мнѣ, что узналъ меня, и желаетъ исповѣдаться во грѣхахъ своихъ и причаститься Св. Таинъ. Послушай меня, другъ мой, говорилъ я ему: вотъ ты, когда былъ здоровъ, то нисколько не заботился объ очищеніи своей души отъ грѣховъ. Болѣе 3 лѣтъ ты не былъ на исповѣди. Ты самъ добровольно убѣгалъ отъ милующаго тебя Господа. Чувствуешь ли, понимаешь ли ты, какъ свою безпечною и нерадѣніемъ о своемъ спасеніи ты прогнѣвлялъ безконечное милосердіе Божіе. „Знаю, что я великій грѣшникъ предъ Богомъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. Ахъ! не знаю я, какъ мнѣ явиться на страшный судъ предъ Господомъ Богомъ. Тяжело, страшно мнѣ становится на душѣ, когда я подумаю объ этомъ.“ „Но я пришелъ къ тебѣ съ пречистыми Тайнами, говорилъ я больному, не для того, чтобы поселить въ твоемъ сердцѣ отчаяніе. Нѣтъ! я пришелъ къ тебѣ для того, чтобы оживить унылый духъ твой небеснымъ упованіемъ на безконечное милосердіе Божіе. Тяжело согрѣшилъ царь и пророкъ Давидъ предъ Богомъ; но когда онъ съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ предъ Нимъ сердцецвѣдцемъ раскаялся въ своемъ грѣхѣ, то Господь тотчасъ и простилъ его. Тяжко согрѣшилъ первоверховный апостоль Петръ. Онъ отрекся отъ своего небеснаго Учителя и Господа; но когда Петръ восплакалъ горько о великомъ грѣхѣ своемъ,—то мило-

сердый Господь не только простилъ ему грѣхъ, но и опять содѣлалъ его своимъ великимъ апостоломъ. Господь нашъ Исусъ Христосъ пролилъ пречистую Свою кровь на крестѣ, за насъ грѣшниковъ. *Не придохъ, говорилъ Онъ, призвати праведники, но грѣшники на покаяніе.* Онъ приходилъ съ неба на землю не для чего инаго, какъ для того, чтобы взискать драхму погибшую—человѣка-грѣшника. Помни, другъ мой, что по слову нашего Господа, *велия радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся.* Горе, страшное горе ожидаетъ въ вѣчности однихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. Геенскій пламень, червь неусыпающій, скрежетъ зубовъ, сообщество съ демонами, вѣчное удаленіе отъ Трійпостаснаго Бога и св. Его ангеловъ,—вотъ что ожидаетъ въ будущей жизни нераскаянныхъ людей! Господь еще на тебя не совсѣмъ прогнѣвался. Онъ, безконечно милосердый, даетъ тебѣ чловѣку грѣшному время на покаяніе; такъ постарайся съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ принести Ему чловѣколюбцу раскаяніе о грѣхахъ своихъ самое чистосердечное, съ твердымъ намѣреніемъ исправить свою жизнь, если Господу Богу угодно будетъ ее продолжить. Вотъ ты прежде рѣдко ходилъ въ храмъ Господень за богослуженіе. Помни и знай, что храмъ Господень есть *земное небо*, въ которомъ таинственно присутствуетъ Самъ Царь неба и земли, окруженный безчисленнымъ множествомъ безплотныхъ духовъ—херувимовъ и серафимовъ, архангеловъ и ангеловъ. Въ храмѣ Господнемъ приносится страшная, безкровная жертва за всю вселенную и за насъ съ тобою грѣшныхъ. Самъ Господь І. Христосъ приноситъ себя въ жертву за грѣхи всего міра. Вотъ ты какого сокровища добровольно лишалъ себя. Станешь ли, если Господу Богу благоугодно будетъ возвратить тебѣ здоровье, станешь ли постоянно посѣщать храмъ Господень и молиться въ немъ нашему общему Творцу и Благодѣтелю? „Непремѣнно буду ходить въ церковь, если только буду здоровъ“, былъ отвѣтъ больнаго. „Понимаешь ли ты, продолжалъ я, какого ты безцѣннаго сокровища добровольно лишался, не пріобщаясь болѣе трехъ лѣтъ Тѣла и Крови Господа нашего І. Христа?“ Больной безмолствовалъ. „Въ таинствѣ причащенія, говорилъ я ему, подъ видомъ хлѣба и вина преподаются вѣрующему въ Господа нашего І. Христа самое пречистое Тѣло Его и

самая честная кровь Его во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. *Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь*, говоритъ Спаситель нашъ, *имать животъ вѣчный и Азъ воскресну его въ послѣдній день*. Причащающійся Тѣла и Крови Христовыхъ таинственно соединяется съ Самимъ пострадавшимъ за насъ и воскресшимъ Господомъ, прививается, какъ дикая вѣтвь къ плодоносной виноградной лозѣ. Нѣтъ святѣе, а потому нѣтъ и страшнѣе этого величайшаго таинства, совершаемаго въ Церкви Христовой. По этому отъ всякаго христіанина, приѣмлющаго пречистое Тѣло и Кровь Господа нашего І. Христа, требуется чистота совѣсти, чистота души и тѣла, глубокое, смиренное раскаяніе во грѣхахъ, раскаяніе въ порочныхъ помыслахъ и нечистыхъ пожеланіяхъ. Приведи же себѣ на память предъ причащеніемъ пречистыхъ Таинъ всю свою прошедшую жизнь; вспомни, не прогнѣвлялъ ли ты когда нашего общаго Отца и Благодѣтеля, дѣлами, словами, пожеланіями и мыслями, противными Его святѣйшимъ заповѣдямъ. Не устыдись, не убойся, не скрой отъ меня ничего. Въ эту рѣшительную для тебя минуту смотри на тебя Самъ Тріипостасный Богъ, окруженный безчисленнымъ множествомъ архангеловъ и ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ! Ты теперь будешь стоять какъбы на страшномъ судѣ Христовомъ, и участь твоя будетъ рѣшаться на цѣлую вѣчность. Если ты искренно расскаешься во грѣхахъ своихъ, то милосердый Господь нашъ непременно проститъ тебѣ ихъ, убѣлитъ душу твою *паче снега* и исполнитъ сердце твое радостію неизреченною. Если же по упорству своему, несправдливо или стыду, ты не расскаешься въ своихъ грѣхопаденіяхъ, то помни и знай, что если Господу Богу угодно воззвать тебя отъ сей временной жизни къ вѣчной, тамъ тебя будутъ ожидать одни вѣчныя, страшныя мученія. Потомъ я далъ больному нѣсколько временн на размышленіе, а затѣмъ началъ читать положенныя по Требнику молитвы ко святому причащенію. Я не думалъ снѣшить окончаніемъ исповѣди, потому что чувствовалъ, что отъ этого, быть можетъ послѣдняго, предсмертнаго раскаянія во грѣхахъ зависѣла участь умирающаго чловѣка-христіанина на цѣлую вѣчность. Послѣ исповѣди я причастилъ болящаго пречистыхъ Таинъ, и при отъѣздѣ изъ его дома, увѣщевалъ его какъ можно чаще прибѣгать съ пламенною молитвою къ Тріипостасному

Богу, къ пренепорочной и преблагословенной Матери нашего Искупителя и Господа и ко всѣмъ святымъ. „Да будетъ, говорилъ я ему въ послѣдній разъ, имя сладчайшаго І. Христа дыханіемъ устъ твоихъ. Нѣтъ сильнѣе имени Іисуса Христа ни на небѣ, ни на землѣ“.

Затѣмъ я благословилъ болящаго и самъ испросилъ у него христіанскаго прощенія, если въ чемъ когда былъ предъ нимъ виноватъ.

5-й день. Сегодня, послѣ заутрени приѣзжалъ за мною изъ деревни Высочки крестьянинъ Василій Арсеньевъ и просилъ меня, чтобы я приобщилъ Св. Таинъ его роднаго отца, крестьянина Арсенія Кузьмина, у котораго вчерашній день на вѣтряной мельницѣ оторвало лѣвую руку. Деревня Высочки отстоитъ отъ нашего села въ 7 верстахъ. Ар. Кузьминъ былъ добрымъ христіаниномъ. Каждый годъ во св. четыредесятницу онъ ходилъ на исповѣдь неопустительно, проводилъ жизнь трезвую и весьма трудолюбивую. Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ добрымъ отцемъ для своихъ дѣтей и хорошимъ мужемъ для своей жены. Арсеній Кузьминъ въ прошедшую весну купилъ у г. Корнилова вѣтряную мукомольную мельницу и перевезъ ее въ свою деревню. Онъ самъ думалъ управиться съ мельницею, безъ найма другаго, болѣе себя опытнаго человѣка по устройству и управленію мельницею. При встрѣчѣ съ этимъ крестьяниномъ я говаривалъ ему, что, по русской пословицѣ, всякое дѣло своего мастера боится, и что онъ никогда не бывалъ еще мельникомъ, а поэтому я и совѣтовалъ ему нанять для управленія купленную имъ мельницею болѣе себя опытнаго человѣка. Да вѣдь всегда ли наши совѣты, хотя и добрые, принимаются къ сердцу даже и порядочными прихожанами? „Ничего, Богъ милостивъ говорилъ мнѣ кр. А. К., помаленьку я и одинъ управлюсь съ своею мельницею“. Да и управился такъ, что лишился цѣлой руки. „Всю ночь *проревѣлъ* отецъ мой“, добавлялъ мнѣ сынъ крестьянина В. Арсеньевъ. Я немедленно отправился въ деревню Высочки со святыми Дарами. Мы съ своимъ спутникомъ ѣхали съ необыкновенною быстротою, потому что Василій Арсеньевъ опасался, какъ бы до исповѣди и св. причастія его родитель не сошелъ отъ сильной скорби съ ума. Доѣхали мы до д. Высочки очень скоро; но несчастному крестьянину А. Кузьмину какой-нибудь часъ, проведенный мною въ дорогѣ, показался цѣлымъ годомъ.

„Я думалъ, кормилецъ, говорилъ онъ мнѣ, что тебя совсѣмъ не дождуся“. Отъ больнаго я узналъ, что на мельницу его вдругъ ночью подулъ сильный вѣтеръ, который оторвалъ даже мельничныя крылья. Въ испугѣ, въ безпамятствѣ, среди глубокой ночи, онъ не зналъ что дѣлать. Ему хотѣлось остановить совсѣмъ мельницу, и вмѣсто того онъ остался безъ руки. „Не знаю, дополнялъ онъ, какъ меня совсѣмъ не убило, какъ я еще остался живъ! Ахъ, отецъ мой, видно за грѣхи мои такъ наказалъ меня Господь Богъ“. Я началъ говорить болящему, что всякому христіанину многими скорбями подобаешь внити въ царствіе Божіе. Я увѣщевалъ болящаго, чтобы въ чрезмѣрной скорби своей онъ не доходилъ до унынія. Въ сильнѣйшей скорби твоей какъ можно чаще обращайся съ пламенною молитвою къ Богу Отцу твоему. Говори ему хотя такъ: „Господи, тяжело мнѣ, такъ тяжело мнѣ, что не могу и выразить на словахъ скорби души моей предъ Тобою, Сердцевѣдецъ мой!“ Скорбными словами нашими, особенно когда къ Богу ихъ обращаемъ, скорбь наша всегда облегчается. Что Богу выскажешь отъ души, то не будетъ больше тяготить душу (Псал. 31, 5). Для того Господь Богъ и посылаетъ намъ болѣзни душевныя и тѣлесныя, чтобы мы чаще къ Нему обращались съ молитвою, не забывали Его—нашего Отца и Благодѣтеля. Вспомни, другъ мой, говорилъ я больному: какія невыразимыя страданія на крестѣ терпѣлъ нашъ Божественный Искупитель, Творецъ неба и земли. Мы хотя и страдаемъ духомъ и тѣломъ, такъ страдаемъ за наши грѣхи. А Онъ, какъ Единый безгрѣшный, страдалъ за насъ, за грѣхи наши. Онъ предъ наступленіемъ Своихъ крестныхъ страданій подалъ намъ и примѣръ, какъ мы должны вести себя въ минуты нашихъ скорбей: Онъ молился Отцу Своему небесному до кроваваго пота. Вотъ ты теперь, по причинѣ болѣзни, не можешь встать съ постели на молитву къ Богу; но и на постелѣ твоей уста твои всегда, до конца твоей жизни могутъ произносить теплыя молитвы къ Нему. Вспомни, другъ мой, продолжалъ я, какія невообразимыя для насъ съ тобою скорби сердечныя должна была претерпѣвать Царица неба и земли, Пречистая и Преблагословенная Дѣва Марія, когда Она увидѣла на крестѣ висящимъ Своего возлюбленнаго Сына, прекраснѣйшаго всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Мы знаемъ, что

въ эти минуты мечь прошелъ въ Ея душу (Лук. г. 2, 35); но не видимъ, чтобы при своихъ чрезмѣрныхъ скорбяхъ Она доходила до унынія или отчаянія. Всѣ святые вошли въ царство славы и вѣчнаго блаженства ничѣмъ другимъ, какъ путемъ страданій. Поэтому не приходи среди твоихъ жес.окихъ страданій до отчаянія,—этой злой болѣзни нечестивыхъ. Принеси предъ Господомъ, здѣсь въ твоемъ домѣ присутствующимъ въ Пречистыхъ Тайнахъ, самое чистосердечное раскаяніе въ своихъ грѣхахъ. Таинство покаянія врачуетъ наши духовныя язвы, примиряетъ насъ грѣшныхъ съ правосуднымъ Богомъ, убѣляетъ наши грѣхобливыя души паче снѣга и вливаетъ въ наши сердца отраду и утѣшеніе “ Тогда большой сказалъ мнѣ: „я радъ слушать твои слова. Не забудь меня и завтра, пріѣзжай совершить надо мною таинство елеосвященія“. Послѣ этихъ словъ больного я исповѣдалъ и причастилъ его, и собиравъ домой общался въ день Богоявленія пріѣхать къ нему совершить надъ нимъ таинство елеосвященія. Кромѣ того я совѣтывалъ ему послать котораго нибудь изъ своихъ сыновей въ городъ Кострому за лекаремъ или по крайней мѣрѣ фельдшеромъ или костоправомъ. Я пріѣхалъ домой въ часъ за полдень и велѣлъ причетнику немедленно благовѣстить къ Часамъ. Послѣ Часовъ, не выходя изъ церкви, были совершены божественная литургія и освященіе воды. Вышедши изъ церкви въ сумерки, я при пѣніи праздничныхъ тропаря и кондака, освящалъ св. водою какъ свой домъ и дворъ, такъ и дома своихъ причетниковъ и сторожа церковнаго.

7-й день. Послѣ заутрени я ѣздилъ въ деревню Гуцино совершить литію по умершемъ крестьянинѣ этой деревни Васильѣ Кузминѣ и по божественной литургіи я совершилъ надъ нимъ христіанское отпѣваніе и погребеніе. Послѣ отпѣванія, я говорилъ всѣмъ, окружавшимъ бренные останки почившаго, „какъ все въ этой скоропреходящей жизни превратно, все непостоянно. Нѣтъ ни одной житейской радости, которая бы была печали непрічастна. Все въ этой жизни пепель, призракъ, тѣнь и дымъ. Давно ли вотъ этотъ человѣкъ наслаждался добрымъ здоровьемемъ? Но смерть, какъ грозный нежданнй хищникъ, на вѣки уложила его въ могилу. Давно ли онъ былъ добрымъ, неутомимымъ работникомъ въ своемъ семействѣ? Но лишь дыханіе смерти коснулось его, какъ уже не слы-

шить болѣе вашего братскаго рыданія; померкшіи на вѣки взоръ его не видитъ ни осиротѣлой супруги, ни горько плачущаго малютки сына. До послѣдней, грозной трубы Архангела бранный прахъ почившаго будетъ покоиться въ лонѣ общей нашей матери земли. Вся жизнь человѣческая есть царство суеты; только на небесахъ у Господа радости вѣчныя. Ахъ! еслибы почившіи обрѣлъ тамъ себѣ у Господа тихое пристанище и покой. Братіе, говорилъ я сродникамъ почившаго, умершіи во Христѣ брать нашъ идетъ теперь въ незнаемый путь; онъ, между страхомъ и надеждою, готовится предстать предъ страшное судилище Христово. Ему не нужны теперь наши стоны, наши слезы, наши рыданія, а нужна одна наша пламенная молитва къ Троицостасному Богу о упокоеніи души его. Если, по слову Господа, вѣра въ Бога творитъ чудеса, то любовь къ Богу и ближнему сильнѣе вѣры. Вѣра нѣкогда упразднится, но любовь пребываетъ во вѣки. *Люби*, по слову великаго апостола, *николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 8). Любовь сильнѣе самой смерти. Докажемъ же свою любовь къ почившему пламенною молитвою къ Богу о упокоеніи въ небесныхъ селеніяхъ души его. Не забывайте, братіе, поминать умершаго въ особенности при совершеніи безкровной, страшной жертвы. Нѣтъ ни на небѣ, ни на землѣ болѣе надежнаго средства, чтобы доставить вѣчную радость и вѣчный покой тому, котораго вы на вѣки лишились и котораго, я надѣюсь, все еще любите. Сами же вы, пока еще не постигъ васъ смертный часъ, постарайтесь проводить жизнь свою по закону Божію; ходите какъ можно чаще за богослуженіе; удаляйтесь пьянства и другихъ непотребныхъ дѣлъ, и тогда Господь Богъ подастъ вамъ, когда придетъ время, христіанскую кончину живота вашего непостыдную и мирную и добрый отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ.“

Сего же дня послѣ совершенія божественной литургіи я былъ со святыми иконами въ домѣ крестьянина деревни Высочьки Ар. Кузмина, потерявшаго на мельницѣ руку. Я служилъ, по просьбѣ его, всенощную и молебны Господу Иисусу Христу, Божіей Матери и Николаю чудотворцу, всѣ съ акаѣстомъ, также великомученику Георгію и великомученицамъ Варварѣ и Екатеринѣ. Что сказать мнѣ о больномъ? Онъ страдаетъ много и страшно исхудалъ; впрочемъ, какъ самъ онъ сказывалъ, послѣ

соборованія ему стало на душѣ гораздо легче; ровно что-то отъ сердца моего отвалило—были слова его.

10-й день. Совершена была мною божественная литургія за здравіе добраго, почтеннаго моего родителя, а послѣ литургіи большая панихида за упокой родной моей матери и матери моей крестной Сигклитикии Мироновны Бартеневой. Всю жизнь свою Сигклитикия Мироновна проводила въ трудахъ, постѣ и молитвѣ. Она не одинъ разъ бывала и въ Саровской пустыни у блаженной памяти великаго подвижника старца іеромонаха Серафима и въ Надѣвской пустынѣ у іеросхимонаха Тимона. Блаженной памяти архимандритъ Феоданъ, тоже великій подвижникъ, благословилъ ее своимъ портретомъ. Она неоднократно ходила пѣшкомъ въ Кіевъ и въ Соловецкій монастырь. Сигклитикия Мироновна проводила жизнь истинно подвижническую, держалась правила монашескаго. Когда я былъ въ Контѣевѣ учителемъ, то почти каждый день навѣщаль ее и любилъ слушать ея рассказы о томъ, какъ подвизаются въ монастыряхъ Господа ради истинные рабы Христовы. Она жила въ Контѣевѣ въ своей кельѣ въ церковной оградѣ. Я былъ тогда еще молодъ; но пѣсни, шумъ и крики многолюднаго села особенно на сырной недѣлѣ и святкахъ надоѣдали мнѣ до чрезвычайности. Тогда я приходилъ къ ней въ келлію и, по просьбѣ ея, начиналъ читать или изъ Четьи-Минеи житіе святаго, или изъ другой назидательной книги. Книгъ у ней было много, большею частію подвижническихъ, какъ-то: творенія Макарія египетскаго, Лѣствица Іоанна Лѣстничника и другія. Послѣ чтенія, когда наступало вечернее правило, она уходила въ свою моленную и становилась на молитву. Подъ конецъ своей жизни она стала плохо видѣть; и я для ней часто читаль по каноннику все положенное по уставу нашей православной Церкви правило. Но Сигклитикия Мироновна, какъ мнѣ извѣстно, этимъ моимъ чтеніемъ не довольствовалась. Въ часы полунощныя она снова становилась на молитву. И тогда-то лились изъ ея потухающихъ очей непрестающія слезы, отъ которыхъ глаза ея вѣроятно почти всегда были красны. Постъ ея былъ удивительный. Она и въ скоромные дни не вкушала молочной пищи, а довольствовалась постной. На первой недѣлѣ Великаго поста до субботы она не вкушала пищи. Въ субботу исповѣдывалась и пріобщалась Св. Тайнъ. На

страстной недѣлѣ она едва ли и принимала пищу, кромѣ развѣ просфоры, послѣ причащенія въ великій четвертокъ. Она была просфорня, предварительно научившись печенію просфоръ въ Костромскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ выжила для сего мѣсяца два. Въ Контѣвскій храмъ она пожертвовала серебряные позлащенные сосуды, плащаницу, шитую золотомъ, нѣсколько священническихъ облаченій. При жизни своей постоянно шила церковныя облаченія для Каптѣвскаго храма. Сигклитикія Мироновна померла назадъ тому 17 лѣтъ. Но память объ ней въ селѣ Контѣвѣ до сихъ поръ сохраняется между благочестивыми людьми. Ея истинно-прекрасныя материнскіе совѣты, ея труженической образъ жизни навсегда напечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, и, пока я живъ, память объ ней пребудетъ для меня свящебною.

11-й день. Совершена была божественная литургія въ честь и память Θεодосія печерскаго, одного изъ величайшихъ подвижниковъ русской Церкви и основателя общегитія монашескаго. Въ вечеру 10-го числа въ присутствіи всего моего семейства я прочиталъ житіе этого святаго изъ *печерскаго Патерика*. Послѣ литургіи мною былъ исповѣданъ и причащенъ Св. Таинъ 77-лѣтній старецъ Стефанъ Григорьевъ, проживающій въ деревнѣ Бобырщинѣ. Около 10 лѣтъ онъ уже лишился зрѣнія и питается подаваніемъ добрыхъ людей. Послѣ причащенія Св. Христовыхъ Таинъ онъ говорилъ мнѣ, что боится своею продолжительною болѣзнію обременить добрыхъ людей; а потому просилъ меня, чтобъ я помолился Богу о посланіи ему скорой кончины. Я говорилъ ему, что и великій апостолъ Павелъ говорилъ *о своемъ желаніи разрѣшиться и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23). Но такъ могъ говорить объ себѣ только учитель вселенныя, восхищенный еще здѣсь на землѣ *до третьяго небесе*; а намъ грѣшнымъ непозволительно просить отъ Бога прекращенія нашей жизни, продолженіе которой быть можетъ столь необходимо для очищенія нашей души и для приготовленія къ вѣчности. Молись постоянно Богу, чтобъ Онъ милосердый простилъ твои великія, многочисленныя прегрѣшенія; а о томъ, долго ли ты проживешь, скоро ли ты умрешь, много не безпокойся. Говори самъ словами молитвы завѣщанной намъ грѣшнымъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ: Отче небесный! да будетъ воля Твоя, яко на

небеси и на земли; и покоряйся Его божественному, всегда благому Промыслу.

12-й день. Были исповѣданы и причащены Св. Таинъ въ деревнѣ Бераменовѣ проживающія: 64-лѣтняя дѣвица Александра Осипова и жена крестьянина Никандра Осипова Евфимія Павлова, которой отъ роду 60 лѣтъ. Обѣ эти женщины, ради преклонныхъ лѣтъ и продолжительной болѣзни, часто исповѣдывались и причащались Св. Таинъ. Въ приливахъ сердечной тоски и томленія онѣ иногда присылали за мною и просили меня служить для нихъ молебень. „Знаю я, что вы страдаете много и долго, говориль я имъ сегодня; но вѣрьте и надѣйтесь, что милосердый Богъ, когда настанетъ время вашего отшествія изъ временной жизни въ вѣчную, непременно вознаградитъ васъ, если будете безъ ропота переносить свои страданія, неизреченными радостями въ царствіи Своемъ. Ахъ! если бы вы почаще приводили себѣ на память крестныя страданія нашего Искупителя и Господа, еслибы представляли себѣ Его поносную смерть, на которую обрекли Его безчеловѣчные враги, то, я увѣренъ, вы меньше бы стали жаловаться на свою страдальческую жизнь. Приведите себѣ на память свою прежнюю жизнь. Подумайте, не отъ воздержанія ли вашего вы теперь страдаете? *Оброцы грѣха*—не только однѣ болѣзни, по слову апостола, но и самая *смерть* по душѣ и тѣлу. Содѣлалъ человѣкъ смертный грѣхъ предъ Господомъ Богомъ, и сталъ живой мертвецъ. Онъ умеръ для Бога—источника всякаго блага, всякія утѣхи и радости. Пока человѣкъ здоровъ и счастливъ, онъ часто совсѣмъ забываетъ, что стоитъ на краю пропасти. И если бы Господь не посылалъ къ намъ грѣшнымъ скорбей и болѣзней, мы, быть можетъ, и совсѣмъ забыли бы Его, нашего Творца и Благодѣтеля. Не унывайте же духомъ, что васъ постигли столь великія скорби и страданія.“

13-й день. Былъ исповѣданъ мною и приобщенъ Св. Таинъ 70-лѣтній старецъ Егоръ Павловъ. На исповѣдь и ко Св. причащенію во всѣ великіе посты онъ ходилъ неопустительно. Много испыталъ онъ на своемъ вѣку горя. Но чрезвычайно трудолюбивый и воздержный (онъ вина совсѣмъ не пьетъ), Егоръ Павловъ и въ настоящее время съ своимъ тоже воздержнымъ внукомъ живетъ довольно достаточно. Испытавъ на своемъ долгомъ вѣку всю

суетность и непостоянство земныхъ радостей, онъ не жалѣеть о жизни земной. Его душу въ настоящее время тревожитъ одна мысль: какъ предстать на страшный судъ предъ Господомъ Богомъ. Онъ заранѣе приготовилъ и гробъ для своего вѣчнаго упокоенія. Послѣ исповѣди и св. причащенія обратился онъ при всѣхъ насъ къ своему любимому внуку съ такою рѣчью: „Василій! Вотъ я, быть можетъ скоро умру... Прошу тебя, паче всего храни твердо вѣру православную, которая свѣтлѣе солнца. Ходи по праздникамъ и воскреснымъ днямъ за службу Господню. Трудись, какъ и я трудился; не пей вина, какъ и я не пью, и я увѣренъ, что если и тебя, какъ и меня, постигнутъ несчастія, Господь Богъ поможетъ тебѣ перенести ихъ. Когда умру, закажи батюшкѣ, отцу моему духовному, 20 обѣденъ о упокоеніи души моей. Деньги у меня готовы. Я давно берегъ ихъ для этого святаго дѣла. Не забудь моихъ словъ. Я не оставляю послѣ себя никакихъ долговъ; а мнѣ кто долженъ, всѣхъ прощаю; прости ихъ и ты“. Въ заключеніе своихъ словъ крестьянинъ Егоръ Павловъ просилъ меня совершить надъ нимъ таинство елеосвященія, и я общался исполнить его просьбу, пріѣхать къ нему на другой день.

14-й день. Совершенно было мною таинство елеосвященія надъ больнымъ кр. Егоромъ Павловымъ. Многіе изъ жителей дер. Баринцова собрались въ домъ его, чтобы помолиться вмѣстѣ съ нами о здравіи и спасеніи больного. Послѣ совершенія таинства я объяснялъ всѣмъ собравшимся прихожанамъ моимъ значеніе этого таинства. Я говорилъ, что это таинство установлено по повелѣнію самаго Господа І. Христа. По Его повелѣнію апостолы *мазашу масломъ многія недужныя и исцѣляваху* (Марк. 6, 13). Слѣдуя Божественному наставленію, апостолы, какъ сами совершали елеосвященіе, такъ заповѣдали и своимъ преемникамъ, что ясно раскрывается въ посланіи ап. Іакова (Іак. 5, 14, 15). Я говорилъ, что это таинство восстанавливаетъ тѣлесное здоровье больныхъ, если это для нихъ нужно; ободряетъ духъ больного, возмущаемаго неприятностями и скорбями жизни, болѣзненными страданіями и ожиданіемъ смерти; воодушевляетъ упованіемъ на милосердіе Божіе и вливаетъ мужество противъ демонскихъ искушеній. Наконецъ чрезъ это таинство подается прощеніе грѣховъ. Даже тяжкіе грѣхи прощаются боля-

щему силою таинства елосвященія. *И аще грѣши соворилъ есть, отпустятъ ему*, говоритъ св. апостоль.

16-й день. По совершеніи божественной литургіи, мною читано было ученіе о таинствѣ св. муропомазанія изъ книги: „сокращенное изложеніе догматовъ вѣры“. Какъ не пожалѣть, что прихожане мои не постоянно ходятъ за богослуженіе! Они могли бы мало-по-малу узнать догматы св. православной вѣры и по нимъ устроить свое вѣчное спасеніе. Рѣдкій воскресный и праздничный день проходитъ, чтобы я своимъ прихожанамъ не прочиталъ въ церкви чего-нибудь, или о догматахъ вѣры, или о нравственныхъ обязанностяхъ христіанина; но мои старанія о просвѣщеніи вѣреннаго мнѣ Богомъ и архипастыремъ прихода до сихъ поръ остаются малоуспѣшными. Я просилъ и умолялъ прихожанъ, чтобы они выстроили домъ для училища, но они все отзываются бѣдностію своею. А подѣ часть не жалѣютъ же своихъ трудовыхъ денегъ на вино, да на разгульные пиры и гулянья. Четыре года я училъ безмездно дѣтей своихъ прихожанъ въ своемъ домѣ. Я и теперь не отказался бы отъ этого святаго дѣла, но у меня многочисленное, малолѣтнее семейство. Съ трудомъ и безпокойствомъ, особенно въ зимнее время, я нахожу помѣщеніе въ своемъ домѣ самъ съ своими дѣтьми. Въ доказательство невѣжества въ истинной вѣрѣ приведу одинъ примѣръ, изъ числа многихъ мнѣ извѣстныхъ. За обѣдомъ у одного крестьянина собесѣдники наши, послѣ подношенія нѣсколькихъ рюмокъ русскаго вина, наконецъ заговорили... *Заговорили и о вѣрь*. Одинъ изъ крестьянъ, человекъ еще довольно молодыхъ лѣтъ, учившійся нѣкогда въ сельскомъ училищѣ, сталъ утверждать, что онъ знаетъ всѣхъ лучше, что такое значить православная вѣра. „Послушай меня, перервалъ я его рѣчи, Демьянъ Яковлевъ! Знаю я, что ты грамотѣй. Такъ скажи же, почему ты называешься православнымъ христіаниномъ?“ „Какъ мнѣ не знать кормилецъ, почему? *По краткому катихизису*“. Другаго отвѣта я не получилъ отъ него. Нечего и говорить, что я сейчасъ же объяснилъ своимъ собесѣдникамъ этотъ вопросъ. Какъ же послѣ этого намъ священникамъ въ храмѣ Господнемъ скоро научить своихъ прихожанъ догматамъ вѣры, когда они не знаютъ, или не помнятъ катихизиса? Къ сожалѣнію, въ церковь-то свою многіе ходятъ рѣдко. Волостное на-

чальство всѣхъ мірскіе сходы почти постоянно назначается во дни воскресные и праздничные. Мужичкамъ въ воскресный день идти бы за всенощную или за обѣдню, а они должны отправляться за 20 и болѣе верстъ къ свое правленіе. А безъ самихъ домохозяевъ, подѣ часть и дѣти ихъ молодые остаются дома. Какъ же послѣ этого намъ священникамъ, съ успѣхомъ просвѣщать души и сердца своихъ прихожанъ свѣтомъ небеснаго ученія Христова? *Но горе мнѣ, аще не благовѣствую!* Горе мнѣ, если я не захоощу въ церкви хотя пять словесъ умолю моимъ глаголати, да и нынѣ пользую (1 Кор. 14, 19).

18день Послѣбожест. литургія отправился въ деревню Захарьино, остстоящую отъ нашего села въ 5 верстахъ, исповѣдать и причастить св. таинъ больную жену крестьянина этой деревни Ивана Яковлева Маріамну Иванову. Крестьянинъ Иванъ Яковлевъ около 5 лѣтъ въ параличѣ. Жена его Маріамна Иванова говорила мнѣ, что она испорчена злыми людьми, а какими именно, не знаетъ; что она подвержена бываетъ частымъ, самымъ жестокимъ припадкамъ, это извѣстно всему приходу. Предъ принятіемъ св. Таинъ какъ на дому, такъ и въ церкви, она страшно кричитъ, скрежещетъ зубами и изо всѣхъ силъ ударяетъ себя въ грудь, такъ что становится страшно на нее и смотрѣть. Послѣ же принятія св. Таинъ, если ее кто не поддержитъ, непременно упадетъ, и затѣмъ не на долгое время погружается въ тихій сонъ. И этихъ-то несчастныхъ родителей распутный сынъ крестьянинъ тойже деревни Егоръ Ивановъ, промотавшій все ихъ имѣніе, оставилъ на произволь судьбы. Отецъ его выстроилъ въ деревнѣ Захарьино небольшую избу и въ настоящее время съ женою своею кормится милостынею. Я неоднократно говорилъ крестьянину Егору Иванову, чтобы онъ оставилъ порочную жизнь и былъ къ своимъ родителямъ добрымъ, почтительнымъ сыномъ; но слова мои до сихъ поръ остаются напрасными. Я говорилъ неблагодарному сыну, что родители земные — первые послѣ Бога благодѣтели. Являясь на свѣтъ слабыми и болѣзненными, безъ ихъ постоянныхъ, самыхъ нѣжныхъ попеченій, мы не могли бы охранить своей жизни. Я говорилъ, что непочтительныхъ сыновей въ ветхомъ заветѣ побивали камнями. Самъ Богъ угрожаетъ преждевременною смертію неблагодарнымъ и непочтительнымъ дѣтямъ. *Ити отца твоего и*

матерь твою, да благо ти будетъ и да долготѣнъ будеши на земли, говорить всѣмъ намъ Господь Богъ. Видишь, братъ, кому отъ Господа Бога общано долготѣіе? Тому, кто почитаетъ своихъ родителей, а непочтительныхъ дѣтей ожидаетъ преждевременная кончина и наконецъ вѣчныя, никогда не престающія мученія въ гсевнѣ огненной. Послушай меня, другъ мой, говорилъ я неблагодарному сыну: я знаю, что ты человекъ грамотный, родители позаботились о твоёмъ образованіи; читалъ ли ты когда священное евангеліе? Если ты читалъ, то долженъ знать: кто былъ и всегда есть Христосъ? Онъ былъ и всегда есть едиnorodный Сынъ Отца небеснаго, Творецъ неба и земли, всего видимаго и невидимаго. И однако же во время своей земной жизни Онъ былъ всегда самымъ почтительнымъ сыномъ къ мнимому отцу своему, древодѣлю Іосифу и матери своей преблагословенной Дѣвѣ Маріи. Онъ раздѣлялъ съ мнимымъ отцемъ своимъ всѣ труды и находился у него въ полномъ повиновеніи. А Отцу своему небесному Спаситель нашъ былъ *послушливъ до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 8). Вотъ намъ живой примѣръ для подражанія. Вотъ какъ мы должны любить и почитать своихъ родителей,—это первые послѣ Бога наши благодѣтели. У тебя теперь трое дѣтей. Знай и помни, что каковъ ты былъ въ отношеніи къ своимъ родителямъ, таковы и дѣти твои будутъ въ отношеніи къ тебѣ. Ты родителей своихъ бросилъ, ты ихъ совсѣмъ не почитаешь; будь увѣренъ, если не исправишься, и дѣти твои не станутъ почитать и, когда будешь нездоровъ, тоже тебя совсѣмъ бросятъ.

Но время обратиться къ больной. Когда я взошелъ въ домъ крестьянина Ивана Яковлева со святыми Дарами, то жена его, лежавшая на лавкѣ, вдругъ закричала страшнымъ, неестественнымъ голосомъ. Мужъ ея, какъ разбитый параличемъ, лежалъ на палатахъ. Въ домѣ крестьянина Ивана Яковлева были еще двѣ женщины изъ той же деревни. Я одну изъ нихъ немедленно послалъ за сыномъ,—его не нашли. Тогда я послалъ за деревенскимъ десятскимъ, и онъ немедленно явился. Послѣ этого я спросилъ больную: желаетъ ли она исповѣдаться и причаститься св. Таинъ? Несмотря на то, что съ ней была такая сильная тряска, что даже зубы у ней стучали, она мнѣ отвѣтила, что желаетъ и не знаетъ какъ дождать-

ся этой радости. Тогда я началъ читать молитвы ко св. причащенію, положенныя по Требнику, и приступилъ къ исповѣди больной; она на всѣ мои вопросы о грѣхахъ давала отвѣты съ полнымъ самосознаніемъ. Но когда я сталъ причащать больную св. Таинъ, то откуда у нея взялась сила! Трое человекъ насилу могли держать ее. Больная самымъ неестественнымъ, страшнымъ голосомъ закричала, что ей тошно, тяжело, такъ тяжело, что она сейчасъ же умретъ. Мнѣ однако удалось причастить больную Христовыхъ Таинъ; она, послѣ причащенія, погрузилась въ тонкій, минутный сонъ, послѣ котораго сама сѣла на свою лавку и потребовала себѣ теплой для питья воды.

Февраль. 6-й день. Въ 12 часовъ вечера меня въ деревню Берсеменово позвали исповѣдать и причастить св. Таинъ 60-лѣтнюю вдову Матрону Кириллову. Матрона Кириллова постоянное жительство имѣетъ въ деревнѣ Подсосинѣ. Она была позвана на свадьбу, какъ ближайшая родственница къ новобрачному Гаврилу Семенову, и здѣсь поражена была параличемъ. У ней отнялся языкъ, лѣвая рука и лѣвая нога. Правая же рука и нога могли двигаться. Матрона Кириллова была добрая христіанка, на исповѣдь и къ святому причащенію въ св. четыредесятницу ходила каждагодно; съ молодыхъ лѣтъ не вкушала пищи мясной и вина совсѣмъ не пила. Но кто можетъ разгадать тайны Провидѣнія? Страшная, смертельная болѣзнь постигла ее на веселомъ пиру новобрачныхъ, какъ бы въ предостереженіе веселящихся, чтобы веселость ихъ на христіанскомъ пиршествѣ не доходила до излишества, чтобы они не предавались невоздержанію, а представляли себѣ, что для всѣхъ насъ смертный часъ неизвѣстенъ, что смерть наша стоитъ не за горами а за плечами. Впрочемъ это печальное обстоятельство на всѣхъ пирующихъ сильно подѣйствовало. При входѣ въ домъ крестьянина Филиппа Павлова я увидѣлъ больную, лежащую на лавкѣ. Она не могла дѣйствительно ничего говорить, и я долженъ былъ объясняться съ нею посредствомъ знаковъ. На спросъ мой: можетъ ли хотя одинъ членъ ея тѣла двигаться? она подняла правую свою руку. Тогда я спросилъ ее: узнала ли она меня, своего священника? Больная опять подняла свою руку. Я спросилъ болящую: желаетъ ли она исповѣдаться и причаститься св. Таинъ?

Больная свою правую руку прижала къ сердцу. Ясно, что крестьянка Матрона Кириллова находилась въ полномъ самосознаніи. „Послушай меня, началъ я говорить болящей: ты сама видишь и должна чувствовать, что положеніе твое весьма опасно, что ты, быть можетъ, скоро должна помереть. Принеси же смиренное, чистосердечное раскаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ предъ Испытующимъ сердца и утробы. Ты теперь говорить не можешь, поэтому, вотъ какъ ты со мною должна объясняться при исповѣди: если ты какой грѣхъ содѣлала, то обращай свою руку въ лѣвую сторону, если не сдѣлала, то въ правую“. Она такъ и поступила при исповѣди. Подъ конецъ исповѣди изъ глазъ ея полились обильныя слезы. Видно, что больная чувствовала, какъ она безконечно оскорбляла милосердаго Бога въ теченіе своей жизни, и я увѣренъ, что она въ этихъ горькихъ слезахъ нашла успокоеніе своей совѣсти и прощеніе во грѣхахъ своихъ отъ милующаго насъ Господа. Послѣ исповѣди я причастилъ смертельно болящую пречистыхъ Таинъ и немедленно отправился домой.

10. Сегодня, послѣ божественной литургіи, мною было совершено погребеніе надъ крестьянкою Матроною Кирилловою, которую я причащалъ 6 числа. Послѣ принятія пречистыхъ Таинъ она погрузилась вскорѣ въ летаргическій сонъ, который и не прерывался до дня вѣчнаго ея упокоенія. Вотъ какъ милостивъ Господь! *Блажь Господь всяческигъ и щедроты Его, на всѣхъ дѣлахъ Его.* Онъ не допустилъ умереть безъ покаянія чловѣка-грѣшника, но на самомъ краю гроба Своимъ милосердіемъ разыскалъ его.

Мартъ. 1-й день. Ъздилъ я съ постною молитвою въ деревни Гущино и Зарѣчье. Въ каждой деревнѣ всѣ крестьяне собрались въ одинъ домъ для молитвы. Я убѣждалъ своихъ чадъ духовныхъ, чтобы они хотя во святую четырехдесятницу отложили дѣла темныя и постарались очистить душу свою спасительнымъ таинствомъ покаянія. А чтобы они лучше могли понять всю важность и спасительность сего таинства, я нарочно взялъ съ собою книгу: *Сокращенное изложеніе догматовъ вѣры*, и изъ этой книги прочиталъ во услышаніе всѣхъ ученіе о таинствѣ покаянія. Самыхъ безпечныхъ и нерадящихъ о своемъ спасеніи крестьянъ, изъ деревни Гущина пятерыхъ,

небывшихъ у исповѣди и св. причастія болѣе 3 лѣтъ, и изъ деревни Зарѣчья трюхъ, небывшихъ у исповѣди болѣе 5 лѣтъ, и другихъ я просилъ и умолялъ, чтобы они, хотя сколько нибудь позаботились о своей душѣ, чтобы приходили въ храмъ Господень для исповѣдыванія своихъ грѣховъ, а въ случаѣ ослушанія грозилъ имъ страшнымъ гнѣвомъ Божиимъ, нечаянно готовымъ излиться на пераскаянскихъ грѣшниковъ. „Братья мои, въ заключеніе словъ моихъ говорилъ я имъ, *страшно впасть съ руки Бога живаго* человѣку грѣшнику! На страшномъ судѣ Христовомъ не будетъ уже помилованія, тамъ будетъ царствовать одно безконечное правосудіе Божіе. Смотрите, чтобы къ вамъ перадивымъ и безпечнымъ нечаянно Господь не послалъ грознаго ангела смерти и не прекратилъ вашей грѣховной жизни. Что тогда съ вами будетъ? Какой станете давать отвѣтъ за свои дѣла правосудному Богу? Покайтесь же во грѣхахъ своихъ, пока еще есть для этого время и постарайтесь исправить свою жизнь.“

Юня 5-го, послѣ божественной литургіи, совершенно было мною погребеніе надъ 85 лѣтнимъ старцемъ отставнымъ унтеръ-офицеромъ Павломъ Димитріевымъ, исповѣданнымъ мною и причащеннымъ 1-го числа. Этотъ ветеранъ воинъ былъ еще въ рядахъ нашего воинства въ отечественную войну. Въ турецкую войну онъ былъ при знаменитой *Самуновской персправѣ*. Вся грудь его украшена была медалями. О своихъ походахъ онъ часто, когда былъ здоровъ, мнѣ рассказывалъ, и я любилъ слушать его рассказы. Боже мой! въ какихъ страхахъ и битвахъ онъ бывалъ этотъ воинъ! Былъ и при взятіи нашими войсками Парижа, былъ и въ Адрианополѣ и подъ стѣнами Варшавы, когда эту столицу царства Польскаго бралъ приступомъ графъ Паскевичъ-Эриванскій. Этотъ ветеранъ, послѣ отставки, постоянно жилъ въ моемъ приходѣ въ деревнѣ Гуцинѣ, отличался примѣрнымъ трудолюбіемъ, трезвостію и честностію. Онъ могъ бы въ городѣ Костромѣ, при присутственныхъ мѣстахъ, занимать должности; но, по любви къ покойному своему брату, онъ занялся воспитаніемъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей его. Всѣхъ онъ воспиталъ и порядкомъ устроилъ. Предъ самымъ концомъ своей долгой жизни, правительство назначило ему 3 руб. на его пропитаніе въ мѣсяцъ; но Провидѣнію не угодно было, чтобы онъ воспользовался милостію цар-

скою. Онъ нечаянно захворалъ отъ простуды въ мокрое весеннее время, и ангелъ смерти на вѣки прекратилъ исполненную тревогъ и опасностей долговременную жизнь его. Когда я исповѣдывалъ его, онъ все еще могъ стоять на своихъ ногахъ и передъ исповѣдію самъ надѣлъ на себя свою старинную военную одежду. „Мнѣ захотѣлось, говорилъ онъ мнѣ, въ послѣдній разъ встрѣтить Господа І. Христа *въ полномъ парадѣ* и поклониться Ему, здѣсь присутствующему въ Пречистыхъ Тайнахъ, передъ моею кончиною. Отъ всего моего сердца я благодарю своего Создателя; Онъ избавлялъ меня въ теченіи моей боевой жизни отъ великихъ опасностей. Я не думалъ, что такъ долго проживу на бѣломъ свѣтѣ. Теперь чувствую, что скоро умру; но я оставляю эту жизнь, не съ сердечною скорбію о разлукѣ съ нею, но съ несомнѣнною вѣрою и надеждою на милосердаго Господа, что Онъ, и по смерти моей не оставитъ меня, не предастъ меня на вѣки вѣчныя въ руки нашихъ страшныхъ враговъ—лютыхъ демоновъ.“ Когда я исповѣдывалъ его, то онъ по большей части самъ съ величайшею подробностію объяснялъ мнѣ свои грѣхи; глубоко сокрушался о нихъ и наконецъ умолялъ меня, чтобы я помолился предъ престоломъ Господнимъ о упокоеніи души его. Съ величайшимъ благоговѣніемъ онъ приступилъ къ Пречистымъ Тайнамъ, и послѣ причащенія говорилъ мнѣ, что онъ теперь готовъ помереть съ спокойнымъ духомъ. Смерть его была тиха и покойна. Никто изъ окружавшихъ его родныхъ не могъ видѣть, въ какія минуты ангелъ смерти прекратилъ на вѣки исполненную различныхъ тревогъ и приключеній жизнь его.

Юня 16-го жена моя разрѣшилась отъ бремени. Богъ даровалъ мнѣ двухъ дочерей. Я назвалъ ихъ Вѣрою и Надеждою. Знаю я, что дѣти мои родились въ трудное время, что мнѣ, при моемъ многочисленномъ семействѣ, тяжело будетъ воспитать; но я увѣренъ, что Божественный Искупитель нашъ не оставитъ меня, Своего недостойнѣйшаго служителя, Своимъ милосердіемъ, что въ трудныя для меня обстоятельства пошлетъ мнѣ Свою всемогущую помощь. Съ малыхъ лѣтъ своихъ я привыкъ вѣровать въ Божественное Провидѣніе, которое печется о челоуѣкѣ болѣе родной матери (Исаи 49, 25).

Юня 17-го, послѣ заутрени пріѣзжалъ ко мнѣ изъ деревни Подсосинья крестьянинъ Максимъ Петровъ. Съ вопи-

земь и рыданіемъ бросился онъ мнѣ въ ноги и сталъ просить меня, чтобъ я немедленно ѣхалъ со Святыми Дарами къ умирающей женѣ его. Да какъ не плакать и не рыдать этому крестьянину? У него пятеро малолѣтнихъ дѣтей. Если у него умретъ жена его, кто будетъ кормить и одѣвать ихъ? Этотъ крестьянинъ человѣкъ бѣдный; онъ не скоро найдетъ другую жену. Да вѣдь рѣдко бываетъ, чтобъ и хорошая мачиха, даже и не въ крестьянскомъ быту, была доброю матерью для осиротѣлаго семейства. И несмотря на то, что деревня Подсосинье отстоитъ отъ нашего села въ 7 вер., я готовъ былъ ѣхать къ умирающей женѣ этого крестьянина. Но вотъ какое дѣло: я долженъ въ отсутствіе свое оставить свою жену съ одними малолѣтними дѣтьми и съ одной старухой безъ всякаго попеченія, жену свою, которая послѣ родовъ жестоко страдала и непрерывно стонала и кричала отъ колотья въ груди и бокахъ. Долго ли въ отсутствіе мое умереть ей? Вѣдь много есть тому примѣровъ. Но когда я сказалъ ей, что меня крестьянинъ Максимъ Петровъ зоветъ со Святыми Дарами къ умирающей женѣ своей, то она съ твердостію сказала мнѣ, чтобъ я немедленно ѣхалъ въ деревню и исполнилъ свой долгъ. „Если въ отсутствіе твое я умру, говорила она, то не забудь нашихъ малыхъ дѣтей. Будь имъ и отцомъ и матерью. Знаю я, что тебѣ будетъ тяжело и трудно доживать свой вѣкъ на бѣломъ свѣтѣ. Да вѣдь есть на небѣ Отецъ всеблагій; Онъ тебя и нашихъ малыхъ дѣтей не оставитъ. Поѣзжай съ Богомъ поскорѣй“. Вотъ наконецъ я и въ домѣ крестьянина Максима Петрова. Но что я могу сдѣлать съ бѣдною умирающею женщиной? Она погрузилась въ летаргическій сонъ. Болѣе двухъ часовъ я ждалъ ея пробужденія, но напрасно. Ей суждено было спать до послѣдней трубы грознаго Архангела. Она при мнѣ и умерла. Въ то же самое время я отслужилъ за упокой души ея паннихиду и съ грустію въ сердцѣ отправился въ свой домъ. Но не успѣлъ я пріѣхать домой, какъ мнѣ, разбитому дорогою и испавшему трои сутки, непременно нужно было ѣхать въ деревню Коренево, для крещенія больнаго младенца, которому быть можетъ суждено, такъ сказать, перейти черезъ землю на небо. И вотъ я немедленно отправился въ дорогу и совершилъ таинство надъ новорожденнымъ младенцемъ, который въ тотъ же день и умеръ.

Резолюція московскаго митрополита Филарета. .

1. 1844, марта 12-го. „1) Хотя по числу душъ (*въ сель Болычевъ, мож. у.*) могли бы оставаться два причта: но поелику не видно способовъ, чтобы два причта, могли имѣть безбѣдное содержаніе: то согласно съ мнѣніемъ консисторіи оставить одинъ причтъ. 2) Въ отвѣденіи остающихся въ излишествѣ членовъ причта (*двухъ причетниковъ*) поступить по мнѣнію преосвященнаго. 3) Что касается до требованія духовнаго правленія, чтобы на одинъ причтъ оставлена была вся руга, получаемая двумя причтами: хотя сіе, вѣроятно, было бы не излишнимъ, а сообразнымъ съ бѣдностію прихода, примѣтною изъ того, что недавно бывший здѣсь священникъ не пожелалъ и одинъ остаться здѣсь при 800 душъ мужскаго пола, а предпочелъ перейти въ приходъ несравненно меньшей числомъ душъ: но ни духовное правленіе, ни консисторія, съ нимъ согласившаяся, не представили закона, который давалъ бы имъ право назначать именно такую ругу и дѣлать сіе назначеніе безирекословно обязательнымъ для помѣщика. Надлежитъ ожидать отъ его собственной благонамѣренности, что онъ не оставитъ членовъ причта въ стѣснительной скудости, которая заставила бы достойныхъ убѣгать въ другіе приходы“.

2. 1836 г., ноября 5. „Изъ предметовъ сего дѣла въ большую предъ прочими ясность приведено недопущеніе священникомъ крестьянина Космина съ семействомъ до исповѣди. Хотя священникъ оправдывается, будто это потому, что они не говѣли: но доказательства на сіе не представляетъ; невѣроятно, чтобы такъ крестьянинъ поступилъ, и вовсе опровергается сія оправдательная выдумка священника тѣмъ, что крестьянинъ не допущенъ былъ на четвертой недѣлѣ поста, а жена его на шестой. Еслибы на четвертой отказано было крестьянину за неговѣпіе: жена не пошла бы безъ говѣнія на шестой, зная

изъ опыта мужа навѣрное, что не будетъ принято. Посему вѣроятно показаніе крестьянина, что священникъ не допустилъ его за неудовольствіе по землѣ. Слова крестьянина тѣмъ болѣе заслуживаютъ довѣрія, что въ немъ не видно ничего враждебнаго противъ священника, ибо, имѣя разрѣшеніе начальства избрать другаго духовника, онъ симъ пользоваться не захотѣлъ, а остался у тогоже духовника, на котораго жаловался въ недопущеніи. Посему священника въ злоупотребленіи власти священнической при исповѣди признать рѣшительно виновнымъ и за сіе послать въ Лужецкій монастырь на мѣсяць, и на первую половину сего времени безъ священнослуженія. 2) Что касается до жалобъ на притѣсненія прихожанъ отъ священника (въ 1813 и 1816 и.) домогательствомъ доходовъ: жалобы сіи, частію по давности, частію по ходу дѣла, въ ясность не приведены. Но поелику священникъ въ оправданіе представляетъ одни извороты и самую давность, а твердыхъ доказательствъ не представляетъ; поелику не даетъ никакого объясненія, отъ чего бы могли возникнуть жалобы, еслибы притѣсненій отъ него не было; поелику жалобы по числу своему немаловажны, то справедливость требуетъ оставить его по симъ жалобамъ въ подозрѣніи и отдать на годъ подъ особый надзоръ благочиннаго, съ репортованіемъ о немъ по третямъ года, и съ подтвержденіемъ ему остерегаться поступать притѣснительно для прихожанъ, подъ опасеніемъ удаленія отъ мѣста. 3) Что крестьянинъ И—въ въ 1813 году похоронилъ младенца рано, сіе дѣло свѣтскаго суда, и поздно сіе преслѣдовать. 4) Что онъ въ 1816 году (по собственному свидѣтельству) выгналъ священника (за ругательство), и въ сіе консисторія напрасно входитъ хочеть поздно, какъ въ дѣло, гласъ о себѣ имѣющее, по которому однако священникъ не жаловался къ свое время. 5) Третій пунктъ опредѣленія консисторіи исполнить; но рекомендуется употреблять болѣе правильное и ясное изложеніе“.

3. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 6 марта 1845 года предписано митрополиту Филарету донести: не встрѣтятся ли, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, какого-либо препятствія, чтобы на будущее время содержаніе причтамъ церкви вѣренной ему епархіи, какъ по прежнимъ положеніямъ, такъ и по новымъ штатамъ, назначаемо было къ отпуску изъ уѣздныхъ казначействъ подъ росписки самихъ прич-

товъ. Въ слѣдствіе чего преосв. митрополитъ предписалъ (20 марта): „Консисторіи, сообразивъ, дать мнѣніе незамедлительно“. Консисторія мнѣніемъ заключила: въ полученіи жалованья и вспомогательныхъ окладовъ на будущее время причтамъ церквей московской епархіи изъ уѣзднаго казначейства подъ росписки самихъ причтовъ препятствія не представляется, кромѣ могущаго случиться неудобства въ исправленіи требъ, если для полученія окладовъ, въ первыхъ числахъ генваря и въ первыхъ числахъ іюля, вдругъ многіе сельскіе священники отлучатся отъ своихъ приходовъ. Для отвращенія сего надлежитъ поставить причтамъ въ обязанность, чтобы они для полученія жалованья давали довѣренности одному благонадежнѣйшему изъ своихъ членовъ, или изъ сосѣдственныхъ причтовъ одному которому-нибудь священнику, а оный, на время своей отлучки, поручалъ бы свой приходъ другому ближайшему священнику,—и довѣренности писали, какъ по дѣламъ касающимся до церквей, на простой бумагѣ съ приложеніемъ именной церковной печати; о чемъ Святѣйшему Прав. Синоду отъ лица его высокопреосвященства и донести. Владыка, по разсмотрѣніи сего, написалъ (4 апрѣля): „съ мнѣніемъ консисторіи согласиться побуждаюсь и тѣмъ, что не представляется другаго болѣе удобнаго средства: ибо духовныя правленія не во всѣхъ городахъ есть, а порученіе принятія и выдачи окладовъ благочиннымъ потребовало бы для сихъ послѣднихъ бухгалтеріи и канцеляріи; и притомъ принятіе оклада священникомъ для одной или двухъ церквей менѣе озабочиваетъ начальство, нежели принятіе благочиннымъ—окладовъ на 15 или 20 церквей, каковая значительная сумма въ случаѣ растраты или потери не можетъ быть обезпечена незначительною собственностію благочиннаго“.

4. 1857, октября 7. „При двукратномъ свидѣтельствovanіи (въ Знаменскомъ и Даниловомъ монастыряхъ) діаконъ (градскій) не оказался удовлетворительно совершающимъ службу. Книгою въ служеніи иногда нельзя пользоваться, какъ напримѣръ, при перенесеніи святыхъ Даровъ. Отпустить его къ мѣсту служенія съ тѣмъ, чтобы допущенъ былъ до служенія подъ надзоромъ на мѣсяць или два, и потомъ было бы донесено, исправенъ ли. Если же въ теченіи сего времени сдѣлаетъ какое замѣшательство въ

службѣ: то донести немедленно, удержавъ его отъ священнослуженія“.

5. 1841, августа 27. „Консисторіи учинить слѣдующее: 1) поручить благочинному освидѣтельствовать ветхости въ олтарѣ, и дознать, можно ли, какъ говоритъ священникъ, подвести подъ полъ новые переклады, съ сохраненіемъ св. престола неприкосновеннымъ на существующемъ помостѣ; и если сіе подлинно возможно, то допустить въ семь смыслѣ исправленіе, подъ надзоромъ благочиннаго и подъ отвѣтственностію мѣстнаго священника, чтобы св. престоль всячески охраненъ былъ отъ прикосновенія неосвященныхъ. 2) Если же сей способъ не окажется удобнымъ: то снять престоль при благочинномъ и освидѣтельствовать его, и за тѣмъ или по перемѣнѣ пола утвердить его вновь прилично и прочно, или, если нужно будетъ, устроить новый и представить о разрѣшеніи осященія, съ обстоятельнымъ изложеніемъ, что и какъ сдѣлано. 3) Прочія исправленія дозволить“.

6. 1849, марта 23-го. „1) Хотя часовни (*въ разныхъ деревняхъ*) устроены безъ разрѣшенія начальства; но какъ уже устроены, и сіе сдѣлано по благочестивому побужденію во время утрашившей обывателей эпидемической болѣзни; и какъ симъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется и извиняется и поспѣшность построения, и то, что благочинный своимъ донесеніемъ не предупредилъ построения; посему часовни оставить существующими, внести въ списокъ признанныхъ начальствомъ, и подчинить законному вѣдѣнію приходскихъ причтовъ и церковныхъ старость. 2) Донести о семъ св. Синоду“.

7. 1836, сентября 18. „1) Какъ въ прошеніи г. помѣщика объ отводѣ причта не представлено противъ священника никакихъ доказательствъ, ниже обвиненій, кромѣ того, что священникъ во всемъ противнаго г. помѣщику характера, и что происходятъ между ими неудовольствія, а кто въ нихъ виноватъ, не объяснено и не доказано; противъ причетниковъ же и вовсе ничего не представлено: то прошеніе сіе признать не подлежащимъ удовлетворенію. 2) Но какъ отъ неудовольствія г. помѣщика происходятъ затрудненія для причта и для церкви: то дозволить священнику искать другаго мѣста. 3) Въ случаѣ перевода его, преемнику его поставить въ обязанность

защищать церковную собственность отъ постороннихъ притязаній“.

8. 1859, марта 23. „1) Изъ числа одиннадцати человекъ, подписавшихъ сіе прошеніе (*о вразумленіи священника за немилосливое обхожденіе съ прихожанамн*), такой - то объявилъ, что священникъ на улицѣ укорилъ его грѣхомъ открытымъ на исповѣди, именно питіемъ чая въ великій пятокъ, или субботу. Консисторіи допросить священника о сему и по другимъ пунктамъ сего прошенія, по которымъ онъ не спрошенъ прежде. 2) Дабы просители по происшедшему смущенію не остались безъ исповѣди и причастія Святыхъ Таинъ, разрѣшается Казанскому (*сосѣднему*) священнику принять ихъ на исповѣдь, и смотря по достоинству, приобщить Св. Таинъ въ своей церкви. 3) Дабы сіе скорѣе было извѣстно сему священнику, дать ему со втораго пункта сей резолюціи засвидѣтельствоваанный списокъ изъ моей канцеляріи“ *).

9. 1857 генваря 29. „Что единовѣрческій священникъ не позванъ былъ на погребеніе въ Коломну за сто верстъ, въ семь виною конечно не онъ, а нестараніе родственниковъ усопшаго. Когда же потомъ его просили исполнить чинъ надгробнаго пѣнія въ единовѣрческой церкви въ Москвѣ: то оказанное священникомъ снисхожденіе и совершеніе надгробнаго пѣнія въ единовѣрческой церкви, заслуживаетъ быть оставлено безъ преслѣдованія **). 2) Прочее утверждается“.

10. 1841, августа 7. „Дѣло сіе требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Отецъ желаетъ ввести малолѣтнихъ дѣтей въ православную Церковь, принадлежа самъ къ другому исповѣданію (*лютеранскому, а прежде былъ еврейскому*), и оставаясь въ немъ, хотя, какъ пишетъ, убѣжденъ въ святости православной Церкви. Чѣмъ же обезпечено будетъ воспитаніе дѣтей въ истинной приверженности къ православной вѣрѣ? Наименованному священнику вникнуть въ сіе, приступивъ къ наставленію дѣтей, и о послѣдующемъ представить для дальнѣйшаго разрѣшенія.

11. 1836 г. марта 27. „1) Священникъ Андреевъ поступалъ не по правдѣ и совѣсти. Если Кондратовъ (*нрж-*

*) По справкѣ оказалось, что Петровъ не былъ на исповѣди съ 1847 по 1858 г.

** Заочное отпѣваніе признается нарушеніемъ установленія св. Церкви.

ній староста) имѣть пороки (*нстрезвость*), которые священникъ ему приписываетъ: то священникъ не по совѣсти подписалъ приговоръ. А если приговоръ подписалъ по совѣсти: то должно заключить, что не по совѣсти взводить пороки на того, котораго самъ призналъ возможнымъ имѣть старостою. Если Кондратовъ ненадеженъ: то священникъ долженъ былъ объявить о семъ при выборѣ прихожанамъ, или по крайней мѣрѣ причту; но онъ подписалъ выборъ, а послѣ сталъ навѣтничать на избраннаго скрытно. Посему послать его въ Андроньевъ монастырь на недѣлю, для увѣщанія, чтобы поступалъ искренно, прямодушно и честно, и стараться устроить сіе такъ, чтобы во время пребыванія его въ монастырѣ произведенъ былъ новый выборъ старосты, дабы не дать ему случая еще навѣтничать. 2) Благочинный и другой священникъ (*Алексѣевъ* *) неправильно поступили въ томъ, что приговоръ о выборѣ не былъ подписанъ въ томъ самомъ собраніи, въ которомъ происходилъ выборъ, и въ присутствіи благочиннаго; и что благочинный въ домѣ (купца Кузнецова) принялъ приговоръ и въ домѣ отдалъ назадъ, вмѣсто того, чтобы по возникшему сомнѣнію вновь прибыть на мѣсто, собрать прихожанъ и дознать, чего они желаютъ. За сіе сдѣлать обоимъ замѣчаніе съ подтвержденіемъ поступать съ законною точностію и предосторожностію противъ криво дѣйствующихъ. 3) О поступкѣ мѣщанина Александра Гаврилова Пономарева, который подписался и подѣ приговоромъ въ одобреніе Кондратьева, и подѣ прошеніемъ въ оужденіе его, поручить благочинному объявить прихожанамъ, дабы они общимъ голосомъ растолковали Пономареву, что такъ поступать неприлично и вредно: ибо какъ же будетъ начальству узнавать правду, когда одинъ и тотъ же человекъ одного и того же человека и хвалить и оуждаетъ? 4) Дабы отвратить сомнѣніе о выборѣ, и по возможности отвратить дальнѣйшія несогласія въ приходѣ, поручить благочинному и священнику Алексѣеву вновь собрать прихожанъ въ удобное время въ церковь, дабы они или подтвердили сдѣланный выборъ, или произвели новый, ради пользы церкви, безпристрастно; и что они положатъ о томъ, въ

*) Въ одномъ приходѣ были два священника. Благочинный не изъ этого прихода.

томъ же собраніи сдѣлать и подписать надлежащую запись или приговоръ, и представить“.

„Мая 5. 1) Священнику *Алексѣеву* за то, что внесъ въ приговоръ похвалу прежнему старостѣ *Кондратову*, которой въ приговорѣ быть не слѣдовало, и тѣмъ возстановленное въ прихожанахъ согласіе разрушилъ, сдѣлать въ присутствіи консисторіи строгій выговоръ. 2) О разногласныхъ выборахъ консисторіи разсмотрѣть и представить мнѣніе“ *).

12. 1844 г., 16 авг. „Если земля въ духовное вѣдомство окончательно не принята и занимается еще крестьянами (*села Петровскаго, Рузской округи*): то, по всему вѣроятію, въ семь есть опущеніе благочиннаго, не представившаго вниманію начальства сего недостатка, по которому и освященіе церкви и опредѣленіе къ ней причта надлежало бы на основаніи указа Св. Синода отсрочить. Учинить слѣдующее: 1) Поручить благочинному изъяснить прихожанамъ, что, принеся жертву Богу построеніемъ храма, напрасно сами они повреждаютъ сію жертву тѣмъ, что не доставляютъ требуемаго по закону причту за нихъ молящемуся, и непохвально поступаютъ предъ духовнымъ начальствомъ, которое, довѣряя ихъ усердію, разрѣшило освятить храмъ и назначило къ нему причтъ. Посему пригласить прихожанъ, чтобы неотлагательно сдѣлами причту законное удовлетвореніе. 2) Если же сего не сдѣлаютъ: то дабы причтъ не оставался въ стѣсненіи и нуждѣ, возвратить священника къ прежней церкви (*въ селѣ Пречистинскомъ*), равно и прочихъ членовъ причта на прежнія, буде не заняты, мѣста, а буде заняты, предоставить имъ просить о переведеніи на другія мѣста“ **).

13. 1854, іюня 14. „Произведенное дознаніе открываетъ служеніе и поведеніе (*священника*) въ неблагопріятномъ видѣ, какъ-то: 1) Причетники, которыхъ нѣтъ причины подозревать, говорятъ, что онъ въ субботу первой недѣли великаго поста не служилъ, потому что всю ночь провелъ въ господскомъ домѣ. Онъ признается, что пробылъ у помѣщика вечеромъ часа три. Неблаговременно и въ отношеніи къ посту, и въ отношеніи къ дню служенія.

*) Въ должности церк. старосты положено утвердить купца Кузнецова.

***) Крестьяне за отмежеванную въ октябрѣ 1843 и въ 1844 г., засѣянную ими церковную землю, вознаградили причтъ хлѣбнымъ положеніемъ.

Еслибы провелъ вечеръ прилично времени: то и преспяствія служенію, вѣроятно, не было бы. 2) Священникъ говорить, что во все служеніе его при сей церкви на первой и послѣдней недѣляхъ поста не бывало причастниковъ. Это обличаетъ его нестараніе возбудить въ прихожанахъ усердіе къ церкви въ столь важныя времена. Причетники же говорятъ, что кажется были желающіе приобщиться Святыхъ Тайнъ въ первую субботу, но священникъ не служилъ и въ то время, когда надлежало ожидать исповѣдниковъ, ушелъ въ домъ помѣщика. 3) Причетники говорятъ, что мужъ и свекоръ Степановой приходили взять ее изъ дома священника съ безчестіемъ. Священникъ не отрицаетъ сего рѣшительно, а говоритъ: не знаю. Отвѣтъ наводящій сомнѣніе. 4) Говоря о поведеніи Степановой, священникъ прибавляетъ: утверждаю сіе тѣмъ, что я ея отецъ духовный. Это нарушеніе тайны исповѣди, которое подвергаетъ священника запрещенію въ священнослуженіи. 5) Священникъ говорить, что у него былъ бурмистръ и за нимъ пріѣзжали три дворовыя дѣвки. Неблаговиднo. Посему учинить слѣдующее: 1) Священника Н-го отъ настоящаго мѣста удалить. 2) Занять сіе мѣсто благонадежнымъ священникомъ, которому внушить, чтобы приложилъ особенное стараніе возбудить въ прихожанахъ усердіе къ Церкви и ея таинствамъ. 3) Священника Н-го опредѣлить такого-то уѣзда въ село Б—во. 4) При семъ обязать его подпискою, чтобы къ богослуженію былъ прилеженъ и не принималъ въ свое знакомство и въ домъ людей, которые вдовство его могутъ подвергнуть нареканію. 5) Отдать его на полгода подъ особый надзоръ благочиннаго относительно исправности въ службѣ и относительно поведенія, съ ежемѣсячнымъ допесеніемъ, что усмотрѣно будетъ“.

14. Никто не спорить, что благословеніе жениха и невѣсты въ домѣ не есть полное церковное обрученіе. Однако молитва и призваніе благословенія Божія есть дѣло важное, котораго не должно дѣлать легкомысленно, къ смущенію совѣстей и къ запутанности послѣдствій“ (Изъ рез. отъ 22 янв. 1848).

А. Гр—ій.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

в)

Сказавши (Гал. 2, 3—5), какъ привяли его вѣрующіе и эти ревнители закона*), Павелъ говоритъ теперь, какъ отнеслись къ нему старѣйшіе апостолы. Что, говоритъ, касается до знаменитѣйшихъ нашихъ, то у меня съ ними не оказалось никакой разности, ни размовки въ ученіи, ни различія въ достоинствѣ. Они ничего не прибавили ни къ моему ученію, ни къ моему авторитету. Напротивъ, ясно разумѣвъ благодать Божію и въ моемъ избраніи, и въ моей проповѣди, десницы дали мнѣ съ Варнавою, т.-е. вполне согласились, чтобъ я съ нимъ авторитетно проповѣдалъ Евангеліе среди язычниковъ, въ томъ же духѣ, какъ проповѣдывалъ дотолѣ, какъ они узнали изъ бесѣдъ моихъ съ ними, — въ какомъ духѣ проповѣдаю его доселѣ, въ какомъ проповѣдывалъ его и у васъ (ст. 6—10).—Такая общая мысль сего отдѣленія очень ясна сама по себѣ; но нѣкоторые обороты рѣчи св. Павла довольно затруднительны къ истолкованію.

Ст. 6. *Отъ мянущихся же быти что, якови нѣкогда бѣша, ничтоже ми разнствуетъ: лица Богъ человека не пріемлетъ. Мнѣ бо мниміи ничтоже привозложиша.*

Мянущіеся быти что,—тоже, что выше—мниміи, и ниже

*) См. въ майской книжкѣ стр. 3—12.

мниміи столти быти. Не то, по Августину, этимъ хочеть выразить апостоль, что они сами себя почитаютъ знающими что-нибудь, но что такими ихъ почитаютъ всѣ христіане. Всѣ думаютъ о нихъ, что они не тоже, что всѣ другіе, суть нѣчто особенное, выдающееся изъ ряда. Можно эти слова перефразировать: знаменитѣйшіе наши.

Якови нѣкогда быша. Греческій текстъ даетъ возможность такого перевода: каковыми когда-либо бывали (люди). И это, кажется, будетъ самый удобный переводъ, по ходу рѣчи и по цѣли апостола. Апостоль выражаетъ свою мысль объ апостолахъ старшихъ и ставитъ ихъ выше всѣхъ знаменитостей человѣческихъ, какъ они въ самомъ дѣлѣ и суть. Сравнивая же потомъ себя съ ними, свое достоинство поднимаетъ въ очахъ Галатовъ, чтобъ отнять у нихъ всякій предлогъ къ непослѣдованію ученію его. Другой переводъ: каковыми они (т.-е. апостолы) нѣкогда были, или какими бы ни были они когда-либо,—поставляетъ въ затрудненіе объяснить, что значить: нѣкогда были, или когда-либо были,—наводя на мысль, будто они перестали быть знаменитыми. Остановливаясь на этомъ переводѣ невольно спросишь: когда же это — нѣкогда? Одни отвѣчаютъ: когда Господь былъ видимъ на землѣ и они всюду за Нимъ слѣдовали (Иерон.). Но по сошествіи Св. Духа, они стали болѣе знамениты, нежели какъ были прежде. Другіе: еще прежде призванія ихъ Господомъ къ апостольству, когда они были грѣшники (Август.), люди простые, не свѣдущіе въ законѣ (Амврос.). Но апостолу Павлу никакой не было нужды заводить мысль Галатовъ такъ далеко, когда она притомъ ничего не даетъ для его цѣлей. Третьи: прежде удостовѣренія свыше, даннаго чрезъ св. Петра, что язычникамъ открыта дверь для входа въ Церковь Христову безъ обрѣзанія. Мысль: прежде они думали, что нуженъ законъ, а теперь уже перестали такъ думать (Экум.), въ чемъ у меня съ ними нѣтъ разности. Это, при семъ переводѣ, ближе всѣхъ къ ходу рѣчи св. Павла. Замѣтимъ, впрочемъ, что это такое вносное пред-

ложеніе, которое не имѣеть вліянія на опредѣленіе главной мысли текста. Потому можно не слишкомъ озабочиваться точнѣйшимъ опредѣленіемъ его смысла.

Ничтоже ми разнствуеть,—у меня нѣтъ различія, ни по апостольскому авторитету, который у меня тотъ же, какъ и у нихъ, — ни по ученію, ибо и они такъ же разумѣютъ спасеніе въ Господѣ, какъ и я. „Тотъ, Кто не свѣдущимъ въ законѣ (т.-е. неученымъ рыбалямъ) вложилъ разумѣніе христіанскаго ученія, тотъ и мнѣ, искусному въ законѣ (ученому) благоволилъ даровать тоже разумѣніе“ (Амврос.).

Лица Богъ чловѣча не пріемлетъ. Не смотритъ Богъ на то, чѣмъ кто есть, но на то, чѣмъ онъ можетъ быть при содѣйствіи Божіей благодати. Хоть я былъ невѣръ и гналъ Церковь Божію; но Богъ, провидя, что я пребуду вѣрнымъ дѣятелемъ, если мнѣ ввѣритъ благовѣствованіе (1 Сол. 2, 4), избралъ мня на это служеніе и поставилъ въ рядъ тѣхъ знаменитѣйшихъ. *Благодатию Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10).

Мнѣ бо мниміи ничтоже привозложиши. Что нѣтъ разнствія съ знаменитѣйшими, это доказываетъ тѣмъ, что, послѣ бесѣдованія и уразумѣнія всего хода дѣлъ у апостола Павла, они ничего ему не прибавили, ни въ ученіи, ни въ достоинствѣ апостольскомъ, а только признавъ то и другое исходящимъ отъ самого Господа, приняли его въ равночестное съ собою общеніе. Блаж. Иеронимъ пишетъ: „Выше сказалъ, что входилъ въ бесѣду съ старшими апостолами и рассказывалъ все, что совершилъ между язычниками. Теперь говоритъ, что они ничего не прибавили къ тому, но одобривъ все, что имъ сказано, дали десницы общенія, подтвердили, что ихъ Евангеліе и Евангеліе Павлово есть одно и тоже“.

Такое пониманіе сего текста даетъ славянскій нашъ переводъ, преимущественно словами: *ничтоже ми разнствуеть*. Но греческое соотвѣтствующее выраженіе: οὐδεν μοι διαφέρει, употребляется еще, когда хотятъ сказать: ни-

какого мнѣ до чего-либо дѣла нѣтъ. Принимая это значеніе сей фразы здѣсь, надо допустить, будто св. Павелъ хотѣлъ сказать: что касается до знаменитыхъ апостоловъ, то мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ,—разумѣется въ томъ отношеніи, что они терпѣли обрѣзаніе среди Іудеевъ, по нѣкоей экономіи. Хотя подобная рѣчь и не благовидна въ устахъ св. Павла, притомъ относительно первѣйшихъ апостоловъ, правилами языка греческаго не требуется необходимо: ибо тогда стояло бы не: отъ—*απο*—мнящихся, а иначе какъ;—при всемъ томъ наши древнѣйшіе толковники понимаютъ эту фразу такъ, и въ объясненіи мысли текста заботятся особенно о томъ, чтобъ отстранить отъ апостола Павла какую-либо даже тѣнь неуваженія къ первѣйшимъ апостоламъ.

Ходъ мыслей у нихъ таковъ: предъ симъ св. Павелъ рѣчь направлялъ все къ тому, чтобы доказать, что обрѣзаніе болѣе не нужно для спасенія. Ему могли возразить: какъ же другіе апостолы, первые, терпятъ его? Если они терпятъ, почему и тебѣ не потерпѣть?—Тѣ апостолы терпѣли обрѣзаніе между Іудеями только, притомъ на время, допуская это снисхожденіе, какъ мѣру благоразумія, по экономіи нѣкоей. Св. Павлу можно бы сказать: тѣ вотъ почему такъ поступаютъ! Но объявивши это, онъ ослабилъ бы силу дѣйствія той мѣры, и она вмѣсто блага принесла бы больше зла. Почему онъ умалчиваетъ объ этомъ, а говоритъ только: какъ они поступаютъ, до этого дѣла нѣтъ. Я имъ не судья. Разсудитъ Богъ, Который не смотритъ на лица. „Богъ не постыдится (не посмотритъ), что они корифеи“ (Экум.).

Приведу самыя слова нѣкоторыхъ толковниковъ. Вотъ слова блаж. Θεодорита: „поелику, какъ вѣроятно, и Галаты говорили, что самые первые изъ апостоловъ хранятъ законъ, а божественный апостолъ зналъ, что они принуждены были дѣлать это по снисхожденію къ увѣровавшимъ изъ Іудеевъ и еще не твердымъ въ вѣрѣ; то поставленный среди двухъ крайностей, и съ одной стороны

признавъ всего болѣе неумѣстнымъ обвинять апостоловъ, а съ другой не желая обнаружить ихъ намѣренія, чтобы не повредить тѣмъ домостроительству, пролагаетъ себѣ какой-то средній путь и принимаетъ на себя такой видъ, будто огорчается тѣмъ, что дѣлается, и затрудняется сказать о томъ, а предоставляетъ все Божію опредѣленію“.

Вотъ слова Фотія у Экуменія: „Могли говорить св. Павлу: „если Петръ хорошо дѣлаетъ снисходя обрѣзанію, почему не и ты? Зачѣмъ такъ строго осуждаешь то, что въ другихъ называешь мудрою экономією? Оставь и здѣсь дѣлать тоже, не запрещай, и потомъ, какъ тебѣ угодно называй это—экономією, или догматомъ“. Такъ бы они подумали, и такъ бы говорили Павлу, еслибъ онъ сказалъ, что Петръ по экономіи временно допускаетъ обрѣзаніе. Почему Павелъ премудро сдѣлалъ, что умолчалъ совсѣмъ объ экономіи, а съ строгостію касается самаго дѣйствія, и обличаетъ будто нарушителей закона тѣхъ, кои снисходятъ, чтобы строгостію обличенія этихъ, тѣмъ болѣе устрашить и исправить тѣхъ, кои держались обрѣзанія съ грѣхомъ (т.-е. признавая его необходимымъ для спасенія). Почему онъ не боится потомъ называть ихъ лицемерящимися, и неправоходящими (—13, 14), только бы сохранить чистоту Евангелія Христова“.

Вотъ наконецъ слова св. Златоуста: „Поелику противъ него (апостола Павла) говорили поступки апостоловъ, и смотря на нихъ, нѣкоторые естественно могли сказать: какъ же они дозволяютъ сіе? то смотри, какъ премудро онъ рѣшаетъ сіе возраженіе. Онъ не сказываетъ истинной причины, т.-е. что апостолы дѣлали сіе по снисхожденію и по особому распоряженію (экономіи, домостроительству); ибо это могло бы повредить слушателямъ. Не нужно знать причины того или другаго распоряженія тѣмъ, для которыхъ чрезъ сіе распоряженіе готовится какая-либо польза. Если же откроется причина сего распоряженія, то все разрушится. Посему только тотъ, кто дѣлаетъ распоряженіе, долженъ знать причину своихъ

дѣйстви; но не должны знать причины сей тѣ, для которыхъ готовится польза чрезъ сіе распоряженіе. Чтобъ яснѣ представить то, что говорю, приведу примѣръ изъ сего же самаго дѣла. Самъ же блаж. Павелъ, такъ сильно возстающій противъ обрѣзанія, когда посылалъ Тимоѳея учителемъ къ Іудеямъ, то прежде обрѣзалъ его и потомъ послалъ. Онъ это сдѣлалъ для того, чтобы слушатели имѣли большее довѣріе къ Тимоѳею; и такимъ образомъ онъ пришелъ къ нимъ обрѣзанный, чтобъ уничтожить обрѣзаніе. И самъ Тимоѳей зналъ причину сего дѣла, а ученикамъ оной не сказывалъ. Ибо еслибъ они узнали, что онъ обрѣзался для того, чтобъ уничтожить обрѣзаніе, то ни на минуту не стали бы слушать его проповѣди, и погибла бы вся польза. А теперь сіе невѣдѣніе принесло имъ величайшую пользу. Ибо, думая, что онъ это сдѣлалъ, какъ хранитель закона, благосклонно и охотно принимали его и ученіе его. А принимая мало-по-малу его ученіе и познавъ истину, послѣ и сами оставили *древнее*. Чего не случилось бы, еслибъ они въ самомъ началѣ узнали причину. Ибо узнавши, стали бы отвращаться отъ него; отвращаясь, не стали бы слушать его; а не слушая, остались бы въ прежнемъ заблужденіи. Чтобы не случилось сего, онъ и не открылъ причины. Потому же и здѣсь апостоль не открываетъ причины такою распоряженія апостоловъ, но другимъ путемъ ведетъ свое слово, говоря такъ: *отъ мянущихся же быти что, якови некогда бѣша, ничтоже ми разнствуетъ: лица Богъ человека не пріемлетъ*. Здѣсь онъ не только не защищаетъ апостоловъ, но и сильно говоритъ противъ сихъ святыхъ, чтобы доставить пользу немощнымъ. Слова его имѣютъ такое значеніе: если они и допускаютъ обрѣзаніе, то они же будутъ и отвѣчать Богу; Богъ не уважитъ лица ихъ, за то, что они почитаются великими и первоверховными. Впрочемъ онъ сказалъ сіе не такъ открыто, но съ осторожностію. Ибо не сказалъ: если они повреждаютъ проповѣдь и проповѣдуютъ не такъ, какъ

заповѣдано, то дадутъ отвѣтъ на послѣднемъ судѣ и будутъ наказаны. Сего не сказалъ онъ, но гораздо почтительнѣе касается ихъ, говоря такъ: *отъ мящихся быти что*. Не сказалъ опять: *якови суть*, но: *якови быша*; показывая тѣмъ, что и они послѣ перестали такъ проповѣдывать, когда повсюду возсіялъ свѣтъ Евангелія. И опять сими же словами: *якови нѣкогда быша*, говоритъ еще: а если они и такъ проповѣдали, въ томъ сами дадутъ отвѣтъ; ибо не человѣкамъ будутъ отвѣчать, но Богу. И сіе говоритъ онъ не потому, чтобы сомнѣвался въ нихъ, или не зналъ ихъ намѣренія; но потому, какъ я сказалъ, что считалъ болѣе полезнымъ такъ вести слово. Потомъ, чтобы не подумали, что онъ держится противнаго пути—обвиняя ихъ, и тѣмъ не подать повода къ раздѣленію, то онъ тотчасъ поправляетъ рѣчь свою, говоря: *мнѣ бо мниміи ничтоже привозложиша*. Что же это значить? Чтѣ вы говорите мнѣ, того я, говоритъ, не знаю; но только то ясно знаю, что они не противорѣчили мнѣ, напротивъ единомысленны и согласны были со мною; что они ничему не научили, ничего не поправили, и ничего не прибавили къ тому, что онъ зналъ. *Мнѣ бо*, говоритъ, *мниміи ничтоже привозложиша*. Т.-е. они, выслушавъ мое ученіе, ничего къ нему не прибавили, ничего не исправили, зная притомъ, что я для того и пришелъ, чтобы сообщить имъ мое ученіе, по откровенію Духа,—пришелъ для того, и еще Тита привелъ съ собою необрѣзаннаго; но они ни мнѣ ничего не сказали больше того, что я зналъ, ни Тита не обрѣзали“.

Такова же мысль у Теофилакта съ Экумениемъ. Похоже на это и Иеронимово толкованіе. Какое же принять пониманіе сего мѣста? Первое естественнѣе, второе авторитетнѣе. Что для кого дѣннѣе, тотъ то пусть и избересть. Главная мысль апостола—согласіе его ученія съ ученіемъ старѣйшихъ апостоловъ, выдерживается при томъ и другомъ пониманіи.

Ст. 7—9. *Но сопротивное, уразумѣше, яко увѣрено*

ми бысть благовѣстіе необрѣзанія, якоже Петру обрѣзанія: ибо споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки: и познавше благодать данную ми, Иаковъ и Кифа и Иоаннъ мнѣ имѣи столпи быти, десницы даша мнѣ и Варнавъ общенія, да мы во языки, они же во обрѣзаніе.

Во всѣхъ этихъ стихахъ главная мысль одна: ничего не привозложили, а напротивъ десницы дали общенія. „Не только ничего не прибавили къ моей проповѣди, но напротивъ одобрили съ похвалою.“ (Экум.). Другія положенія: уразумѣвше, что мнѣ ввѣрено благовѣстіе язычникамъ; познавше благодать, и проч. суть вносныя предложенія, округляющія главную мысль.

Но сопротивное.—„Что значитъ *сопротивное*? Нѣкоторые думаютъ, что симъ онъ хотѣлъ сказать то, что апостолы не только ничему не научили его, напротивъ сами научились отъ него. Но я не скажу сего. Ибо чему бы еще они стали учиться у него? Каждый изъ нихъ былъ совершенъ. Не то онъ хотѣлъ сказать словомъ *сопротивное*, но то, что они не только не укоряли его и ни въ чемъ не думали обвинять его, но еще одобрили и похвалили его. Ибо противное обвиненію есть одобреніе и похвала. Но противъ сего нѣкоторые могли теперь сказать: если одобрили, то почему неотмѣнили обрѣзанія? Ибо если одобрили, то надлежало бы отмѣнить оное. Но сказать: отмѣнили, онъ почиталъ очень нескромнымъ дѣломъ и думалъ, что чрезъ это возбудить открытую брань противъ апостольскаго исповѣданія. А если бы сказалъ, что они допускаютъ обрѣзаніе, то видѣлъ, что встрѣтитъ другое возраженіе. Если они одобрили твою проповѣдь, сказали бы противники, а сами дозволяли обрѣзаніе: то въ такомъ случаѣ они сами противорѣчили бы себѣ. Какъ же выдти изъ этого затрудненія? Конечно могъ бы онъ сказать, что апостолы дозволяли обрѣзаніе по снисхожденію къ Иудеямъ. Но сказавъ это, онъ поколебалъ бы все основаніе мудраго распоряженія ихъ; и потому не

говорить сего, оставляя сіе подь сомнѣніемъ и въ сокровеніи, сказавъ только: *отъ мянущихся же быти что ничтоже ми разнствуетъ*. Какъ бы такъ сказалъ: не осуждаю и не оговариваю сихъ святыхъ. Они сами знаютъ, что дѣлали; ибо знаютъ, что и они должны отдавать отчетъ Богу. Моя забота—доказать только то, что они не отвергли моего ученія, и не поправляли его, и не приложили къ нему ничего; напротивъ одобрили его и подтвердили своимъ согласіемъ, и свидѣтелями сего я имѣю Тита и Варнаву“ (Златоустъ).

Уразумѣвіе, яко увѣрено ми бысть благовѣстіе обрѣзанія, якоже Петру обрѣзанія. „Подь обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ разумѣтъ онъ не самое дѣло, но народы, симъ различающіеся между собою. Необрѣзаніемъ называетъ язычниковъ, а обрѣзаніемъ Іудеевъ“ (Злат.).

Словами: *мнѣ якоже Петру*, „показываетъ, что онъ имѣетъ равную честь съ апостолами, и сравниваетъ себя не съ другимъ кѣмъ изъ нихъ, но съ первоверховнымъ, показывая симъ, что каждый изъ нихъ получилъ равное достоинство“ (Злат.).

Уразумѣли апостолы, что св. Павлу ввѣрено благовѣстіе язычникамъ. Откуда уразумѣли? Могли это они уразумѣть и изъ сказаній о томъ, какъ по обращеніи бв. Павелъ прямо на это назначенъ свыше. Ибо и Ананіи Господь сказалъ: *сосудъ избранъ ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и царьми* (Дѣя. 9, 15); и самому Павлу повелѣлъ Онъ потомъ: *изыди изъ Іерусалима.. яко Азъ во языки далече пошлю тя* (Дѣя. 22, 18. 21); и въ церкви антиохійской Духъ святой повелѣлъ отдѣлить его на дѣло проповѣди языкамъ (Дѣян. 13, 2). Осязательнѣйшимъ же удостовѣреніемъ въ этомъ служило то, что *спостышествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія спостыществовалъ и ему во языки*,—дивныя знаменія, сопровождавшія проповѣдь св. Павла въ первое его проповѣдническое путешествіе, какъ объ этомъ рассказывалъ онъ съ Варнавою и по дорогѣ въ Іерусалимъ и въ самомъ

Іерусалимѣ (Дѣян. 15 гл.). Въ Пафѣ, на островѣ Кипрѣ ослѣпилъ онъ Елиму волхва іудеянина, за упорное сопротивленіе истинѣ, вредившее Евангелію (Дѣян. 13, 11); въ Листрѣ исцѣлилъ разслабленнаго, который не ходилъ на ногахъ отъ самаго рожденія; въ долгое пребываніе его въ Иконіи, Господь подтверждалъ истину слова евангельскаго, совершая руками его знаменія и чудеса (Дѣян. 14, 3), и по возвращеніи въ Антіохію онъ рассказывалъ церкви антіохійской, что сотворилъ съ нимъ Богъ (— 14, 27). Очевидно было, что какъ все апостолы *проповѣдали всюду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменіи* (Марк. 16, 20), такъ и св. Павелъ не лишень былъ при своей проповѣди этого споспѣшествованія свыше. Удостоверья въ этомъ, старшіе апостолы не могли не видѣть, что св. Павелъ не самозванецъ какой, а избранъ свыше, ибо и покровительствуется свыше. Поэтому надо полагать, что онъ какъ тогда въ Іерусалимѣ на соборѣ намѣренно повѣдалъ, *сика сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцехъ*, при его съ Варнавою проповѣди (Дѣян. 15, 12), такъ и здѣсь въ посланіи намѣренно поминаетъ о томъ; ибо ничто такъ не убѣждаетъ въ истинѣ, какъ свидѣтельство свыше, достовѣрно дознанное. Балаты изъ одного этого могли вывести убѣжденіе, что проповѣдь его въ томъ видѣ и духѣ, какъ онъ ее предлагалъ, есть отъ Бога, Который такъ видимо содѣлываетъ ему во всемъ.

Такъ св. Павелъ, сверхъестественнымъ дѣйствіемъ Божіей благодати, изъ такого ревнителя закона былъ преобразованъ въ совершенно отрѣшеннаго отъ всякой связности узами закона, и убѣжденіемъ ума и чувствами сердца, и самымъ дѣломъ; и въ этомъ новомъ состояніи назначенъ былъ проповѣдать чистос, совершенно отрѣшенное отъ всякой примѣси іудейства, Евангеліе среди языковъ. Почему и есть апостолъ языковъ. Но какъ св. Петръ называется назначеннымъ для проповѣди только Іудеямъ, ибо, говорилъ, мнѣ ввѣрено благовѣстіе необрѣзанія, какъ

Петру обрѣзанія, тогда какъ и св. Петру и прочимъ всѣмъ апостоламъ Господь заповѣдалъ: *шедше научите вся языки* (Мѡ. 28, 19)? Св. Павель беретъ здѣсь состояніе дѣятельности апостоловъ, какъ она была въ то время, котораго касается его повѣствованіе. Ходъ же дѣятельности св. апостоловъ можно представить въ такомъ видѣ. Сначала всѣ они дѣйствовали въ Іерусалимѣ. Когда въ Іерусалимѣ прочно уже утверждена была Церковь, они разошлись по всѣмъ другимъ городамъ и селеніямъ Палестины. Основавъ и здѣсь Церкви, разошлись по всему міру, куда кого опредѣлилъ Богъ. Въ Іерусалимѣ, для dokonчанія продолжавшагося дѣла обращенія Іудеевъ и для руководства на случай недоумѣній всѣхъ другихъ Церквей, оставлены по общему совѣту и можетъ быть указанію свыше, Петръ, Іоаннъ и Іаковъ не Зеведеевъ, а братъ Господень, первый предстоятель іерусалимской Церкви. Такъ было во время собора. Петръ и кои съ нимъ въ это время заняты были исключительно устройствомъ церкви среди Іудеевъ. И св. Павель могъ сказать, что ему ввѣрено утверженіе вѣры между обрѣзанными. Петръ здѣсь одинъ ставится, какъ представитель прочихъ, первый между ними. Наши восточные толковники при объясненіи этихъ мѣстъ всегда и говорятъ: Петръ и кои съ нимъ. Св. Павель только свое служеніе хотѣлъ отъособить отъ другихъ. Какъ предъ нимъ былъ главнымъ дѣятелемъ изъ числа другихъ Петръ, то съ нимъ однимъ себя и сопоставляетъ. Амвросіастъ пишетъ: „именуетъ только Петра и себя съ нимъ сравниваетъ. Какъ тотъ получилъ первенство въ основаніи Церкви изъ Іудеевъ; такъ и себя выставляетъ онъ избраннымъ къ тому, чтобы первенствовать въ основаніи Церквей изъ язычниковъ, такъ однакожь, чтобъ и Петръ проповѣдалъ язычникамъ, когда нужда, и Павель іудеямъ. Тотъ и другой дѣйствительно такъ и поступали. Но полное распоряженіе въ проповѣданіи вѣры среди Іудеевъ признается за Петромъ, а полное распоряженіе въ проповѣданіи ея среди язычниковъ за Павломъ. Почему онъ

и называетъ себя учителемъ языковъ въ вѣрѣ и истинѣ (2 Тим. 1, 11). Всякій изъ нихъ получилъ назначеніе по силамъ своимъ“.

Блаженный Иеронимъ видѣтъ въ этомъ распредѣленіи трудовъ апостольскихъ особое премудрое распоряженіе промысленія Божія объ устроеніи Церкви Христовой на землѣ. „Одинъ и тотъже, говоритъ онъ устами св. Павла, мнѣ ввѣрилъ благовѣстіе необрѣзанія, а Петру, обрѣзанія. Меня послалъ во языки, а ему положилъ быть во Іудеѣ. Ни язычниковъ не слѣдовало подвергать болѣзнямъ обрѣзанія, никакой пользы неприносящимъ, и принуждать воздерживаться отъ яствъ, къ которымъ привыкли; ни тѣ, кои увѣровали изъ Іудеевъ, будучи уже обрѣзаны, не могли вдругъ отстать отъ обычаевъ, съ коими свыклись, и въ коихъ видѣли свое превосходство надъ язычниками. Итакъ промысленіемъ Божиимъ иной данъ апостолъ обрѣзаннымъ, который снисходилъ бы сънямъ закона, иной необрѣзаннымъ, который предлагалъ бы благовѣстіе, въ свободѣ вѣры отъ всякаго примѣшенія дѣлъ закона; чтобъ ни съ какой стороны не было препятствія вѣрѣ, и кто нибудь не былъ не сподобленъ вѣры во Христа по причинѣ обрѣзанія, или необрѣзанія. Не то этимъ опредѣлялось, чтобы Петръ, который видѣніемъ наученъ не смотрѣть на то, іудей ли кто, или язычникъ, какъ бы забывши объ этомъ, думалъ, что сверхъ благодати Евангелія надобно исполнять и законъ; но чтобы онъ, по снисхожденію не чуждаясь соблюденія закона, мало-по-малу отвлекалъ Іудеевъ отъ древнихъ обычаевъ жизни. Ибо не могли они вдругъ отторгнуться отъ нихъ. Почему намѣренно помянуто: *споспѣшествовавый Петру въ посланіи обрѣзанія*, чтобъ не подумалъ кто, что онъ укоряетъ Петра, но чтобы, встрѣтивъ напередъ такіа похвалы, всякій уразумѣлъ, что Петръ не безъ соизволенія Божія снисходитъ обрѣзанію именно того ради, чтобы тѣхъ, кои ввѣрены ему изъ Іудеевъ, сохранить въ вѣрѣ Христовой и Евангеліи. Дается этимъ также доразумѣть, что если

тотъ (Петръ) не въ вину себѣ поступалъ, соблюдая до времени то, что не было уже необходимо, чтобы не потерять ввѣренныхъ ему; тѣмъ паче онъ (Павель) долженъ былъ дѣйствовать по всей истинѣ Евангелія, чтобы сохранить то, что ему ввѣрено въ необрѣзаніи, чтобы иначе язычники, уstraшенные игомъ закона, не были отталкиваемы отъ вѣры во Христа“.

И познавше благодать данную ми. Благодатию здѣсь называетъ то, о чемъ помянулъ прежде, т.-е. ввѣреніе ему благовѣстія язычникамъ и споспѣшествованіе свыше его проповѣди явленіемъ знаменій и чудесъ. Изъ того и другаго вмѣстѣ апостолы не могли не увидѣть, что ему точно свыше дарована благодать такая же, какъ и имъ.

Св. Златоустъ говорить: „Показавъ свое единомысліе съ апостолами, уже съ большею свободою продолжаетъ бесѣду, и не останавливается уже на однихъ апостолахъ, но возводитъ слово свое даже до Христа, Которому усволяетъ данную ему благодать апостольства, и свидѣтелями сего называетъ самихъ апостоловъ, говоря: *и познавше благодать.* Не сказалъ: услышавше, но: *познавше*, т.-е. удостовѣрившись изъ самыхъ дѣлъ. Видишь ли, какъ онъ показалъ наконецъ, что его проповѣданіе угодно и Христу и апостоламъ? Ибо не была бы ему дана благодать сія, и не дѣйствовала бы въ немъ, еслибы такое проповѣданіе не было угодно Христу“.

Въ силу такого удостовѣренія св. апостоламъ оставалось только дать руки св. Павлу съ Варнавою, въ знакъ совершеннаго съ нимъ во всемъ согласія и одобренія его образа дѣйствованія,—что они и сдѣлали.

Иаковъ и Кифа и Иоаннъ. Иаковъ тотъ же что и выше, братъ Господень, который, за святость жизни и любовь къ Господу, въ Иерусалимѣ между всѣми былъ въ большемъ почетѣ, и представлялъ въ Церкви іерусалимской. Первымъ стоитъ онъ, ради сего представляемаго, а не какъ братъ Господень. Св. Златоустъ замѣчаетъ при семъ: „гдѣ ему нужно было сравнивать себя,

тамъ упоминаеть объ одномъ только Петрѣ; а гдѣ надлежало представить свидѣтельство, тамъ называетъ троихъ вмѣстѣ, и притомъ съ похвалою“.

Мниміи столпи быти. Столпы—опора, охрана, указатели пути. Все это идетъ къ помянутымъ апостоламъ въ отношеніи къ вѣрѣ. *Мниміи*, т.-е. „сушіе столпы вѣры и почитаемые таковыми отъ всѣхъ“ (Экум.) *).

Св. Златоустъ замѣчаетъ: „Словомъ *мниміи*, онъ не отвергаетъ того, что они дѣйствительно были таковы, но приводитъ мнѣніе и другихъ, и говоритъ, что тѣ великіе и славные, которыхъ всѣ повсюду превозносятъ, они сами суть свидѣтели того, что я говорю, что сіе угодно и Христу; что истину сего они дознали изъ самымъ дѣлъ и увѣрились въ томъ изъ самаго опыта“. Тоже и Амвросіастъ: „Св. Павелъ говоритъ: апостолами болѣе славными между другими, коихъ за твердость называютъ столпами, подтверждаю, что мнѣ отъ Бога дарована благодать и даръ первенствовать въ проповѣди среди язычниковъ, какъ Петръ первенствуетъ въ проповѣди среди обрѣзанныхъ“.

Десницы даша мнѣ и Варнаву общенія. Дали десницы общенія въ знакъ содружества, и полного согласія, единомыслія и единодѣйствія. „Показываетъ, что съ ихъ мнѣніемъ согласно было и его мнѣніе, а съ его мнѣніемъ согласно было и ихъ мнѣніе“ (Злат.). „Не оказалось, чтобы старшіе апостолы въ чемъ-либо разногласили съ Павломъ, такъ чтобы когда онъ говорилъ, что получилъ совершенное вѣдѣніе Евангелія, они отрицали то, и что нибудь хотѣли придать ему, какъ несовершенному. Но напротивъ они явились не обличителями несовершенства, а одобрителями совершенства“.—*Мнѣ и Варнаву.* „Какъ при Петрѣ ставитъ лучшихъ между апостолами мужей: такъ и къ себѣ присовокупляетъ Варнаву, который соединенъ былъ съ нимъ по Божію изволенію. Благодать же

*) Иеронимъ замѣчаетъ при семъ: „съ безпокойствомъ разбиралъ я, что бы такое значило: *мниміи*, и *мнящіеся быти что*. Теперь слова: *мниміи столпи быти* освобождаютъ меня отъ всякаго раздумыванія“.

первенства (въ проповѣди язычникамъ) къ себѣ одному относить, какъ и одному Петру (въ проповѣди среди Іудеевъ). Такъ апостолы обрѣзанныхъ дали десницы апостоламъ языковъ въ доказательство общаго согласія (Амврос.). „Павлу и Варнавѣ для того даны десницы общенія Іаковомъ, Петромъ и Іоанномъ, чтобы изъ-за разности въ отношеніи къ соблюденію (іудейскихъ обычаевъ), не подумалъ кто, что у нихъ разное и само Евангеліе, и чтобы между обрѣзанными и необрѣзанными также было единодушное общеніе“ (Іерон.).

Да мы во языки, они же во обрѣзаніе. „И той и другой сторонѣ угодно было то, чтобы одни такъ проповѣдовали Іудеямъ, и другіе—такъ язычникамъ“ (Злат.). Это не исключительно, а преимущественно. Ибо и Павелъ съ Варнавою въ самомъ даже Іерусалимѣ возвѣщали истину; и потомъ вездѣ сначала обращались съ проповѣдію къ Іудеямъ, а потомъ уже переходили къ язычникамъ. (Дѣян. 17, 1—5; 18, 4 и 9; 19, 8 и 9). И Петръ съ Іоанномъ дѣйствовали среди язычниковъ, послѣ того какъ въ Іерусалимѣ и Іудеи увѣровали всѣ, могшіе увѣровать, а не вѣровавшіе все болѣе и болѣе отчуждались отъ увѣровавшихъ, ставъ во враждебное къ нимъ отношеніе.— Блаженный Іеронимъ рѣшаетъ такъ: „раждается вопросъ: что же? Петръ, еслибъ нашелъ кого изъ язычниковъ (готовымъ увѣровать), не привелъ бы развѣ его къ вѣрѣ? И Павелъ, еслибъ нашелъ кого такимъ изъ обрѣзанныхъ, развѣ не сообщилъ бы ему крещеніе Христова? — Этотъ вопросъ рѣшается такъ, что преимущественно одинъ назначался для Іудеевъ, а другой для язычниковъ; для того, чтобы тѣ, кои привязаны были къ закону, имѣли кому слѣдовать, и тѣмъ, кои чужды были закона, готовъ былъ учитель и руководитель. Вообще же у обоихъ ихъ одна была цѣль—собрать Церковь Христову изъ всѣхъ языковъ. Читаемъ, что Петръ крестилъ Корнилія, и Павелъ часто проповѣдалъ Христа въ синагогахъ іудейскихъ“.

Ст. 10. *Точію нищихъ да помнимъ, еже и потщася сіе истое сотворити.*— Нищіе здѣсь разумѣются ниществовашіе среди вѣрующихъ Іудеевъ, по причинѣ гоненій, лишеній и разореній, причиненныхъ невѣрующими вѣрующимъ. Заповѣдь такую постановить сообща заставляла крайняя нужда. Хотя изъ увѣровавшихъ не всѣ были разорены и были между ними достаточные, готовые помогать; но вѣрно число бѣдныхъ и обѣднѣвшихъ было такъ велико, что къ поддержанію ихъ недоставало у христіанъ мѣстныхъ средствъ. Язычники, меньше Іудеевъ терпѣвшіе разореніе отъ своихъ, были достаточнѣе и безъ обремененія себя могли подавать помощь бѣднымъ Іудеямъ,—что они охотно и исполняли, по убѣжденіямъ и распоряженіямъ св. Павла. Этимъ вмѣстѣ поддерживалась и духовная связь съ центромъ христіанства—Іерусалимомъ и поддерживалось тяготѣніе всѣхъ церквей къ матери ихъ Церкви іерусалимской. Поминаетъ же о семъ св. Павелъ, можетъ быть, ради того, чтобъ показать, что сдѣланное имъ у нихъ распоряженіе — по субботамъ отлагать, что кому разсудится, въ помощь бѣднымъ вѣрующимъ іудеямъ (1 Кор. 16, 1.), было вынуждено возложеною на него заповѣдію апостоловъ, а не есть какое-либо излишнее, самовольное, постановленіе, лично имъ придуманное.

Св. Златоустъ пишетъ: „Что значать сіи слова? Въ дѣлѣ проповѣди, говоритъ, мы раздѣлили между собою всю вселенную; и я взялъ язычниковъ, а они Іудеевъ, потому что такъ угодно было Богу. Въ попеченіи же о нищихъ изъ Іудеевъ, и я имъ помогалъ. Посему еслибы было между нами какое несогласіе или распря, они не приняли бы моего участія. Кто же сіи нищіе? Многіе изъ увѣровавшихъ Іудеевъ въ Палестинѣ, которые лишились всего, что имѣли, и повсюду были гонимы. На сіе указываетъ онъ въ посланіи къ Евреямъ, когда говоритъ: *и разграбленіе имнѣй вашихъ съ радостію пріяте* (Евр. 10, 34). На то же указываетъ и въ посланіи къ Солуня-

намъ, когда восхваляя ихъ мужество говорить: *вы бо подобницы бысте церквамъ Божіимъ, сущимъ во Иудей: за не таяжде вы пострадаете отъ своихъ соплеменникъ, якоже и ти отъ Иудей* (1 Сол. 2, 14.). И вездѣ онъ показываетъ, что увѣровавшіе изъ язычниковъ не столько гонимы были отъ оставшихся въ язычествѣ, сколько были гонимы увѣровавшіе изъ Иудеевъ отъ своихъ единоплеменниковъ. Ибо Иудеи жесточайшій народъ изъ всѣхъ народовъ. Потому апостолы такъ много и заботятся о вѣрующихъ изъ Иудеевъ, что они лишены всякаго утѣшенія въ жизни. Потому и апостолъ Павелъ пишетъ о нихъ и къ Римлянамъ, и къ Коринѳянамъ, и не только собираетъ для нихъ деньги, но и самъ относитъ оныя, какъ самъ же говоритъ: *нынѣ же иряду въ Иерусалимъ, служай святымъ* (Рим. 15, 25). Ибо они нуждались и въ дневной пищѣ “.

Епископъ Теофанъ.

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича *)).

День рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего празднуемъ, православные сыны Россіи! Какъ христіане, притомъ православные, мы справедливо начинаемъ нынѣшнее торжество молитвою къ вѣчно живому Богу и Царю временъ о благословеніи новаго лѣта Боговѣнчанному Царю нашему; какъ вѣрные и преданные сыны своего отечества, мы справедливо сопровождаемъ это торжество различными знаками благоговѣйнаго со-

*) Произнесено въ моск. Успенскомъ соборѣ 17 апрѣля 1874 г.

чувствія и признательности къ общему Главѣ и Отцу отечества. Но выраженіе нашего сочувствія и преданности къ своему Монарху не должно ограничиваться лишь извѣстными днями въ году; напротивъ такія чувства или расположенія должны одушевлять насъ постоянно, какъ и онъ самъ печется о благѣ своихъ подданныхъ непрестанно,—должны отображаться во всей нашей христіанско-гражданской дѣятельности, сообразно съ званіемъ и положеніемъ каждаго изъ насъ въ обществѣ. Искреннее отношеніе къ лежащимъ на насъ, какъ членахъ государства, обязанностямъ, возможно-вѣрное пониманіе и неуклонное исполненіе ихъ, конечно будетъ самымъ пріятнымъ приношеніемъ съ нашей стороны августѣйшему виновнику настоящаго торжества.

Лѣтописи Русской Исторіи, къ истинной радости всѣхъ истинно русскихъ людей, открываютъ уже и теперь и въ будущемъ откроютъ несравненно болѣе, что Благочестивѣйшій Государь Императоръ нашъ, со дня вступленія своего на престоль, неизмѣнно слѣдовалъ и слѣдуетъ своимъ высоко-благороднымъ, истинно-человѣчнымъ (гуманнымъ) и вмѣстѣ христіанскимъ убѣжденіямъ, убѣжденіямъ—позволимъ себѣ такъ выразиться—*миротворца*. Начавши свое благословенное царствованіе прекращеніемъ тяжелой для Россіи брани и умиротвореніемъ враговъ ея, Онъ съ тѣхъ поръ старался употреблять всѣ возможныя теоретическія и практическія мѣры къ сохраненію и поддержанію мира не только въ своей собственной державѣ, но и въ другихъ сосѣднихъ и даже отдаленныхъ странахъ. За одно это уже не обязана ли, скажемъ не обинуясь, вся современная Европа вѣчною благодарностью Императору Россіи, великодушнѣйшему Александру II? Установляя такимъ образомъ мирныя и добрыя отношенія со-внѣ, Вѣнценосный Радѣтель о счастіи своего народа все свое вниманіе, всѣ свои думы и заботы устремилъ на внутреннее благоустройство и развитіе его во всѣхъ отношеніяхъ, и вотъ предъ нами доселѣ проходитъ цѣ-

мый рядъ благодѣтельнѣйшихъ реформъ, общихъ и сословныхъ, церковныхъ, гражданскихъ, воинскихъ, учебно-воспитательныхъ, касающихся самыхъ основъ нашего быта и долженствующихъ существенно измѣнить лицо земли Русской. Чѣмъ же воздадимъ мы царю *Преобразователю* за всѣ труды и попеченія его о нашемъ же собственномъ счасти и благоденствіи? *Не словомъ только или языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3, 18), то-есть искреннимъ сочувствіемъ Верховной Власти, равно какъ и ближайшимъ совѣтникамъ и сподвижникамъ ея, полною готовностію слѣдовать ихъ водителству, и такимъ же усердіемъ содѣйствовать осуществленію тѣхъ или другихъ предначертаній и мѣропріятій.

Большею частію думаютъ, говорятъ и пишутъ, что нашъ вѣкъ самый эгоистическій и матеріалистическій: „въ борьбѣ за существованіе“, всѣ поглощены заботами о средствахъ жизни, и каждый хочетъ лишь жить про себя. Въ общемъ это пожалуй и справедливо, потому что условія жизни для современнаго человѣка, какъ умственно-теоретической, такъ и тѣлесно-практической, все осложняются, потребности ея дѣйствительныя и законныя и искусственно-измышляемыя—все растутъ и естественно затрудняютъ насъ въ средствахъ къ ихъ удовлетворенію. Но человѣкъ съ богоподобною душой, всегда былъ и останется человѣкомъ; небесный Міровладыка также никогда не оставлялъ и не оставитъ нашей грѣшной земли безъ Своей промыслительной любви и благодати. Поэтому справедливо можно сказать, что во всѣ времена, и древнія и новыя, въ родѣ человѣческомъ были добродѣтели и пороки, какъ всегда были радости и скорби; но съ другой стороны, справедливо и то, что всякое время имѣетъ или обнаруживаетъ преимущественно *свои* добрыя и худыя стороны. Благодареніе Господу Богу, и въ настоящее время, и въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ, нѣтъ недостатка въ людяхъ истинно благочестивыхъ, вѣрныхъ слугахъ Престолу и родинѣ, готовыхъ приносить на пользу общества и свои

личные труды, умственные и физические, и свои лепты отъ трудовъ. По высокому примѣру Державнаго вождя своего и другихъ особъ достойной Царской Семьи, очень многіе, кто больше, кто меньше, въ томъ или другомъ видѣ, жертвуютъ на устройство или поддержку разныхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учреждений, — въ которыхъ мы особенно теперь и нуждаемся. Въ однихъ находятъ себѣ пріютъ безсильная и беспомощная старость или вообще бѣдность, безжалостно гонимая многотребовательною современною жизнью; въ другихъ дается возможность, не рѣдко опять въ соединеніи съ матеріальною помощью, получать доброе воспитаніе молодому поколѣнію обоюгаго пола, будущимъ дѣятелямъ Церкви и государства, при болѣе и болѣе усиливающейся жаждѣ къ просвѣщенію. А Самарскій голодъ? Какое утѣшеніе христіанскому и вмѣстѣ патріотическому сердцу видѣть, какъ соотечественники, изъ всѣхъ классовъ общества, другъ предъ другомъ спѣшили и доселѣ продолжаютъ удѣлять посильныя милостыни бѣдствующимъ собратьямъ своимъ!... Прекрасна именно та черта новаго времени, что и у насъ мало-по-малу уничтожается *мстничество* всякаго рода, и, напротивъ, больше и больше крѣпнеть сознаніе, что не случайности рожденія и наслѣдственности, а личныя силы и достоинства, развитыя и облагороженныя добрымъ воспитаніемъ и украшенныя дѣятельнымъ, полезнымъ служеніемъ обществу, должны получать истинную цѣну, значеніе и уваженіе. Отсюда нынѣ не рѣдкость уже, что напримѣръ дѣти дворянъ и духовныхъ учатся въ простыхъ ремесленныхъ школахъ, на ряду съ своими сверстниками изъ низшихъ классовъ общества, и, наоборотъ, дѣти послѣднихъ находятъ себѣ дорогу въ духовныя и свѣтскія училища высшихъ разрядовъ, такъ недавно составлявшія для нихъ какъ бы запрещенный плодъ и открывавшія свои двери лишь для юношей болѣе высокаго происхожденія. Да и вообще теперь уже значительно ослабились, — а въ непродолжитель-

номъ будущемъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе ослабятся, рознь и соперничество между сословіями, и устанавливаются взаимныя отношенія болѣе благопріятныя, сочувственныя, болѣе, такъ сказать, земскія и братскія.

Но если взглянемъ на дѣло съ другой стороны, то увидимъ, что во многихъ отношеніяхъ мы платимъ и иную дань своему времени, которое совершенно вѣрно называютъ временемъ *переходнымъ*, не уставившимся, какъ бы двоящимся. Многочисленныя реформы, измѣняющія прежнія условія государственнаго быта нашего, привлекая всѣ сословія къ болѣе непосредственному и самостоятельному участию въ дѣлахъ общественныхъ, предоставляютъ намъ большія права, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаютъ на насъ и новыя обязанности, и вотъ многіе изъ насъ охотно пользуются правами и тяготеютъ обязанностями. Печальными слѣдствіями этого являются разнаго рода опущенія и даже злоупотребленія: и разгулъ преимущественно простаго народа, растлѣвающій его нравственно и истощающій матеріально до несостоятельности вносить подати; и легкомысленные, иногда до явной противоположности, приговоры новыхъ судовъ нашихъ, смущающіе общественную совѣсть; и жалобы на нѣкоторыя изъ общественныхъ повинностей, соединенныя съ домогательствомъ избѣгнуть ихъ во что бы то ни стало, и т. п. Все это обличаетъ въ насъ недостатокъ, сколько гражданскихъ доблестей, столько же и вообще нравственной чистоты и крѣпости. Сознаемъ же и восчувствуемъ, братіе христіане, какъ *вѣрно и всякаго пріятія достойно слово* апостола Христова, что именно *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе или залогъ имѣющее живота* не только *грядущаго*—небеснаго блаженства, но и *нынѣшняго*—земнаго благоденствія (1 Тим. 4, 8—9): ибо оно одно можетъ искоренить въ насъ всякое самолюбіе и пристрастіе, содѣлать насъ истинными патріотами и взаимно любящими другъ друга братьями. Иначе самыя преобразованія, предпринимаемыя правительствомъ по раз-

нымъ частямъ государственнаго организма, не будутъ достигать своей благотворной цѣли, останутся больше предположеніями, чѣмъ дѣйствительными улучшеніями нашей жизни и состоянія. Аминь.

Протоіерей Николай Благоразумовъ.

Состояніе Іудеевъ подъ властію персидскихъ царей.

По смерти Ксеркса на престолъ вступилъ сынъ его Артаксерксъ, прозванный Долгорукимъ (лонгиманъ); онъ царствовалъ 41 годъ правосудно и большею частію счастливо; къ Іудеямъ былъ особенно милостивъ. Въ его время жилъ знаменитый священникъ Ездра. Онъ происходилъ изъ первосвященническаго рода, и своимъ строгимъ благочестіемъ, своими обширными познаніями въ законѣ и религіи приобрѣлъ себѣ великую славу въ странахъ плѣненія. Въ точности, съ какою онъ исполнялъ законъ, равно какъ и въ способности поучать ему другихъ не было равнаго ему между современниками. Уже въ предшествовавшее правленіе онъ сталъ возбуждать къ себѣ общее удивленіе и уваженіе. При Артаксерксѣ значеніе его гораздо стало больше; даже при дворѣ онъ нашелъ друзей и почитателей, которые сдѣлали его извѣстнымъ царю съ такой выгодной стороны, что царь оказывалъ ему лично свое благоволеніе. Его примѣръ показывасть, что и внѣ Іудей были средства получать значительное образованіе. Можетъ быть и вѣрно сказаніе іудейское о первоначальной синагогѣ Іезекіиля на берегахъ Евфрата. Здѣсь могли получать нѣкоторое образованіе переселенные Евреи; а о священникахъ ихъ можно думать, что они преимущественно посвящали свои труды изученію закона. Они были несравненно свободнѣе своихъ собратій, возвратив-

шихся въ свое отечество, потому что не были заняты жертвенными и другими должностями храмовыхъ жрецовъ, слѣдовательно имѣли болѣе свободнаго времени для занятій духовныхъ. Да и народъ, не видя такъ-сказать закона въ практикѣ, особенно богослужебной, естественно приходилъ къ мысли и желанію видѣть его по крайней мѣрѣ въ книгѣ,—слышать и знать, что онъ говоритъ, чтобы не перестать быть Іудеями. Естественно, священники должны были принимать на себя высокое званіе блюстителей закона и наставниковъ въ законѣ. Они уже не были жрецами, но только учителями народа, и тѣмъ болѣе были нужны въ странахъ языческихъ, чѣмъ опаснѣе былъ здѣсь соблазнъ для ихъ единоплеменниковъ, и чѣмъ менѣе можно было пользоваться преимуществомъ пророческаго наставленія. Ездра, столь опытный въ дѣлѣ наставленія, безъ сомнѣнія, приобрѣлъ эту опытность еще въ странѣ переселенія, гдѣ былъ учителемъ и наставникомъ своего народа. Наконецъ какъ ревнитель закона, онъ непремѣнно хотѣлъ быть тамъ, куда законъ призываетъ жреца и всякаго Іудея,—въ Іерусалимѣ, въ храмѣ. Благоволеніе и уваженіе царя обнадеживало его, что царь не будетъ противиться его желанію; и дѣйствительно, Артаксерксъ далъ Ездрѣ грамоту, которою уполномочилъ его ставить въ Іудеѣ начальниковъ и судей по усмотрѣнію, а также требовать на совершеніе богослужебныхъ обрядовъ суммы изъ доходовъ царскихъ (1 Ездр. 7, 12. 27). Слѣдовательно Ездра отправлялся въ отечество, облеченный званіемъ не ниже Зоровавеля.

Ездра еще до полученія царскаго полномочія нашелъ нѣкоторыхъ изъ своихъ вавилонскихъ единоплеменниковъ готовыми сопровождать его въ Іерусалимъ. Теперь грамота, столь благопріятно написанная, во многихъ, и не думавшихъ прежде, поселила желаніе возвратиться въ отечество. Всѣ они записаны въ его книгѣ. Исчислены впрочемъ не всѣ отправлявшіеся,—исчислено только 1,596 душъ. Путешественники собрались къ рѣкѣ *Esvi*. Ездра

здѣсь ближе узналъ своихъ спутниковъ, и удивился, что между ними были священники, а изъ левитовъ не было ни одного. Еще при первомъ возвращеніи при Зоровавелѣ число левитовъ было очень незначительно. Тому мы предстали въ своемъ мѣстѣ вѣроятную причину, но почему теперь они такъ мало изъявили охоты возвратиться въ отечество, трудно сказать. Можетъ быть бѣдность храма была тому причиною. Но безъ сомнѣнія и въ нихъ недостатокъ былъ вреденъ для религіи; потому Ездра приложилъ все стараніе, чтобъ имѣть левитовъ. Ихъ довольно жило въ странѣ называемой у Ездры *Касфія*. И туда послалъ онъ посольство изъ 9 князей отечества, и 2 книжниковъ съ порученіемъ къ Адаю, начальнику левитовъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хотя небольшое число этихъ слугъ святилица отпустилъ съ ними. Посольство имѣло успѣхъ. Два семейства левитовъ, одно изъ 18 человекъ, а другое изъ 20, рѣшились отправиться въ Иерусалимъ. Къ общему каравану въ это время присоединилось еще 220 человекъ.

Прежде нежели пустились въ путь, Ездра заповѣдалъ постъ для привлеченія Божія благословенія на предстоящее странствованіе. Дѣйствительно нужна была помощь Божія, потому что они не имѣли никакой помощи человѣческой. Царь предлагалъ Ездрѣ военное прикрытіе, но Ездра отклонилъ предложеніе, единственно по упованію на Бога своего. А между тѣмъ съ путешественниками было не мало драгоценностей, золота, серебра и дорогихъ вещей, которыя бы могли манить арабскія и другія хищныя племена. Но твердое упованіе Ездры не знало страховъ. По благочестивомъ приготовленіи караванъ, промедливъ 12 дней на берегахъ Еввіа, направилъ путь въ Иудею, и черезъ 4½ мѣсяца прибылъ въ Иерусалимъ. Въ Иерусалимѣ 3 дня отдыхали, на 4-й сдали золото, серебро и всѣ драгоценности священнику—хранителю сокровищъ храма, и потомъ вознесли благодарственныя жертвы Богу въ храмъ. Затѣмъ Ездра объявилъ

данную ему царскую грамоту и послалъ съ нея списокъ къ окрестнымъ правителямъ (такъ какъ въ ней нѣкоторыя повелѣнія относились къ нимъ). Всѣ увидѣли въ Ездрѣ дѣятельнаго и распорядительнаго начальника. Прибывшіе съ нимъ всѣ разошлись для поселенія; въ землѣ не было недостатка, потому что за 71 годъ пришедшіе Іудеи не могли слишкомъ размножиться. Еще большая часть Іудеи была пуста и не населена.

Хотя Ездра не принялъ званія правителя области, но только священника и законоучителя, уполномоченнаго на всѣ мѣры, необходимыя для внутренняго преобразованія и улучшенія страны, однако у него почти ничего не доставало для этого сана гражданскаго. Его прибытіе впрочемъ не для всѣхъ могло быть пріятнымъ; можетъ быть желали его тѣ только, которые сознавали нужду въ прекращеніи злоупотребленій въ дѣлахъ брачныхъ. Пылкая ревность къ закону, показанная Іудеями, при Кирѣ возвратившимися въ отечество, скоро остыла, уступивъ мѣсто частнымъ расчетамъ, которые были причиною множества запрещенныхъ браковъ. Начальники, управлявшіе Іудеею послѣ Зоровавеля, заботились только о своемъ обогащеніи и не обращали никакого вниманія на нравственное и религіозное состояніе подвластнаго народа. Браки съ иноплеменницами изумили и огорчили благочестиваго Ездру тѣмъ болѣе, что это зло проникло даже въ священническое сословіе. Злоупотребленіе было весьма важно и опасно, не безоснователенъ былъ страхъ, чтобъ оно не повело за собою идолопоклонства. Ездра рѣшился съ браковъ начать свое преобразованіе. Онъ предложилъ дѣло совѣту, составленному изъ князей, или главъ поколѣній, но совѣтъ призналъ себя безсильнымъ уничтожить это зло. Вѣроятно и мнѣнія были различны, потому что вопросъ имѣлъ отношеніе къ многимъ изъ членовъ совѣта. Съ одной стороны обширность и великость зла, съ другой совершенное одиночество Ездры привели его въ уныніе, ревность его упала. Онъ погру-

зился въ безмолвіе, разодралъ свои одежды, и видъ его произвелъ такое впечатлѣніе, какого не произвела бы никакая обличительная проповѣдь. Около времени вечерней жертвы, онъ въ присутствіи старцевъ, которые и сказали ему о этихъ бракахъ, повергся ницъ во дворъ храма и долго молился. Его молитва сохранена въ его книгѣ, какъ выраженіе души и чувствъ этого великаго человѣка своего времени. Слухъ о необыкновенномъ волненіи священника и его продолжительной молитвѣ скоро собралъ во дворъ храма множество народа. Всѣ были тронуты, когда увидѣли уважаемаго человѣка въ слезахъ и въ такомъ сокрушеніи. Многіе приняли горестъ его близко къ сердцу. Одинъ изъ священниковъ, именемъ *Сехонія*, у котораго отецъ и многіе родственники женились на иноплеменницахъ, первый ободрилъ Ездру надеждою, что зло можетъ еще быть исправлено, что ежели и много такихъ, которые живутъ въ незаконномъ бракѣ, то ихъ можно уговорить и обязать оставить женъ, и дать закону удовлетвореніе, что Ездра по данному полномочію можетъ самъ приступить къ распоряженіямъ, которыя внушитъ ему благоразуміе и ревность къ закону, и можетъ быть увѣренъ, что всякій благомыслящій Іудей готовъ будетъ поддерживать его. Дѣйствительно Ездра между присутствующими нашелъ такихъ священниковъ, левитовъ и простыхъ Іудеевъ, которые вопреки ожиданію изъявили расположеніе и готовность расторгнуть противныя закону браки. Онъ тотчасъ же во дворъ храма принялъ отъ собравшихся людей клятвенныя обѣты, какъ обладаживалъ его Сехонія, но не отлагалъ и въ послѣдующій день знаковъ глубокаго сѣтотанія, скорбя о преисбреженіи къ закону и упадкѣ правовъ. Такъ какъ большей части Евреевъ, женившихся на идолопоклонницахъ, не было тогда въ Іерусалимѣ, то по приговору и отъ имени совѣта объявлено было чрезвычайное народное собраніе, на которое должны были собраться въ Іерусалимъ всѣ въ теченіе 3 дней подъ опасеніемъ *отлученія отъ соима* и лишенія

всего имущества, если кто не явится къ назначенному времени. Власть совѣта была такъ велика, что никто не осмѣлился ослушаться. Въ 20-й день 3-го мѣсяца народъ весь собрался. Это было въ декабрѣ; народъ стоялъ во дворѣ и передъ дворомъ храма, трепеща отъ страха и дрожа отъ холода. Священникъ-правитель въ краткой рѣчи объявилъ собравшимся, что незаконными браками они увеличили тяжесть грѣховъ Израиля, и требовалъ отъ нихъ обѣщанія расторгнуть эти браки. Всѣ дали обѣщаніе безъ малѣйшаго противорѣчія. Было ли это дѣйствіемъ вліянія Ездры, или народъ самъ чувствовалъ себя обязаннымъ къ тому,—въ обоихъ случаяхъ безпрекословная покорность голосу закона въ такомъ важномъ дѣлѣ, даетъ видѣть въ Іудеяхъ этого времени свѣтлую сторону. По обстоятельствамъ времени года и важности дѣла, собраніе просило поручить наблюденіе за исполненіемъ опредѣленія совѣта нѣкоторымъ изъ его членовъ, которыхъ Ездра и назначилъ съ присовокупленіемъ къ нимъ двухъ левитовъ. Наконецъ усилія благочестивой ревности увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ, дѣло о расторженіи браковъ кончено въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Первые, какъ и слѣдовало ожидать, отпустили своихъ иноземныхъ женъ, сыны и племянники бывшего первосвященника Іисуса. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе. Безъ сомнѣнія это насильственное расторгненіе союзовъ, уже давно заключенныхъ, это разлученіе мужей съ женами, уже скрѣпившими супружескій союзъ рожденіемъ дѣтей, было болѣзненно для народа; и не съ іудейской точки зрѣнія показалось бы жестокимъ. Но законъ требовалъ этой жертвы для собственной безопасности: эти браки угрожали его владычеству въ Израилѣ. Трудно было при такихъ бракахъ избѣжать соблазна. Ревностный Ездра почпталъ это невозможнымъ, и множество древнихъ примѣровъ рѣшительно подтверждало справедливость его опасеній. Между тѣмъ изъ сильнаго волненія, какое обнаружилъ Ездра при извѣстіи о противозаконныхъ бракахъ, можно заклю-

читать, что въ землѣ плѣненія не было такихъ примѣровъ. По крайней мѣрѣ Ездра былъ вполне утѣшенъ сочувствіемъ народа къ своей ревности. Это была первая услуга Ездры своему народу и Церкви. Но онъ не остановился здѣсь; еще ему много оставалось сдѣлать. Учрежденія, которымъ онъ теперь положилъ начало, были столь разнообразны и важны, такъ были сообразны съ новымъ состояніемъ общества іудейскаго, что преданіе не усумнилось почтить его именемъ втораго Моисея. И точно во многихъ отношеніяхъ онъ заслуживалъ это имя. Прекращеніе незаконныхъ брачныхъ союзовъ, которое угрожало такую трудностію и возбудило столь мало противорѣчій, давало Ездрѣ добрую надежду, что въ другихъ частяхъ онъ еще скорѣе можетъ возстановить дѣйствіе закона. Онъ нашелъ великое невѣжество во всѣхъ состояніяхъ; самые священники весьма плохо знали законъ, между прочимъ можетъ быть и потому, что рѣдки были съ него списки, а вѣроятнѣе по небреженію. Народъ также невѣжественный, какъ и вожди его, слѣдовалъ механически стариннымъ обычаямъ. Между тѣмъ вліяніе духа Ездры уже могущественно дѣйствовало на народъ. Наступилъ праздникъ новолѣтія (трубъ), и народъ усердно стекался въ столицу. Но чтò особенно было пріятно Ездрѣ, это всеобщее обнаруженное народомъ желаніе слушать чтеніе изъ книги закона. На открытомъ пространствѣ передъ восточными воротами храма собрался народъ, жрецы и простолюдины, мужчины и женщины, и всѣ благоговѣнно внимали словамъ, которыя такъ давно уже не раздавались въ Іудеѣ вслухъ всего народа. Ездра читалъ съ возвышеннаго сѣдалища. Шестъ знаменитѣйшихъ мужей стояло у него по правую сторону, и шесть по лѣвую. Чтеніе продолжалось съ утра до полудни. И чтобы все было понятно народу, нѣсколько левитовъ повторяли ему за Ездрую, чтò онъ читалъ, съ объясненіемъ на халдейскомъ языкѣ, которымъ теперь большею частію говорили Іудеи.

Это послѣднее обстоятельство было достойно примѣчанія и не могло не обратить на себя вниманія Ездры. Со временъ Моисея, и еще со временъ патріарховъ языкъ еврейскій не подвергался никакимъ переворотамъ. Даже пребываніе въ Египтѣ, которое было несравненно продолжительнѣе вавилонскаго плѣненія, при взаимномъ отчужденіи двухъ народовъ, не внесло въ этотъ первобытный языкъ никакого чуждаго элемента. Во всѣ столѣтія, которыя прожилъ народъ еврейскій въ Ханаанѣ, языкъ его оставался все тотъ же, и только послѣ Іереми начиналъ нѣсколько терять свою чистоту. Столь долгимъ существованіемъ безъ примѣчательныхъ измѣненій, языкъ еврейскій былъ обязанъ не только тому, что весьма рано заключенъ былъ въ писмена и имѣлъ первымъ писателемъ такого мужа, которому подражали и всѣ послѣдующіе писатели, но и тому отчужденію, въ которомъ держали себя Евреи по отношенію къ другимъ народамъ; и притомъ внутренняя жизнь народа однажды навсегда была заключена въ неизмѣнныя формы, для выраженія которыхъ древній языкъ былъ достаточенъ. Священныя писанія пророковъ всегда были хранилищами его неповрежденной чистоты. Только переселеніе изъ отчизны и разсѣяніе между иноплемениками могло сдѣлать то, что Евреи перемѣнили свое нарѣчіе на другое. Безъ сомнѣнія сходство халдейскаго языка съ еврейскимъ дѣлало эту перемѣну едва замѣтною. Конечно еслибы Евреи были переселены въ такую страну, гдѣ говорили совершенно незнакомымъ для нихъ языкомъ, Еврей не скоро привыкъ бы къ нему и сохранилъ бы свой языкъ не смѣшаннымъ, или мало смѣшаннымъ. Между тѣмъ очень важное слѣдствіе произошло отъ перемѣны еврейскаго языка на халдейскій въ отношеніи употребленія Св. Писаній. Теперь, не говоря уже о простомъ народѣ, даже не всѣ священники и левиты могли понимать его съ прежнею легкостію. Ездръ предстоялъ новый, тяжелый и продолжительный трудъ ввести снова языкъ отцовъ въ

живое употребленіе, по крайней мѣрѣ между священническимъ сословіемъ, и съ другой стороны оградить самый текстъ писанія отъ вліянія чуждаго языка.

Чтеніе изъ книги закона извлекло у многихъ слезы. Тѣ прощальныя рѣчи Моисея, гдѣ великій законодатель отечески уговариваетъ воспитанный имъ народъ, не отступать отъ законовъ Іеговы, теперь особенно были трогательны. Еще не забытый плѣнъ возбуждалъ въ слушателяхъ мысль, что всѣ пастоящія бѣдствія ихъ суть слѣдствія грѣховъ, отъ которыхъ такъ давно предостерегали ихъ Моисей. Ездра умѣлъ перелить свое чувство въ массу народа, его окружавшаго, и привести его въ такое состояніе, въ которомъ глубоко трогаетъ и сильно потрясаетъ душу слово, выслушиваемое въ другой разъ равнодушно. Между тѣмъ рыданія народа, хотя свидѣтельствовали о благочестіи его, были не совмѣстны съ назначеніемъ дня, ибо нарушали законъ настоящаго торжества. Итакъ Ездра и его сотрудники по окончаніи чтенія нужнымъ почли внушить народу, что его печаль неблаговременна и неприлична теперь. „Вы не должны печалиться, говорили они; этотъ день святъ Богу Іеговѣ. Ступайте, вкушайте лучшія снѣди, пейте усладительное вино; посылайте съ своего стола неимущимъ; день этотъ святъ Богу нашему, онъ посвященъ радости о Богѣ, въ которомъ сила наша“ (Неем. 8, 10). Народъ отеръ слезы, и праздникъ, начатый плачемъ, кончился кликами радости.

Не далеко было до *праздника кущей*. Настроеніе народа, произведенное въ немъ чтеніемъ закона, не утратило силы. Священники, левиты, старѣйшины народныя просили Ездру полнѣе объяснить имъ значеніе приближающагося торжества. Это обстоятельство достойно примѣчанія. Ежели оно свидѣтельствуетъ объ томъ, что въ народѣ уже не знали значенія этого праздника, то вмѣстѣ показываетъ его желаніе праздновать вполне по закону, и съ разумнымъ сознаніемъ. Такъ какъ это желаніе пробуждено было самимъ Ездрой, то безъ сомнѣнія

оно утѣшило его благочестивую ревность. Послѣ Моисея едва ли кто имѣлъ подобное утѣшеніе. Никогда народъ не вель себя такъ хорошо, а лучше никогда послѣ. Не емія замѣчаетъ въ своей книгѣ 8, 17: *Не сотвориша отъ дней 1. сына Навина тако сынове Израилевы даже до дне того.* Очень сходны были обстоятельства при празднованіи одного и тогоже праздника въ то и другое время. При Иисусѣ благодарили Бога за дарованіе имъ спокойнаго отечества, послѣ столь долговременнаго странствованія въ пустынѣ. Теперь благодарили за возвращеніе отечества, о потерѣ котораго такъ долго печалились. Воспоминаніе о египетскомъ и халдейскомъ порабощеніи должны были въ современникахъ Иисуса и Ездры породить одинаковыя чувства благодарности, и возвышать радость о благопріятной перемѣнѣ ихъ судьбы.

Ездра вмѣстѣ съ подробнымъ наставленіемъ касательно значенія празднества, указалъ и способъ, какъ праздновать. Въ Іерусалимѣ и по окрестностямъ было объявлено, чтобы всякій шелъ на гору и запасся оливковыми, кипарисовыми, мѣртовыми и пальмовыми вѣтвями, чтобы изъ нихъ составить себѣ кущи. Къ недѣлѣ праздника все было готово. Съ непримѣрнымъ ликованіемъ, какого со времени Иисуса не видывали въ Іудеѣ, но которое однако нисколько не ослабляло усердія къ слушанію положеннаго въ эту седмицу закона, разбиты были—на кровляхъ домовъ, на площадяхъ, у воротъ храма, въ самыхъ дверяхъ его,—кущи изъ свѣжихъ, благовонныхъ вѣтвей. Каждый день до полудня слушали всѣ чтеніе закона. Такимъ образомъ весь праздникъ проведенъ то въ увеселеніяхъ, то въ поученіи. Надобно думать, что съ этого времени получилъ свое начало нынѣ существующій у Іудеевъ праздникъ *радости о законѣ*; онъ падаетъ на 23 Тисри.

Въ 24-й день тогоже мѣсяца былъ назначенъ всеобщій постъ; собралось множество народа и всѣ во вретисахъ, съ пепломъ на головахъ пришли въ святилище, и снова предложено было чтеніе изъ закона, продолжавшееся всю

1-ую четверть дня. Затѣмъ слѣдовало всенародное исповѣданіе грѣховъ со всѣми знаками глубокаго смиренія и сокрушенія. Ездра вслухъ всего народа произнесъ молитву, въ которой вся почти исторія народа за 1000 лѣтъ представлена, какъ рядъ опытовъ божественнаго попеченія, вмѣстѣ съ указаніемъ на заблужденія народа. Для пробужденія сокрушенія и раскаянія, равно какъ добрыхъ намѣреній не могла быть лучше сложена эта молитва для народа. Это одинъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ благочестиваго чувства того времени. Послѣ молитвы сословія священниковъ и левитовъ съ одной стороны, главы семействъ и начальники народа съ другой, заключили договоръ, который былъ подписанъ важнѣйшими лицами изъ каждаго сословія. Подписались: Неемія и Седекія въ качествѣ начальниковъ народа, 21 священникъ, 17 левитовъ и 44 старѣйшины. Симъ договоромъ всѣ обязывались къ точному и неуклонному соблюденію всѣхъ постановленій закона до послѣднихъ подробностей. Въ этомъ завѣтѣ участвовалъ весь народъ какъ въ лицѣ своихъ представителей, такъ и собственною клятвою. Къ нему допущены были и прозелиты. Въ особенности положено соблюдать ненарушимо слѣдующія постановленія: 1) ни подъ какимъ видомъ не брать въ замужство дочерей иноплеменниковъ, ни въ самой Іудеѣ, ни внѣ ея, равно какъ не отдавать за нихъ своихъ дочерей; 2) въ субботу и другія праздничные дни прекращать всякія торговыя сношенія съ иноплеменниками, такъ чтобы, еслибъ они и привезли въ городъ плоды и товары, ничего не брать у нихъ; 3) черезъ каждыя 7 лѣтъ прощать долги; 4) ежегодно доставлять отъ каждаго лица по трети сикля въ годъ на отправленіе ежедневнаго богослуженія и отъ каждаго поколѣнія по очереди дрова для жертвенника; 5) приносить святилищу начатки плодовъ земныхъ, скота, также дань за первородныхъ; 6) изъ всѣхъ мѣстъ Іудеи, *каково бы ни было состояніе земледѣлія*, давать десятины на священниковъ и левитовъ, доставляя ихъ въ запасныя хранилища, устроен-

ныя при храмѣ для этой цѣли. Такимъ образомъ существованіе священническаго сословія обезпечивалось особенною статьею завѣта, дабы оно могло отправлять свои обязанности въ порядкѣ и правильно. Вообще большая часть этихъ учрежденій клонилась къ тому, чтобы на будущее время богослуженіе въ новомъ храмѣ продолжало было безостановочно. Ездра не зналъ покоя, пока не далъ своимъ узаконеніямъ достаточной прочности. Между тѣмъ содержаніе завѣта показываетъ, что внутренній бытъ народа до него былъ неблагоустроенъ. Видно, что взаимныя обязанности и права состояній разстроились. Теперь всякому указано свое; а первыя два условія главнымъ образомъ имѣють въ виду устранить все, что ранѣе, или позднѣе могло бы увлечь народъ къ идолослуженію.

Это послѣдній разъ, когда мы видимъ Ездру дѣйствующимъ. Если жизнь его еще продолжалась и была конечно полезна для дѣла религіи, то при Нееміи онъ уже не принималъ болѣе участія въ правленіи народомъ, а только старался содѣйствовать успѣху мѣръ и распоряженій своего преемника. Къ этому періоду его жизни можемъ относить важный трудъ, который приписываетъ ему преданіе іудейской церкви,—пересмотръ и собраніе священнаго кодекса, и приведеніе его въ тотъ порядокъ, въ какомъ теперь представляетъ его еврейскій текстъ. Преданіе само по себѣ достойное вѣры. До Ездры не встрѣчаемъ слѣдовъ, чтобы священный кодексъ былъ собранъ, а послѣ Ездры нельзя указать ни на кого, кто бы могъ это сдѣлать.

По разрушеніи Іерусалима и переселеніи народа въ Вавилонъ священныя книги подвергались опасносли утратиться. Предположимъ, что тогда все, что со времени Моисея было написано объ религіи и исторіи народа Божія, уже существовало въ спискахъ, однако не вѣрна была надежда, чтобы все это пережило такой разрушительный переворотъ. Если еще задолго до плѣненія оригиналь Закона могъ затеряться въ храмѣ, такъ что его

нашли случайно при Іосии, то и другія писанія богодухновенныхъ мужей еще скорѣе могли, если не совсѣмъ затерятыя, то сохраниться въ небольшемъ количествѣ экземпляровъ и въ отрывкахъ, — еще до плѣненія, въ тѣ нечестивыя времена, когда памятники прежняго благочестія были презираемы, и можетъ быть не многими терпимы. Езекиа собралъ притчи Соломона; значитъ до него еще ничего изъ нихъ не было собрано обстоятельно. Да въ этомъ нельзя и сомнѣваться, когда извѣстно, что и тогда уже пѣсней и притчей Соломоновыхъ существовало меньше, нежели сколько написано ихъ. Равно и собраніе псалмовъ Давида до плѣненія было не велико и не полно. Это можно видѣть изъ того, что первое отдѣленіе ихъ ограничивается небольшимъ числомъ псалмовъ. Сколь бы ни былъ великъ сборникъ св. писанія до плѣненія, ему при переселеніи народа и во время пребыванія въ чуждыхъ странахъ могла угрожать такая же судьба, какая постигла уже нѣкоторыя памятники глубокой древности. Іезекіиль и Даніиль безъ сомнѣнія были вѣрными хранителями священныхъ книгъ. Но ежели бы по возвращеніи изъ плѣна черезъ 100, или больше лѣтъ никто не подумалъ о собраніи и сохраненіи ихъ, то позже и самый усердный трудъ съ этою цѣлію можетъ быть былъ бы напрасенъ.

Что касается въ частности историческихъ книгъ ветхаго завѣта, то книга, которая носитъ имя Ездры (1-я кн. Ездры; 2-я и 3-я не ему принадлежатъ и не существуютъ на еврейскомъ языкѣ) и которая ему должна быть приписана какъ писателю, имѣетъ тѣсную связь съ книгами Паралипоменонъ, которыя большею частію повѣствуютъ о происшествіяхъ временъ царей іудейскихъ и обличаютъ перо, позднѣйшее описываемыхъ событій. Не безъ основанія авторомъ этихъ книгъ почитаютъ Ездру. Въ книгахъ Царствъ, Судей, Исуса Навина и даже Моисеевыхъ есть слѣды пересмотра; примѣчанія и вставки встрѣчающіяся здѣсь показываютъ позднѣйшую руку. Вообще по іудейскому преданію Ездра всѣ преобразовательныя свои дѣй-

ствія основывалъ на слѣдующихъ началахъ: 1) на собраніи священныхъ Писаній и исправленіи библейскаго текста; 2) на сообразномъ съ потребностями времени улучшеніи обученія народа; 3) на утвержденіи закона чрезъ устраненіе случаевъ къ его нарушенію.

Неемія. Въ то время, какъ совершилось возстановленіе завѣта въ народѣ, внѣшнее состояніе Іудеи было очень не завидно. Окрестныя племена противодѣйствовали всему, что только было предпринимаемо для улучшенія Іерусалима, и доселѣ очень мало походяго на столицу. Своими нападеніями они препятствовали его укрѣпленію и разрушали то, что было начато съ такими трудами. Ездра обращалъ главнымъ образомъ свои заботы и дѣятельность на дѣла церковныя, гдѣ иноплеменники не могли мѣшать ему. Но его гражданское значеніе было не такъ сильно, чтобы обуздывать враговъ, которые были неутомимы. Еще недавнее расторженіе браковъ съ иноплеменными женами увеличивало въ сосѣдяхъ ненависть къ Іудеямъ. Однимъ словомъ, непріязненное расположеніе Самарянъ, Аммонитянъ и Моавитянъ никакъ не позволяло Іудеямъ достигнуть гражданского благосостоянія, какое было для нихъ возможно въ настоящемъ положеніи.

Между тѣмъ 13-лѣтніе труды Ездры приносили плоды. Народъ среди всѣхъ озлобленій былъ вѣренъ закону, и за эту вѣрность заслуживалъ лучшей участи. Онъ не долго ждалъ благотворной переменъ: орудіемъ ея былъ Неемія, служившій при дворѣ Артарксеркса Лонгимана кравчимъ,—одно изъ самыхъ почетныхъ званій на востокѣ. Не разъ видѣнные нами примѣры возвышенія Іудеевъ служатъ доказательствомъ, что въ народѣ всегда были мужи, умѣвшіе пріобрѣсти уваженіе иноплеменниковъ. И Промыслъ Божій часто пользовался этимъ средствомъ къ облегченію судьбы потомства Израилева. Находясь въ довѣренности у царя и царицы, честный и благородный Неемія почиталъ себя обязаннымъ и призваннымъ къ тому, чтобы дѣлать добро своимъ единоплеменникамъ.

На 20 г. правленія Артарксеркса пришелъ въ Сузы одинъ іудей изъ Палестины *Ананія*. На распросы Нееміи, въ какомъ состояніи находится Іерусалимъ и Іудея, онъ отвѣчалъ, что все въ упадкѣ. Стѣны и ворота, какія доселѣ были построены, стали разваливаться, а вторженія враговъ не даютъ никакой возможности заняться строеніемъ какъ должно. Такія вѣсти тѣмъ неожиданнѣе были для Нееміи, что за 13 лѣтъ назадъ, когда отправлялся Ездра въ Іерусалимъ, со стороны царя дано было довольно льготъ и милостей народу. Онъ опечалился, началъ поститься и молиться Іеговѣ, чтобы Онъ помиловалъ людей Своихъ. Царь замѣтилъ перемѣну въ лицѣ своего виночерпя, и спросилъ однажды, отъ чего онъ печаленъ. „Государь, будь долготѣнъ, отвѣчалъ Неемія. Какъ мнѣ не печалиться, когда городъ, гдѣ лежатъ кости отцовъ моихъ, разрушенъ и врата его сожжены?“ — И когда царь спросилъ, чего же онъ хочетъ для этого города, Неемія просилъ отпустить его въ Іудею и дать позволеніе на возстановленіе Іерусалима. Хотя царю не хотѣлось отпустить отъ себя вѣрнаго слугу; однакожь онъ не хотѣлъ огорчить его отказомъ. Неемія получилъ увольненіе на столько времени, сколько найдетъ для себя нужнымъ. Свое благоволеніе царь простеръ еще далѣе. Онъ послалъ чрезъ Неемію строжайшія предписанія къ заевфратскимъ (сирійскимъ) сатрапамъ, чтобы они обезпечили его путешествіе и помогли его распоряженіямъ. Въ особенности важенъ былъ для Нееміи указъ къ Асафу, главному смотрителю царскихъ лѣсовъ на Ливанѣ. Ему предписано было отпустить достаточное количество лѣсу для укрѣпленія Іерусалима и построенія въ немъ различныхъ зданій.

Сирійскіе сатрапы должны были уважать это предписаніе тѣмъ болѣе, что Неемія отправился въ Іудею, не какъ частный человѣкъ, но какъ знатный чиновникъ при дворѣ. Для охраненія ему данъ былъ конный отрядъ. По прибытіи въ Іерусалимъ Неемія не тотчасъ объявилъ свое полномочіе, но напередъ осмотрѣлъ положеніе города и начатыя въ немъ работы. Онъ началъ этотъ осмотръ въ

первую же ночь, и на четвертый день пришелъ въ собраніе совѣта, который состоялъ изъ жрецовъ, начальниковъ поколѣній и почетнѣйшихъ гражданъ, выразилъ передъ ними свое сожалѣніе объ упадкѣ города и его укрѣпленій, и въ заключеніе объявилъ имъ о своемъ полномочіи отъ царя. Радость была всеобщая; всѣ были готовы начать работы; по тутъ же открылись и затрудненія. Виною ихъ въ самомъ городѣ была партія злонамѣренныхъ людей, которые позволяли врагамъ народа располагать собою ко вреду общаго дѣла.

Безъ сомнѣнія сначала это было не слишкомъ замѣтно. Для сосѣдей извѣстіе о прибытіи Нееміи было, какъ и надобно ожидать, непріятно. Это они дали ясно замѣтить. Особенно были не довольны Санаваллатъ уроженецъ Веорона самарянинъ, аммонитянинъ Товія чиновникъ царской службы и Гисамъ арабъ, три человекъ, которые много дѣлали зла Іудеямъ, всегда прикрывая себя стариннымъ, благовиднымъ предлогомъ, будто дѣйствовали болѣе по усердію ко благу персидскаго царя, нежели по злобѣ къ Іудеямъ. Между тѣмъ она и была пружиною ихъ дѣйствій. Этимъ предлогомъ они воспользовались и теперь: они укоряли Неемію въ властолюбивыхъ замыслахъ, будто онъ покушается возстановить царство и сдѣлаться независимымъ. Вѣроятно эти люди были сильны при царѣ, когда, не взирая на важное званіе Нееміи, не боялись подпасть гнѣву царя за свое поведеніе съ Іудеями. Можетъ быть тогдашнія неурядица въ Египтѣ заставляли Артарксеркса послаблять пограничнымъ чиновникамъ, что и дѣлало ихъ смѣлыми. Иначе трудно объяснить почему Неемія не жаловался на нихъ царю, а довольствовался однимъ скромнымъ отвѣтомъ на ихъ угрозы и насмѣшки (2, 20).

Возстановленіе стѣнъ и городскихъ воротъ пошло быстро. Первосвященникъ Еліасуфъ съ своими подчиненными показалъ добрый примѣръ, взявъ на себя построеніе воротъ. За нимъ жители Іерусалима раздѣлили всю рабо-

ту между собою. Наконецъ врата были выстроены и освящены. Но изъ знатныхъ гражданъ сначала не всѣ приняли участіе въ работахъ, или въ пожертвованіяхъ на оныя, но потомъ присоединились и они изъ соревнованія къ Нееміи, которому были преданы не только всѣ граждане Іерусалима, но и окрестное народонаселеніе, какъ видно изъ того, что по одному слуху о его прибытіи народъ собирался къ нему добровольно изъ Феоки, Гаваона и Массифы, для содѣйствія его трудамъ. Даже начальники отдаленныхъ отъ столицы округовъ принимали дѣятельное участіе въ работахъ, производившихся въ Іерусалимѣ. Ихъ располагало къ тому убѣжденіе, что собственная ихъ безопасность зависить отъ безопасности столицы. Даже женщины усердно трудились. Вообще всѣ показывали похвальное соревнованіе. Самъ Неемія, всѣ его домашніе и слуги были для другихъ примѣромъ. Скоро пришла въ городъ вѣсть, какъ смотрять на это всѣ пограничные народы. Санаваллатъ, который въ то время занимался обученіемъ Самарянъ военному искусству, заставлялъ бояться, что онъ не ограничится одними угрозами. Этотъ человѣкъ былъ непримиримымъ врагомъ Іудеевъ. Его другъ Товія обнаруживалъ больше насмѣшливое презрѣніе, нежели ненависть. *Пусть строятъ, говорилъ онъ, черезъ ихъ стѣну легко перепрыгнетъ лисица.*

Стѣна уже до половины была кончена. Къ великому своему утѣшенію Неемія увидѣлъ, что трудившіеся несколько не ослабѣвали въ усердіи. Завистливые сосѣди напрасно надѣялись, что дѣло останется неконченнымъ, и озлоблялись все болѣе. Неемія принялъ всѣ мѣры предосторожности. Онъ поставилъ ночную и дневную стражу въ городѣ. Но это отняло много рукъ у дѣла, такъ что работа стала обременительна для тѣхъ, которые остались работать. Между тѣмъ опасность увеличивалась. Къ Нееміи безпрестанно доходили предостереженія. Хотя открытаго нападенія, когда приняты были противъ него мѣры, нельзя было бояться, но опасно было какое-нибудь

коварство. Неемія увидѣлъ себя принужденнымъ весь народъ привести въ совершенно военное положеніе, и заставилъ работать съ оружіемъ въ рукахъ. Никому не обременительно это было, но всѣ охотно повиновались Нееміи, который говорилъ трудившимся, что они защищаютъ своихъ братій, дѣтей, женъ, свои дома, и всѣхъ обнадеживалъ помощію Божіею. Предосторожности были излишни: онѣ удерживали враговъ отъ нападенія. Санаваллатъ и Товія увидѣли, что нападеніе не могло обойтись для нихъ самихъ безъ большой потери. Но въ это время открылись въ самомъ городѣ нестройства, которыя могли содѣйствовать ихъ видамъ. Причиною ихъ были долговья дѣла, на которыя Неемія нашель себя принужденнымъ обратить вниманіе теперь, къ неудовольствію богатыхъ людей, но къ радости бѣднаго народа. Великое усердіе къ строенію отвлекло нѣкоторыхъ совершенно отъ хозяйственныхъ заботъ и отняло много рукъ у земледѣлія. Отсюда частію должно объяснять оказавшійся въ это время недостатокъ въ хлѣбѣ, который многихъ побудилъ идти съ жалобою къ Нееміи на займодавцевъ. Жалующіеся говорили, что они не въ состояніи имѣть даже необходимаго пропитанія, что крайняя нужда заставила ихъ заложить свои земли, виноградники и дома, которыхъ они не могутъ выкупить; другіе жаловались, что для уплаты ежегодныхъ податей они не только потеряли земли, но даже себя съ дѣтьми должны были продать въ рабство своимъ единоплеменникамъ. Неемія былъ изумленъ и глубоко пораженъ такими жалобами. Онъ увѣщевалъ богатыхъ простить долги бѣднякамъ, представлялъ имъ, какъ безсовѣстно поработать своихъ единоплеменниковъ, которые были отпущены даже иноземными царями, и призывалъ проклятіе на тѣхъ, кто не захочетъ отпустить долговъ. Богатые принуждены были возвратить земли и виноградники и отпустить рабовъ на свободу; народъ разошелся по домамъ безъ долговъ, благоговляя своего защитника. Самъ Неемія былъ человѣкъ

безкорыстный; во время своего правленія онъ не пользовался доходами, которыми обогащались прежніе начальники народа; объ нихъ онъ упоминаетъ какъ о притѣснителяхъ, которые, не довольствуясь ежедневнымъ доходомъ въ 40 сиклей серебра, оброкомъ, хлѣбомъ и виномъ, еще дозволяли своимъ слугамъ разорять народъ. Неемія слишкомъ любилъ единоплеменниковъ, и слишкомъ былъ совѣстливъ, чтобы подражать имъ. Издержки его были велики; онъ держалъ открытый столъ для множества гражданъ, особенно служившихъ общему дѣлу. Обыкновенно за его столъ садилось до 150 человекъ, исключая гостей нежданныхъ; Неемія могъ быть богатъ не на счетъ народа: онъ имѣлъ свои земли въ Іудеѣ, и въ качествѣ важнаго сановника получалъ содержаніе отъ двора.

Между тѣмъ эти открытые столы давали поводъ людямъ нерасположеннымъ къ нему сплетать разныя клеветы. Они находили тутъ замыслы властолюбія, говорили, что Неемія ищетъ расположенія у народа, чтобы захватить въ свои руки всю власть. Его враги Санаваллатъ и Товія всячески поддерживали эту клевету, а между тѣмъ принимали и другія мѣры, чтобы повредить Нееміи и, если можно, погубить его. Разъ предложили они ему отправиться съ ними на собраніе въ одно селеніе въ Вениаминовомъ колѣнѣ, на долинѣ *Онѡ*. Неемія не довѣрялъ этому приглашенію и не принялъ его, отзываясь множествомъ дѣлъ, которыя требовали его неотлучнаго пребыванія въ Іерусалимѣ. Четыре раза Санаваллатъ повторялъ приглашеніе, но напрасно. Въ пятый разъ онъ послалъ къ Нееміи письмо, которымъ снова приглашалъ его на совѣщаніе по поводу распространившагося по окрестностямъ слуха, будто онъ ищетъ себѣ царскаго вѣнца. Неемія холодно и рѣшительно отвѣчалъ, что во всемъ, что пишетъ Санаваллатъ, нѣтъ ни слова правды.

Такъ какъ еще въ древнія времена находились часто такіе люди, которые, чтобы подкрѣпить свои выдумки, выдавали себя за пророковъ, то и теперъ явились подоб-

ные лжепророки Шемаія и Ноадія съ другими. Первый дѣйствовалъ тайно. Онъ особенно старался со стороны доводить до слуха Нееміи—будто всеобщую молву, что онъ желаетъ быть царемъ, и что на него всѣ смотрятъ, какъ на мятежника; смущалъ его вѣстію, что на него наняты тайные убійцы; увѣрялъ его, что онъ не можетъ быть безопасенъ ночью въ своемъ домѣ, и потому пусть скрывается во святилищѣ и т. п. Сначала Неемія колебался вѣрить, или не вѣрить Шемаіи, но скоро проникательный его умъ открылъ въ этихъ внушеніяхъ тайныя козни Санаваллата. Между тѣмъ среди всѣхъ безпокойствъ, дѣло шло безостановочно и такъ удачно, что черезъ 52 дня стѣна была восстановлена совершенно. Удивительно какъ мало потребовалось времени для столь значительной работы; надобно предположить, что стѣна не вся была построена вновь. Новая стѣна была великолѣпно освящена, и торжество заключено было богатыми жертвоприношеніями въ храмъ. Радость народа была несказанная. Святыня храма и богослуженіе получили огражденіе, которое охраняло и народъ отъ непріязненныхъ покушеній враждующихъ сосѣдей. Однимъ словомъ, восстановленіе стѣны іерусалимскихъ по настоящимъ отношеніямъ Іудеи къ окрестнымъ племенамъ было важною заслугою Нееміи.

Послѣ этого вниманіе свое Неемія обратилъ на внутреннее населеніе Іерусалима. Съ пространною окруженію стѣны малое число домовъ и жителей не имѣло вовсе никакой соразмѣрности. Это неестественно. Городъ получилъ такой же объемъ и пространство, какое имѣлъ онъ до плѣненія; но число возвратившихся изъ плѣна далеко не восходило до числа того населенія, какое имѣлъ Іерусалимъ до вторженія Навуходоносора. Да и изъ возвратившихся многіе съ большею охотою селились внѣ города, гдѣ они могли имѣть больше удобствъ для земледѣлія. Неемія принялъ теперь такія мѣры, которыя не отнимая у земледѣлія много рукъ, сдѣлали бы городъ бо-

лѣе населеннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе безопаснымъ отъ нападеній. Онъ распорядился слѣдующимъ образомъ:

Главы народа, составлявшіе классъ высшихъ гражданъ и высшій совѣтъ, должны жить въ Іерусалимѣ, по крайней мѣрѣ имѣть здѣсь свои дома; тутъ же должны были жить художники, ремесленники и купцы, которыхъ самое званіе и промыслъ привязывали къ городу; во всей Іудеи изъ десяти одинъ обязанъ переселиться въ городъ по жребію. Эта мѣра умная и необходимая, естественно, возбуждала множество неудовольствій, потому что большая часть принуждаемыхъ къ переселенію уже имѣли поземельную собственность, которую теперь должны были оставлять безъ надежды получить полное вознагражденіе въ Іерусалимѣ. Всякій что-нибудь терялъ съ этимъ переселеніемъ. Однакоже твердая воля правителя, его благородіе и испытанная любовь ко благу народа, побѣдили всѣ затрудненія. Вслѣдствіе его распоряженія 468 богатыхъ людей изъ колѣна Іудина, съ двумя князьями изъ потомства *Фареса*, перешла въ Іерусалимъ. Веніаминово колѣно доставило 928 новыхъ гражданъ столицѣ. Жрецовъ было 1192 человекъ, левитовъ 456. Достойная замѣчанія пропорція жителей къ священному сословію: общая сложность ихъ превышала послѣднее только 252 человекъ. По этой пропорціи Іерусалимъ теперь можно было назвать городомъ священниковъ. Эта многочисленность духовнаго населенія имѣла естественнымъ послѣдствіемъ то, что власть мало-по-малу стала сосредоточиваться въ рукахъ первосвященниковъ, и жрецы заняли такое положеніе въ народѣ, какого доселѣ не имѣли. Все время отъ Нееміи до воцаренія Иродова семейства, можно назвать періодомъ іерархическимъ. Неемія далъ правильное устройство сословію левитовъ, по возможности соображаясь въ этомъ дѣлѣ съ распоряженіями Давида. Поставилъ изъ нихъ начальниковъ для смотрѣнія за наружными зданіями храма. Одному изъ потомковъ Асафа вмѣстѣ съ представителемъ потомства Идиоумова, ввѣрилъ главное

наблюденіе за ходомъ молитвословія и псалмопѣній въ храмѣ. Нетинеймъ устроены были жилища въ стѣнахъ, кругомъ храма. Они также получили начальниковъ. Учреждена для безопасности города постоянная стража и опредѣлены ея дѣйствія. Вообще обновленный Іерусалимъ отъ дѣятельнаго попеченія Нееміи получилъ внутреннее благоустройство.

Между тѣмъ возстановленіе столицы дало народу случай ближе узнать виновника этого благодѣянія. Въ непродолжительное время Неемія обнаружилъ въ себѣ такія качества, которыя возбуждали къ нему въ народѣ искреннюю привязанность; всѣ оцѣнили любовь его къ соотечественникамъ, которая была душою всѣхъ его дѣйствій, рѣдкое безкорыстіе, правоту и неустрашимость духа. Въ нравственномъ и религіозномъ преобразованіи, какъ уже видѣли мы, Неемія нашелъ себѣ ревностнаго сотрудника въ Ездры.

12 лѣтъ Неемія мирно и благотворно управлялъ Іудеею, водворяя въ ней господство закона. Неизвѣстно, какія обстоятельства заставили его на время оставить Іерусалимъ и отправиться въ Персію. Неудивительно, что это удаленіе было приготовлено происками враговъ его, которые успѣли привести Неемію въ подозрѣніе у царя. Но годъ пребыванія во дворѣ совершенно разувѣрилъ Артаксеркса. Неемія былъ отпущенъ также милостиво, какъ и прежде. Между тѣмъ Санаваллатъ съ Товіею, пользуясь его отсутствіемъ, произвели въ Іерусалимѣ нѣкоторыя беспорядки, огорчившіе Неемію. Вѣроятно въ это время Ездры уже не было въ живыхъ, иначе онъ не допустилъ бы этихъ беспорядковъ, потому что одинъ изъ нихъ прямо нарушалъ возстановленный имъ самимъ, потомъ подтвержденный Нееміею законъ о бракахъ. Одинъ священникъ взялъ за себя дочь Санаваллата; самъ первосвященникъ Еліасуфъ подалъ примѣръ беспорядка: вопреки усиліямъ Ездры и Нееміи—удалить народъ отъ всякаго общенія съ иноплемениками, онъ вошелъ въ родство съ То-

віею, извѣстнымъ намъ аммонитяниномъ, и ввелъ его въ Іерусалимъ, даже къ общему соблазну даль ему жилище во дворѣ храма. Это было причиною большихъ беспорядковъ. Иноплеменники овладѣли горницами при храмѣ, гдѣ хранились десятины священниковъ; начались притѣсненія въ раздаваніи десятинь. Многіе совсѣмъ перестали и платить ихъ; левиты, пѣвцы и стражи храма оставили свои обязанности. Вдали отъ Іерусалима на границахъ Іудеи стали открываться опять беспорядки въ супружествахъ. Родственные связи съ язычниками повели къ новымъ нарушеніямъ закона. Безъ Нееміи Іерусалимъ превратился въ торжище, на которое собирались всѣ окрестные иноплеменники; законъ субботы былъ нарушаемъ каждую субботу. Іудеи подобно язычникамъ дозволяли себѣ въ этотъ священный день всѣ занятія, какъ и въ обыкновенные дни. Однимъ словомъ, возвратившись въ Іерусалимъ, Неемія нашелъ тамъ много новаго. Къ счастью его отсутствіе было не такъ долговременно, чтобы эти беспорядки могли утвердиться. Одно его возвращенія и обличенія было достаточно для вразумленія народа. Браки были расторгжены и святяпя субботы восстановлена. Противъ Товіи аммонитянина употреблены были свои мѣры: онъ былъ силою выгнанъ изъ храма. Чтобы иноплеменники не могли ходить на іерусалимское торжище по субботамъ и соблазнять Іудеевъ, Неемія велѣлъ на этотъ день запереть городскія ворота. Особенно требовало присмотра сословіе священниковъ, такъ какъ они были виновниками почти всѣхъ беспорядковъ, и конечно еще не совсѣмъ вышли изъ состоянія того грубаго невѣжества, въ какомъ нашелъ ихъ Ездра. Тяжелый трудъ вразумлять и обличать учителей закона, раздѣлялъ съ Нееміею пророкъ Малахія. Онъ оканчиваетъ собою рядъ пророковъ, какъ Ездра и Неемія рядъ боговдохновенныхъ писателей.

Архіерей-патріотъ (1812 года).

Въ первой четверти настоящаго столѣтія довольно долго (съ половины 1806 и почти по конецъ 1822 года) управлялъ тобольскою епархією архієпископъ Амвросій I по фамиліи Келембетъ. Родомъ онъ былъ изъ Малороссіи, образованіе получилъ въ Кіевской академіи старыхъ временъ, говорилъ по-русски съ весьма замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ, отъ чего, между прочимъ, и проповѣдей почти никогда не произносилъ, въ обращеніи и вообще по внѣшности былъ человѣкъ очень простой; но онъ былъ хорошею богословъ и латинистъ, дѣльный правитель епархіи, ревнитель духовнаго просвѣщенія и умноженія числа учившихся въ семинаріи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и числа образованныхъ въ тобольской епархіи священниковъ, отличался строгою монашескою жизнію и благочестіемъ, былъ добрѣйшаго сердца. Замѣчательною еще чертою въ характерѣ преосв. Амвросія Келембета былъ патріотизмъ, который, существуя въ немъ и всегда, особенно выказался въ 1812 году, во время отечественной войны. — Вотъ нѣсколько случаевъ проявленія въ названномъ преосвященномъ горячей любви къ отечеству, о которыхъ рассказывали прежде старыя Тобояне, да еще и доселѣ, кромѣ другихъ, рассказываетъ служившій при немъ соборнымъ священникомъ и ключаремъ, а послѣ него весьма долго (44 года) служившій кафедральнымъ протоіереемъ слишкомъ девяностолѣтній Петръ Андреевичъ Фелицынъ...

Въ 1812 году, въ Троицынъ день, въ 12 и 1-мъ часу было видимо въ Тобольскѣ необыкновенное явленіе на

небѣ,—былъ видѣнъ чрезвычайно большой кругъ радужнаго цвѣта, а въ кругу былъ видѣнъ огромной же величины крестъ и около него и далѣе отъ него было еще нѣсколько крестовъ, но уже гораздо меньшаго размѣра, притомъ всѣ различнаго цвѣта—розоваго, краснаго голубаго, фіолетоваго и пр. и пр. *). Описанное явленіе на небѣ окончилось вмѣстѣ съ литургіей. По принятому обычаю губернаторъ (дѣйствит. ст. сов. Францъ Абрамовичъ фонъ-Бринъ), главнѣйшіе губернаторскіе чиновники и нѣкоторые изъ купечества изъ собора послѣ обѣдни зашли **) къ преосвященному и толковали о видѣнныхъ на небѣ крестахъ и, разумѣется, толковали всякій по своему. Преосвященный молчалъ; но, когда всѣ говорившіе замолкли, онъ всталъ посреди зала, началъ молиться Богу, громко благодарилъ Господа за бывшее явленіе и наконецъ сказалъ: „Константинъ великій предъ сраженіемъ съ Максентіемъ видѣлъ на небесахъ знаменіе креста, подобное видѣнному у насъ нынѣ, и побѣдилъ своего врага и врага христіанства; такъ точно и нашъ государь Александръ Павловичъ побѣдитъ всѣхъ своихъ враговъ; радуйтесь!“ Затѣмъ онъ сталъ угощать гостей чаемъ, и закуской. Въ свое время такой образецъ вѣры и утѣшенія архипастыря, замѣчаетъ очевидецъ сего прот. П. А. Фелицынъ, былъ блистательнѣйшій. Изреченіе архипастыря, онъ же продолжаетъ, вскорѣ оправдалось и многіе изрекшаго его называли потомъ пророкомъ, а иные именовали его даже святымъ ***).

Описанное случилось, когда еще не было объявлено войны съ Французами, а когда только носились по Россіи слухи о предстоявшей войнѣ и о томъ, что Наполе-

*) Изображеніе круга и крестовъ тотчасъ же снято было на бумагу и отправлено въ Св. Синодъ.

**) Въ Тобольскѣ оба собора—холодный и теплый подлѣ самаго архіерейскаго дома.

***) Изъ воспоминаній Фелицына о преосвященномъ Амвросіѣ Келембетѣ.

онъ уже приближается къ нашимъ границамъ съ огромнымъ войскомъ. Но вотъ война уже началась, Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи, войска наши предъ его войсками отступали, уже и манифестомъ было объявлено, что двадесять чуждыхъ намъ языковъ вторглись въ отечество, что имущество, жилища и самые жители подвергшихся ихъ вторженію областей гибнуть, что даже храмы святые опустошаются и сожигаются. Въ Tobольскѣ, какъ и въ цѣлой Россіи, по полученіи манифеста, служили молебень. Когда протодьяконъ предъ молитвой возгласилъ: паки и паки преклоньше колѣна, Господу помолимся,—преосвящ. Амвросій сталъ на своемъ облачальномъ амвонѣ на колѣна и, читая изданную тогда отъ св. Синода молитву, обливался горькими слезами.... Если теперь, по прошествіи слишкомъ 60 лѣтъ послѣ 1812 года, при чтеніи описанія событій сего года, у читающихъ и слушающихъ, и въ особенности у людей пожилыхъ, близкихъ по времени къ тѣмъ событіямъ, появляются на глазахъ слезы, то что сказать о современникахъ тѣхъ событій, о современникахъ, изъ которыхъ иные, живя и вдаль отъ театра военныхъ дѣйствій, терпѣли большіе убытки, подвергались важнымъ неприяностямъ, даже раззоренію *)?!... При слезахъ преосвященнаго въ соборѣ поднялся общій плачь, и не плачь, а рыданіе: „рыдали“ Тобояне, по выраженію очевидца, „рыданіемъ великимъ и вслухъ всѣхъ зывали: Господи, спаси царя, спаси отечество, спаси всѣхъ насъ“ *)!

Въ томъ же 1812 году, когда Французы вступили уже

*) Покойный купецъ тобольскій Ал. Мирон. Гнѣвашевъ, привезши въ 1812 году изъ Кяхты на Макарьевскую ярмарку на 200 тыс. рублей (асс.) чаю и, не видя у Макарія почти никакого сбыта своему товару, подобно многимъ другимъ товарищамъ по торговлѣ, отправилъ свой товаръ въ Москву; но тамъ, во время нашествія непріятели, подобно многимъ же своимъ товарищамъ, лишился не части только, а и всего своего достоянія, отъ чего до смерти жилъ кой-какъ, въ бѣдности.

*) Изъ воспоминаній Фелицына.

въ Москву и тамъ хозяйничали по своему, преосвященный Амвросій, при одномъ своемъ служеніи въ соборѣ замѣтилъ, что какой-то приказный (по нынѣшнему названію—мелкій чиновникъ) стоитъ какъ-то бокомъ къ алтарю и молится чрезвычайно небрежно (а преосв. Келембетъ и вообще терпѣть не могъ, когда стояли во храмѣ не прямо лицомъ къ алтарю, или когда при богослуженіи смѣялись, разговаривали и пр. и отъ него крѣпко доставалось инымъ изъ сослужащаго съ нимъ духовенства не только за смѣхъ и разговоры, а и за малѣйшія ихъ уклоненія отъ правильности въ совершеніи богослуженія, также за оглядки по сторонамъ и подобное). Вскипѣло сердце у благочестиваго и отчизнолюбиваго архипастыря и онъ громко сказалъ провинившемуся: „Отечество погибаетъ, а рука твоя мотается по однимъ только пуговицамъ; ты согрѣшилъ противъ Бога и виновать предъ отечествомъ; молись же въ землю“. Приказный (Басаргинъ) не посмѣлъ послушаться, началъ класть земные поклоны и ушелъ изъ собора только тогда, когда увидѣлъ, что архіерей болѣе уже не обращаетъ на него вниманія и что, если оставаться въ соборѣ долѣе, то поклонамъ его, пожалуй, не будетъ и конца *).

Въ 1812 году и около того времени между тобольскими чиновниками было нѣсколько хотя и русскихъ подданныхъ, но Французовъ по происхожденію. Когда Наполеонъ вошелъ въ Москву и солдаты его жили и грабили ее, эти гг. чиновники, имѣя во главѣ нѣкоего Коллета, собирались по ночамъ въ Коммисариатскую Коммиссію, (которая стояла на самомъ концѣ города, при томъ въ мѣстѣ болотистомъ, куда, кромѣ служащихъ въ Коммисариатѣ, рѣдко кто ходилъ и ѣздилъ), и тамъ во славу французскаго оружія и за благоденствіе Франціи пили шампанское. Преосв. Амвросій слышалъ это, скорбѣлъ, но молчалъ... Коллетъ въ дерзости своей пошелъ далѣе: быв-

*) Оттуда же.

ши въ одинъ воскресный день послѣ обѣдни въ числѣ другихъ чиновниковъ и гражданъ въ архіерейскомъ домѣ въ гостяхъ, онъ поднесъ архіепископу съ насмѣшливою улыбкой свою табакерку и сказалъ: „не угодно ли вашему высокопреосвященству Московскаго табачку? онъ теперь очень рѣдокъ“. Преосвященный понялъ колкость словъ Француза, но сдѣлалъ видъ, будто не понимаетъ. Но вотъ Французовъ давно уже нѣтъ въ Россіи, напротивъ Русскіе во Франціи, да они уже и въ Парижѣ. Преосвящ. Амвросій, возвратясь изъ собора отъ молебна въ свои кельи, поднесъ и на этотъ разъ бывшему у него въ гостяхъ вмѣстѣ съ другими чиновниками Коллету свою табакерку и сказалъ: „Помните ли, Леонардъ Петровичъ, какъ вы угощали меня Московскимъ табакомъ? Не угодно ли вамъ теперь Парижскаго? Онъ въ настоящую пору очень вздешевѣлъ“ *).

Въ продолженіе войны съ Французами священникъ и ключарь соборной Фелицынъ много разъ говорилъ въ каѳедральномъ соборѣ проповѣди, темами которыхъ по большей части служили современныя событія. Проповѣди были хорошія, ихъ охотно слушали всѣ посѣщавшіе архіерейское служеніе, ими всегда интересовался и самъ владыка. Но особенно хороша была проповѣдь, произнесенная Фелицынымъ по случаю торжества о заключеніи

*) Такъ разсказано это бывшимъ (въ 20-тихъ годахъ) тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Вантышъ-Каменскимъ въ статьѣ его: *Шемакинъ судъ* (см. Р. Старину 1873 г., июнь, стр. 743). Сибиряки разсказываютъ тоже, но нѣсколько иначе и именно: Коллетъ, въ бытность Французовъ въ Москвѣ, поднесъ пр. Амвросію, какъ особенно отличавшемуся патриотизмомъ, французскаго табаку и съ усмѣшкой сказалъ: „не угодно ли вашему выс—ву французскаго табачку?“ ударяя особенно на словѣ: французскаго. Преосвященный, будто не понимая насмѣшки, спросилъ только: а развѣ это французскій? „Да, тотъ внушительно отвѣчалъ, французскій“. Когда же Французовъ погнали изъ Россіи, поразили ихъ при Малоярославцѣ, подъ Краснымъ, при переправѣ чрезъ Березину и пр. и пр., тогда Амвросій Келембетъ, взявши у кого-то изъ своихъ знакомыхъ или подчиненныхъ табакерку (своей онъ не имѣлъ, потому что почти никогда не нюхалъ табаку), насыпавши ее самымъ крѣпкимъ русскимъ табакомъ и въ свою очередь раскрывши ее предъ посѣтителемъ своимъ Коллетомъ, сказалъ: „Леонардъ Петровичъ, не угодно ли вамъ табачку?“ и когда тотъ взялъ, онъ громко и очень серьезно присовокупила: „это Русскій“.

Россіей мира съ Францією... Для проповѣдника это было дѣло естественное, потому что онъ и по происхожденію и по воспитанію былъ Москвичъ; у него, при всѣхъ извѣстіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ до бѣгства Французовъ изъ Москвы, о разореніи столицы и ея окрестностей, о поруганіи святынь и пр. и пр., у него, какъ говорится, сердце обливалось кровію; отъ того все, чтò онъ тогда ни говорилъ съ каѳедры, все то было имъ напередъ прочувствовано, все то выливалось изъ горячаго сердца его и произносилось имъ съ одушевленіемъ, Несмотря, однакожь на то, преосв. Амвросій желалъ наградить Фелицына за проповѣдничество въ такое важное время и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ и именно желалъ наградить его посвященіемъ въ протоіерея; только первоначально онъ удерживался отъ исполненія своего желанія частію молодостію ключаря, а болѣе тѣмъ, что до него, до этого случая при Тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ никогда не бывало двухъ лицъ, облеченныхъ въ санъ протоіерея, завсегда напротивъ титулъ протоіерея носилъ одинъ только каѳедральный (протоіерей). Наконецъ въ 1817 году владыка далъ опредѣленіе консисторіи, что священника ключаря Фелицына онъ „находитъ достойнымъ протоіерейскаго сана за его исправность по званію ключаря и по соборной ризницѣ, за полезное прохожденіе имъ должности благочиннаго низовскихъ (среди Вогуль и Остяковъ) церквей и за то еще, что онъ говорилъ хорошія проповѣди въ 12-мъ году и произнесъ отличную проповѣдь по случаю заключенія мира съ Французами“. Такимъ образомъ Фелицынъ получилъ санъ протоіерея еще молодой (33 или 34 лѣтъ) и не въ примѣръ другимъ ключарямъ соборнымъ и получилъ наиболѣе изъ-за особенной любви преосв. Амвросія I къ отечеству *).

Прот. Александръ Сулоцкій.

6 апрѣля 1874 г.
Омскъ.

*) Изъ автобіографіи прот. Фелицына.

**Бесѣда на освященіе церкви въ хуторѣ Верхне-ки-
биревскомъ Кобылянской станицы въ землѣ Донска-
го войска *).**

На семь камни созижду Церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей (Мат. зач. 67). Обѣщаясь создать Церковь Свою, почему Господь не сказалъ: созижду домъ Мой, какъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ: домъ Мой „домъ молитвы,“ но: созижду Церковь Мою? Симъ научаетъ Господь, что Онъ не отъ каменій или дровъ обѣщается создать Себѣ чувственное жилище, но отъ вѣрующихъ въ Него человѣковъ, якоже глаголетъ апостолъ: о Немже (сирѣчь о Христѣ) всяко созданіе составляемо растеть въ церковь святую о Господь: о Немже и вы созидаются въ жилище Божіе Духомъ (къ Ефесеомъ зач. 222), и паки: храмъ Божій святъ есть, еже есте вы.

На семь камни созижду церковь Мою. Кій сей камень, на Немже обѣщается Господь создать церковь Свою? Петръ ли, къ немуже Господь сн слова глаголетъ? Никакоже, ибо не рече Господь Петру: ты еси Петръ (то-есть камень), и на тебѣ созижду церковь Мою, какъ сказалъ о ключахъ царства небеснаго: дамъ ти ключи царства небеснаго, но: на семь камни. Петръ Христа исповѣда быти Сына Божія; Господь рече ему: на семь камни, сирѣчь на Мнѣ, тобою исповѣданномъ быти Сына Божія, созижду церковь Мою. Что на самомъ Христѣ создана Церковь, то утверждаетъ Самъ Богъ Отецъ, чрезъ пророка Исаію глаголя сице: се Азъ полагаю въ основаніе Сиону камень многоцѣннень, избранъ, краеуголенъ, честенъ въ осно-

*, Произнесена 9 февраля 1874 г.

ваніе ему, и всякъ вѣрующій въ Онъ не постыдится (Ис. 22, 16). Итакъ отъ словъ Христовыхъ и отъ словъ Самаго Бога Отца, сказанныхъ чрезъ пророка, доказывается неоспоримо, что Церковь имѣетъ непозыблемо основаніе самаго краеугольнаго камене Христа, могущаго соблюсти ю неодолимну отъ вратъ адовыхъ.

Богъ Отець чрезъ пророка глаголетъ, что Онъ въ основаніе Сіона камень полагаетъ: *се Азъ полагаю въ основаніе Сіона камень*. Богъ Слово обѣщается создать церковь: *созижду, рече, церковь Мою*. Святымъ же Духомъ создается церковь, якоже апостоль глаголетъ: *о Немже* (сирѣчь о Христѣ) *и вы созидастесь въ жилище Божіе Духомъ* (къ Ефесеомъ зач. 221). Здѣ явственно глаголетъ апостоль, яко Духомъ созидаемъ въ жилище Божіе. И такъ отъ словъ св. Писанія явственно доказывается, что въ созданіи Церкви, въ устроеніи вѣчнаго благосостоянія и неодолимности Церкви участвуютъ всѣ лица Св. Троицы, что Церковь есть Божіе зданіе.

Созижду церковь Мою. Словомъ: *Мою*, Господь не только создателя и владыку церкви Себя показываетъ, но и присволяетъ церковь Себѣ, якоже быти ей стѣлесницѣ Христу, якоже апостоль глаголетъ: *никтоже когда свою плоть возмнзавидъ, но питаетъ и укрѣпляетъ ю, якоже и Господь Церковь* (къ Ефес. зач. 231).

И врата адова не одолѣютъ ей. Сими словами Господь обѣщается великое о Церкви показать промышеніе. О ней, рече, буду промышлять и Моею силою сохранять, да будетъ непобѣдима, яко врата адова не одолѣютъ ей. Если, рече, предварятъ ю сѣти смертныя, если обыдутъ ю болѣзни адовы: не одолѣютъ ей, яко хранимой Мною. И Моимъ божественнымъ промысломъ о ней познается Мое божество, и прославится Моего Отца божественное имя во вѣки. О семъ и апостоль свидѣтельствуется, глаголя: *Тому слава въ церкви о Христѣ Исусѣ во вся роды вѣка вѣкомъ, аминь* (къ Ефес. зач. 223).

Къ обѣщанію соблюсти Церковь неодолимну во вѣки,

Господь присовокупляетъ обѣщаніе сподобить ю и великихъ дарованій, яко быти ей обладательницею небесныхъ благъ. *И дамъ ти, рече, ключи царства небеснаго и еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесахъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ.* Господь, обѣщая дать ключи царства небеснаго, то-есть власть вязать и разрѣшать грѣхи, почему не сказалъ: дамъ ей, то-есть Церкви, но *дамъ ти*, обращая слово къ лицу Петра? Симъ показываетъ, яко строеніе таинствъ церковныхъ, въ числѣ ихъ и таинства во еже вязати и рѣшати грѣхи, не всѣмъ чадамъ Церкви Господь даетъ дѣйствовать, по точію на то поставленнымъ отъ св. Духа, якоже и апостоль глаголетъ: *овыхъ убо положи Богъ въ церкви, первое апостолы* и прочая, присовокупляя: *Еда вси апостолы, еда вси пророцы* и прочая (къ Коринѣ. зач. 183). Единому ли Петру обѣщаетъ Господь дать ключи царства небеснаго, прочимъ же апостоламъ не даетъ обѣщанія сподобить того дарованія? Никакоже; ибо Христосъ не одинаго Петра вопрошаше о Себѣ, но и прочихъ апостоловъ: *вы же, рече, кого Мя глаголете быти?* И Петръ отъ лица всѣхъ апостоловъ исповѣда Христа быти Сына Божія. Посему и обѣщанія Христовы въ лицѣ Петра, за всѣхъ апостоловъ изрекшаго исповѣданіе вѣры къ Сына Божія, даны всѣмъ апостоламъ. Такъ и по воскресеніи обще всѣмъ апостоламъ Господь подаде власть вязати и разрѣшати грѣхи: *дунувъ, глагола имъ: примите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ и имже держите, держатся* (Іоан. зач. 65). О, коль велико сіе дарованіе, да воюемая вратами адовыми Церковь, въ лицѣ своихъ предстоятелей обладаетъ небесами! О, колкое утѣшеніе намъ въ скорбѣхъ, яко воюемая вратами адовыми Церковь не имать быти одолѣнна ими!

Сицева суть, братіе, обѣтованія Христовы о св. Церкви, и мы вѣрующіи во Христа православные христіане несомнѣнно вѣруемъ въ неложныя Христа Спасителя обѣ-

тованія. Вѣруемъ, яко по неложнымъ Его словесемъ св. Церковь, то-есть собраніе православно вѣрующихъ во Христа, якоже изначала Христомъ пріяла въ лицѣ своихъ пастырей дарованные ей дары Духа Святаго настроеніе тайнъ Божіихъ, пріяла ключи царства небснаго, сирѣчь власть вязати и разрѣшати грѣхи, тако и пребываетъ съ сими дарами и властію неодољна и неодољною пребудеть даже и тогда, когда настанеть, чрезъ послѣдняго антихриста, послѣдняя вратъ адовыхъ на Церковь брань.

Но якоже, по апостолу, служители сатаны иногда преобразуются въ служителей правды (къ Коринѣ. 2. зач. 192), тако и имя Церкви, Христомъ созданныя, вѣчно не одољныя вратами адовыми, мнози присвояютъ своимъ самочиннымъ собраніямъ. Одни изъ таковыхъ, свои собранія именующихъ церковію, отнюдь не имуть ни церковныхъ предстоятелей, то-есть священства, которому въ Церкви Христовой вручены ключи царства небснаго, ни раздѣленія даровъ Св. Духа, и такимъ образомъ лишены возможности получать разрѣшеніе грѣховъ, и не токмо сего, но лишены и таинства тѣла и крови Господней; и однакоже сіи общества, видимо одољныя вратами адовыми, лишеныя таинствъ Божіихъ, осмѣливаются называть себя церковію, Христомъ созданною и вратами адовыми неодољною, на святую же Церковь Божію, имущую все ей преданныя отъ Христа таинства, пребывающую подъ правленіемъ отъ Христа уставленныхъ чиновъ, отверзають уста своя въ хуленіе.

Другія изъ лицъ, именующихъ свои незаконныя общества церковію, ничѣмъ отъ первыхъ не разликують, ибо также чрезъ лишніе епископства погубили преподавательную силу Духа Св., т.-е. таинство хиротоніи и освященіе мѣра, подчинивъ себя не посланнымъ отъ Церкви священникомъ, но отбѣгшимъ отъ нея, отлучившимся ея благодатнаго единенія, хотя о сихъ, яко неимущихъ власти на благословеніе и священнодѣйствіе, свидѣлствуютъ самими непокорными Церкви пріемлемыя книги сице: «(они) іересовъ благочин-

нѣхъ посланныхъ не имѣютъ, аще бы и имѣли, то отъ насъ отбѣгшихъ. Единаче тайны безъ единости церкви христіанскія ипчесоже суть, ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія церковнаго Богъ пророкомъ рече: посю на вы клятву и проклену благословеніе ваше и оклену е, и разорю благословеніе ваше, и не будетъ въ васъ, сирѣчь положу клятву *) на благословеніе ваше, имже тайпа совершаема бываетъ, ибо церковь Божія есть, якоже глаголетъ писаніе, вертоградъ заключенъ, и источникъ запечатлѣнъ (Пѣснь Пѣсней 4, 12), и того ради не возможно нигдѣже тайнѣ совершатися, только въ единости церкви Божія, еяже между сонмищи еретическими нѣсть. Тогда и тайны ни единныя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго. Отъ нихъ, еже тако есть достойно, яко крещаемого отъ нихъ, егда приходитъ къ соединенію церкви, паки крестити не требѣ, аще ли не пріидеть къ церкви, ничесоже ему нѣсть полезно“ (апостоль толковой на зач. 149). Подобнѣ сему и въ бесѣдахъ апостольскихъ на посланіе къ Ефесеомъ (въ нравоученіи 11, на лист. 1693) Св. Златоустъ пишетъ сице: „Кая польза естъ ипыхъ, сему (рукоположенію) не сушу опасну? Якоже бо за вѣру, тако и за сіе (сирѣчь за рукоположеніе) ратоватися подобаетъ“. Видите что глаголють старыя книги: како онѣ въ лице обличаютъ неимущихъ преемственныя отъ апостоль священныя хиротоніи, но точію чрезъ отбѣгшихъ отъ церкви іереевъ пріемлющихъ таинства,—еретиками ихъ именуютъ и таинства совершаемая ими отмецуютъ, даже и св. крещеніе совершенное таковыми не полезно имъ быти глаголють, аще не пріидутъ къ соединенію церковному, и благословеніе сихъ іереевъ

*) Здѣсь должно примѣтить именуемому старообрядцу, что если въ старыхъ книгахъ и двуперстно подаваемое отбѣгшими отъ Церкви священниками благословеніе предается проклятію, явно естъ, что оно предается проклятію не за сложеніе перстовъ, но за раздѣленіе отъ Церкви. Посему глаголемые старообрядцы не должны укорять и соборъ 1667 года, что оны отдѣлившись отъ Церкви за двуперстное сложеніе предаетъ проклятію, ибо сложеніе прокланается не по себѣ, но за отдѣленіе отъ Церкви.

проклинаятъ, т.-е. не самое крестное образованіе и не сложеніе перстовъ, имже благословеніе въ тайнодѣйствіи бываетъ, проклинаятъ, но предають клятвѣ благословеніе за то, что не благочиннѣ посланными, а отбѣгшими отъ Церкви священниками совершается.

Третьи изъ непокорныхъ св. Церкви пріемлютъ такъ именуемую австрійскую іерархію, на томъ же безіерархическомъ бѣгствующихъ священниковъ временномъ слѣпленіи, аки бы на твердомъ основаніи, назданную. Она получила начало съ 1846 года, въ селеніи Бѣлой-криницѣ, находящемся въ австрійскихъ владѣніяхъ, умысленіемъ и трудами бѣлокриницкаго цюка Павла, чрезъ пріятіе іеромонахомъ Іеронимомъ бѣжавшаго греческаго митрополита Амбросія. А сей Іеронимъ получилъ исправу отъ лужковскаго священства *), которое и сами старообрядцы отметають, какъ неимущее уже и бѣгствующихъ поповъ съ потомственною исправою. Таковою іерархіею окормляемое собраніе можетъ ли быть и именоваться истинною Церковію, Христомъ созданною, сіонскою, вѣчною, неодољною вратами адовыми, соборною и апостольскою? Свойственно ей есть и справедливо по ея сущности называтися сими имены: отъ времени ея учрежденія въ 1846 году—новою и временною, а не вѣчною и вратами адовыми неодољною; отъ мѣста начальнаго ея происхожденія—австрійскою и бѣлокриницкою, а не сіонскою; отъ начальныхъ основателей ея Павла и Іеронима—Павловскою и Іеронимовскою, а не Христовою, не соборною и апостольскою.

Таковы суть именуемыми старообрядцами проповѣдуемая и вѣруемая церкви, и о таковыхъ-то церквахъ глаголетъ пророкъ: „возненавидѣхъ церкви лукавнующихъ“.

Теперь я къ вамъ обращаю мое слово, новоприсоединившіеся къ св. Церкви. Бѣхомъ и мы несмысленни вѣ-

*) Зри исторію Николая Субботина о происхожденіи австрійской іерархіи глава 6.

когда, держащяся тѣхъже выше сказанныхъ несправедливыхъ убѣжденій, удаляющяся отъ общенія святой, соборной и апостольской Церкви; но Богъ помиловалъ насъ, просвѣтилъ свѣтомъ истины, во еже познати вѣчность общаній Евангельскихъ о святой Церкви (отъ Мат. зач. 67), и вѣровати, яко по силѣ обѣтованій сихъ вѣчно Христомъ созданная Церковь съ богоучрежденною въ трехъ чинахъ іерархіею, и съ седмью церковными таинствами неодољна вѣчно существуетъ, и сподобилъ насъ къ сей Христомъ созданной соборной и апостольской, вратами адовыми неодољной Церкви присоединиться, быти ея чадами, насытиться ея благодатныхъ таинствъ. Благодаримъ Господа и благодареніе воздадимъ не только словами, но и дѣлами, потщимся соблюдать святяя Его заповѣди, дѣлать достойная и подобающа сынамъ святой, соборной и апостольской Церкви. Благодаримъ Господа, яко не точію ввелъ насъ въ соединеніе святой Своей соборной и апостольской Церкви, но даровалъ намъ видѣть созданіе и освященіе святаго храма сего, нареченнаго во имя Пречистыя Его Матери, въ память и прославленіе честнаго и славнаго Ея успенія. Храмъ сей, святыи ислѣнно поспѣшайте, всегда воздающе въ немъ молитвы своя Господеви, по глаголу апостола: *не оставляюще обычннхъ собраній своихъ* (къ Евр. зач. 324). Благодаримъ, братіе, и васъ всѣхъ содѣйствовавшихъ и сочувствовавшихъ созданію св. храма сего. Вѣдаете вы, яко радость бываесть на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, а тѣмъ паче о такомъ торжествѣ, какое мы нынѣ совершаемъ. О всемъ да будетъ слава Богу и благодареніе. Аминь.

Настоятель Никольскаго единовьрческаго монастыря, игумень Шавель.

Объясненіе догматика седьмаго гласа.

„Мати убо позналася еси, наче естества Богородице: пребыла же еси дѣва наче слова и разума; и чудесе рождества Твоего сказати языкъ не можетъ. Преславну бо сущу зачатію, Чистая, непостиженъ есть образъ рожденія: идѣже бо хоцетъ Богъ, побѣждается естества чинъ. Тѣмже Тя вси Матерь Божію вѣдуще, молимтиса прилежно, моли спастиса душамъ нашимъ.“

Въ догматикѣ 7 гласа, св. Іоаннъ Дамаскинъ прославляетъ неизреченныя и непостижимыя явленія, совершившіяся въ лицѣ Богоматери: Ея материнство въ дѣвствѣ и дѣвство въ материнствѣ,—и объясняетъ ихъ волею всемогущаго Бога, Который можетъ все сдѣлать, хотя бы это было сверхъ естества и превыше нашего разума. Въ заключеніе, онъ обращается съ мольбою къ Богоматери о душевномъ спасеніи.

Мати убо позналася еси наче естества, Богородице. Въ произведеніи на свѣтъ младенца участвуетъ мужъ и жена. Ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа не могутъ продолжить своего рода—оставить по себѣ потомковъ. Посему и Пресвятая Марія, давшая обѣтъ дѣвства на всю жизнь, изумлена была словами Архангела: *зачнешь во чрево и родиши сына и наречешь Ему имя Исусъ* (Лук. 1, 31). Она вполнѣ вѣрила словамъ служителя Божія, но недоумѣвала, какъ можетъ это исполниться. Ужели нужно Ей нарушить свой обѣтъ, чтобы зачать и родить? *Какъ будетъ это, когда я мужа не знаю?* (ст. 34) спросила Она благовѣстника. Гавріиль открылъ Ей, что *Сынъ Вышняго силою Вышнею* будетъ Ея сыномъ, не

имѣя отца на землѣ. *Глаголъ Божій*, изреченный небеснымъ посланникомъ, не остался *тощъ*. Пресвятая *Дѣва* Марія, не нарушая своего обѣта, не зная мужа, содѣлалась *матерію*, — зачала и родила. Итакъ, скажемъ словами догматика, — итакъ Ты, Богородице, явилась или *позналась* матерію *паче естества*, — сверхъ-естественно, необычайно, безпримѣрно. Никакая дѣва, ни прежде, ни послѣ Маріи, не была и не будетъ матерію не зная мужа. Одна Она *побѣдила уставы естества!* „Радуйся Дѣва, родившая сына — одна между дѣвами дѣтородная, Дѣва и вмѣстѣ Матерь, чудо изумительнѣйшее изъ всѣхъ чудесъ“ (Св. Іоаннъ Дамаск. см. избранн. слов. св. отц. въ честь Богоматери. Изд. Аѳон. Пантел. монаст., стр. 38)!

Пробыла же еси дѣва паче слова и разума. Какъ сверхъ-естественно, необычайно, Пресвятая Дѣва Марія содѣлалась матерію, не зная мужа, точно также сверхъ-естественно, необычайно и потому неизреченно, непостижимо, — *паче слова и разума* — и Ея *пробываніе дѣвою* послѣ рожденія Сына. Родившійся отъ Нея Господь „не разверзлъ дѣвственныхъ вратъ“ (Пасх. кан. пѣсн. 5, Богород. 2), „сохранивъ невредимыми знаменія Ея дѣвства“ (св. Андр. Крит. Избр. слов. св. отц., стр. 49). „Искра Божественная“ не опалила Ея дѣвственной утробы, но сохранила се „запечатлѣнною“ (Ирмол. кан. гл. 1, II, 8, Ирм. 4). — Это также не естественно, какъ не естественно кусту, объятому пламенемъ, горѣть и не сгарать (*купина неопалимая*), морю не потоплять, а дать проходъ по своему дну (*Чермное море*), — огню не опалить, а орошать (пещь халдейская). Вслѣдствіе сходства рожденія отъ Дѣвы Спасителя съ этими сверхъ-естественными явленіями и Пресвятая Марія во многихъ церковныхъ пѣсняхъ именуется и сравнивается съ купиною неопалимою, съ моремъ и съ пещію.

И чудесе рождества Твоего сказати языкъ не можетъ, преславу бо сущу зачатію, Чистая, непостиженъ есть образъ рожденія. Понстаніе непостижимы для ума и

невыразимы нашимъ словомъ гайны, совершившіяся въ лицѣ Пресвятой Маріи. „Чудо рождества Твоего, Богородице, говорить пѣсноиѣвецъ, никакой языкъ объяснить не можетъ. Ибо какъ зачатіе Твое, Чистая, было дивно, такъ и образъ рожденія непостижимъ“. Въ Пресвятой Дѣвѣ Маріи совершились необычныя, нарушившія законы природы, событія, и потому сдѣлать понятными для своего ума эти событія, было бы пустой мечтой. Если не вполнѣ понятны для насъ и совершающіяся по обычнымъ законамъ природы событія, если намъ непонятно, какимъ образомъ совершается и естественное зачатіе человѣка, какимъ образомъ изъ тлѣннаго вещества образуется, зарождается безъ нашего вѣдома, новая жизнь *), то какъ же мы можемъ понять сверхъестественное, необычное, чудесное зачатіе Пресвятою Дѣвою Сына и Ея пребываніе Дѣвою по рожденіи Его? „Вѣтія многовѣщанныя“, т.-е. ученыхъ міра сего, какъ бы ни были велики и многообъемлющи ихъ познанія и какъ бы ни были развиты въ нихъ даръ слова, многое повѣдающій и объясняющій людямъ, ихъ слушающимъ,—по итѣхъ мы „якоже рыбы безгласныя видимъ о тебѣ, Богородице“,—и они, подобно рыбамъ, умолкаютъ предъ величіемъ, предъ непостижимостію событій, совершившихся въ лицѣ Богородицы; „недоумѣютъ бо глаголати“,—и они не могутъ, какъ сами понять, такъ и другимъ объяснить, „како дѣва пребыла еси и родити возмогла еси“, то-есть: какъ это возможно было: *пребыть Дѣвою и родити*—явленія одно другому противорѣчащія повидимому (Акаѳ. Пресв. Богор. Икос. 9). Такъ! „Страшно таинство, Чистая, безсѣменнаго твоего рождества, Дѣво и ужасно, превосходяще величествомъ всяку мысль человѣчу“ (служб. 11 дек. 1 стих. Пресв. Богород. на Госп. воззв.)! „Радуйся, Свѣтъ неизреченно родившая“! „Радуй-

*) *Не емъ*, говорила между прочимъ мужественная мать Маккавеевъ, убѣждая сыновъ своихъ на подвигъ мученичества. *не емъ, како во чресть моею явстеса, ниже бо азъ дулъ и животъ дахъ вамъ, и когосждо уды не азъ составихъ* (2 Макк. 7, 22).

ся, еже како, ни одинагоже научившая“ (*никому не открывшая, какъ!*) (Акаѳ. Пресв. Богород. Икос. 2). Молчать въ благоговѣйномъ удивленіи предъ такимъ и подобными сверхъестественными, чудесными фактами, самое лучшее и безопасное дѣло. Размышлять, разсматривать, говорить о нихъ другимъ можно, но не съ тѣмъ, чтобы стараться какъ-нибудь понять ихъ и истолковать по своему уразумѣнію, или, другая крайность, чтобы въ случаѣ непонятности ихъ позволить себѣ усомниться въ ихъ дѣйствительности, а чтобы благоговѣть предъ неисповѣдимыми судьбами Божиими. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы будемъ подражателями высшихъ насъ по уму и по святости существъ, ангеловъ Божіихъ, которые повѣдаютъ другъ другу чудо, не объясняя его, а удивляясь ему. „Радуйся, ангеловъ многословущее чудо“ (Икос. 2)!

Идѣже бо хоцетъ Богъ, побѣждается естества чинъ. Эти слова догматика даютъ успокоительный отвѣтъ тѣмъ, которые вопрошають: почему непостижимо, необъяснимо по законамъ природы, зачатіе и рожденіе отъ Дѣвы Спасителя міра? Это потому, что воля Божія въ своихъ дѣйствіяхъ не стѣсняется законами природы. *Идѣже бо хоцетъ Богъ, побѣждается естества чинъ*, т.-е. „гдѣ хоцетъ Богъ, тамъ нарушается обыкновенный порядокъ природы“. Человѣкъ не всегда можетъ удовлетворить своимъ желаніямъ, какъ существо ограниченное пространствомъ и временемъ, ограниченное въ своей силѣ и власти; но что можетъ противостоять *хотѣнію* существа Вѣчнаго, Вездѣсущаго, Всемогущаго, въ рукахъ Котораго небо и земля, видимый міръ и невидимый? „Кто противостанетъ Ти“, говорится въ одной молитвѣ къ Богу. „Трепетъ примутъ отъ Тебе горы, и величеству мышцы Твоя кто противоречетъ? Аще заключиши небо, кто отверзетъ? И аще заключиши хляби Твоя, кто постоитъ? Легко есть предъ очима Твоима убожити и обогатити, оживити и умертвити, поразити и исцѣлити: еже хотѣти Тебѣ, дѣявіе есть совершенное“ (воля Божія есть какъбы уже са-

мое дѣйствіе) *). Законы природы не могутъ противиться волѣ Творца природы и учредителя сихъ законовъ. Если машина, устроенная человѣческими руками, двигаясь съ извѣстною быстротой по силѣ паровъ и законамъ механики, можетъ остановиться по волѣ машиниста, управляющаго ею: то ужели природа, сотворенная Богомъ, не можетъ иногда измѣнить своего порядка, повинувшись волѣ своего Творца? Такъ! *Идѣже бо хочетъ Богъ, побѣждается естества чинъ*. Воля Божія исполнится, несмотря ни на какія кажущіяся препятствія. О Богъ и только о Немъ одномъ можно сказать: *восхотѣ и бысть*. Восхотѣлъ Богъ Отецъ, чтобы Его Единородный Сынъ родившійся отъ Него прежде вѣкъ *безъ матери*, родился на землѣ во времени *безъ отца*,—и обыкновенный порядокъ рожденія нарушился. Марія *Дѣва неискусомужно*, не зная мужа, зачала силою Вышняго, чрезъ наитіе Св. Духа, и родила, не повредивъ своему дѣвству, Сына Божія. Какъ восхотѣлъ Богъ, такъ и совершилось! „И раждаеши, и дѣвствуеши и пребываеши обоюду (*до рожденія и послѣ рожденія*) естествомъ дѣва. Рожденіе обновляетъ законы естества (*упреждаетъ какъбы новые законы природы вслѣдствіе которыхъ*) утроба раждаетъ не раждающая. Богъ идѣже хочетъ, побѣждается естества чинъ: творитъ бо, елика хочетъ“ (Велик. кан. Андр. Крит. 4 пѣсн. Богород.).

Итакъ сверхъестественныя событія или чудеса *возможны* для Бога, когда Онъ того хочетъ. Но хотѣніе Божіе отнюдь не есть воля своенравная, какую является ипогда воля человѣческая. Воля Божія всегда хочетъ для насъ только того, что для насъ необходимо и полезно.

Въ какомъ же отношеніи необходимо и полезно для насъ совершившеся по волѣ Божіей великое чудо безмужняго зачатія Пресвятою Дѣвою Марією? Для чего Богу благоугодно было воспріять Себѣ человѣческую плоть

*) Требник. молитв. молебн. на всяк. литію.

отъ *дѣстvenной* утробы, а не по обыкновенному способу земнаго рожденія?

1) Для спасенія людей Единородному Сыну Божію надлежало принять въ единство Своего лица плоть человѣческую—плоть во всемъ подобную нашей, со всѣми немощами естества нашего и вмѣстѣ съ тѣмъ—плоть чистую, святую, безрѣшную, плоть такую, какую имѣлъ Адамъ до грѣхопаденія. Но естественный способъ рожденія не могъ дать Богу плоти чистой и святой, потому что со времени грѣхопаденія чрезъ этотъ способъ рожденія сообщается грѣхопаденіе всѣмъ потомкамъ Адамовымъ безъ исключенія (Гов. 14, 4, 5; Ис. 50, 7; Рим. 5, 12) *), и родившійся этимъ способомъ, какъ причастный самъ грѣху первородному, не могъ бы быть спасителемъ другихъ отъ грѣховъ. Что же сдѣлалъ Премудрый и Всемогущій Богъ? Тамъ, гдѣ естественные законы природы не въ силахъ были выполнить всеблагаго намѣренія Его спасти людей, Онъ употребилъ способъ вышеестественный. Единородный Сынъ Божій, по благоволенію Бога Отца и содѣйствіемъ Св. Духа, зачался не такъ, какъ всѣ человѣки въ беззаконіи зачинаются и во грѣсѣхъ раждаются,—отъ растлѣннаго сѣмени мужескаго, но безсѣменно, „отъ чистыхъ и дѣвственныхъ кровей Пресвятой Маріи, „предочищенной Духомъ Святымъ“ отъ всякаго прираженія грѣховнаго „по

*) И Пресвятая Дѣва Марія, хотя и чудесно родившаяся отъ родителей неплодныхъ, но не выше законовъ обыкновеннаго человѣческаго рожденія, не была изъята отъ грѣха первороднаго. Еслибы Она не имѣла первороднаго грѣха, то не имѣла бы нужды и въ Божественномъ Искупителѣ. Между тѣмъ Сама же Она въ Своей величественной цѣсни именуется Бога своимъ *спасителемъ* (Лук. 1, 47). Это мы говоримъ, имѣя въ виду то несомнѣтельное, противорѣчащее ученію св. писанія и отцевъ Церкви, мнѣніе католиковъ о „непорочномъ“ зачатіи Пресвятой Маріи, которое недавно 8 дек. 1854 г., возведено было папою Піемъ IX на степень догмата. „Изъ всѣхъ рожденныхъ женами, говоритъ св. Амвросій, только Одинъ совершенно святъ—Господь Иисусъ Христосъ, Который, по особенному новому образу непорочнаго рожденія, не испыталъ земнаго поврежденія“ (Толков. на Еванг. Луки, гл. 2, § 56).

душѣ и по тѣлу“ (Служб. Мар. 25. Стих. на лит. слав. Св. Григ. Богосл. Христ. Чт. 1840 г., ч. IV, стр. 313). Родившись отъ Пресвятой Маріи Дѣвы безсѣменно, Спаситель міра сдѣлался *новымъ*, вторымъ, безгрѣшнымъ Адамомъ, чтобы духовно раждающимся отъ Него *) сообщить святость Адама перваго до грѣхопаденія. Вслѣдствіе такого чудеснаго дарованія Пресвятою Дѣвою Маріею Богу, отъ своихъ дѣвственныхъ кровей, чистой и святой плоти, Ее можно сравнить съ дѣвственною, неосѣмененною землею, изъ которой былъ созданъ Богомъ также чистый и святой человѣкъ—Адамъ. „Какъ первосозданный Адамъ, говоритъ св. Иринеи, получилъ тѣлесный составъ отъ чистой, еще дѣвственной земли, такъ и Богъ-Слово, возстановляющій Собою Адама, благоволилъ и родиться по подобію возстановляемаго Адама, ибо родился отъ Маріи, которая была Дѣвою и поистипѣ“, замѣчаетъ св. отецъ, „избралъ для Себя такое рожденіе, какое нужно было для возстановленія Адама“ (Adv. haeres. 111, 21 п. 10). „Радуйся земле ненасѣянная!“ (служ. 25 Мар. 1 стих. на Госп. воззв.). „Радуйся святая дѣвственная земля, изъ которой неизреченнымъ дѣйствіемъ Божиимъ образовался новый Адамъ, чтобы спасти древняго“ (св. Андр. Критск. Избран. слов. св. отц. въ чест. Богомат. страница 104)! „Радуйся, ты бо обновила еси“, Родившимся отъ Тебя безсѣменно, „зачатія студно“ (Акао. Пресв. Богород. Икос. 10.)!

2) Чудо безсѣннаго рожденія отъ *дѣвы*, необходимое, какъ мы видѣли, для того, чтобы Богу содѣлаться на землѣ безгрѣшнымъ человѣкомъ, необходимо было еще для того, чтобы въ рожденномъ такимъ образомъ человѣкѣ люди увидѣли не просто человѣка, но вмѣстѣ и Бога.

*) Это духовное, второе рожденіе, совершаемое благодатно, таинственно, чрезъ наитіе Св. Духа, въ водѣ крещенія (Іоан. 3, 5), происходитъ, какъ говоритъ св. евангелистъ, *не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога* (Іоан. 1, 13), содѣлавшагося безгрѣшнымъ человѣкомъ.

Если въ Ветхомъ Завѣтѣ явленія ангеловъ людямъ въ образѣ человѣческомъ сопровождались какими-либо необыкновенными, вышеестественными знаменіями или дѣйствіями, увѣрившими людей, что они видятъ не простаго человѣка и слышатъ совершенную истину (Суд. 6, 21; 13, 20 и др.): то ужели явленіе на землѣ Бога во плоти не должно было ознаменоваться какимъ-либо необыкновеннымъ событіемъ, которое дало бы понять, что явившійся во плоти есть вмѣстѣ и Богъ по существу? Нѣтъ! Необыкновенному, Непостижимому, Владыкѣ природы и законовъ ея прилично, необходимо было и на землѣ, хотя и *въ зрачѣ раба*, явиться необыкновенно, непостижимо, явиться какъ Владыкѣ природы. Таковъ и былъ самый первый моментъ явленія во плоти Единороднаго Сына Божія и Бога,—Его безсѣменное зачатіе во чревѣ Дѣвы. Если рожденіе Іоанна Предтечи отъ престарѣлыхъ родителей, заставляло всѣхъ слышавшихъ о рожденіи размышлять: *что будетъ младенецъ сей* (Лук. 1, 66), —то небывалое, неслыханное рожденіе отъ Дѣвы не должно ли было наводить на мысль о Божественномъ достоинствѣ такъ родившагося, тѣмъ болѣе, что въ Ветхомъ Завѣтѣ это рожденіе отъ дѣвы было указано, какъ ясный признакъ пришествія Мессіи? Кто изъ слышавшихъ о рожденіи Іисуса отъ Дѣвы, не могъ бы сейчасъ понять, что это есть тотъ самый Эммануиль, рожденіе Котораго въ такихъ именно чертахъ предсказывалъ св. прор. Исаія (7, 14)? Кто, узнавъ о неповрежденности дѣвственной чистоты Маріи, родившей младенца, не долженъ былъ подумать, что этотъ младенецъ есть тотъ самый *Господь Богъ Израилевъ*, Котораго видѣлъ св. прор. Іезекіиль проходящимъ чрезъ *врата*, ни для кого никогда неотверзавшіяся и пребывшія *заключенными* во время прохожденія чрезъ нихъ Господа и послѣ прохожденія (44, 2)? „Господь въ началѣ, приходя къ намъ, говоритъ св. Аѳанасій александрійскій, созидаеть Себѣ тѣло отъ Дѣвы, чтобы и въ этомъ показать всѣмъ не малый признакъ Божества Своего, потому что

создавшій тѣло сіе есть Творецъ и прочихъ тѣлъ. И видя, что тѣло происходитъ отъ единой Дѣвы безъ мужа, кто не прійдетъ къ той мысли, что явившійся въ семъ тѣлѣ есть Творецъ и Господь и прочихъ тѣлъ “ (Твор. св. отц. т. XVII, стр. 83). Правда, во время земной жизни Господа, не многіе избранные знали о Его необыкновенномъ рожденіи; бѣльшая часть, почти всѣ Евреи считали Иисуса *сыномъ Іосифа*, который на самомъ дѣлѣ былъ только *обручникомъ*, а не мужемъ Маріи; но эта неизвѣстность рожденія Иисуса была до времени не безъ особенныхъ цѣлей допущена Промысломъ *). За то, по совершеніи Богочеловѣкомъ великаго дѣла спасенія людей, когда ничто уже не стало сокрыто изъ знаменій Его божественной природы, какимъ свѣтомъ должна сіять предъ очами нашими личность Спасителя, съ самаго перваго момента Его земной жизни и до самаго послѣдняго исполненная лучами Его божественной славы! Въ какомъ поразительномъ соотвѣтствіи являются намъ два противоположныхъ рожденій Богочеловѣка, одно какъ вѣчное, другое какъ временное, но оба одинаково божественныя (потому что

*) Неизвѣстность, таинственность рожденія Иисуса, вслѣдствіе обрученія Его Матери Іосифу, была допущена, по мнѣнію св. отцевъ Церкви, во первыхъ для того, чтобы дѣло божественнаго домостроительства было невѣдомо исконному врагу рода человѣческаго—дѣволу (св. Прпч. Pat. log. curs. complet. tom. LXXXIII col. 753; св. Григор. Неокессар. Христ. Чт. 1840 г. ч. I, стр. 251—252); во вторыхъ для того, чтобы Пресвятая Дѣва Марія избѣжала всякаго подозрѣнія и опасности быть побитою камнями, потому что у Іудеевъ по закону Моисея (Второзак 22, 20. 23), были побиваемы камнями дѣвы, несохранившія своего дѣвства до замужства, а также и обольщенные невѣсты вмѣстѣ съ ихъ обольстителями (св. Іоан. Злат. Patrolog. curs. complet. tom. LVII col. 32. 35. 42). Наконецъ, можно предположить еще, образъ рожденія Иисуса былъ сокрытъ до времени для того, чтобы заградить уста враговъ Иисуса, всѣми мѣрами старавшихся очернить чѣмъ-либо Иисуса въ глазахъ народа. Если они издѣвались надъ Его происхожденіемъ отъ *Галилеи* только (Іоан. 7, 52), если происхожденіе Иисуса только изъ *Назарета*, смущало даже и не враговъ Его (1, 46), чего бы не стали говорить враги противъ Иисуса, узнавъ о Его рожденіи отъ *Дѣвы Назаретской*?

и раждааясь во времени, какъ человѣкъ, Иисусъ въ то же время былъ вмѣстѣ и Богъ, чему доказательствомъ, какъ мы видѣли, служитъ самый образъ временнаго рожденія), одинаково безстрастныя, одинаково непостижимыя, одно *отъ Отца безъ матери*, другое *отъ Матери безъ отца*, первое безъ нарушенія равенства между Отцемъ и Сыномъ, послѣднее безъ нарушенія дѣвственной чистоты Матери!

3) Наконецъ, Богу благоугодно было воспріять Себѣ человѣческую плоть отъ *дѣвственной* утробы потому, что только дѣвственная утроба могла вмѣстить Невмѣстимаго. „Бракъ могъ раждать человѣковъ. Одно дѣвство достойно было родить Богочеловѣка“ (Филар. митр. моск. Слова и Рѣчи. Изд. 2, ч. 1, стр. 144). Только одно дѣвство, какъ выраженіе особенной душевной чистоты и святости, могло вселить въ нѣдра свои Того, предъ чистотою и святостію Котораго самое *небо нечисто* (Іов. 15, 15) и самые ангелы имѣютъ нѣчто *стропотное* (нѣчто какъ бы неровное и шероховатое. 4, 18). Правда и бракъ, какъ установленный самимъ Богомъ, чистъ и честенъ, и въ бракѣ живущіе угождали Богу; но состояніе дѣвства выше состоянія въ бракѣ. Съ одной стороны, лишая человѣка удовольствій и утѣшеній, какія доставляетъ брачная жизнь, оно показываетъ въ приѣмлющемъ дѣвство полное стремленіе души къ одному Богу, а съ другой, освобождая отъ излишнихъ, неизбѣжныхъ въ брачной жизни заботъ домашнихъ, семейныхъ, общественныхъ, оно даетъ возможность скорѣе и совершеннѣе восходить на высоту нравственнаго совершенства. И если нынѣ дѣвство имѣетъ особенную заслугу въ сравненіи съ супружествомъ, если нынѣ оно составляетъ подвигъ, который не всѣ могутъ *вмѣстить*, по слову Господа (Мѡ. 19, 11),—*нынѣ*, говоримъ, когда мы научены предпочтенію дѣвства супружеству самимъ Господомъ,—какимъ же подвигомъ было, какую заслугу должно было имѣть въ очахъ Божіихъ *дѣвство Маріи*? Дѣвство Маріи было особенное, безпримѣр-

ное, потому что Марія, какъ выразился нѣкто, „была первою инокинею на землѣ“. „Были отъ начала міра челоуѣки Божіи“, говоритъ Филаретъ митр. московскій, „но первая дѣва Божія есть преблагословенная Марія“ (Тамже, стр.144). И когда Марія дала обѣтъ Богу всегдашняго дѣвства? Когда дѣвство еще не умѣли цѣнить и уважать, когда могли смотрѣть на него съ презрѣніемъ, какъ на желаніе быть можетъ свободы въ грѣховныхъ дѣйствіяхъ. Пресвятая Марія рѣшилась никогда не знать мужа, а слѣдовательно и не видѣть никогда утѣшенія въ дѣтяхъ вѣто время, когда всѣ Евреи ревновали о продолженіи и размноженіи своего рода, и въ особенности принадлежавшіе къ роду Давидову, изъ котораго происходила и Марія, въ чаяніи узрѣть въ одномъ изъ своихъ потомковъ „Христа, сына Давидова“, вслѣдствіе чего, и самое безчадіе въ супружествѣ было *поношеніемъ*, было какъбы выраженіемъ гнѣва Божія за какія-либо сокровенные грѣхи безчадныхъ. Марія, упражнявшаяся, какъ извѣстно изъ преданія, въ частомъ чтеніи священныхъ книгъ, не могла не знать пророчества Іакова о колѣнѣ Іудовомъ и не видѣть того признака о скоромъ пришествіи Мессіи, какой былъ уазанъ въ этомъ пророчествѣ (Быт. 49, 10). Марія знала это пророчество и съ глубокимъ размысленіемъ останавливалась на немъ; но преданіе сохранило намъ и тѣ мысли и чувствованія, въ какихъ находилась Марія при чтеніи этого пророчества. Она выражала молитвенное желаніе лишь о томъ, чтобы Ей дано было видѣть Матеръ Іисуса Христа Богочелоуѣка и приблизиться къ сей счастливѣйшей изъ дѣвъ, притомъ не болѣе, какъ въ качествѣ рабыни. Такъ, въ дѣвствѣ Маріи выразились такая степень душевной чистоты, такая полнота любви къ Богу и такая глубина смиренія, которыя содѣлали Ее высшею по святости не только всѣхъ челоуѣковъ, но и самихъ ангеловъ, и потому содѣлали Ее достойною быть Матерію Бога. Только Она, и только Она одна изъ

всего рода человѣческаго, возмогла родить Богочеловѣка *). „Яко Ты, никогдаже ина даровася отъ родовъ древнихъ, Богомати всенепорочная: Ты бо едина всѣхъ несравненную имѣла еси святыню и чистоту; тѣмже пріяла еси Бога въ Тебѣ воплощаема“ (Служ. 3 Дек. кан. п. 9. Богор.). „Радуйся, едина и избранная Богу бывшая“ (Акаѳ. Пресв. Богор. на хвалит. стих. 3). „Радуйся Нескверная, Одна достойная того, чтобы Богъ обиталь въ Тебѣ“ (Св. Іоан. Дамаск. Избран. слов. св. отц. въ чест. Богом., стр. 41).

Тѣмже Тя вси мать Божию въдуице, молимтися прилежно, моли спастися душамъ нашимъ. Въ Пресвятой Маріи совершились необыкновенныя, безпримѣрныя, превышающія нашъ умъ событія: Она содѣлалась *матерію*, не познавъ мужа и пребыла *Дѣвою*, по рожденіи Сына. Кто же этотъ Сынъ Ея? Кто, какъ не Богъ, Который можетъ по Своему всемогуществу дѣлать все, что ни захочетъ, Который, когда это необходимо и полезно для Его премудрыхъ и всеблагихъ цѣлей, силенъ нарушить, *побѣдить* обычный *естества чинъ*,—обычные законы, по которымъ совершается все, Имъ сотворенное? Пресвятая Дѣва Марія—Мать Бога. Какъ Мать, Она близка, дерзновенна къ Нему и можетъ испрашивать все, полезное душамъ нашимъ. Итакъ, Пресвятая Марія, почитая Тебя, какъ *Мать Божию*, молимся Тебѣ *прилежно*, моли своего Сына и Бога *спастися душамъ нашимъ*.

Диаконъ Сергій Борзцовскій.

*) Св. Димитрій Ростовскій, какъ извѣстно, самую медлительность прішествія на землю Мессіи, объясняетъ между прочимъ тѣмъ, что не было на землѣ существа, достойнаго содѣлаться Матерію Бога.

Чудотворенія вѣрующихъ въ Господа Іисуса.

СЛОВО НА ПРАЗДНИКЪ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ И ВЪ ДЕНЬ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, СКАЗАННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ СЕРГІЕМЪ, ЕПИСКОПОМЪ КУРСКИМЪ.

„Вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворишь, и больша сихъ сотворишь, яко Азъ ко Отцу Моему гряду.“ (Іоан. 14, 12).

Обѣтованіе сіе изрекъ Спаситель, оставляя жизнь земную и предвидя близкое Свое вознесеніе на небо. Что ученики Его творили чудеса, подобныя тѣмъ, какія Онъ и Самъ творилъ, объ этомъ упоминается и въ Евангеліи. Но не совсѣмъ понятно, какъ вѣрующій можетъ сотворить больше того, что Самъ Христосъ совершилъ.

Когда Господь, указывая на свои дѣла, обѣщаль, что вѣрующій въ Него больше сихъ сотворишь, это не въ томъ смыслѣ Онъ сказалъ, будто такіе чудотворцы имѣютъ свою чудодѣйственную силу, бѣольшую той, какою Онъ Самъ обладалъ. Ему дана всякая власть на небеси и на земли (Матѣ. 28, 18). Самъ Онъ ученикамъ Своимъ внушалъ: *яко безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5), и они съ своей стороны предъ Нимъ свидѣтельствовали: *Господи, и бѣси подвижутся намъ о имени Твоемъ* (Лук. 10, 17).

Никто изъ вѣрующихъ не можетъ быть и поставляемъ относительно могущества въ сравненіи со Христомъ, ибо Ему принадлежитъ всемогущество. Если же по Его обѣтованію вѣрующій можетъ сотворить нѣчто больше того, что Онъ совершилъ, то въ семъ обѣтованіи подраз-

умѣваются чудеса, какихъ Онъ не творилъ не по недостатку Своего могущества, ибо все Ему возможно и все повинуется Ему, но по Своей премудрости и по обстоятельствамъ Его смотрительнаго на землѣ пребыванія. Онъ предвидѣлъ, что для утвержденія вѣры, для устройства Церкви нужны будутъ чудеса, кромѣ тѣхъ, какія Имъ совершены; посему предъ самымъ вознесеніемъ Онъ предсказалъ ученикамъ: *примете силу... и будете Мнѣ свидѣтели* (Дѣян. 1, 8). *Знаменія же вѣрующимъ сія послѣдуютъ* (Марк. 16, 17). Какія же сія? Частію такія, какія и Самъ Онъ совершалъ, напримѣръ, изгнаніе бѣсовъ и исцѣлѣніе болящихъ: но обѣщались и такія, которыхъ Онъ не проявлялъ въ Своей земной жизни: *языки возлаютъ новы, змія возмутъ; аице и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ*. Христосъ говорилъ общеупотребительнымъ въ Палестинѣ языкомъ, а вѣрующіе въ день пятидесятницы *начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (Дѣян. 2, 4). Изъ Евангелія не видно, чтобы Христа когда-нибудь коснулась змѣя; а у апостола Павла ехидна на рукѣ повисла, и онъ, страхнуль змѣю въ огонь, не потерпѣвъ отъ нея никакого вреда (28, 3. 5). Христосъ не былъ подвергнутъ дѣйствию смертоноснаго питья; а апостоль Іоаннъ Богословъ испилъ чашу яда *), и остался невредимъ. Всѣ сіи и подобныя, вновь послѣдовавшія чудеса зависятъ отъ вознесенія Иисуса Христа на небо. Онъ сказалъ о вѣрующемъ: *болшии си ихъ, т.-е. Его собственныхъ, сотворитъ; яко Азъ ко Отцу моему гряду*. Сѣдши одесную Его, Онъ ниспослалъ вѣрующимъ Святаго Духа, силою котораго они и совершаютъ чудеса,

Нынѣ къ великому празднику вознесенія Господня „приспѣ день свѣтлаго торжества“ въ честь святителя и чудотворца Николая. Имя его даже въ иновѣрныхъ странахъ извѣстно; нѣкоторые инородцы чтутъ его, какъ

*) По повелѣнію царя Деметіана. Чет. Мин. 26 сент.

Бога, и приносить ему суевѣрныя жертвы; и у насъ въ простомъ народѣ держится вѣрованіе, что онъ есть грозный и всемогущій чудотворецъ. Дѣйствительно, за его необычайныя дѣла ему усвоено и названіе чудотворца. Между его чудесами были и различныя отъ тѣхъ, какія совершены Спасителемъ. Напримѣръ, во время голода, свирѣпствовавшаго въ странѣ Ликійской, святитель Николай явился во снѣ купцу въ Италіи, который для иной страны приготовилъ корабль съ пшеницею, и давъ ему три златницы, повелѣлъ отправить этотъ хлѣбъ въ Миры Ликійскія. Купецъ проснулся, держа въ рукѣ данныя ему три златницы, и поспѣшилъ исполнить такое, осязательное и чудесное повелѣніе. Чрезъ сонное же видѣніе святитель Николай избавилъ трехъ воеводъ отъ напрасной смерти: явившись царю во снѣ, онъ объяснилъ, что эти несчастные оклеветаны, и потребовалъ немедленнаго ихъ освобожденія *).

Какъ ни велики были чудеса святителя Николая, но не своею силою онъ чудодѣйствовалъ, а именемъ Христовымъ и благодатию Святаго Духа. Посему и въ мощахъ сего угодника Божія и въ явленныхъ его иконахъ мы чтимъ ту же вседѣйствующую благодать, и призываемъ его, какъ нашего заступника и молитвенника предъ Богомъ. Упомянутые три воеводы, сидя въ темницѣ, вспомнили, что онъ ходатайствуетъ за неповинныхъ, но и разсудили, что онъ не своею силою, а Божіею чудодѣйствуетъ, и призывая его на помощь, такъ начали молиться: „Боже Николаевъ, избавившій еще прежде трехъ мужей отъ смерти напрасной, призри нынѣ и на насъ; вотъ одержить насъ великая бѣда“.

Если же святитель Николай въ дѣйствіяхъ своихъ являлъ иногда черты строгости, то не напрасной, а правдивой, не ужасающей, а остерегающей. Угрожалъ онъ не своимъ мщеніемъ, а судомъ Божіимъ; угрожалъ не угне-

*) См. Чет. Мин. на 6-е декабря.

таемымъ, а притѣснителямъ, не грѣшникамъ кающимся, а упорнымъ въ злобѣ и нечестіи. Спасая отъ бѣдъ, онъ давалъ и предостереженія бѣдствовавшимъ. Такъ мореплавателей, застигнутыхъ бурей, избавивъ отъ потопленія, онъ убѣждалъ къ исправленію, ибо по дару прозорливости зналъ, что они погрязли въ жизни порочной. „Внемлите себѣ, о чада, увѣщавалъ онъ ихъ, сердца ваши, и помышленія ваши исправьте на благоугожденіе Богу. Ибо кто зазорную жизнь ведетъ, того Богъ накажетъ“.

Посему и мы, прибѣгая къ заступленію великаго угодника Божія, да помышляемъ о себѣ, идемъ ли мы неуклонно путемъ заповѣдей Христовыхъ. „Если сами о себѣ нерадимъ, то и чрезъ другихъ не спасемся. Молитвы святыхъ имѣютъ очень великую силу, но только тогда, когда мы оставляемъ грѣхи и исправляемся“ *).
Аминь.

*) Злат. на Матв. бес. 5.

Изъ путешествія въ Святую землю Феликса Бове въ 1860 годахъ. Переводъ съ французскаго А. и Л. Ш—ихъ *).

Г. Бове родомъ Швейцарецъ, по религiи римско-католикъ, слушалъ лекціи еврейскаго языка вообще и въ частности самаританскаго нарѣчiя въ Берлинѣ у извѣстнаго гебраиста доктора *Петерманна* и былъ, какъ пишетъ, однимъ изъ лучшихъ его учениковъ. Какъ знатокъ Библии, онъ вездѣ съ любовію останавливается на библейскихъ свидѣтельствахъ и ими повѣряетъ мѣстныя преданія, и въ этомъ отношеніи его путешествіе напоминаетъ нашего незабвеннаго паломника А. С. Норова. Несмотря на свою ученость, Бове умѣетъ быть общепонятнымъ и интереснымъ для большинства читателей и нигдѣ не оскорбляетъ религіознаго чувства иновѣрца неумѣстными выходками, на которыя такъ падки писатели изъ латинскаго вѣроисповѣданія по фанатизму, а протестанты по скептицизму.

И У Д Б Я.

Отъ Яффы до Иерусалима.

Извѣстно, насколько наши впечатлѣнія зависятъ отъ обстоятельствъ, отъ вѣтра, отъ воздуха, отъ погоды, отъ тысячи мелочей, а въ особенности отъ нашего расположенія духа. Путешественники, которые проливали слезы при видѣ Иерусалима и съ замираніемъ сердца высаживались на берегъ въ Пирѣѣ **), не должны обвинять въ

*) Читатели Душепод. Чтенія, знакомые съ описаніями путешествія въ Св. землю архим. Антонина (*Пять дней въ святой земль* Душеп. Чт. 1866), и архим. Леонида (*Старый Иерусалимъ и его окрестности* Душ. Чтен. 1870, 1871 и 1872 гг.), не поскучаютъ предлагаемымъ ихъ вниманію новымъ описаніемъ путешествія въ ту же землю, принадлежащимъ иеземному писателю. Въ этомъ описаніи читатели найдутъ немало такого, чего не встрѣчали они въ описаніяхъ помянутыхъ русскихъ авторовъ. *Ред.*

**) Портъ Аѳенъ—столицы греческаго королевства.

безсердечіи тѣхъ, которые оставались холодными при видѣ этихъ мѣстъ, а сіи, въ свою очередь, не имѣютъ права считать существами слишкомъ вторженными тѣхъ, которые имѣли счастье испытать этого рода восторги. Я знаю, что одинъ и тотъже человѣкъ можетъ, въ извѣстную минуту, получить самое сильное впечатлѣніе отъ предметовъ, на которые въ другую особую минуту смотрѣлъ бы равнодушно.

Когда австрійскій пароходъ *Императоръ*, на которомъ я отправился изъ Александріи, послѣ 24-хъ-часоваго перѣзда сталъ приближаться къ берегамъ Палестины, я испытывалъ родъ грусти и скуки, которыхъ уже давно не чувствовалъ, и видъ этой земли, такъ долго бывшей предметомъ моихъ желаній и занимавшей мое воображеніе, не вывелъ меня изъ меланхоліи, въ которую я былъ погруженъ. А между тѣмъ горы, видѣвшіяся на горизонтѣ, были горы Іудеи! Но наплывъ воспоминаній, когѣ бы возбудилъ во мнѣ этотъ видъ, мѣшала мнѣ остановиться хоть на одномъ изъ нихъ, и только слова псалмопѣвца, какъ исполнѣ соответствующія моему расположенію духа, приходили на память: *Возведохъ очи мои въ горы, отиюду же придетъ помощь моя* (Пс. 120, 1).

Въ половинѣ двѣнадцатаго мы бросили якорь въ виду Яффы, довольно далеко отъ берега, потому что Яффа не имѣетъ рейда, а только маленькую гавань, годную лишь для лодокъ. Безпрестанно случается, что море препятствуетъ пароходамъ, содержащимъ сообщеніе между приморскими станціями Леванта, останавливаться въ виду Яффы, и путешественники, предполагавшіе отправиться прямо въ Іерусалимъ, бывають принуждены высаживаться только въ Бейрутѣ. Уже не разъ обращали вниманіе на обособленность Израильтянъ, въ которую ставило ихъ географическое положеніе Палестины,—обособленность, соответствующую какъ нельзя болѣе видамъ Господа относительно народа, который Онъ избралъ изъ среды другихъ народовъ, чтобъ устранить его отъ развращенія язв-

ческаго міра. Море, которое служить дорогою для другихъ народовъ, служило имъ препятствіемъ, потому что Сирія, имѣющая хорошіе порты на берегу Финикии, не имѣетъ таковыхъ на берегу Палестины. Акра не была завоевана Евреями (Суд. 1, 31), а Яффа, ихъ единственный приморскій городъ, скорѣе опасная станція, чѣмъ портъ—*statio malefida carinis*. Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, пароходъ, шедшій изъ Марсели, погибъ со всѣмъ экипажемъ въ виду этого берега. Я находился бы въ числѣ пассажировъ этого парохода, если бы поѣздъ желѣзной дороги, на которомъ я возвращался изъ Тантаха въ Александрію, заставилъ меня, опоздавъ, какъ я этого опасался, пропустить отъѣздъ *Императора*.

Нѣсколько маленькихъ лодокъ отдѣлились отъ берега и окружили наше судно. Большая часть пассажировъ останавливается здѣсь, потому что почти всѣ—поклонники. Я съ нѣкоторыми другими сажусь въ одну изъ этихъ лодокъ и черезъ полчаса мы подъѣзжаемъ къ берегу. Но здѣсь представляется неожиданное препятствіе; яффская гавань не имѣетъ лѣстницы, и крутой, неровный берегъ около десяти футовъ высоты, единственная дорога, по которой можно сойти, или лучше сказать взойти на землю. Нужно карабкаться, царапаясь о скалы, или отдаться въ руки лодочнику, который сильнымъ ударомъ плеча кидаетъ васъ на руки къ береговымъ носильщикамъ; дородный англичанинъ, находящійся около меня, энергически отказывается отъ этого *гимнастическаго упражненія* и требуетъ, чтобъ его отвезли обратно на пароходъ, предпочитая высадиться въ Бейрутѣ. Я же влѣзаю на спину къ лодочнику, протягиваю вверхъ правую руку, которую беретъ здоровый *fachino* и, продержавъ меня одно мгновеніе между небомъ и землею, ставитъ на желанную почву, *optatae telluris gremio*.

Такимъ-то подвигомъ вѣры достигаютъ Святой земли.

Я не стану вамъ описывать, какъ говорили классическіе поэты, я не стану вамъ описывать шумъ и крики

и неописанный беспорядокъ, который поражаетъ зрѣніе и слухъ путешественника, прибывшаго въ Яффу. Это страшно даже для пріѣхавшаго изъ Египта. Впрочемъ, позднѣе, уѣзжая изъ Палестины, я замѣчалъ это столько же, сколько и въ первый разъ: среди всеобщаго упадка Оттоманской имперіи Палестина пала ниже всего остальнаго,—это упадокъ въ упадкѣ. Еслибы я не боялся преувеличить, то сказалъ бы, опредѣляя мое впечатлѣніе, которое въ сущности считаю совершенно вѣрнымъ, что въ отношеніи цивилизаціи, Палестина отстоитъ отъ Египта или отъ сиро-финикійскаго берега настолько же, насколько эти двѣ страны отстоятъ отъ просвѣщенныхъ государствъ Европы. Въ другомъ мѣстѣ, при случаѣ, я укажу нѣкоторыя изъ причинъ, способствовавшихъ еще недавно низпаденію этой страны въ анархію почти непримѣрную. Въ первую минуту мнѣ представилась только одна: осужденіе, произнесенное Господомъ. Я позналъ, что это была нѣкогда земля обѣтованія, потому что теперь это земля проклятiя.

„*Боже!*“ взывалъ Асафъ, *приидоша языци въ достояніе твое*“ (Пс. 78, 1). И теперь еще это первая мысль, первый вздохъ высадившагося на Святой землѣ при видѣ этой дикой и грубой толпы. Впрочемъ я ошибся, назвавъ ее дикою; у Турокъ существуютъ таможни, также какъ и у насъ, и нигдѣ они не пользуются правомъ осмотра вещей съ такимъ чванствомъ какъ въ Яффѣ. Раскладываютъ мои чемоданы на улицѣ и раскрываютъ всѣ сразу. Намѣреваясь продолжать свой путь, я замѣчаю, что одного чемодана недостаетъ, отсылаю остальные впередъ, а самъ бѣгу искать исчезнувшій и нахожу его на углу улицы, на спинѣ одного Араба, который возвращаетъ его мнѣ безпрекословно. На возвратномъ пути къ набережной или вообще въ часть города, построенную на берегу моря, меня вторично останавливаютъ таможенные и, несмотря на мои возраженія, вновь перерываютъ мои вещи и объявляютъ на этотъ разъ, что я не могу идти далѣе; я

пробую имъ растолковать на турецкомъ, итальянскомъ, арабскомъ языкахъ, но видя, что это ни къ чему не ведетъ, возвращаюсь къ родному языку и энергически объявляю по-французски, что я пройду. Я вскорѣ замѣтилъ, что приказаніе—лучшій доводъ и, какъ говорить Карлъ Пятый, *„когда приходится возвысить голосъ, дѣло не въ томъ, на какомъ языкѣ тогда говоришь“*.

Только послѣ столькихъ матеріальныхъ заботъ я могу свободно отдаться чувству радости и благодарности, которое наполняетъ мое сердце при мысли, что я шествую по землѣ Израиля.

Яффа, называемая евреями Яфо, а греками Юппе, столько же извѣстна у древнихъ, языческихъ писателей, сколько и въ священной исторіи. По сказанію Плинія и многихъ другихъ, Яффа основана до потопа; на подводныхъ скалахъ, лежащихъ у ея береговъ, Андромеда была представлена морскому чудовищу, отъ котораго ее избавилъ Персей. Въ Библии же вся важность приписывается ей только потому, что она единственный приморскій городъ израильтянъ и черезъ это служила точкой соприкосновенія съ другими народами, живущими на островахъ и по другую сторону Средиземнаго моря. Когда Иона хочетъ бѣжать отъ лица Вѣчнаго, онъ приходитъ въ Яффу, тамъ садится на корабль (вѣроятно финикійскій) и отправляется въ Фарсисъ (Иона 1, 3). Во времена Соломона и Ездры кедры, срубленные Тирянами и Сидонянами на Ливанѣ, сплавлялись въ Яффу и оттуда уже перевозились въ Іерусалимъ для постройки храма (2 Парал. 2, 16. 1. Ездры 3, 7).

Но событіе наиболѣе важное, связанное съ именемъ этого города, то, которое рассказываютъ Дѣянія апостольскія (Дѣян 10). Я говорю про то видѣніе, посредствомъ котораго ап. Петръ получилъ приказаніе проповѣдывать Евангеліе язычникамъ. Черезъ это событіе, вполне соответствующее тому значенію, которое постоянно имѣла Яффа въ исторіи Израильскаго народа, городъ этотъ сдѣлался колы-

белю всѣхъ церквей изъ язычниковъ. Немного времени спустя послѣ вознесенія Спасителя и основанія христіанской общины, Петръ, посѣщая церкви въ Иудеи, Галилеи и Самаріи, пришелъ въ маленькій городокъ Лидду, лежащій у подошвы горы и былъ отозванъ оттуда въ Юппію живущими тамъ учениками. Въ Юппин, конечно въ первый разъ, рыбакъ Геннисаретскаго озера находился на берегу большаго моря. До сихъ поръ жизнь его протекала среди родныхъ горъ. Кто можетъ сказать, какія новыя мысли рождались въ его умѣ, когда проживая у Симона кожевника и восходя на плоскую крышу дома своего хозяина,—дома, находившагося при морѣ (Дѣян. 10, 6—32), онъ устремлялъ взоры на это огромное пространство, на множество парусовъ мелькающихъ вдаль и видѣлъ корабли прибывающіе изъ Рима и Греціи въ Яффу? Не спрашивалъ ли онъ самъ себя, какая будущность предстоитъ этимъ языческимъ народамъ, которые день отъ дня сближались тѣспѣе съ Израилемъ посредствомъ завоеванія, мореплаванія и торговли? Можетъ быть откровеніе, дарованное ему Богомъ, было отвѣтомъ на вопросъ, на сомнѣніе мучившее его совѣсть; Иисусъ повелѣлъ ему просвѣтить и крестить всѣ народы; но какъ согласить это приказаніе съ закономъ, рѣзко отдѣлявшимъ чистое отъ оскверненнаго? Онъ не понималъ еще, что это препятствіе было устранено, что и въ этомъ отношеніи Иисусъ не уничтожилъ законъ, а дополнилъ его. Если жертвы іудейскія, приносимыя израильтянами, очищали только ихъ, то кровь Христа, пролитая за всѣхъ, была жертвой всемірной, которая очищала передъ Богомъ все челоуѣество. Это-то и давалъ понять голосъ съ неба, три раза повторяя: „что Богъ очистилъ, того не считай нечистымъ“.

Дорога отъ Яффы до Іерусалима считается не безопасною, а потому путешественники отправляются не иначе какъ караваномъ. Только что высадившись на берегъ, пассажиры *Императора* разсѣялись группами, стараясь

добыть нужныхъ людей и лошадей; Русскіе отправляются въ греческій монастырь, Англичане и Американцы къ своимъ консуламъ, католики въ францисканскую гостиницу, гдѣ все уже готово къ ихъ отъѣзду. Французы-поклонники, съ которыми я ѣхалъ до Александріи, давно уже въ Іерусалимѣ; тѣ же, съ которыми я ѣхалъ сегодня, были австрійцы. Совсѣмъ осѣдланныя лошади ждутъ ихъ у воротъ монастыря и, послѣ полдника, они отправляются въ путь. Одинъ изъ монаховъ, очень хорошо вооруженный, находится во главѣ ихъ и служить имъ защитникомъ и проводникомъ.

Я видѣлъ, какъ уходили караваны одинъ за другимъ, но самъ не хотѣлъ покинуть Яффу, не осмотрѣвъ ее. Между тѣмъ солнце начало садиться и я пошелъ искать себѣ лошадей. Тѣхъ, которыхъ я было оставилъ за собою, перебили у меня: арабъ, обѣщавшій мнѣ ихъ, уступилъ послѣ одному американцу; наконецъ не безъ труда я нашелъ другихъ; мнѣ наняли за пятьдесятъ піастровъ (тридцать франковъ) двухъ лошадей и *мукера*. Одна изъ лошадей должна была идти мнѣ подъ сѣдло, другая нести мои вещи; что же касается до мукера, это вожатый или скорѣе конюхъ,—то онъ долженъ идти пѣшкомъ около лошадей и по окончаніи путешествія отвести ихъ назадъ къ хозяину. Мой мукеръ не арабъ, а турокъ,—это сейчасъ видно по его пріятнымъ и нѣсколько мягкимъ чертамъ лица; одѣтъ онъ очень плохо; голова причудливо окутанная старымъ шелковымъ платкомъ придаетъ ему сходство съ Маратомъ.

Яффа расположена амфитеатромъ на берегу моря: это маленькій городокъ, имѣющій не болѣе пяти тысячъ жителей. Пройдя нѣсколько пустынныхъ улицъ, мы подходимъ къ воротамъ, около которыхъ находится довольно большая толпа; кажется, здѣсь и на набережной сосредоточивается все движеніе города. Еврейское названіе *Яфо* значить *красота*, и конечно Яффа удачно названа такъ, если смотрѣть на ея окрестности. Также какъ Бейрутъ,

Наплузъ и Сидонъ, она окружена садами удивительно плодоносными; ея апельсины получили извѣстность на всемъ Востокѣ по своей величинѣ и составляютъ главное ея богатство. Можно замѣтить кстати, что восточные сады нисколько не походятъ на наши; это не цвѣтники, а парки или лучше сказать фруктовые сады, состоящіе изъ апельсиновыхъ, лимонныхъ, миндальныхъ, гранатовыхъ деревьевъ, или изъ душистыхъ кустарниковъ, какъ на примѣръ розаны и жасмины. Сады Иффы обнесены живою изгородью изъ кактусовъ съ плоскими и колючими листьями, которые справедливо называются у насъ еврейскими смоковницами потому что это самое обыкновенное растеніе Іудеи и одно изъ тѣхъ, которыя наиболѣе опредѣляютъ физиономію этой страны; въ самомъ центрѣ Іерусалима они оспариваютъ мѣсто у разваливъ. Я иду одно мгновение по песчаной дорогѣ, отъбненной плотными стѣнами изъ кактусовъ и, пройдя сады, я могу объять взоромъ всю эту прекрасную равнину Саронскую, по которой я теперь прохожу. На горизонтѣ тянется цѣпь іудейскихъ горъ, кое-гдѣ по равнинѣ виднѣется обработанная земля, все же остальное—пастбище, въ изобиліи усѣянное яркими цвѣтами, лиліями, нарцисами, бѣлыми и красными анемонами, и посреди нихъ мнѣ пріятно было встрѣтить, какъ старую знакомую, маленькую маргаритку нашихъ странъ *).

Эта Саронская равнина и теперь представляется глазамъ путешественника такую же, какою она была во времена Давида и Соломона; уже и тогда эти пастбища были извѣстны и, какъ кажется, судя по словамъ книги Пѣснь Пѣсней, были собственностью царей. *Пѣснь Пѣсней* сравниваетъ суламитянку съ розой Сарона, и мы видимъ у Исаи, что великолѣпіе этой равнины, испещренной цвѣтами, вошло въ поговорку, также какъ красота Кармила

*) Дорогою я сорвалъ три цвѣтка показавшіеся мнѣ наиболѣе характеристичными: одинъ былъ бѣлая лилія, два другіе, которые я показывалъ М. Е. Boissier'у. были по его словамъ *iris sisyrinchium* и *linum sibthorpiatum*. Ихъ можно найти и въ Греціи.

и величественность Ливана (Исаія 35, 2). Передъ нами маленькій городокъ Лодъ или Лудъ (по гречески Лидда), сохранившій до сихъ поръ свое древнее названіе. Именно отсюда Евангеліе, проповѣданное ап. Петромъ, распространилось по многочисленнымъ селеніямъ Саронской равнины (Дѣян 9, 35). Я оставилъ его вправо, направляясь къ Рамлѣ, находящейся на разстояніи одной мили отсюда. На нее многіе смотрять, вѣрно или нѣтъ, какъ на Аримафею Новаго завѣта. Рамля въ четырехъ часахъ пути отъ Яффы и въ восьми отъ Іерусалима. Въ ней обыкновенно останавливаются поклонники, чтобы переночевать въ монастырѣ, Этотъ монастырь, построенный еще крестonosцами. похожъ, какъ и всѣ вообще монастыри Святой земли, на крѣпость. Была уже темная ночь, когда я подъѣхалъ къ монастырю. Австрійскій караванъ тоже только что подошелъ: у воротъ страшная суматоха; монахи, поклонники, мукера, лошади, объясненія и требованія на арабскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ языкахъ—настоящее столпотвореніе Вавилонское. Я слѣзаю съ лошади и достигаю, не безъ труда, до калитки, у которой стоитъ монахъ и пропускаетъ путешественниковъ не иначе какъ по одному. Меня спрашиваютъ, принадлежу ли я къ каравану, и объявляютъ, на мой отрицательный отвѣтъ, что монастырь переполненъ и невозможно мнѣ дать пріютъ. Я былъ довольно смущенъ этимъ, но меня успѣшили успокоить, сказавъ, что я могу просить гостепрѣмства у англійскаго консула. Англійскій консулъ! Это было хорошее вознагражденіе за пріютъ, отказанный мнѣ Францисканцами, и направляясь, по указанію своего мукера, довольно большими обходами къ жилищу Inglesá, я живо представлялъ себѣ британскій комфортъ, который доставить мнѣ отдохновеніе отъ трудовъ, кипящій самоваръ, тартинки, чайный столъ, вокругъ него бѣлокурныя дѣтскія головки и молодыхъ дѣвушекъ въ длинныхъ локонахъ, самого консула, погруженнаго въ чтеніе Таймса, положивъ ноги на каминную рѣшетку. Я не зналъ еще,

что консулы европейскихъ державъ, а въ особенности простые консульскіе агенты, большею частію арабы. Я стучусь въ дверь. Маленькій человѣчекъ, двѣнадцати лѣтъ, съ умнымъ личикомъ, отворяетъ мнѣ дверь и поспѣшно спрашиваетъ:

— *Speak english?*

— *Jes.*

— *Buono.*

Увы! на этомъ кончился нашъ разговоръ и на всѣ мои вопросы я не могъ добиться другаго отвѣта какъ: *Jes, jes, buono!*

Я былъ не единственный гость консула Великобританіи, или скорѣе Соединенныхъ Штатовъ, какъ это доказывалъ гербъ прибитый на дверяхъ. Четыре Американца, тоже пассажиры *Императора*, сидѣли уже на дворѣ на своихъ чемоданахъ и дожидались ужина, который приготовлялъ имъ ихъ представитель. Я сѣлъ около нихъ, но черезъ минуту, насъ провели въ большую горницу, съ диванами, вдоль стѣнъ, куда намъ принесли крутыхъ яицъ, хлѣба и молока.

Не безъ нѣкотораго волненія вошелъ я, въ первый разъ, въ одну изъ этихъ горницъ, которыя такъ часто упоминаются въ Библии и которыя еще и теперь составляютъ характеристическую черту сирійскихъ построекъ. На крышахъ домовъ, образующихъ террасы, ставятъ часто комнату съ выходомъ на платформу: это маленький домъ на большомъ. Эта комната не имѣетъ особеннаго назначенія, а употребляется во всѣхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ. Прежде всего это комната для пріѣзжающихъ. На востокѣ частная жизнь такъ замкнута, что не любятъ помѣщать гостей въ тойже части дома, гдѣ живетъ хозяинъ съ семействомъ. Само собою разумѣется, что эти горницы, служа дополненіемъ дому, безъ котораго можно обойтись, находятся только въ городскихъ зажиточныхъ домахъ. Богатый Сунамить, желая оказать гостепрѣимство Елисею, велѣлъ выстроить горницу, въ которой пророкъ

могъ останавливаться (3 Цар. 4, 8 и слѣд.). Туда же уходятъ, желая уединиться; тамъ же, какъ это видно изъ исторіи Тавионы (Дѣянія 9, 37), выставляютъ тѣла покойниковъ до погребенія. Иисусъ, желая отпраздновать пасху одинъ съ двѣнадцатю учениками, вдали отъ глазъ толпы, выбралъ для этого горницу, тогда какъ обыкновенно Онъ вкушалъ пищу, по обычаю существующему и теперь въ Палестинѣ, на дворѣ дома, доступномъ всякому проходящему. Какъ чужестранцы, не имѣющіе пристанища въ Иерусалимѣ, апостолы послѣ смерти своего Учителя собрались въ горницѣ, нанятой ими, или отданной имъ безвозмездно; тамъ-то вдали отъ своихъ враговъ и городского шума ученики Иисуса, Его мать и братья „единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи“ (Дѣян. I, 13. 14).

Я растянулся на моемъ диванѣ, но не спалъ; не одно удовольствіе быть въ Святой землѣ не давало мнѣ спать: жестокіе и кровожадные хозяева, которыхъ неспрѣятно называть, но про которыхъ мнѣ часто придется говорить, не давали мнѣ сомкнуть глазъ. Мой мукеръ, который, слѣдуя обычаю, спалъ на дворѣ около лошадей изъ боязни, чтобъ ихъ не украли, проснулся рано; мы отправляемся съ первымъ проблескомъ зари, но несмотря на это мы послѣдніе: австрійскій караванъ, а вслѣдъ за ними американцы давно уже покинули монастырь.

Я выпишу нѣсколько страницъ изъ моего журнала, писанныхъ вечеромъ тогоже дня, какъ пріѣхалъ въ Иерусалимъ; путешественникъ—прежде всего свидѣтель, отзывъ котораго имѣетъ тѣмъ болѣе вѣса, чѣмъ менѣе протекло времени между рассказомъ и случившимся.

Суббота, 27 марта. Мы отправляемся на разсвѣтѣ. Небо совершенно чисто. Солнце восходитъ позади горъ Ефраима. Мы проходимъ по возвышенной части Саронской равнины; она идетъ, незамѣтно возвышаясь, и не такъ красива и роскошна какъ та, по которой мы проходили вчера; здѣсь не видать уже ни розъ, ни ирисовъ, но есть еще большіе красные адонисы и другіе цвѣты.

Виднѣтся нѣсколько обработанныхъ полей, но большая часть пастбища; пастухи вооруженные ружьями, а нѣкоторые верхомъ на ослѣ или на лошади пасутъ скоть. Нѣкоторые изъ прохожихъ довольно любезно раскланиваются съ нами, говоря: мархаба! На арабскомъ, также какъ и на еврейскомъ языкѣ, это слово значитъ *ширина*, т.-е.: „Пусть твое сердце будетъ расширено“. Это привѣтствіе принадлежитъ этой странѣ, но здѣсь говорятъ также: „Селямъ алейкумъ“. Въ Новомъ Завѣтѣ слово „радуйся“ (Іаков. 1, 1), соотвѣтствуетъ первому изъ этихъ выраженій, а слово: „миръ тебѣ“ (Лук. 24, 36) второму. Мой мукеръ, который называлъ меня *хаджи*, сегодня въ хорошемъ расположеніи духа и поетъ арабскую мелодію, которая болѣе походить на жалобную декламацію или на голосъ плачущаго ребенка, чѣмъ на пѣснь. Одинъ изъ моихъ Американцевъ, которыхъ я только что догналъ, говоритъ мнѣ, что индѣйцы Сѣверной Америки поютъ тѣмъже напѣвомъ.

Мы приближаемся къ горамъ; мѣстность передъ нашими глазами очень голая и походить на наши плоскія возвышенности. Передъ нами цѣпь горъ, кажущаяся отсюда не очень высокою, походить формой и высотой на Юру, когда на нее смотрѣть, напริมѣръ изъ Понтарліе. Почва не производящая деревьевъ, неровная, маленькіе холмики, продолговатые и округленные, едва покрытые травою, известнякъ начинаетъ уже пробиваться, въ лощинахъ поля засѣянные хлѣбомъ чередуются съ пастбищами; это ужъ не та рыхлая почва, не та земля мелкая какъ песокъ, которую мы видѣли вчера; голыши (кремни) въ довольно большомъ количествѣ разсѣяны по полямъ и по дорогѣ.

Мѣстность, по которой мы проходимъ, принадлежала въ древности потомкамъ Дана. Изъ книги Іисуса Навина мы знаемъ, что Данъ получилъ самую дурную часть при раздѣлѣ земли Ханаанской между колѣнами израильскими (Ис. Нав. 19). Это владѣніе, одно изъ самыхъ ограниченныхъ, обрѣзанное еще захватами Амморезанъ (Судей,

1, 34), сдѣлалось недостаточнымъ для племени, здѣсь обитавшаго, и оно завоевало себѣ новое на сѣверной оконечности Палестины (Судей 18). Это была самая открытая часть страны, не только со стороны моря, гдѣ Яффа легко могла служить мѣстомъ высадки завоевателямъ, пришедшимъ издалека, но въ особенности со стороны Филистимлянъ, потому что равнина Саронская служить какъ бы продолженіемъ ихъ страны и нѣтъ никакой преграды между ими и Сефелою. Поэтому-то и нуженъ былъ *молодой левъ*, чтобъ охранять эту слабую сторону Израильской земли. И онъ храбро охранялъ ее. Занимаясь только этимъ пунктомъ, онъ часто забывалъ соединяться съ своими братьями для отраженія непріятеля, подходившаго съ другой стороны; изъ пѣсни Деворы видно, что когда страною завладѣли Хананеи изъ Асора, Данъ не принялъ никакого участія въ битвѣ, происходившей далеко отъ него, въ равнинѣ Эзраельской, но что *онъ оставался на побережяхъ (моря)* (Суд. 5, 17). Онъ зналъ только одного врага—Филистимлянъ, и когда они, превосходя его силою, готовы были завладѣть его жребіемъ, Данъ былъ „зміи на пути, сѣдяи на распутии, угрызая пятую конскую“ и проч. (Кн. Бытія 49, 17). Это видно изъ исторіи Сампсона, одного изъ сыновей этого колѣна, который отсюда зажегъ жатвы филистимскія, и *который такъ хорошо судилъ народъ*, т.-е. управлялъ имъ, какъ никто другой изъ *всѣхъ колѣнъ израильскихъ* (Быт. 49, 16).

Костюмъ жителей этой страны очень мало отличается отъ костюмовъ, которые я видѣлъ въ Египтѣ; здѣсь не видно столько тюрбановъ и тарбушей; большая часть покрываетъ себѣ голову, какъ Бедуины, пестрымъ платкомъ, который ниспадаетъ со всѣхъ сторонъ и сдерживается двумя рядами толстаго, обыкновеннаго двухцвѣтнаго шнура. Я замѣтилъ, какъ дѣлается бѣлый плащъ съ широкими коричневыми полосами, который здѣсь носятъ почти всѣ: это просто два четырехъугольных покрывала, пригнанные одно къ другому и сшитыя съ трехъ сторонъ,

однимъ словомъ перевернутый мѣшокъ, съ однимъ отверстіемъ для головы и двумя — для рукъ. Отверстіе для головы обшивается широкой каймой. Про это-то отверстіе, ометъ, по еврейскому выраженію, говоритъ св. Нисаніе, при описаніи одежды Аарона (Ис. 132, 2). Боковыя стороны не сшиваются вплоть до низу, чтобъ не мѣшать свободному движенію ногъ; такимъ образомъ эта одежда имѣетъ внизу четыре угла. *Arba canphoth* (въ буквальномъ переводѣ *четыреугольникъ*), которую прячутъ современные Евреи подъ одеждою, не что иное, какъ уменьшенный плащъ, который носили ихъ предки и къ поламъ котораго законъ предписывалъ пришивать широкую бахрामу (Числь 15, 38). Замѣчу кстати, что у бурнуса, который на мнѣ надѣтъ, точно такая же бахрама, какую носятъ и теперь Евреи.

Такія одежды какъ эти, составленныя изъ двухъ одинаковыхъ, нескроенныхъ кусковъ, могутъ быть легко раздѣлены; вотъ почему св. Іоаннъ упоминаетъ особенно объ хитонѣ Іисуса, что онъ былъ не такой (Іоан. 19, 23). Еслибы одежда на востокѣ была такая же какъ наша, то замѣчаніе Іоанна было бы лишнее, потому что наши платья, хотя и сшиты, но ихъ трудно разорвать пополамъ, да притомъ никуда не годилась бы половина пальто. Здѣсь же, напротивъ, многіе носятъ только половину одежды, т.-е. одинъ четырехугольный кусокъ матеріи, который набрасываютъ на плеча. Нужно знать восточный костюмъ, чтобъ не очень удивляться еврейскому обычаю, раздирать на себѣ одежды въ знакъ скорби и печали. Слово одежда (*vêtement*) на нашихъ языкахъ означаетъ обыкновенно плащъ, по-гречески *ἱμάτιον, στολή*.

Вправо отъ дороги мы оставляемъ деревушку, очень бѣдную на видъ; она состоитъ частью изъ маленькихъ хижинъ, также какъ и самыя плохія деревни въ Египтѣ; но я замѣчаю, что онѣ здѣсь округлены на подобіе нашихъ ульевъ, тогда какъ въ Египтѣ онѣ четырехугольныя, довольно много дѣтей и женщинъ, нѣкоторыя изъ нихъ

больныя, толпятся около насъ, прося милостыню. Также толпились около Іисуса, когда Онъ, переходя съ мѣста на мѣсто, дѣлалъ повсюду добро. Между ними есть одна бѣдная женщина, которая опирается на костыль. Мнѣ очень жаль ее. Я желалъ бы имѣть столько же вѣры какъ Петръ, чтобъ сказать ей: „Во имя Іисуса Христа Назорея встань и ходи“ (Дѣян. 3, 6). Но увы! *у меня есть только золото и серебро, но что имѣю, то даю отъ чистаго сердца.*

За деревней безплодный характеръ страны все болѣе и болѣе выказывается; наконецъ мы входимъ въ горы. Узкіе и глубокіе овраги между округленными горами; деревьевъ совсѣмъ нѣтъ, только одни кустарники; известнякъ пробивается повсюду. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько оливковыхъ деревьевъ бросаютъ тѣнь, мы расположились завтракать. Американцы прежде всего люди практичныя; если на западѣ они путешествуютъ безъ багажа, потому что вездѣ можно все найти, на востокѣ они ходятъ не иначе какъ съ полнымъ запасомъ продовольствія, посуды и проч. Отдохнувъ съ четверть часа, мы отправляемся въ путь. Исключая этого минутнаго отдыха подѣ оливковыми деревьями, дѣлный день не было тѣни; воздухъ пріятный, но солнце печетъ невыносимо, не знаешь какъ защититься; я принужденъ положить шляпу въ карманъ и обвернуть голову галстукомъ, или кускомъ полотна въ нѣсколько локтей, который я купилъ въ Каирѣ; сверхъ этого накидываю капюшонъ моего бурнуса; отъ этого всего мнѣ ужасно жарко, но все-таки лучше чѣмъ праволучныя стрѣлы Аполлона.

Мы проходимъ нѣсколько горъ одну послѣ другой, довольно схожихъ между собою; на склонахъ, вообще, нѣтъ и слѣда обработки или жилья. Скорѣе на вершинахъ можно найти нѣсколько садовъ, обнесенныхъ толстыми стѣнами, сложенными изъ камней, такъ же какъ дѣлаютъ это и у насъ въ горахъ. Около *Кариафъ-эль-енабъ* вмѣстѣ съ оливковыми деревьями можно найти нѣсколько вино-

градныхъ лозъ и смоковницъ. Эти лозы довольно толстыя и разсажены также какъ и въ нашихъ виноградникахъ; нѣсколько ословъ пасутся у ихъ подножія. Я вспомнилъ предсказаніе сдѣланное Іудѣ: „привязуй къ лозъ жребя свое и къ винничію жребца осляте своего“ (Быт. 49, 11). По странному совпаденію, именно отсюда начинается владѣніе колѣна Іудина, — потому что Каріафъ-ель-енабъ (*городъ винограда*), который по нѣкоторымъ преданіямъ смѣшивается съ *Анавоомъ*, родиной Іереміи, считается болѣе правдоподобно за древній *Каріафъ-Іаримъ*, гдѣ находился Кивотъ завѣта со временъ Самуила до взятія Іерусалима Давидомъ.

Исключая этихъ немногихъ слѣдовъ обработки вся страна имѣетъ видъ заустѣнія; впрочемъ она не совсѣмъ безводна, нѣсколько ручейковъ протекають по лощинамъ; видно, что это земля проклятая по винѣ челоуѣка; предугадываешь, что она могла бы быть и плодородна и прекрасна, ей недостаетъ для этого можетъ быть только деревьевъ; ихъ было много когда-то, какъ это доказываетъ названіе *Каріафъ-Іаримъ* (городъ лѣсовъ).

Чѣмъ болѣе подвигаешься впередъ, тѣмъ ужаснѣе становится страна; но съ вершины первой горы открывается видъ на Саронскую равнину и на море, а съ вершины послѣдней на горы и долины; это было бы также красиво какъ пейзажи Швейцаріи, если бы не имѣло вида печали и однообразія смерти.

Добравшись до вершины этой горы, я чувствую себя совершенно разслабленнымъ отъ жару, отъ усталости и отъ продолжительной верховой ѣзды по этой каменистой дорогѣ; я знаю, что приближаюсь къ Іерусалиму, но сожалѣю, что не въ состояніи испытывать то чувство радости, которое я себѣ обѣщаль столько разъ при видѣ этого города. Было уже около четырехъ часовъ, когда, — я былъ одинъ съ своимъ мукеромъ, — взойдя на небольшое возвышеніе, я увидалъ, на разстояніи десяти-минутнаго пути отъ меня, зубчатая стѣны и куполы Іерусалима;

волненіе преодолѣло усталость и мысль обо всемъ другомъ. Получаемое впечатлѣніе превосходить все, что можно вообразить. На глазахъ навергиваются слезы... Мое первое чувство было умиленіе, неопредѣленная смѣсь восторга и состраданія, которую внушаетъ видъ любимаго предмета. Вотъ онъ, этотъ маленькій городокъ, который почувствовалъ, что онъ сдѣлался первымъ городомъ въ свѣтѣ, понялъ, что онъ столица всего міра! Вотъ городъ, который такъ любилъ Давидъ, который любилъ такъ Иисусъ, гдѣ пострадалъ Иисусъ за грѣхи всего міра и за мои! Вотъ мысли, быстро промелькнувшія въ моей головѣ, при неожиданно открывшемся видѣ на Іерусалимъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ предо мной, я вижу группу людей и лошадей: это австрійскіе поклонники, которые, увидя святой городъ, спѣшились и молятся. Я тоже слѣзаю съ лошади и преклоняю колѣна въ невыразимомъ волненіи. „Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ глаголахъ убо миръ о тебѣ“ (Пс. 121, 8). Часть города, которая у меня передъ глазами, Сіонъ; это городъ Давида, мы почти подошли къ ней; но хотя поклонники и входятъ обыкновенно чрезъ ближайшія ворота, которыя по этому и называются поклонническими или яффскими воротами, мы продолжаемъ идти вдоль стѣнъ, чтобы войти въ Дамаскія ворота. По мѣрѣ того какъ я иду, городъ развертывается и увеличивается, но первое впечатлѣніе малости и ничтожности Іерусалима, полученное мною прежде, неизгладимо. Я все еще люблюсь на этотъ маленькій городъ, который былъ свѣтильникомъ для другихъ народовъ, къ которому стремятся желанія всѣхъ націй; я вспоминаю слезы, пролитыя объ немъ Іереміею, псалмопѣвцами, пророками, Спасителемъ, и чувствую, что еще больше люблю его за любовь, которую онъ внушилъ столькимъ.

Мѣстоположеніе Іерусалима очень красиво; если смотрѣть отсюда, то позади него, вдали, виднѣтся прямая цѣпь голубыхъ горъ Моава; съ другихъ двухъ сторонъ горы Израильскія довольно широкія. Не болѣе двухъ ча-

совъ тому назадъ у насъ подъ ногами было море, служащее границей Святой землѣ на западѣ, а теперь передъ нами Моавъ. Можно глазомъ измѣрить малость страны. Еще разъ Господь *неможное міра избралъ, чтобъ посрамить сильное* (1 Кор. 1, 27). Приближаясь къ городу, я замѣтилъ, посреди этой необработанной почвы, виноградникъ, обнесенный стѣною. Стѣна почти совсѣмъ развалилась, въ ней сдѣланъ былъ проломъ и дикіе звѣри опустошили садъ. Это воспроизводитъ слово въ слово прекрасную притчу Асафа и Исаи. Этотъ разрушенный виноградникъ, при самомъ входѣ въ Іерусалимъ, служить въ одно время примѣромъ и символомъ запустѣнія святаго города и несчастій, предсказанныхъ ему пророками. *Боже!* взываетъ псалмопѣвецъ, *виноградъ изъ Египта пренесъ еси, изналъ еси языки и насадилъ еси и. Путешестворилъ еси предъ нимъ, и насадилъ еси коренія его и исполни землю. Покры горы снѣгъ его и вѣтвія его кедры Божія: простре розги его до моря и даже до рѣкъ отрасли его. Вскую изложилъ еси плоть его и обимаютъ и вси мимоходящїи путемъ? озоба и вепрь отъ дубравы и уединенный дивїи пояде и* (Пс. 79, 9—14)

На дорогѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ стѣнъ валяется скелетъ лошади, сохранившій нѣсколько кусковъ мяса, которые служатъ приманкою для мухъ. Сотни людей прошли здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ этотъ отвратительный, зловонный и вредный предметъ угрождаетъ дорогу, и никто не подумалъ прибрать его. Даже на улицахъ ступаешь по трупамъ собакъ и кошекъ; этого достаточно, чтобъ дать понятіе объ упадкѣ и нечистотѣ города.

Іерусалимъ, на первый взглядъ, похожъ на всѣ восточныя города. Улицы очень многолюдны; говорятъ, не всегда такъ бываетъ, но въ настоящее время много поклонниковъ. Монастыри переполнены ими. Съ трудомъ можно найти помѣщеніе. Къ счастью, недавно открыты здѣсь двѣ

гостинницы. Я отправился въ гостинницу Мальту, — *Melita hotel*; содержатель ея мальтіецъ Антоніо Заммитъ.

Немного отдохнувъ, я спѣшу выйти, чтобъ осмотрѣть нынче же улицы Іерусалима. Та, по которой я иду, съ довольно крутымъ спускомъ, идетъ между домами невзрачной наружности; начало ея исчезаетъ въ дали. Я спрашиваю ея названіе.—Это, говорятъ мнѣ, *страстной путь*; онъ шель отъ преторіи къ Голгоѣ. Здѣсь проходилъ Иисусъ, неся свой крестъ.

Невозможно вообразить себѣ, какое охватываетъ волненіе, когда слышишь это отъ перваго попавшагося драгомана, чичероне, который говоритъ вамъ, какъ вещь самую обыкновенную. Но Іерусалимъ очень измѣнился въ эти восемнадцать столѣтій!.. Желаніе отыскать улицы древняго города въ улицахъ новаго было бы суевѣріемъ. Да, я знаю это, но мнѣ не хочется думать объ этомъ *). Слыша имя Іисуса, произнесенное въ томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ умеръ, чувствуешь, что пробираетъ дрожь. Видя этотъ путь страданія, эту темную улицу, грязную, узкую, наполненную шумною толпою, я въ первый разъ нашель подходящую рамку для страданій нашего Спасителя. Я вижу Его, согбеннаго подъ тяжестью креста, поруганнаго, окруженнаго этою жестокою толпой.. Никогда эта сцена не представлялась мнѣ такъ живо. Мнѣ кажется, это было вчера!

Я встрѣтилъ г-на Л. моего прежняго спутника; онъ повель меня въ греческій монастырь, въ которомъ онъ нашель помѣщеніе. Греческій монастырь довольно большое зданіе, примыкающее къ храму Гроба Господня. Дворы переполнены восточными поклонниками. Мы всходимъ на крышу дома, которая замѣняетъ террасу; оттуда проходимъ въ одно изъ оконъ церкви, съ котораго какъ съ

*) Авторъ боится „суевѣрія“ и виадаетъ чрезъ что въ „суемудріи“, по неумѣнію найти средній такъ называемый „царскій путь“ между этими двумя крайностями. Оговорку эту дѣлаемъ однажды для всѣхъ подобныхъ мѣстъ.

каедръ мы можемъ видѣть всю внутренность храма; въ эту минуту армяне совершаютъ богослуженіе. Впрочемъ, здѣсь могутъ совершаться нѣсколько богослуженій раздѣль; перегородки, очень похожія на тѣ, которыя раздѣляютъ англійскія таверны, раздѣляютъ здѣсь христіанъ различныхъ вѣроисповѣданій. Съ высоты, на которой мы стоимъ, можно видѣть все несмотря на преграды. Мы слышимъ пѣніе и видимъ, какъ кадятъ священники.

При первомъ взглядѣ на святыя мѣста, я могъ бы получить тяжелое впечатлѣніе, видя раздѣленіе, господствующее между христіанскими исповѣданіями. Но я испытывалъ только чувство радости и восторга. Всѣ эти люди, правда, утратили смыслъ Евангелія; но какимъ блестящимъ свидѣтельствомъ служатъ эти люди, собравшіеся со всѣхъ концевъ вселенной на поклоненіе, каждый по своему, Богочеловѣку, который былъ распятъ здѣсь какъ злодѣй, и оспаривающіе другъ у друга, какъ величайшую честь, право приблизиться къ Его могилѣ! Никакая апологія христіанства не кажется мнѣ столь краснорѣчивою. Какъ! вотъ люди всѣхъ племенъ, всѣхъ странъ, люди, которые не могутъ быть согласны почти ни на одномъ изъ догматовъ вѣры, люди, утратившіе духъ Евангелія, раздѣленные между собою, другъ друга отлучающіе отъ церкви, ненавидящіе другъ друга, во имя тойже религіи, согласны въ одномъ, самомъ необыкновенномъ, самомъ чудесномъ, самомъ непостижимомъ во всемъ христіанствѣ, въ воскресеніи Іисуса Христа! Христосъ воскресъ: вотъ событіе, которое добровольно приходятъ засвидѣтельствовать со всѣхъ сторонъ! Вотъ событіе, которое каждая Церковь, каждая секта раскрываетъ, рассказываетъ, объясняетъ по своему, но которое служитъ для каждой изъ нихъ основаніемъ вѣры, надежды, неизсякаемымъ источникомъ ея радости!

Вербное Воскресеніе, 28 марта. Я проснулся поздно, чувствуя усталость еще отъ вчерашняго дня; но первая моя мысль, что я въ Іерусалимѣ. Весь день оставался я подъ вліяніемъ впечатлѣнія, которое получилъ при видѣ Страст-

наго пути; мысль о страданіяхъ Иисуса Христа, пред-ставшая съ такою ясностью при видѣ этихъ мѣстъ, поглощаетъ и сглаживаетъ всѣ воспоминанія, которыя пробуждаетъ Иерусалимъ. Не всему можно вѣрить, что показываютъ, но какое впечатлѣніе быть въ городѣ, гдѣ все что показываютъ, имѣетъ отношеніе къ Иисусу, въ городѣ, наполненномъ воспоминаніями о Немъ!

Первый, кого я встрѣтилъ вчера, былъ Ханна (Иванъ) Ахуадъ, молодой арабъ, съ которымъ я познакомился на палубѣ *Cesfiza*. Мнѣ кажется, ему очень хочется быть моимъ проводникомъ въ Назаретъ. Въ ожиданіи этого онъ сопровождаетъ меня въ моихъ прогулкахъ.

Мы входимъ въ храмъ Гроба Господня, довольно много народу уже толпится тамъ. Также какъ и вчера это процессія армянъ и коптовъ; она обходитъ вокругъ часовни, гдѣ находится Гробъ Господень. Всѣ идутъ съ покрытыми головами; восточные народы никогда не снимаютъ своихъ головныхъ уборовъ; священники кидаютъ въ народъ пальмы и оливковыя вѣтви; ихъ оспариваютъ другъ у друга, толкаются, кидаются на землю, чтобы достать, хохочутъ, кричатъ; одинъ, поймавъ вѣтку, показываетъ ее, поддразнивая другихъ менѣе счастливыхъ. Только благодаря тому, что не было другой процессіи, этотъ безпорядокъ не превратился въ драку. Впрочемъ представителями порядка здѣсь служатъ два ряда турецкихъ солдатъ, съ ружьемъ на плечѣ, которые повидимому очень забавляются этимъ шумнымъ собраніемъ.

Скандалъ бываетъ еще хуже въ великую субботу, когда священный огонь выходитъ изъ Гроба и каждый спѣшитъ зажечь отъ него свою свѣчку. Обыкновенно бываетъ кровопролитіе. Итакъ, въ этихъ святыхъ мѣстахъ, на самой Голгоѣ, еще и теперь продолжаютъ распинать Иисуса; эти мѣста, свидѣтели безконечной любви Спасителя, теперь свидѣтели раздора и неистовства христіанъ. Это грустно, но справедливо, это въ порядкѣ вещей! Богъ допускаетъ это для того, чтобы мы могли видѣть, что про-

исходитъ во всемъ христіанскомъ мірѣ; до тѣхъ поръ пока Іисуса Христа будутъ распинають суевѣріе и вражда, господствующія среди людей, провозглашающихъ себя Его послѣдователями, до тѣхъ поръ это будетъ повторяться и здѣсь.

Зданіе, называемое храмомъ Гроба Господня, довольно значительно; это собраніе нѣсколькихъ церквей, построенныхъ на мѣстѣ смерти и погребенія Іисуса. Мнѣ показываютъ темницу, въ которую Онъ былъ заключенъ на нѣсколько минутъ передъ казнью, потомъ ведутъ на Голгоѳу: вотъ мѣсто гдѣ Его пригвоздили ко кресту, вотъ гдѣ водрузили крестъ, отверстіе, въ которомъ онъ былъ утверженъ... Я думалъ прежде, что все это вызоветъ меня на критику.. Но, слыша эти названія, я не могъ ни изслѣдовать, ни критиковать, а только плакать и молиться.

Нѣкоторыя изъ улицъ Іерусалима мощены, но не уравнены, нѣкоторыя же прорѣзываются во всю длину, иногда по самой серединѣ, сточными трубами. Не много такихъ, въ которыхъ могла бы проѣхать карета; по этому-то здѣсь не встрѣтишь (также какъ и въ остальной Палестинѣ) ни одного экипажа; также не видать здѣсь ни ослонъ, ни лошадей, какъ въ Каирѣ; вездѣ отпечатокъ бѣдности, котораго не встрѣчалъ я въ Египтѣ. Въ настоящую минуту нельзя составить себѣ точное понятіе о числѣ жителей Іерусалима; оно болѣе чѣмъ удвоилось отъ числа поклонниковъ. Англиканскій епископъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, онъ никогда не видалъ такого множества; онъ боится, что нынѣшній годъ не обойдется безъ неприятныхъ столкновеній на Святой недѣлѣ. Говорятъ, что здѣсь теперь пятнадцать тысячъ поклонниковъ грековъ и десять тысячъ армянъ. Франковъ встрѣчается мало, но поклонниковъ съ востока всѣхъ націй и всевозможныхъ костюмовъ весьма много. О! какъ прекрасно будетъ, когда жизнь, т.-е. истина и любовь

водворятся на землѣ и всѣ народы придуть на поклоне-
ніе истинное и разумное въ Иерусалимъ!

Выйдя изъ храма Гроба Господня, мы проходимъ отъ начала до конца страстной путь. Ханна показываетъ мнѣ различныя мѣста, гдѣ останавливался Христосъ: прежде всего Судныя ворота, черезъ которыя Иисусъ вышелъ изъ города, потомъ домъ св. Вероники, которая отерла лицо Ему убрисомъ, мѣсто, гдѣ Симонъ Киренейскій взялся нести Его крестъ, гдѣ Онъ въ первый разъ упалъ подъ тяжестью Своей поши. Народное воображеніе хотѣло каждый шагъ, каждое слово Иисуса Христа связать съ опредѣленнымъ мѣстомъ; вотъ, напримѣръ, направо домъ евангельскаго богача; налево домъ Лазаря. Мой проводникъ хочетъ, чтобъ я воротился на нѣсколько шаговъ назадъ, потому что онъ позабылъ мнѣ показать *вопіющій камень*... Увы! къ чему это? Не вопіютъ ли громкимъ голосомъ всѣ камни этого несчастнаго города, что Сынъ Давидовъ приходилъ во имя Господа и что Израиль отвергнулъ своего Царя *)? Мы проходимъ подъ аркою „се человекъ!“ потомъ подъ другой аркою, прилегающею ко дворцу Пилата (въ которомъ живетъ теперь паша) и выходимъ за городъ черезъ ворота св. Стефана. Передъ нами Масличная гора; у подошвы ея, обнесенный выбѣленной стѣною Геосимзанскій садъ; насъ отдѣляетъ отъ него Иосафатова долина, по которой протекаетъ изсохшій потокъ Кедрскій.

Въ нѣсколько минутъ мы достигли вершины горы. Видъ отсюда превосходный. Передъ нами городъ. Налево, черезъ дорогу, ведущую въ Вифлеемъ, гора Злаго Совѣ-

*) Мы видимъ изъ рассказовъ прежнихъ поклонниковъ, что имъ показывали *камень, который отверли жидущіе* (Пс. 117, 22). Чичероне нашего времени отказываются показывать его; но его не трудно отыскать. Вѣроятно это былъ большой камень около 7 футовъ толщины, который составляетъ юго-восточный уголъ городскихъ стѣнъ, и кажется остался еще отъ прежнихъ стѣнъ; дѣйствительно онъ *сдѣлался главою угла*. Это служитъ примѣромъ тому, какъ старались найти буквальное и матеріальное объясненіе cadaго стиха св. Писанія.

щанія, зеленая и воздѣланная, какъ холмы Швейцаріи. Позади насъ горы и долины; вдали коническая горы Франковъ; ближе низменность Вифаніи, потомъ Мертвое море блестящаго голубаго цвѣта, Иорданъ, а тамъ, позади всего длинная цѣпь горъ Моавитскихъ, прямая какъ стѣна; она и въ самомъ дѣлѣ стѣна, защищавшая съ востока избранный народъ Божій, укрѣпленный въ Святой землѣ какъ въ крѣпости, также какъ море защищало на западѣ, пустыня на югѣ и снѣговья горы Ливана на сѣверѣ.

На вершинѣ Масличной горы находится мечеть Вознесенія. Мы всходимъ на минареть, чтобъ полюбоваться еще болѣе обширнымъ видомъ. Въ боковомъ зданіи, прилегающемъ къ мечети, гдѣ ежегодно позволяютъ латинамъ отслужить обѣдню, показываютъ на камнѣ слѣдъ ступни, оставленный Иисусомъ при вознесеніи. Мнѣ показываютъ его за бакшишъ; мусульмане входятъ вмѣстѣ со мной и молятся.

Мы сходимъ съ горы; я не съумѣю описать впечатлѣніе, которое производятъ эти мѣста. Это совсѣмъ другое, чѣмъ въ городѣ, гдѣ все измѣнено рукой времени и челоука. Но природа остается все таже; видъ, на который я смотрю, тотъже, на который смотрѣлъ Иисусъ съ вершины Масличной горы, *куда Онъ по обыкновенію уединялся!* (Лук. 22, 39). Эти камни, эти маслины, эти цвѣточки, растущіе у меня подъ ногами, все тѣже, которые были передъ глазами Давида и Иисуса. Здѣсь Иисусъ, глядя на Иерусалимъ, такъже какъ и я гляжу теперь, оплакивалъ его, говоря: „О, если бы ты, хотя въ сей твой день, узналъ, что служить къ миру твоему! Но сіе сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ, ибо придуть на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами и окружаютъ тебя“ (Лук. 19, 42. 43): Таже картина, которую созерцалъ Иеремія, плача на развалинахъ роднаго города, и у меня передъ глазами; она же носилась въ воображеніи псалмопѣвца, когда онъ воскликнулъ: „аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя“ (Пс. 136, 5).

Двѣ рѣчи преосвященнѣйшаго Леониды, епископа Дмитровскаго 25 и 26 апрѣля.

Въ 1861 году 26 апрѣля въ московскомъ Успенскомъ соборѣ совершена была хиротонія Леониды, епископа Дмитровскаго, старшаго викарія московскаго митрополита. Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ. Впродолженіе этого періода преосвящ. Леонидъ пріобрѣлъ особенное расположеніе къ себѣ московскаго общества примѣромъ строгой монашеской жизни, доступностію всѣмъ и каждому, теплымъ христіанскимъ участіемъ въ нуждахъ, радостяхъ и скорбяхъ москвичей, задушевными, всегда христіански-поучительными домашними бесѣдами съ многочисленными посѣтителями его и съ посѣщаемыми имъ, которыми онъ ведетъ съ особеннымъ тактомъ. Благотворное вліяніе этихъ бесѣдъ на свѣтское московское общество неоспоримо, — благодаря имъ во многихъ поддержана и поддерживается связь съ Церковію. Почитатели преосвящ. Леониды, не дожидаясь обычныхъ сроковъ для празднованія юбилея, рѣшились въ 15-ю годовщину его архипастырскаго служенія торжественно выразить предъ нимъ чувства глубокаго расположенія къ нему. Чувства эти выражены въ двухъ привѣтственныхъ адресахъ, изъ которыхъ одинъ прочитанъ былъ наканунѣ 26-го апрѣля, послѣ всенощнаго бдѣнія, при чемъ поднесенъ былъ ему *серебряный* съ художественными рельефами *умывальникъ*, употребляемый при архіерейскомъ служеніи, а другой—26-го апрѣля послѣ литургіи, при чемъ поднесена была ему отъ купеческаго сословія драгоценная панагія. Торжество происходило на Саввинскомъ подворьѣ, мѣстопребываніи преосв. Леониды. Въ числѣ привѣтствовавшихъ его преосвященство находились многіе изъ членовъ московскаго духовенства. Мысль объ устройствѣ торжества въ честь архипастыря принадлежитъ собственно свѣтскому обществу, но духовенство не могло не поздравить Преосвященнаго съ вниманіемъ къ нему свѣтскаго общества, какъ знаменательнымъ явленіемъ въ церковной жизни,—не могло также не выразить при семъ случаѣ личной благодарности къ архипастырю за близкое общеніе его съ московскими пастырями. Подробности праздника описаны въ 109 № Московскихъ Вѣдомостей, изъ которыхъ мы заимствуемъ только Рѣчи преосвящ. Леониды, сказанныя въ отвѣтъ на привѣтствія.

Речь въ отвѣтъ на привѣтствіе наканунѣ 26-го апрѣля.

„Внимая этой глубоко трогательной для меня рѣчи, я слышу слово: *воспоминаніе*, и скажу, что въ эти минуты вечера, столь для меня отраднаго, я невольно воспоминаю два другіе знаменательные для меня вечера.

„На дняхъ 40 лѣтъ исполнится, какъ въ ясный и холодный майскій вечеръ, на Кронштадтскомъ рейдѣ, впервые спускался я по трапу подъ палубу военнаго фрегата, и первые звуки, коснушіеся моего слуха, были не боевые клики, а радостное пасхальное пѣніе: *Христосъ воскрес!* Моряки молились.

„Былъ другой вечеръ,—тому 37 лѣтъ,—также холодный и ясный, мартовскій вечеръ въ Петербургѣ. Я въ первый разъ представлялся блаженной памяти митрополиту Филарету московскому: великій іерархъ благоволилъ бесѣдовать со мною.

„Первый изъ этихъ вечеровъ полагалъ начало моей жизни общественной на поприщѣ военномъ, къ которому готовило меня воспитаніе и которое, однако, было непродолжительно; второй положилъ начало тому направленію моей жизни, къ которому не былъ я приготовленъ ничѣмъ, кромѣ тайнаго влеченія сердца, и по которому даровалъ мнѣ Богъ слѣдовать доншѣ.

„Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, былъ я при митрополитѣ Филаретѣ, какъ при великомъ, крѣпкомъ кораблѣ, привязанная къ нему малая, утлая ладья.

„Руководимый его разумомъ, согрѣваемый его любовію, я искалъ одного: быть послушнымъ орудіемъ его священной воли, находя въ ней для себя спокойствіе и отраду, безопасность и благонадежность для будущаго земнаго и небеснаго. Я былъ принятъ имъ и приведенъ сначала въ Лавру Троицкую, къ свѣту двойнаго свѣтильника, горящаго предъ гробомъ Сергіевымъ — свѣтильника жизни иноческой и свѣтильника науки духовной, и потомъ изъ тишины монастырской изведенъ имъ къ должностямъ начальственнымъ въ шумъ царствующаго града, гдѣ вотъ уже двадцатый гѣдь я жительствую. Всегда и во всемъ видѣлъ я въ великомъ іерархѣ великаго учителя, у котораго хотѣлось навсегда быть ученикомъ, хотя, быть-можетъ, я только любовался, а не пользовался его свѣтомъ. По крайней мѣрѣ незабвенны для меня въ его словѣ и примѣрѣ какъ уроки вѣрнаго храненія канонѣвъ святой православной Церкви со всѣми отце-преданными ея уставами, такъ и уроки уваженія къ духу евангельской любви, выражаемому въ жизни и дѣлахъ членѣвъ Церкви Христовой, общественныхъ и частныхъ. Какъ многіе годы, не оставляя Москвы, онъ давалъ направленіе важнѣйшимъ

дѣламъ, можно сказать всей Вселенской Церкви: такъ многіе годы, почти не выходя изъ келліи, онъ, можно сказать, воспитывалъ возлюбленную ему паству Московскую для дѣлъ и жизни христіанской, сочувствіемъ, совѣтомъ, покровительствомъ. Я позволю себѣ смѣло сказать, что тотъ отсвѣтъ христіанской мысли, христіанскаго чувства, который такъ радуется душу въ большей части нашихъ московскихъ общественныхъ благотворительныхъ начинаній и учрежденій, есть слѣдствіе непрерывнаго духовнаго общенія Московскаго свѣтскаго общества съ архипастырями Московскими и вообще съ духовенствомъ,—общенія, которому начало положено еще митрополитомъ Платономъ, которое развито, укрѣплено и упрочено митрополитомъ Филаретомъ, пріято и поддержано ихъ знаменитымъ преемникомъ. Поэтому то, что въ дорогихъ для меня сейчасъ высказанныхъ вами словахъ упомянуто о моемъ участіи въ жизни и разныхъ полезныхъ предпріятіяхъ московскаго общества, составляетъ для меня не трудъ, за который меня надобно бы хвалить, а отдыхъ и наслажденіе, за которое я обязанъ благодарностію тѣмъ, кто мнѣ доставляетъ случай хотя сколько-нибудь прикасаться сочувствіемъ или дѣйствіемъ къ обстоятельствамъ жизни частной или къ дѣламъ, составляющимъ честь и украшеніе и вѣнецъ жизни московскаго свѣтскаго общества. Сколь неожиданное, столь и утѣшительное для меня нынѣшнее собраніе въ моихъ келліяхъ того, что составляетъ цвѣтъ возлюбленной Москвы, потому наводитъ меня на воспоминаніе двухъ вечеровъ на утренней зарѣ моей жизни, что сегодняшній вечеръ, по своему значенію для меня, какъ награда за все, что не своею силою, а милостію Божіею, могъ я сдѣлать одобрительнаго, и какъ поощреніе къ тому, чего общество вправѣ отъ меня потребовать,—будетъ радостно озарять и направлять вечерѣющій день моей жизни, въ ожиданіи, по общему христіанскому упованію, разсвѣта дня невечерѣющаго“.

Рѣчь въ отвѣтъ на привѣтствіе 26го апрѣля.

„На берегу Финскаго залива есть монастырь, именуемый Сергіева пустынь, и въ немъ, принесенная нѣкогда изъ Троицкой лавры, чудотворная икона Преподобнаго Сергія. Предъ этою иконою молодая женщина положила своего больнаго двухлѣтнаго младенца, съ горячею мольбой или прекратить его жизнь, если она на зло обречена, или исцѣлить его и принять подъ свой святой покровъ.

„Преподобный внялъ молитвамъ юной, пламенно вѣрующей души: младенецъ выздоровѣлъ, и Преподобный болѣе пятидесяти пяти лѣтъ, можно сказать, не отпускаетъ его отъ себя, такъ какъ этого младенца вы видите во мнѣ.

„Въ сѣверной столицѣ рожденный и воспитанный для борьбы съ морскими бурями и опасностями войны, я успѣлъ довольно рано оставить оружіе тлѣнное, чтобы перевоспитывать себя для духовной брани, въ обители, гдѣ самъ Преподобный Сергій почиваетъ въ благоуханіи святыхъ нетлѣнныхъ мощей своихъ. Когда же священной и державной Волѣ благоугодно было назначить мнѣ высшее служеніе церковное, мнѣ суждено вмѣстѣ съ тѣмъ вступить подъ кровь ученика Сергіева, Преподобнаго Саввы Сторожевскаго, и впервые издали завидѣвъ золотые верхи этой дивно-прекрасной обители, — почему-то сказало сердце: здѣ покой мой, здѣ вселюся.

„Въ благосклонной рѣчи, сейчасъ выслушанной мною, мнѣ приписано въ заслугу, что я неоднократно отклонялъ отъ себя честь быть самостоятельнымъ епископомъ. Подъ небеснымъ осѣненіемъ такихъ подвижниковъ, какъ Преподобные Сергій и Савва, легко мнѣ было убѣдиться, что и для меня быть викаріемъ такихъ святителей, каковы Филаретъ и Иннокентій, гораздо полезнѣе, нежели быть гдѣ-либо самостоятельнымъ архіереемъ, подобно тому какъ сподвижникъ Сергія и Саввы архимандритъ Симонъ убѣдился, что для него спасительнѣе быть послушникомъ въ пустынь Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ.

„Отъ юнаго возраста воспитавшись въ послушаніи, я

шелъ, куда указывалъ мнѣ путь благодѣтель мой, въ Бозѣ почившій архипастырь Московскій, и такъ дошелъ я до дня, въ который открылась для него могила. Тогда я думалъ, что настало время заключиться въ обители Сторожевской для укрѣпленія въ себѣ спасительной памяти смертнаго часа. Благая воля преемника Филаретова удержала меня до времени, и то благоволеніе и надежное руководство, та любовь отечески-нѣжная, которыя я нашелъ въ новомъ архипастырѣ, чье имя славно и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, дѣлають мнѣ и трудъ легкимъ, и время незамѣтнымъ. Не вѣрится, что я служу въ настоящей своей должности гораздо долѣе, нежели кто-либо изъ моихъ предшественниковъ.

„Благое слово добрыхъ сердець придаетъ значеніе тому, что я люблю Москву и Москвичей. Но развѣ есть истинно-русскій человѣкъ, который могъ бы не любить Москвы, колыбели русской славы, сердца русской жизни? Развѣ есть Русскій, чьи очи могли бы насытиться видомъ Москвы съ высоты Кремля, чей слухъ могъ бы наслушаться звуками ея колоколовъ въ полнощи Свѣтлаго Христова Воскресенья или другаго великаго праздника? И гдѣ могъ бы я найти при исполненіи обязанности моего званія содѣйствіе духовенства болѣе просвѣщеннаго и благонамѣреннаго, болѣе вѣрнаго завѣтамъ праотческаго благочестія, болѣе готоваго къ пещенію благаго ига послушанія? Гдѣ могъ бы я найти столь проникнутое церковностію свѣтское общество, чтобъ оно съ духовенствомъ такъ сближалось и соединялось въ единое тѣло духовное, и образовало бы Церковь Божію въ истинномъ значеніи слова? Гдѣ могъ бы я наконецъ найти такое теплое сочувствіе и отъ духовенства и отъ всѣхъ сословій, такое живое поощреніе для себя, какими пятнадцать лѣтъ пользуюсь и какія такъ особенно глубоко меня трогаютъ и услаждаютъ въ эти для меня незабвенные дни, которые да будутъ и днями благословеній для всѣхъ благожелательныхъ душъ, почтившихъ меня не по мѣрѣ моихъ заслугъ и достоинствъ,

а по мѣрѣ своей любви великодушной? Воздавая за все хвалу въ Троицѣ славимому Богу, повергаясь предъ святынею моего милостивѣйшаго архипастыря, съ такою любовію привѣтствующаго и благословляющаго меня нынѣ св. иконою Спасителя нашего, я приношу смиренно и сердечно благодарность всѣмъ и каждому изъ васъ, призывая на васъ Божіи благословія, земныя и небесныя, и благословляю тѣ минуты, въ которыя выражалъ я рѣшимость не разставаться съ занимаемою мною должностію. Наконецъ прошу вашихъ молитвъ на продолженіе моего служенія, пока, аще Богъ изволитъ, не осуществится предсказаніе сердца, и Преподобнымъ Сергіемъ воспріятый въ младенчествѣ не обрѣту подъ старость вселенія на покой, временный и вѣчный, подъ кровомъ обители его ученика, святаго игумена Сторожевскаго.“

Святыи Духъ—обличитель невѣрїя во Христа.

Господь Іисусъ Христосъ, въ прощальной бесѣдѣ Своей съ апостолами, утѣшая ихъ въ предстоящей имъ разлукѣ съ Нимъ обѣщаніемъ ниспослать къ нимъ Святаго Духа, сказалъ между прочимъ о Св. Духѣ: „И пришедъ Онъ, обличитъ міръ о грѣсѣхъ и о правдѣхъ и о судѣхъ. О грѣсѣхъ убо, яко не вѣруютъ въ Мя; о правдѣхъ же, яко ко Отцу Моему гряду, и ктому не видите Мене; о судѣхъ же, яко князь міра сего осужденъ будетъ“ (Іоан. 16, 8—11).

Итакъ Духъ Святой есть не только *Утѣшитель*, проливающій въ сердца наши, скорбяція о грѣхахъ и о разныхъ бѣдствіяхъ, миръ и радость, дѣлающій нечувствительными наши скорби, или подающій намъ силу къ перенесенію ихъ,—Онъ есть вмѣстѣ *Обличитель*, которому свойственно своими обличеніями производить въ обличаемыхъ ощущенія скорбныя и тяжелыя.

По слову Христа Спасителя, обличенія Св. Духа будутъ относиться къ міру: *обличитъ міръ*. Міръ—это об-

ласть людей невѣрующихъ въ Иисуса Христа, находящихся въ благодатнаго Его царства, или только внѣшнимъ образомъ принадлежащихъ къ нему. Обличаютъ, обыкновенно, виновныхъ, неправыхъ. Въ чемъ же состоитъ вина обличаемыхъ Св. Духомъ людей міра? Въ томъ и вина, что они остаются въ мірѣ безъ вѣры во Христа, не присоединяются къ Церкви Его, къ обществу учениковъ Его, и чрезъ то лишаютъ себя надежды спасенія, „ибо нѣтъ другаго имени (*кромя имени Христова*) подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“ (Дѣян. 4, 12). Въ этой-то виновности, въ этомъ грѣхѣ невѣрія во Христа, соединенномъ съ опасностію вѣчной гибели, будетъ обличать людей міра Духъ Святый. *Обличить міръ о грѣсѣ, яко не вѣруютъ въ Мя.*

Самъ Христосъ неоднократно обличалъ Іудеевъ въ томъ, что они не вѣруютъ въ Него, какъ посланника Божія, что, хотя Онъ пришелъ во имя Отца, они готовы промѣнять Его на человѣка, который придетъ къ нимъ во имя свое, т.-е. на антихриста (Іоан. 5, 38. 43). Въ обличеніе ихъ невѣрія Онъ ссылался на многоразличныя знаменія и чудеса, какія Онъ творилъ въ доказательство Своего божественнаго посланничества (Іоан. 5, 36). Онъ упрекалъ ихъ въ хулѣ на Св. Духа, когда они до того простирали невѣріе въ Него, что самыя чудеса Его приписывали вельзевулу (Матѣ. 12, 32). Въ обличеніе ихъ невѣрія Онъ указывалъ имъ также на пророчества, относящіяся къ Нему и исполняющіяся на Немъ. Онъ говорилъ, что не вѣруя Ему, они показываютъ, что не вѣрятъ самому Моисею, ибо Моисей о Немъ писалъ (Іоан. 5, 46). Невѣріе въ Него Христосъ объяснялъ тѣмъ, что они возлюбили больше тьму, нежели свѣтъ, изъ опасенія, чтобы предъ свѣтомъ истины не обличились ихъ злыя дѣла (Іоан. 3, 19. 20),—что они возлюбили больше славу человѣческую, нежели Божію (Іоан. 5, 44; 12, 26), т.-е. человѣческіе, житейскіе расчеты заглушили въ нихъ приемлемость къ истинѣ, и страхъ предъ враждебными Ему

фарисеями, низкое челоѣкоугодничество отвлекли ихъ отъ прославленія въ Его лицѣ Бога, — что невѣрующіе Ему—не отъ овецъ Его (Іоан. 10, 26), т.-е. не имѣютъ кротости, смиренія, страха Божія, потребныхъ для усвоенія божественной истины. Словомъ, они не увѣровали въ Него, потому главнымъ образомъ, что не хотѣли увѣрывать. Они могли узнать истину, но закрывали отъ ней глаза, видя не видѣли, слыша не слышали. Поэтому ихъ невѣріе есть самый тяжкій и непростительный грѣхъ, какъ грѣхъ вѣдѣнія. „Еслибы Я не пришелъ и не говорилъ имъ..., еслибы не творилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь и видѣли и возненавидѣли и Меня и Отца Моего“ (Іоан. 15, 22—24), сказалъ Христосъ Обличитель о неувѣровавшихъ въ Него людяхъ міра.—Дѣло обличенія міра въ грѣхѣ невѣрїя Христу долженъ былъ продолжать Духъ Святой, ибо вообще дѣло Святаго Духа неотлично отъ дѣла Христова и служить его продолженіемъ. „Онъ прославитъ Меня, сказалъ Христосъ о Духѣ, потому что отъ Моего возьметъ и възвѣститъ вамъ“ (Іоан. 16, 14). Духъ Святой дѣйствительно, послѣ того какъ сошелъ на апостоловъ, все дѣлалъ въ славу имени Христова. Онъ чрезъ апостоловъ повсюду насаждалъ вѣру во Христа, распространялъ царство Его, и для успѣха въ семъ дѣлѣ облекъ слово апостоловъ непреоборимую силою и творилъ чрезъ нихъ безчисленныя знаменія и чудеса,—и все это во имя Христа распятаго и воскресшаго! Все это въ виду невѣрующихъ во Христа, въ обличеніе ихъ невѣрїя! И какое сильное обличеніе! Они думали, что дѣло Христово погибло въ Его смертію, не оставивъ слѣда, что общество учениковъ Его разсѣется. Но нѣтъ, дѣло Христа Спасителя только оживилось съ Его смертію, ибо это была смерть зерна, которое не оживетъ, если не умретъ. Слово о Христѣ, о Его смерти и воскресеніи, огласило вселенную и всюду приобрѣтало вѣрующихъ. Напрасно люди міра силились заглушить это слово, съ

корнемъ вырвать это божественное насажденіе. Вѣра Христа торжествовала надъ всѣми препятствіями, какіе встрѣчала со стороны язычниковъ и іудеевъ, властей и народа, ученыхъ и невѣждъ, жрецовъ и другихъ лицъ, выгоды которыхъ тѣсно связаны были съ существованіемъ суевѣрія. Чему же она обязана была своимъ торжествомъ, своими успѣхами, своими могущественными дѣйствіями, надъ умами и сердцама людей,—чему обязана тѣмъ, что не внѣшнимъ только образомъ она распространялась, но производила внутреннюю перемѣну на лучшее въ каждомъ вѣрующемъ? Единственно силѣ Божіей, единственно благодати Св. Духа. Апостолы и другіе учителя вѣры покоряли ей умы и сердца не силою краснорѣчія и учености,—ибо въ этомъ отношеніи самые образованные между ними признавали себя невѣждами въ словѣ (2 Кор. 11 6), безумными (1 Кор. 4, 10),—не хитростію и происками, ибо дѣйствовали всюду открыто,—не деньгами и подкупомъ, ибо не имѣли никакой собственности и оставили для Христа все чѣмъ владѣли,—не насиліями, ибо напротивъ сами терпѣли всякія насилія и притѣсненія; нѣтъ, они сильны были не человѣческою, а единственно Божіею силою. Они „проповѣдывали всюду, Господу послѣдствующую и словоутверждающую послѣдствующими знаменіями“ (Марк. 16, 20), какія чрезъ нихъ производилъ Духъ Святой. Такимъ образомъ невѣровавшіе во Христа обличаемы были въ грѣховности своего невѣрія самими успѣхами вѣры, которые не иначе можно было объяснить, какъ силою Божіею, открывавшеюся въ этихъ знаменіяхъ,—и потому свидѣтели ихъ, упорствуя въ своемъ невѣрїи, противодѣйствуя Евангелію, очевидно шли противъ рожна и явно осуждали себя на гибель. Такъ сбылось предреченіе Спасителя о томъ, что Духъ Святой обличить людей міра въ грѣхѣ невѣрія въ Него, откроетъ имъ неразуміе и пагубность этого невѣрія. Но Его обличенія, пагубныя для однихъ, образумили другихъ. Это обнаружилось въ самый день сошествія Святаго Духа. Въ первой рѣчи своей къ Іуде-

ямъ, собравшимся къ сіонской горницѣ по случаю этого событія, апостоль Петръ смѣло обличилъ ихъ въ убіеніи Христа, „засвидѣтельствовавшаго отъ Бога силами и чудесами и знаменіями“ (Дѣя. 2, 22, 28). Слушатели не озлобились на обличителя, но умилились сердцемъ, принесли раскаяніе въ грѣхѣ невѣрія во Христа и тогда же въ числѣ трехъ тысячъ душъ присоединились къ церкви спасаемыхъ (— 41). Примѣры благотворнаго дѣйствія подобныхъ обличеній не разъ повторялись послѣ и повторяются доселѣ.

Обличая міръ за грѣхъ невѣрія въ Господа Иисуса, Святой Духъ обличитъ людей міра также въ неосновательности тѣхъ предлоговъ, какими они готовы оправдывать свое невѣріе. Они могли ссылаться въ оправданіе свое: 1) на то, что не видятъ самолично, своими глазами, Христа, и 2) на продолжающееся господство діавола. Духъ Святой обличитъ міръ въ неосновательности того и другаго предлога.

1) Такъ Духъ Святой *обличитъ міръ о правдѣ* (въ обличеніе неправо разсуждающему міру покажетъ ему правду въ томъ), *яко (что) ко Отцу Моему граду и ктому не видите Мене*, сказалъ Господь о Духѣ. По суду міра, притворному или искреннему, дѣло Господа Иисуса, какъ дѣло обѣтованнаго Мессіи, могло быть прочно единственно подъ условіемъ вѣчнаго пребыванія Его на землѣ. Люди міра думали и говорили, что Христу надлежало основать вѣчное земное царство и быть вѣчно личнымъ, непосредственнымъ его царемъ. Потому, когда Иисусъ Христосъ сказалъ: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли,—разумѣя отшествіе къ Отцу путемъ крестной смерти,—сея привлеку къ Себѣ,—*то слушатели Его, научившіеся судить о царствѣ Мессіи по толкованію книжниковъ и фарисеевъ, возразили: *мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како ты глаголеши: вознесися подобаетъ Сыну человѣческому?* (Іоан. 12, 32. 34). Они не могли понять, какъ это возможно существовать царству Христову, когда не будетъ на лицо царя его, когда Онъ

умреть, какъ всѣ умирають. Кто же, думали, останется царемъ этого царства? — Господь Иисусъ Христосъ во время земной жизни Своей никогда ничѣмъ не показывалъ, что одобряетъ это мнѣніе. Онъ утверждалъ, напротивъ, что царство Его не отъ міра сего, что оно есть царство истины (Іоан. 19, 36. 37), слѣдовательно духовное, — что оно есть небесное, ибо воспитываетъ своихъ гражданъ для неба, слѣдовательно хотя существуетъ на землѣ, цѣли его отнюдь не земныя. Если же такъ, то, очевидно, никакой нѣтъ необходимости царю этого царства жить въ немъ видимымъ, тѣлеснымъ образомъ. Поэтому Онъ неоднократно уклонялся отъ чести провозглашенія Его земнымъ царемъ и говорилъ, что Ему надлежитъ оставить этотъ міръ и идти къ Отцу и уже съ неба дѣйствовать данною Ему всякою властію на небеси и на земли, съ неба поддерживать Свое общеніе съ Церковію, согласно съ Его же обѣтованіемъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 18. 20). Да и зачѣмъ Христу вѣчно пребывать на землѣ? Онъ приходилъ на землю для того, чтобы искупить людей, для чего надлежало Ему облечься въ нашу плоть, и въ этой плоти пострадать и умереть за насъ. Это, а не другое требовалось отъ Него по предвѣчному совѣту о нашемъ спасеніи. Потому Онъ и называется Агнцемъ, закланнымъ отъ сложенія міра. И вотъ, что требовалось отъ Него, это Онъ исполнилъ, дѣло Его кончено и оставаться Ему долѣе на землѣ не за чѣмъ. Надлежало только позаботиться о томъ, чтобы люди усвоили плоды искупленія, т.-е. чтобы очистились, возродились, освятились и сдѣлались наследниками царства небеснаго. Но сіе дѣло принадлежитъ Святому Духу, Его благодати. Извѣстно, что въ дѣлѣ спасенія нашего участвуютъ всѣ три Лица Св. Троицы, каждое особымъ образомъ. Богу Отцу надлежало послать едиnorodнаго Сына Своего и предать Его за всѣхъ насъ (Іоан. 10, 36. Рим. 8, 32). Богу Сыну надлежало, въ исполненіе воли Бога Отца, совершить наше искупленіе вочеловѣченіемъ Своимъ,

страданіемъ и смертію. Духу же Святому предназначено было духовно обновить и освятить своею благодатію искупленныхъ Христомъ. И вотъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ совершили свое дѣло, пришло время дѣйствовать Св. Духу. И Спаситель по совершеніи искупленія поспѣшилъ вознестись къ Отцу именно за тѣмъ, чтобы послать отъ Отца Св. Духа. „Лучше для васъ, сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ,—чтобы Я пошелъ; ибо если не пойду, Утѣшитель не прійдетъ къ вамъ, а если пойду, то пошлю Его къ вамъ“ (Іоан. 16, 7). Видите, какая тѣсная связь между отшествіемъ Искупителя на небо и низшествіемъ Духа Утѣшителя: послѣднее не могло быть безъ перваго. Оставаться Христу на землѣ по совершеніи искупленія значило бы, слѣдовательно, лишать людей благодати Св. Духа. Было ли бы это справедливо? Напротивъ справедливость требовала, чтобы Совершившій искупленіе далъ мѣсто дѣйствованію Св. Духа, и для сего вознесся къ Отцу. Эту-то божественную справедливость и разумѣлъ Господь Іисусъ, когда сказалъ о Духѣ Святомъ: *обличитъ о правдѣ, яко ко Отцу Моему гряду и ктому не видите Мене*. Люди міра не понимали этой правды, этой справедливости *), по требованію которой Іисусу Христу надлежало пойти къ Отцу и скрыться отъ очей Своихъ учениковъ, и потому не вѣровали во Христа. Духъ Святый обличить ихъ въ этомъ грубомъ непониманіи, или желаніи не понимать, и происходящемъ отсюда невѣріи: Онъ покажетъ имъ, что дѣло, для котораго приходилъ на землю Христосъ, не только не погибло съ Его отшествіемъ къ Отцу, а еще больше раскрылось и утвердилось. Это потому, что всѣ благодатныя дѣйствія Св. Духа направлены къ славѣ имени Христова и суть плодъ того, что сдѣ-

*) Слово: *правда* въ подобномъ сему значеніи,—въ значеніи справедливости, законности, надобности, долга,—употреблено Христомъ еще по другому случаю. *Тако подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мат. 3, 15), сказалъ Господь Іоанну Предтечѣ, уклонявшемуся отъ совершенія надъ Нимъ крещенія.

лалъ Христось для нашего спасенія. Духъ Святой не излилъ бы на людей многоразличныхъ даровъ Своей благодати къ ихъ духовному обновленію, освященію, облаженствованію, еслибы Христось не исходатайствовалъ ихъ у Отца Своими заслугами (Тит. 3, 4—6). Но не лучше ли было бы, еслибы и Христось Спаситель оставался видимо на землѣ, и Духъ Святой въ Его присутствіи дѣлалъ свое дѣло? Безъ сомнѣнія, не лучше. Вспомнимъ, что, пока Христось оставался на землѣ, ученики Его не покидали плотскихъ мыслей о царствѣ Его. Можно ли было ручаться, что они разстались бы съ этими мыслями, еслибы плотское пребываніе Его на землѣ продлилось и по сошествіи на нихъ Св. Духа? И не служило ли бы оно даже препятствіемъ благотворному дѣйствию на нихъ Св. Духа, какъ и всякій плотскій образъ мыслей?—Только тогда была бы причина сожалѣть объ отшествіи отъ насъ Спасителя, когда бы невидимое пребываніе Св. Духа не замѣнило вполнѣ видимаго пребыванія Спасителя. Но можно ли сказать это? Чего не сдѣлалъ и не дѣлаетъ Святой Духъ для всей Церкви и для каждаго вѣрующаго? Онъ сначала исполнилъ своею благодатію апостоловъ, обновилъ ихъ и освятилъ, а отъ нихъ она распространилась и распространяется въ многообразныхъ видахъ на всѣхъ вѣрующихъ чрезъ таинства, совершаемыя лицами, ведущими свое преемство отъ апостоловъ. Не говоримъ уже о чрезвычайныхъ дарахъ Св. Духа и о непосредственныхъ дѣйствіяхъ Его на душу. Итакъ напрасно міръ упорствуетъ въ невѣрїи Христу подъ предлогомъ, что Христось не пребываетъ видимо въ Церкви. Духъ Святой во имя Его, во славу Его, вслѣдствіе ходатайства Его, дѣлаетъ все, чтобы замѣнить видимое присутствіе Христа въ Церкви. Можно сказать, что непрерывно продолжающееся духовное общеніе Самаго Христа съ вѣрующими есть плодъ благодати Св. Духа. Можно ли желать болѣе сильнаго обличенія упорствующему въ невѣрїи во Христа міру, и болѣе сильнаго оправданія тому,

что Христосъ отшелъ къ Отцу въ своемъ прославленномъ тѣлѣ и мы уже не видимъ Его тѣлесными очами?

2) Невѣрующіе во Христа готовы оправдывать свое невѣріе еще тѣмъ, что діаволъ до сихъ поръ продолжаетъ вредить людямъ, какъ будто не потерпѣлъ никакого осужденія отъ Христа. Но Св. Духъ, по слову Христову, *обличитъ міръ о судѣ, яко князь міра сего осужденъ будетъ*, т.-е. въ обличеніе невѣрующему міру покажетъ дѣйствительность суда, совершеннаго Христомъ надъ княземъ міра. Пусть не говорятъ не хотящіе вѣровать во Христа, что Онъ не избавилъ людей отъ власти діавола, которую онъ со времени грѣхопаденія Адамова обманомъ и хищеніемъ присвоилъ надъ міромъ и потому сталъ княземъ міра. Нѣтъ, Сынъ Божій затѣмъ и приходилъ въ міръ, чтобы разрушить дѣла діавола (1 Иоан. 3, 8). И дѣйствительно, Онъ явился разрушителемъ ихъ, когда изгонялъ изъ людей бѣсовъ. Но преимущественно Онъ разрушилъ силу діавола смертію Своею, какъ Онъ самъ сказалъ о днѣ Своей смерти: *нынѣ князь міра сего изнанъ будетъ воиъ* (Иоан. 12, 31). Но міръ не вѣритъ этому; онъ хочетъ наглядными опытами убѣдиться въ томъ, что власть діавола потрясена и надъ нимъ совершился строгій судъ. Но развѣ мало сихъ опытовъ? Ими полна исторія христіанской Церкви. Кому неизвѣстно, что все язычество съ его заблужденіями, суевѣріями, непотребствами, есть порожденіе діавола, что *бози языкъ суть бѣсове*, что посредствомъ ихъ, этихъ мнимыхъ боговъ, онъ поистинѣ былъ царемъ языческаго міра? Что же? Неужели непоколебимо продолжаетъ стоять это царство? Развѣ не нанесены ему сокрушительные удары христіанскою вѣрою? Развѣ не на развалинахъ его утвердилось царство Христово? Всякому мало-мальски знакомому съ судьбами христіанской Церкви извѣстно, какъ предъ именемъ Іисуса падали идолы, разрушались идольскіе храмы, открывались обманы жрецовъ и вся пустота язычества несмотря на ожесточенную войну его противъ Евангелія. Случалось, что отъ одного звука имени Іисуса, отъ одного крестнаго знаме-

нія съ крикомъ бѣжали изъ языческихъ капищъ и изъ бѣсноватыхъ злые духи. Не прогоняются ли и доселѣ тѣмъ же оружіями искушенія діавольскія? Діавольскіе бесы противъ рабовъ Христовыхъ, ратующихъ противъ него подъ знаменемъ Христа. Кто же помогаетъ христіанамъ торжествовать надъ властію діавола? Духъ Святой. Христосъ побѣдилъ діавола и разрушилъ его царство, воспользоваться же плодами Его побѣды мы можемъ не иначе, какъ благодатію Св. Духа. Но въ этомъ торжествѣ вѣрующихъ, при помощи благодати Св. Духа, надъ силою діавола не заключается ли новаго обличенія міру, не хотящему вѣрить во Христа подъ тѣмъ предлогомъ, будто Христосъ не совершилъ суда надъ діаволомъ, или будто діавольскіе бесы не боятся этого суда? Духъ Святой обличаетъ міръ въ неосновательности этого предлога, когда показываетъ міру въ безчисленныхъ опытахъ торжество надъ діаволомъ, что этотъ князь міра дѣйствительно осужденъ Христомъ, и когда во имя Христа подаетъ намъ благодатныя силы для борьбы съ діаволомъ. Но зачѣмъ эта борьба? Не лучше ли было бы отнять у діавола всякую возможность нападать на людей? Но надо знать, для чего допускаются эти нападенія. Это для нашего упражненія въ добродѣтели, для наученія смиренію склонныхъ къ самопадѣянности, и для увеличенія награды людямъ за подвигъ борьбы и за побѣду надъ врагомъ спасенія. Чѣмъ крѣпче подвигъ и рѣшительнѣе побѣда, тѣмъ свѣтлѣе вѣнцы за нихъ.

Итакъ Святымъ Духомъ достаточно обличается міръ въ неразуміи своего невѣрія во Христа. Если во имя Христа св. Духъ поддерживаетъ дѣло Его, если во имя Христа Онъ дѣлаетъ все къ нашему обновленію и освященію и своею благодатію въ лицѣ вѣрующихъ торжествуетъ надъ кознями діавола, то не вѣровать послѣ этого во Христа Спасителя значитъ закрывать глаза, чтобы не видѣть ничего, что совершается Святымъ Духомъ во имя Его.

Прот. Вас. Нечаевъ.

Отвѣтъ Современнымъ Извѣстіямъ.

Въ мартовской книжкѣ Душесп. Чтенія я помѣстилъ *отвѣтъ глаголемому старообрядцу* въ защиту проповѣди, сказанной мною въ годовщину Братства св. Петра митрополита и напечатанной въ январской книжкѣ. Замѣчу, что этотъ *отвѣтъ*, прежде чѣмъ появился въ Душеполезномъ Чтеніи, напечатанъ былъ, по моему предложению, въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* (№ 44), гдѣ напечатаны были (№ 34) возраженія старообрядца А. Б., вызвавшія мой отвѣтъ. Редакція *Современныхъ Извѣстій*, гостеприимно открывшая свои страницы возраженіямъ противъ меня, тогда же нашла нужнымъ на ряду съ ними помѣстить передовую статью съ порицаніями противъ меня болѣе суровыми, чѣмъ возраженія глаголемаго старообрядца. По миѣнію редактора, и права совѣсти въ дѣлѣ вѣры я отвергаю, и готовъ довольствоваться лицемѣрнымъ обращеніемъ къ Церкви раскольниковъ, и дѣло православія роняю мопми ни съ чѣмъ несообразными сужденіями. Написавъ отвѣтъ раскольнику, я тогда не почелъ нужнымъ защищаться противъ защитника его, редактора *Современныхъ Извѣстій*, г. Гилярова. Я думалъ, что въ опроверженіи возраженій раскольника заключается опроверженіе и направленныхъ противъ меня порицаній г. Гилярова, потому что въ своихъ порицаніяхъ онъ основался на довѣрїи къ отчету о моей проповѣди раскольника, хотя этотъ отчетъ составленъ по впечатлѣніямъ изустной проповѣди, и не провѣренъ по книжкѣ, гдѣ она напечатана. Я ограничился указаніемъ на грубыя неточности отчета и крайне неосновательныя разсужденія автора, но редактору *Современныхъ Извѣстій* замѣтилъ только, что онъ можетъ быть не написалъ бы противъ меня того, что написалъ, еслибы самъ потрудился прочитать мою проповѣдь въ книжкѣ, которая была у него подъ руками. Мнѣ казалось (о легковѣріе!), что

ему не тяжело будетъ, во имя правды, отступить отъ своего неправого сужденія о моей проповѣди, если онъ будетъ судить о ней не со словъ врага Церкви, а самъ прочтетъ ее. Не тутъ-то было! Онъ готовился снова напасть на меня, но берегъ свои стрѣлы выжидая, что еще скажетъ раскольникъ, возражавшій мнѣ, когда прочтетъ мою проповѣдь по книжкѣ. Ждалъ два мѣсяца, наконецъ дождался. На сихъ дняхъ въ 123 № *Современныхъ Извѣстій* появилась новая статья противъ меня, принадлежащая этому раскольнику, А. Б. (говорять: *Боеву*), и на ряду съ нею новая передовая статья противъ меня самого редактора. Оказывается, что редакторъ удостоилъ наконецъ *пробъжать* мою проповѣдь. Какое же впечатлѣніе вынесено изъ обѣглаго чтенія? А вотъ какое: замѣчанія старообрядца (*въ первой его статьѣ*) показали г. Гилярову болѣе снисходительными, нежели заслуживала подлинная проповѣдь. Г. Гиляровъ обѣщаетъ возвратиться къ положеніямъ моей проповѣди, а теперь позволяетъ себѣ покуда поглумиться надъ слѣдующими словами въ ней: „св. Церковь, не желающая никому гибели, мѣрами кротости и вразумленія старается спасти заблудшихъ. Но если эти мѣры оказываются безуспѣшными, то что худаго, если она *желаетъ спасти и съ хоть страхомъ гражданской отвѣтственности?*“

Гиляровъ находитъ, что эти слова, ради ихъ диковинности, стоятъ быть напечатанными крупными металлическими буквами, и ожидаетъ отъ меня катихизическихъ поученій, въ которыхъ, какъ онъ увѣренъ, къ обыкновеннымъ средствамъ спасенія, т.-е. вѣрѣ и добрымъ дѣламъ, присоединено будетъ еще новое: *вопервыхъ* страхъ, и *во вторыхъ* именно страхъ гражданской отвѣтственности. Итакъ по мнѣнію моего критика въ дѣлѣ спасенія не мыслимъ какой бы ни было страхъ, и всего менѣе страхъ гражданской отвѣтственности. Но полно такъ ли? Не слишкомъ ли либерально онъ разсуждаетъ?—Св. ап. Іуда, говоря о людяхъ отдѣляющихъ себя отъ единности вѣры и тѣлесныхъ, духа не имущихъ (ст. 19), заповѣдуетъ христіанамъ такъ обращаться съ ними: *овѣхъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе* (ст. 23). Апостоль говоритъ о страхѣ огненнаго осужденія, какъ обѣ одномъ изъ средствъ спасенія. Что худаго, теперь, мой критикъ видитъ въ мысли, что

и Церковь желаетъ спасать нѣкоторыхъ при помощи этого средства? Церковь въ этомъ случаѣ желаетъ того же, чего желаетъ св. Апостоль. Съ этою, между прочимъ, цѣлю, она торжественно анаемствуетъ отступившихъ отъ нея: страхомъ анаемы, какъ такого суда, который хотя произносится на землѣ, но утверждается на небѣ и отлучаетъ осуждаемыхъ, если не раскаются, отъ царства небеснаго,—св. Церковь желаетъ образумить ихъ, привести на путь покаянія и спасенія. Признаетъ ли мой критикъ за церковною анаемой значеніе, какое приписываетъ ей Церковь, или, вслѣдъ за многими либералами, находитъ ее устарѣлымъ, смѣшнымъ церковнымъ наказаніемъ? Если, какъ сынъ православной Церкви, онъ не можетъ отвергать значеніе анаемы, то долженъ сознаться, что страхъ ея не слѣдуетъ исключать изъ числа средствъ спасенія. Но моему критику не нравится именно *страхъ гражданской отвѣтственности*. Признаюсь, и мнѣ онъ не нравится; тяжело думать, что иногда бываетъ нужно прибѣгать къ этому средству для спасенія погибающихъ въ расколѣ. Но какъ же иначе быть, если другія средства, именно мѣры кротости и духовнаго вразумленія, оказываются безуспѣшными? „Что худаго, повторю, если въ такомъ случаѣ Церковь желаетъ спасти *хоть* страхомъ земной отвѣтственности?“ Церковь не желала бы прибѣгать къ этому крайнему средству; но она такъ дорожитъ спасеніемъ угрожаемыхъ вѣчною гибелью душъ, что при безуспѣшности усилій образумить ихъ духовными средствами, не отказывается испытать, не подѣйствуетъ ли на нихъ *хоть* земной страхъ. Само собою разумѣется, что, какъ раскрыто въ моей проповѣди, въ этомъ случаѣ страхъ отвѣтственности и самая отвѣтственность не непосредственно могутъ быть спасительны, а даютъ только поводъ заблуждающимся обдумать свое положеніе,—размыслить: стоитъ ли подвергать себя этой отвѣтственности? Дѣйствительно ли то, за что меня привлекаютъ или угрожаютъ привлечь къ ней, есть истина? Не скорѣе ли заблужденіе?—Мой критикъ не обратилъ вниманія на эти соображенія въ моей проповѣди. Вступаюсь за раскольниковъ, онъ, кажется, не замѣчаетъ, что самъ увлекается раскольническимъ духомъ, придираясь къ отдѣльнымъ словамъ внѣ связи ихъ съ предыдущими и послѣдующими мыслями. И изъ чего хлопочетъ онъ? По-

видимому, его сѣдаетъ ревность о достоинствѣ Церкви. По его мнѣнію оскорбительна для ея достоинства высказанная мною мысль, что она *желаетъ спасти заблуждающихъ страхомъ гражданской ответственности*. Она, видите, не можетъ желать этого. Скажу рѣшительно, что критикъ находится въ крайнемъ заблужденіи, навязывая Церкви свои личныя и произвольныя мнѣнія. Если она не желаетъ,—въ крайнихъ, разумѣется, случаяхъ,—спасать страхомъ земной отвѣтственности, то для чего же она приняла къ своему руководству законы для обузданія гражданскими мѣрами еретиковъ и раскольниковъ? А вотъ и правило Кароагенскаго собора, 104-е, гдѣ яснѣ солнца выражена мысль Церкви касательно этого предмета. Отцы собора, требуя отъ греко-римскихъ императоровъ Аркадія и Гонорія примѣнить къ донатистамъ строгіе законы противъ еретиковъ Θεодосія Великаго, выразились такъ: „Да повелятъ (*императоры*) подтвердить оный законъ (*о штрафованіи рукополагающихъ и рукополагаемыхъ, также владѣльцевъ домовъ, гдѣ происходятъ еретическія собранія*), дабы по крайней мѣрѣ *симъ страхомъ* отъ произведенія расколовъ и отъ еретическаго безумія удержаны были отлагающіе свое очищеніе и исправленіе при помышленіи о вѣчномъ наказаніи“. Съ чего же теперь взялъ мой критикъ, будто Церковь не желаетъ спасти заблуждающихъ страхомъ земной отвѣтственности? Какъ онъ осмѣлился навязывать Церкви свои мнѣнія? Что правильнѣе—голосъ ли моего критика, созданіе своей либеральной головы выдающаго за мысль церкви, или голосъ самой церкви, выраженный на ея соборѣ, правила котораго приняты въ церковный канонъ? Да признаетъ ли еще мой критикъ за голосомъ соборовъ какое-нибудь значеніе? Во всякомъ случаѣ совѣтую ему побережь золотыя или желѣзныя буквы, которыми, по его словамъ, стоитъ напечатать мои слова подвергшіяся его глумленію. Вѣдь онъ долженъ сознаться, что я не новое что-нибудь сказалъ, а только повторилъ мысль самой церкви, а ея мысли пишутся не металлическими буквами, а простыми чернилами.

Полно вамъ, м. государь, либеральничать и празднословить. Вѣрно вамъ, какъ и мнѣ вашему школьному товарищу, не меньше 50 лѣтъ. Пора остепениться. Право не хорошо смущать публику ребяческими выходками въ защиту враговъ церкви и православна-

го духовенства и злыми глумленіями надъ служителями церкви.

Теперь обращаюсь къ вамъ, г. Б.,⁵ клиентъ издателя Современныхъ Извѣстій. Прежде всего не стыдно ли вамъ повторять неправду, въ которой уже я уличилъ васъ? Ни законъ требуетъ закрытія и уничтоженія старыхъ молшвенныхъ раскольническихъ домовъ,—онъ только запрещаетъ строить новыя и починять старыя, а это не одно и то же что закрывать и уничтожать,—ни я не находилъ нужнымъ закрытіе и уничтоженіе ихъ. Зачѣмъ же вы другой разъ приписываете мнѣ то, чего я не говорилъ? Въ первый разъ вашу напраслину можно было извинять тѣмъ, что вы ослушались, но утверждать тоже самое по прочтеніи моей проповѣди неблагородно.— Не говорилъ я также въ моей проповѣди, что сочувствую закрытію старыхъ молелень, даже прямо называлъ это дѣло противозаконнымъ. А вы опять обвиняете меня въ сочувствіи и одобреніи! Что съ вами?...

Далѣе вы спрашиваете, почему вразумленіе при помощи гражданскихъ мѣръ нужно только для раскольниковъ, а не вмѣстѣ для православныхъ? Отвѣчаю, что и православные не могутъ безнаказанно совершать преступленій противъ вѣры и Церкви. Напримѣръ за прерваніе священнослуженія словеснымъ оскорбленіемъ священнослужителей,—виновныхъ, кто бы они ни были, православные или неправославные, постановлено заключать въ тюрьму, или смирительный домъ (Улож. о наказ. ст. 214). Совершеніе молебна не по уставу, замѣченное вами на праздникѣ Братства Св. Петра митрополита, не подходитъ къ разряду дѣйствій, наказуемыхъ гражданскими мѣрами. Притомъ и преступленія-то тутъ нѣтъ никакого. Изъ канона св. Петру митрополиту, помнится, пропущены были только стихи одной первой пѣсни. Прочіе были читаны.

Вы уличаете меня въ неточности употребленнаго мною въ отвѣтъ на ваши замѣнанія противъ моей проповѣди выраженія, что различіе между Донатистами и раскольниками, хотя тѣ стѣсняли православныхъ открыто, а эти терпятъ стѣсненіе отъ нихъ,—въ сущности не строго. Не защищаюсь, я долженъ былъ выразиться точнѣе,—но отъ мысли, которую я хотѣлъ выразить, не отступаю. Донатисты открыто вредили Церкви, а наши раскольники большею частію—тайно. Но вредъ одинаковъ. Разбойни-

ки открыто грабятъ чужую собственность, а воры тайно похищаютъ ее. Разность только въ способъ нанесенія вреда, а не въ сущности. Вредъ въ томъ и другомъ случаѣ одинаковъ. Прибавимъ, что гдѣ на сторонѣ раскольниковъ большинство, тамъ доускаются ими и открытыя притѣсненія православнымъ.

Вы недовольны тѣмъ, что раскольническихъ архіереевъ и іереевъ я назвалъ самозванцами. Да какъ же иначе ихъ назвать, когда священныя степени ими приняты не законно и не имѣютъ никакого дѣйствительнаго значенія? Вы можете величать ихъ какими угодно именами, но ваше убѣжденіе въ законности ихъ рукоположенія едва ли когда раздѣлять будетъ православная Церковь. Усиливаясь доказать, что епископы даже поставленные отъ неправославныхъ не называются въ церковныхъ правилахъ самозванцами,—вы ссылаетесь на 19-ое правило 1-го вселенскаго собора, и говорите: „отцы этого собора даже о такихъ еретикахъ, которыхъ повелѣно принимать 1-мъ чиномъ, т.-е. черезъ перекрещиваніе, постановили, что которые отъ нихъ рукоположены въ священныя степени, то тѣхъ по крещеніи поставлять въ свой чинъ“. Что значить: *поставлять въ свой чинъ*? То ли, что церковь утверждала ихъ въ прежнемъ чинѣ безъ новаго рукоположенія, или что она повелѣвала вновь рукополагать ихъ? Въ правилѣ идетъ рѣчь о новомъ рукоположеніи: „таковые, явясь безпорочными и неукоризненными, да будутъ рукоположены (*χειροτονουσιθωσαν*) епископомъ католическія церкви“. Значить, соборъ не признавалъ дѣйствительными еретическихъ священниковъ, отвергалъ благодатную силу въ томъ рукоположеніи, какое они получили въ ереси; значитъ они незаконно выдавали себя за священниковъ, были тоже, что самозванцы, какъ и ваши архіереи, попы и діаконы. Наша православная церковь не можетъ признать носимыхъ ими священныхъ сановъ, и если они покинутъ расколъ, то могутъ надѣяться на принятіе ихъ въ клиръ не иначе какъ чрезъ новое рукоположеніе. Такъ на примѣръ вновь рукоположены Пафнуцій, Филаретъ и другіе, бывшіе прежде членами австрійской іерархіи. Неужели вы, г. Б., не замѣчаете, что приводите 19-ое правило 1-го вселенскаго собора не противъ меня, а въ улику себѣ? Вашъ покровитель, редакторъ *Современныхъ Извѣстій*, пазываетъ вашу статью самозащитою. Не вѣр-

те сему мужу: это не самозащита, а самоубійство. — Подобнымъ самоубійственнымъ духомъ дышетъ сдѣланное вами въ улику мнѣ указаніе изъ Баронія на александрійскаго попа Коллуеа, который присвоилъ себѣ епископскую власть, рукополагалъ іереевъ, но соборомъ александрійскимъ лишень былъ епископскаго сана и рукоположенныхъ имъ причель къ мірянамъ. Я нахожу, что существенной разности между Коллуеомъ, выдававшимъ себя за архіерея, и вашими архіереями и попами нѣтъ, ибо совершенное падъ ними рукоположеніе такъ же фальшиво, какъ и архіерейство александрійскаго попа.

Вы находите у меня противорѣчіе въ томъ, что я допускаю право раскольниковъ вѣрять, какъ хотятъ, молиться, какъ хотятъ, лишь бы они не держали у себя архіереевъ и поповъ. Вы говорите: „если не держать у себя поповъ, то этимъ у меня отнимается вѣра и моленіе“. Какъ же однако безпоповцы, не держа поповъ, вѣрятъ и молятся? Они даже вѣрятъ въ священство, только утверждаютъ, что его нѣтъ теперь на землѣ. Вы не хотите быть безпоповцами? Но въ сущности вы отъ нихъ не отличаетесь, ибо ваши попы—не попы.

Не понимаю, къ чему вы, г. Б., поставяете мнѣ на видъ два примѣра терпимости равноапостольнаго Константина, одинъ въ отношеніи къ Донатистамъ, другой въ отношеніи къ язычникамъ. Указаніе на эти примѣры тогда бы имѣло силу противъ моихъ словъ о покровительствѣ древнихъ грекоримскихъ государей церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ, еслибы я утверждалъ, что никогда нигдѣ въ старину не были употребляемы въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ мѣры кротости и снисходительности. Но въдъ я ничего подобнаго не утверждалъ. Я очень хорошо знаю, что въ разныя времена дѣйствованіе гражданской власти въ грекоримской имперіи въ отношеніи къ еретикамъ и раскольникамъ было не одинаково. Равноапостольный Константинъ только подъ конецъ своего царствованія сдѣлался снисходительнымъ къ Донатистамъ, въ надеждѣ обуздать ихъ дерзость снисходительностію, а прежде онъ былъ очень строгъ къ нимъ и созывалъ нѣсколько соборовъ противъ нихъ, отнималъ у нихъ церкви, конфисковалъ имущества и т. п. Эти крутыя мѣры возобновлены были при императорѣ Гоноріѣ, по ходатайству Кареаг. собора, когда опытъ показалъ

безуспѣшность кроткихъ мѣръ. Какое значеніе имѣютъ всѣ эти примѣры для нашего времени? То значеніе, что и въ наше время, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть то ослабляема, то усиливается строгость гражданскихъ и церковныхъ законовъ противъ раскольниковъ, но отнюдь не то, что никакая строгость никогда не должна быть допускаема.

Я сказалъ между прочимъ въ моей проповѣди, что сколько ни учи, невѣжды въ дѣлѣ вѣры всегда останутся въ приходѣ. Вы этому удивляетесь и замѣчаете: „по моему если невѣждѣ неучить, то зачѣмъ же поставлены пастыри“. И я этому удивляюсь, но удивляюсь также тому, по какимъ законамъ здраваго мышленія вы могли вывести такое заключеніе изъ моихъ словъ. О недостаткѣ здравія въ вашемъ мышленіи свидѣтельствуетъ также послѣдній вашъ вопросъ: „неужели церковь въ томъ только и состоитъ, что имѣетъ ограду въ гражданской власти?“ Моя проповѣдь никоимъ образомъ не могла подать поводъ къ такому вопросу. Я отнюдь не говорилъ, что церковь не можетъ обойтись безъ содѣйствія гражданской власти. Я утверждалъ только, что не излишне это содѣйствіе при дѣйствованіи церкви противъ раскола духовными средствами.

Отъ души совѣтую вамъ г. Б., бросить душепагубный расколъ и не вступать въ бесполезныя пренія для защиты его. Глава Церкви, Господь Иисусъ Христъ, да отниметъ отъ васъ духъ празднословія и прекословія и да просвѣтитъ васъ свѣтомъ истины, до сихъ поръ не узнаваемой вами.

Прот. Вас. Нечаевъ.

Резолюція московскаго митрополита Филарета.

1. 1832 г., марта 8. „Въ дѣлѣ заслуживаютъ вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) покража (*церковныхъ вещей*) случилась 1 января (1831 г); 2 января уже вызывали по сему дѣлу священника въ полицію; но объявленіе отъ него и причта подано уже 4 января вечеромъ. Предлогъ священника, будто отлагали до освидѣтельствованія церкви съ прихожанами, вовсе не основателенъ. Итакъ есть подозрѣніе, что дѣло, требующее скорого дѣйствования по горячимъ слѣдамъ, стало за нетрезвостію священника и если не такъ, то все виноватъ онъ въ недѣятельности: ибо приставъ требовалъ объявленія, съ чего бы допрашивать преступника *); но объявленія не давали четыре дня. 2) Священникъ говоритъ, что не служилъ два дня сряду (*2 и 3 янв.*) потому, что ни который изъ причетниковъ не приходилъ спрашивать, будетъ ли служба. Это нелѣпо. За причетникомъ можно было послать. А если бы причетники не пришли годъ: неужели и годъ не служилъ бы священникъ, и все бы почиталъ себя правымъ? Лживость предлога неслуженія вновь даетъ подозрѣніе, что службы не было по нетрезвости. 3) Священникъ признался самъ, что въ церковныя приходорасходныя книги записки внесъ за полгода въ одинъ вечеръ: слѣдственно признается, что записки внесены въ книги не въ свое время, и что онъ виноватъ въ нарушеніи правилъ церковной отчетности. 4) Показанія свидѣтелей дѣланы съ примѣтнымъ свисхожденіемъ къ священнику. Напримѣръ, Дудинъ (*церковный староста*) не упомянулъ, приходилъ ли къ нему священникъ 3 января; тогда какъ священникъ представляетъ обстоятельства очень памятные: взятіе (*приходорасходныхъ*) книгъ и бытіе съ Дудинымъ въ банѣ;

*) Сынъ церковнаго сторожа (крѣстьянина). Похититель отысканъ полиціей въ самый день кражи. Имъ похвачены серебряныя ризы, оклады и вѣнцы съ иконъ Вознесенской при Лаврѣ церкви.

а то помнить Дудинъ, что видѣлъ священника 1 и 2 генваря трезвымъ, но не сказываетъ, въ какое время; а если онъ видѣлъ священника трезвымъ 1 генваря передъ обѣдомъ, то это ни мало не доказываетъ трезвости священника, и не опровергаетъ доноса (*діакона съ причетниками*). 5) При началѣ слѣдствія священникъ показалъ, что благочинному вполне довѣряетъ. Посему полную силу свидѣтельскаго показанія имѣетъ показаніе благочиннаго, которымъ нетрезвость священника замѣчена (*4 генваря*). 6) Въ запискѣ о неслуженіи діаконѣмъ литургій діаконъ въ подписи подъ экстрактомъ (*вопросы пунктами*) нашель указаніе на такіе дни, въ кои литургіи и по причинѣ поста не могло быть. Изъ сего выходитъ заключеніе, что записка не въ свое время писана священникомъ, а сочинена во время сего дѣла, чтобы клеветою на діакона придать благовидность своему оправданію *). Посему должнымъ признается къ положеннымъ консисторіею двумъ недѣлямъ подначальства (*въ Берлюковской п.*) прибавить еще двѣ недѣли, какъ для большаго удостовѣренія въ испытаніи священника, такъ и въ наказаніе за обнаруженныя вины его“.

2. Церковный староста Серпуховскаго уѣзда, церкви св. Алексія митрополита, что въ селѣ Алексѣевскомъ, Кудаво тожъ, помѣщикъ князь Алексѣй Вас. Вяземскій, въ поданномъ ко владыкѣ прошеніи изъяснилъ, что въ іюні мѣсяцѣ 1850 года, бывши въ имѣніи своемъ Бронницкаго уѣзда въ селѣ Климовѣ, купилъ у тамошнихъ крестьянъ раскольниковъ колоколь, вѣсомъ 8 п., употреблявшійся для призыва въ часовню, и хотѣлъ въ эту зиму перевезть его по назначенію въ село Алексѣевское, но бронницкій исправникъ, по приказанію моск. военнаго ген.-губернатора, снялъ и продалъ этотъ колоколь, пожертвованный г-мъ Вяземскимъ для церкви села Алексѣевскаго (Кудаво). Извѣщая о томъ, онъ просилъ архипастырскаго распоряженія о передачѣ вырученной за колоколь суммы въ эту церковь. Вотъ резолюція митрополита отъ 6-го февраля 1851 года: „Пріемля въ уваженіе, что г. помѣщикъ купилъ у крестьянъ-раскольниковъ колоколь съ тою благонамѣренною цѣлю, чтобы лишить ихъ прсимущества, закономъ имъ не предоставленнаго, и ограничивая ихъ свосволие,

*: Допомненіе на него священника сдѣлано будто бы по злобѣ, за то что діакону дѣлалъ выговоры за неслуженіе.

расположить ихъ къ возвращенію въ нѣдра православія, и что по праву покупки колоколь сдѣлался собственно-стію Кудавской церкви, и только непредвидѣнныя обстоятельства дали дѣлу о колоколѣ иное направленіе, долгомъ поставляю отнестись къ его сіятельству, дабы благоволено было обратить вниманіе на вышеизложенныя обстоятельства, и деньги за проданный колоколь обратить въ Кудавскую церковь, что и съ справедливостію представляется согласнымъ, и можетъ подкрѣпить г. помѣщика въ его расположеніи дѣйствовать въ пользу православія“.

3. 1840, дек. 13. „1) Звѣздъ на главахъ (*Волоколамская Иосифова мон.*) прежде не было. Насажденіе ихъ умножить число скважинъ на кровлѣ главъ и при недосмотрѣ можетъ быть случаемъ течи. Почему сію статью отмѣнить, и тѣмъ сберечь 2000 р. асс., которыя могутъ быть употреблены съ большею пользою. 2) Прочее дозволить съ тѣмъ, чтобы произведено было прочно и бережливо. 3) Какъ дѣла (*по возобновленію ветхостей на сумму 10, 212 р. асс.*) значительны, а настоятель (*ректоръ семинаріи*) не живетъ на мѣстѣ: то консисторіи не помедля дать мнѣніе, не учредить ли строительный комитетъ, и изъ кого“.

„Дек. 13. 1. Первый пунктъ доклада безъ плана не очень понятенъ; а второй даже сомнителенъ. Если башня дала опасныя трещины: то можно ли обезопасить ее желѣзнымъ поясомъ, судъ о семъ принадлежитъ не настоятелю и казначею, а архитектору. Спросили-ль сего, не видно. Хорошо ли также на разсѣдающуюся башню полагать новую тяжесть желѣзной кровли? Требую по симъ двумъ пунктамъ мнѣнія консисторіи. 2) Прочее дозволить исправить внимательно и бережливо. 3) Если учредится строительный комитетъ: отнести исполненіе по сему докладу къ его занятіямъ“.

„Апр. 25. Слѣпое дѣло назначать въ комитетъ членовъ безъ всякаго о нихъ свѣдѣнія, даже безъ названія ихъ по имени. Протоіерея (*градскаго*) и казначея знаю, а ризничаго не помню. Дополнить“.

4. 1838, авг. 31. „Поелику священникъ о происшествіи церковномъ (*сгорѣлъ кіотъ съ тремя образами*) не донесъ, и причетниковъ скрыть оное отъ начальства убѣдилъ, и на спросъ благочиннаго отвѣчалъ неправдиво, и благочиннаго ослушался, и въ консисторію явиться про-

извольню и безъ причины назначилъ себѣ близкій отъ повѣстки срокъ, да и въ сей срокъ не явился: то для увѣщанія поступать честно и послушливо, послать его въ Екатерининскую пустынь на двѣ недѣли“.

5. 1842, іюля 23. „Консисторіи снести съ комиссіею для строеній, и если не окажется препятствія, дозволить (*устройство новой ограды при Троицкой, на Капелькахъ церкви*) съ тѣмъ, чтобы вся линія ограды проведена была прямо, и олтарь находился внутри ограды; такъ какъ главнѣйшая цѣль ограды есть охраненіе неприкосновенности олтаря“.

6. 1847, мая 15. «По сему дозволить (*починить церковную ограду и перелить колокола*). 2) Но какъ показаніе, что колокола разбиты недавно неизвѣстно кѣмъ, неудовлетворительно, и не обезпечиваетъ сохранности; а храненіе всякой церковной собственности должно лежать на отвѣтственности церковнаго причта и церковнаго старосты: то консисторіи сдѣлать по сему надлежащее разсмотрѣніе.»

„Дек. 8. 1) Причту замѣтить, что прихожане (*крестьяне*) лучше, нежели онъ, объясняютъ происшествіе*); и надлежало быть умнѣе прихожанъ. 2) Подтвердить причту и церковному старостѣ, чтобы тогда, когда нельзя на колокольніѣ быть причетнику, а звонять посторонніе, назначаемъ былъ добрый и благонадежный изъ прихожанъ, который бы наблюдалъ за умѣренностію звона и цѣлостію колоколовъ. 3) Второѣ пунктъ не утверждается потому, что хотятъ сдѣлать благочинному замѣчаніе за несоблюденіе формы, а въ чемъ, не сказано. Надобно дѣлать ясныя замѣчанія, чтобы они научали, а не темныя, которыя безъ пользы огорчаютъ“.

7. 1851 г. іюня 12. „1) Вторый и третій пункты рѣшенія консисторіи утверждаются. 2) Умолчаніе о лѣсѣ въ вѣдомости, а потомъ показаніе онаго не въ полномъ количествѣ ведетъ къ подозрѣнію, что священникъ хотѣлъ пользоваться лѣсомъ безотчетно и неумѣренно, не въ виду вначальства, и дѣйствительно рубилъ дрова въ неопредѣленномъ количествѣ и не къ одному мѣсту, безъ вѣдома начальства, и уже возраженіями прихожанъ побужденъ

*) Колокола надпилены были прежде и дребезжали. Въ недѣлю Пасхи звонъ колоколовъ совсѣмъ испортился.

былъ просить отъ начальства законнаго разрѣшенія. За сіи неправильныя поступки взыскать съ священника три рубля серебромъ на вдовъ и сиротъ. 3) Протоіерею (*градскому*) благочинному объявить, что когда онъ о пользованіи дровами изъ церковнаго лѣса велѣлъ причетникамъ просить разрѣшенія начальства, то чрезъ сіе самое обвинилъ себя въ томъ, что священнику тоже самое попускалъ прежде безъ разрѣшенія начальства. 4) Отдача междулѣсной земли подъ пастбище не поведетъ ли подлинно къ истребленію лѣса, на сіе обратитъ благочинному вниманіе, и если усмотритъ, что причтъ, ища настоящей выгоды себѣ, разрушаетъ будущія выгоды, то донести“.

8. 1850 г. дек. 30. „Согласенъ (*съ опредѣленіемъ консисторіи*). При семъ святѣйшаго синода благопопечительному начальственному вниманію долгомъ поставляю представить, какъ нужно законъ 17-го апрѣля 1821 года объ освобожденіи подворьевъ архіерейскихъ и монастырскихъ отъ поземельнаго сбора и прочихъ повинностей и приложеніе сего закона къ землѣ Чудовскаго Хамовническаго подворья сохранить въ полной силѣ, какъ было многолѣтно донинѣ. Оклады на Чудовъ монастырь, какъ и на прочіе, производятся по штатамъ 1764 года: и потому, по чрезмѣрно, измѣнившимся съ того времени цѣнамъ, не могъ бы онъ существовать, еслибъ не былъ поддерживаемъ неокладными съ земель доходами и высочайше дарованными льготами отъ повинностей. Для примѣра довольно представить одну статью. По штату на дрова собственно для Чудова монастыря не положено ничего. Дѣйствительно же на отопленіе церквей и прочихъ зданій въ семъ 1849 г. въ Чудовомъ монастырѣ употреблено 1540 руб. сер.“.

9. Крестьянинъ Ивановъ просилъ, чтобы разрѣшено было взять ему обратно изъ Покровскаго собора чугунный крестъ. Владыка написалъ (1857 г. марта 18): „Симъ, или другимъ человѣкомъ внесенъ крестъ въ соборъ, неизвѣстно. Принесшій крестъ рассказывалъ о немъ сновидѣніе, и другія приключенія. Поставилъ на врмя; общалъ скоро взять его; но не взялъ. И теперь о семъ крестѣ есть безыменная письма, въ когорыхъ также упоминается о сновидѣніи, и присовокупляются обличенія Москвѣ и угрозы. По долгу предосторожности оставить сей крестъ въ соборѣ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ

находится съ прошедшаго года *). Для сего и послать сіе къ протоіерею“.

10. На опредѣленіе консисторіи о учиненіи сношенія съ Богородскимъ уѣзднымъ судомъ объ очисткѣ церковныхъ села Гребнева земель отъ помѣщичьихъ строеній, если онъ помѣщикъ не согласится съ причтомъ на производство, за владѣніе оными, руги заключить формальное условіе, митрополить предписаль (31-го окт. 1845 года): „какъ изъ представленнаго къ дѣлу письма г. помѣщика (на имя священника) видно, что онъ ругу продолжать въ вознагражденіе за землю согласенъ; только формальнаго условія заключить не желаетъ: то чтобы настояніемъ о контрактѣ не повредить мирнымъ отношеніямъ причта съ помѣщикомъ, оказать довѣріе письму, и учинить слѣдующее: 1) дозволить священнику съ причтомъ получать ругу по письму помѣщика, съ оставленіемъ всего распоряженія церковной земли, имъ занятой, впредь до усмотренія. 2) Священнику по окончаніи года доносить, получена ли обѣщанная руга исправно. 3) Имѣть ему наблюденіе, чтобы съ церковною землею, оставляемою въ распоряженіи помѣщика, не сдѣлано было какого распоряженія, которое могло бы сопровождаться вредомъ и потерю церковной собственности“.

11. 1845 г. апр. 3. „Закономъ повелѣвается читать при церквахъ Высочайшіе манифесты и указы издаваемые со словами: объявляется всенародно; а не предписывается сего о губернскихъ вѣдомостяхъ въ цѣломъ ихъ составѣ, въ которомъ заключаются также статьи не относящіяся до всенароднаго объявленія, а иногда и объявленія частныхъ лицъ“.

12. 1838 марта 3. „Законъ долженъ быть извѣстенъ всѣмъ, и никто не можетъ отговариваться незнаніемъ онаго. Слѣдственно торговцы и безъ подписокъ исполнить законъ обязаны **). Требованіе же подписокъ можетъ быть нужнымъ тогда, когда замѣчено будетъ не точное исполненіе закона. Итакъ, по предосторожности, чтобы требованіе подписокъ не оказалось преждевременнымъ и

*) См. резолюцію 1856 г. мая 16-го въ Душен. Чтеніи 1874 г. январь.

**) Законъ не позволяетъ розничной продажи свѣчъ иначе, какъ отъ церкви чрезъ церковнаго старосту, съ узаконеннымъ назначеніемъ прибыли.

отяготительнымъ, соглашаюсь на прочее, кромѣ требованія поднисокъ“.

13. 1836, янв. 28. „Консисторіи 1) прошеніе сіе (*крестьянъ*) оставить безъ дѣйствія за смѣшеніе матерій, за неозначеніе сочинителя, и за то, что просители входятъ въ дѣло чужое, гласъ о себѣ имѣющее (*просили за щиты діакону отъ клеветъ священника*). 2) Какъ священникъ оглашается здѣсь въ домогательствѣ доходовъ: то предписать благочинному, чтобы о семъ развѣдалъ, и если откроетъ незаконныя поступки священника, донесъ обстоятельно мнѣ.“

„Юля 4. Показанія крестьянъ, изложенныя въ семъ опредѣленіи (*консисторіи*) подъ числомъ третьимъ, имѣютъ признаки справедливости, потому что даны по вопрошенію должностнаго лица (*благочиннаго*) о поведеніи священника, и что сіи показанія противъ священника даны безпристрастно, сіе можно примѣчать изъ того, что прихожане въ другихъ отношеніяхъ оправдываютъ его противъ поданнаго прошенія. Но дальнѣйшее о семъ изслѣдованіе производитъ неудобно, потому что показатели не жаловались (*не подписались къ прошенію, и не знали о подачѣ онаго*); а прошеніе, по случаю котораго взяты сіи показанія, признано не подлежащимъ дѣлопроизводству. Посему учинить слѣдующее: 1) по подзрѣнію, падающему на священника (*на основаніи тѣхъ показаній*) въ томъ, что онъ на страстной недѣлѣ не принималъ на исповѣдь, что за небытіе на исповѣди просилъ по гривеннику, что неподавшихъ сего не хотѣлъ посѣтить въ пасху съ молебномъ, что къ крестьянину Алексѣеву не ходилъ служить молебновъ потому только, что у него худа изба,—призвавъ священника въ консисторію, вразумить его, сколь сіи поступки противны благо разумію, безкорыстію и кротости, свойственнымъ служителю олтаря; и строжайше подтвердить ему, чтобы онъ отъ такихъ недостойныхъ своего званія поступковъ удерживался, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности. 2) Благочинному предписать, чтобы надзиралъ впредь, не будетъ ли подобныхъ поступковъ отъ священника, и, если узнаетъ, доносилъ немедленно; а также и прихожанамъ села Турбичева объявилъ, чтобы въ случаѣ непорядочныхъ поступковъ священника, доносили начальству, которое не приминетъ принять мѣры къ ихъ успокоенію. 3)

Запрещеннаго діакона, согласно съ симъ опредѣленіемъ, оставить въ подозрѣніи относительно ябедническаго и лукаваго составленія прошенія, но по сему подозрѣнію, не приступая къ рѣшительному дѣйствію, взять сіе обстоятельство въ разсужденіе и соображеніе при рѣшеніи производящагося о діаконѣ особаго дѣла.

15. 1840 г. мая 4. „На свидѣтельствахъ (*училищныхъ*) надписи дѣлать для нѣкоторыхъ случаевъ неудобно, на примѣръ, на случай перехода въ другое званіе. А надобно проступки исправлять правосудіемъ. Поелику ученикъ послѣ двухъ резолюцій, чтобы искалъ причетническое мѣсто, просилъ діаконскаго, и тѣмъ покушался обмануть начальство: то за сіе послать его въ семинарію на мѣсяць для употребленія въ служительскую должность“.

16. 1855 г. сент. 29. „Дмитровской округи села Чернѣва священникъ Симоновъ имѣетъ весьма поврежденный слухъ. Консисторіи учинить слѣдующее: 1) послать его въ каѳедральный монастырь на три дня со священнослуженіемъ, съ тѣмъ, чтобы намѣстникъ наблюлъ и донесъ, слышитъ ли онъ читающаго и поющихъ, и потому благовременно ли произноситъ возгласы, и вообще не примѣчается ли въ служеніи безпорядка отъ скудости слуха его. 2) Затѣмъ представить его къ преосвященному для дальнѣйшаго наблюденія и заключенія, по принятіи въ разсужденіе того, что недостатокъ слуха у священника особенно неблагопріятенъ при исповѣди“.

А. Г—рій.

И О П Р А В К А .

Въ началѣ статьи: *Изъ путешествія въ св. землю*, стр. 210: авторъ г. Бовѣ названъ римско-католикомъ. Это ошибка. Онъ протестантъ. . .

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

4)

Твердость св. Павла въ ученіи о свободѣ отъ закона, обнаруженная въ противостаніи Петру, когда тотъ не по времени и мѣсту оказалъ снисхожденіе іудействующимъ христіанамъ (2, 11—21).

Говорили лжеучители Галатамъ, что св. Павелъ самъ нестоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ. У васъ учить, что насколько не нужно держаться закона, а въ другихъ мѣстахъ, между Іудеями, самъ блюдетъ законъ, и другихъ подчиняетъ закону. (Св. Тимошей уже былъ обрѣзанъ). Изъ этого выходило: чтожь его слушать, когда онъ, то такъ, то иначе дѣйствуетъ?—Противъ этого св. Павелъ отвѣчаетъ имъ сказаніемъ о томъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ св. Петру, когда тотъ, по невѣдѣнію, печально поступилъ несогласно съ благомъ Церкви и успѣхами Евангелія. Смыслъ этого сказанія таковъ: точно я бываю съ Іудеями Іудей, и на другихъ дѣйствующихъ такъ смотрю снисходительно, но только дотолѣ, пока этимъ содѣвается спасеніе многихъ и зиждется благо вѣры; какъ же скоро изъ этого выходило что-либо вредное для вѣры и Церкви, тогда я возставалъ противъ этого со всею силою, несмотря ни на какое лицо; обстоятельство это и а) само по себѣ много поучительно (11—14); но оно особенно значительно, для пониманія вѣры, тою б)

рѣчью (15—21), которую св. Павелъ держалъ тогда въ присутствіи іудеевъ и еллиновъ о спасеніи въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, съ совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ дѣлъ законныхъ. Эта рѣчь служитъ переходомъ къ слѣдующей части, даетъ тему, которую потомъ раскрываетъ св. Павелъ и доказываетъ съ свойственною ему энергіею слова.

а)

Обстоятельство, о которомъ поминаетъ здѣсь св. Павелъ было слѣдующее: въ одно время, послѣ апостольскаго собора св. Петръ пришелъ въ Антиохію, когда тамъ былъ еще и Варнава съ ап. Павломъ. Церковь Антиохійская состояла вся почти изъ увѣровавшихъ язычниковъ. Были въ ней и Іудеи, но въ незначительномъ количествѣ. Св. Петръ, наученный откровеніемъ свыше не гнушаться язычниками и опытомъ удостовѣрившись, что необрѣзаніе не мѣшаетъ принятію благодати Св. Духа и вступленію въ Церковь, въ коей потому нѣсть ни іудей, ни еллинъ, но всѣ едино во Христѣ Иисусѣ, обязаны къ братскому между собою общенію,—жилъ въ Антиохіи съ христіанами изъ язычниковъ въ полномъ общеніи, безъ соблюденія обычныхъ въ отношеніи къ язычникамъ правилъ іудейскихъ, и ѣлъ съ ними,—чего ревностные Іудеи никакъ не допускали, и въ чемъ св. Петръ уже вынужденъ былъ оправдываться въ Іерусалимѣ послѣ крещенія Корнилія и трапезованія въ его домѣ. Но когда нѣкоторые вѣровавшіе Іудеи пришли въ Антиохію отъ ап. Іакова, онъ сталъ отстраняться отъ вѣровавшихъ язычниковъ и прекратилъ свободное съ ними общеніе, боясь этихъ существъ отъ обрѣзанія. Къ нему пристали и прочіе іудейскіе христіане, антиохійскіе, такъ что Варнава увлекся ихъ примѣромъ. Произошло раздѣленіе, соблазнительное и опасное. Св. Павелъ, замѣтивъ это, объяснилъ св. Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ іудеямъ-христіанамъ, что такъ дѣйствовать не слѣдуетъ. Что было вслѣдствіе сего объ-

ясненія, св. Павелъ не сказываетъ, но изъ молчанія св. Петра можно заключить, что всѣ согласились съ св. Павломъ, вступили опять въ общеніе съ христіанами изъ язычниковъ и миръ Церкви возстановился. — Истина восторжествовала, — что особенно и важно было для св. Павла внушить Галатамъ.

Многимъ въ этомъ обстоятельствѣ представляется непонятнымъ дѣйствіе св. Петра. Смотри на него, какъ на ошибку, или колебаніе убѣжденія въ Первоверховномъ, они естественно возбуждаютъ въ себѣ вопросъ: какъ же это могло быть? И для рѣшенія его строятъ разныя предположенія. Но стоитъ только посмотрѣть на дѣло въ его естественномъ значеніи по тогдашнему времени, тогда и вопроса не родится и предположеній для рѣшенія его строить не будетъ никакой нужды.

Почему такъ поступилъ св. Петръ? Не по ошибкѣ и не по колебанію убѣжденія, а потому что онъ такъ, а не иначе долженъ былъ поступить по апостольской совѣсти и убѣжденіямъ, которыя раздѣлалъ и св. Павелъ. Возьмите дѣла Церкви не много повыше. Въ первое время проповѣди Евангелія, которая началась въ Иерусалимѣ, объ участіи въ ней язычниковъ никому и на мысль не приходило, хотя всѣ апостолы получили заповѣдь — итти и научить вѣрѣ вся языки. Навело на это особое дивное указаніе свыше. Орудіемъ къ тому со стороны апостоловъ былъ избранъ св. Петръ, а со стороны язычниковъ благоговѣйный Корнилій, — какъ это сдѣлалось всѣмъ извѣстно (Дѣян. гл. 10). Видѣніемъ плащаницы съ гадами, спускавшейся съ неба съ повелѣніемъ закалатъ и ѣсть, указывалось, что не должно гнущаться язычниками и безъ смущенія принимать ихъ въ лоно Церкви, коль скоро увѣруютъ; а тѣмъ, что Духъ Св. сошелъ на Корнилія и всѣхъ вѣровавшихъ въ домъ его, означалось, что язычникамъ для того, чтобы стать чадами Божиими, отъ Бога рожденными, никакой нѣтъ нужды предварительно обрѣзываться, а слѣдовательно уже исполнять потомъ всѣ чины іудейскіе. Св. Петръ

уразумѣлъ все это, и потомъ въ Іерусалимѣ съ дерзновеніемъ удостовѣрялъ всѣхъ, что такимъ указаніямъ свыше нельзя непокориться, и что потому язычниковъ надлежало оставить свободными отъ ига іудейскихъ постановленій. Но отсюда же слѣдовало, что если для язычниковъ полученіе благодати не условливалось обрѣзаніемъ, то оно не условливается имъ и для іудеевъ. Святые апостолы и всѣ разумнѣйшіе изъ іудеевъ такъ и поняли. Другіе же немоцнѣйшіе не могли этого скоро уразумѣть, и держались того убѣжденія, что для спасенія и благодати необходимо и іудействованіе. Св. Петръ и другіе, зная по опыту, какъ трудно отстать отъ этого убѣжденія, положили щадить немоцнѣйшихъ вѣрующихъ изъ іудеевъ, не настаивая на отрѣшеніи отъ іудейства съ дѣтства привыкшихъ къ тому іудеевъ, и предоставляли времени, обстоятельствомъ и благодати Божіей просвѣтить ихъ и измѣнить ихъ убѣжденія. Въ томъже духѣ они и сами продолжали держаться прежнихъ чиновъ іудейскихъ среди іудеевъ и въ другихъ мѣстахъ; но конечно подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ это не вредило дѣлу вѣры и успѣхамъ проповѣди евангельской. Положили всѣмъ быть вся, но за тѣмъ, да всяко нѣкіе спасутся,— или другими словами: не своей ища пользы, но другихъ, да спасутся. Коль же скоро отсюда,—іудействованія или свободы отъ того,—происходило чтò вредное для Евангелія, то они не стѣсняясь отказывались тамъ отъ узъ закона, здѣсь отъ свободы. Въ дѣйствіяхъ св. Павла это выражается до осазательной очевидности.

Съ этой именно точки надо смотрѣть на дѣйствія св. Петра въ Антиохіи. Когда не представлялось никакой нужды связывать себя узами іудейскихъ постановленій, онъ свободно жилъ съ христіанами изъ язычниковъ. Когда же увидѣлъ, что это необходимо, онъ отказался отъ этой свободы и связалъ себя тѣми узами. Какая же это была нужда?—Не только щадѣніе немощи пришедшихъ изъ Іерусалима, но покой и миръ всѣхъ церквей, собранныхъ изъ

Иудеевъ. Когда тѣ пришли, св. Петру предлежало рѣшить,— продолжать ли держать себя свободно, какъ доселѣ, или стать съ этими пришедшими Иудеями Иудеемъ. Онъ избралъ послѣднее, какъ и слѣдовало сдѣлать. Онъ уже зналъ, какъ Иудей-ревнителѣ раздражительны и не могутъ равнодушно смотрѣть на поблажки, какъ имъ казалось, язычникамъ. Оставшись по прежнему въ близости съ язычниками, онъ конечно раздражилъ бы этихъ пришедшихъ. Это само по себѣ еще невелико; но они опять возвращаясь въ Иерусалимъ, повсюду разливали бы свое раздраженіе и по Иудеѣ и въ Иерусалимѣ. И пошли бы тамъ раздѣленія и волненія, которыя не могли бы остаться безъ вредныхъ послѣдствій для Церкви Божіей. Предвидя это, на основаніи прежнихъ опытовъ, св. Петръ долженъ былъ опять начать съ Иудеями сими іудейски житьствовать. Его могъ остановить отъ этого только очевидный вредъ христіанамъ-язычникамъ, какой могло производить его поведеніе. Но этого онъ не могъ предполагать и видѣть. Изъ прежней исторіи до христіанства, язычники уже привыкли къ отчужденію отъ нихъ Иудеевъ; въ христіанствѣ еще не было опытовъ, какъ они встрѣтятъ подобное временное отчужденіе. У ап. Петра былъ потому выборъ— между совершенно вѣроятнымъ смятеніемъ среди Иудеевъ, и вредомъ для язычниковъ, котораго онъ даже предполагать не могъ, т.-е. не было никакого выбора, а предлежалъ одинъ образъ дѣйствованія, который и принять имъ.

Св. Павелъ совершенно подобно сему дѣйствовалъ въ другихъ случаяхъ. Потому и здѣсь онъ конечно не видѣлъ ничего, противъ чего слѣдовало бы возставать. Онъ видѣлъ, что апостольское благоразуміе заставляло св. Петра такъ дѣйствовать; и ничего бы не сказалъ, еслибъ это поведеніе Петра не оказало неблагопріятнаго впечатлѣнія на вѣрующихъ антиохіянъ, котораго не видѣлъ св. Петръ, и которое замѣтить могъ только одинъ св. Павелъ. Какъ только произошелъ и замѣченъ былъ сей вредъ,

ходъ дѣла принявъ совсѣмъ другой оборотъ. Тутъ выступилъ на среду очевидный вредъ, и требовалъ вниманія къ себѣ болѣе, чѣмъ предполагаемое смятеніе среди Іудеевъ. Долгъ выяснитъ это лежалъ на ап. Павлѣ, апостолѣ языковъ: что онъ и сдѣлалъ. Но при этомъ онъ не могъ предъ всѣми открыть того скрытнаго намѣренія св. Петра, а говорилъ такъ, какбы св. Петръ точно сдѣлалъ ошибку. Св. Петръ созналъ правость указаній св. Павла и выразилъ свое съ нимъ согласіе молчаніемъ. Еслибъ онъ остался при своемъ, можно бы его укорить; но тутъ онъ очевидно видѣлъ, что законъ: всѣмъ быть вся, да всяко нѣкія спасеть,—обязывалъ его не щадить болѣе Іудеевъ. И можно даже предполагать, что онъ очень былъ радъ тому, что св. Павелъ повелъ такую рѣчь. Она могла сильно подѣйствовать на присущихъ ревнителѣй іудейства и послужить имъ побужденіемъ къ охлажденію ревности и переходу къ простотѣ Евангельской. Это предположеніе удовольствія св. Петра отъ рѣчей св. Павла возникаетъ въ умѣ само собою, такъ что св. отцы, наши толковники, допустили даже предварительное соглашеніе между св. Петромъ и Павломъ въ намѣренномъ устроеніи всего событія съ цѣлю разительнѣйшаго вразумленія іудеохристіанъ, и присущихъ и всѣхъ.

Вотъ естественный ходъ дѣла! Изъ него видно, что и ап. Петръ не могъ иначе дѣйствовать, яко апостолъ Іудеевъ, и св. Павелъ молчать, яко апостолъ языковъ. Оба они сошлись въ единомъ, яко апостолы единаго Господа, заповѣдавашаго устроить Церковь изъ всѣхъ языковъ. Чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ этомъ, приводимъ мнѣнія древнихъ толковниковъ Церкви.

Вотъ мнѣніе блаж. Іеронима: „Изъ того, что Петръ, прежде, чѣмъ пришли нѣкоторые изъ Іерусалима, ѣлъ съ христіанами изъ язычниковъ, видно, что онъ не забылъ даннаго ему свыше внушенія, что Богъ не брезгаетъ никакимъ человѣкомъ, лишь бы вѣровалъ во Христа Іисуса. Но когда онъ ради тѣхъ, кои еще думали, что для

спасенія необходимо исполнять законъ, сталъ уклоняться отъ трапезованія съ христіанами изъ язычниковъ, и тѣмъ увѣровавшихъ въ Антиохіи язычниковъ побуждалъ подчиниться игу закона (ибо они не знали добраго намѣренія св. Петра, что онъ дѣлалъ такъ для спасенія Іудеевъ, а полагали, что такъ и должно, по смыслу Евангелія),—то св. Павелъ, видя, что благодать Христова въ опасности, новое—старый сей воитель—употребилъ искусство ополченія за истину, чтобы мѣру благоразумія Петрова, полезную для Іудеевъ (и оказавшуюся бесполезною для вѣрующихъ язычниковъ) исправить новою мѣрою благоразумія, которую онъ полагалъ въ открытомъ противорѣчій Петру, въ томъ, чтобы въ лицо ему противостать, не обнаруживая тайнаго его намѣренія, чтобы такимъ противостаніемъ Петру спасти вѣрующихъ изъ язычниковъ (въ чистотѣ и безпримѣсности евангельской вѣры). Если кто полагаетъ, что св. Павелъ истинно (за одно іудействованіе) возсталъ на Петра, и такъ необязанно укорилъ его, то не будетъ ли этому противорѣчить то, что и самъ Павелъ для іудеевъ бывалъ іудей, да іудеи пріобрѣщаетъ, и что самъ онъ окажется виновнымъ въ лицемѣрїи, когда остригъ главу въ Кенхреяхъ (Дѣян. 18, 18), въ Іерусалимѣ принесъ приношеніе (—21, 26) и обрѣзалъ Тимофея? Итакъ, если самъ онъ, посланный благовѣстить язычникамъ, не неумѣстнымъ находитъ сказать: *безпреткновенни бывайте іудеємъ и Церкви Божіей, якоже и азъ во всемъ всѣмъ умождаю, не искій своя пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. 10, 32),—и дѣлалъ нѣчто такое, что противно свободѣ евангельской, чтобы не соблазнить Іудеевъ; то какъ же могъ онъ за это одно истинно укорять Петра, апостола обрѣзанія, въ томъ, что самъ обличается дѣлающимъ, будучи апостоломъ языковъ? Но, какъ сказали мы, онъ возсталъ на Петра и другихъ, чтобы соблюденіе закона, держимое съ особеннымъ скрытымъ намѣреніемъ (оказавшееся вреднымъ для христіанъ изъ язычниковъ) исправить укоромъ (дѣлаемымъ тоже съ

особымъ намѣреніемъ) и такимъ образомъ спасенъ былъ тотъ и другой народъ“.

Вотъ слова св. Златоуста: „Показавъ (выше) свое согласіе и единомысліе съ апостолами, далѣе онъ находитъ нужнымъ упомянуть и о бесѣдѣ своей съ Петромъ, бывшей въ Антиохіи, и потому говоритъ: *егда же прииде Петръ въ Антиохію, въ лице ему противостахъ* и проч. Многіе, безъ должнаго вниманія читая сіи слова посланія, думаютъ, что Павелъ обличаетъ ими Петрово лицемѣріе. Но это несправедливо. Такъ понимать не должно. Здѣсь мы найдемъ глубокое благоразуміе Петра и Павла въ пользу слушателей.—Павелъ говоритъ сіе не противъ Петра; но съ какимъ намѣреніемъ сказалъ: *отъ мянущихся быти что, якови нѣкогда бѣша, ничтоже ми разнству-етъ*, съ тѣмъ же говоритъ и сіе. Впрочемъ, чтобы намъ болѣе не оставаться въ сомнѣніи о семъ, не излишне будетъ показать и самую причину сказаннаго. Апостолы, какъ выше я сказалъ, дозволяли въ Іерусалимѣ обрѣзаніе, ибо невозможно было вдругъ отвлечь отъ закона; но когда пришли въ Антиохію, они ничего подобнаго не соблюдали уже, и съ вѣрующими изъ язычниковъ обращались безразлично; такъ поступалъ тогда и Петръ. Но когда пришли изъ Іерусалима знавшіе, что тамъ онъ дѣйствовалъ иначе, то онъ пересталъ поступать по-язычески, опасаясь оскорбить ихъ, и перемѣнилъ образъ своего обращенія по двумъ причинамъ: чтобы не привести въ соблазнъ вѣрующихъ изъ іудеевъ, и чтобы Павлу доставить благовидный случай къ обличенію. Павлу извѣстно было намѣреніе, по которому такъ дѣйствовалъ Петръ. Но Павелъ обличаетъ, а Петръ благодушно переноситъ обличеніе, дабы ученики, видя молчаніе учителя, при сдѣланномъ ему выговорѣ, тѣмъ скорѣе убѣдились перемѣнить свой образъ мыслей. Ибо еслибы не при такомъ случаѣ Павелъ сталъ увѣщевать ихъ къ тому, то не произвелъ бы ничего важнаго; теперь же, когда сдѣлалъ такое строгое обличеніе, имѣя къ нему достаточную причину, онъ гораздо

большій произвелъ страхъ въ ученикахъ Петровыхъ. И еслибы опять Петръ, выслушавъ обличеніе, сталъ противорѣчить, то очень легко другой бы могъ подумать, что они извращаютъ строеніе спасенія; теперь же молчаніе его при Павловомъ обличеніи поразило великимъ страхомъ вѣрующихъ изъ іудеевъ. Для сего онъ такъ сильно и противостоялъ Петру. Смотри притомъ, съ какою осмотрительностію говоритъ онъ, давая замѣтить благоразумнымъ, что слова его не были дѣломъ брани, но дѣломъ служенія и мудраго мѣропріятія. Еслибъ они въ самомъ дѣлѣ несогласны были между собою, то конечно одинъ другаго не сталъ бы обличать въ присутствіи учениковъ; иначе они подали бы имъ большой соблазнъ. Теперь же это кажущееся несогласіе было полезно“.

Ст. 11. *Егда же прииде Петръ во Антіохію, въ лице ему противостояхъ, яко зазоренъ бѣ.*—*Егда же.* Когда же это?—Послѣ собора апостольскаго, когда съ апостоломъ Павломъ былъ еще и св. Варнава. Прямымъ всего это падаетъ на время предъ вторымъ апостольскимъ путешествіемъ св. Павла: ибо послѣ этого Варнавы уже не видно съ апостоломъ Павломъ. Слѣдственно это было скоро послѣ того собора, въ промежутокъ времени между нимъ и вторымъ путешествіемъ св. Павла. Но было ли тутъ время?—Было. Въ Дѣянїяхъ повѣствуется, что посланные съ апостоломъ Павломъ и Варнавою Іуда и Сила *пребыли тамо время* (Дѣя. 15, 33). За тѣмъ когда Іуда возвратился въ Іерусалимъ, а Сила остался въ Антіохіи, *Павель и Варнава живяху во Антіохіи, учаще и благовѣствующе слово Господне* (— 35). *По нѣкихъ же днехъ* Павель предлагаетъ Варнавѣ идти опять на проповѣдь. Изъ этого заключить должно, что отъ собора до этого момента прошло довольно времени, въ которое могъ придти въ Антіохію и св. Петръ. Иные относятъ это ко времени послѣ втораго апостольскаго путешествія св. Павла, съ котораго возвращаясь онъ пробылъ въ Антіохіи *время нѣкое* (Дѣян. 18, 23). Но въ такомъ случаѣ надо привлечь туда и

Варнаву изъ Кипра: лишнее предположеніе, безъ котораго можно обойтись при первомъ мнѣніи. Настаивать впрочемъ на точнѣйшемъ опредѣленіи времени не настоитъ нужды, потому что оно не можетъ имѣть вліянія на смыслъ сказанія.

Въ лице ему противостахъ,—или тотчасъ, какъ замѣтилъ соблазнъ, *или* съ твердостію, безъ потворства, не спуская ему ради того, что онъ изъ старшихъ, *или* тоже что ниже—*предъ всѣми*, т.-е. не отлагая, чтобъ сказать о томъ наединѣ. Того требовало благо Церкви.

Яко зазоренъ бѣ. Съ греч. *зазрѣнъ бѣ*; что заставляетъ думать, что онъ зазрѣнъ не апостоломъ Павломъ, а другими,—антіохійскими христіанами изъ язычниковъ. „Не сказалъ: подвергся зазрѣнію отъ меня, но *зазрѣнъ бѣ*, разумѣя зазрѣніе отъ другихъ. А еслибы и самъ Павелъ зазиралъ его, то не убоился бы сказать сего“ (Злат.) „Не зная причины, нѣкоторые зазирали его“ (Θеоф.). „Не Павломъ зазрѣнъ, знавшимъ, почему такъ дѣлалъ Петръ, но тѣми, кои не знали этого, и думали, что онъ въ самомъ дѣлѣ лицемѣрнъ“ (Экумен.).

За что же былъ зазрѣнъ св. Петръ? За то, что прежде трапезовалъ съ христіанами изъ язычниковъ, а потомъ отстранялся отъ нихъ.

Ст. 12. 13. *Прежде бо даже не приити нѣкимъ отъ Іакова, съ языки ядыше: егда же придоши, опряташеся и отлучашеся, бояся сущихъ отъ обрѣзанія. И лицемѣришася съ нимъ и прочіи Іудеи, яко и Варнавъ пристати лицемѣрству ихъ.*

Сотрапезованіе есть знакъ пріятельскаго общенія въ житейскомъ быту, которое предполагаетъ согласіе во всемъ прочемъ. Тоже и здѣсь. Когда св. Петръ трапезовалъ съ язычниками-христіанами, тѣмъ показалъ, что уже никакого нѣтъ средостѣнія между іудеями и язычниками въ Церкви Христовой. Въ самой антіохійской Церкви сліяніе іудеевъ съ язычниками водворено св. Павломъ и Варнавою съ самаго начала ея основанія. И св. Петръ пришедши туда

дѣйствоваль совершенно въ томъже духѣ. Но когда пришли нѣкіе отъ Іакова, онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствованія,—то былъ въ полномъ общеніи съ язычниками, а тутъ сталъ чуждаться ихъ и отстраняться отъ нихъ. Что заставило его такъ поступить? *Бояся сущихъ отъ обрѣзанія*, говоритъ св. Павель.

Св. Петръ убоился?—Въ пятьдесятницу предъ безчисленнымъ собраніемъ народа проповѣдалъ онъ безбоязненно новую истину, потомъ въ храмѣ возвѣщалъ тоже по исцѣленіи хромага, потомъ, по темничномъ заключеніи, не убоился дерзновенно внушать вѣру въ Распятаго предъ самими распинателями, и рѣшительно въ глаза всему синедріону, запрещавшему проповѣдь о Господѣ, сказалъ: *аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче, нежели Бога, судите. Не можемъ бо мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. 4, 19. 20). А тутъ убоился? Тамъ предъ врагами не боялся; а здѣсь убоился предъ братіями, увѣровавшими, только дорожившими закономъ?—Онъ убоился не обычнымъ какимъ-либо человѣческимъ страхомъ, но страхомъ любви Христовой,—боялся, чтобы эти сущіе отъ обрѣзанія не отпали, или оставаясь въ вѣрѣ не произвели смятенія между всѣми церквами изъ іудесвъ, выставляя среди ихъ Петра открытымъ врагомъ закона, еслибъ онъ и въ присутствіи ихъ продолжалъ быть съ язычниками, какъ язычникъ. „Не того боялся, чтобы не подвергнуться опасности самому (ибо не бывъ боязливымъ въ началѣ, могъ ли бояться теперь?)—но того, чтобы не отпали ученики, чего и самъ Павель боялся. Такъ пиша къ Галатамъ, говоритъ: *боюсь о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (— 4, 11); и къ Коринѳянамъ: *боюсь, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша* (2 Кор. 11, 3). Страхъ смерти ничего не значилъ для нихъ; но страхъ гибели учениковъ сильно поражалъ души ихъ“.

(Злат.).

Личность пришедшихъ,—ни то, что они отъ Іакова, ни

то, что, можетъ быть, были значительны среди іудеевъ,— не имѣла вліянія на опасенія св. Петра. Онъ опасался не ихъ, а за нихъ, ради того одного, что они были отъ обрѣзанія, вѣровавшіе іудеи, дорожившіе закономъ, и считавшіе исполненіе его, и при вѣрѣ въ Господа, условіемъ спасенія. Что эти сущіе отъ обрѣзанія пришли отъ Іакова, это не означаетъ необходимо того, что они были посланы Іаковомъ: ибо такъ можно объ нихъ сказать, если они пришли съ вѣдома только Іакова, и даже что они пришли изъ того мѣста, гдѣ первенствовалъ Іаковъ. И никакъ нельзя заключать, чтобъ они были одного духа съ Іаковомъ. Ибо онъ, хотя живя въ Іерусалимѣ среди іудеевъ такъ строго исполнялъ все подзаконное, что самые подзаконники считали его святымъ; однакожь онъ нисколько не считаетъ подзаконности условіемъ спасенія. Онъ первый подалъ рѣшительный голосъ о свободѣ язычниковъ отъ закона на соборѣ (Дѣян. 15, 13); онъ же, когда св. Павелъ прибылъ въ Іерусалимъ послѣ третьяго своего апостольскаго путешествія, посовѣтывалъ ему соблюсти нѣкоторыя обрядности для смягченія ходившаго о немъ слуха, будто онъ презираетъ законъ (Дѣян. 21, 18), чѣмъ показалъ, что исполненіе закона не считаетъ условіемъ спасенія, а временною мѣрою благоразумія, для привлеченія и удержанія въ вѣрѣ іудеевъ. Еслибъ пришедшіе въ Антиохію были такого же духа, то св. Петру нечего бы было опасаться за нихъ. Но видно, это были такіе, которые не могли сносить никакого снисхожденія язычникамъ, и св. Петръ зналъ это, почему и дѣйствовалъ въ отношеніи къ нимъ такъ, чтобы не раздражить ихъ ревности, которая, какъ извѣстно, не будучи управляема разумомъ, начинаетъ дѣйствовать шумно, беспорядочно. ни съ чѣмъ не соображаясь.

Такъ св. Петръ сталъ отстраняться отъ язычниковъ, съ цѣлю избѣжанія соблазна любителей іудейства и сохраненія мира въ церквахъ. Вышло же иначе. Первымъ слѣдствіемъ этого было раздѣленіе въ Церкви антиохій-

ской. Иудеи, внушеніями св. Павла, слившіеся въ сей Церкви съ язычниками, увлекшись примѣромъ Петра, стали теперъ отдѣляться отъ нихъ. *Лицемѣришася съ нимъ и прочіи іудеи*, говоритъ св. Павелъ. Они не знали намѣренія св. Петра, и только подражая ему, отдѣлялись отъ язычниковъ. Но имъ могло придти на мысль: ужь въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ ли держать себя вдали отъ язычниковъ? Это не могло не колебать ихъ прежняго убѣжденія, что средостѣніе раздѣлявшее іудеевъ и язычниковъ уже рушилось. Такимъ образомъ труды ап. Павла дѣлались тщетными. У него одна была забота,—изъ іудеевъ и язычниковъ слить одну Церковь, въ которой не было бы слѣдовъ ни іудейства, ни язычества, а царствовало одно христіанство, и всѣ вѣрующіе жили въ одномъ духѣ о Христѣ Иисусѣ. Образцовая въ этомъ отношеніи Церковь была антиохійская, на образованіе которой употреблено имъ столько трудовъ.—И вотъ однакожь у него на глазахъ въ этой Церкви совершился опасный раздѣлъ.

Каково было ап. Павлу видѣть это,—особенно когда и Варнава присталъ къ лицемѣрству прочихъ, этотъ соотаникъ Павловъ, въ одномъ духѣ съ нимъ дѣйствовавшій здѣсь и въ другихъ мѣстахъ насадившій вмѣстѣ съ нимъ не одну Церковь, свободную отъ іудейства?! Поступокъ св. Варнавы съ перваго раза кажется очень непонятнымъ. Но въ немъ ничего нѣтъ особеннаго: онъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ какъ и св. Петръ, и какъ въ другихъ случаяхъ дѣйствовалъ самъ св. Павелъ. Онъ присталъ къ св. Петру, не видя еще, какъ будетъ дѣйствовать св. Павелъ, и не ожидая какихъ либо послѣдствій, вредныхъ дѣлу Евангелія. Но иначе взглянулъ на это обстоятельство св. Павелъ. Онъ ясно видѣлъ истекавшій изъ этого образа дѣйствованія вредъ благосостоянію Церкви. Одно раздѣленіе уже было вредно. Но кромѣ того, могли произойти колебанія въ убѣжденіяхъ самихъ христіанъ язычниковъ. Они могли подумать: что же это мы стали будто отверженные?—Но изъ этого одни могли выводить такое

заключеніе: если для общенія нужно іудействовать, то и мы готовы,—а другіе: если нужно для общенія іудействовать, а мы іудействовать ни за что не согласимся, то остается обратиться къ старымъ языческимъ вѣрованіямъ. Св. Павелъ не говоритъ, чтобъ поступокъ Петра произвелъ такое дѣйствіе на христіанъ изъ язычниковъ; но возможность его очень вѣроятна. Всячески не могъ же онъ остаться безъ всякаго на нихъ вліянія. Амвросіастъ полагаетъ, что когда св. Петръ прежде жившій съ язычниками по-язычески вдругъ сталъ чуждаться ихъ, ради тѣхъ пришедшихъ ревнителей закона, то и христіане язычники поставлены были тѣмъ въ недоумѣніе, какой же образъ дѣйствованія правъ? Если справедливость требовала іудействовать, то самъ онъ оказывается нарушителемъ ея, когда съ ними жилъ по-язычески. Если же лучше или праведно было жить просто, какъ они, то ихъ разстраивало начавшееся у него теперь пренебреженіе къ нимъ.

Какъ бы впрочемъ ни истолковывать все это, видно было, что благонамѣренный поступокъ св. Петра оказался вредно подѣйствовавшимъ на христіанское общество антиохійское. Это и вызвало св. Павла на выясненіе истины для возстановленія нарушившагося-было порядка.

Ст. 14. *Но егда видѣхъ, яко неправо ходятъ ко истинѣ благовѣствованія, рекохъ Петру предъ всеми: аще ты, іудей сый, язычески, а не іудейски живещи, почто языки нудиши іудейски жителствовати?*

Егда видѣхъ. Прежде всѣхъ увидѣлъ; потому что ему удобнѣе было это видѣть. Еслибы св. Петръ увидѣлъ этотъ вредъ самъ, то конечно, и безъ напоминанія, пересталъ бы дѣйствовать такъ, какъ считалъ благотворнымъ дѣйствовать; за нимъ перестали бы и прочіе, и дѣло уладилось бы само собою. Но что увидѣлъ св. Павелъ? Что *неправо ходятъ ко истинѣ благовѣствованія.* Мысль здѣсь не та, что не по-евангельски живутъ, а та, что дѣйствуютъ такъ, что образъ ихъ дѣйствованія оказывается неблаго-

приятнымъ для успѣховъ благовѣствованія. Кто хочетъ, чтобы благовѣствованіе шло и распространялось успѣшно, тотъ не станетъ такъ дѣйствовать. Вы поступаете такъ что этимъ подрываете успѣхи евангелія. Въ этомъ ваша неправость. Благоразумное мѣропріятіе уже неблагоразумно, коль скоро оказываетъ дѣйствія совсѣмъ противоположныя ожидаемымъ.

Рекохъ Петру. Св. Павелъ говоритъ ап. Петру ради того, что съ него началось отчужденіе отъ язычниковъ и что слѣдовательно, если онъ перестанетъ отчуждаться отъ нихъ, за нимъ перестанутъ и другіе. И потому еще такъ могло быть сдѣлано, что еслибъ св. Павелъ обратился къ другимъ, тѣ могли бы думать, что св. Петръ за нихъ, и смѣло стали бы возражать; теперь же видя, что обличается Петръ и молчитъ, должны были и они молчать и покориться слову св. Павла. Св. Златоустъ пишетъ, что св. Павелъ затѣмъ обращается къ Петру, чтобы изъ сдѣланнаго ему выговора познали истину увѣровавшіе изъ іудеевъ. Ибо еслибы Павелъ обратилъ свое обличеніе на самыхъ вѣрующихъ изъ іудеевъ, они съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергли бы его обличеніе; ибо еще не научились много уважать его. Теперь же видя молчаніе обличаемаго своего учителя, они не могли ни презирать его, ни противорѣчить тому, что онъ говоритъ.

Онъ говоритъ ему *предъ всѣми*, ради того, что и поступокъ его, вызвавшій замѣчаніе, былъ совершенъ предъ всѣми, и особенно потому, что для всѣхъ и полезно и нужно было держать въ мысли и сердцѣ то, что онъ имѣлъ сказать. „Что онъ сказалъ предъ всѣми, нужда заставила, чтобъ это укореніе послужило цѣлительнымъ врачевствомъ для всѣхъ. Ибо не было полезно дѣло, явно причинившее вредъ, исправлять тайно“ (Август.). „Для того сказалъ предъ всѣми, чтобы устрашить слушающихъ“ (Злат.). „Какъ тѣ, кои съ здоровыми ногами дѣлаютъ видъ, что хромаютъ, все же порока въ ногахъ не имѣютъ, а прихрамываютъ по какой-либо другой причинѣ; такъ

и Петръ, зная, что обрѣзаніе и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ, ѣлъ прежде съ христіанами изъ язычниковъ; потомъ же на время отстранился отъ нихъ, чтобы не оттолкнуть отъ вѣры іудеевъ. Почему и Павелъ въ томъ же духѣ противостаётъ ему и говоритъ предъ всѣми, не съ тѣмъ, чтобы обличить Петра, но чтобы тѣ, коихъ ради лицемѣрился Петръ, исправилсь, или чтобы у іудеевъ гордости сбить, а язычниковъ не допустить до отчаянія“ (Іерон.).

Аще ты, іудей сый, язычески, а не іудейски живещи, почто языки нудиши іудейски жительствовати? Св. Павелъ обращается къ тому, что предъ симъ было, и въ этомъ беретъ основу для своего замѣчанія. Св. Петръ, возросшій въ узахъ іудейскихъ постановленій, вступивъ въ общество христіанъ изъ язычниковъ, далъ себѣ полную свободу отъ сихъ стѣсненій, не соблюдая обычныхъ у іудеевъ правилъ, которыми опредѣлялись у нихъ отношенія къ язычникамъ. Св. Павелъ говоритъ какъ бы: себѣ, бывшему несвободнымъ, ты далъ свободу отъ іудейства, а язычниковъ, незнавшихъ этой связи, ты нудишь іудействовать. Сущность укора не въ томъ, что онъ сталъ съ іудеями іудей, а въ томъ, что этимъ язычниковъ нудилъ іудействовать. Какъ? Примѣромъ своимъ, который въ немъ имѣлъ силу убѣждающаго слова и даже закона. Видя себя отчужденными и желая сохранить общеніе съ высокочтимымъ лицомъ, они готовы были или приходили къ мысли подчиниться игу закона. Такимъ образомъ, убѣжденія, посѣянные тамъ св. Павломъ у іудеевъ и язычниковъ, колебались, и чистота евангельской истины была въ опасности принять въ себя извращавшее ее примѣшеніе.

Приведу отеческія на этотъ случай мнѣнія, которыя впечатлительно истолковываютъ значеніе его. Блаженный Августинъ пишетъ: „Петръ укоренъ былъ Павломъ не за то, что соблюдалъ іудейскіе обычаи, но за то, что (этимъ соблюденіемъ) и язычниковъ понуждалъ къ тому же.— Отдѣляясь отъ язычниковъ въ угодность тѣмъ, кои считали

необходимымъ для спасенія соблюденіе іудейскихъ постановленій, онъ давалъ видъ, что считаетъ необходимымъ наложить иго работы законной и на язычниковъ. Это видно изъ самыхъ словъ, которыми онъ укоренъ. Ибо св. Павелъ не говоритъ ему: зачѣмъ ты опять возвратился къ іудейскимъ обычаямъ, — ты, который, будучи іудей, язычески, а не іудейски живешь, — но — зачѣмъ язычниковъ нудишь іудействовать? “

Блаженный Иеронимъ полнѣе выражаетъ ту же мысль: „тѣснить Петра неопровержимымъ доказательствомъ, или лучше въ лицѣ Петра тѣхъ, которые понудили его къ такимъ противорѣчивымъ поступкамъ. Если, говорить, ты Петръ, по естеству іудей, въ младенествѣ обрѣзанный и всѣ предписанія закона соблюдавшій, нынѣ по благодати Христовой, зная, что все это ничтоже есть само по себѣ, а было только образомъ грядущихъ благъ, сталъ съ вѣрующими язычниками вкушать пищу съ полною свободою, безъ смущенія: то какъ же ты, отстраняясь теперь отъ нихъ, какъ будто отъ нечистыхъ, понуждаешь ихъ іудействовать? Ибо если нечисты тѣ, отъ которыхъ отстраняешься, а отстраняешься ради того, что они не обрѣзаны, то этимъ заставляешь ихъ обрѣзаться и стать іудеями, между тѣмъ какъ самъ ты, будучи іудей, по язычески живешь. Павелъ выставляетъ причиною своего возстанія противъ Петра то, что онъ своимъ лицемѣрствомъ (благонамѣреннымъ) понуждалъ язычниковъ іудействовать; ибо они располагались подражать ему.“

Св. Златоустъ обращаетъ вниманіе на другую сторону дѣла, именно на то, что св. Павелъ стоитъ за язычниковъ, а въ виду имѣеть вразумленіе іудеевъ, и притомъ не прямо ихъ самихъ, а въ лицѣ св. Петра. „Что имѣеть въ виду св. Павелъ, говоря сіе? Хочетъ сдѣлать болѣе удобопріемлемымъ и выносимымъ свое обличеніе. Ибо если бы сказалъ такъ: худо ты дѣлаешь, что соблюдаешь законъ, тогда іудеи обвинили бы его въ дерзости противъ учителя. Теперь же, обвиняя его за своихъ учениковъ, сямъ сдѣ-

лалъ удобопріемлемѣе рѣчь свою; и не симъ только, но и тѣмъ, что, оставивъ всѣхъ другихъ, обратилъ все обличеніе противъ одного ап. Петра. *Аще ты, говоритъ, іудей сый, язычески, а не іудейски живешь,*—почти такъ говоря: вы подражаете своему учителю, а и самъ онъ, будучи іудеемъ, живетъ по-язычески. Но ясно не сказалъ сего потому, что совѣта его не приняли бы; а открываетъ мысль Петрову подъ видомъ выговора за язычниковъ. Также, еслибы онъ сказалъ: для чего ты обратившихся изъ іудеевъ принуждаешь опять жить по іудейски?—слова его были бы гораздо невыносимѣе; теперь же, какъ бы принимая сторону учениковъ изъ язычниковъ, а не изъ іудеевъ, симъ самымъ исправляетъ сихъ послѣднихъ. Ибо обличенія и укоризны принимаются легче и скорѣе, когда бываютъ не слишкомъ строги. Изъ язычниковъ же никто не могъ жаловаться на Павла, потому что онъ говорилъ противъ іудеевъ. А все сіе устроилъ во благо Петръ своимъ молчаніемъ, принявъ на себя видъ лицемѣрія, дабы освободить іудеевъ отъ дѣйствительнаго лицемѣрія“.

Молчаніе св. Петра заставляетъ предполагать въ немъ такія мысли въ отвѣтъ св. Павлу: если такъ, если тѣ, вѣрующіе язычники, точно соблазняются и выводятъ изъ моего поступка, будто для спасенія должно іудействовать; то ты правъ, я не долженъ такъ поступать. Я согласенъ съ тобою въ томъ, что этого средостѣнія—іудейства—не должно быть между вѣрующими. Рѣчь св. Павла не произвела разрыва. Св. Петръ видѣлъ правоту ея, и остался въ добрыхъ отношеніяхъ къ св. Павлу, какъ самъ о томъ свидѣлствовалъ (2 Петр. 3, 15). Мирное принятіе Павлова слова показываетъ, что онъ говорилъ тоже, что было на сердцѣ у самого Петра. И можетъ быть онъ радъ былъ случаю такого впечатлительнаго вразумленія тѣхъ ревнителей, съ которыми въ Іерусалимѣ говорить и управлять было очень затруднительно. Блаженный Феодоритъ пишетъ: „великій Петръ молчаніемъ подтверждаетъ Павловы

слова, какъбы такъ говоря увѣровавшимъ изъ іудеевъ и бывшимъ тогда съ апостолами: справедливо укоряеть меня Павелъ, не возможно и противорѣчить словамъ его.— А что Петръ, имѣя въ виду пользу слушающихъ, остался доволенъ словами Павловыми,—это явно для всякаго. И такъ поелику одинъ укорялъ, а другой принималъ это въ молчаніи; то симъ уготовлялось врачевство, полезное для увѣровавшихъ и изъ іудеевъ и изъ язычниковъ. Написалъ же сіе божественный апостоль Галатамъ, давая тѣмъ знать, что великіе и первые апостолы, по немощи іудеевъ, дозволяли иногда хранить законъ, но не всегда такъ поступали“.

Отношеніе этого случая къ Галатамъ выясняетъ и св. Дамаскинъ, показывая, какъ напоминаніе о томъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ посланія. „Этимъ обстоятельствомъ св. Павелъ мимоходомъ научаетъ Галатянъ благодушно принять и къ нимъ обращенный укоръ. Ибо если Петръ, будучи изъ іудеевъ, подвергшись укору за то, что другихъ располагалъ іудействовать, спокойно принялъ сей укоръ, какъ дѣло умѣстное и хорошее; тѣмъ паче Галаты, будучи изъ язычниковъ, и послѣ увѣрованія во Христа склонявшіеся къ игу закона, будучи укоряемы за то, должны благодушно принять этотъ укоръ“.

„Какъ любовно принялъ св. Петръ этотъ укоръ спасенія ради стада Христова! говоритъ Августинъ. Укоряемый былъ болѣе дивенъ, чѣмъ укоряющій. Вотъ примѣръ для подражанія,—примѣръ смиренія, которое есть высочайшая добродѣтель христіанская. Имъ преимущественно хранится взаимная любовь, которой ничто скорѣе не разоряетъ, какъ гордость“.

б).

Рѣчь св. Павла къ св. Петру, по поводу отчужденія его отъ язычниковъ, только началась предыдущими сло-

вамъ. Она непрерывно идетъ и далѣе до конца главы, и выясняетъ существо вѣры во Христа Господа, и особенно свободу при ней отъ закона, въ чемъ главный предметъ посланія. И всѣ древніе толковники (исключая одного, кажется, Амвросіаста), считаютъ стихи 15—26 продолженіемъ рѣчи св. Павла къ Петру и прочимъ бывшимъ тамъ іудеямъ. Иные прямо это означаютъ, какъ Θεодоритъ, который переходитъ отъ 14 ст. къ 15 такъ: „скажетъ же Павелъ и все иное, что говорилъ онъ блаженному Петру, имѣя въ виду пользу бывшихъ тамъ іудеевъ“. Другіе, не поминая о томъ, ходомъ рѣчи своей даютъ понять, что они слѣдующія съ 15 ст. слова, считаютъ продолженіемъ рѣчи, начатой въ 14-мъ, какъ св. Златоустъ, который говоритъ: „сперва онъ устремилъ рѣчь свою къ одному Петру, сказавъ: *еще ты іудей сынъ*, а потомъ обращаетъ оную ко всѣмъ, не исключая и себя.“

И теченіе рѣчи таково, что никакого повода не даетъ полагать, что она съ 15 ст. обращается уже къ другимъ лицамъ. Никому на мысль не придетъ, чтобъ св. Павелъ, бывшій очевидно въ движеніи, начавъ рѣчь къ св. Петру, ограничился тѣмъ однимъ, что сказалъ въ 14 ст. Напротивъ послѣ сего стиха невольно ожидается дальнѣйшая рѣчь въ томъ же духѣ и тонѣ, и слова: *мы естествомъ іудеи*, и прочее... совершенно отвѣчаютъ этому ожиданію. Но согласись только, что хоть одинъ стихъ еще сказанъ былъ въ Антиохіи, уже не найдешь, на чемъ остановиться до конца рѣчи, чтобъ сказать: отсюда обращается св. Павелъ къ Галатамъ. Къ Галатамъ обращается онъ послѣ сей рѣчи съ 1 ст. 3-й гл. Здѣсь же вся рѣчь идетъ къ св. Петру и прочимъ іудеямъ. И такую мысль тѣмъ необходимо удержать, что стиха 18: *яже разорихъ...* понять нельзя, если не относить его къ св. Петру, бросившему было іудейскіе порядки и потомъ опять за нихъ взявшемуся; а стихъ сей стоитъ въ срединѣ всей рѣчи. Другіе хватаются за это и говорятъ: 18-мъ стихомъ и кончается рѣчь къ св. Петру, а далѣе она обращена къ Галатамъ.

Но стѣитъ только прочитатъ въ рядъ эти стихи, чтобъ отказатся отъ такой догадки. Съ 18-го стиха св. Павелъ рѣчь ведетъ въ своемъ лицѣ,—азъ.. азъ. Этимъ 19 стихъ сливается съ 18 внѣшне; внутренне же, мыслями, онъ съ нимъ связуется союзомъ: *ибо: азъ бо...* Разрывать ихъ слѣдовательно и не приходится. То несомнѣнно, что, приводя сію рѣчь въ посланіи къ Галатамъ, св. Павелъ имѣлъ въ виду пользу Галатовъ, и она точно даетъ имъ сильныя внушенія; но то будутъ спасительныя для Галатовъ выводы изъ рѣчи, не къ нимъ обращенной. Эти выводы нѣкоторые изъ древнихъ толковниковъ и дѣлаютъ.

Замѣтитъ можно впрочемъ, что никакого вліянія не имѣетъ на пониманіе сихъ стиховъ, въ Антиохіи ли къ Петру сказаны они, или въ Ефесѣ написаны къ Галатамъ. Потому напрягаться опредѣлять то и нужды нѣтъ, и не важно. Важно то, что они изречены св. Павломъ и слѣдовательно богодухновенны.

Въ сей рѣчи аа) сначала св. Павелъ держитъ вниманіе все на томъ же случаѣ, по которому и началъ говорить, стараясь изъ самаго поведенія св. Петра и другихъ іудеевъ извлечь убѣжденіе въ томъ, какъ неосновательно держатся закона, особенно послѣ того, какъ уже онъ былъ такъ открыто оставляемъ (15—18). бб) Потомъ показываетъ, какъ искренно увѣровавшему во Христа должно на Него уже Единого возложить все свое упованіе спасенія, рѣшительно отказавшись отъ закона. Говоритъ объ этомъ настроеніи такъ, какъ оно у него образовалось и держится, давая разумѣть, что оно таково же должно быть и во всѣхъ, 19—21.

аа).

Ст. 15. 16. *Мы естествомъ іудси, а не отъ лзыкъ грѣшницы. Увѣдѣвши же, яко не оправдится человекъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою, и мы во Христа Іисуса вѣровахомъ, да оправдимся отъ вѣры*

Христовы, а не отъ дѣлъ закона: зане не оправдится отъ дѣлъ закона всяка плоть.

Мы,—мы съ тобою, Петръ, если относить только къ св. Петру рѣчь, или со всѣми бывшими тамъ іудео-христианами, или вообще не съ этими только, но со всѣми іудеями увѣровавшими во Христа. Видно, что св. Павелъ отвлекаетъ мысль отъ Петра, и ударъ направляетъ на тѣхъ, кои привязаны еще были къ закону, и исполненіе его считали необходимымъ для спасенія. — *Естествомъ іудеи,* іудеи по рожденію и происхожденію, а не послѣ рожденія принявшіе іудейство. Отцы и праотцы наши іудеи. И родились и воспитаны мы въ іудейскомъ законѣ. *Іудеи,*—народъ Божій, Богомъ избранный въ часть достоянія, Имъ хранимый и руководимый народъ, которому Самъ Богъ указалъ истинный путь угожденія Ему, и снабдилъ всѣми средствами оправданія предъ Нимъ, слѣдовательно народъ святой, назначенный къ святости и приспособленный къ достиженію ея. — *А не отъ языкъ грѣшники.* Грѣшникъ тотъ, кто заповѣдей Божіихъ не исполняетъ, нарушаетъ законъ Божій. Но здѣсь язычники грѣшниками называются по противоположности ихъ іудеямъ, какъ незнающіе истиннаго Бога и поклоняющіеся не по естеству сущимъ богамъ, и какъ неимѣющіе закона, который показывалъ бы имъ, какъ быть праведными предъ Богомъ, и потому допускающіе среди себя много срамныхъ дѣлъ, Богу противныхъ, которыхъ они однакожь и грѣхами не считали, которыя одобряются даже ихъ религіею. Выставляя такую противоположность, апостоль наводитъ на такія мысли, что если язычники—грѣшники, то іудеи—не грѣшники, и далѣе: если іудеи естествомъ не грѣшники, то язычники естествомъ грѣшники, т.-е. іудеямъ на роду написано быть святыми, а язычикамъ—погрязать въ грѣшности,—такъ что между іудеями грѣшность есть исключеніе, а у язычниковъ негрѣшность была бы исключеніемъ.

Такъ вотъ каковы мы! говоритъ какъбы св. Павелъ.—И нечего бы намъ искать иныхъ путей спасенія и оправ-

данія предъ Богомъ. Пусть бы искали его язычники. И однакожь.—

Увѣдѣши, очевидно узнавъ, осязательно убѣдившись,—отчасти и изъ собственнаго опыта, а главнымъ образомъ изъ откровенія во Христѣ Иисусѣ, *яко не оправдится*, не можетъ стать или сдѣлаться праведнымъ, не можетъ достигнуть праведности и святости, *человѣкъ*, всякій, не мы только іудеи, но и всякій человѣкъ, который сталъ бы на нашемъ мѣстѣ, не можетъ стать праведнымъ и святымъ *отъ дѣлъ закона*, посредствомъ дѣлъ закона, при самомъ строгомъ исполненіи предписаній закона, опредѣлявшихъ внѣшній строй нашей религіозной жизни, которая хотя и освящала къ плотской чистотѣ, но совѣсти не успокоивали и силъ противостоянія грѣху не давали,—но *только вѣрою Иисуса Христовою*, только вѣрою во Иисуса Христа, обѣтованнаго Избавителя, который смертію своею удовлетворивъ правдѣ Божіей и Духа Святаго во освященіе насъ неспославши намъ отъ Отца, сдѣлалъ то, что всякій вѣрующій въ Него и Ему послѣдовать рѣшившійся, и отпущеніе грѣховъ получаетъ и силою свыше облекается на противостояніе грѣху и твореніе всякой правды, ради вѣры въ Него и рѣшимости быть Ему во всемъ вѣрнымъ до положенія живота,—узнавши все это, и мы іудеи, которымъ самимъ Богомъ показаны были всѣ чины оправданія, до времени имѣвшіе силу, теперь же обветшавшіе уже, во *Христа Иисуса вѣровахомъ*, увѣровали во Христа, оставя законъ, ко Христу прибѣгли, на Него возложили все упованіе спасенія, *да оправдимся отъ вѣры Христовой*,—въ томъ убѣжденіи, что Онъ и грѣхи наши всѣ проститъ и дастъ намъ силу стяжать внутреннюю правоту, въ мысляхъ, чувствахъ и расположеніяхъ, которая одна дѣлаетъ правыми предъ Богомъ,—*а не отъ дѣлъ закона*, которая доставляютъ только внѣшнюю правоту, оставляя сердце въ прежней, ветхой неправости: *заче не оправдится отъ дѣлъ закона всяка плоть*. Ибо дѣла закона до этой внутренней правоты предъ Богомъ никого

не доводили и довести не могутъ. Не дано имъ отъ Бога, ихъ опредѣлившаго, такой силы.

Во всей рѣчи этой мысль одна: законъ не приводитъ насъ къ праведности; почему, увѣрившись, что ее можетъ подать только Іисусъ Христосъ, мы, оставя законъ, прилѣпились къ Нему вѣрою. Но св. Павелъ разнообразно выражаетъ ее, чтобъ сильнѣе напечатлѣть ее въ памяти. Три раза напоминаетъ о безсиліи закона доставить праведность и три раза указываетъ истинный источникъ праведности, святости, спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ чрезъ вѣру въ Него. Такъ полна была душа его этимъ убѣжденіемъ, и такъ ревновалъ онъ передать его въ души другихъ!—При всемъ томъ есть здѣсь стороны, требующія объясненія.

Что разумѣется здѣсь подъ закономъ?—Внѣшній чинъ, которымъ опредѣлялся строй нравственно-религіозной жизни іудейскаго народа — обрѣзаніе, субботствованіе, праздники, жертвы, омовенія, окропленія, и под. Этотъ чинъ отособлялъ іудеевъ отъ всѣхъ другихъ народовъ и составлялъ ихъ исключительную собственность. Расположенія, входяція въ составъ благочестія и добронравія, каковы страхъ Божій, упованіе на Бога, состраданіе, благотворительность, терпѣніе, воздержаніе, трудолюбіе, и под. были общи всему роду человѣческому, а не однимъ іудеямъ принадлежали. Они здѣсь и не разумѣются подъ закономъ. Что точно здѣсь подъ закономъ разумѣется внѣшній чинъ іудейской жизни, видно изъ того, изъ-за чего началась рѣчь. Рѣчь началась изъ-за-того, что св. Петръ сначала оставилъ-было всѣ чины и порядки, отособлявшіе его отъ необрѣзанныхъ, и жилъ свободно съ ними, а потомъ когда пришли строгіе ревнителі о соблюденіи сихъ чиновъ, онъ отшатнулся отъ необрѣзанныхъ и опять подчинился чинамъ, отособлявшимъ отъ нихъ вмѣстѣ съ тѣми ревнителами отособленія. Тутъ, слѣд., дѣйствующими причинами были законъ обрѣзанія, необщеніе въ пищу съ необрѣзанными. Ихъ прямо и

разумѣлъ св. Павелъ, — и наряду съ ними, всѣ подобныя законы, опредѣлявшіе внѣшній порядокъ іудейской жизни: ибо обрѣзаніе одно обязывало уже ко всѣмъ имъ, равно какъ необрѣзаніе дѣлало свободнымъ отъ нихъ. Что въ 14 ст. ап. Павелъ называетъ: іудейски жить,—это значитъ—жить, строго соблюдая всѣ порядки, характеризовавшіе іудейскую жизнь; жить же язычески,—значитъ жить неподчиненнымъ симъ порядкамъ Эти порядки составляли средостѣніе, отдѣлявшее іудеевъ отъ язычниковъ. Св. Павелъ всѣ усилія свои обращалъ на то, чтобъ разорить это средостѣніе, и изъ іудеевъ и язычниковъ слить одну нераздѣльную Церковь, какъ одно тѣло Христово.

Такъ разумѣютъ здѣсь законъ всѣ древніе толковники. Блаж. Θεодоритъ пишетъ: „Необходимому въ законѣ почула сама природа; таковы заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай, не крадь, не свидѣтельствуй ложно на ближняго, почитай отца твоего и мать твою, и другія подобныя; заповѣди же о субботѣ, объ обрѣзаніи, о прокаженныхъ, о жѣртвахъ, о кропленіяхъ, составляли собственность закона; ибо имъ не научала природа. Поэтому все сіе называетъ апостоль дѣлами закона.“—Св. Златоустъ, хотя не говоритъ такъ опредѣлительно, что разумѣетъ онъ подъ закономъ, но во всемъ толкованіи этого отдѣленія посланія, гдѣ приходилось говорить о законѣ, онъ поминаетъ только объ обрѣзаніи, субботѣ и жертвахъ; и слѣд. разумѣетъ подъ закономъ тоже самое, что прямо выразилъ Θεодоритъ. Вслѣдъ за тѣмъ такъ понимаютъ законъ и всѣ древніе толковники.

Толкователи новыя, инославныя, стали разумѣть подъ закономъ и нравственный законъ, правила благочестія, добронравія и всѣ добрыя дѣла, въ угодность Лютеру, неумѣвшему понять дѣла оправданія. Это пониманіе противно прямому смыслу этого отдѣленія и всему тому, о чемъ пишетъ св. Павелъ во второй главѣ. Ибо и на соборѣ въ Іерусалимѣ трактовали о внѣшнихъ іудейскихъ

чинахъ, и случай съ ап. Петромъ былъ изъ-за внѣшнихъ чиновъ. Когда апостолы собора писали антиохійцамъ, что они рѣшили ничего не возлагать на вѣрующихъ изъ язычниковъ, кромѣ извѣстныхъ ограниченій; то конечно не то разумѣли, что даютъ имъ полную свободу отъ всѣхъ правилъ благочестія и добронравія, но что необязываютъ ихъ къ исполненію какихъ-либо законовъ іудейской внѣшней жизни, начиная съ обрѣзанія (Дѣян. 15, 24).

Что значить здѣсь *оправданіе*? По общему смыслу оправдаться значитъ представить уважительныя причины, по которымъ законно съ кого-либо снимается взводимая на него вина, и онъ объявляется правымъ. Въ этомъ смыслѣ оправданіе предъ Богомъ не можетъ имѣть мѣста, Между людьми возможно, что на инаго внесутъ вину, которой за нимъ нѣтъ, и ему стоитъ только объяснить дѣло чтобъ явиться невиннымъ. Но предъ Богомъ мы всѣ виновны самымъ дѣломъ и ради грѣха прародительскаго и ради собственныхъ своихъ грѣховъ. Никакихъ извиненій не можемъ мы представить въ свое оправданіе, и ничего не можемъ мы сдѣлать, чѣмъ бы могли загладить вину свою. Какъ же быть? Такъ бы и оставаться намъ всегда подъ судомъ правды Божіей, еслибы благодѣтель Божій не устроила намъ особаго способа оправданія. Чтобы лучше понять это, представимъ нашу виновность подъ видомъ долга предъ правдою Божіею. Должникъ самъ можетъ не имѣть способа уплатить свой долгъ, но за него можетъ уплатить другой, и когда уплатитъ, займодавецъ болѣе не считаетъ уже его отвѣтнымъ предъ собою, очищаетъ, дѣластъ его свободнымъ отъ долга. Это самое и устроила намъ благодѣтель Божій въ оправданіе предъ Богомъ. Долги наши неоплатны. Но за всѣхъ насъ уплатилъ ихъ правдѣ Божіей Господь нашъ Иисусъ Христосъ крестною Своею смертію, сила которой опредѣляется такъ, что въ ней Господь грѣхи наши самъ вознесъ на тѣлѣ Своемъ на древо (1 Петр. 2, 24), рукописаніе грѣховъ нашихъ привоздиль на крестѣ (Кол. 2, 14). Остается только сдѣ-

лать, чтобы правда Божія признала каждаго изъ насъ въ отдѣльности, лично, подходящимъ подъ эту милость, или чтобы каждый изъ насъ предъявилъ правдѣ Божіей, что въ общей массѣ лицъ, долги которыхъ оплачены, уплата шла и за него. Пусть въ какомъ-либо городѣ много должниковъ, и какой-нибудь богачъ объявитъ заимодавцѣмъ, разнымъ или одному, что какой должникъ представить росписку или свидѣтельство отъ меня, того долгъ считать оплаченнымъ изъ моей кассы, а его свободнымъ отъ долга. Вотъ эту росписку или свидѣтельство отъ лица Господа и долженъ каждый грѣшникъ представить правдѣ Божіей, чтобы стать предъ нею свободнымъ отъ долга грѣховъ своихъ. Какая же это росписка или свидѣтельство? Вѣра въ Господа нашего Иисуса Христа. Увѣровавшій въ Господа правъ предъ лицомъ Бога правды.

Что же есть вѣра въ Господа? Напрасно хотятъ опредѣлить вѣру въ Господа однимъ словомъ. Ее надобно описать; ибо она есть состояніе сердца, совмѣщающее не одно чувство, убѣжденіе и расположеніе, а нѣсколько. Она приходитъ чрезъ покаяніе; ибо Господь говоритъ: *покайтесь и вѣруйте во Евангеліе* (Мар. 1, 15). Изъ этой лабораторіи кающагося духа вѣра исходитъ уже не одна, но *любовію споспѣшествуема* (Гал. 5, 6), послѣ того, какъ иже вѣру иметъ, и крестится (Мар. 16, 16). Это и есть *новая тварь*, которая зачинается благодатію въ первыхъ движеніяхъ покаянія, а въ этомъ строѣ является уже вполне образовавшеюся, характеристически сложившеюся, принявшею христіанскую личность. Весь ходъ дѣла таковъ. Только истинно кающійся взыскиваетъ Господа. Кающагося же исполняютъ два чувства и расположенія: жалѣніе, что грѣшилъ, и крѣпкое желаніе не поддаваться болѣе грѣховнымъ влеченіямъ. Но въ первомъ чувствѣ томить его правда Божія, коей ничѣмъ удовлетворить не можетъ, во второмъ—желаніи страшитъ собственное безсиліе, опытомъ дознанное. Онъ и прибѣгаетъ къ Господу въ полной увѣренности, что Онъ изба-

вить его отъ той и другой крайности,—и прежніе грѣхи простить, и дать ему силу впередъ противостоятъ грѣхамъ. Безъ сихъ двухъ увѣренностей вѣра въ Господа немислима, равно какъ покаяніе немислимо безъ сокрушенія въ грѣхахъ и твердаго намѣренія не поддаваться грѣху. Но всѣ эти расположенія суть только приготовленія къ образованію вѣрующей личности. Самое же образованіе производится благодатію Св. Духа въ таинствѣ крещенія, въ коемъ погружаясь, онъ погружается въ смерть Христову и получаетъ отпущеніе грѣховъ, а возникая изъ погруженія, выходитъ въ обновленіи жизни, облеченный силою не работать грѣху, жить же прочее Богу о Христѣ Іисусѣ (Рим. 6, 3—13). Вотъ когда является вполне образовавшеюся вѣрующая христіанская личность. Проходитъ она весь этотъ путь; но изъ пройденнаго ничто не утрачивается, а напротивъ все входитъ въ строй ея духа, который однимъ словомъ именуется вѣра. Вѣра потому совмѣщаетъ въ себѣ много чувствъ; но отличительная ея черта, выдающаяся, есть преданіе себя на служеніе Господу до положенія живота въ чаяніи спасенія благодатію Его. Чувствуетъ вѣрующій, что купленъ цѣною крови, долженъ работать Купившему его, въ полной увѣренности, что этимъ путемъ онъ будетъ непременно спасенъ.

Только тотъ, кто такъ вѣруетъ, является оправданнымъ предъ Богомъ, не въ томъ только смыслѣ, что съ него снимается вина грѣховности, но что въ немъ полагается сѣмя всякой правды въ его рѣшимости работать Господу исполненіемъ воли Его, и въ чувствѣ силы на то, вселяемой въ него благодатію, его возродившею. Онъ обладаетъ внутреннею правотою; ибо духъ правый обновленъ во *утробѣ его* (Пс. 50).

Послѣ сего само собою понятно, почему законъ не оправдываетъ, а только вѣра въ Господа Іисуса Христа: потому что законъ не давалъ новой жизни. Іудей согрѣшившій—приходилъ, исповѣдывалъ свой грѣхъ, приносилъ положенную жертву и возстановлялся въ правахъ іудея

всѣхъ; но внутренно онъ оставался все тотъ же, съ тѣмъ же рабствомъ грѣху. Посему говорится, что всѣ жертвы очищали только къ плотской чистотѣ (Евр. 9, 13). Равно исполненіе и всѣхъ другихъ уставовъ закона сообщало только внѣшнюю правоту, внутри оставляя ветхую неправоту. Само обрѣзаніе вводило въ сонмъ Израилевъ, но сердце оставляло необрѣзаннымъ. Такимъ образомъ іудей, вѣрный закону, только объявлялся правымъ внѣшне, не будучи правъ въ сердцѣ своемъ. Напротивъ увѣровавшій въ Господа не объявляется только правымъ, но получаетъ правоту во внутреннемъ строѣ жизни, обновляется, и, какъ созрѣвшій юноша полный силъ, исходитъ на угожденіе Господу, въ чувствѣ благодатной силы, ему дарованной. Это обновленіе внутреннее есть характеристическая черта вѣры Христовой. Ради его собственно христіанинъ и оправдывается предъ лицомъ правды Божіей, оправдывается совершеннымъ оправданіемъ. Оно-то собственно и есть то свидѣтельство, ради котораго все прощается, и предъявившій его опять принимается въ полную милость и полное благоволеніе Божіе.

Между тѣмъ однакожь законъ не былъ худъ. Онъ имѣлъ свою силу по Божіему опредѣленію и приносилъ соотвѣтственный плодъ: держалъ въ исправности, хотя внѣшней только, и тѣхъ, кои были болѣе внимательны, готовялъ къ принятію Господа, такъ какъ всѣ его чины были образомъ грядущихъ благъ. Уразумѣвшіе то, и подъ закономъ находясь, воздыхали о сихъ благахъ и чаяли пришествія Лица, имѣвшаго принести ихъ. И это становило ихъ среди Іудеевъ выше іудеевъ. Таковы были всѣ ветхозавѣтные патріархи, пророки, праведники.

Св. Златоустъ видитъ въ словахъ св. Павла такое побужденіе къ оставленію закона: „мы, говоритъ (св. Павелъ), оставили законъ не потому, чтобъ онъ былъ не добръ, но потому что немощенъ“. Въ поясненіе этой немощности, Теофилактъ прибавляетъ къ словамъ св. Златоуста: (а немощенъ онъ) „потому, что душъ не освящаль, а отни-

малъ только плотскую нечистоту“. На этомъ основаніи блаженный Теодоритъ значеніе закона вообще опредѣляетъ такъ: „нарушеніе сихъ заповѣдей (выше указанныхъ,—объ обрѣзаніи, субботѣ, жертвахъ, омовеніяхъ и проч.), есть грѣхъ (для іудея), однакоже и храненіе ихъ не есть пре-спѣваніе въ совершенной правдѣ. Ибо все сіе служило указаніемъ на нѣчто другое, впрочемъ іудеямъ пригодно было на то время“. Блаженный Иеронимъ, говоря о такомъ значеніи закона, объясняетъ, въ какомъ случаѣ и по какому поводу законъ оставался съ такимъ малымъ плодомъ. „Нѣкоторые говорятъ: если вѣрно то, что говоритъ здѣсь св. Павелъ, что отъ дѣлъ закона никто не оправдится, а только вѣрою Иисусъ-Христовою; то патріархи, пророки и святые жившіе до пришествія Христова, были несовершенны. Таковымъ должно отвѣтить, что здѣсь тѣ называются недостижими правды, которые вѣрятъ, что оправдаться можно только такими дѣлами. Святые же, бывшіе древле, вѣрою Христовою оправданы. Ибо Авраамъ видѣлъ день Христовъ и возрадовался. И Моисей поношеніе Христово считалъ богатствомъ, ббльшимъ сокровищъ египетскихъ: *взираше бо на мздовоздаяніе*. И Исаія видѣлъ славу Христову (Ис. 6), какъ свидѣтельствуешь евангелистъ Іоаннь. Отсюда видно, что не столько дѣла закона осуждаются, сколько тѣ, кои надѣются быть оправданными только отъ дѣлъ, когда и Самъ Спаситель говоритъ: *еще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не увидите въ царство небесное* (Мѡ. 5, 20)“.

Ст. 17. *Аще ли ищуще оправдитися о Христвъ, обрѣтохомся и сами грѣшници, Христосъ убо грѣзу ли служителъ? Да не будетъ.*

Апостоль останавливаетъ вниманіе на подлежащемъ обстоятельствѣ,—что, исключая пришедшихъ отъ Іакова, всѣ іудеи бывшіе тутъ и съ ап. Петромъ въ томъ числѣ, бросили-было все законное ради вѣры въ Господа, а потомъ опять къ нему обратились, по той причинѣ, что теперь смотрѣли на нихъ ревнители закона. Какъ-будто

тѣ захватили ихъ на худомъ дѣлѣ, которое надлежало поспѣшить исправить! Какъ будто грѣхъ оставя законъ прилѣпиться ко Христу,—ко Христу, который есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ! Вотъ какая нелѣпость выходитъ изъ вашего образа дѣйствованія!

Словомъ: *ищуще* показываетъ апостоль, что всѣ, которые слышали слово его, точно были люди возбужденные и ревностно искали спасенія. Искали его въ законѣ, и видѣли, что онъ не удовлетворялъ требованіямъ совѣсти и сердца боголюбиваго. Почему законно оставили его и прилѣпились къ Господу, истинному Спасителю, Врачу душъ, въ коемъ подаются намъ всѣ сокровища духовныя. Этого искали во Христѣ, и конечно нашли, ибо всякъ ищай сего въ Немъ, обрѣтаегъ. Зачѣмъ же опять обращаться на немощныя стихіи?! Понять нельзя этого поведенія.—

Искали оправдаться, а *обрѣтохомся грѣшницы*. Когда застали насъ за такими дѣлами, которыя свидѣтельствовали о томъ, что мы вѣруемъ спастися единственно въ Господѣ Исусѣ Христѣ, безъ дѣлъ закона; мы спохватились, стыдно намъ стало и предъ другими и предъ своею совѣстью,—и поскорѣе поправлять свою ошибку. Приняли было свободу, а потомъ опять отскочили отъ ней, будто обжегшись, будто учинивши пагубный грѣхъ!

Христосъ убо грѣху ли служителъ? И вышло, по вашему, что прилѣпиться ко Христу и на Него единого возложить все упованіе спасенія, бросивъ законныя дѣла, значить тоже, что въ грѣхъ впасть.—И сталь у васъ Христосъ грѣху служителъ, въ грѣхъ всѣхъ ввергающій, кто къ Нему ни прилѣпится вѣрою. Можно-ли такъ,—когда Онъ спасенія ради нашего пришелъ, и мы къ Нему обратились, чая сего спасенія, и самымъ дѣломъ обрѣтая его?—Вотъ какойс мысль имѣетъ вашъ поступокъ. Какое отсюда могли извлечь побужденіе—совсѣмъ бросить законъ и уже не возвращаться къ нему болѣе,—тѣ, кои уразумѣли силу сихъ рѣчей апостола!

Св. Златоустъ пишетъ: „Если, говорить, вѣра во Хри-

ста не можетъ оправдать, но опять необходимъ законъ; то, оставивъ законъ для Христа, и не получая оправданія чрезъ его оставленіе, но подвергаясь осужденію, мы должны будемъ признать виновникомъ нашего осужденія Того, къ которому перешли, оставивъ законъ. Смотри, къ какой неизбѣжной нелѣпости онъ привелъ слово свое. Ибо если не должно, говорить, оставлять закона, а мы оставили его для Христа: то мы будемъ за сіе судимы.— Но для чего, Павле, говоришь и совѣтуешь сіе Петру, который зналъ все сіе совершенно? Не ему ли Богъ открылъ, что чловѣка необрѣзаннаго не должно осуждать за то, что онъ не обрѣзанъ?.. Не для исправленія Петра говоритъ онъ сіе, но обративъ рѣчь свою къ Петру потому, что находилъ это нужнымъ, говоритъ между тѣмъ ученикамъ. Ты облекся во Христа, содѣлался членомъ Господа, соприсчисленъ къ вышнему граду,—какъ же пресмыкаешься еще около закона? Какъ можно тебѣ достигнуть царствія? Внемли словамъ Павла, что соблюденіемъ закона ниспровергается Евангеліе, и если хочешь, я покажу тебѣ,—и какъ это; а ты утрашишь, и постарайся избѣгнуть угрожающей бездны. Для чего ты наблюдаешь законъ? Конечно убоявшись закона, и опазаясь оставить оныя письма? Но ты не убоялся бы оставить законъ, еслибы не презрѣлъ вѣры, какъ бы слабой, и самой по себѣ не могущей спасти тебя. Если необходимо исполненіе закона, то необходимо должно отвергнуться Христа, или послѣдуя Христу, сдѣлаться преступникомъ закона. Ибо если должно исполнить законъ, то неисполняющіе его—законопреступники, и виновникомъ сего законопреступленія будетъ у насъ Христосъ; ибо и Самъ Онъ разрѣшалъ отъ обязательства сему закону, и другимъ далъ заповѣдь разрѣшать отъ сего обязательства. Смотри, до чего доходятъ іудействующіе! Они Христа, виновника нашего оправданія, дѣлаютъ виновникомъ грѣха, какъ и Павелъ говоритъ: *Христосъ убо грѣху ли служитель?* Доведши ихъ до такой нелѣпости, ему уже не нужно было

приводить другія доказательства къ опроверженію ихъ, но достаточно было одного отрицанія; посему онъ и сказалъ только: *да не будетъ!* Ибо противъ совершенно явной нелѣпости не нужно изыскивать доказательствъ, а достаточно и одного отрицанія.

Это *да не будетъ*, по мнѣнію блаженнаго Августина, произнесено св. Павломъ не отъ одного своего лица, но отъ лица всѣхъ его слышавшихъ, не исключая и пришедшихъ ревнителѣй закона. Ибо, чтобъ Христось былъ грѣху служитель, этого „и они не могли сказать, потому что не только сами вѣровали во Христа, но не хотѣли даже, чтобъ Евангеліе было преподаемо кому-либо кромѣ обрѣзанныхъ“.

Ст. 18. *Аще бо яже разорихъ, сія пакы созидаю, преступника себе представляю.*

Объясняетъ, какимъ образомъ оказались грѣшниками, когда оставя законъ опять къ нему обратились, примѣромъ изъ житейскаго быта. Здѣсь никто не станетъ разорять какого-либо зданія на-обумъ, а развѣ убѣдившись, что оно не нужно. Но если онъ же, разоривши зданіе, опять начнетъ его созидать въ томъже видѣ, то тѣмъ обличить себя, что худо сдѣлалъ разоривши его,—оказался преступникомъ противъ житейской мудрости. Такъ и у насъ, говоритъ какъбы св. Павелъ. Бросивши законъ, мы разорили его; обращаясь же къ нему снова, опять созидаемъ его. Но если мы обращаемся къ нему снова ради того, что безъ него нельзя быть, то этимъ предъ всѣми обличаемъ себя, что худо сдѣлали оставя законъ, согрѣшили тѣмъ предъ Богомъ. Если, наоборотъ, мы бросили законъ по тому убѣжденію, что онъ обветшалъ и потерялъ силу, и ко Христу прилѣпились по тому убѣжденію, что Онъ есть единый истинный Спаситель; то возвращаясь теперь вновь къ брошенному закону, идемъ противъ своей совѣсти, и нарушаемъ сознательно вѣрно познанную нами волю Божию искать спасенія только въ

Господѣ Иисусѣ Христѣ. Слѣдственно мы явились грѣшники и предъ Богомъ и предъ своею совѣстію.

„Видишь ли благоразуміе Павла, говорить св. Златоустъ. Иудеи хотѣли показать, что не соблюдающій закона есть преступникъ; а онъ говоритъ противное, что исполняющій законъ есть преступникъ, и преступникъ не только противъ вѣры, но и противъ самаго закона. Ибо подъ словами: *яже разорихъ, сія пакы созидаю*, онъ разумѣетъ законъ. И слова его имѣютъ такой смыслъ: Законъ получилъ конецъ; и мы сами подтвердили сіе тѣмъ, что оставивъ оный, прибѣгли искать спасенія отъ вѣры. Усиливаясь послѣ сего возстановить законъ, мы симъ самымъ дѣлаемся преступниками онаго, т.-е. когда упорно хотимъ соблюдать то, что отмѣнено самимъ Богомъ“.

Укоръ этотъ очень силенъ; почему св. Павелъ обращаетъ его къ самому себѣ, какъбы онъ самъ такъ поступилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ смягчить впечатлѣніе, которое не могло быть пріятно. Или говоря въ первомъ лицѣ пускаетъ рѣчь въ общность, какъбы такъ: я ли, другой ли кто, вообще всякій, кто такъ ни поступаетъ, худо дѣлаетъ,—чтобъ отвлечь рѣчь отъ слушающихъ, ради смягченія укора.

Епископъ Теофанъ.

І Е Р У С А Л И М Ъ. *)

Извѣстна прекрасная страница Паскаля, гдѣ этотъ великій христіанскій мыслитель раскрываетъ то, что на условномъ языкѣ богослововъ называется *трихотомія* (тричастность) св. ап. Павла (1 Сол. 5, 23). Извѣстно что апостоль усматриваетъ въ человѣческой природѣ три элемента: тѣло, душа и духъ **). Это три сферы, существенно отличающіяся другъ отъ друга: сфера силы матеріальной, — сфера мысли, — сфера воли; область силы физической, — область силы умственной, — область силы нравственной. Между этими *тремя отдѣлами* нѣтъ общей мѣры. Малѣйшая мысль превосходитъ все видимаго міра, но всѣ возможныя мысли не могутъ выдержать сравненія съ малѣйшимъ проявленіемъ вѣры или любви. Отъ великаго міра сего до человѣка геніальнаго, — отъ человѣка геніальнаго до героя или до святаго, — разстояніе неизмѣримое.

Это различіе, которое, надобно сознаться, было уже намѣчено Платономъ и Аристотелемъ, проливаетъ столько же свѣта на исторію человѣчества, сколько на психо-

*) Изъ путешествія Бове. Продолженіе. Начало въ іюньской книжкѣ, гдѣ въ началѣ статьи авторъ ошибочно названъ римско-католикомъ, тогда какъ онъ протестантъ.

** Конечно подраздѣленія Паскаля не вполне соответствуютъ подраздѣленіямъ ап. Павла, но не здѣсь мѣсто показывать это различіе.

логию и на нравственность. Въ сочиненіяхъ богатыхъ глубокими взглядами, остроумными заключеніями, М. Молиторъ, а послѣ него Ружмонтъ *) старались доказать, что каждый изъ трехъ большихъ народовъ древности представляетъ, или по крайней мѣрѣ предназначенъ былъ представлять, каждый изъ трехъ указанныхъ отдѣловъ. Кто знаетъ, можетъ быть дальнѣйшіе успѣхи этнографіи и будущее развитіе человѣчества подтверждать эту интересную гипотезу? Въ ожиданіи этого, если сосредоточимъ нашъ взглядъ на трехъ большихъ историческихъ народахъ древности, мы не можемъ не узнать въ нихъ представителей трехъ порядковъ Паскаля. Римъ, Аѳины и Іерусалимъ остаются до сихъ поръ символами внѣшняго могущества, величія разума и силы нравственной. Каждый понялъ назначеніе указанное ему Провидѣніемъ, или по крайней мѣрѣ ихъ пророки и вѣщціе поняли за нихъ. Если иногда цари Іерусалима покушались измѣнить его назначеніе, если хотѣли сдѣлать Израиля земнымъ могуществомъ посредствомъ войскъ и дипломатіи, придавая ему блескъ богатствами и искусствами,—пророки, вѣрные истолкователи намѣреній Господнихъ въ отношеніи этого народа, никогда не ошибались. Они не переставали напоминать ему, что его слава состояла въ исполненіи закона, полученнаго отъ Господа, что его сила заключалась въ вѣрѣ. Не трудно найти подобныя же мѣста и у греческихъ писателей; они безпрестанно проводятъ параллель между варварами и своими соотечественниками и высказываютъ, что величіе послѣднихъ заключается единственно въ ихъ умственномъ развитіи. Въ то время какъ Іерусалимъ—святой городъ, Аѳины—городъ Минервы, столица мудрости. Что же касается до Рима, даже въ то самое время, когда казались онъ соперничалъ съ Греціей въ умственномъ развитіи, величайшій изъ его поэтовъ говоритъ, въ стихотвореніи можно сказать

*) Molitor, *Philosophie der Geschichte*,—Rougemout, *geographie de l'homme*.

оффиціальному, что онъ долженъ предоставить другимъ славу превзойти его въ искусствахъ, краснорѣчіи, наукахъ и помнить, что его назначеніе властвовать (Эпеида VI). Прибавимъ къ этому, что даже въ области мысли самое оригинальное, самое долговѣчное произведеніе римскаго генія носить на себѣ отпечатокъ этого спеціальнаго характера. Римъ не произвелъ ни одной философіи, ни одного ученія, но онъ первый изучилъ, опредѣлилъ, выработалъ науку вѣдшихъ отношеній людей между собой—*право*.

Напрасно стали бы мы искать между новѣйшими народами представителей трехъ направлений, которыя мы только что показали у трехъ главныхъ народовъ древности: римлянъ, грековъ и Евреевъ. Со времени Иисуса Христа нѣтъ болѣе,—какъ уже сказалъ ап. Павелъ,—ни Еврея, ни Грека, ни Римлянина; существуетъ въ дѣйствительности только одинъ народъ, одна гражданственность, одна исторія; каждый изъ народовъ древности выполнилъ свое назначеніе, окончилъ свой урокъ. Весь свѣтъ былъ покоренъ римскимъ оружіемъ, устроенъ по образцу его законовъ; филоофія, исскуства, поэзія аеинскія сдѣлались общимъ достояніемъ человѣческаго ума, а всѣ просвѣщенные народы преклоняютъ колѣна передъ Богомъ Израиля. Иерусалимъ, разрушенный Вавилонянами, взятый Титомъ, однимъ словомъ—покоряемый по очереди почти всѣми народами, кончилъ тѣмъ, что поработилъ всѣхъ и господствуетъ еще надъ ними среди своихъ развалинъ, обладаніе которыми, въ продолженіи двухъ вѣковъ, Европа и Азія оспаривали другъ у друга. Теперь онъ предметъ поклоненія и желаній народовъ; христіане чтутъ его, какъ мѣсто страданія и прославленія своего Спасителя; Евреи приходятъ вспоминать свой храмъ и плакать на его развалинахъ; мусульмане, которые соединяютъ съ нимъ имя Авраама, своего отца, позабыли имя, данное ему когда-то людьми, и называютъ его не иначе какъ *Святой* (ель-кодсъ). Ни одинъ городъ не былъ такъ часто завоеванъ, разрушенъ и вновь выстроенъ какъ Иерусалимъ. Мельхиседекъ, который цар-

ствовавъ въ немъ во времена Авраама, принадлежалъ можетъ быть къ одному изъ семетическихъ племенъ, которыя населяли, какъ кажется, Палестину до хананеевъ и которымъ безъ сомнѣнія принадлежитъ основаніе Іерусалима. Позднѣе, въ то время какъ Іисусъ Навинъ завоевалъ страну, онъ находился подъ властью Іевусеевъ, племени амморейскаго, былъ ихъ главнымъ городомъ и отъ нихъ получилъ названіе. Сыны Іудины опустошили его (Суд. 1, 8), но не могли вполне овладѣть имъ; крѣпость, построенная на горѣ Сіонъ, осталась за непріателемъ; поэтому-то Іевусеи продолжали населять городъ (Суд. 1, 2) вмѣстѣ съ потомками Іуды и Веніамина. Можно предполагать, что каждый изъ двухъ народовъ, а можетъ быть каждое изъ племенъ израильскихъ, занималъ отдѣльный кварталъ, также какъ въ наше время, въ томъ же городѣ, евреи, мусульмане, армянскіе христіане и другіе христіане, греки или католики живутъ одинъ около другаго, но въ различныхъ кварталахъ. Даже позднѣе, послѣ того какъ Давидъ взялъ крѣпость и сдѣлалъ изъ ней свою резиденцію (1 Пар. 11, 5. 7), не видно, чтобъ Іерусалимъ сдѣлался когда-нибудь собственностью того или другаго племени; вѣроятно потомки Іуды и Веніамина продолжали населять его, а Іевусеи жили по прежнему около своихъ завоевателей (1 Пар. 21, 18).

Судьба Іерусалима во времена царей дома Давидова, въ царствованіе преемниковъ Александра, потомъ Асмонеевъ, Иродовъ, во времена римскихъ правителей, его героическое сопротивленіе войскамъ Тита,—все это было достаточно описано въ Библии и у Іосифа, и потому нѣтъ нужды останавливаться на этомъ. Всякій знаетъ, что императоръ Адріанъ, раздраженный евреями и желая отнять у Іерусалима обаяніе его имени и его развалинъ, выстроилъ его вновь подъ языческимъ названіемъ *Эля-Капитолина* и посвятилъ его Юпитеру. Онъ строго запретилъ Евреямъ входъ въ него и, чтобъ досадить имъ, поставилъ

свою статую на горѣ Морія, на томъ самомъ мѣстѣ, которое занимало прежде Святое Святыхъ.

Что же касается христіанъ, то вотъ какая кажется была политика Адріана въ отношеніи ихъ. Понимая, что ему невозможно совершенно искоренить эту общину, сдѣлавшуюся уже столь могущественною, онъ льстилъ себя надеждой смѣшать се съ другими; онъ прекратилъ гоненія, и старался слить христіанство съ множествомъ различныхъ ученій и различныхъ обрядовъ, которые составляли религію Римлянъ. Для достиженія этого онъ хотѣлъ по своему почтить мѣста, посвященныя воспоминанію объ Иисусѣ; онъ думалъ, что можетъ смѣшать поклоненіе Христу съ другимъ поклоненіемъ, Сирійскаго происхожденія, Адонису, которому онъ велѣлъ праздновать въ Вилеємѣ, въ пещерѣ, на которую преданіе указываетъ какъ на мѣсто рожденія Спасителя. На Гробъ Господень онъ поставилъ изображеніе Юпитера, а на Голгоѣ, гдѣ совершилось величайшее таинство любви божественной, онъ велѣлъ воздвигнуть языческій символъ любви естественной, статую Венеры.

Константинъ и его мать св. Елена уничтожили въ Иерусалимѣ эти языческіе памятники. Набожная императрица ^{византійская} — послѣдній ^{царь} городъ церквами и часовнями. Эліа, — п. ч. Иерусалимъ ^{византійскаго} былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ, — никогда не переставала быть цѣлью благочестивыхъ путешествій; теперь же число поклонниковъ еще болѣе увеличилось. Окруженный общимъ беспорядкомъ восточной имперіи, взятый въ 614 году Персами, въ 628 году Грекамъ, онъ былъ, немного времени спустя, осажденъ Арабами мусульманами подъ предводительствомъ калифа Омара и принужденъ былъ сдаться (637).

Турецкія орды, предводимыя Тогруль-Бегомъ, разрушивъ Багдадскій калифатъ, завладѣли Иерусалимомъ (1040). Этотъ несчастный городъ претерпѣвалъ неслыханныя поборы и жестокости отъ этихъ дикихъ полчищъ. Оставшееся въ городѣ христіанское населеніе и поклонники

служили главное цѣлью для жестокости Турокъ. Эти новыя насилія послужили окончательной причиной, вызвавшей крестовыя походы. Я не стану описывать ихъ, достаточно упомянуть нѣсколько чиселъ. Въ 1099 году Іерусалимъ былъ взятъ Готфридомъ Бульонскимъ и сдѣлался столицею королевства Франкскаго. 1187 г. Саладинъ отнялъ его у христіанъ. Императоръ Фридрихъ II подступилъ къ его стѣнамъ въ 1229, и султанъ египетскій согласился продать его; Эмиръ Давидъ вновь завладѣлъ имъ въ 1239 г.; въ 1243 году онъ былъ возвращенъ Франкамъ, но въ слѣдующемъ году онъ подпалъ навсегда подъ власть мусульманъ. Султанъ Селимъ I, тотъ самый, который изгналъ изъ Египта мамелюковъ, завоевалъ также Іерусалимъ и присоединилъ его вмѣстѣ съ остаткомъ Сиріи къ Оттоманской имперіи. Подъ властью оттоманскихъ султановъ, древняя столица Іудеи превращена была въ подпрефектуру дамасскаго пашалыка, но не прошло двадцати лѣтъ, какъ онъ сдѣлался резиденціею паша. Въ продолженіе 3-хъ вѣковъ Оттоманы царствовали безспорно въ Іерусалимѣ. Въ 1824 году нѣсколькимъ заговорщикамъ удалось свергнуть на короткое время власть паша, но въ слѣдующемъ же принуждены были сдаться.

Казалось, новая будущность открылась ~~Паша~~ же какъ и для другихъ сосѣднихъ народовъ, когда Египетскій виц-король Мехметъ-Али и его сынъ Ибрагимъ паша пытались возстановить арабскую имперію на развалинахъ одной части турецкой имперіи. Они предполагали соединить всѣ арабскіе народы въ одно государство, независимое отъ Порты. Въ 1831 году, завладѣвъ уже Геджасомъ, они быстро покорили Іерусалимъ и Сирію. Побѣда при Коніи въ 1832 году, казалось, отдавала въ ихъ руки судьбу имперіи султановъ. Но вмѣшательство европейскихъ державъ вырвало у нихъ изъ рукъ добычу и положило границы ихъ завоеваніямъ. Въ 1840 году коалиція, состоящая изъ Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи, отняла у нихъ даже Сирію. Всѣмъ памятно бомбар-

дированіе Акры адмираломъ Стопфордомъ; съ тѣхъ поръ Мехметъ-Али долженъ былъ довольствоваться наслѣдственнымъ виц-королевствомъ въ Египтѣ подъ верховной властью султана, а Палестина вмѣстѣ съ остальной Сиріей присоединена опять къ Портѣ.

Здѣсь же кстати опишемъ теперешнее состояніе Палестины *). Издали можно принять ее за страну угнетенную, стонящую подъ желѣзнымъ игомъ паши, малѣйшее приказаніе котораго тотчасъ же исполняется. Это опредѣленіе деспотизма можетъ быть отнесено въ извѣстной степени къ Египту, на половину просвѣщенному Мехметомъ-Али, но вовсе не идетъ къ Оттоманской имперіи. Эта старая имперія, не смотря на все что дѣлаютъ, чтобы уничтожить ее, продолжаетъ занимать свое мѣсто и имѣть историческое значеніе. Турецкое правительство, — я говорю про правительство, — не можетъ злоупотреблять силой, которой не имѣетъ. Конечно въ провинціяхъ близкихъ къ центру можно еще найти остатокъ ея прежняго могущества, но, какъ говоритъ Митридатъ, не на краю вселенной Римъ давалъ чувствовать тяжесть своихъ оковъ. Если можно было сказать это объ Римѣ, то объ Константинополѣ и подавно; когда жизнь покидаетъ тѣло, сердце — послѣдній органъ сохраняющій еще нѣкоторую теплоту, но прежде чѣмъ оно перестанетъ биться, оконечности давно уже охладѣли; Сирія, а въ особенности Палестина составляютъ одну изъ оконечностей оттоманской имперіи. Владычество Порты теперь не болѣе какъ отдаленная верховная власть, недостаточная часто для того чтобы возстановить порядокъ между эмирами и шейхами различныхъ племенъ, которые воюютъ между собою когда хотятъ и очень были бы удивлены, еслибы паша вмѣшался въ ихъ дѣла. Извѣстно, что Англичане и Австрійцы, завладѣвъ Акрой, а черезъ это всей Палестиной, отдали ее подъ

*) Читатель не долженъ забывать, что это писано до событій, случившихся позднѣе въ Сиріи.

власть Порты. Это однако требуетъ объясненія. Они отняли Сирію у Ибрагима, но султанъ никогда не могъ добиться полной власти надъ нею. Убить легче, чѣмъ воскресить. Оружіе и политика европейскія легко могли уничтожить могущество Мехметъ-Али, но возстановить могущество Абдуль-Меджида было выше ихъ силы. Поэтому-то Палестина, вырванная изъ рукъ египетскаго тирана, осталась съ тѣхъ поръ, такъ сказать, безъ господина; теперь она предана анархіи. Правительство турецкое не то чтобы совсѣмъ не имѣло власти, но оно не имѣетъ авторитета. Его власть простирается только на пистолетный выстрѣлъ, или на длину штыка. Оно не имѣетъ того вліянія, которое повсюду и даже въ другихъ оттоманскихъ провинціяхъ увеличиваетъ настоящую силу правительства и заставляетъ уважать и бояться его даже въ отсутствіи его агентовъ. Паша заставляетъ повиноваться себѣ, но только тамъ, гдѣ онъ находится самъ; во время праздника пасхи ему присылаютъ изъ Дамаска подкрѣпленіе изъ 800 солдатъ, чтобы онъ могъ покровительствовать поклонникамъ и не навлекъ на свое правительство неудовольствіе французскаго и русскаго консула. Все время, пока этотъ отрядъ при немъ, порядокъ царствуетъ въ Іерусалимѣ и даже до извѣстной степени въ ближайшихъ къ городу окрестностяхъ, но когда 800 солдатъ возвратятся въ Дамаскъ, паша не можетъ отвѣчать ни за что.

Однимъ словомъ, Турки составляютъ, правда, одну изъ властей господствующихъ надъ Палестиной, по рядомъ съ этой много и другихъ властей. Каждое племя сохраняетъ нѣкоторую независимость и обходится само собою; существуютъ цѣлыя деревни, которыя платятъ подати не пашѣ, а какому-нибудь эмиру-бедуину, и множество мѣстностей, гдѣ представитель Порты не могъ бы пройти безнаказанно, не будучи ограбленъ наравнѣ съ каждымъ прохожимъ. Въ то время какъ я жилъ въ Іерусалимѣ, несмотря даже на то, что тамъ были солдаты, арабскія племена дрались между собой около Хеврона, и караванъ

поклонниковъ по пути изъ Яффы былъ ограбленъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ Іерусалима. На этой самой дорогѣ, не далеко отъ развалинъ одного укрѣпленія, на которое указываетъ преданіе какъ на замокъ добраго разбойника (Латрунь), другой разбойникъ *Абу-Гошъ* (т.-е. отецъ племени Гошей), прославленный разказами путешественниковъ, сумѣлъ составить себѣ въ продолженіи 40 или 50 лѣтъ независимое княжество. Онъ имѣлъ шесть братьевъ и двадцать пять сыновей и внушалъ страхъ окрестнымъ жителямъ на далекое разстояніе; ни одинъ богомолецъ не могъ пройти въ Іерусалимъ не заплативъ ему дани. Въ 1832 году Ибрагимъ-паша сослалъ на галеры одного изъ молодыхъ Абу-Гошей; іерусалимскій паша, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, успѣвъ захватить другаго, изгналъ его изъ Палестины. Но все-таки родъ этотъ не угасъ и хотя могущество его теперь уменьшилось, онъ продолжаетъ еще господствовать: его резиденція—селеніе Каріафъ-ель-Енабъ, болѣе извѣстное подъ названіемъ Абу-Гошъ, лежитъ на разстояніи не болѣе трехъ лье отъ Іерусалима.

Намъ трудно представить себѣ такой порядокъ вещей; намъ кажется, что общество при полной анархіи не можетъ существовать, что жители Палестины давно должны бы были въ теченіе короткаго времени или пропасть вовсе или покориться какому-нибудь тирану, болѣе другихъ могущественному. Это заключеніе было бы логично, еслибы дѣло шло о народонаселеніи такомъ же сплоченнымъ, какъ въ европейскихъ государствахъ, и гдѣ условія жизни были бы не такъ просты, какъ на востокѣ. Но этотъ порядокъ, мало отличающійся отъ того, который царствовалъ въ извѣстныя времена среднихъ вѣковъ во всей Европѣ, не новость для Палестины. Эта страна находится въ положеніи очень сходномъ съ тѣмъ, въ какомъ была при Авраамѣ. Въ эту отдаленную эпоху не видать, чтобъ существовало какое-нибудь государство (хотя бы очень маленькое); но были только города, совершенно независимые

другъ отъ друга, имѣвшіе каждый своего короля или шейха, соединявшіеся или воевавшіе другъ съ другомъ, смотря по обстоятельствамъ. Тогда, также какъ и теперь, между городами, принадлежащими различнымъ племенамъ, другія, кочующія племена разбивали свои палатки на равнинахъ и на склонахъ горъ, переходя съ своими огромными стадами съ сѣвера на югъ, не имѣя другой собственности кромѣ нѣсколькихъ колодцевъ, вырытыхъ ихъ предками, и пещеръ для погребенія своихъ начальниковъ; эта собственность часто оспариваемая служила источникомъ несогласій, переговоровъ или войнъ. Походъ Ходоллогомора и трехъ царей, его союзниковъ, противъ пяти царей равнины Содомской (Быт. 14, 1—12), преслѣдованіе ихъ Авраамомъ (Быт. 14, 14—16), распри Авраама и Исаака съ Авимелехомъ (Быт. 21, 25, 26, 15), пребываніе Давида съ воинами въ странѣ филистимлянъ, и набѣги, которыя онъ дѣлалъ отсюда на Гессурианъ и Амаликитянъ (1 Цар. 27, 5—11),—все это характеризуетъ жизнь Арабовъ и повторяется еще и теперь въ Палестинѣ. Востокъ не старѣетъ; учрежденія и имперіи рождаются и разрушаются, но нравы остаются все тѣже. Племя Авраама крѣпкаго закала: Израиль, это знаютъ, никогда не склонялъ *жестокой* *выи* (Исх. 33, 6); желѣзный скипетръ Римлянъ разбилъ его, но не покорилъ; разсѣянные между народами, Евреи присоединялись ко всѣмъ, но ни съ кѣмъ не смѣшивались. Что же касается до Измаила, то я сомнѣваюсь, чтобъ кто-нибудь изъ людей, изучавшихъ его потомковъ, могъ лучше чѣмъ Библия опредѣлить его *недовѣрчивый* и *неспособный къ образованію* характеръ, который онъ сохранилъ до сихъ поръ и которому онъ впрочемъ обязанъ существованіемъ своего племени: *Сей будетъ сельный человекъ, руку его на всѣхъ и руки всѣхъ на него* (Быт. 16, 12). Возвратимся къ Иерусалиму.

Линія, раздѣляющая въ горахъ Іудеи и Ефраима бассейнъ Средиземнаго моря отъ бассейна Мертваго моря

и Иордана, проходить черезъ Іерусалимъ, немного къ западу *). Іерусалимъ возвышается надъ уровнемъ Средиземнаго Моря на 2450 футовъ, а слѣдовательно надъ уровнемъ Мертваго Моря на 3750 фут. Вся эта часть страны представляетъ довольно большую выпуклость, тѣмъ болѣе что она возвышается внезапно. Изъ равнины Саронской, не высоко лежащей надъ уровнемъ морскимъ, можно легко дойти до Іерусалима въ одинъ часъ а отъ Іерусалима до Иордана въ нѣсколько часовъ. Окрестности Іерусалима имѣютъ совершенно фізіономію горныхъ странъ, и я всегда удивлялся, почему путешественники никогда не замѣчали эту особенность. Я же, которому возвышенныя плоскости Юры знакомы съ дѣтства, всегда удивлялся, находя въ странѣ, во всѣхъ отношеніяхъ новой для меня, такое большое сходство съ горами моей родины. Бесплодность и недостатокъ обработки плоской возвышенности, лежащей позади Іерусалима, еще болѣе увеличиваетъ сходство. Можно подумать, что находишься въ болѣе холодномъ поясѣ нашихъ горъ, выше сосновыхъ лѣсовъ. Маленькая тощая трава покрываетъ неровную почву; большихъ деревьевъ совсѣмъ нѣтъ; кое-гдѣ растутъ нѣсколько кустиковъ; невысокія стѣны сложены изъ камней, собранныхъ по окрестности; даже въ самую большую жару вдыхаешь свѣжій и рѣдкій воздухъ; легкій, но постоянный вѣтерокъ доноситъ до моего слуха серебристый звонъ колокольчиковъ, которые носятъ на шеяхъ лошади поклонниковъ, пасущіяся близъ городскихъ стѣнъ подъ присмотромъ погонщиковъ.

*) Вотъ почему Іосифъ и говорятъ, что Іерусалимъ находится въ *среди* Іудеи. Равнины дѣлаютъ его даже центромъ всего земнаго шара. Это вовсе не незнаніе географіи, напротивъ очень вѣрное выраженіе. М. Voissier увѣряетъ, что съ ботанической точки зрѣнія Іерусалимъ тоже центръ, и весьма интересный. Линія, проходящая черезъ вершину Масличной горы, отдѣляетъ западную область отъ восточной. Гораздо менѣе разницы, увѣряетъ онъ, между флорой Рима и Іерусалима, чѣмъ между этой послѣдней и флорой Виѣнни, селенія, лежащаго на восточномъ склонѣ горы.

Іерусалимъ есть горный городъ не потому только, что занимаетъ довольно возвышенное мѣсто, но потому что представляетъ дѣйствительно довольно замѣтную гору, которая соединяется съ платò узкой полосой земли и господствуетъ надъ всѣми окружающими ее долинами, спускаясь къ нимъ довольно круто. Платò, къ которому примыкаетъ Іерусалимъ, лежитъ на сѣверѣ города; это единственная сторона, съ которой городъ не защищенъ, а потому-то и нападали на него всего чаще съ этой стороны, съ этой же стороны крестоносцы взяли его штурмомъ. Съ другихъ трехъ сторонъ Іерусалимъ защищенъ глубокими оврагами. На востокѣ долина Іосафатова или кедронская, идущая съ сѣвера на югъ; на западѣ и югѣ долина Гинома *), которая одной частью почти параллельна первой, но далѣе приближается къ ней и соединяется съ нею на юго-восточномъ углу города. По другую сторону этихъ долинъ лежатъ горы, превышающія ту, на которой построены Іерусалимъ. На югъ, по другую сторону Гинома, гора, на одной изъ террасъ которой находится село *крово* (акелдама), — оканчивается округленной вершиною, извѣстной у Арабовъ подъ названіемъ *Джебелъ-Деиръ-Абу-Торъ*; европейскіе же путешественники называютъ эту вершину *горю Злаго Совѣщанія*, потому что здѣсь по преданію въ домѣ принадлежащемъ Каиаѣ собрались старцы іудейскіе и „сотворили совѣтъ“ взять Іисуса и умертвить его.

На востокъ, по ту сторону Кедрона, возвышается гора

*) По словамъ нѣкоторыхъ археологовъ, должна, лежащая на югъ и на западъ отъ Іерусалима — та, которая въ Библии извѣстна подъ именемъ *долины Рефаима*; та же, которая называется долиной Гинома или Геенны, должна быть не что иное какъ *Тиронеонъ* Іосифа, про который мнѣ скоро придется говорить. Эта гипотеза поддерживалась въ особенности раввиномъ Шварцомъ и Горасъ-Бонаромъ. Чтò дѣлаетъ ее очень правдоподобной, такъ это то, что въ Библии никогда не упоминается *Тиронеона*, а что Іосифъ, наоборотъ, ничего не говоритъ про долину Гинома. Впрочемъ я буду слѣдовать принятому обычаю и буду называть Гиномомъ долину, лежащую на западъ отъ Іерусалима, потому что всѣ другія топографическія указанія зависятъ отъ этого.

съ тройною вершиной, которую видно еще издалека, когда подъѣзжаешь къ Іерусалиму. Это Масличная гора. Эти три вершины, не далеко лежащія другъ отъ друга, имѣютъ круглую поверхность и не представляютъ ничего рѣзкаго или неправильнаго. Масличная гора лежитъ прямо противъ Іерусалима и на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ него; достаточно двухъ минутъ, чтобъ изъ города сойти въ долину Кедрона, а сама долина не шире русла ручья.

Самая южная вершина Масличной горы извѣстна подъ названіемъ горы *Пророковъ*, потому что здѣсь находится обширная погребальная пещера, называемая *гробницею Пророковъ*; сѣверная вершина называется Франками *Viri-Galilaei* (мужи галилейскіе); на ней-то, какъ говорятъ, появились ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ передъ апостолами послѣ вознесенія ихъ Учителя и сказали имъ: „мужи галилейскіе! что вы стоите и смотрите на небо?“ (Дѣян. 1, 11).

По словамъ тогоже преданія, апостолы находились въ эту минуту на средней вершинѣ, которая поэтому называется горю *Вознесенія*.

Къ югу отъ этихъ трехъ вершинъ находится четвертая, принадлежащая къ тойже цѣпи, но которую, собственно говоря, нужно отличать отъ Масличной горы. Ее называютъ горю *Соблазна* (*mons offensionis*). Здѣсь-то, по преданію, на этой самой горѣ, лежащей на востокъ отъ Іерусалима, Соломонъ поставилъ жертвенникъ *Хамосу идолу Моавлю* *).

Эти горы, расположенныя такъ близко къ городу и господствующія надъ нимъ, не будучи укрѣплены, до существованія артиллеріи справедливо считались естественной оградой, и Израильтяне смотрѣли на это, какъ на видимый образъ невидимаго покровительства Божія избранному городу. „Горы окрестъ его, говоритъ 124-й псаломъ, и Господь окрестъ людей своихъ отнынѣ и до вѣка“.

*) 3 Царст. 11, 7. *Гора Соблазна* дѣйствительно единственная гора, лежащая къ востоку отъ горы Сіонъ.

Та же гора, на которой построены Иерусалимъ, оканчивается не плоскостью, а двумя гребнями, идущими параллельно съ сѣвера на югъ. Западный гребень на концѣ образуетъ возвышеніе, господствующее надъ долиной Гиннома; эта вершина и есть гора *Sionъ*, самая древняя часть города, крѣпость Іевусеевъ, мѣстожительство Давида. Восточный гребень, напротивъ, представляетъ вначалѣ довольно большія неровности, но далѣе, приближаясь къ югу, замѣтно понижается. Эта низшая часть и называется горою *Морія*. Вѣроятно прежде выравниванія и насыпей, вызванныхъ постройкой храма, она была выше чѣмъ теперь.

Между двумя гребнями, про которые я только что говорилъ, почва какъ будто вдавлена, какъ это часто случается въ горахъ Юры. Эти пониженные мѣста сохранили у геологовъ названіе *combes* (лощина), данное ими нашими горцами. Та, про которую я говорю, не очень глубока при началѣ, но далѣе все болѣе и болѣе углубляется, достигаетъ до долины Гиннома и Іосафата и сливается съ ними въ точкѣ ихъ соединенія.

Эта лощина, которую теперь просто называютъ *ель-Уадъ* (долина), была извѣстна въ древности подъ названіемъ *Тиронеона* или долины сырниковъ, прекрасное названіе, сохраненное намъ Іосифомъ, и которое во времена Ирода и Тита напоминало святому городу его происхожденіе. Нѣкоторые изъ путешественниковъ, сбитые съ толку различными указателями, множествомъ развалинъ и построекъ, которыя совершенно измѣняютъ топографію Иерусалима, не могли найти верхнюю часть этой долины; они думали, что Тиронеонъ идетъ вначалѣ съ запада на востокъ, а потомъ направляется къ югу, образуя прямой уголъ. Это мнѣніе раздѣляетъ и Робинзонъ. Но жители Иерусалима не знаютъ никакой другой долины кромѣ той, которая направляется почти прямо съ сѣвера на югъ. Я самъ долго искалъ и не находилъ *верхнюю Тиронеона* Робинзона; то, что онъ называетъ этимъ именемъ, есть низовье

холма, а никакъ не долина. Для удостовѣренія я прослѣдиль это мѣсто во всю длину города, и нашелъ тоже самое, что и прежде—лощину означасмую именемъ *ель-Уади* (долины).

Въ одномъ только мѣстѣ она какъ будто прерывается. Противъ Гарамъ-ешъ-шерифа (площадь древняго храма) ее пересѣкаетъ шоссе, которое въ прежнее время, какъ можно предполагать, имѣло предназначеніе соединять храмъ съ горою Сіонъ и на которое я смотрю, какъ на остатокъ древнихъ укрѣпленій. Впрочемъ это шоссе проходитъ въ нижней части Уади, про которую никогда не предполагали, что она составляетъ часть Тиропеона. Этотъ вопросъ объ Тиропеонѣ, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ топографія Іерусалима, до сихъ поръ еще различно рѣшается въ Европѣ. Авторитетъ Робинзона придаетъ вѣсъ его гипотезѣ, но въ Іерусалимѣ я не нашелъ никого, кто бы поддержалъ ее, хотя мнѣ часто случалось говорить объ этомъ съ европейцами, хорошо знакомыми съ топографіей этого города. Впрочемъ я нахожу ее опять въ книгѣ, напечатанной въ нынѣшнемъ году давнимъ жителемъ Іерусалима *). Правда, что авторъ, г. Сентинъ, который возобновляетъ эту гипотезу, наноситъ ей смертельный ударъ, думая защитить ее. Вотъ что онъ говоритъ объ своемъ Тиропеонѣ: прежде всего *предупредимъ, что эта лощина исчезла совершенно, засыпанная еще во времена Давида и Соломона*. Такое наивное признаніе можетъ удивить, но намъ не остается ничего болѣе желать. Робинзонъ не такъ искрененъ,—онъ означилъ на планѣ Іерусалима этотъ исчезнувшій Тиропеонъ. Можно бы спросить г. Сентина, какимъ образомъ Тиропеонъ могъ существовать во времена Тита или даже, какъ онъ говоритъ выше, *во времена Нееміи и Маккавеевъ*, если онъ былъ засыпанъ еще въ царствованіе Давида и Соломона. Но я не буду затрогивать его логичность, а воспользуюсь только фактомъ,

*) *Trois ans en Judée* par Жерарди-Сентинъ.

который онъ подтвердилъ. Различные планы Іерусалима, которые существовали до сихъ поръ, всѣ не имѣли достаточно данныхъ, ни одному нельзя было вѣрить. Только съ 1858 года, и къ моему несчастію только послѣ моего возвращенія изъ Іерусалима, появилась хорошая карта этой страны и вѣрный планъ Іерусалима. Мы обязаны за нихъ г-ну Ван-де-Вельде; они сдѣланы не только по его снимкамъ, но и по тѣмъ, которые были сдѣланы въ 1841 году инженерами англійскаго флота послѣ бомбардированія Акры. Для плана же Іерусалима онъ кромѣ этого пользовался еще точными снимками и терпѣливыми и тщательными изслѣдованіями доктора Т. Тоблера, самаго добросовѣстнаго топографа. Благодаря этому плану, который будетъ въ будущемъ служить неотвергаемымъ авторитетомъ, архелогическія пренія нашли себѣ основаніе, тогда какъ до сихъ поръ не было ни одного даннаго, относящагося къ теперешней топографіи Іерусалима, которое не было бы или не могло быть оспариваемо.

Древній Іерусалимъ былъ построенъ на четырехъ холмахъ: на Сіонѣ находился замокъ Давида и кварталъ, называемый *верхній городъ*; на Моріи возвышался храмъ; третій холмъ, на которомъ была построена Сирійцами крѣпость, назывался Греками *Акра*, но былъ извѣстенъ также подъ именемъ *нижняго города*. Четвертый называемый *Везева (новый городъ)* лежалъ къ сѣверу отъ храма; прежде это было только предмѣстье, но Иродъ Агриппа (лѣтъ десять спустя послѣ вознесенія Христова) присоединилъ его къ городу, обведя стѣною.

По счастью нѣтъ никакого сомнѣнія на счетъ расположенія двухъ интереснѣйшихъ частей древняго Іерусалима—Сіова и Моріи, онѣ достаточно ясно описаны въ Библии и у Іосифа и нельзя ошибаться на ихъ счетъ. Что же касается Везевы, то Іосифъ точно описалъ ея положеніе на сѣверъ отъ храма и отъ башни Антонія; слѣдовательно ее тоже легко найти. Часть этого холма находится внутри нынѣшнихъ городскихъ стѣнъ, на сѣверовосточномъ углу мусуль-

манскаго квартала; другая часть находится внѣ города; ровъ, необходимый для укрѣпленія города, раздѣлилъ этотъ холмъ на двое.

Но большое затрудненіе означить положеніе Акры; еще болѣе чѣмъ Тиропеонъ, Акра служила спорнымъ пунктомъ для археологовъ; одни ставятъ ее на сѣверъ, другіе на югъ, третьи на западъ. Я изучалъ этотъ вопросъ на мѣстѣ, такъ тщательно, какъ только могъ, и думаю, что Акрой называлось небольшое возвышеніе на сѣверо-западномъ углу храма и гдѣ начинается Страстной путь. Впрочемъ я еще не совсѣмъ увѣренъ въ этомъ. Нельзя ожидать, чтобъ я вошелъ здѣсь въ разсужденіе, которое далеко завело бы меня, мнѣ понадобился бы цѣлый томъ или покрайней мѣрѣ цѣлая глава для изложенія главныхъ доказательствъ, которыя подтверждаютъ или опровергаютъ то или другое положеніе Акры. Я впрочемъ разсмотрю гипотезу Робинзона, такъ какъ она проникла почти во всѣ книги и многіе считаютъ ее вѣрною. Ученый американскій путешественникъ думалъ найти Акру на возвышенности, лежащей къ сѣверу отъ Сіона. Это самая невѣроятная гипотеза изъ всѣхъ. То, что называетъ Робинзонъ Акрой, собственно говоря не холмъ, а продолженіе горы Сіонъ или, если хотите, гряда, связывающая эту гору съ большимъ хребтомъ раздѣляющимъ воды въ горахъ Іудеи. По словамъ Іосифа, Акра составляла всегда неизменную часть города и тотъ-же историкъ говоритъ, что этотъ холмъ скрытъ былъ Симономъ Маккавеемъ, такъ что сталъ даже ниже холма, на которомъ былъ построенъ храмъ. Акра же Робинзона напротивъ оказывается выше даже горы Сіонъ, а слѣдовательно выше всего города. Кромѣ того Іосифъ и книги Маккавейскія говорятъ, что Акра находилась около храма; эта крѣпость служила главнымъ образомъ для того, чтобъ наблюдать за входомъ и за всѣми происходившими тамъ дѣйствіями. Акра Робинзона, напротивъ, довольно удалена отъ горы Моріи. Наконецъ, гипотеза Робинзона основывается на напра-

вленіи Тиропеона, которое, какъ мы сейчасъ видѣли, не имѣеть подтвержденія. Но оставимъ всѣ эти археологическія розысканія и поговоримъ объ Іерусалимѣ нашего времени.

Опоясанный зубчатыми стѣнами, съ башнями по бокамъ, съ высокими минаретами и бѣлыми куполами, рѣзко выдѣляющимися на постоянно голубомъ небѣ Сиріи, онъ представляетъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на него, живописный видъ. Правда, онъ кажется маленькимъ для путешественника, пріѣхавшаго съ сѣвера или съ запада; но если смотрѣть на него съ вершины Масличной горы, онъ кажется даже больше своей величины. Нужно впрочемъ замѣтить, что вообще восточные города гораздо живописнѣе европейскихъ. Это зависитъ не только отъ стilia построекъ, отсутствія сѣрыхъ и красныхъ крышъ, множества куполовъ, но главнымъ образомъ отъ отсутствія предмѣстій. Краины нашихъ городовъ такъ загромождены дровяными складами, газовыми заводами, питейными домами, что нельзя разсмотрѣть, гдѣ они начинаются и гдѣ кончаются; но въ Палестинѣ не охотно строятъ дома въ отдаленіи, а потому города выдѣляются въ ландшафтѣ рѣзкими контурами, какъ это встрѣчается на старыхъ географическихъ картахъ. За то внутренность восточныхъ городовъ не соответствуетъ впечатлѣнію, получаемому при первомъ взглядѣ на паружный видъ. Іерусалимъ не только не составляетъ исключенія, но я думаю, что онъ самый бѣднѣйшій изъ всѣхъ. А между тѣмъ дома построены изъ хорошаго матеріала, не изъ кирпичей, какъ въ Египтѣ, а изъ большихъ каменныхъ кубовъ. Моисей обѣщаль израильтянамъ страну, гдѣ *каменіе желѣзно и отъ горъ ея ископаши мѣдь* (Втор. 8, 9). Здѣсь на фасадахъ не видать тѣхъ маленькихъ окошекъ съ деревянными рѣшетками, которыя украшаютъ дома Каира; у здѣшнихъ домовъ часто только одно отверстіе—дверь. Европейецъ, внезапно перенесенный въ нѣкоторыя изъ улицъ Іерусалима, долго блуждалъ бы, не подозрѣвая, что

онъ находится въ городѣ. Соръ, выметенный изъ домовъ и сложенный кучами передъ дверями, превращаетъ улицы въ клоаки. На собакахъ и шакалахъ лежитъ обязанность очищать улицы Іерусалима отъ труповъ домашнихъ животныхъ, гніющихъ посреди улицы. На каждомъ шагу встрѣчается какое нибудь разрушенное зданіе; можно подумать, что городъ только что взятъ приступомъ. Іерусалимъ выстроился на развалинахъ своихъ предшественниковъ, также какъ мхи и грибы выростають на развалинахъ стараго дуба. Когда строить дома, фундаментъ ставятъ обыкновенно на почву, образовавшуюся изъ развалинъ. Въ 1841 году, когда англичане начали строить свою церковь на горѣ Сіонъ, они хотѣли поставить фундаментъ на грунтъ; но прежде чѣмъ добраться до него, они должны были раскопать развалины на глубинѣ 40 футовъ. Во время моего пребыванія въ Іерусалимѣ, я самъ былъ очевидцемъ подобнаго случая: на углу Страстнаго пути закладывали фундаментъ прекраснаго, большаго дома, предназначавшагося подъ гостинницу для австрійскихъ поклонниковъ: до грунта едва добрались еще на большей глубинѣ, чѣмъ 40 футовъ.

Іерусалимъ раздѣленъ на большіе четыре квартала: на сѣверо-западѣ христіанскій, на юго-западѣ (на Сіонѣ) армянскій, на юго-востокѣ жидовскій, и магометанскій на сѣверо-востокѣ. Кромѣ этихъ пужно считать еще какъ бы принадлежащій къ этому послѣднему маленькій кварталъ, лежащій на востокъ отъ жидовскаго, и внутренность древняго храма, называемую *ель-Харамъ*. Одинъ *ель-Харамъ* составляетъ пятую часть города и занимаетъ болѣе половины его восточной стороны.

Можетъ быть удивятся, что армянскій кварталъ упоминается отдѣльно отъ христіанскаго. Но дѣло въ томъ, что армяне здѣсь чужестранцы и составляютъ въ Іерусалимѣ значительную и богатую колонію, отличающуюся отъ другихъ жителей языкомъ и одеждою. Большая часть другихъ христіанъ (грековъ и латинъ) напротивъ—туземцы

и составляют самую старинную часть населенія; исключая цвѣта тюрбана (когда они надѣваютъ его), ничто не отличаетъ ихъ отъ соотечественниковъ—мусульманъ. Тотъ же языкъ, то же происхожденіе, тотъ же характеръ и даже до известной степени тѣ же нравы. Въ Іерусалимѣ почти также трудно отличить христіанина отъ мусульманина, какъ у насъ протестанта отъ католика.

Не надо забывать, что на востокѣ различныя вѣроисповѣданія означаются именами главныхъ народовъ, которые ихъ исповѣдываютъ. Итакъ, когда говорятъ про турка, нужно понимать вообще мусульманина, подъ именемъ грека—члена церкви, такъ называемой православной, а подъ именемъ латина—католика; если этотъ католикъ, благодаря европейскому паспорту, находится подъ покровительствомъ какого-нибудь консула, это ужъ не латинъ, а франкъ. Но эти латины, турки, греки, а иногда случается и франки—арабы по языку и по происхожденію. Все это служитъ поводомъ къ недоразумѣніямъ и нужно нѣкоторое время, чтобъ понять, въ чемъ дѣло. Впрочемъ въ Іерусалимѣ есть греки такъ называемые православные, греки католики (т.-е. сохранившіе греческіе церковные обряды, но присоединившіеся къ Римской церкви); армяне схизматики; армяне католики, сирійцы католики и марониты; тѣ и другіе подвластны папѣ, но сохранили сирійское богослуженіе; есть сирійцы настоящіе, т.-е. якобиты, абиссинцы и проч. Каждое изъ этихъ обществъ имѣетъ свою церковь и свой монастырь въ Іерусалимѣ. Протестанты имѣютъ уже двадцать имѣютъ здѣсь епископа. Мнѣ придется еще говорить про всѣ эти церкви, а хотѣлъ только перечислить ихъ, чтобъ предварительно познакомить читателя. Для полноты общихъ свѣдѣній, мнѣ слѣдуетъ указать еще приблизительныя цифры народонаселенія Іерусалима. Населенность Іерусалима счислялась различно: одни насчитываютъ только до 11,000, другіе до 20,000. Г-нъ Шульдъ, прусскій консулъ, дѣлалъ исчисленіе, кажется вѣрное, и по его исчисленію въ Іерусалимѣ около пятнадцати тысячъ

пяти сотъ жителей, именно: 3400 христіанъ, 5000 мусульманъ, 7100 евреевъ. Слѣдовательно евреи и теперь составляютъ почти половину населенія ихъ прежней столицы, на за то это самая бѣднѣйшая часть; они скучены въ маленькомъ кварталѣ, двѣнадцать разъ меньшею, чѣмъ всѣ прочіе кварталы.

Нѣкоторыя черты изъ жизни графа Михаила Михайловича Сперанскаго.

Баронъ Корфъ, своею превосходною книгою: *Жизнь графа Сперанскаго* *), освѣтилъ историкамъ Россіи память объ одномъ изъ знаменитыхъ ея дѣятелей. Въ своихъ предварительныхъ замѣткахъ баронъ Корфъ высказалъ: „при всей тщательности нашихъ изысканій, мы далеки отъ мысли, чтобы не только біографію Сперанскаго, въ томъ объемѣ и значеніи, какъ мы ее понимаемъ, но даже и сводъ матеріаловъ въ ней, считать вполне завершеннымъ посредствомъ нашей книги. Сперанскій находился въ соприкосновеніи съ столькими людьми, дѣйствовалъ на столькихъ поприщахъ и такъ недавно сошелъ съ общественной сцены, что отыщутся, вѣрно, еще многіе факты, которыми можно будетъ дополнить свѣдѣнія, исправить наши указанія и пролить на нихъ болѣе свѣта. Пусть настоящая попытка проложитъ путь къ дальнѣйшимъ работамъ на этомъ широкомъ поприщѣ“ **).

Это благородное желаніе біографа графа Сперанскаго многими уже усердно и прекрасно исполняется. Сколько явилось историческихъ изслѣдованій, произнесено уче-

*) Издава въ С.-Петербургѣ Императорскою Публичною бібліотекою въ 1861 году.

**), „Жизнь графа Сперанскаго“ т. I. стр. 11 и 12.

ныхъ рѣчей о незабвенномъ Михаилѣ Михайловичѣ, котораго 100-лѣтній юбилей отъ дня рожденія недавно праздновала вся Россія самымъ торжественнымъ образомъ! Вѣчная память достопочтенному графу Михаилу на землѣ! Вѣчная его великой и христіаннѣйшей душѣ память и на небеси, во блаженномъ со святыми упокоеніи!

Составитель предлагаемой вниманію благосклонныхъ читателей статьи не обѣщаетъ сказать что-нибудь новое въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о гражданскихъ доблестяхъ знаменитаго составителя Свода Законовъ Россійской Имперіи. Но гражданская жизнь человѣка-христіанина воспитывается и зрѣетъ въ лопѣ жизни семейной и частной. Изъ этой-то жизни графа Сперанскаго привелось мнѣ собрать изъ устъ людей, находившихся въ близкихъ къ нему отношеніяхъ, нѣкоторые факты, которые здѣсь и представляю.

Сынъ сельскаго священника, Михаилъ Михайловичъ, рано научившись читать, своимъ перышкѣмъ и любимѣйшимъ на всю жизнь чтеніемъ имѣлъ Слово Божіе, святоотеческія и богослужебныя книги св. православной Церкви Христовой. Шестилѣтнимъ малюткою онъ уже читалъ въ храмѣ Часы богослужебныя, подъ руководствомъ своего добраго дѣдушки, также іерея. Поступивъ въ семинарію, онъ за пріятный свой голосъ былъ взятъ въ архіерейскій пѣвческій хоръ. И во время вакаціальное любилъ участвовать въ отпращиваніи церковнаго богослуженія. Родной мой дядя, священникъ села Скоморохова, Александровскаго уѣзда Владимірской епархіи, о. Павелъ Алексѣевичъ Флоринскій рассказывалъ мнѣ: „когда въ дѣтствѣ своемъ Михаилъ Михайловичъ пріѣзжалъ на праздники изъ Черкутина въ Скоморохово къ роднымъ своимъ *), онъ, приходя въ храмъ Божій, всегда стано-

*) О Скомороховскомъ родствѣ М. М. Сперанскаго упоминается въ I томѣ книги Корфа на стр. 1. Родина Сперанскаго—село Черкутино, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, находится во Владимірскомъ уѣздѣ.

вился на клиросъ и своимъ мелодичнымъ голосомъ читалъ и пѣлъ церковныя молитвы и пѣснопѣнія“. Не эта ли любовь къ священной, православной нашей церковности, начавшаяся въ покойномъ графѣ въ самомъ раннемъ его дѣтствѣ, образовала въ Михаилѣ Михайловичѣ тѣ глубокія, сильныя и живыя религіозныя чувствованія, которыхъ не могла поколебать современная ему лжефилософія французскихъ матеріалистовъ, рано пытавшаяся отравить собою его душу *), и которыя, проведши Сперанскаго сквозь бури жизни, не только не изнемогшимъ, но и умственно и нравственно окрѣпшимъ сопровождали его и въ вѣчность? Духовникъ его Духовскій не могъ безъ особеннаго чувства вспоминать, какъ во время предсмертной своей болѣзни графъ Сперанскій съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, съ вѣрой и надеждою приобщился св. Христовыхъ Таинъ и съ совершеннымъ спокойствіемъ христіанина говорилъ о предстоявшей смерти, молясь словами царственнаго пѣвца—пророка: „Господи! не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене“ (Пс. 50)! Не напрасно богодухновенный апостоль заповѣдуетъ христіанамъ учиться св. религіи, по преимуществу живымъ способомъ, посредствомъ усвоенія своимъ уму и сердцу тѣхъ священныхъ пѣснопѣній Пресвятой Троицѣ и святымъ, какія самъ Духъ Всесвятый даровалъ возлюбленной невѣстѣ Христовой—Церкви, устами свышедухновенныхъ пѣсотворцевъ (Ефес. 5, 18. 19. Колос. 3, 16).

Какъ преданъ былъ графъ Сперанскій св. матери нашей Церкви православной, какъ свято чтилъ ея святыя уставы и благочестивые обычаи нашихъ добрыхъ предковъ, это показываетъ слѣдующій замѣчательный фактъ. Онъ засвидѣтельствованъ весьма почтенною личностію.

Когда въ 1850 году былъ я на должности помощника ректора семинаріи въ г. Вяткѣ, тамъ еще находился въ

*) „Жизнь графа Сперанскаго“ т. I, стр. 26—42.

живыхъ всѣми вятчанами уважаемый старецъ Андрей Ивановичъ Шестаковъ, сокурсникъ Михаила Михайловича по Александро-Невской главной семинаріи *). Онъ въ обществѣ вятскихъ друзей своихъ передавалъ о графѣ Сперанскомъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ первый годъ проживанія Михаила Михайловича въ г. Перми, въ Свѣтлое Христово Воскресенье никто изъ тамошнихъ священниковъ не посѣтилъ со святымъ животворящимъ Крестомъ знаменитаго изгнанника до самыхъ вечерень. За четверть часа до вечерняго богослуженія одинъ добрый батюшка вздумалъ навѣстить съ Крестомъ сосланнаго тайнаго совѣтника. Когда доложили Михаилу Михайловичу о приходѣ іерея, немедленно отворили ему двери квартиры Сперанскаго, и Михаилъ Михайловичъ въ полной формѣ, съ двумя звѣздами на груди, радостно встрѣтилъ священника, высказалъ живѣйшую признательность за посѣщеніе и, по пропѣтіи священникомъ пасхальныхъ гимновъ, просилъ его благословить пасхальную трапезу. При этомъ Сперанскій присоединилъ: „Я, батюшка, еще не разговлялся, ожидая къ себѣ животворящей крестъ Христовъ; съ дѣтства привыкъ я въ нынѣшній великій праздникъ не вкушать, доколѣ не благословятъ трапезы пасхальной іереи; и нынѣ, отъ самой литургіи не раздѣвался, ожидая къ себѣ кого-либо изъ васъ; теперь, къ моей радости, въ вашемъ лицѣ, почтенный отецъ, посѣтилъ меня самъ Господь Воскресшій. Слава и благодареніе Ему, Всевышнему Владыкѣ“. Трапеза благословлена. Звонятъ къ вечернѣ. Священникъ поспѣшаетъ въ церковь. А ему Сперанскій: „и я съ вами же въ церковь; но будьте милостивы, послѣ вечерни пожалуйте откусать моего хлѣба-соли“. Эта умиль-

*) А. И. Шестаковъ былъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія, и уважаемъ былъ вятчанами въ особенности за свою строго-христіанскую жизнь. О дружескихъ отношеніяхъ между графомъ Сперанскимъ и Шестаковымъ въ С.-Петербургской семинаріи главной сказано на 26 страницѣ 1-го тома: „Жизнь графа Сперанскаго“.

ная черта глубокой религіозности и преданности отеческимъ обычаямъ обрадовала священника, но еще больше обрадованъ и изумленъ былъ священнослужитель Христовъ, когда, по приглашенію Михаила Михайловича, пришелъ послѣ вечерни раздѣлить съ нимъ его пасхальную трапезу и здѣсь имѣлъ счастье слышать одушевленную глубокими чувствами вѣры и исполненную многостороннихъ познаній бесѣду его“.

Родной мнѣ по отцѣ дѣдушка, іерей Скомороховскій отецъ Алексѣй Ивановичъ Флоринскій рассказывалъ о графѣ слѣдующее: „Михаилъ Михайловичъ съ дѣтства имѣлъ любовь къ чтенію книгъ, и, когда представился ему удобный случай пользоваться достаточной по тому времени библиотекой префекта владимірской семинаріи—игумена Боголюбовской обители, отца Евгенія, взявшаго геніальнаго юношу къ себѣ въ келейники, Сперанскій со всѣмъ усердіемъ предался любимому своему занятію. По приготовленіи классныхъ уроковъ, онъ посвящалъ чтенію цѣлые вечера. Зная объ этомъ, товарищи Михаила Михайловича, глубоко уважавшіе его высокую личность, обращались къ нему съ усердными просьбами подѣлиться съ ними богатствомъ собираемыхъ свѣдѣній. На такія просьбы вызывало ихъ и то обстоятельство, что тогда не многимъ выпадало счастье пользоваться хорошею библиотекой. Слѣдствіемъ просьбъ товарищескихъ было то, что въ курсѣ, гдѣ шелъ Сперанскій, образовались *собственныя, ученическія* лекціи. Въ старину воспитанники семинарій собирались въ классы гораздо ранѣе времени прихода въ классъ наставниковъ,—за часъ и болѣе. И вотъ сокурсники Михаила Михайловича, собравшись въ аудиторіи, бывало ожидали его прихода не съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ съ какимъ обыкновенно ждутъ прихода любимаго профессора. Кого-либо изъ среды себя посылали бывало къ воротамъ семинарскаго двора посмотреть, не идетъ ли Сперанскій. И едва увидитъ посланный ожидаемаго друга-наставника, немедленно извѣщаетъ товарищей: „Михаилъ Михайловичъ (его никогда не называли

иначе, какъ по имени и отечеству) идетъ!“—Мгновенно утихаетъ шумъ. Садятся по мѣстамъ. Входитъ въ классъ Михаилъ Михайловичъ. Всѣ въ одинъ голосъ просятъ: „расскажите намъ, что вы прочли за эту ночь.“ И всякій разъ гениальный юноша съ полнѣйшимъ усердіемъ и съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ выполнялъ просьбу друзей“.

Сколь глубоки были въ душѣ графа Сперанскаго симпатіи товарищеской дружбы, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Андрея Ивановича *Шестакова*, разсказа очень часто повторявшагося въ устахъ этого приснопамятнаго Вяткѣ сокурсника Сперанскаго по главной семинаріи въ Петербургѣ.

„Когда Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, рассказывалъ Шестаковъ, состоялъ уже высокимъ государственнымъ сановникомъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы только повидаться съ безцѣннымъ моимъ прежнимъ другомъ. Вошедши въ его квартиру, въ пріемномъ залѣ ея нашелъ я много чиновниковъ; прошу доложить обо мнѣ. Немедленно, по извѣщеніи объ мнѣ докладчика, выходитъ Михаилъ Михайловичъ; самымъ любезнымъ образомъ проситъ посѣтителей придти къ нему на утро слѣдующаго дня, меня же вводитъ въ свой кабинетъ, заключаетъ дружески въ объятія и усерднѣе проситъ изложить самымъ откровеннымъ образомъ всѣ мои настоящія нужды, чтобы во всемъ пособить мнѣ, чтобъ относительно всего меня успокоить. Послѣ долгаго нашего дружескаго разговора, который онъ такъ со мною велъ, какъ будто мы все по прежнему—ученики главной семинаріи,—онъ, мой незабвенный, убѣждалъ меня остаться на службѣ въ Петербургѣ. Но мнѣ не желалось тогда покинуть мирный край моей родины. И съ великимъ сожалѣніемъ простился со мною великій человекъ, котораго имѣю право къ величайшему для меня утѣшенію назвать добрѣйшимъ другомъ моей юности“.

Слѣдующіе разсказы о графѣ Михаилѣ Михайловичѣ Сперанскомъ записаны мною со словъ матушки моей

Елизаветы Ивановны, урожденной *Смирновой*, по мужѣ своемъ—отцѣ моемъ, *Флоринской*. Но такъ какъ часть разсказаннаго она сама слышала отъ матери своей, а моеѣ бабушки, Татьяны Матвѣвны Смирновой, бывшей въ замужствѣ за Владимірскимъ священникомъ І. Тимоѣ. Смирновымъ, то предварительно да позволено будетъ начертать нѣсколько строкъ о самой *Татьянѣ* Матвѣвнѣ *Смирновой*. Она приходилась двоюродною сестрою М. М. Сперанскому. Въ домѣ ея провелъ онъ лучшіе годы своего дѣтства. О ней и о ея родителѣ баронѣ Корфѣ въ біографіи графа замѣчаетъ: „Матвѣй Богословскій, посвященный (изъ діаконовъ) во священники, и его дочь *Смирнова* болѣе всѣхъ, кажется, способствовали первому нравственному и умственному воспитанію Михаила Михайловича“ *).

Въ высокой степени благочестивая и любившая духовное чтеніе, она и двоюрному брату, своему собесѣднику Михаилу Михайловичу сообщала тоже духовное настроеніе. Поэтому онъ сохранилъ къ ней любовь самую признательную на всю свою жизнь. Съ нею онъ велъ переписку. Помогалъ ей нескучно отъ своихъ средствъ, когда супругъ ея, также благочестивый мужъ, іерей Іоаннъ Тимоѣевичъ, скончался,—и, умирая, завѣщалъ пожизненное, ежегодное пособіе, двумъ дочерямъ ея—вдовамъ. И до сихъ дней цѣла горенка бабушки моеѣ, безцѣнной Татьяны Матвѣвны *Смирновой*, горенка, въ которой добрѣйшая наша старушка проводила дни и встрѣчала ночи надъ святыми, богослужебными книгами православной Церкви. Нерѣдко собирались мы—внуки и внучки ея въ эту ея, благодати молитвъ исполненную горенку и здѣсь получали отъ нея гостинцы и лакомства, которые она запасала на полученныя отъ Михаила Михайловича деньги, а вмѣстѣ принимали наставленія ея мудрости,—также вмѣстѣ съ доброю нашею бабушкой молились за благодѣтеля ея и нашего, или раздѣляли ея общую, христіанскую молитву Господу Богу, Пресвятой

* „Жизнь гр. Сперанскаго.“—Т. I. гл. I. ст. II, стран. 10.

Богородицѣ и святымъ. Послѣднее обыкновенно совершалось во дни великаго поста, когда мы говѣли и готовились приобщаться въ Богородицкомъ храмѣ. Кто-либо изъ внуковъ или внучекъ читалъ вечернее и утреннее правило ко причащенію, и сохрани Богъ, если бабушка замѣчала здѣсь въ комъ изъ насъ разсѣянность на молитвѣ! Она учила насъ, когда и какіе надобно : олагать на правилѣ поклоны и стоять на молитвѣ съ внутреннимъ страхомъ предъ Царемъ небеснымъ—Господомъ Силь. Въ воскресные и праздничные дни мы обыкновенно собирались къ бабушкѣ послѣ божественной литургіи на утренній чай и завтракъ и подъ ея руководствомъ учились, какъ должны родственники любить другъ друга, и какъ вести умно и христіански наши бесѣды. Здѣсь нельзя было никому и начать такъ называемыхъ пересудовъ. *Не судите, да не судимы будете*—сейчасъ строго замѣчала бабушка неосторожному говоруну, или говорунѣ. Въ храмъ Господень хаживала Татьяна Матвѣевна всегда до начала службы, и говорила, что *слушать божественную литургію не выслушавъ прежде молитвъ часовныхъ, тоже, что птичку летѣть безъ крыльевъ*. Сама небогатая, но жившая пособиями частію брата своего двоюроднаго, М. М. Сперанскаго, частію своего сына—предсѣдателя гражданской палаты въ Москвѣ А. И. Смирнова, она отъ этихъ пособій охотно и съ состраданіемъ удѣляла людямъ, о которыхъ знала, что они болѣе ея нуждаются въ христіанской помощи. Сердобольна была къ прислугѣ и покрывала недостатки и слабости слугъ своею всепрощающею любовію христіанскою. Изъ нищихъ ни одинъ не отходилъ безъ подаванія отъ ея горенки. Мудрые совѣты о жизни, какіе умѣла преподавать и охотно преподавала добрейшая бабушка всѣмъ, спрашивавшимъ у нея оныхъ, столь были высоко цѣнны, что Татьяна Матвѣевна *Смирнова*, вдова іерейская, окружена была почтеніемъ всего тогдашняго общества владимірскаго, и самыхъ аристократовъ. Таковъ былъ первый другъ дѣтства и юности графа Спе-

рѣнскаго, который въ домъ отца Іоанна Тимоѣевича Смирнова и его супруги весьма часто прихаживалъ и по своему отъ нихъ перемѣщеніи въ покой отца префекта семинаріи владимірской.

Обращусь къ разсказу моей матушки.

„Когда въ 1816 году проѣзжалъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій изъ ссылки чрезъ г. Владиміръ губернаторомъ въ Пензу,—разсказывала моя матушка,—мнѣ было тогда 14-ть лѣтъ. Онъ навѣстилъ тогда вашу бабушку-Татьяну Матвѣевну Смирнову *). Несказанно обрадовалась безцѣнному гостю своему матушка Татьяна Матвѣевна, но пришла также въ нѣкоторое смущеніе, что высокого посѣтителя принимаетъ въ очень непышномъ помѣщеніи. Домикъ, въ которомъ жили мы тогда съ матушкой и сестрицей Марьей Ивановной (супругой о. Григорія Михайловича Чижова, послѣ—ключаря соборнаго) съ ея супругомъ и дѣтьми, былъ невеликъ.—„Вотъ, батюшка братецъ, сказала бабушка ваша,—живемъ-то мы тѣсно.“—„Ахъ! нѣтъ сестрица!“—возразилъ гость нашъ, смотря съ отеческою любовію на всѣхъ насъ: „у васъ вовсе не тѣсно. Гдѣ миръ, согласіе и любовь, тамъ никогда не бываетъ тѣсно. А у васъ какой вижу миръ! надъ вами истинно почиваетъ Божіе благословеніе!“

„Въ 1818 году, когда матушка Татьяна Матвѣевна устроила меня въ замужство, то не имѣя денегъ на свадьбу, откровенно написала письмо нашему отцу благодѣтелю о своемъ затруднительномъ положеніи, и немедленно получила отъ Михаила Михайловича весьма богатое по тому времени пособіе—*пятьсотъ рублей*, на устройство, какъ писалъ онъ, *любезной его крестной дочери Елизаветы*“.

„Въ раннемъ вдовствѣ моемъ **), оставшись послѣ ва-

*) Объ этомъ посѣщеніи упоминается во 2-мъ Томѣ біографіи гр. Сперанскаго на стран. 123-й.

**) Матушка моя овдовѣла тридцати лѣтъ, чрезъ пятнадцать лѣтъ супружества своего.

шего родителя съ пятерыми дѣтьми и съ большимъ долгомъ за только что отстроенный домъ, я не знала, какъ и чѣмъ мнѣ съ вами сиротами прожить, на какія средства устроить старшую вашу сестру Елизавету. Милосердый Господь послалъ мнѣ въ незабвенномъ крестномъ отцѣ моемъ, графѣ Михаилѣ Михайловичѣ, ангела-утѣшителя. Узнавъ изъ письма бабушки Татьяны Матвѣевны о затруднительномъ положеніи моемъ съ сиротами, графъ, выславшій ежегодное ей пособіе въ 500 рублей, благоволилъ присоединить къ этимъ деньгамъ еще 250 руб. на мою долю. Это было въ 1834 году. Въ слѣдующемъ году дорогая мнѣ милость моего крестнаго повторилась, и сверхъ того онъ выслалъ въ томъже 1835 году еще 200 рублей мнѣ на устроеніе дочери Елизаветы. Такія благодѣянія Михаила Михайловича побудили меня въ 1836 году лично видѣть и благодарить его. Пріѣхавъ въ Петербургъ, съ трепетомъ подошла я къ квартирѣ высокаго моего благотворителя. Но едва доложили Михаилу Михайловичу, что дочь Татьяны Матвѣевны желаетъ видѣть его, тотчасъ отворились мнѣ двери. Вхожу, онъ сидитъ въ бѣломъ сюртукѣ, бесѣдуя съ прекраснымъ 14-лѣтнимъ юношей. То былъ родной внукъ графа, Михаилъ Александровичъ Фроловъ-Багрѣевъ, сынъ единственной дочери его Елизаветы Михайловны. „Ахъ! Лиза, Лиза!“ сказалъ мнѣ съ отческою любовію мой крестный: „такою ли видѣлъ я тебя, когда проѣзжалъ чрезъ Владиміръ? Какъ измѣняютъ насъ лѣта!“ „И годы, и горе, графъ“, отвѣтила я, покрывая поцѣлуями руки моего благодѣтеля и обливая ихъ слезами благодарности и неизяснимой радости о томъ, что удостоилъ Богъ видѣть мнѣ его. „Утѣшься, моя милая!“ сказалъ онъ мнѣ: „Свидѣтель Богъ, и вотъ (при чемъ положилъ руку на плечо внука) мой тебѣ предъ Нимъ поручитель: доколѣ я живъ, тебя не оставлю; а умру, и по смерти моей будешь, по гробъ свой, получать отъ моихъ наслѣдниковъ положенное мною тебѣ ежегодное пособіе“. При второмъ свиданіи моемъ

съ моимъ отцемъ-благотворителемъ, я получила отъ него 500 р. пособія при слѣдующихъ, незабвенныхъ мнѣ словахъ: „вотъ тебѣ, милая моя крестница, на твои житейскія нужды; о дальнѣйшемъ не беспокойся; я уже сказала тебѣ, что тебя не забуду и не покину безъ помощи въ твоей бѣдности. А теперь въ Петербургѣ не мѣшай. Здѣсь все такъ дорого. Помѣстилъ бы я тебя въ моей квартирѣ; но она не довольно просторна. Прости. И да утѣшитъ тебя самъ Господь Своими богатыми милостями!“ Тутъ онъ перекрестилъ меня, поцѣловалъ въ лобъ и прижалъ къ сострадательной своей груди *).

Вѣрный другъ, нѣжно сострадательный родственникъ, графъ Сперанскій былъ самый вѣрный супругъ и мудрый и чадолюбивый отецъ. Вступивъ въ супружество съ образованною англичанкою, онъ очень не долго наслаждался супружескимъ счастьемъ, и скоро долженъ былъ оплакать преждевременную кончину доброй и умной своей супруги. Скорбь его по ней столь была велика, что только вѣра въ

*) Въ 1837 году Татьяна Матвѣевнѣ выслано было отъ Михаила Михайловича 1000 р.,—изъ нихъ 500 р. ей и по 250 р. рублей ея дочерямъ: матери моей и теткѣ Аннѣ Ивановнѣ, супругѣ протоіеря, о. А. Виноградова, челоѣка весьма больного (онъ былъ въ параличѣ) и потому бѣднаго. Когда въ ноябрѣ сего года Татьяна Матвѣевна скончалась, 500 р. продолжали быть высылаемы на долю двухъ упомянутыхъ особъ ежегодно до 4-го года послѣ кончины незабвеннаго графа М. М. Сперанскаго. Прекращеніе пособія, назначеннаго графомъ, послѣдовало безъ всякаго о томъ предварительнаго извѣщенія отъ ближайшей родной его и наслѣдницы Елизаветы Михайловны Фроловой-Багрѣвой, графини Сперанской. При своихъ великихъ нуждахъ, моя матушка рѣшилась снова ѣхать въ Петербургъ, чтобъ принадле къ Елизаветѣ Михайловнѣ съ просьбою о помощи. Въмѣсто нея, Богъ привелъ видѣть матушкѣ того, кого покойный графъ дѣлалъ поручителемъ исполненія своего обѣщанія, Михаилъ Александровичъ Фроловъ-Багрѣвъ, графа Сперанскаго. Добрѣйшій внукъ добрѣйшаго дѣда радушно принялъ мою матушку въ Царскомъ селѣ и утѣшилъ ее обѣщаніемъ ходатайствовать предъ родительницей своей Елизаветой Михайловной о продолженіи милостиваго вспоможенія обѣщаннаго его дѣдушкою крестницѣ. Трагическая смерть добрѣйшаго юноши графа помѣшала исполненію его обѣщанія. Уже три года прошло, какъ скончалась и моя матушка.

Господа поддержала и сохранила душу Михаила Михайловича отъ погибельнаго отчаянія. Покорность святымъ судьбамъ Провидѣнія и любовь къ единственной дочери возвратили душѣ Сперанскаго мужество, и онъ, великій дѣятель, не искалъ уже втораго друга жизни. За воспитаніемъ единственной дочери своей онъ непрестанно слѣдилъ самъ, среди думъ и заботъ государственныхъ удѣляя довольно времени на поеченіе о ней. Михайль Михайловичъ продолжалъ быть ея наставникомъ и тогда, когда Елизавета Михайловна сдѣлалась сама женою и матерью. Достаточно прочесть его любяя два-три письма изъ множества писемъ къ дочери, чтобы видѣть всю глубину и нѣжность чувства отца и вмѣстѣ высокую мудрость воспитателя—христіанина въ графѣ Сперанскомъ. Въ его письменномъ кабинетѣ хранился портретъ дочери, снятый съ нея еще въ ея младенческіе годы. Когда моя матушка, при свиданіи съ своимъ крестнымъ отцомъ, обратила вниманіе на этотъ портретъ, съ какимъ восторгомъ отецъ сталъ говорить о ней предъ моею матерью, и съ какою нѣжностію сталъ высказывать чувства свои къ дочери и находившемуся близъ дѣдушки внуку, Елизаветы Михайловны, сыну!

Набросанныя здѣсь немногія черты изъ жизни графа Сперанскаго достаточно свидѣтельствуютъ о высокихъ духовныхъ достоинствахъ его. Вѣчная память его великой душѣ!

Протоіерей Н. Флоринскій.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ ИСХОДЪ.

VII. Паремія на вечернѣ въ великую субботу (Исх. 13, 20—22; 14, 1—32; 15, 1—19).

Въ сей пареміи описывается путешествіе Израильтянъ отъ Сокхоа до Чермнаго моря, чудесный переходъ ихъ чрезъ Черное море, и приводится благодарственная Господу пѣснь, воспѣтая Израильтянами вслѣдъ за симъ чудомъ.

Исх. гл. 13. ст. 20. Воздвигшеся сынове Израилевы отъ Сокхоа, ополчися во Оомѣ при пустыни.

Первымъ станомъ Израильтянъ на пути изъ Египта былъ Сокхоа, городъ или мѣсто кущей), находившійся въ предѣлахъ египетскихъ владѣній. Въ Сокхоа, какъ извѣстно, данъ былъ законъ объ освященіи первенцевъ. Вторымъ станомъ или мѣстомъ, гдѣ останавливалось все ополченіе ихъ, былъ *Оомъ при пустынь*, послѣдній египетскій городъ или мѣстечко на краю Аравійской пустыни, близъ сѣверной оконечности западнаго рукава Чермнаго моря (Чис. 33, 6. 7). Вѣроятно Оомъ былъ станціею на караванной дорогѣ изъ Египта въ Азію.

21. Богъ же вождаше ихъ, въ день убо столпомъ облачнымъ показати имъ путь: нощію же столпомъ огненнымъ свѣтити имъ.

Богъ же вождаше ихъ. Самъ Господь, или иначе Ан-

*) См. V-ую паремію въ февральской книжкѣ Душеполезнаго Чтенія 1878 года, стр. 240.

гель Господень, подь каковымъ именемъ извѣстенъ Сынъ Божій (Иса. 9, 6),—былъ вождемъ Израильтянъ. Онъ указывалъ имъ направленіе пути посредствомъ столпа *облачнаго* и *огненнаго*, въ которомъ сокрывалъ свое присутствіе. Они сообразовали свое движеніе съ движеніемъ этого столпа, и останавливались, когда онъ останавливался (Числ. 9, 17). Что подь столпомъ облачнымъ и огненнымъ должно разумѣть не два отдѣльныхъ столпа, а одинъ и тотъже столпъ въ двухъ его видахъ,—въ видѣ темнаго облака днемъ, и свѣтлаго ночью,—это видно изъ того, что въ другихъ мѣстахъ онъ называется столпомъ облачнымъ или просто облакомъ, когда идетъ рѣчь о времени ночи (Исх. 14, 19. Числ. 9, 21), слѣдственно о времени изліянія свѣта отъ столпа.—Нѣкоторые не признають чуда въ явленіи столпа, предводившаго Еврейское ополченіе. Они сравнивають это явленіе съ тѣмъ сигналомъ, который употребляемъ былъ въ древности при движеніи торговыхъ каравановъ, также въ военныхъ походахъ. Этотъ сигналъ состоялъ въ томъ, что въ небольшомъ подвижномъ горнѣ разводили огонь и поднимали этотъ горнъ на высокомъ шестѣ, такъ чтобы ночью виденъ былъ пламень отъ этого огня, а днемъ дымъ. И пламень и дымъ служили указателемъ пути для каравановъ и для войскъ. Но это сходство караванныхъ и военнополодныхъ огней съ столпомъ облачнымъ слишкомъ ничтожно, чтобы можно было не видѣть ничего чудеснаго въ столпѣ облачномъ. Въ текстѣ Моиссева повѣствованія нѣтъ никакого повода къ тому, чтобы видѣть въ этомъ явленіи обыкновенный человѣческій сигналъ. Прямо говорится, что Богъ, Самъ Богъ, предводительствовалъ Израильтянамъ въ столпѣ, что Онъ присутствовалъ въ немъ, давалъ изъ среды его слышать Свой голось (Числ. 16, 10), подобно тому какъ Онъ открывалъ Свое присутствіе въ огнѣ купины (Исх. 3, 2) и на Синаѣ въ облакѣ и дымѣ (—19, 16. 18). Кромѣ того столпъ облачный принималъ такіе размѣры, подобныхъ которымъ не могли имѣть караванные и военнополодные огни. При переходѣ Израильтянъ чрезъ Черное море онъ

занялъ все пространство между ними и египтянами и препятствовалъ сближенію ихъ (Исх. 14, 69). О чудесномъ характерѣ его свидѣтельствуесть также то, что онъ не только служилъ путеуказателемъ для путешествующихъ Израильтянъ, но вмѣстѣ осѣнялъ ихъ и сѣбно своею защищалъ ихъ днемъ отъ необычнаго пустыннаго зноя (Псал. 104, 39. Прем. 10, 17), для чего потребно было, чтобы онъ широко раскидывалъ сѣнь свою надъ громаднымъ ополченіемъ израильскимъ. Могло ли что-нибудь подобное придумать искусство человѣческое?

22. И не осудѣ столпъ облачный во дни, и столпъ огненный нощію, предъ всѣми людьми.

Водительство Божіе посредствомъ столпа продолжалось во все время путешествія Израильтянъ въ пустынь. Такъ было до построения скинии, и послѣ построения ея. Въ послѣднемъ случаѣ *облакъ Господень бяше надъ скиніею въ день, и огонь бяше надъ нею въ ноцъ предъ всѣмъ Израилемъ, во всѣхъ путешествіяхъ ихъ* (Исх. 40, 38). Но предъ вступленіемъ ихъ въ Обѣтованную землю, при переходѣ черезъ Іорданъ, облако уже перестало являться. Израильтянамъ заповѣдано было дальнѣйшія движенія сообразовать съ движеніями ковчега завѣта (I. Нав. 3, 5). Постоянно, въ теченіи сорока лѣтъ, продолжавшееся чудо промышленности Божія, въ столпѣ облачномъ, обь Израильтянахъ, должно было поддерживать въ нихъ вѣру и упованіе на Господа. То обстоятельство, что Господь сокрывалъ Свое присутствіе въ облакѣ, а не являлся въ опредѣленномъ видѣ какого-либо существа, должноствовало утверждать ихъ въ мысли, что Онъ есть Существо невидимое, предостерегать ихъ отъ дерзкихъ попытокъ творить какія-нибудь изображенія Его, отъ почитанія Его въ этихъ изображенія, и наконецъ свидѣствовало о неприступномъ величій Его и святости и такимъ образомъ нитало въ нихъ благоговѣніе къ Нему.

Гл. 14 ст. 1. 2. И рече Господь къ Моисею, гла-

голя: рцы сыномъ Израилевымъ, и обративше-ся да ополчатся прямо придворію, между Маг-доломъ и между моремъ, прямо Веельпсефону: предъ ними ополчишися при мори.

Отъ Оеома, послѣдняго египетскаго города на границѣ съ аравійскою пустыней, Евреи могли продолжать свой путь или къ сѣверу прямо въ Ханаанъ, и тогда пришли бы сюда черезъ три-четыре дня, еслибы не встрѣтили какихъ препятствій,—или на югъ къ Синаю. Пути къ Си-наю не могъ не имѣть въ виду Моисей, ибо помнилъ слово, сказанное ему изъ купины: *Сіе тебѣ знаменіе: вѣгда извести тебѣ люди Моя изъ Египта, и помо-литесь Богу въ горѣ сей* (Исх. 3, 12). Но Господу не угодно было на сей разъ пустить Евреевъ ни по тому, ни по другому пути. Первый путь признанъ былъ для нихъ неудобнымъ потому, что здѣсь угрожала бы имъ неизбѣжная встрѣча съ Филистимлянами, и убоившись ихъ, они стали бы жалѣть о Египтѣ (Исх. 13, 17). Отъ втораго пути надлежало удержать ихъ на время для того, чтобы дать мѣсто, какъ увидимъ, новому преславному событію, которое должно было еще больше, чѣмъ прежнія чудеса, прославить Господа и утвердить Евреевъ въ преданности Ему. Съ этою цѣлію, по повелѣнію Господа, Евреи отъ Оеома должны были повернуть на югъ по западной сторонѣ Суэцкаго рукава Чермнаго моря, слѣдовательно очутиться снова въ предѣлахъ египетскихъ. На этомъ новомъ пути имъ приказано было ополчиться, т.-е. расположиться всѣмъ ополченіемъ, между Чернымъ моремъ и Магдоломъ (башня, крѣпость). Положеніе послѣдняго мѣста, по неизвѣстности древней географіи Египта, трудно съ точностію опредѣлить, равно какъ и положеніе дру-гихъ мѣсть, въ виду которыхъ назначено остановиться Израильскому ополченію. Одно изъ нихъ названо въ тек-стѣ *придворіемъ*, или, какъ въ книгѣ Числь (33, 7), усть-емъ Ироа (съ еврейскаго: *устье пещеръ*). Другое названо *Веельсенфономъ* (господинъ подворной башни). Судя по

буквальному значенію всѣхъ этихъ названій, можно думать, что обозначаемыя ими мѣста укрѣплены были либо природою, либо искусствомъ человѣческимъ и обезпечивали безоасность египетскихъ владѣній съ восточной стороны. Въ 20-ти верстахъ отъ Суэца на западномъ побережьи суэцкаго рукава Чермнаго моря, до сихъ поръ Арабы показываютъ мѣсто, которое называютъ Купальнями фараоновыми (*Хамамъ фараунъ*), по сохранившемуся преданію о потопленіи фараона въ морѣ близъ этого мѣста. Мѣсто это находится на узкой прибрежной полосѣ, которую Арабы называютъ долиною чуда (*Бедеа*), также путемъ сыновъ Израилевыхъ (*Тиа-Бене-Израемъ*). Полоса эта занимаетъ мѣсто между моремъ и горами, а къ сѣверу и югу отъ ней идетъ пустыня. По всей вѣроятности въ этой-то полосѣ расположились на ночлегъ, въ третій день своего путешествія, Израильтяне, и здѣсь-то надо искать тѣ мѣстности, которыя названы въ разсматриваемомъ стихѣ.

3. И речеть фараонъ людемъ своимъ о сынѣхъ Израилевыхъ: заблуждаютъ сіи по земли, затвори бо ихъ пустыня.

Господь предваряетъ Моисея, какое впечатлѣніе будетъ произведено на фараона этимъ необычнымъ направленіемъ пути, указаннымъ для Израильтянъ. Фараонъ будетъ говорить о нихъ, что они *заблуждаютъ по земли*, т.-е. вмѣсто того, чтобы выйти изъ *египетскихъ владѣній*, они до сихъ поръ остаются въ ихъ предѣлахъ и уклонившись съ настоящей дороги, безцѣльно двигаются по пустынному побережью Чермнаго моря, принадлежащему египетской *земль*. — *Затвори бо ихъ пустыня*: теперь пѣтъ для нихъ выхода изъ Египта: съ лѣвой стороны предъ ними море, съ правой неприступныя горы, съ юга и сѣвера пустыня, выбраться изъ которой на настоящую дорогу за египетскіе предѣлы имъ невозможно, потому что единственный въ этомъ направленіи обратный путь къ сѣверу имъ

легко можетъ быть загороженъ военною силою, а на югъ продолжать движеніе для нихъ нѣтъ никакой цѣли,—это значило бы углубляться въ египетскія владѣнія.

4. Авъ же ожесточу сердце фараоново, и поженеть создаи ихъ: и прославлюся въ фараонѣ и во всемъ воинствѣ его, и уразумѣють вси Египтяне, яко Авъ есмь Господь. И сотвориша тако.

Авъ ожесточу сердце фараона, и поженеть создаи ихъ. Господь, повелѣвая Евреямъ идти по необыкновенной и опасной дорогѣ, общааетъ чрезъ это обстоятельство дать фараону новый случай къ проявленію его ожесточенія. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства въ немъ оживетъ то ожесточеніе, то непреклонное упорство, съ какимъ онъ, несмотря на казни, долго не отпускалъ Евреевъ изъ Египта. Когда онъ узнаетъ о мнимомъ блужданіи Евреевъ, то подумаетъ: вѣрно Богъ еврейскій оставилъ своихъ чтителей,—или: они сами потеряли довѣріе къ Моисею и не хотятъ по его указанію идти за предѣлы египетскіе.—*И поженеть создаи ихъ:* погонится за Израильтянами, чтобы удержать ихъ въ Египтѣ.—*И прославлюся въ фараонѣ и во всемъ воинствѣ его.* Разумѣется прославленіе чрезъ наказаніе фараона и его войска. Господь явитъ надъ ними новый опытъ Своего правосудія и всемогущества, т.-е. чудесно погубить ихъ въ морѣ, и этимъ чудомъ снова прославится, какъ истинный Богъ и дѣйствительный покровитель своего народа. Въ этомъ наконецъ убѣдятся и всѣ Египтяне. Всѣ они *уразумѣютъ, яко Авъ есмь Господь*,—уразумѣютъ, что Я дѣйствительно Господь не только Евреевъ, призывающихъ Меня и во имя Мое путеводимыхъ Моисеемъ, но и Египтянъ и всѣхъ народовъ,—особенно же признаютъ Мою божескую власть и силу тѣ Египтяне, которые во глубинѣ Чермнаго моря лично будутъ видѣть отяготѣвшую надъ ними руку Мою (ст. 25).—*И сотвориша тако:* Евреи исполнили повелѣніе Господа о путешествіи къ югу отъ Овома.

5. И возвѣщено бысть царю египетскому, яко бѣжаша людіе. И превратися сердце фараоново, и рабовъ его на люди, и рѣша: что сіе сотвори-комъ, отпустивше сыны Израилевы, да не работаютъ намъ?

Въ этомъ стихѣ изображается, какъ произошло въ сердцѣ фараона предсказанное Господомъ ожесточеніе. Ему донесено было, *яко бѣжаша людіе*. Дѣйствительно, судя по значительному пространству, какое Евреи успѣли пройти въ три дня отъ Рамессы до Сокхоа, близъ берега Нила,—отъ Сокхоа до Оома, и отсюда до послѣд-няго става на западномъ берегу Красноморскаго залива, пространству не менѣе какъ въ 120 верстѣ,—путешествіе ихъ въ огромномъ количествѣ (около 2-хъ съ половиной милліоновъ душъ) со стадами и другими хозяйственными принадлежностями нельзя не признать торопливымъ. По всему видно, что они снѣжили. И эту-то поспѣшность Египтяне приняли за бѣгство и посмотрѣли на нихъ, какъ на бѣглецовъ. Такъ донесено было о нихъ фараону. *И превратися сердце фараона и рабовъ его на люди*: едва они успѣли услокоиться послѣ потери первенцевъ и рабовъ, и вотъ снова закипѣло въ ихъ сердцѣ негодованіе на сыновъ Израилевыхъ. Стали помышлять, нельзя ли возвратить ихъ въ рабство. Какъ объяснить эту перемѣну? Можно думать, что фараону и его рабамъ спѣшность движеній еврейскаго ополченія, походившая на бѣгство, показалась слѣдствіемъ овладѣвшаго Евреями страха погони за ними Египтянъ. Но какъ Египтяне могли объяснить происхожденіе этого страха послѣ всего, что сдѣлано было для Евреевъ Богомъ? Египтяне, вѣроятно, объяснили это предположеніемъ, что или Господь пересталъ покровительствовать Израильтянамъ, или что Евреи перемѣнили свой взглядъ на Моисея и усомнились въ его призваніи отъ Бога къ избавленію ихъ. А уклоненіе Евреевъ съ пути, ведущаго въ аравійскую пустыню, еще болѣе утвердило Египтянъ въ этомъ предположеніи. Видно наши бѣглецы, подумали

фараонъ и его рабы, сами начали раскаиваться въ томъ, что послушались Моисея, и теперь предпочитаютъ лучше блуждать въ египетскихъ владѣніяхъ, чѣмъ переправиться за предѣлы ихъ.— *И рѣша: что сіе сотворихомъ, отпустивше сыны Израилевы, да не работаютъ намъ?*— Т.-е. мы сдѣлали непростительную ошибку, что уступили наконецъ настойчивому требованію Моисея отпустить Евреевъ. Въ лицѣ ихъ мы лишились хорошей рабочей силы, которую трудно замѣнить, если не вернемъ ихъ назадъ. Но допущенную ошибку можно еще поправить. Бѣглецы—въ такомъ положеніи, что легко съ ними справиться и возвратитъ ихъ къ прежней неволѣ. Такъ рассуждали фараонъ и рабы его и немедля приготовились къ погонѣ за ними.

6. Впряже убо фараонъ колесницы своя, и вся люди своя собра съ собою.

Идетъ рѣчь о колесницахъ боевыхъ и о людяхъ военныхъ. Тѣ и другіе, по распоряженію Фараона, немедленно должны были выступитъ въ походъ противъ мнимыхъ бѣглецовъ. Боевыя колесницы закладываемы были парюю, или тройкою лошадей, и вооружаемы были по обѣимъ сторонамъ косами. На этихъ колесницахъ обыкновенно занимали мѣсто три человѣка: возница, управлявшій конями,—воинъ державшій щитъ, и еще воинъ, который на всемъ скаку длиннымъ и тяжелымъ мечомъ поражалъ тѣхъ, кто не попалъ подъ косы, или подъ колеса колесницы и подъ копыта коней. Колесницы обыкновенно врывались въ ряды пѣхоты.

7. И поятъ шестьсотъ колесницъ избранныхъ и вся кони египетскія, и тристаты надъ³ всѣми.

Этотъ стихъ служить объясненіемъ предыдущаго. Въ томъ стихѣ сказано о колесницахъ вообще, здѣсь говорится о числѣ ихъ: 600, и о достоинствѣ ихъ: *избранныя, или отборныя*. Въ томъ стихѣ сказано о *всѣхъ людяхъ собранныхъ въ походъ*; здѣсь же упоминается собствен-

но о *всей* конницѣ (*γ ἵππος*). Участвовала ли въ походѣ пѣхота, не сказано, да едва ли она могла быть полезна, когда предполагалось поскорѣй нагнать мнимыхъ бѣглецовъ, накрыть и поразить ихъ,—хотя Иосифъ Флавій упоминаетъ о 200000 пѣхотѣ.—*Тристаты надъ всеми*, или во главѣ всей собранной арміи. Тристатами назывались сановники, занимавшіе третье мѣсто или третій рядъ вокругъ царя. Армія собранная въ походъ противъ Израильтянъ, конечно была незначительна въ сравненіи съ числомъ Израильтянъ; но имъ вредило самая многочисленность, препятствовавшая свободѣ движеній ихъ, также безоружность и невыгодное мѣстоположеніе, какое они занимали на берегу моря.—Для колесницъ и всадниковъ требовалось много коней. Откуда взялись они, когда одною изъ казней (моромъ) кони египетскіе были побиты? Побиты были только пасшіеся на поляхъ (Исх. 9, 6). Казнь не коснулась тѣхъ изъ нихъ, которые оставались въ конюшняхъ.

8. И ожесточи Господь сердце фараона царя Египетскаго, и рабовъ его, и погна созади сыновъ Израилевыхъ. Сынове же Израилевы исхождаху рукою высокою.

Ожесточи Господь,—т.-е. расположилъ обстоятельства такъ, что въ фараонѣ возродилось непреодолимое желаніе во что бы ни стало не выпускать Израильтянъ изъ Египта. *И погна созади сыновъ Израилевыхъ*,—по слѣдамъ ихъ. Гонясь по слѣдамъ ихъ, по одной и тойже дорогѣ, Египтяне, конечно, достигли сѣверной оконечности суэцкаго рукава, потомъ стали спускаться къ югу по западной сторонѣ его.—*Сынове же Израилевы исхождоуху рукою высокою*. Рука высокая, или сила грозно-могущественная, это не рука Израильтянъ, а рука самого Господа. *Господи, высока твоя мышца*, исповѣдуетъ пророкъ (Ис. 26, 11). Подъ защитою ея Израильтяне пошли изъ Египта (Чис. 33, 3); подъ ея же крѣпкою защитою они *исхождаху*,—продолжали свой путь, хотя путь этотъ казался неправильнымъ.

9. И погнаша Египтяне въ слѣдъ ихъ, и обрѣтоша ихъ ополчившихся при мори: и вся кони и колесницы фараоновы и конницы (*всадники*) и воинство его прямо придворію противу Всельсепфона.

Обрѣтоша ихъ ополчившихся при мори: позади Израильтянъ, уже расположившихся станомъ на берегу моря, вдругъ очутилось войско египетское, состоящее изъ *коней и колесницъ*, иначе изъ воиновъ на колесницахъ, везомыхъ конями,—изъ *конниковъ*, т.-е. всадниковъ на однихъ лошадахъ. Вообще все *воинство* фараоново настигло Израильтянъ прямо Придворія, или предъ устьемъ Ироа.

10. И фараонъ приближашеся. Возврѣвше же сынове Израилевы очима, видѣша: и се Египтяне ополчишася въ слѣдъ ихъ и убояшася зѣло, и вовопиша сынове Израилевы ко Господу.

И убояшася зѣло: было отчего придти въ страхъ Израильтянамъ. Ихъ положеніе, по человѣческимъ расчетамъ, было самое затруднительное: съ востока предъ ними пучина морская, съ запада неприступныя горы, съ сѣвера *ополчившіеся* (расположившіеся станомъ) Египтяне, съ которыми вступить въ борьбу людямъ безоружнымъ никоимъ образомъ нельзя было съ надеждою на успѣхъ. Да и воинственности въ нихъ не было: неволя, въ которой они такъ долго жили въ Египтѣ, убила въ нихъ духъ мужества. Оставалось для Израильтянъ одно свободное для бѣгства мѣсто—пустыня съ юга; но возможно ли было убѣжать отъ быстрыхъ колесницъ и коней двухмилліонной, со скотомъ и хозяйственными вещами, толпѣ? Притомъ пустыня не представляла ни одного безопаснаго мѣста.—*И взовпиша (Израильтяне) ко Господу*, прося Его о помощи; но судя по слѣдующему стиху, въ которомъ они являются ропщущими на Моисея, какъ бы на виновника ихъ бѣдственнаго положенія,—ихъ молитва къ Богу чужда была смиренія и преданности волѣ Божіей. Это было требованіе, чтобы Господь избавилъ ихъ отъ бѣды, съ жалобою, что самъ же Онъ чрезъ Моисея ввелъ ихъ въ эту бѣду.

11. И рекоша къ Моисею: за еже не быти гробомъ въ Египтѣ, извель еси насъ умертвити въ пустыни? Что сіе сотворилъ еси намъ, изведъ насъ изъ Египта?

Неудовольствіе противъ Бога перешло въ ропотъ на служителя Его. Не хорошо намъ было въ Египтѣ, говорили сыны Израилевы; но ужь лучше бы умереть въ Египтѣ, чѣмъ въ пустынѣ насильственной отъ меча фараонова смертію. Это послѣднее зло горше перваго.

12. Не сей ли быше глаголъ, егоже рекохомъ къ тебѣ во Египтѣ, глаголюще: остави насъ, да работаемъ Египтяномъ? Лучше бо быше намъ работати Египтяномъ, нежели умрети въ пустыни сей.

Выражающееся въ этихъ словахъ малодушіе Израильтянъ дошло до искаженія истины. Правда, когда притѣсненіе Евреевъ въ Египтѣ усилилось вслѣдствіе перваго требованія Моисея предъ фараономъ отпустить ихъ въ пустыню, Евреи высказали негодованіе на Моисея и сказали ему и Аарону: „вы дали фараону и рабамъ его мечъ въ руки, чтобы убить насъ“ (Исх. 5, 21); но это былъ единственный случай. 'Впослѣдствіи Израильтяне безъ ропота и съ охотою повиновались всѣмъ распоряженіямъ Моисея, видя въ нихъ волю Божію. Да и въ первый разъ, какъ только Моисей объявилъ имъ волю Божію объ избавленіи отъ египетской неволи, они въ лицѣ своихъ старѣйшинъ, съ радостію отнеслись къ словамъ Моисея и съ благодарностію преклонились предъ Господомъ (Исх. 4, 31).

13. Рече Моисей къ людемъ: дерзайте, стойте и зрите спасеніе еже отъ Господа, еже сотворить намъ днесь, имже бо образомъ видѣсте Египтянъ днесь, не приложите ктому видѣти ихъ въ вѣчное время.

Противъ маловѣрія и малодушія Израильтянъ Моисей выступаетъ съ полною вѣрой и упованіемъ на Бога и обнадеживая ихъ помощію Божіею, возвѣщаетъ имъ, что

передъ ихъ очами совершится спасеніе отъ враговъ, уготованное Господомъ, и что они уже никогда не увидятъ Египтянъ въ томъ грозномъ и страшномъ видѣ, въ какомъ видятъ ихъ теперь.—Послѣдствія оправдали это предреченіе пророка Божія. Евреи чрезъ нѣсколько часовъ увидѣли Египтянъ въ видѣ труповъ, выброшенныхъ на морской берегъ (ст. 30).

14. Господь поборетъ по васъ, вы же умолкните.

Господь самъ *поборетъ по васъ*, самъ будетъ сражаться за васъ съ Египтянами,—и вы *умолкните*,—будьте спокойны, безъ васъ сдѣлается то дѣло, которое послужитъ къ вашему спасенію. Вы будете только зрителями этого чуднаго дѣла.—Съ такую непоколебимую увѣренностію Моисей могъ говорить народу о помощи Божіей единственно потому, что онъ испросилъ у Господа эту помощь и уже получилъ обѣтованіе о ней, какъ это увидимъ изъ слѣдующихъ стиховъ: 15, 16, 17 и 18.

15. И рече Господь къ Моисею: что вопіеши ко Мнѣ? Рцы сыномъ Израилевымъ, и да путешествуютъ.

Слова Господа къ Моисею: *что вопіеши ко Мнѣ?* пред полагаютъ, что Моисей молился къ Богу о помощи хотя тайно, безъ словъ, въ одной душѣ, но съ такою силой, какъ бы находился въ положеніи утопающаго, которому свойственно изъ всѣхъ силъ кричать о помощи,—молился отъ своего лица и отъ всего народа.—*Да путешествуютъ*: пусть пойдутъ, или пусть готовы будутъ продолжать свой путь, потому что препятствія со стороны Египтянъ къ продолженію этого пути будутъ устранены посредствомъ чуда.

16. Ты же возьми жезлъ твой и прости руку твою на море, и расторгни е: и да виднутъ омынове Израилевы посредѣ моря по суху.

Господь обѣщаетъ чудесно провести Израильтянъ по суху черезъ море. Для сего Моисей долженъ раздѣлить

или раздвинуть на двѣ стороны воды морскія и между ними открыть сухой путь по дну—тѣмъ чудодѣйственнымъ жезломъ, которымъ онъ и прежде неоднократно совершалъ чудеса.

17. 18. И се Авъ ожесточу сердце фараоново, и всѣхъ Египтянъ и внидутъ въ слѣдъ ихъ, и прославолюся въ фараонѣ и во всемъ воинствѣ его, и въ колесницахъ и въ конѣхъ его. И увидятъ вси Египтяне, яко Авъ есмь Господь, егда прославолюся въ фараонѣ, въ колесницахъ ѿ конѣхъ его.

Здѣсь повторяется Божіе опредѣленіе о наказаніи Египтянъ, изложенное въ 4-мъ стихѣ,—съ присовокупленіемъ намека на потопленіе Египтянъ, чрезъ которое прославится Господь.

Въ слѣдующемъ стихѣ повѣствуется объ исполненіи опредѣленія Божія о спасеніи Израильтянъ и о наказаніи Египтянъ.

19. Взятся же *(поднялся)* Ангелъ Божій, ходяй предъ полкомъ сыновъ Израилевыхъ, и поиде позади ихъ. Взятся же *(поднялся)* и столпъ облачный отъ лица ихъ и ста созади ихъ.

Столпъ облачный, предводившій Израильтянъ, до сихъ поръ двигался впереди всего ополченія Израильскаго. Но теперь онъ перемѣнилъ свое положеніе, сталъ позади Израильтянъ. Сказано, что при этомъ случаѣ *взятся*, поднялся ангелъ Божій, т. е. второе лице Св. Троицы, Сынъ Божій. Это явленіе нельзя представлять отдѣльнымъ отъ движенія столпа облачнаго, потому что Ангелъ Божій являлъ свое присутствіе не отдѣльно отъ столпа, но въ немъ присутствовалъ и управлялъ всѣми его движеніями.

20. И вниде посредѣ полка Египетскаго и посредѣ полка сыновъ Израилевыхъ, и ста: и бысть тма и мракъ, и приде ночь, и не смѣсишася другъ съ другомъ во всю ночь.

Столпъ облачный сталъ между Египтянами и Израильтянами, и производилъ на тѣхъ и другихъ различныя дѣй-

ствія. *И бысть тма и мракъ, и прииде ношь.* По синодальному русскому переводу: „и былъ облакомъ и мракомъ для однихъ и освѣщаль ношь для другихъ“. Это значить, что сторона облачнаго столпа, обращенная къ Египтянамъ, распространяла такой мракъ и тму, что Египтяне не могли ни видѣть Евреевъ, ни подойти къ нимъ, ибо боялись по причинѣ непроглядной тмы сдѣлать невѣрное движеніе. Напротивъ сторона столпа, обращенная къ Израильтянамъ, всю наступившую ношь свѣтила имъ такъ, что они свободно, безъ всякаго замѣшательства, могли совершать дальнѣйшее движеніе по тому пути, который, какъ увидимъ, открытъ будетъ для нихъ Господомъ. — *И не смѣсишася другъ съ другомъ во всю ношь,* — не сблизились другъ съ другомъ преслѣдующіе и преслѣдуемые.

21. Простре же Моисей руку на море и возгна (отводилъ) Господь море вѣтромъ южнымъ сильнымъ всю ношь, и сотвори море сушу, и разступися вода.

Простре Моисей руку на море, т.-е., по повелѣнію Божію (ст. 16), поднялъ надъ моремъ свой чудодѣйственный жезлъ, который держалъ въ рукѣ. — *И возгна Господь море вѣтромъ южнымъ сильнымъ всю ношь.* Какъ только простеръ Моисей жезлъ, вдругъ, по манію Господа, поднялся сильный вѣтеръ, который продулъ всю ношь. Вѣтеръ дулъ съ юга, и потому раздѣлилъ сѣверную часть морской пучины отъ южной. Но точнѣе и понятнѣе по русскому синодальному переводу, — вѣтеръ дулъ съ востока, и потому могъ разсѣчь море поперегъ съ востока на западъ. — *И сотвори море сушу, и разступися вода.* Это значить, что вѣтеръ, раздвинувъ воды, не только обнажилъ морское дно, но и осушилъ его, такъ что можно было пройти по нему, какъ по твердой землѣ. Если это раздѣленіе морскихъ водъ произошло въ 20 верстахъ отъ сѣверной оконечности Суэцкаго рукава, противъ вышеупомянутыхъ фараоновыхъ бань, то морское дно обнажи-

лось съ запада на востокъ версты на 20. Какъ широко было разстояніе между раздѣлившимися водами? Должно думать, что оно простиралось версты на 3—4, иначе, если бы оно было гораздо уже, многочисленное израильское ополченіе, со всѣмъ хозяйствомъ, не успѣло бы совершить переходъ къ утру.

22. И видоша сынове Израилевы посредѣ моря по суху: и вода имъ стѣна бысть одесную, и стѣна ошуюю.

И вода имъ стѣна бысть одесную и стѣна ошуюю. Судя по такому положенію водъ, образовавшихъ изъ себя какъ бы каменную стѣну съ обѣихъ сторонъ, никоимъ образомъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, зараженныхъ болѣзнію чудобоязни, будто Израильтяне воспользовались отливомъ моря. Отливъ не раздѣляетъ водъ, а только обнажаетъ, и то на небольшое пространство, ближайшую къ берегу часть моря. Если бы не было никакого чуда при переходѣ Израильтянъ чрезъ Черное море, еслибы помогъ имъ въ этомъ случаѣ отливъ морской, то непонятно, почему окрестные народы могли, при слухѣ объ этомъ событіи, приходить въ волненіе (Исх. 15, 14). Хананеи знали это чудо и трепетали Израильтянъ (I. Нав. 2, 11).—Въ книгѣ Премудрости Соломоновой путь Израильтянъ по дну моря названъ полемъ злачнымъ (19, 7). Это значитъ, что дно Чернаго моря покрыто растеніями, и Израильтяне, переходя черезъ него, словно совершали прогулку по роскошному парку.

23. Погнаша же Египтяне и видоша въ слѣдѣ ихъ, ѿ всякъ конь (конница) фараоновъ, и колесницы и всадники посредѣ моря.

Должно думать, что Египтяне не въ одно время съ Израильтянами вступили на дно морское, иначе могли бы произвести замѣшательство въ ихъ рядахъ, а спустя не малое время, когда послѣдніе уже успѣли на значительное разстояніе отойти отъ берега, и когда уже престали

доходить до слуха Египтянъ голоса мнимыхъ бѣглецовъ. Не слыша этихъ голосовъ, и боясь совсѣмъ потерять Израильтянъ изъ вида, Египтяне поспѣшили вслѣдъ за ними на дно морское. Они могли надѣяться застигнуть Евреевъ еще на берегу и дно морское могли принять за продолженіе берега, не замѣчая водъ, стоящихъ стѣною одесную и ошуюю. Но въ пылу преслѣдованія они зашли гораздо дальше берега. Предсказанное Господомъ ожесточеніе фараона, желаніе во что бы ни стало отмстить Евреямъ, ускользавшимъ отъ его рукъ, такъ было сильно въ царѣ египетскомъ и его войнахъ, что помрачило въ нихъ на это время здравый смыслъ: они бросились за Евреями, не разсуждая о послѣдствіяхъ.

24. Бысть же въ стражу утреннюю, и воззрѣ Господь на полкъ египетскій въ столпѣ огненномъ и облачномъ, и смяте полкъ египетскій.

Въ стражу утреннюю. Древніе Евреи раздѣляли ночь на три части, по четыре часа въ каждой, и называли эти части стражами, или смѣнами часовыхъ. Стража утренняя соотвѣтствуетъ, по нашему счету времени, 3—6-ти часамъ утра.—*Воззрѣ Господь на полкъ египетскій.* Разумѣется гнѣвное воззрѣніе. Господь проявлялъ свой гнѣвъ изъ *столпа огненного и облачного*, посылая на Египтянъ тучи съ громами и молніями. Такъ по крайней мѣрѣ изображаетъ псалмопѣвецъ это событіе. „Облака изливали воды, тучи издавали громъ и стрѣлы (*молніи*) Твои летали. Гласъ грома Твоего въ кругѣ небесномъ; молніи освѣщали вселенную; земля содрогалась и тряслась. Путь Твой въ морѣ“ (Пс. 76, 18—20). Если слова псалмопѣвца должно понимать не въ поэтическомъ, а въ историческомъ смыслѣ, то гнѣвъ Божій на Египтянъ сопровождался также землетрясеніемъ, что подтверждается, какъ увидимъ ниже, поглощеніемъ Египтянъ землею (Исх. 15, 12). Гнѣвное воззрѣніе Божіе, сопровождаемое страшными явленіями природы, *смяте полкъ египетскій*, привело Египтянъ въ смущеніе, страхъ и замѣпательство.

25. И связа оси колесницъ ихъ, и ведяше ихъ съ нуждею. И рекоша Египтяне: бѣжимъ отъ лица Израилева, Господь бо побораеъ по нихъ на Египтяны.

И связа (Господь) оси колесницъ ихъ,—затормозилъ колесницы египетскія, такъ что полкъ египетскій *ведяше ихъ съ нуждею*, съ чрезвычайнымъ усиленіемъ двигалъ ихъ впередъ. Причиною этого было то, что дно морское, осушенное для Израильтянъ, сдѣлалось вязкимъ для Египтянъ вслѣдствіе густой и клейкой грязи, которая могла образоваться, какъ мы видѣли, отъ дождя. Самый безпорядокъ, происшедшій въ рядахъ египетскаго войска, могъ препятствовать свободному движенію колесницъ.—Египтяне рѣшились прекратить преслѣдованіе и сказали: *бѣжимъ отъ лица Израилева,*—назадъ. *Господь побораеъ по нихъ.* Египтяне узнали наконецъ, что они имѣютъ дѣло не съ Израильтянами, а съ самимъ Господомъ, противъ Котораго нельзя бороться.

26. 27. 28. И рече Господь къ Моисею: прости руку твою на море, и да совокупятся вода и да покрываетъ Египтяны, колесницы же и всадники. Простре же Моисей руку на море, и устремися вода ко дню на мѣсто. Египтяне же бѣжаша подъ водою: и истрясе Господь Египтяны посередѣ моря. И обратившися вода, покры колесницы и всадники и всю силу фараонову, вшедши (точнѣе: *вшедшихъ*) въ слѣдъ ихъ (*Евреевъ*) въ море, и не оста отъ нихъ нѣ единъ.

Египтяне вздумали было бѣжать назадъ отъ Израильтянъ, за которыми погнались по дну моря, но бѣжать было уже поздно. Они замѣтили, что находятся не на берегу,—ибо *бѣжаша подъ водою*,—подъ навѣсомъ водъ, стоявшихъ съ обѣихъ сторонъ стѣнами. Между тѣмъ Израильтяне уже выбрались на противоположный берегъ, и Моисей, по повелѣнію Божію, съ этого берега простираетъ на море свою руку съ чудодѣйственнымъ жезломъ;

вѣтеръ, который до сихъ поръ дулъ всю ночь и держалъ, силою Божіею, воды въ отвѣсномъ положеніи, утихъ, и воды, уже не сдерживаемыя вѣтромъ, хлынули въ образовавшуюся между ними пропасть. Произошелъ водоворотъ, погибельный для Египтянъ. Наступило уже утро, ибо сказано: „устремися вода на мѣсто ко дню“, т.-е. съ наступленіемъ дня. Свѣтъ утренняго солнца освѣтилъ весь ужасъ положенія, въ какомъ находились Египтяне. Силою страшнаго водоворота *Господь устраше Египтяны посреди моря*, повергъ въ море. Накрытые устремившеюся на нихъ водою, Египтяне, сидѣвшіе на колесницахъ и коняхъ, вдругъ сброшены были съ нихъ и поглощены пучиною. Всѣ погибли, такъ что некому было возвѣстить оставшимся дома о погибели.

29. 30. Сынове же Изралевы проидоша по суху посреди моря: вода же имъ стѣна бысть одесную и стѣна ошуюю. И избави Господь Израиля въ день онъ изъ руки египетскія: и видѣша сынове Изралевы Египтянъ измершихъ при краи моря.

Во сколько часовъ Израильтяне могли перейти море? Вѣтеръ, раздвинувшій воды моря, подулъ съ наступленіемъ ночи (ст. 20 и 21), слѣдственно около 7-ми часовъ вечера, ибо это было въ мартовское полнолуніе.—Воды морскія, раздѣленныя жезломъ Моисея, устремились по манію тогоже жезла на прежнее мѣсто *ко дню* (ст. 27), съ наступленіемъ дня,—слѣдственно не раньше 5—6 часовъ утра. Израильтяне уже успѣли перебраться къ этому времени на аравійскій берегъ, ибо Моисей уже съ этого берега мановеніемъ жезла своего прекратилъ раздѣленіе водъ для потопленія Египтянъ. Слѣдственно движеніе Евреевъ по обнаженному руслу моря продолжалось часовъ 10 или 11. Время совершенно достаточное для перехода отъ одного берега до другаго на двадцативерстномъ протяженіи.—Израильтяне не только спаслись отъ Египтянъ, но были еще свидѣтелями погибели ихъ: они видѣли трупы Египтянъ, выброшенные волненіемъ мор-

скимъ на край моря,—т.-е. на тотъ берегъ, на который сами благополучно перебрались.

31. Видѣ же Израиль руку великую, яже сотвори Господь Египтяномъ: и убояшася людіе Господа, и вѣроваша Богу, и Моисею угоднику Его.

Рука великая, которую видѣли Израильтяне, это—великое могущество, явленное Богомъ въ чудѣ раздѣленія моря, потопленія Египтянъ и спасенія отъ нихъ Израиля.— *Убояшася людіе Господа*, — возымѣли благоговѣніе къ Нему въ большей мѣрѣ, чѣмъ доселѣ.— *И вѣроваша Богу*, утвердились въ вѣрѣ въ Бога, какъ праведнаго Судію, показавшаго Свое правосудіе надъ притѣснителями ихъ, и какъ своего высочайшаго Благодѣтеля и Спасителя,— зная, что Ему одному обязаны своимъ спасеніемъ.— *И вѣроваши Моисею, угоднику Его*: увѣровали въ достоинство Моисея, какъ лица угоднаго Богу и близкаго Ему. Такое увѣрованіе въ Моисея было весьма важно особенно въ отношеніи къ предстоящему синайскому законодательству. Народъ приготовленъ былъ къ вѣрѣ, что это законодательство есть божественное, ибо хорошо зналъ, что посредникомъ его является лицо, достаточно засвидѣтельствованное въ томъ, что оно близко къ Богу.

32. Тогда воспѣ Моисей и сынове Израилевы пѣснь сію Господеви, и рекоша глаголюще:

Пѣснь, воспѣтая Моисеемъ и сынами израильскими по переходѣ чрезъ Черное море, содержитъ хвалу и благодареніе Господу за совершившееся чудо, и за будущія милости Господни, имѣющія открыться въ благополучномъ достиженіи Израильтянами земли Обѣтованной и въ построеніи здѣсь святилища. Священный пѣснопѣвецъ въ пророческомъ духѣ созерцаетъ эти милости въ будущемъ и изображаетъ ихъ, какъбы уже совершившіяся. Онъ знаетъ, что Господь не оставитъ не конченнымъ начатаго дѣла, ибо для того Евреи чудесно избавлены отъ руки фараона, гнавшагося за ними по дну Чермнаго моря и

здѣсь погибшаго, чтобы открыть имъ путь въ Обѣтованную землю.—*Пѣснь востъ Моисей и сынове Израилевы*: это значить, что она была воспѣта Израилтянами подъ руководствомъ Моисея. Онъ ея творецъ и онъ же диктовалъ поющимъ каждый стихъ пѣсни, подобно тому, какъ нынѣ канонархи въ монастыряхъ и соборахъ диктуютъ стихиры.—Полагаютъ, что исполненіе пѣнія этой пѣсни было антифонное, именно послѣ каждого стиха или нѣсколькихъ стиховъ, пропѣтыхъ мужскими голосами, Маріамъ, сестра Моисея, съ хоромъ женщинъ и съ тимпанами, въ видѣ припѣва повторяла (Исх. 15, 20. 21) первый стихъ пѣсни: *поимъ Господеву, славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море*.—Въ строеніи пѣсни замѣтна та особенность, свойственная еврейской поэзіи, что каждый стихъ распадается на нѣсколько членовъ, одинъ другому соотвѣтствующихъ по содержанію, одинъ для другаго служащихъ объясненіемъ или дополненіемъ.—О великой важности этой пѣсни можно судить по тому, что она послужила образцемъ для послѣдующихъ ветхозавѣтныхъ пѣсней, изображающихъ славу Господа, открывавшуюся въ торжествѣ Его надъ врагами Церкви (напр. Ис. гл. 12), также по тому, что въ православной Церкви по образцу ея составлены ирмосы и тропари первой пѣсни каждого канона,—и наконецъ по тому, что пѣснь раба Божія Моисея вмѣстѣ съ пѣснію въ честь Агнца Христа будутъ пѣть въ царствѣ славы избранные Божіи, имѣющіе побѣдить антихриста (Апок. 15, 2. 3). Послѣднее употребленіе Моисеевой пѣсни объясняется тѣмъ, что изображаемая въ ней побѣда надъ фараономъ служить образомъ побѣды надъ врагами царства Христова, имѣющей быть въ послѣдніе дни міра.

Приводимая въ пареміи пѣснь Моисея содержится въ 15-й главѣ Исхода.

Ст. 1. Поимъ Господеву, славно бо прославися. Коня и всадника вверже въ море.

Это вступительный стихъ, указывающій на главный

предметъ пѣсни. Она состоитъ въ изображеніи величія Господа, который *славно прославился* въ потопленіи Египтянъ, Который *коня и всадника вверже въ море*,—столкнулъ въ пучину морскую, отнялъ у нихъ всякую возможность спастись бѣгствомъ.

2. Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе. Сей мой Богъ и прославлю Его, Богъ отца моего, и вознесу Его.

Бысть мнѣ во спасеніе. Кому: мнѣ? Всему израильскому народу. Весь народъ, какъ бы одно лицо, милліонами устъ исповѣдуетъ, что онъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ руки Египтянъ единственно Господу: Онъ, одинъ Онъ, явился помощникомъ и покровителемъ мнѣ.—*Сей мой Богъ, и прославлю Его.* Какъ Онъ усвоилъ меня себѣ, сдѣлалъ меня своимъ народомъ, по особенной милости ко мнѣ, такъ и я Его только буду знать, какъ моего Бога, и Его одинаго прославлять, отвергая другихъ боговъ.—*Богъ отца моего, и вознесу Его:* Онъ—тотъ самый Богъ, Которому служилъ родоначальникъ мой Авраамъ. Ему и я буду служить и превозносить Его, видя надо мною исполненіе обѣтованій, данныхъ Аврааму. Онъ предрекъ Аврааму, что произведетъ судъ надъ народомъ, у котораго потомки его будутъ въ порабощеніи, и что они переселятся въ землю Ханаанскую (Быт. 15, 14). Первая часть сего предреченія исполнилась; несомнѣнно уповаю, что исполнится и послѣдняя.

3. Господь сокрушай брани, Господь имя Ему, колесницы фараоновы и силу (военную) его вверже въ море.

Господь сокрушай брани: Онъ обращаетъ въ ничто всѣ воздвигаемыя противъ Него враждебныя движенія. *Господь имя Ему:* Ему одному принадлежитъ имя Господа, ибо Онъ одинъ есть то, чѣмъ именуется.

4. 5. Избранныя всадники тристаты потопа въ

Чернѣмъ мори. Пучиною покры ихъ, погрязоша во глубинѣ яко камень.

Въ Черномъ морѣ погибъ цвѣтъ фараонова войска: отборные всадники изъ числа тристатовъ, высокихъ чиновъ при государѣ *). Несмотря на всё ихъ усилія спастись отъ потопленія, они пошли ко дну, словно тяжелый камень.

6. 7. Десница Твоя, Господи, прославися въ вѣрности. Десная Твоя рука сокруши враги, и множествомъ славы Твоея стерль еси сопротивныхъ.

Въ сихъ словахъ Господь изображается подъ видомъ воителя, дающаго знать врагамъ своимъ крѣпость десной руки своей, нещадно поражающей ихъ. Подъ *множествомъ славы*, которою Господь стеръ сопротивныхъ, разумѣется множество, или неистощимый запасъ славной, неодолимой силы Его.

8. Послалъ еси гнѣвъ Твой, пояде я, яко стебле, и духомъ ярости Твоея разступися вода. Огустѣша, яко стѣна воды, огустѣша и волны посреде моря.

Гнѣвъ Божій на Египтянъ представляется подъ образомъ пламени пожирающаго стебле, — солому. Можно впрочемъ и въ буквальномъ смыслѣ понимать это мѣсто, если взять во вниманіе молніи, блиставшія изъ тучъ, или изъ облачнаго столпа, и разившія Египтянъ (см. выше гл. 14, ст. 24). — *Духомъ ярости твоя разступися вода.* Воды Чермнаго моря разступились для спасенія Евреевъ и для погубленія Египтянъ. Въ отношеніи къ послѣднимъ воды разступились по дѣйствию *ярости*, т.-е. сильнаго гнѣва Божія. Вѣтеръ, раздѣлившій море, называется здѣсь челоуѣкообразно *духомъ*, т.-е. дыханіемъ этой ярости. Гос-

*) Нѣкоторые подъ грстатами разумѣютъ тронхъ воиновъ колесничныхъ, о которыхъ была рѣчь выше (14. 6). Но о нихъ нельзя было сказать, что они *надъ всѣми*, какъ сказано выше, т.-е. начальствовали надъ всѣми. Нельзя же думать, что всё колесничные воины быди начальниками.

подъ во гнѣвѣ Своемъ на Египтянъ дунуль на воды,—и онѣ разступились для того, чтобъ завлечь ихъ на осушенное морское дно, и здѣсь, какъбы въ западнѣ, всѣхъ погубить.—*Опустыша, яко стѣна, воды:* разступившіяся воды приняли видъ сгустившагося молока, и образовали подобіе стѣнъ посреди моря.

9. Рече врагъ: гнавъ постигну, раздѣлю корысть, исполню душу мою, убію мечемъ моимъ, господствовать будетъ рука моя.

Въ сихъ словахъ изображается мстительность и корыстолюбіе фараона. Онъ мечталъ не только возвратить господство надъ мнимыми бѣглецами посредствомъ кровопролитія, но и обогатиться вмѣстѣ съ своими сподвижниками добычею отъ нихъ и ею исполнить душу свою, т.-е. насытить алчность свою къ корысти.

10. Послалъ еси духа твоего, покры я море: погрязоши яко слово въ водѣ зѣльнѣй.

Послалъ еси духа твоего, покры я море. Одно дуновение, или мановенія твоего достаточно было, чтобы стѣны водъ морскихъ, между которыми безопасно прошли Израильтяне, обрушились на Египтянъ и покрыли ихъ, чтобы они потонули, какъ свинець въ водѣ зѣльнѣй,—бурной.

11. Кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи? Кто подобенъ Тебѣ? Прославленъ во святыхъ, дивенъ въ славу, творай чудеса.

Кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи?—Торжество Господа надъ Египтянами, язычниками по вѣрѣ, есть торжество истинной вѣры надъ ложными. Только истинный Богъ могъ совершить чудо потопленія Египтянъ и спасенія Евреевъ. Мнимые боги язычниковъ ничего подобнаго сдѣлать не могутъ.—*Прославленъ во святыхъ:* Ты, Господи, преславнѣе всего, что называется святымъ, или священнымъ, въ мірѣ ангельскомъ и человѣческомъ, на небѣ и на землѣ.—*Дивенъ въ славу* (εὐδοξία): Ты достоинъ удивленія и благоговѣнія паче всего, что есть

славнаго на землѣ и на небесахъ.—*Твориши чудеса: Тебѣ одному свойственно творить чудеса.*

12. Простерлъ еси десницу, пожре я земли.

По одному мановенію грозной десницы Твоей, не только вода потопила Египтянъ, но и земля разверзлась подъ водою и потопила многихъ изъ нихъ. — Намекъ на землетрясеніе, которое должно предполагать, какъ мы выше замѣтили, на основаніи словъ псалмопѣвца (Псал. 76, 17. 20).

Въ остальныхъ стихахъ содержится пророчество о благотворныхъ послѣдствіяхъ, для Израильтянъ, чудеснаго перехода ихъ чрезъ Черное море. Прославивъ Господа за избавленіе ихъ отъ фараона, Моисей прославляетъ Его также за приведеніе ихъ къ Обѣтованную землю. Это случится еще не скоро, но Моисей, какъ пророкъ, такъ увѣренъ въ событіи, имѣющемъ совершиться чрезъ 40 лѣтъ, что изображаетъ его, какъ совершившееся.

13. Наставилъ еси правдою Твоею люди Твоя сія, яже избавилъ еси.

Наставилъ еси (ωδῆγησας) *люди Твоя сія, яже избавилъ еси:* Ты, Господи, путеводствовалъ въ Обѣтованную землю избавленный Тобою отъ руки фараоновой народъ. *Правдою Твоею,*—во исполненіе обѣтованій Твоихъ о наслѣдованіи этимъ народомъ земли Ханаанской, чтобы всѣ видѣли, какъ истинны Твои обѣщанія. Ты самымъ дѣломъ оправдалъ данное Тобою о семъ слово.—*Люди Твоя.* Израильтяне всегда были Твоими, преимущественно предъ прочими народами, людьми, какъ избранные для храненія истиннаго богопочтенія. Но наипаче они стали Твоими, Твоимъ особеннымъ удѣломъ, или наслѣдіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ Ты избавилъ ихъ отъ неволи египетской.

14. Утѣшилъ еси крѣпостію Твоею въ обитель святую Твою. Слышаша языцы, и прогнѣвашася, болѣзни пріяша живущіи въ Филистимѣ.

Утѣшилъ еси (παρηχλεσας призывалъ) *въ обитель свя-*

тую Твою. Подъ святою обителью, т.-е. обиталищемъ Божиимъ, въ которое призваны Господомъ люди израильскіе, разумѣется земля обѣтованная, которая есть поистинѣ святая обитель Божія, потому что въ ней Онъ многократно являлся Аврааму, Исааку и Іакову; въ ней они созидали Ему жертвенники и приносили жертвы; въ ней совершаемо было служеніе Ему въ скинии и потомъ въ храмъ Соломоновомъ, который поистинѣ былъ мѣстомъ селенія славы Его;—въ ней вообще Онъ обиталъ среди избраннаго народа, какъ царь среди подданныхъ. Въ эту святую землю Господь призоветъ народъ свой *крѣпостію Своею*,—силою Своею.—*Слышаша языцы и прогнѣвашася.* Слухъ о чудесахъ силы Божіей, какими сопровождалось исшествіе Израильтянъ изъ Египта, странствованіе ихъ по аравійской пустынѣ,—дойдетъ до языческихъ народовъ, пограничныхъ съ ханаанскою страной, и до жителей ея,—и приведетъ ихъ въ негодованіе. Тѣ и другіе будутъ озлоблены тѣмъ, что въ средѣ однихъ и въ сосѣдствѣ другихъ будетъ искать водворенія народъ, сопротивленіе которому не обѣщаетъ успѣха.—*Большии пріяша (объяли) живущіи въ Филлистимъ.* Даже Филлистимляне, народъ весьма воинственный, при слухѣ о приближеніи къ Ханаанской землѣ Израильтянъ, испытаютъ *большии*, точнѣе муки рожденія (*ωδύνης*),—т.-е. душевную муку, о тяжести которой можно судить по сравненію съ муками родильницы.

15. Тогда потщашася владыки Едомстии и князи Моавитстии, пріять я трепеть. Растаяша вси живущіи въ Ханаанѣ.

Потщашася (εσπεύσαν) поторошились) владыки едомстии и князи моавитстии. При слухѣ о приближеніи Израиля къ предѣламъ ихъ владѣній произойдетъ между ними торопливое, безпокойное движеніе, соединенное съ незнаніемъ, что предпринять.—*Пріять я трепеть.* Близость опасности приведетъ ихъ въ трепеть (Второз. 2, 4). Особенно овладѣетъ онъ Моавитянами. Они, какъ извѣстно, до того испу-

гались Израильтянъ, что послали въ Месопотамію за пророкомъ Валааомомъ, чтобы онъ пришелъ къ нимъ и проклялъ Израиля (Числ. 22, 3. 5).—*Растаяша вси живущіи въ Ханаанъ*: они придуть въ изнеможеніе, разслабѣютъ духомъ и тѣломъ. Приближеніе къ нимъ Израильскаго народа, какъ извѣстно, повергло ихъ въ робость и уныніе потому, что до нихъ дошло извѣстіе не только о чудесномъ переходѣ Израильтянъ чрезъ Черное море, но и о томъ, какъ они истребили царей амморейскихъ Ога и Сіона, вздумавшимъ было имъ сопротивляться (I. Нав. 2, 9. 10).

16. Да нападетъ на ня страхъ и трепеть, величіемъ мышцы Твояе да окаменятся, дондеже пройдутъ людіе Твои, Господи, дондеже продуять людіе твои сіи, яже стяжалъ еси.

Пѣснопѣвецъ въ виду того впечатлѣнія, которое произведено будетъ на языческіе народы приближеніемъ къ ихъ предѣламъ Израильтянъ, просить Господа, чтобы это впечатлѣніе продлилось до тѣхъ моръ, пока не дойдутъ Евреи до назначеннаго имъ мѣста обитанія. Пусть *нападетъ на нихъ*, на языческіе народы ханаанскіе и сопредѣльные съ ними, *страхъ и трепеть*, и пусть подъ вліяніемъ этого страха и трепета они *окаменятся*, т.-е. сдѣлаются неподвижными, какъ камень, предъ величіемъ *мышцы*, т.-е. всемогущей, неодолимой силы Твоей, защищающей народъ Твой,—и пусть въ этомъ положеніи останутся, не предпринимая ничего для противодѣйствія Израилю, до тѣхъ поръ, пока люди твои, которыхъ *ты стяжалъ*, приобрѣлъ въ собственность по праву освободителя ихъ отъ египетской неволи, не пройдутъ въ обѣтованную имъ землю и не водворятся въ ней.—Сила Господня названа *мышцею* по сравненію съ человѣческою физическою силою, которая заключается преимущественно въ крѣпости мышцы (1 Цар. 2, 31).

17. Введъ насади я въ гору достоянія Твоего, въ

готовое жилище Твое, еже содѣлалъ еси, Господи, святыню, Господи, юже уготовастъ рудѣ Твои.

Пѣснопѣвецъ сравниваетъ израильскій народъ съ растеніемъ, которое изъ одного мѣста пересаживаютъ въ другое. Подобно сему въ псалмѣ 79-мъ (ст. 9—12) тотъ же народъ изображается подъ образомъ виноградной лозы, перенесенной Господомъ изъ Египта, посаженной на очищенномъ для нея мѣстѣ въ Ханаанской землѣ, тѣнью своею покрывшей горы ея, вѣтви свои пустившей до моря (Средиземнаго), и отрасли свои до рѣки (Евфрата). Пѣснопѣвецъ Моисей проситъ Господа ввести и насадить израильтянъ *въ гору достоянія Своего*, подъ которою, какъ видно изъ послѣдующихъ соотвѣтствующихъ словъ, разумѣется гора храма—Морія. Она называется *горю достоянія*, или наслѣдственнаго удѣла Господня, потому, что, какъ сейчасъ увидимъ, еще со времени Авраама сдѣлалась священнымъ мѣстомъ.—Израильтяне *насаждены*, или водворены были, во всей Обѣтованной землѣ; но корень ихъ существованія, какъ народа богоизбраннаго и священнаго, былъ на горѣ храма. Весь смыслъ его бытія заключался въ вѣрованіи въ единаго истиннаго Бога, въ сохраненіи истиннаго богопочтенія, средоточіемъ котораго былъ храмъ. Охлажденіе усердія къ храму означало упадокъ въ народѣ истинной вѣры, и съ нею упадокъ народа въ нравственномъ и гражданскомъ отношеніи. Только „насажденные въ домъ Господнемъ цвѣтутъ во дворахъ Его“ (Псал. 91, 14). И объ этомъ-то *насажденіи*, или укорененіи народа въ преданности храму и въ благочестіи пѣснопѣвецъ умоляетъ Господа.—*Въ готовое жилище Твое, еже содѣлалъ еси, Господи*. Храмъ на горѣ Моріи называется *готовымъ жилищемъ Господнимъ* въ томъ смыслѣ, что гора храма заранѣе была предъуготовлена къ этому назначенію жертвоприношеніемъ на ней Исаака (Быт. 22, 13) *) Этотъ же храмъ называется далѣе *святынею*, или святы-

*) См. въ нашей книгѣ: „Пареміи изъ книги Бытія“, стр. 241.

лицемъ Господнимъ, ради приносимыхъ въ немъ жертвъ. Это святилище *уготовали руки Господни*. Оно имѣло быть создано руками человѣческими, но онѣ въ семь случаевъ будутъ только орудіемъ рукъ Божіихъ,—воли Господа.

18. Господь царствующій вѣки, и на вѣкъ, и еще.

Этими словами, содержащими исповѣданіе вѣчной царской власти Господа, заключается пѣснь Моисея. Господь есть царь по всей землѣ, но ближайшимъ царственнымъ удѣломъ Его служить избранный народъ, составляющій его священное царство (Исх. 19, 6). Господь царствуетъ вѣчно, потому что самъ вѣченъ, и потому что царство Его, водворившееся на землѣ среди избраннаго народа, будетъ продолжать свое существованіе въ новозавѣтной Церкви до скончанія вѣка.

19. Егда вниде конница фараонова съ колесницами и всадники въ море: и наведе на нихъ Господь воду морскую. Сынове же Израилевы проидоша посуею посредѣ моря.

Въ этомъ стихѣ, не относящемся къ составу Моисеевой пѣсни, повторяется то событіе, которое воспѣвается въ ней.

Почему разсмотрѣнная паремія читается на вечернѣ въ великую субботу?—Потому, что описываемое и воспѣваемое въ ней событіе спасенія Израильтянъ служить образомъ спасительной для насъ смерти и воскресенія Христова, прославляемыхъ въ службѣ этой вечерни. Фараонъ и Египтяне, преслѣдовавшіе Израильтянъ, это образъ діавола и аггеловъ его, враждебныхъ человѣку. Для фараона и Египтянъ послужило гробомъ Черное море. Во гробѣ Христовомъ нашли себѣ погибель діаволь и аггелы его. Израильтяне въ глубинѣ Чернаго моря крестились, по слову апостола, въ Моисея (1 Кор. 10, 1), т.-е. укрѣпились въ вѣрѣ въ него, какъ своего богоиз-

браннаго вождя и избавителя. Подобно сему и мы, въ таинствѣ крещенія погружаясь въ смерть Христову, запечатлѣваемъ свою вѣру во Христа, какъ Вождя нашего спасенія. Въ глубинѣ моря Израильтяне нашли себѣ спасеніе отъ преслѣдующихъ враговъ. Вѣрующіе во Христа въ купели крещенія, какъ въ гробѣ Христовомъ, который она образуетъ, находятъ себѣ не только спасеніе отъ невидимыхъ враговъ своего спасенія, духовъ злобы, но вмѣстѣ очищеніе отъ грѣховъ. Моисей, невредимо вышедшій изъ Чермнаго моря на противоположный берегъ, есть образъ Христа, невредимо изшедшаго изъ гроба чрезъ воскресеніе. Вышедшіе цѣлыми и невредимыми изъ моря Израильтяне суть образъ вѣрующихъ, совоскресающихъ со Христомъ при выходѣ изъ купели крещенія. Самый крестъ Христовъ предъизображенъ былъ въ продольной своей части ртзсѣченіемъ моря чрезъ жезлъ Моисеевъ, а въ поперечной — соединеніемъ, чрезъ тотъ же жезлъ, раздѣленныхъ водъ *). Радость Израильтянъ, по переходѣ чрезъ Черное море, и ихъ торжественная пѣснь благодаренія и прославленія Богу Спасителю есть образъ радости и торжества вѣрующихъ, празднующихъ воскресеніе Христово.

Первая часть той же пареміи, содержащая повѣствованіе о потопленіи въ Черномъ морѣ фараона и Египтянъ и о спасеніи отъ нихъ Израильтянъ, входитъ также въ составъ вечерней службы 27 іюня на воспоминаніе побѣды подъ Полтавою. Это потому, что въ этой побѣдѣ Господь „прославился ничимъ же меньше отъ прежнихъ: иже бо древле гордаго фараона погрузи въ Чермнѣмъ мори, сей и нынѣ равнаго фараону гордостію и суровствомъ въ чермнѣмъ крови воевъ его потопа мори сопротивнаго“. Стихиры на Господи воззвахъ въ службѣ 27 іюня.

*) Ирмосъ 1-й пѣсни канона на Воздвиженіе: „Крестъ начертавъ Моисей прямо (въ прямоту) жезломъ, Чермное пресѣче; той же обратно (противъ) фараоновымъ колесницамъ ударивъ совокупи, вопреки написавъ (въ широту изобразивъ) непобѣдимое оружіе“.

Часть той же пареміи, Исх. 14, 15—29, читается на Богоявленіи на томъ основаніи, что, по выраженію церк. пѣснопѣвца (1-й канонъ на Богоявл. п. 7), Чермное море и облако прообразовали божест. крещеніе: одно было образомъ воды, другое—Духа.

Прот. Вас. Нечиевъ.

Пустынникъ Григорій Агаѳоновъ.

Исторія прежнихъ временъ представляетъ намъ много примѣровъ пустынножительства. Такими примѣрами наше время не богато, но все-таки, хотя въ маломъ числѣ, они по временамъ встрѣчаются, какъ бы во свидѣтельство, что еще не совсѣмъ прошло время для пустынножительскаго подвижничества. Донынѣ есть лѣсныя мѣста, въ которыхъ прославляется имя Божіе устами уединившихся въ нихъ мужей, ищущихъ единого на потребу. Мы сообщимъ здѣсь объ одномъ изъ такихъ пустытниковъ, намъ хорошо извѣстномъ, Григоріи Агаѳоновичѣ, который на 82 году своей жизни 15 января сего 1874 года скончался въ лѣсахъ Днѣпрія, Осташковскаго уѣзда *).

Пустынникъ нашъ былъ изъ простолюдиновъ, довольно грамотный. Съ юныхъ лѣтъ онъ былъ пастухомъ. Григорій Агаѳоновъ былъ круглый бездомный сирота, которому для поддержанія своего существованія ничего болѣе не оставалось, какъ только заняться пасеніемъ чужаго скота. Скотъ пасъ онъ по преимуществу у помѣщика Панихина и крестьянъ деревни Днѣпрія. Бывало пригонять скотъ въ деревню, а самъ на ночлегъ удалится въ лѣсъ, гдѣ въ выкопанной имъ землянкѣ, проводилъ ночи въ богомыслии и молитвѣ. Сначала со стороны помѣщика Панихина и крестьянъ не было обращено особеннаго вниманія на такую привычку своего пастуха, но потомъ за удаляющимся въ землянку былъ устроенъ при-

*) Деревня Днѣпрія отъ г. Осташкова отстоитъ воднымъ путемъ на 15, а сухопутнымъ на 35 верстъ.

смотря и выслѣжены были въ ней ночныя его дѣйствія. Назначенные соглядатаи каждый разъ въ землянкѣ заста-вали Григорія на колѣняхъ въ молитвенномъ положеніи; часто онъ молился здѣсь среди лужи сточной воды, но молодой пастухъ на эту невыгоду мало обращалъ внима-нія; молитва же у него всегда продолжалась цѣлую ночь до самаго разсвѣта, отчего крестьяне и самъ помѣщикъ приходили въ изумленіе. На 43 году жизни Григорій АгаѦоновъ оставляетъ свой пастушескій промыселъ и посвящаетъ себя исключительно служенію единому Богу. Ни помѣщикъ, ни крестьяне, изъ уваженія къ его благочестивому настро-енію, не воспрепятствовали удаленію Григорія въ смеж-ный съ деревнею Дибпріемъ лѣсъ, въ коемъ онъ избира-етъ самую глухую мѣстность и поселяется на ней.

Мѣсто, которое онъ избралъ, былъ небольшой холмикъ, окруженный со всѣхъ сторонъ болотомъ и густою чащею лѣса; на этомъ холмикѣ устроилъ пустынникъ для себя землянку и въ ней съ полнымъ самоотверженіемъ обрекъ себя на всѣ невзгоды и нужды, съ какими бы ему ни при-шлось встрѣтиться. Въ своей землянкѣ Григорій первую зиму проводилъ въ крайнемъ воздержаніи, питаясь един-ственно собранными имъ осенними быліями, но и ихъ упо-треблялъ онъ съ большою бережливостію, такъ какъ у не-го подъ рукою такихъ былій было не очень много. Безъ всякаго сомнѣнія крестьяне не отказали бы Гри-горію въ ломтѣ хлѣба, еслибъ знали его мѣстопребываніе, открытія котораго однакожь не желалъ пустынникъ при всѣхъ претерпѣваемыхъ имъ нуждахъ, стараясь сколько возможно скрывать себя отъ сельскихъ обитателей.

„Первая зима, говорилъ мнѣ пустынникъ, въ землянкѣ показалась мнѣ страшно тягостною; сырость и холодъ проникали меня до костей; голодь, при всемъ мною усво-енномъ навыкѣ къ воздержанію, до крайности томилъ меня; я изнемогалъ тѣломъ, но душою старался бодрствовать и все болѣе углублялся въ молитву ко Пресвятой Дѣвѣ“.

Съ открытіемъ весны, въ деревнѣ Дибпрія произошелъ

падежь скота. Случай этотъ крестьянъ очень встревожилъ. Тогда они вспомнили о Григоріи Агаѳоновѣ, при которомъ никогда не случалось съ ихъ скотомъ такого несчастья. Крестьяне рѣшились отыскать Григорія и попросить у него совѣта о средствахъ противъ болѣзни скота. Одному изъ посланныхъ въ лѣсную чащу для отысканія его, вздумалось зайти на холмикъ, гдѣ пребывалъ пустынный. Послѣдній въ то время отъ голода находился въ сильной борьбѣ между мыслию покинуть свое жилище и мыслию не оставлять его до самой смерти; пустынный, мучимый этими мыслями, выпелъ изъ своей землянки на открытый воздухъ, чтобы имъ немного освѣжиться; тутъ неожиданно онъ встрѣчается съ крестьяниномъ, и оба они, какъ знакомые, обрадовались одинъ другому.

Пустынный сказалъ мнѣ: „Крестьянинъ ужаснулся при видѣ моей исхудалости, но не спросилъ меня о причинѣ оной; это безучастіе я приписалъ его горю о скотинѣ, которымъ были заняты всѣ мысли его. Первымъ моимъ желаніемъ при встрѣчѣ съ нимъ было попросить у него немного хлѣба, для утоленія сколько-нибудь голода, но ради страха Божія, я удержался отъ этой просьбы“.

Когда крестьянинъ сообщилъ Григорію о горѣ крестьянъ и спросилъ его, непоможетъ ли онъ имъ въ этой бѣдѣ, пустынный посоветовалъ крестьянину гонять на пастбище скотъ въ другое поле, а не на то, на которомъ до тѣхъ поръ пасся, хотя растительностію первое было скуднѣе послѣдняго. Совѣтъ этотъ крестьянами деревни Днѣпрія былъ принятъ, и падежь скота прекратился. Помѣщикъ Панихинъ и крестьяне вполнѣ успокоились. Относя прекращеніе падежа скота къ дѣйствию молитвы Григорія, крестьяне въ знакъ своей къ нему признательности, съ дозволенія своего помѣщика, осенью того же года, выстроили на сказанномъ холмѣ пустынному небольшой домикъ для пребыванія ему въ немъ на спасеніе своей души, и предложили ему снабжать его пищею. „Но, сказалъ мнѣ пустынный, когда мнѣ сдѣлано было такое

человѣколюбивое предложеніе, я пришелъ въ страхъ. Я боялся, чрезъ эту ихъ милость не впасть бы въ сѣти діавола, и только испытанный мною голодъ заставилъ меня согласиться на ихъ предложеніе; впрочемъ изъ всего приносимаго мнѣ я принималъ только небольшой ломтикъ хлѣба, которымъ располагалъ я такъ, что мнѣ его доставало на все недѣльное пропитаніе; силы мои, при употребленіи хлѣба съ водою, возстановились и я понялъ, что смертному невозможно обходиться безъ хлѣба“.

Григорій Агаѣоновичъ свое молитвенное бдѣніе постоянно сообразовалъ съ звономъ Ниловской пустыни *), гдѣ утренняя служба начинается въ два часа утра. Онъ читалъ и пѣлъ всю службу монастырской утрени, всегда продолжающуюся четыре часа; потомъ садился за Четъ-минею и прочитывалъ въ ней многія мѣста изъ житій святыхъ.

„Чтеніе житій святыхъ, говорилъ онъ мнѣ,—меня много на пути спасенія поддерживаетъ и ободряетъ. При тѣлесномъ утомленіи и душевномъ возмущеніи, я всегда находилъ въ Четъ-минее и подкрѣпленіе, и духовное успокоеніе“.

Пустынникъ имѣлъ у себя Ветхій и Новый завѣтъ, псалтырь, четъ-минею, каноникъ, святцы и другихъ названій книги. Таковыми книгами наиболѣе снабдилъ его одинъ изъ странниковъ. Когда послѣдній отдавалъ Григорію книги свои, и когда пустынникъ сказалъ ему: а какъ же ты останешься безъ книгъ,—то странникъ отвѣчалъ: объ этомъ не безпокойся, добрыхъ людей много, они не откажутся меня снабдить ими.

Строгая жизнь Григорія Агаѣоновича обратила вниманіе покойнаго настоятеля Ниловской пустыни архимандрита Юсафа и послѣ него преемника его, нынѣшняго настоятеля Арсенія; оба они очень благоволили къ нему и уважали его за благочествую жизнь.

*) Она находилась отъ жилища пустынника на расстояніи 4 верстъ.

Пустынникъ зналъ свойства и цѣлебность многихъ травъ и предлагалъ ихъ крестьянамъ, когда они докучали ему о своихъ немощахъ. Его также посѣщали многіе изъ дворянъ, духовныхъ и купцовъ, но посѣтители очень тяготили его.

„Я зналъ, говорилъ мнѣ онъ, что многіе изъ этихъ господъ посѣщаютъ меня изъ одного любопытства и даже затѣмъ, чтобы поглумиться надо мною, а не затѣмъ чтобы узнать настроеніе моей души и изъ того дознать благодать ига Господа Іисуса“.

Впрочемъ не обо всѣхъ посѣтителяхъ пустынникъ такъ относился; изъ нихъ онъ особенно уважалъ оставковскаго купца Алексѣя Михайловича Мосягина и купчиху Ирину Петровну Губочкину; у послѣдней онъ постоянно останавливался, когда приходилъ въ городъ для пріобщенія святыхъ таинствъ.

„Эти люди—добрые, говорилъ Григорій Агаоновичъ; они чрезъ благотворенія свои пріобрѣтаютъ себѣ друзей для вѣчной жизни.“

Замѣчательно, что выше-сказанныя особы современнаго знакомства ихъ съ пустынникомъ, дотолѣ не богатая, весьма поправились и Губочкина доселѣ утверждаетъ, что она своимъ настоящимъ положеніемъ обязана молитвамъ Григорія пустынника.

Отъ посѣтителей Григорій Агаоновичъ не принималъ никакихъ приношеній, кромѣ масла деревяннаго и восковой свѣчи. Если же и соглашался на принятіе отъ иныхъ другаго какого-либо приношенія, то такое сейчасъ отдавалъ первому изъ бѣдныхъ посѣтителей. Несмотря на то, были люди, которые сумѣли перетолковать принятіе отъ посѣтителей приношеній въ худую сторону,—обвиняли его въ любостыжательности и считали его зажиточнымъ. Вслѣдствіе таковыхъ толковъ, распространяемыхъ неблагонамѣренными, нашлись люди, которые рѣшились ограбить пустынника и въ одну изъ зимнихъ ночей,

явились къ нему съ требованіемъ выдачи имъ всего того, чѣмъ онъ владѣетъ.

Пустынникъ говорилъ мнѣ: „никакія клятвенныя завѣрія мои не могли ихъ убѣдить въ томъ, что у меня не имѣется ничего, и когда даже палочными побоями, нанесенными мнѣ, не могли ничего добиться отъ меня, тогда сами приступили къ обыску моей хижины и, не нашедши ничего, чего они желали, съ ругательствомъ удалились, оставивъ меня почти до полусмерти избитаго“.

Этотъ поступокъ грабителей, сдѣлавшійся извѣстнымъ всему городу, переходилъ изъ устъ въ уста съ различными замѣчаніями или противъ Григорія АгаѦоновича, или въ защиту его нравственной чистоты. Но дальнѣйшая жизнь, въ особенности его смерть показала, какъ чуждъ онъ былъ любостыжанія.

Въ бесѣдѣ моей съ нимъ однажды коснулась у насъ рѣчь и о дѣйствіяхъ злыхъ духовъ на подвизающихся въ молитвѣ. Пустынникъ мнѣ сказалъ: „во время ночныхъ молитвъ мнѣ не приходилось бороться съ какими-либо привидѣніями, но я многократно подвергался безпричинному страху во время молитвы и приходилъ въ такое смущеніе, что отъ ужаса не могъ даже губами пошевелить, не только произнести какое либо молитвенное слово. Такъ бывало со мною прежде долгое время, но теперь, по милости Божіей, этаго со мною не случается. Впрочемъ послѣ молитвы въ почное время, во время чтенія какой либо изъ духовныхъ книгъ, мнѣ не разъ приходилось видѣть у окна своего медвѣдя или волка, заглядывавшихъ въ окно; сначала я ихъ принималъ за дѣйствительныхъ звѣрей, но послѣ дознался, что это не что иное было, какъ дѣйствіе злыхъ духовъ, которыхъ прогонялъ я крестнымъ знаменіемъ“.

Пустынникъ Григорій повидимому имѣлъ даръ прозорливости. Такъ однажды онъ мнѣ не посовѣтовалъ выѣзжать изъ города и не вступать ни въ какое дѣло до тѣхъ поръ, пока я не укрѣплюсь въ своемъ здоровьѣ. Когда

говорилъ онъ это мнѣ, я былъ здоровъ и подивился словамъ его; но когда меня постигла болѣзнь, до крайности упорная, тогда только я убѣдился, что своимъ совѣтомъ онъ предостерегалъ меня отъ могущаго быть разстройства въ моихъ дѣлахъ, если я поспѣшу заняться, не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни.

Послѣдніе годы своей жизни Григорій Агаѳоновичъ провелъ мирно въ своей хижинкѣ. За три дня до кончины своей онъ чрезъ посланнаго пригласилъ къ себѣ настоятеля Житенскаго монастыря, отца игумена Мартирія, для приобщенія его Святыхъ Тайнъ. Когда о. игумень прибылъ къ нему, то засталъ Григорія Агаѳоновича за помѣшиваніемъ перегоравшихъ головней въ своей лежанкѣ. Увидѣвъ игумена, пустынный очень обрадовался приходу его и обратившись къ иконамъ, въ умиленныхъ словахъ возблагодарилъ Господа, что Господь услышалъ его молитву и не оставилъ его умереть безъ покаянія и приобщенія Св. Тайнъ. Послѣ сего у отца игумена съ Григоріемъ Агаѳоновичемъ была краткая бесѣда; о. игумень не могъ догадаться о близости кончины своего духовнаго сына, потому что ему онъ показался довольно еще бодрымъ; но среди этой бесѣды съ пустынникомъ, о. Мартирій по непонятному какому-то побужденію, даже какъ бы противъ желанія своего, вздумалъ попросить у него одну изъ его иконъ на память себѣ. Лицо пустытника приняло задумчивый видъ, и по минутномъ молчаніи онъ отвѣчалъ отцу игумену: „на что ему она?—Не одна икона, прибавилъ старецъ, но всѣ мои иконы скоро будутъ въ вашемъ распоряженіи“. Впрочемъ тутъ же снялъ съ полки икону Божіей Матери и вручилъ отцу игумену *).

Кончина пустытника Григорія Агаѳоновича произошла безъ свидѣтелей. Когда одна изъ крестьянокъ, временно прислуживавшая ему, на третій день послѣ игуменскаго посѣщенія, пришла къ старцу Григорію, то нашла его на своемъ дощатомъ ложѣ уже скончавшимся.

*) Все выше изложенное мнѣ передалъ о. игумень.

Григорій АгаѢоновичъ завѣщаль тѣло его похоронить въ Осташковскомъ Житенскомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ мѣста его пустынно-жительствовапія на пятнадцать верстѣ. Въ выносѣ тѣла почившаго принималъ участіе настоятель Ниловской пустыни архимандритъ Арсеній съ нѣсколькими братіями, и проводилъ оное до Рожковскаго села верстѣ на пять, а на остальномъ пути, при большемъ стеченіи крестьянъ, сопровождала тѣло пустынника Житенская братія до своего монастыря, гдѣ на пятый день кончины его, т.-е. 20 января, въ главномъ храмѣ отцемъ настоятелемъ Мартиріемъ съ малою своею братією совершена была заупокойная литургія съ отпѣваніемъ по почившемъ труженикѣ Григоріи, и затѣмъ тѣло его предано было землѣ на братскомъ кладбищѣ.

Во всѣ дни, пока тѣло покойнаго до отпѣванія находилось въ храмѣ, перебывало много гражданъ въ монастырѣ для отдапія послѣдняго поклона почившему, а на отпѣваніи, кромѣ городскихъ жителей, было много крестьянъ, собравшихся изъ окрестныхъ деревень. Купчиха Ирина Петровна Губочкина, въ память почившаго, устроила въ игуменскихъ кельяхъ для монашествующей братіи поминальный обѣдъ, въ которомъ также участвовали многіе изъ горожанъ, и всѣ издержки по похоронамъ она приняла на себя.

Пустынникъ Григорій АгаѢоновичъ былъ небольшаго роста, съ кроткими чертами лица, съ живыми свѣтлосѣрыми глазами, безъ волосъ на головѣ и съ рѣдѣнькою бородкою; онъ немного на лѣвую ногу прихрамывалъ. Постоянною, неизмѣнною верхнею его одеждою былъ черный нанковый халатъ, поверхъ котораго подпоясывался кожанымъ поясомъ. Григорій АгаѢоновичъ въ уединенной жизни, среди густаго лѣса и болотъ, въ молитвенномъ бдѣніи и постѣ провелъ до сорока лѣтъ; онъ при жизни своей пользовался названіемъ „отца“, и этого названія Григорій АгаѢоновичъ вполне былъ достоинъ.

Василій Дрызловъ.

С Л О В О

ВО ВРЕМЯ КРЕСТНАГО ХОДА ИЗЪ СКИТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ МОНАСТЫРЬ, ПРЕДЪ ПЕЩЕРОЮ ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ, СКАЗАННОЕ ЛЕОНИДОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ДМИТРОВСКИМЪ, 17 ЮЛЯ 1873 ГОДА.

„Велій Господь и хваленъ зѣло во градѣ Бога нашего, въ горѣ святѣй Его“
(Пс. 47, 1).

Въ нашей странѣ нѣтъ величественныхъ горъ и такихъ поразительныхъ видовъ природы, какими восхищаются путешественники въ другихъ странахъ, въ предѣлахъ и за предѣлами отечества нашего. Въ замѣнъ, есть много мѣстностей пріятныхъ на видъ, здоровыхъ и какъ-то успокоительно дѣйствующихъ на душу. Люблю я эту мирную природу нашей стороны; но за что особенно люблю ее, какъ не за то, что у насъ со всякой возвышенности вижу я въ синей дали нѣсколько, а иногда и очень много бѣлѣющихъ, свѣтлѣющихъ точекъ, и къ каждой изъ нихъ несется сердце мое съ привѣтомъ изъ словъ Царя пророка: „Прекрасная возвышенность, радость всей земли гора Сіонъ“ (Пс. 47, 3), ибо что какъ не духовный, таинственный Сіонъ каждая изъ этихъ свѣтлѣющихъ точекъ? Спробуйте: почему? Потому что каждая изъ нихъ есть не иное что, какъ храмъ Божій или обитель ипоческая. Все это столпы и огражденія нашей вѣры православной. Нужна усердная молитва: да не уменьшается, а постоянно увеличивается число ихъ и духъ древняго благочестія да превозможетъ надъ духомъ вѣка и замыхъ его новизнѣ. какъ въ теченіе вѣковъ онъ превозмогалъ надъ царями и

народами, враждебными нашему отечеству и православной вѣрѣ, противъ коей они особенно вооружались, сознавая, что сила наша въ вѣрѣ нашей. Эти цари и народы, скажемъ словами тогоже псалма,—„прошли всѣ мимо, ибо увидѣли, изумились, смутились, обратились въ бѣгство; страхъ объялъ ихъ“ (Пс. 47, 5—7).

Вотъ и наша обитель чему обязана своимъ началомъ и благоденствіемъ, какъ не духу древняго благочестія? Благовѣрный князь звенигородскій Юрій Димитріевичъ, богопросвѣщеннымъ умомъ православнаго христіанина, понялъ, что хотя нужны войска и воинскія стражи, но что сила ихъ въ охраненіи благодатно-молитвенномъ—святыхъ Божіихъ, а потому и пригласилъ богоугоднаго мужа учредить стражу духовную на мѣстѣ воинской сторожи. Съ тѣхъ поръ, сколько разъ къ нашей обители и къ нашему граду приражались волны вражескихъ полчищъ, но отпрядали всякій разъ! Молитвы преподобнаго Саввы здѣсь были щитомъ, которымъ охранялась Москва и святыня православія.

Церковь православная, по духу своему, всегда далека отъ того, чтобы воинствовать оружіемъ мірскимъ. Это глубоко понимали и наши русскіе подвижники и потому, если духовныя пользы общества гражданскаго не вызывали на открытое поприще ученія и обличенія, какъ Сергія Радонежскаго, Іосифа Волоцкаго, то они всегда старались не только не являть себя міру, но и въ пустынѣ отыскивать мѣста, еще болѣе сокровенныя, для своего особеннаго молитвеннаго подвига, ибо тамъ „чаяли Бога спасающаго“ (Пс. 54, 9), и Богъ спасалъ ихъ и, чрезъ нихъ, царей и царство. Тогда-то и являл се во всей славѣ сила духовнаго оружія сихъ доблестныхъ воиновъ Христовыхъ. Преподобный Савва, затворенный въ стѣнахъ обители отъ соблазновъ и суеты міра, нашель полезнымъ для души своей еще сюда уйти, ископать эту пещеру и въ ней затворяться на часы, а можетъ быть на цѣлые дни, и многіе дни, молитвеннаго подвига. Этимъ-то его смиреніемъ,

этою-то молитвенностію его, древле, во времена почти непрерывныхъ военныхъ тревогъ, градъ нашъ, этотъ щитъ Москвы, стоялъ крѣпко, и какъ тогда, такъ и нынѣ, во времена мирныя, крѣпко стоитъ обитель наша. Да, она крѣпко не богатыми вкладами, коихъ нынѣ и вовсе нѣтъ у нея, а единственно богатствомъ благодати, дарованной молитвеннику нашему, Саввѣ преподобному. Онъ, этою таинственною силой, и изъ среды братій изводитъ добрыхъ дѣлателей, и внѣ обители находить благочестивыя души, которыя усердствуютъ отъ своего достоянія на благопотребное для нея.

Припоминаю, что нынѣ уже 15-й разъ совершается на этомъ мѣстѣ праздникъ въ честь преподобнаго Саввы съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами, братія, въ первый разъ здѣсь молился и бесѣдовалъ. Что было здѣсь тогда? Эта пещерка и лѣсъ надъ нею и кругомъ; а вотъ уже 11 лѣтъ процвѣтаетъ здѣсь, подъ сѣнію храма, обитель общежительная. А храмъ нашъ монастырскій, самимъ Саввою, на щедроты князя Юрія, сооруженный и въ послѣдніе годы стоявшій въ неблагообразіи обветшанія и искаженія, теперь стоитъ возстановленный въ древній свой видъ, украшенный, какъ невѣста, красотою, свѣтлѣется и блестятъ златомъ. Все это — даяніе благо отъ преподобнаго Саввы, который расположилъ сердца рабовъ Божіихъ, боярича Павла и боярыни Анны послужить Преподобному *): да воздастъ имъ Господь воздаянія многа, якоже Самъ вѣсть, паче прошенія нашего, а также и тѣмъ изъ братіи, которые сему дѣлу, каждый по званію и силамъ своимъ, послужили.

Пятнадцатый разъ крестнымъ шествіемъ пришли вы сюда, говорю я, и привели съ собою многихъ христовлюбцевъ: да освятитъ Богъ ихъ усердіе! Но спросили ли вы себя, приведенные и приведеныя, о значеніи этого крестнаго хожденія? Его совершаемъ мы, да поклонимъ

*) Пуриковыхъ, благотворителей не одной Саввинской обители.

ся Богу на мѣстѣ, гдѣ „стоятъ нозѣ святаго Саввы на особенномъ его подвигѣ, гдѣ колѣна его изнемогали отъ поста и плоть его лишалась тука“ (Пс. 108, 24). Мы хотимъ, братія, явить Господу, что чтимъ Его угодника, желаемъ, сколько возможемъ, послѣдовать стопамъ его, краткою молитвою помянуть его молитвенный подвигъ, на этомъ мѣстѣ, окропленномъ его слезами и потомъ, подышать воздухомъ, трепетавшимъ отъ его сладкихъ пѣснопѣній и сердечныхъ воздыханій. Молитвѣ общей церковной свойственно согрѣвать сердца любовію взаимною, и молитва отдѣльнаго молитвенника, даже самая маломощная, обрѣтаетъ силу отъ молитвы общей, которая сильна и кроющимися въ ней сильными молитвенниками, и сложеніемъ во едино всѣхъ частныхъ молитвъ. Торжественность общественной молитвы служить для того, чтобы наполнять душу священными впечатлѣніями, какъ наполняются водоносы у источника воды живой, — для того, чтобы и въ послѣдующія времена, когда отшедши отсюда, станемъ жить и дѣйствовать въ иныхъ мѣстахъ и въ одиночности, воспоминать намъ о семъ общемъ моленіи, о семъ мѣстѣ, о семъ угодникѣ Божиемъ и вдали отъ источника утолять свою духовную жажду тѣми каплями этой живой воды, которая съумѣемъ унести съ собою, какъ въ водоносѣ, въ хранилищѣ памяти сердечной.

Чтобы это воспоминаніе было плодотворно, надобно, братія, не забывать съ одной стороны, что Церковь Божія съ ея храмами и обителями, съ ученіемъ и уставами, свѣтлымъ чиномъ ея богослуженій, есть тотъ градъ великаго Царя, въ которомъ Господь нашъ обитаетъ благодатию своею, и всякій храмъ православный есть тотъ „Сіонъ, верхъ красоты, съ котораго Богъ является, глаголетъ, призываетъ землю отъ восхода солнца до запада“; съ другой, что и отъ насъ самихъ требуется, чтобы мы представили себя Богу живыми, святыми храмами живущаго въ насъ святаго Духа, и въ этомъ духовномъ храмѣ представляли и души наши, и тѣла наши Богу въ

жертву чистую, святую. Надобно всё намъ постоянно помнить, что „Богъ есть и свѣтъ просвѣщающій, и огонь поядающій, и гласъ хлада тонка, и окрестъ Его буря зѣльна“, и что молитвы и торжества церковныя тогда только полезны, когда мы умѣемъ пользоваться ими во благо для души, и что молитвы могутъ быть даже во грѣхъ. Богъ прямо говоритъ грѣшнику: „что ты проповѣдуешь уставы Моя, и берешь завѣтъ Мой въ уста свои, а самъ ненавидишь наставленіе Мое и слова Мои бросаешь за себя?.. Изобличу тебя и представлю предъ глаза твои грѣхи твои“. (Пс. 49).

Итакъ, братія, въ радости за спасеніе, явленное намъ отъ Господа, въ трепетѣ за свою слабую, немощную волю, взирая къ Сіону небесному, Церкви на небесахъ торжествующей, гдѣ воздаяніе великое, и къ образу его земному, къ Церкви на землѣ воинствующей, гдѣ всё средства къ усвоенію себѣ спасенія и благъ небеснаго Сіона,—молитесь молитвами Преподобнаго Саввы и всѣхъ святыхъ Божіихъ, наполняйте сердца свои ихъ святою любовію къ ближнему, стремитесь по ихъ слѣдамъ, лобызайте сердцемъ и устами, отъ сердечной любви пламенѣющими, ихъ нетлѣнные останки и святые изображенія, читайте ихъ писанія, назидайтесь ихъ примѣромъ и словомъ, посѣщайте мѣста, ихъ подвигами освященныя, какъ эту пещерку посѣтили сегодня,—и вѣруйте твердо, что Богъ, какъ для святыхъ прославленныхъ былъ, такъ и для насъ будетъ вождемъ нашимъ до самой смерти, „яко Той есть Богъ нашъ въ вѣкъ вѣка, Той упасетъ насъ во вѣки, яко велий Господь и хваленъ зѣло во градѣ Бога нашего, въ горѣ святѣй Его.“ (Пс. 47).

Резолюція московскаго митрополита Филарета.

1. „Если и не вѣрять жалобѣ (*нѣкоторыхъ крестьянъ*), а вѣрять только показанію священника, и въ семь случаѣ оказывается въ немъ много виновности. 1) Два раза случилось паденіе святыхъ Даровъ, и онъ не являлся для полученія архіерейскаго по сему обстоятельству разрѣшенія. 2) Поль (*въ избѣ*), на который упали святые Дары, надлежало строгать, чтобы снять верхній слой, и сжечь; священникъ сего не сдѣлалъ, а только приказалъ выжечь мѣсто паденія угольями, чего отъ хозяевъ дома ожидать не надежно было. 3) Скатерть, на которую пала часть соединенія, также оставлена священникомъ въ домѣ и неизвѣстно, что съ нею послѣдовало. 4) Противъ правила и къ нареканію на званіе, священникъ, приходя для приобщенія больныхъ, требовалъ холстины, которую потомъ бралъ себѣ. Слѣдовало имѣть для сего небольшую целену. 5) Сдѣланное имъ прихожанину замѣчаніе, что холстина не годится къ домашнему употребленію, едва ли справедливо. На что крестьянину имѣть холстину, негодную къ употребленію? Видно, что священнику хотѣлось получить лучшую холстину; а это—мздоимство при совершеніи таинства. 6) Священникъ признается, что въ прежніе годы въ день Пятдесятницы литургія совершалась въ приходской церкви, а на другой (*Духовъ*) день въ домовый помѣщикъ: но нынѣ онъ совершилъ оную въ день Пятдесятницы въ домовый, и тѣмъ лишилъ прихожанъ богослуженія по человѣкоугодію одному (*помѣщику*), которому надлежало съ терпѣніемъ перенести то положеніе, въ которое поставленъ болѣзнію по волѣ Божіей. Какъ такіе поступки, особенно небреженіе въ обращеніи со святынею, лишаютъ священника уваженія прихожанъ, и правила (*осуждаютъ*) его на долгое запрещеніе священнослуженія, то и при стараніи растворить правосудіе милосердіемъ, необходимо учинить слѣдующее: 1) отъ настоящаго мѣста

удалить его. 2) Наложенное на него (19 іюли, когда принесена жалоба) запрещеніе священнослуженія продолжить еще три дня, на которые послать его въ Чудовъ монастырь для поста и молитвы, а на четвертый день по исповѣди допустить до священнослуженія. 3) За тѣмъ считать его разрѣшеннымъ въ священнослуженіи и дозволить искать другаго мѣста въ другомъ уѣздѣ“. (Рез. отъ 3 авг. 1836).

2. Московскаго 1-й гильдіи купца жена Анна Николаевна Нѣмчинова, урожденная Шепелева, сообщила владыкѣ, что при домѣ ея, состоящемъ въ приходѣ Петропавловской, что у Яузскихъ воротъ, церкви и купленномъ ею у генераль-маіорши Анны Михайловны Хитрово, находится древній, построенный въ царствованіе Петра Великаго храмъ, въ которомъ, по преданію, нерѣдко изволилъ императоръ слушать божественную литургію, и самъ читывалъ иногда во время литургіи Апостоль. Желая возстановить въ семъ (Казанскомъ) храмѣ богослуженіе, она просила о припискѣ его къ приходской Петропавловской церкви и снабженіи св. антиминсомъ, но получила отказъ. Приводимъ самую резолюцію митрополита отъ 3-го февраля 1830 года: „Умножать церкви подъ именемъ приписныхъ, разсуждалъ святитель, — сколько съ закономъ не сообразно, столько и обстоятельствамъ древней столицы, избыточествующей церквами, противно. Посему въ прошеніи семъ удовлетворить не можно. Иконостасъ же отдать или въ приходскую церковь, какъ слѣдуетъ по закону, или, изъ уваженія къ волѣ покойнаго ктитора (владѣльца) домовою церкви *), въ ту церковь, куда по завѣщанію его назначено“ **).

3. „Неговореніе діаконѣмъ проповѣдей показываетъ или нерадѣніе, котораго нельзя оставить безъ исправленія, какъ замѣченнаго и прежде, или, что еще хуже, разстройство жизни. Рѣдкое приобщеніе Святыхъ Тайнъ противно церковнымъ правиламъ, и обнаруживаетъ неблагоговѣніе и небреженіе о чистотѣ совѣсти, священнослужителю особенно неприличное. Посему, и по замѣченными безпорядкамъ въ его семейственномъ поведеніи, послать его въ Пѣсношскій монастырь на двѣ недѣли, для

*) Генераль-маіоръ Н. З. Хитрово.

***) Иконостасъ остался на прежнемъ мѣстѣ и существуетъ въ настоящее время.

испытанія въ поведеніи, и для увѣщанія, чтобы онъ въ священнослуженіи сохранялъ приличное священнослужителю усердіе къ Святымъ Тайнствамъ, чтобы всѣ обязанности службы исполнялъ неупустительно, чтобы охранялъ себя отъ невоздержанія и свѣтской разсѣянности. Какъ же онъ себя въ семъ испытаніи окажетъ, и особенно будетъ ли усердно приступать къ Святымъ Тайнамъ съ очищеніемъ совѣсти, о томъ настоятель донесетъ мнѣ обстоятельно“ (Резол. отъ 21 февраля 1840).

4. Апр. 28-го 1833. „Третій пунктъ сего опредѣленія *) во всемъ пространствѣ утвердить сомнительно. Если сельская церковь пришлетъ купить свѣчъ, а лавка Богословской (въ Коломнѣ) церкви по какой-либо неисправности найдется закрытою, то покупателю понадобится ѣхать въ городъ въ другой разъ, а между тѣмъ можетъ послѣдовать въ церкви недостатокъ свѣчъ, и даже въ праздникъ. Посему надлежитъ учинить слѣдующее: 1) городскимъ церквамъ покупать свѣчи въ Богословской лавкѣ постоянно, а прочимъ преимущественно предъ другими (лавками), по надобности покупать и въ другихъ. 2) Богословской лавкѣ въ оптовой продажѣ держаться городской цѣны свѣчъ, а для мелочной продажи допустить умѣренное возвышеніе цѣны, какъ бываетъ и во всякой торговлѣ. 3) Еслибы встрѣтилось въ сей торговлѣ какое затрудненіе: то причту и старостѣ не прекращать оной (торговли) произвольно, а представить начальству, съ изложеніемъ затрудненія, и съ мнѣніемъ о средствахъ къ прекращенію онаго. 4) Прочіе пункты сего опредѣленія **) утверждаютъ. Разумѣется, что надобно прежде привести въ порядокъ лавку, а потомъ предписать о покупкѣ изъ нея“.

5. Дек. 23-го 1834 года. «1) Священнику разрѣшается священнослуженіе въ уваженіе нуждъ прихода, что и объявить ему немедленно. 2) Что касается до дѣла о истребленіи лѣса: изслѣдованіемъ Дворцовой конторы священникъ оправдывается только предъ Дворцовой конторою, въ томъ, что не похитилъ ея собственности: но не оправдывается

*) Консисторія опредѣлила объявить всѣмъ церквамъ, подвѣдомымъ воложенскому духовному правленію, чтобы онѣ покупали свѣчи въ той-то лавкѣ, а не гдѣ-либо индѣ.

**) Напр. о наблюденіи, чтобы нигдѣ противозаконнаго церковными свѣчами торго не было, и о сообщеніи о томъ, если окажется, г. городничему, и др.

предъ духовнымъ начальствомъ противъ доноса и собственнаго признанія въ своевольномъ истребленіи лѣса на церковной землѣ и въ поущеніи тогоже дьячку; ибо какъ лѣсъ есть произведеніе многихъ лѣтъ, то несправедливо было бы попустить теперешнему священнику и дьячку вдругъ самовольно поглотить плодъ бережливости многихъ лѣтъ, тѣмъ паче, что священникъ не при себѣ выростилъ лѣсъ, а получилъ оный отъ бережливости предшественниковъ. Посему дѣло въ Консistorіи продолжать и окончить на законномъ основаніи, не оставя безъ вниманія и виновныхъ (*напр. благочиннаго*) въ медленности изслѣдованія».

Изъ резолюціи отъ 16 ноября 1835 года: „1) священнику за своеволие и поущеніе въ истребленіи церковнаго лѣса, вмѣнить въ наказаніе бывшее (*съ 11 августа по 23 дек. 1834 г.*) запрещеніе; денегъ же (*отъ продажи лѣса*) съ него по снисхожденію не взыскивать; а какъ онъ говоритъ, что деньги употреблены на исправленіе дома и что домъ имъ былъ поправляемъ, отчасти засвидѣтельствовано то; исправленное въ домѣ, на случай перехода его въ другія руки, не почитать собственностію священника. 2) Священникъ говоритъ о продажѣ лѣса дьячкомъ.... За наказаніемъ дьячка (*посылкою въ монастырь за другія вины*), оставить сіе безъ дальнѣйшаго преслѣдованія.“

6. Дек. 24-го, 1827 г. „Какъ утрата (*изъ церковной ризницы села Спасскаго*) священнической (*ставленой*) грамоты есть дѣло важное, потому между прочимъ, что съ похищенными грамотами являлись иногда не священники, и дерзали у раскольниковъ дѣйствовать священнически, не ко освященію, но къ умноженію грѣховъ, ко вреду церкви и къ соблазну народа; притомъ же настоящая утрата произошла не по какому либо внезапному случаю, который бы священника извинялъ и показывалъ, что она (*грамота*) уже не существуетъ: то въ побужденіе другихъ къ осторожности, и въ ожиданіи, не найдется ли утраченная, новой грамоты священнику не давать, а дать ему указъ съ прописаніемъ нужныхъ изъ сего дѣла обстоятельствъ“.

7. Декабря 23-го, 1830. „Священникъ явно виноватъ: 1) въ томъ, что подписалъ бумагу, до него не принадлежащую, вопреки запрещенію. *; 2) Въ томъ, что сдѣлалъ

* Подписалъ приговоръ крестьянъ о томъ, что у нихъ болѣзнь хо-

сіе въ явную противность предписанію своего начальства отъ 11 октября, которымъ особенно поручено духовенству убѣждать народъ къ соблюденію предписанныхъ предосторожностей противъ болѣзни, для чего и экземпляръ предохранительныхъ правилъ получилъ, какъ самъ признается. 3) Въ томъ, что, по его словамъ, подписалъ приговоръ по предложенію крестьянина деревни Горы, слѣдственно раскольника: ибо, по вѣдомости, таковы всѣ жители сей деревни. 4) Какъ не подписаніемъ приговора могъ бы онъ ослабить сколько-нибудь силу скопища, такъ подписаніемъ приговора подкрѣпилъ оное, и сдѣлался однимъ изъ виновныхъ въ неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ. Посему консисторіи учинить слѣдующее: 1) священника отъ мѣста (Селинской волости), гдѣ онъ вошелъ съ крестьянами въ противозаконное и вредное скопище, въ предосторожность, отъ мѣста сего отрѣшить и впредь на оное не опредѣлять. 2) Поступокъ его разсмотрѣть на законномъ основаніи, и постановя опредѣленіе представить. 3) До рѣшенія дѣла запретить ему священнослуженіе и благословеніе рукою; а для пропитанія опредѣлить его къ Петропавловской, что у Яузскаго моста, церкви на праздное причетническое мѣсто. 4) Удѣльную контору съ прописаніемъ сей резолюціи увѣдомить. 5) Рѣшеніе сіе надъ священникомъ исполнить немедленно, не пуская его своевольствовать на праздникъ “*).

8. 8-го генваря 1847 года. „1) Исполнить (опредѣленіе консисторіи о сообщеніи Моск. воен. ген.-губернатору объ упорствѣ въ расколъ крестьянки, совратившейся въ оный при вступленіи въ сожителство съ крестьяниномъ раскольникомъ). 2) Относительно дочери крещеной (по слабости ея) въ православіи предписать мѣстному священнику, чтобы онъ наблюдалъ за пребываніемъ ея въ православной церкви и исполненіемъ ею христіанскихъ обязанностей, дѣйствуя въ семъ назиданіемъ и увѣщаніемъ. 3) Въ отношеніи къ Моск. в. г.-губернатору ходатайствовать, дабы родителямъ сей дѣвicy подтверждено было не уклонять ее отъ православія, въ которомъ крещена, и воспитывать въ общеніи православной церкви“.

лery нѣтъ и средствъ предохранительныхъ не хотять принимать. Приговоръ подать въ Моск. удѣльную контору, а она увѣдомила Консисторію о поступкѣ священника.

*) Разрѣшено ему священнослуженіе 15 іюля 1831 г.

9. Мая 20-го 1832. „Поручить мѣстному благочинному и мѣстному (села Карпова) священнику еще стараться растолковать крестьянину и крестьянкѣ (раскольницѣ), что полезно и должно сей послѣдней присоединиться къ церкви; что безъ сего православная церковь же можетъ благословить сего брака (совершеннаго въ раскольнической часовнѣ); и что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства не на кого другаго, а только на самихъ себя должны они пенять за то, что можетъ случиться съ симъ супружествомъ и съ дѣтьми. О послѣдствіи сего увѣщанія репортовать, и доложить съ дѣломъ *)“.

10. Изъ резолюціи отъ 10 августа 1836 г. „О новыхъ обидахъ священника произвести особое изслѣдованіе на мѣстѣ, отдѣльно отъ прежняго дѣла, и постанови определеніе (консистерское), представить“.

Апр. 13-го 1838 г. „И слѣдствіе произведено, и мнѣніе духовнымъ правленіемъ положено, неосмотрительно. Надлежитъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства, и учинить слѣдующее: 1) въ четвертомъ пунктѣ допроса священникъ Ипатіевъ сдѣлалъ на просителя Александра встрѣчный, не принадлежащій къ сему дѣлу, доносъ о безчиніи его Александра при бракѣ (7 февраля 1837 г.) *). Въ семъ случаѣ священникъ виновать, вопервыхъ въ томъ, что вмѣсто оправданія себя, вздумалъ запутать дѣло встрѣчнымъ доносомъ на истца; вовторыхъ въ томъ, что о безчиніи въ церкви не донесъ начальству въ свое время по ревности къ святынь, а сталъ доносить пропустя время, уже въ отщепеніе за себя. Слѣдователь (членъ дух. правленія) также виновать, что встрѣчный доносъ не только принялъ, но и повелъ по нему слѣдствіе въ смѣшеніи съ главнымъ предметомъ дѣла, тогда какъ слѣдствію о безчиніи крестьянина въ церкви приличнѣе было происходить въ свѣтскомъ судѣ, при депутатѣ съ духовной стороны. Почему сію прибывшую въ настоящемъ дѣлѣ статью оставить безъ разсмотрѣнія; слѣдователю за неправильное дѣйствованіе сдѣлать замѣчаніе; священнику Ипатіеву за недонесеніе о безчиніи церковномъ въ свое время, сдѣлать выговоръ, предостава

*) Раскольница изъявила желаніе перейти въ православіе съ дѣтьми, и быть повѣнчанною въ православной церкви, впрочемъ безъ огласки

*) Дьячку напр. сказать: „женухъ и невеста одинъ другаго стоють“.

впрочемъ ему сдѣлать сей доносъ, если находитъ нужнымъ и справедливымъ, отдѣльно отъ сего дѣла. 2) Священникъ въ оправданіе того, что отослалъ при елеосвященіи прочь отъ больной мать просителя Евѳимію, говорить въ допросѣ (2 мая 1837 г.), что она при елеосвящаемой принимала содѣйствіе, для нея не принадлежащее (черезъ что препятствовала ему), и въ оправданіи (3-го мая), что самовольно вступила въ распоряженіе, до нея не касающееся. Тутъ видна хитрость человѣка неправого, который въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ указываетъ на распоряженіе не принадлежащее и не касающееся, не сказывая, что это за распоряженіе, дабы начальство не имѣло способа усмотрѣть, онъ ли правъ, или женщина. Священникъ имѣлъ право требовать удаленія женщины отъ больной въ томъ только случаѣ, еслибы поступки ея противны были святости или безмолвію совершаемаго богослуженія; но онъ сего не говоритъ; а потому и должно заключить, что придрался неправымъ образомъ. Достойно примѣчанія, что и въ показаніи свидѣтельницы написано: *дѣлала какое-то распоряженіе*, выраженіе, которому не выйти изъ устъ крестьянки. Слѣдователь же не спросилъ ни отвѣтчика, ни свидѣтельницу, что именно дѣлала Евѳимія, дабы опредѣлить, имѣлъ ли причину отвѣтчикъ отослать ее. Посему священника отвѣтчика оставить отчасти въ подозрѣніи, что поступилъ строго съ крестьянкою напрасно, можетъ быть, по тому неудовольствію, что съ сыномъ ея имѣсть онъ дѣло, начатое прежде настоящаго. А слѣдователю замѣтить, что въ произведеніи вопросовъ поступалъ не точно. 3) О происшествіи 1-го августа (1836) священникъ говорить, что Александровъ смѣялся, и за то священникъ велѣлъ взять у него хоругвь (*носимую въ крестныхъ ходахъ*); и въ семь общая ссылка была на крестьянъ Даніила Адріанова, Василья Матвѣева и Константина Михайлова. Но ни одинъ изъ сихъ не утвердилъ ссылки священника въ томъ, что Александровъ смѣялся, и слѣдственно священникъ въ отнятіи хоругви не оправдался; да хотя бы и подлинно крестьянинъ разсмѣялся, священнику надлежало сперва просто удержать его отъ смѣха, не отнимая хоругви. Сія умеренность прилична была во всякомъ случаѣ, а особенно въ отношеніи къ такому крестьянину, который уже жаловался на священника начальству и имѣть съ нимъ

судное дѣло; велѣвъ отнять хоругвь, священникъ сдѣлалъ самъ причиною того, что обиженный симъ крестьянинъ громко изъяснилъ неудовольствіе. За сей поступокъ положить священнику въ Саввицѣ монастырѣ сто поклоновъ. 4) Кромѣ указанныхъ въ судныхъ рѣчахъ свидѣтелей, слѣдователь безъ нужды приводилъ многихъ людей къ присягѣ и спрашивалъ, довольны ли священникомъ. Это значитъ запутывать дѣло, напрасно обременять людей привлеченіемъ къ слѣдствію, и не довольно уважать присягу, которой требовать должно только по необходимой законной надобности. И сіе тѣмъ хуже, что въ семъ примѣтна пристрастная наклонность изыскать оправданіе отвѣтчику. За сіе сдѣлать слѣдователю строгое замѣчаніе, съ предостереженіемъ, что такіе поступки могутъ лишить его довѣрія начальства. 5) За небытіе 1-го августа на водоосвященіи (*на ркль*), другому священнику (*того же села*) съ причтомъ, а за небытіе у литургіи подъ темнымъ и недоказаннымъ предлогомъ какихъ-то домашнихъ обстоятельствъ діакону, сдѣлать подтвержденіе, чтобы къ богослуженію были усерднѣе, и тѣмъ подавали добрый примѣръ мірянамъ; а священнику Ипатіеву сдѣлать замѣчаніе за то, что о семъ опущеніи сослужащихъ не объявилъ тогда же благочинному. 6) Замѣчаніе духовному правленію утверждается“.

А. Г—рій.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Съ іюньской книжки Душеп. Чтенія въ приложеніи къ журналу начинаемъ печатать весьма интересный для священнослужителей трудъ по предмету практическаго руководства для пастырей, принадлежашій законоучителю Нѣжинскаго лицея, священнику А. Θ. Хойпацкому. Въ составъ этого труда входятъ статьи о таинствахъ исповѣди, священства, брака и елеосвященія. Статьи же о совершеніи таинствъ крещенія, муропомазанія и причащенія напечатаны въ Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ за 1873 годъ. Желающіе могутъ получить ихъ въ отдѣльной книжкѣ, адресуясь къ автору, въ г. Нѣжинѣ. Цѣна книжкѣ съ пересылкою 1 р.

П О П Р А В К А .

Въ іюньской книжкѣ Душеп. Чтенія, стр. 236, въ началѣ предварительныхъ словъ къ статьѣ: „Двѣ Рѣчи преосв. Леонида“, годъ хиротоніи его ошибочно показанъ 1861-й, вмѣсто 1859-го.

О тайнствѣ исповѣди.

(Для чтеній по предмету практическаго руководства для пастырей.)

Отдѣленіе I.

ОБЩІЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О ЛИЦАХЪ ИСПОВѢДАЮЩИХСЯ И ОБЪ ИСПОВѢДНЫХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ.

Всѣ ли православные должны говѣть и исповѣдываться каждый годъ непремѣнно? — Съ какихъ лѣтъ должны начинать исповѣдываться дѣти? — У кого и когда кто долженъ исповѣдываться? — О тѣхъ, которые вовсе не исповѣдываются. — О лицахъ, кои оказываются иногда не исповѣдывающимися по суду въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. — Какъ священники должны вести исповѣдныя вѣдомости и къ какому сроку подавать ихъ?

§ 1. Не только священники, но и начальство гражданское и военное должны наблюдать строжайшимъ образомъ, чтобы всѣ лица православнаго исповѣданія, достигшія, опредѣленнаго возраста, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, говѣли и исповѣдывались каждый годъ непремѣнно, хоть по одному разу въ теченіи каждаго года. (Сравн. Улож. о наказ. 1869 г. ст. 208—209). Изъ этого правила исключаются только дѣти недостигшія семилѣтняго возраста (Св. Закон. Т. XIV. Уст. пред. прест. ст. 19, 20). Затѣмъ, по истеченіи 7-ми лѣтъ они также должны исповѣдываться, какъ и всѣ возрастныя, неотложно (тамъ же

ст. 23, 24, 26). Родители, не приводящіе къ исповѣди дѣтей своихъ, достигнувшихъ уже положеннаго на сіе возраста (начиная съ семи лѣтъ), подвергаются за это особому внушенію отъ духовнаго и замѣчанію отъ мѣстнаго гражданскаго начальства (Т. XV, ст. 232. Улож. о наказ. 1869 г. ст. 209). Что касается въ особенности священно- и церковно-служителей, то они должны, по уставу, исповѣдываться непремѣнно четыре раза въ году, во всѣ четыре поста; не исполняющіе этого подвергаются за свою провинность особому суду и наказанію отъ власти епархіальной (Инструкц. благочиннымъ, также духовникамъ).

§ 2. Каждый изъ православныхъ долженъ, по обычаю, исповѣдываться и причащаться у своего приходскаго священника. Но если кто желаетъ, то можетъ говѣть и въ другомъ приходѣ, только таковой долженъ представить мѣстному священнику свидѣтельство о бытіи своемъ у исповѣди и Св. Таинъ причастія въ этомъ или другомъ мѣстѣ (Указъ св. Син. 1737 г. февраля 4 дня). Кто изъ прихожанъ находится въ отсутствіи болѣе года, тотъ долженъ исповѣдываться на мѣстѣ своего жительства, и тамъ записываться въ исповѣдныя вѣдомости (Указъ 1772 г. іюля 16). Что касается до священниковъ и діаконѣвъ, то они должны исповѣдываться каждый у своего окружнаго духовника, избираемаго отъ духовенства и утверждаемаго епархіальною властію (Уставъ духовныхъ консисторій ст. 70—71). Но церковно-служители могутъ исповѣдываться и у своихъ мѣстныхъ или сосѣднихъ священниковъ, только съ вѣдома окружнаго духовника, и притомъ съ тѣмъ, чтобы отъ нихъ же сему послѣднему были представляемы надлежащія свидѣтельства о бытіи ихъ у исповѣди въ узаконенное время, по уставу (тамъ же, ст. 73).

§ 3. Преимущественнымъ временемъ для говѣнія у насъ обыкновенно назначается великій постъ. Но не запрещается тѣмъ, коимъ будетъ надобность, исповѣдываться и причащаться и въ другіе посты, а также и въ другіе

времена года, когда кто пожелаетъ, и тогда говѣющіе такимъ образомъ записываются въ исповѣдныя вѣдомости наравнѣ съ остальными, говѣвшими въ свое время, по обычаю (Указъ 1801 г. янв. 26 дня. Сравн. Свод. Зак. т. I, ст. 23.). Правило сіе священники должны имѣть въ виду особенно по отношенію къ женщинамъ - родильницамъ, которыя не могутъ говѣть въ теченіи великаго поста вслѣдствіе обычной нечистоты тѣлесной, также по отношенію къ лицамъ, страдающимъ хроническимъ недугомъ, или находящимся въ дальнемъ путешествіи, и немогущимъ исповѣдываться въ дорогѣ, и т. п.

§ 4. Относительно нерадивыхъ въ исполненіи христіанскаго долга исповѣди и св. причастія постановлено (Ук. Св. Снн. 1858 г.): а) чтобы священники склоняли ихъ къ исполненію этого долга и общими увѣщаніями въ церквахъ, и частными наединѣ; б) чтобы въ концѣ года составляемъ былъ въ каждомъ приходѣ частный реестръ всѣмъ небывшимъ у исповѣди и св. причастія (кромѣ дѣтей), съ означеніемъ, кто сколько лѣтъ сряду не былъ; в) если тотъ, кто не былъ только одинъ годъ, объяснить уважительную причину, или, сознавшись въ своемъ небреженіи, дастъ слово непременно исполнить свой долгъ въ ближайшей постѣ, такого священникъ исключалъ бы изъ реестра, оставляя однакожь отмѣченнымъ въ исповѣдныхъ росписяхъ въ числѣ *не бывшихъ*; г) два года сряду не бывшаго у исповѣди и св. причастія священникъ, по своему усмотрѣнію, можетъ или оставить въ реестрѣ, или исключить изъ него, съ подтвержденіемъ, что когда не исполнить христіанскаго долга и на третій годъ, тогда объ немъ донесено будетъ епархіальному начальству. д) о не исполнившихъ три года сряду христіанскаго долга должно непременно доводить до свѣдѣнія епархіальнаго начальства.

§ 5. Обыкновенно не говѣющіе въ теченіи трехъ лѣтъ подвергаются у насъ разнымъ епитиміямъ, какъ-то поклонамъ келейнымъ или въ церкви и т. п., впрочемъ такъ, что должностныя лица при этомъ не должны быть на-

долго отлучаемы отъ службы, а поселяне и мѣщане отъ домовъ и работъ ихъ (Св. Зак. т. XV, ст. 231). Тому же суду, по законамъ нашимъ, должны быть подвергаемы также и лица, не говѣвшія въ теченіи двухъ лѣтъ, если только священникъ по какимъ-либо особеннымъ причинамъ найдетъ необходимымъ донести объ нихъ начальству, и начальство найдетъ причины его доноса вполне уважительными. Затѣмъ не исправляющіеся отъ духовныхъ мѣръ, нераскаянные грѣшники подвергаются за это суду гражданскому, который уже поступаетъ съ ними на основаніи узаконеній, какъ съ уголовными преступниками. Св. Зак. т. XIV, ст. 27. Сравн. также Св. Зак. т. XV. Уложен. о наказ. ст. 231).

§ 6. Подобно этому, если и гражданское начальство, при своихъ разслѣдованіяхъ, узнаетъ, что кто-либо по суду окажется небывшимъ на исповѣди въ теченіи опредѣленнаго времени, то оно должно также не медля предать таковыхъ суду церковному, который поступаетъ съ нимъ, какъ указано выше (см. § 5), или же въ случаѣ нераскаянности снова предаетъ суду гражданскому (Свод. Зак. т. XV, ст. 231).

§ 7. Наконецъ о всѣхъ бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и Св. Таинъ причастія священники должны ежегодно составлять такъ называемыя *исповѣдныя вѣдомости* по узаконенной формѣ, которыя всякій годъ должны быть непременно доставляемы благочинному не далѣе какъ къ концу сентября, для представленія ихъ въ консисторію къ концу текущаго года неотложно (Св. Зак. т. XIV. Уст. о пред. прест. ст. 26. Уст. дух. консист., ст. 16). За неисправное веденіе исповѣдныхъ вѣдомостей, въ особенности соединенное съ явнымъ нерадѣніемъ или злонамѣренностію, виновные подвергаются строжайшимъ выговорамъ со стороны начальства, также отрѣшенію отъ мѣста, а въ крайнихъ случаяхъ даже и низведенію на мѣста причетническія, по закону (Уст. дух. консист., ст. 204. Сравн. Св. Зак. т. XV, ст. 1989).

Отдѣленіе II.

О ГОВѢНІИ ПО УСТАВУ ЦЕРКОВНОМУ СЪ УКАЗАНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННЫХЪ ПОСОБІЙ И СРЕДСТВЪ, КОТОРЫМИ ЖЕЛАЮЩИЕ ИЗЪ СВЯЩЕННИКОВЪ МОГУТЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНІЯ КАЮЩИХСЯ КЪ ВОЗМОЖНО - ПОЛНОМУ И ЯСНѢЙШЕМУ СОЗНАНІЮ ГРѢХОВЪ СВОИХЪ.

Сколько времени должно продолжаться надлежащее говѣніе по уставу церковному? — Взглядъ на нѣкоторыя важнѣйшія пособія къ возбужденію сознанія грѣховъ въ говѣющихъ, извѣстныя въ нашей отечественной духовной литературѣ. — О перечисленіяхъ грѣховъ, излагаемыхъ въ такъ называемомъ „последованіи о исповѣданіи“, и въ „чинѣ исповѣданія отрокомъ“, также въ катихизисѣ, и др. — Подробный перечень грѣховъ по порядку Десятословія въ видѣ катихизическихъ поученій, для произнесенія ихъ въ церкви во время говѣнія. — Необходимыя замѣчанія объ употребленіи этихъ поученій.

§ 8. Полное говѣніе у насъ, по уставу церковному, должно продолжаться семь дней, начиная по преимуществу съ обѣдни и вечерни воскреснаго дня, и оканчивая причащеніемъ Св. Таинъ въ субботу на литургіи. Во все это время готовящіяся къ исповѣди и Св. Таинъ причастію, должны соблюдать установленный постъ, усилить подвиги домашней и церковной молитвы, воздерживаться отъ супружескихъ отношеній и вообще вести жизнь строго покаянную, растворенную по возможности дѣлами любви и благотворенія христіанскаго (Учительное извѣстіе при службникѣ, о подаваніи, пріятіи, храненіи и поклоненіи божественныхъ таинъ). И это все должно быть соблюдаемо не только въ теченіи четырехдесятницы, но и при говѣніи въ другіе посты или въ другое время, когда бы кто ни пожелалъ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ (тамъ же). Впрочемъ въ случаѣ нужды говѣніе можетъ сокращаться и на три дня. Можно также сокращать его и на одинъ день, напримѣръ для больныхъ, беременныхъ женщинъ, кормилицъ и т. п.; но сіе должно быть допускаемо не иначе, какъ по усмотрѣ-

нію самага священника, съ его вѣдома и разрѣшенія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ священникъ имѣетъ законное право требовать отъ своихъ прихожанъ полного, по крайней мѣрѣ трехдневнаго говѣнія, по уставу, и сіе должно быть исполняемо всѣми безъ всякаго прекословія и опущенія. (тамъ же).

§ 9. Но особенно трудное дѣло для духовниковъ въ порядкѣ говѣнія составляетъ, какъ извѣстно, приведеніе говѣющихъ въ такое состояніе, чтобы они могли вполне, ясно и отчетливо познать и сознать грѣхи свои, и потомъ оныя надлежащимъ образомъ исповѣдать предъ священникомъ. Потому-то православная Церковь напса издревле поставляла одною изъ главнѣйшихъ обязанностей для священниковъ, чтобы они во время говѣнія истолковывали готовящимся къ исповѣди прихожанамъ заповѣди, и при каждой изъ нихъ „велѣли всякому въ себѣ разсуждать, сдѣлалъ ли тое, что заповѣдь велить, или, вознерадя, оставилъ?... И не учинилъ ли того, что заповѣдь запрещаетъ? и т. п., дабы такимъ образомъ по возможности, напоминая каждому изъ говѣющихъ о грѣхахъ, свойственныхъ природѣ человѣка, напомнить имъ вмѣстѣ и объ ихъ собственныхъ грѣхахъ, и привести ихъ къ опредѣленному и достаточному познанію ихъ для уврачеванія духовнаго (О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, стр. 125).

§ 10. Само собою разумѣется, что все это можетъ быть достигаемо не иначе, какъ при посредствѣ особыхъ катихизаций или катихизическихъ поученій о заповѣдяхъ Десятисловія. Таковыя поученія нѣкоторые опытные духовники дѣйствительно стараются располагать такъ, что все изъясненіе заповѣдей, съ указаніемъ по преимуществу грѣховъ, противныхъ каждой заповѣди, приурочиваютъ къ порядку седмидневнаго или трехдневнаго говѣнія, и такимъ образомъ дѣйствительно не мало способствуютъ къ познанію грѣховъ для говѣющихъ. Въ этомъ отношеніи ближайшимъ пособіемъ для катихизатора можетъ служить „Пространный православный катихизисъ“ преосвя-

ценнаго Филарета, въ коемъ, какъ извѣстно, при изложеніи каждой заповѣди указываются и грѣхи противные той или другой заповѣди, и вмѣстѣ съ симъ вѣрующему дается строго опредѣленный и законченный образъ нравственной жизни христіанской по духу и ученію Церкви православной. Извѣстно также, что вслѣдствіе указанныхъ достоинствъ, нерѣдко обращаются за помощію къ православному катихизису даже свѣтскіе люди предъ исповѣдію. Но при семъ пельза не замѣтить и того, что и въ этомъ катихизисѣ по прѣимуществу перечисляются только „особенные грѣхи, и важпѣйшіе“, относящіеся къ той или другой заповѣди, и притомъ въ связи съ другими истинами и положеніями, имѣющими отношеніе къ смыслу и содержанию заповѣдей, для ихъ уясненія, опредѣленія, и т. п. Вслѣдствіе этого перечисленіе грѣховъ, излагаемое въ помянутомъ катихизисѣ, по преимуществу годится только какъ пособіе для катихизаторовъ и учащихся, но не для кающихся, которымъ часто надобно напоминать о самыхъ мельчайшихъ свойствахъ и проявленіяхъ грѣховъ, „да и не объ однихъ только грѣхахъ, но и о плодахъ ихъ, о гнѣвѣ Божиємъ и казни грѣшнику опредѣленной и въ семъ видѣ и ономъ, анаѣому оную страшную (Второзак. 27, 26), отъ которой Сыпь Божій насъ избавляя (Галат. 3, 13), горчайшую чашу страданій испилъ“, и т. п. (Объ обязанностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, стр. 125).

§ 11. Тѣмъ болѣе драгоцѣнное пособіе при этомъ представляетъ для священника перечисленіе грѣховъ, излагаемое въ такъ пазываемомъ у насъ „*Послѣдованіи о исповѣданіи*“ и въ „*Чинъ исповѣданія отроковъ*“, въ коихъ, какъ извѣстно, предлагается руководство для духовниковъ, какъ исповѣдывать кающихся. Особенное достоинство этихъ перечисленій состоитъ въ томъ, что въ нихъ указаніе разныхъ грѣховъ и видовъ ихъ ведется именно по порядку Десятословія, вслѣдствіе чего они дѣйствительно представляютъ картину грѣховной жизни во

многихъ отношеніяхъ довольно систематическую и наглядную. Только перечисленія эти въ помянутыхъ чинопослѣдованіяхъ, по уставу, полагается читать при исповѣди предъ каждымъ исповѣдывающимся, съ тѣмъ чтобы онъ сообразно этому давалъ отвѣты предъ священникомъ,— что, безъ сомнѣнія, во всѣхъ отношеніяхъ неудобно и утомительно, особенно при томъ множествѣ говѣющихъ и исповѣдывающихся, какое обыкновенно бываетъ у насъ во время говѣнія. Потому священники, по нашему крайнему разумѣнію, могутъ сдѣлать всего лучше, если эти же самыя перечисленія станутъ читать въ церкви для говѣющихъ во время самаго говѣнія, въ видѣ коротенькихъ поученій, разумѣется, замѣняя при этомъ вопросы, означенные тамъ въ единственномъ числѣ, вопросами, обращенными въ множественное число, и располагая это чтеніе такъ, чтобы оно вполнѣ соответствовало времени говѣнія. Само собою разумѣется, что при этомъ опытные духовники могутъ располагать помянутое чтеніе такъ, что кромѣ грѣховъ, указываемыхъ въ разсматриваемыхъ перечисленіяхъ, могутъ указывать въ соответствующихъ мѣстахъ также и на другіе грѣхи, сюда относящіеся, и въ особенности такіе, какіе всего чаще замѣчаются въ ихъ приходѣ, и такимъ образомъ еще болѣе увеличивать и возвышать значеніе этого чтенія на пользу и спасеніе душъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію духовному.

§ 12. Если же кто пожелаетъ заняться болѣе обстоятельнымъ изложеніемъ этого предмета, и вообще представить для говѣющихъ по возможности полную картину грѣховной жизни, въ которой бы они, какъ въ зеркалѣ могли узнавать свои грѣховныя чувства, мысли и дѣйствія, и соответсвенно сему приносить надлежащее, полное сознательное раскаяніе, то мы можемъ предложить для таковыхъ слѣдующія, излагаемая ниже для образца, въ видѣ катихизическихъ поученій, перечисленія грѣховъ, относящихся къ каждой заповѣди, располагая оныя, для

болѣе удобнаго изложенія, по порядку говѣнія семидневнаго, такъ чтобы священникъ могъ начать ихъ на примѣръ въ недѣлю сыропустную на обѣдни, и окончить въ пятницу на первой недѣлѣ великаго поста, во время преждеосвященной литургіи, послѣ которой уже у насъ начинается исповѣдь, а за тѣмъ на другой день слѣдуетъ причастіе Св. Тайнамъ по обычаю

§ 13. Поученіе I-е въ недѣлю (примѣрно сыропустную) на обѣдни, *о качествахъ и свойствахъ исповѣди, каковую любящіе совершали до этого времени, и о томъ, какія особенныя условія необходимы для того, чтобы предстоящая исповѣдь наша была вполне достойна своего назначенія.*

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сегодня, по благодати Божіей, вы начинаете, братіе, говѣть, чтобы чрезъ нѣсколько дней предстать на судъ духовный и исповѣдать грѣхи свои предъ Господомъ въ лицѣ отца вашего духовнаго. Вы сами знаете, что настоящая цѣль и назначеніе истиннаго говѣнія состоитъ не только въ томъ, чтобы по возможности усугубить подвиги домашней и церковной молитвы, и соблюдать надлежащее воздержаніе въ пищѣ и питіи, но и въ томъ, чтобы въ теченіи этого времени вполне проникнуться сознаніемъ собственного недостоинства предъ Богомъ, познать всѣ грѣхи свои, ихъ качество и количество, ихъ корень и послѣдствія и вліяніе на душу и жизнь нашу, чтобы потомъ надлежащимъ образомъ, безъ всякой утайки, хитрости или лицемѣрія раскрыть оныя на исповѣди и за это получить всепрощеніе небесное.

Но вмѣстѣ съ симъ вамъ также не безъизвѣстно и то, что это есть одна изъ самыхъ труднѣйшихъ и неудобноисполнимѣйшихъ обязанностей для человѣка. Чтобы по возможности поддерживать въ насъ чувство покаянія и сокрушенія сердечнаго, св. Церковь наша заповѣдуетъ намъ ежедневно сознаваться предъ Богомъ и своею совѣстію въ содѣланныхъ нами грѣхахъ,—въ тѣхъ молитвахъ, которыя мы обязаны каждый день читать утромъ и вечеромъ, по уставу церковному. Особенно, какъ вы

знаете, это полагается въ третьей вечерней молитвѣ ко Пресвятому Духу, въ которой такъ удачно подмѣчены почти всѣ ежедневные наши грѣхи и представляются на судъ милосердія и правды Божіей.

Вмѣстѣ съ симъ, въ тѣхъ же вечернихъ молитвахъ св. Церковь наша даетъ намъ прекрасное наставленіе, какъ должны мы слѣдить всегда за своею нравственною жизнью, и для этой цѣли въ особенности заповѣдуетъ намъ, чтобы мы, каждый день вечеромъ, прежде отшествія ко сну, „полагали зарокъ съ самими собою производить испытаніе своей совѣсти, переходя и подробно исчисляя всѣ дневные часы съ того времени, когда мы пробуждаемся, встаемъ съ кровати, и приводя себѣ на память, куда кто изъ насъ ходилъ? что дѣлалъ? съ кѣмъ и о чемъ бесѣдовалъ?“ и т. п.... „И всѣ твои дѣянія, слова и помысленія, заключаетъ помянутое наставленіе, произведенныя и произнесенныя или прочувствованныя и передуманныя съ утра даже до вечера, со всякимъ вниманіемъ испитай и воспоминай, и если сдѣлалъ что-либо лукавое, самъ по себѣ, или по своей немощи, или отъ злаго навыка и направленія, то кайся и моли Человѣколюбца, да благоволитъ Онъ дать тебѣ прощеніе во всемъ, съ твердымъ обѣщаніемъ, что въ другой разъ уже не станешь дѣлать сего“.... и т. д. (См. о семъ въ молитвослов. послѣ вечерн. молитвъ).

Но теперь, братіе, отъ насъ требуется несравненно болѣе. Намъ нужно въ настоящее время познать, изучить и оцѣнить всѣ свои грѣховныя чувства, мысли и дѣяствія, какія мы допустили въ себѣ со времени раскрытія разума, и отъ прошлой исповѣди до самаго послѣдняго времени, чтобы не обинуясь высказать оныя на исповѣди и омыть въ купели покаянія. Потому, разумѣется, здѣсь не можетъ быть достаточно одно ежедневное, обычное самоиспытаніе, хотя для совершающихъ оное, оно всегда будетъ составлять самую живѣйшую подмогу при воспоминаніи о грѣхахъ ихъ. Тѣмъ менѣе могутъ при этомъ пособить намъ тѣ не многія минуты самонаблюденія и самоиспытанія, которыя мы обыкновенно употребляемъ для ознакомленія съ своею грѣховною жизнью почти непосредственно предъ самою исповѣдію. Напротивъ того, долгъ и совѣсть говорятъ каждому изъ насъ, что мы должны посвящать для этого по крайней мѣрѣ хоть все

то время, которое избираемъ для говѣнія, и конечно, чѣмъ кто раньше возмется за это дѣло, тѣмъ удобнѣе, полнѣе и совершеннѣе можетъ познакомиться съ своими духовными немощами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, тѣмъ нагляднѣе, живѣе и сознательнѣе исповѣдаетъ оныя предъ отцемъ духовнымъ по уставу и обычаю церковному, чтобы по обѣтованію Господню получить успокоеніе совѣсти и прощеніе небесное.

Постараемся же, не откладывая, начать сіе благое и душеспасительное дѣло съ настоящаго времени, и на первыхъ порахъ, при помощи Божіей, справимся въ своемъ умѣ и сердцѣ, какова была наша прошедшая исповѣдь, и въ чемъ именно должно состоять истинное достоинство и значеніе исповѣди намъ предстоящей?

И во первыхъ, съ какими чувствами мы приступали въ прошломъ году къ исповѣди? Не являлся ли кто изъ насъ на исповѣдь просто изъ расчетовъ чисто земныхъ, чтобы о семъ знали родители, пачальники или наставники? Или это было сдѣлано кѣмъ-либо только для того, чтобы отбыть годичную исповѣдь и не отвѣчать на судѣ церковномъ и гражданскомъ? Или же дѣйствительно вы исповѣдывались тогда для примиренія съ Господомъ и освобожденія отъ грѣховъ своихъ?

Если же кто изъ васъ не былъ въ прошломъ году на исповѣди, то спросите самихъ себя: по какой причинѣ вы это сдѣлали? По лѣности ли, или изъ небреженія, или предубѣжденія противъ исповѣди? Или же просто изъ страха и опасенія предъ духовникомъ? Или по тяжести своихъ грѣховныхъ проступковъ? и т. п.

Если вы исповѣдывались въ узаконенное время, то какъ исповѣдывались? Всегда ли, какъ должно, вели счеты съ своею совѣстію, и употребляли ли при этомъ для самонаблюденія и самоиспытанія надлежащее время, свободное отъ шума мірской молвы и развлеченій мѣсто? и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ, достаточно ли вы высказали тогда всѣ грѣхи свои предъ отцомъ духовнымъ? Не затаилъ ли кто изъ васъ какого-либо грѣха со стыда или боязни? Или въ певинно-забытомъ грѣхѣ на одной исповѣди исповѣдывались ли вы на другой? Или, возобновляя каждый разъ одни и тѣже грѣхи, сознавались ли вы предъ духовникомъ, что въ тѣхъже самыхъ грѣхахъ вы уже исповѣдывались предъ нимъ на прошедшей исповѣди, и

объясняли ли ему причину таковой своей несправимости? Исполнили ли вы всё, какъ должно, наставленія и предостереженія отца своего духовнаго касательно вашего нравственнаго исправленія, и также всё епитиміи и другія нравственныя упражненія, если таковыя были назначены вамъ для успокоенія вашей совѣсти и нравственнаго усовершенствованія?

Если кто изъ васъ думаетъ переимѣнить духовника, то разсудите, почему именно вамъ хочется дѣлать это? И если на это будутъ дѣйствительно основательныя причины, то вы должны обо всемъ этомъ сообщить новому своему духовнику для его разсужденія и соображенія. Не имѣетъ ли кто изъ васъ при этомъ отъ прежняго своего духовника какого-либо отлученія или запрещенія? Въ такомъ случаѣ вы и о семъ должны непременно сообщить новому своему духовнику. Но еще лучше вы сдѣлаете, если въ такомъ своемъ положеніи снова обратитесь къ прежнему своему духовнику; ибо по узаконенію церковному, онъ только одинъ имѣетъ право разрѣшать запрещенныхъ отъ него, и снимать съ нихъ епитиміи, отъ него наложенныя.

Не менѣе того, каждый изъ васъ долженъ знать въ настоящее время, не приступилъ ли кто-либо изъ васъ къ какому-либо таинству въ тяжкомъ грѣхѣ, не исповѣдавши его прежде предъ священникомъ? И вообще не совершалъ ли кто когда исповѣди безъ надлежащаго искренняго сожалѣнія и раскаянія во грѣхахъ своихъ, безъ сердечнаго твердаго намѣренія исправить впредь жизнь свою, и безъ надлежащаго глубокаго желанія и намѣренія жить по духу св. вѣры и Евангелія Христова? Такимъ же точно образомъ вы должны знать при семъ и твердо запомнить, братіе, что ничто такъ не препятствуетъ достиженію надлежащихъ плодовъ св. исповѣди, какъ вражда съ ближнимъ и нестроеніе семейное. А потому крѣпко наблюдайте за собою, не имѣетъ ли кто изъ васъ какой-либо ссоры или незаконной тяжбы и вообще какой-либо неприятели съ своими сосѣдями, родными или знакомыми? Готовы ли помириться со всѣми, по ученію нашего Божественнаго Спасителя (Мѡ. 5, 23—24)? Или по крайней мѣрѣ прощаете ли въ душѣ своей всѣмъ своимъ врагамъ и недругамъ, и согласны ли первые подать руку примиренія каждому изъ нихъ, еслибъ они того пожелали?

Наконецъ молю васъ, братіе, именемъ Божиимъ: постарайтесь по мѣрѣ силъ своихъ въ сіи святые дни говѣнія и покаянія, возбудить въ сердцахъ своихъ глубочайшее чувство вѣры и упованія на безконечное милосердіе Божіе; ибо только одна истинная вѣра и надежда на Бога „покаяніе нераскаянно содѣвають“. А для этого я совѣтую вамъ, какъ можно чаще, читать символъ вѣры: *Вѣрую во единого Бога...* и псаломъ покаянный: *Помилуй мя Боже...*, также молитву Господню: *Отче нашъ*, и молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ...* и т. п. И если послѣ этого въ душѣ и совѣсти вашей не окажется никакого, малѣйшаго даже противленія или предубѣжденія противъ истинъ христіанства, если при этомъ души и сердца ваши пропикнутся неизмѣннымъ упованіемъ и христіанскою надеждою на всепрощеніе небесное, то послѣ этого, и только послѣ этого приступайте къ дальнѣйшему обозрѣнію и изученію вашей жизни, о чемъ при помощи Божіей поговоримъ далѣе. Аминь.

§ 14. Поученіе II-е, въ понедѣльникъ на Часахъ (примѣрно на первой недѣлѣ великаго поста, и всего лучше на шестомъ часѣ, послѣ пареміи), *о грѣхахъ противныхъ первой заповѣди.*

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене.

Вы сами знаете, братіе, что ничто такъ не вспомоществуетъ человѣку къ достиженію каждой цѣли, какъ надлежащее распредѣленіе дѣла, и послѣдовательное и разумное его исполненіе. Тѣмъ болѣе самая строжайшая система и послѣдовательный порядокъ должны составлять для каждаго изъ насъ самую священную обязанность при обозрѣніи дѣлъ и грѣховныхъ мыслей и чувствъ нашей прошедшей жизни. А такой именно порядокъ и заповѣдуетъ намъ св. Церкви наша, когда ознакомленіе съ нашею прошлою грѣховною жизнію передъ исповѣдію повелѣваетъ совершать по порядку заповѣдей десятословія (Объ обязанност. пресвит. прих. стр. 125). И этотъ порядокъ тѣмъ обязательнѣе для насъ, что онъ освященъ даже завѣтомъ самаго нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа. Припомните, что отвѣчалъ Онъ богатому

юношѣ, на вопросъ его: *что сотворю, да животь въч-ный наследствую?* Иисусъ же рече ему: *заповѣди въси: не прелюбы сотвориши, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствоуй...* и т. д. (Марк. 10, 17. 19), т.-е. говоря иначе, это значить, что всякій желающій достигнуть вѣчнаго спасенія и примиренія съ Богомъ, можетъ сдѣлать сіе не инымъ способомъ, какъ справляясь всякій разъ съ своею совѣстію, исполнилъ ли онъ все то, что повелѣваютъ намъ заповѣди Божій? или же напротивъ преступилъ оныя, и какъ преступилъ? и пр. и пр.

Не полѣнитесь же и вы, братіе, послѣдовать этому великому и душеспасительному наставленію, и по глаголу Господню, устремите все свое вниманіе, чтобы познать заповѣди (Лук. 18, 20), и въ особенности тѣ грѣхи, которые противны каждой изъ нихъ, дабы напоминаемъ объ этихъ грѣхахъ возбудить въ душахъ своихъ воспоминаніе и о соотвѣтствующихъ имъ грѣхахъ нашихъ собственныхъ (Іак. 1, 25), и такимъ образомъ по мѣрѣ силъ своихъ принести надлежащее раскаяніе, полное и совершеннѣйшее.

Я уже сказалъ вамъ, что для надлежащей полноты и совершенства предстоящей намъ исповѣди прежде всего требуется истинная, православная вѣра въ Бога и во все Его ученіе. Этому учить, и этого отъ насъ главнымъ образомъ требуетъ именно первая заповѣдь Десятословія: *Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии раземъ Мене.* И соотвѣтственно этому заповѣдь эта возбуждаетъ въ душахъ нашихъ слѣдующіе неизбѣжные вопросы:

Вопервыхъ, вѣруемъ ли мы, какъ должно, и исповѣдуемъ ли все, чему учить и что содержитъ св. Церковь наша православная? Не испытывалъ ли кто изъ насъ когда тѣхъ или другихъ истинъ св. вѣры изъ пустаго любопытства или съ злымъ сомнѣніемъ, забывая, что онѣ даны намъ отъ Бога, и потому, какъ истины божественныя, иногда выше нашего естественнаго разума и пониманія, и могутъ быть принимаемы съ нашей стороны только сердцемъ и исповѣдуемы устами во спасеніе наше. Въ частности, не сомнѣвался ли кто изъ васъ въ истинности какого-либо догмата или постановленія церковнаго, или не открывалъ ли когда подобнаго сомнѣнія другимъ, съ явнымъ намѣреніемъ, чтобъ и ихъ завлечь на свою сторону и поро-

дять въ душѣ ихъ тоже злое и неразумное сомнѣніе? Не сопротивлялся ли кто съ упорствомъ той или другой истинѣ вѣры, съ нечестивою цѣлю, чтобы жить свободнѣе и необузданнѣе? Вообще же, вѣруемъ ли мы всѣ въ Бога и Его св. промыслъ, и не впадалъ ли кто изъ насъ въ явное безбожіе или невѣріе? Вѣруемъ ли мы, какъ должно, въ Господа нашего Иисуса Христа и Его св. ученіе, по духу и ученію Церкви православной, и не впадалъ ли кто изъ насъ когда въ какую-либо ересь, или расколъ и т. п.? Не умозаклучалъ ли кто, что все равно въ какой бы вѣрѣ не жить, быть ли христіаниномъ или невѣрнымъ, и такимъ образомъ не впадалъ ли въ религиозное безразличіе или индефферентизмъ и т. п.?

Вовторыхъ, знаетъ ли мы вмѣстѣ съ симъ, какъ слѣдуетъ, и понимаемъ ли все, что намъ надобно знать, и чему нужно вѣровать для полученія вѣчнаго спасенія? Старались ли мы отъ юности своей познавать и изучать истины св. православной вѣры и продолжаемъ ли заботиться объ этомъ и до настоящаго времени? Читаемъ ли хоть когда-нибудь съ охотою и безъ предубѣжденія св. Евангеліе и другія книги духовнаго содержанія? Или по крайней мѣрѣ слушаемъ безлѣнно и съ должнымъ вниманіемъ поученія церковныя, когда они произносятся въ церкви? Любимъ ли мы вести или слушать душеспасительныя бесѣды о лицѣ Господа нашего Иисуса Христа и Его Пречистой Матери, и вообще о предметахъ, относящихся къ вѣрѣ и жизни христіанской и вѣчному спасенію человѣка? Не избѣгаемъ ли напротивъ, какъ это къ сожалѣнію всего чаще бываетъ въ настоящее время, даже легкихъ намековъ на предметы религиозныя и не чувствуемъ ли противъ нихъ тайной или явной нерасположенности или противленія?

Въ третьихъ, не привязано ли сердце кого-либо изъ насъ къ какой-либо вещи временной вмѣсто Бога, напр. къ какому-либо человѣку, или деньгамъ, или богатству, или къ какой-либо нехорошей наклонности и т. п.? Всегда ли какъ должно, полагаемъ мы Господа своею первою мыслию, главнымъ предметомъ своей любви, своею надеждою и упованіемъ? Не полагаемся ли напротивъ вмѣсто Бога на предметы временныя и скоропреходящія, напр. на знатность происхожденія, на земныя связи и т. п.? Не надѣялся ли кто когда, вмѣсто помощи Божіей, един-

ственно на однихъ друзей и знакомыхъ, или на покровителей и заступниковъ? При этомъ для пріобрѣтенія этихъ друзей и покровителей не употреблялъ ли кто подкуповъ, несправедливой мзды и т. п.? Не унижался ли кто при семь предъ кѣмъ-либо до забвенія и потери своего собственнаго достоинства, своей чести и положенія? Не полагался ли кто изъ насъ исключительно на одного самого себя, на одну свою мудрость, опытность или сообразительность? Вообще любимъ ли мы всѣ Господа Бога, какъ учить святое Слово Божіе, отъ всего сердца своего, отъ всей души своей и отъ всего помышленія своего?

Въ четвертыхъ, не ропталъ ли кто изъ насъ когда на Бога, и не вооружался ли противъ Его промыслительныхъ дѣйствій въ своей ли то частной жизни, или въ исторіи человѣчества, и не осуждалъ ли ихъ? Не называли ли мы когда Бога несправедливымъ, воображая, что Онъ забылъ насъ, что Онъ будто бы не хочетъ помочь намъ, или что безвинно наказываетъ насъ? и т. п. Не отчаявался ли кто совсѣмъ въ милосердіи Божіемъ и не думалъ ли, что за извѣстные грѣхи Господь уже вовсе не проститъ ему и не дастъ возможности покаяться и испросить прощеніе у Него? Или не полагался ли кто ужъ слишкомъ на милосердіе Божіе и въ надеждѣ на Его безконечную благодать,—не грѣшилъ ли безъ разбору, разсуждая неразумно, что Богъ и безъ нашего желанія и исправленія проститъ намъ, и помилуесть насъ?

Въ пятыхъ, не зараженъ ли кто изъ васъ лицемѣрною любовію къ Богу, или ханжествомъ или пустосвятствомъ? Или не воспиталъ ли кто въ сердцѣ своемъ ложной ревности по Богъ или фанатизма? Защищали ли вы и поддерживали ли святую вѣру свою и ея уставы и обычаи всегда и вездѣ по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнія? Не читали ли съ злымъ умысломъ и полнымъ сочувствіемъ сочиненій и книгъ, направленныхъ къ ниспроверженію христіанской вѣры и нравственности? Не старались ли нарочито распространять подобныя книги и сочиненія, чтобы и другихъ отвратить отъ Церкви и ея ученія? Не постыдился ли кто изъ васъ когда своей вѣры, не смѣя въ присутствіи другихъ перекреститься, или положить земной поклонъ, или отдать должную честь какой-либо святитѣлю, или сохранить установленный постъ? и т. п. Не насмѣхался ли кто вообще надъ другими предметами и

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

66).

Ст. 19. *Азъ бо закономъ закону умрохъ, да Богови живъ буду, Христови срасняхся.*

Въ послѣднихъ трехъ стихахъ апостоль показывается, съ какою рѣшительностію должно оставить законъ и прилѣпиться къ единому Господу, выставляя въ основаніе къ тому то, что въ этомъ прилѣпленіи къ Господу, какъбы сляянніи своей жизни съ Его жизнію, и есть настоящая жизнь, спасеніе и праведность. Говорить объ этомъ въ своемъ лицѣ, какъбы такъ: вотъ такъ надо поступать всякому, какъ я,—умереть закону и жить только Христу и Христомъ. Онъ могъ такъ говорить о себѣ и выставять себя въ образецъ не для похвальбы, а для объясненія дѣла. Ибо всѣмъ было извѣстно, какъ онъ вдругъ, какъ только узналъ, что есть истина во Христѣ, пресѣкъ всякое общеніе съ закономъ. Сколько прежде преданъ былъ ему и уповалъ на него, столько, увѣровавши въ Господа, далекъ сталъ отъ него и ни во что ставилъ его.

Такое свое отношеніе къ закону онъ выражаетъ словами: *Я умеръ закону*, пересталъ для него существовать, и онъ для меня. Какъ умершій свободнымъ становится отъ всѣхъ обязательствъ къ живымъ, такъ у меня со смертію закону прекратились всѣ къ нему обязательства. „*Закону*, говоритъ, *умрохъ*, чтобъ не быть болѣе подъ за-

кономъ.“ (Август.). Ибо „кто освобождается отъ закона, тотъ умираетъ закону“ (Амврос.).

Умершимъ себя закону выставляеть онъ чрезъ законъ же: *закономъ закону умрохъ*. Законъ самъ умертвилъ меня для себя, самъ отъ себя оттолкнулъ, самъ отъ себя отвелъ и привелъ ко Христу. Это можно понимать двоякимъ образомъ. Или такъ: самъ законъ тѣмъ, что не удовлетворялъ моего исканія правды, заставилъ меня бросить его и обратиться къ другому истинному источнику праведности; или такъ: самъ законъ преуказалъ мнѣ Христа—цѣль и конецъ закона; самъ онъ говоритъ о пришествіи Христа Спасителя и о необходимости слушать Его, чтобъ спастись. Слѣдуя сему внушенію закона, я обратился ко Христу и бросилъ законъ. Та и другая мысль совмѣщается въ одной той, что законъ былъ пестунъ во Христа. Древніе толковники на ней болѣе и останавливаются. Такъ блаженный Августинъ: „*закономъ, говоритъ, умрохъ закону*; поелику былъ іудей и законъ имѣлъ пестуномъ во Христа, какъ объясняетъ послѣ (Гал. 3, 24). Самимъ пестуномъ дѣлается то, что онъ послѣ и самъ не пуженъ бываетъ: какъ и сосцами питается младенецъ, чтобъ послѣ не имѣть нужды въ сосцахъ“.—Такъ св. Златоустъ: „показываетъ симъ, что онъ чрезъ сей самый законъ умеръ закону, т.-е. самый законъ убѣдилъ меня не слѣдовать закону. И если послѣ сего буду слѣдовать ему, то симъ самымъ нарушу его. Какъже и какимъ образомъ?—Моисей, предсказывая о Христѣ, говоритъ: *пророка отъ братіи твоя, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой: Того послушайте* (Втор. 18, 15). Очевидно изъ этого, что не повинующіеся Христу преступаютъ законъ“.—Такъ Θεодоритъ: „Убѣжденный самимъ закономъ, говоритъ апостоль, сдѣлалъ я себя мертвымъ для закона; потому что законъ преуказывалъ мнѣ Христа; убѣжденный закономъ, пришелъ я ко Христу, и для закона я мертвъ; потому что не имъ уже управляюсь въ жизни, но послѣдую постановленіямъ Христовымъ.“

Но кромѣ этого главнаго пониманія, они находятъ въ словахъ апостола оттѣнки и другихъ мыслей. Такъ говорятъ, что подѣ закономъ, коимъ умеръ закону св. Павелъ, можно разумѣть законъ евангельскій, какъбы такъ: новый законъ пришелъ отъ Бога, повинаясь которому, я оставилъ законъ ветхій; или такъ: я былъ связанъ съ ветхимъ закономъ, какъ жена съ мужемъ, и не могъ оставить его; но пришелъ новый законъ и умертвилъ тотъ законъ ветхій, отъ котораго ставъ, чрезъ смерть его, свободнымъ, я сочетался съ новымъ закономъ, что позволяетъ мнѣ и самый законъ.—Такъ св. Златоустъ: „возможно, что онъ здѣсь говоритъ о законѣ благодати, потому что и благодать обыкновенно называетъ онъ закономъ, когда напримѣръ говоритъ: *законъ духа жизни о Христѣ Иисусѣ освободилъ мя есть* (Рим. 8, 2).“ Такъ блаженный Иеронимъ: „Кто умираетъ закону, тотъ жилъ ему прежде, соблюдая субботы, новомѣсячія, дни праздничныя, жертвы. Когда же пришелъ Христосъ, и законъ ветхій умеръ чрезъ евангельскій законъ, то душа, которая, по писанному, *живу сушу мужу прелюбодѣйца бываетъ, ащебудетъ мужеву иному*,— по смерти мужа, т.-е. ветхаго закона, свободна сочетаться (съ инымъ мужемъ) съ духовнымъ закономъ (вѣры во Христа), да плодъ принесетъ Богу (Рим. 7, 2—4).“

Св. Златоустъ сверхъ того находитъ возможнымъ видѣть у апостола и такую мысль: законъ умертвилъ меня,—я и сталъ ему мертвъ; но Христосъ оживотворилъ меня мертваго,—я и живу Ему. „Мы можемъ, говоритъ онъ, и иначе понимать слова: *азъ закономъ закону умрохъ*. Если законъ повелѣваетъ исполнять все написанное въ немъ, и за неисполненіе наказываетъ (смертію), то мы всѣ умерли имъ, потому что никто не исполнилъ его. Но какъ бездушному и мертвому не свойственно повиноваться заповѣдямъ закона, такъ и мнѣ, умершему закономъ, потому что я умеръ силою слова его. Слѣд. болѣе онъ не долженъ требовать повиновенія отъ умершаго, котораго и самъ онъ умертвилъ,—и смертію не только тѣлесною,

но и душевную, чрезъ которую подвергъ и тѣлесной.— Поелику же онъ сказалъ: я умеръ, то чтобы не сказали ему: какъ же ты живешь? онъ представилъ и причину жизни и показалъ, что законъ умертвилъ его живаго, а Христосъ воспріавъ мертваго, оживотворилъ его чрезъ смерть Свою: въ чемъ показывается еще двоякое чудо—и тѣмъ, что Христосъ оживотворилъ его *мертваго*, и что оживотворилъ *чрезъ смерть*“.

Да Богови живъ буду, т.-е. чтобъ жить для Бога. Живеть для Бога тотъ, кто всѣ мысли свои, желанія, чувства, слова, дѣла и всякіе труды посвящаетъ Богу, во славу Его, на угожденіе Ему, по святой волѣ Его. — И сущіе подъ закономъ жили для Бога, но только внѣшно; внутреннее же ихъ не Ему работало. При всемъ томъ они считались правыми, яко исполнившіе внѣшнія условія оправданія. Теперь же, говоритъ, я, благодатію Божіею возраждаюсь въ Господѣ, и внутренно и внѣшно, всѣмъ существомъ къ Богу устремляюсь и живу Ему истинно, „т.-е. безсмертною и не старѣющеюся жизнію“ (Экум.).—*Или* такъ: прежде пришествія Господня, кто хотѣлъ жить Богу, тотъ долженъ былъ жить по закону Моисееву; ибо такова была воля Божія. Теперь иначе: Богъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ учредилъ новый, лучшій и дѣйствениѣйшій образъ жизни по Богу. Почему кто хочетъ нынѣ жить Богу, то-есть вполнѣ по волѣ Его, истинно въ угодность Ему, тотъ долженъ бросить законъ и вѣровать въ Господа: ибо такова нынѣ воля Божія, чтобъ Богу жить не иначе, какъ во Христѣ и чрезъ Христа. Еслибъ я, говоритъ, оставилъ законъ, да и только,—оставилъ, чтобъ только не стѣснять себя закономъ; то это было бы хуже, чѣмъ быть подъ закономъ. Но я оставилъ одинъ законъ, чтобъ принять другой лучшій; я все въ тойже области вращаюсь, въ которой царствуетъ воля Божія; оставилъ законъ, чтобъ жить Богу, какъ прежде, рабствуя закону, думалъ жить Богу. Но тогда не было во мнѣ истинной жизни; а теперь я сознаю ее во

мнѣ и ею живу, съ увѣренностію, что, живя такъ, живу Богу.

Гдѣ же взялъ св. Павелъ сію новую жизнь? Въ сораспятіи Христу. *Христови*, говоритъ, *срасняхся*. Этими словами показывается онъ, какъ, оставя законъ, онъ сталъ жить Богу. Онъ какъбы говоритъ: не думайте, что оставить законъ было для меня легко. Нѣтъ. Это было тоже что распятіе. Для чего распялся Христосъ? Для того, чтобъ исполнить волю Отца небеснаго, *Который тако возлюбилъ міръ, яко и Сына Своего едиnorodнаго предалъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*. Эту волю и я уразумѣлъ, и чтобъ ей послѣдовать, все принесъ въ жертву, — все, что такъ дорого было моему сердцу—наши религіозныя убѣжденія и любовь народа моего. Легко развѣ мнѣ было оставить то, къ чему съ дѣтства привыкъ, что такъ высоко цѣнилъ, и чѣмъ такъ дорожилъ?! Но уразумѣвши, что на то была воля Божія, я оторвалъ отъ сего сердце мое. Не видѣлъ развѣ я, что оставляя законъ навлеку ненависть народа моего, который люблю, и славу и благосостояніе котораго считаю своими? Но я предалъ себя на всякія страданія отъ тѣхъ, кого люблю, чтобъ не погрѣшить противъ воли Отца нашего небеснаго, такъ явно открытой мнѣ въ Господѣ Исусѣ Христѣ. Перемѣна моя была болѣзненна, какъ смерть. Больно было отстать отъ закона, страшно было возбудить опасности кругомъ и поставить себя въ состояніе ожиданія смерти на всякой часъ. Но я предалъ себя на болѣзни и смерть,—прилѣпившись ко Христу вѣрою, и все упованіе спасенія моего на Него единаго. возложивши. Я былъ и есмь въ состояніи распятаго,—въ сораспятіи Христу.

Но въ этомъ еще не все. Сораспятіе Христу тутъ видно; но какъ отсюда истекла новая жизнь по Богу?! Для того, чтобъ началась новая жизнь, недостаточно было одной указанной нравственной переменны. Эта переменна—только приготовленіе къ новой жизни. Самая жизнь образуется

рожденіемъ свыше, которое совершается въ крещеніи. Св. Златоустъ говоритъ: „Но какимъ образомъ, скажетъ кто, онъ сраспялся (Христу), когда былъ живъ и дышалъ? Что Христось былъ распятъ, это ясно; но какъ ты распялся и живешь?—Словами,—*Христови сораспялся*, онъ указалъ на крещеніе“.—„Христу сораспялся я; ибо Ему спогребся я крещеніемъ“ (Θеодор.). „Духовно сораспялся я Ему, и умеръ съ Нимъ чрезъ крещеніе“ (Θеоф.). Какъ крещаемый въ смерть Христову погружается и изъ купели исходитъ въ обновленіи жизни, апостоль пространно изображаетъ въ посланіи къ Римлянамъ (—6, 1—13). Въ этотъ моментъ новаго рожденія душа ощущаетъ, и съ этого же момента постоянно начинаетъ ощущать, что она уже имѣетъ въ совершенствѣ все, чего ожидала и могла ожидать отъ закона, который потому оказывается ненужнымъ,— и что новая зародившаяся жизнь столько блаженна, что сравнительно съ нею всѣ жертвы ничто. Такимъ образомъ то, что во время обращенія ко Христу Господу причиняло смертную болѣзнь и грозило смертями, теперь исчезло: то мертвенное пожерто животомъ о Христѣ Иисусѣ Господѣ.

Ст. 20. *Живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христось: а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ.*

Я умеръ, говоритъ, но не съ тѣмъ, чтобъ мертву быть, а чтобъ жить иною жизнію совершеннѣйшею. Я сораспялся Христу; и Христось, живой и въ распятіи, жизнію Своею меня исполнилъ: сталъ жить во мнѣ. Теперь ужь не я живу, но живетъ во мнѣ Христось. Это не нравственно только, въ томъ смыслѣ, что я Ему всецѣло преданъ, и все Ему посвящаю,—и мысли и чувства, и дѣла и слова, и внѣшнее мое все, какъ и внутреннее. Ничего для себя не загадываю, все для Него; меня будто нѣтъ, а есть только Онъ во мнѣ, и угождать Ему единственная моя забота. Но и самымъ дѣломъ, существенно, Онъ во мнѣ. Я

сочетался Ему, а Онъ мнѣ. Я привился къ Нему, какъ дикая маслина, и Онъ исполнилъ меня Своею жизнію. Онъ во мнѣ вседѣйствуетъ, все направляя во славу Божию и спасеніе мое и другихъ. Отъ Него возбужденіе, отъ Него и сила. Это не такъ бываетъ, чтобъ личность исчезала; но такъ, что душа сознательно и свободно предаетъ себя вседѣйствію Христову. И Онъ вседѣйствуетъ въ душѣ, по желанію, исканію и любовному воспріятію Его вседѣйствія; такъ что въ дѣлѣ выходитъ будто душа сама дѣйствуетъ. Ибо *прильпываясь Господеви единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17). Вѣрою вселяется Христосъ въ сердца (Еф. 3, 17), и исполняется то, что Онъ обѣтовалъ: „вы во Мнѣ и Азъ въ васъ“ (Іоан. 15, 4). Отсюда, что ни дѣлаетъ вѣрующій, истинно цѣнное въ очахъ Божіихъ, не безъ Него дѣласть (Іоан. 14, 5). Безъ Него такихъ дѣлъ никто и дѣлать не можетъ.

Экуменій пишетъ: „того ради живетъ во мнѣ Христосъ, что во мнѣ не бываетъ ничего Ему неблагоугоднаго. Или такъ: живетъ во мнѣ, воздѣйствуя, господствуя, всѣмъ бывая для меня“. — Ту и другую сторону сего таинства жизни во Христѣ пространнѣе изображаетъ св. Златоустъ: „сказавъ: *живу не ктому азъ*—указалъ на послѣдующій за крещеніемъ образъ жизни, которымъ умерщвляются уды. Что же значитъ: *живетъ во мнѣ Христосъ?* То, говоритъ, что я ничего не дѣлаю, что негодно Христу. Ибо какъ подъ жизнію разумѣтъ онъ не общую жизнь, но грѣховную, такъ и подъ смертію разумѣтъ освобожденіе отъ грѣховъ. Ибо иначе невозможно жить для Бога, какъ умерши грѣху. И такъ, какъ Христосъ умеръ тѣломъ, такъ и я умеръ грѣху. *Умертвите убо, говоритъ, уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть* (Кол. 3, 5). Также, *ветхій нашъ человекъ съ нимъ распятыся* (Рим. 6, 6), т.-е. въ купѣли крещенія.—Теперь если ты пребудешь мертвымъ грѣху, то будешь живъ и жить Богу; а если опять воскреснешь для грѣха, то потеряешь сію жизнь. Но Павелъ не таковъ: онъ чрезъ всю жизнь пребылъ мер-

твѣмъ грѣху. Смотри, какъ строга и чиста его жизнь, и преимущественно предъ другими удивляйся сей блаженной душѣ! Не сказалъ онъ: живу я, но: *живеть во мнѣ Христосъ*. Кто дерзнетъ оспаривать истину сказаннаго? Хотя онъ всего себя предалъ Христу, отказался отъ всего временнаго и все дѣлалъ по Его волѣ, однакожь не сказалъ: посему я живу для Христа, но, что гораздо важнѣе, *живеть во мнѣ Христосъ*. Ибо какъ грѣхъ, когда возбладаетъ человѣкомъ, онъ уже и живеть въ немъ, и управляетъ душею его по своему произволу: такъ когда по умерщвленіи его, человѣкъ дѣлаетъ благоугодное Христу, такая жизнь его уже не есть жизнь человѣка, но живущаго въ немъ, т. е. дѣйствующаго и управляющаго имъ Христа^а.

А еже нынѣ живу во плоти... Это выводъ изъ предыдущаго.—Жить по плоти значитъ жить плотски, чувственно, въ похотяхъ; а жить во плоти значитъ жить въ тѣлѣ видимо для всѣхъ, въ этой жизни. Апостоль обращаетъ вниманіе слушавшихъ его на то, какъ онъ себя держалъ или вель себя видимо для всѣхъ, и говоритъ какъбы: что если я видимо для всѣхъ держу себя такъ и такъ,—т. е. свободно отъ всѣхъ обязательствъ закона, ни жертвъ не приношу, ни омовеній не принимаю, не соблюдаю ни субботы, ни праздникова и самое обрѣзаніе выѣняю ни во что,—что живу я нынѣ такъ видимо, то это потому, что *вѣрою живу Сына Божія*; ни на что другое кромѣ Его не опираюсь на Него возложилъ все упованіе спасенія, въ увѣренности непоколебимой, что Онъ и грѣхи мои простить, и жизнь мою исправить, и въ царство Свое вѣчное введеть. Этою вѣрою—живу; она составляетъ весь строй моей внутренней жизни. Жертвы законныя и всѣ предписанія закона имѣли цѣну потому, что прообразовали Христа—Сына Божія. Теперь же, когда пришелъ Сынъ Божій и предалъ Себя за насъ, всѣ чины ветхозавѣтныя потеряли свое значеніе. Намъ надлежитъ бросить законъ и прилѣпиться ко Христу вѣрою: что я и дѣлаю. Все выѣнилъ въ уметы,

да Христа пріобрѣтаю,—и живу единою вѣрою въ Него. Сынъ Божій, возлюбившій насъ, пришелъ на землю и предалъ Себя за насъ, и сталъ Ходатаемъ нашимъ и Умиловителемъ правды Божіей, и Подателемъ благодати Божіей, дающей намъ новую жизнь. Это я принимаю и усвою себѣ вѣрою, и другаго ничего знать не хочу. Вотъ почему я живу такъ, какъ вы видите меня живущимъ, т.-е, въ совершенномъ отрѣшеніи отъ закона!—Тутъ, по замѣчанію св. Златоуста, заключается сильный укоръ тѣмъ, къ кому была обращена рѣчь Павлова. Онъ какъ бы говоритъ каждому изъ нихъ: „Христосъ столько возлюбилъ тебя, что предалъ Себя самого; и когда ты не имѣлъ надежды ко спасенію, привелъ тебя къ столь великой и столь высокой жизни; а ты, получивши такія блага, опять обращаешься къ ветхому.“

Св. Златоустъ при этомъ еще особое обращаетъ вниманіе на то, почему св. Павелъ совершенное Господомъ спасеніе всѣхъ усвоетъ себѣ одному. „Что ты дѣлаешь, Павле? Почему общее всѣмъ присвоешь себѣ и относишь къ одному себѣ то, что сдѣлано за всѣхъ людей? Ибо ты не сказалъ: возлюбившаго насъ, но: *возлюбившаго мене*. А евангелистъ говоритъ: *такъ возлюби Богъ міръ* (Іоан. 3, 16); и ты самъ въ другомъ мѣстѣ говоришь: *уже убо Своего Сына не пощадъ, но предалъ есть Его*—не за тебя, но за насъ *всѣхъ* (Рим. 8, 32). Почему же онъ такъ говоритъ здѣсь? Онъ представилъ себѣ всю безнадежность чловѣческаго естества и неизреченное попеченіе о насъ Иисуса Христа, и отъ чего Онъ освободилъ насъ, и что даровалъ намъ, и представивъ все сіе, весь объятъ былъ пламенемъ любви къ Нему; потому и говоритъ такъ. Ибо и пророки общаго всѣмъ Бога часто называютъ своимъ, говоря такъ: *Боже, Боже мой! къ Тебѣ утреню* (Пс. 62, 2. Кромѣ того онъ показалъ симъ, что каждый изъ насъ столь же справедливою благодарностію обязанъ Христу, какою былъ бы обязанъ и тогда, когда бы Онъ пришелъ для него одного. Ибо онъ не отказался бы при-

нять на себя такое ходатайство и за одного; потому что и каждаго человѣка отдѣльно любить столько же, сколько и весь міръ. Притомъ же, хотя жертва принесена была за всѣхъ, и достаточна была ко спасенію всѣхъ; однако воспользовались благодѣаніемъ ея одни увѣровавшіе.

Ст. 21 *Не отметаю благодати Божія: аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре.*

„Отметать, значить не вѣровать, уничижать, охуждать“. (Экум.). Апостоль говоритъ какъ бы: не могу иначе; ибо еслибъ я держался еще закона, то отметалъ бы, уничижалъ и охуждалъ благодать. Или такъ: Самъ Господь такъ милостиво приближается ко мнѣ, ради единой вѣры, даруя мнѣ и прощеніе грѣховъ, и внутреннее обновленіе: какъ могу я отметить эту благодать, и еще продолжать вязать себя узами закона? Св. Дамаскинъ говоритъ: „благодатию, говоритъ, я сталъ свободенъ. Почему возвращеніемъ опять къ закону не навлеку укора на благодать, какъ будто она не сильна животворить.“ „Ибо (по пришествіи благодати) продолжающій жить по закону безчеститъ благодать, какъ недостаточную для спасенія“ (Θεод.). По Амвросіасту св. Павелъ какъ бы такъ говоритъ здѣсь: „не могу оказаться неблагодарнымъ благодати Божіей и не пребывать непоколебимо въ вѣрѣ въ Господа Иисуса Христа, зная, что никѣмъ такъ я не благодѣтельствованъ какъ Имъ, и что если я сравню съ Нимъ другаго (законъ), отъ котораго никакой не получилъ помощи, то этимъ окажу презрѣніе къ Нему“.

Аще бо закономъ правда—δικαιοσύνη—праведность, богоугодная, спасительная жизнь,—убо Христосъ туне умре. Еслибъ законъ доставлялъ и прощеніе грѣховъ, и внутреннюю правоту и освященіе; то Христу не для чего было умирать. Онъ затѣмъ и умеръ, чтобъ доставить намъ сіи два существенныя блага—прощеніе грѣховъ и освящающую благодать, которыхъ кромѣ Его никто другой доставить не могъ, и безъ которыхъ нѣтъ намъ спасенія. Ибо пока

мы подъ грѣхомъ, не прощены; нѣтъ намъ приступа къ Богу. Но еслибъ я были прощены, а внутренно не обновлены и не получили силъ на хожденіе въ волѣ Божіей неуклонное; то все оставались бы непотребными предъ Богомъ. Господь Спаситель умеръ за насъ, и грѣхи наши пригвоздилъ ко кресту. Потомъ вознесшись на небо, Св. Духа ниспослалъ отъ Отца. Почему вѣрующимъ въ Него подаетъ и прощеніе грѣховъ, и спасительную благодать Св. Духа. Безъ этихъ двухъ нѣтъ намъ спасенія. Слѣдственно Христось, доставившій ихъ намъ, не напрасно умеръ. Но еслибъ сіи блага доставлялъ законъ; то Христу не для чего было бы умирать, когда уже все нужное для спасенія доставляетъ законъ.

Апостоль въпрочемъ высказываетъ здѣсь только общее положеніе; выводъ же изъ него предоставляетъ сдѣлать каждому самому, ради его крайней очевидности. Именно: по Христось не туне умеръ, никакъ нельзя сказать, что Христось напрасно умеръ; слѣдовательно не закономъ правда.

Св. Златоустъ говоритъ при сихъ словахъ св. Павла: „какой еще грѣхъ больше сего, какія еще слова сильнѣе сихъ къ обличенію? Ибо если Христось умеръ, то очевидно потому, что законъ не силенъ оправдать насъ; если же законъ оправдываетъ, то Христось умеръ напрасно. Но безразсудно ли будетъ называть бесполезнымъ и напраснымъ сіе, столь страшное и превышающее умъ человѣческой дѣло, сіе неизреченное таинство, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали патріархи, которое предсказывали пророки, и на которое ангелы взирая ужасались, — дѣло, которое по справедливости отъ всѣхъ должно быть признаваемо за главную причину Божія промысленія о насъ? — Такимъ образомъ апостоль представляетъ, какъ крайній степень глупости и нелѣпости, столь великое и важное дѣло почитать напраснымъ“.

„Очень сильно слово сіе, пишетъ блаж. Иеронимъ, противъ тѣхъ, которые послѣ вѣры во Христа думаютъ, что

надо соблюдать предписанія закона. Если закономъ правда, то Христось напрасно умерь. Или пусть покажутъ, какъ Христось не напрасно умерь, если дѣла закона оправдываютъ; но какъ бы ни были они глупы, не посмѣютъ сказать, что Христось даромъ умерь.—Посему мы должны дополнить здѣсь рѣчь слѣдующимъ наведеніемъ: но Христось не туне умерь,—и заключить: слѣдовательно не закономъ правда“.

Вѣручительная, главная часть посланія (3—5, 12).

Въ первой части св. Павелъ себя очистилъ отъ нѣкоторыхъ нареканій и возстановилъ свое апостольское достоинство. Расположивъ же такимъ образомъ Галатовъ снова внимать съ покорностію слову своему, начинаетъ вразумлять ихъ, какую большую ошибку сдѣлали они, склоняясь къ закону. „Выше онъ показывалъ только, что онъ сдѣлался апостоломъ не отъ человѣковъ и не чрезъ человѣковъ, и что не имѣлъ нужды въ наученіи отъ апостоловъ; а здѣсь послѣ того, какъ представилъ себя достойнымъ довѣрія учителемъ, уже со властію бесѣдуетъ, сравнивая между собою законъ и вѣру“ (Св. Златоустъ).

Предметъ, раскрываемый здѣсь апостоломъ есть необходимость закона для Галатовъ, какъ язычниковъ. И впереди рѣчь хотя шла все къ Іудеямъ, но она такого рода, что на всемъ протяженіи своемъ давала Галатамъ самые вразумительные уроки. Общее впечатлѣніе отъ ней исходило такое: если Іудеи должны оставить законъ, который для нихъ и данъ; то намъ-то зачѣмъ себя вязать имъ? За эту мысль и берется теперь св. Павелъ, доказываетъ ее, оправдываетъ отъ возраженій и прилагаетъ къ Галатамъ убѣжденіемъ.

Въ ходѣ мыслей св. Павла такой порядокъ. Сначала

А. Доказываетъ онъ, что для Галатовъ, какъ язычниковъ, законъ не нуженъ.

1) Первое доказательство беретъ онъ изъ полученія Галатами Св. Духа безъ участія въ семь закона (3, 1—5).

2) Второе изъ указанія на законъ Божескаго о родѣ человѣческомъ промышленія, по которому положено изъ начала, чтобъ язычники вступили въ Божіе достояніе путемъ вѣры Авраамовой, какъ и обѣтовано было Аврааму (3, 6—14).

Б. Потомъ опровергаетъ возраженія (3, 15—29). Мысль о значеніи вѣры Авраамовой могла быть колеблема недоумѣніями и подрывать силу доказательства.

1) Пусть обѣтованіе дано вѣрѣ Авраамовой, но послѣ пришелъ законъ и измѣнилъ условія. До закона была въ силѣ вѣра, а по законѣ законъ сталъ условіемъ полученія обѣтованія. Нѣтъ, говоритъ апостоль, законъ не отмѣнилъ силы обѣтованія за вѣру (3, 15—18).

2) Но если такъ; то зачѣмъ законъ?—Онъ приготовитель ко Христу. Почему, когда пришелъ Христосъ Господь, долженъ престать. Теперь и мы (Иудеи), и вы одно (3, 19—29).

В. Наконецъ убѣждаетъ Галатянъ возвратиться къ истинѣ, склоняя къ покорности ей разными представленіями, какія обычно всѣми употребляются на это дѣло (4, 1—5, 12).

Главная цѣль у св. апостола не та, чтобъ показать, что праведность не отъ закона, а что законъ не нуженъ для язычниковъ, что имъ дорога ко Христу Господу открыта помимо закона. Все теченіе рѣчи къ этому и направлено. Законъ только для Иудеевъ, и то на время. Кончилось то время,—и для нихъ онъ сталъ не нуженъ, и для нихъ тотъ же путь ко Господу—путь вѣры исключительно. Въ этомъ и они, и язычники—равны.—Поставляя другую цѣль, иные толковники многія мѣста сего отдѣленія понимаютъ невѣрно, съ натяжкой проводя протестантскія воззрѣнія на отношеніе вѣры и добрыхъ дѣлъ въ дѣлѣ спасенія.

А.

Доказательства ненужности закона іудейскаго для Галатовъ, какъ язычниковъ.

1.

Первое—изъ полученія ими Св. Духа, помимо закона—3, 1—5.

Отличительное преимущество Христіанства, ставящее его выше всѣхъ другихъ вѣръ и исключительно выставяющее истинною вѣрою, есть дарованіе благодати возрожденія и другихъ даровъ Св. Духа. Не одна высота боговѣдѣнія и чистота нравственныхъ законовъ отличаетъ его; но что въ немъ ради вѣры въ Господа чрезъ таинства дается благодать Св. Духа, дѣлающая человѣка новою тварію: чего никакая вѣра, кромѣ истинно-христіанской, не даетъ и дать не можетъ.

Откровеніе христіанское теперь есть на всѣхъ почти языкахъ. Всякій любознательный можетъ вычитать и усвоить себѣ содержащіяся въ немъ понятія; но все онъ не будетъ христіанинъ, пока не получитъ благодати Св. Духа извѣстнымъ, богоучрежденнымъ путемъ. Возможно составиться цѣлому обществу такихъ вѣдцевъ евангелія, и имя даже себѣ присвоить евангеликовъ, но быть безблагодатными, и слѣдовательно, христіанами только по имени.

И вотъ предметъ, который во всѣхъ своихъ посланіяхъ преимущественно разъясняетъ св. Павелъ! Несправедливо говорятъ, что у апостола Павла главное—противопоставленіе вѣры дѣламъ. Нѣтъ, главное у него — проповѣдь о благодати Св. Духа, безъ коей нѣтъ спасенія; все же прочее—средства къ сему. Притестанты усвоили себя первую мысль, и искривили все толкованіе посланій сего апостола и все ученіе о христіанской истинѣ.

И въ посланіи къ Галатамъ не разъ онъ обращается къ сему предмету. Его ставитъ онъ и во главу истинъ, коими хочетъ вразумить Галатовъ. Онъ не доказываетъ, что

безъ Духа Святаго все ничто. Это считается доказаннымъ и всѣми признаннымъ. А спрашиваетъ: благодать Св. Духа какъ вы получили?—Закономъ!—Нѣтъ.—Такъ на что же вамъ законъ?—Короткая рѣчь,—въ конецъ однакоже разоряющая всеіудейство.—А протестанты кричатъ: а! видишь?—вѣра—главное.—Оно—не вѣра. Ради вѣры чрезъ таинства дана благодать. И главное теперь—какъ сдѣлать чтобъ благодать навсегда пребывала въ насъ и довершила въ насъ свое дѣло. Первое онъ выясняетъ въ настоящемъ отдѣленіи, а второе въ слѣдующемъ, 5, 13 и до конца.

3, 1.

О несмысленнѣи Галате, кто вы прельстиль есть непокоритися истинѣ?—Имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ.

Воззваніе выражаетъ и скорбь, и негодованіе любви, и изумленіе. Оно само собою могло вырваться послѣ предыдущаго разсужденія о силѣ вѣры во Христа Іисуса Господа и о томъ, какое великое совершенство и блаженство подается тѣмъ, кои живутъ во Христѣ и Христа имѣютъ въ себѣ живущимъ. Переходя послѣ сего мыслію отъ себя къ Галатамъ, апостоль съ изумленіемъ и съ жалѣніемъ говоритъ: о неразумные! Вѣдь это же все и у васъ было, какъ же вы допустили обмануть себя? „Замѣть, говоритъ св. Златоустъ, что онъ не въ началѣ (посланія) употребилъ такую строгость, но послѣ обличеній и доказательствъ, дабы они сію укоризну приняли не какъ отъ него, но какъ необходимое слѣдствіе изъ предшествующихъ разсужденій. Ибо онъ доказалъ напередъ, что они отметають вѣру и смерть Христову почитаютъ излишнею; потомъ уже дѣлаетъ сію укоризну, впрочемъ еще малую и легкую; ибо они достойны были еще строжайшихъ укоризнъ“.

Блаженный Іеронимъ неосмотрительность относитъ къ природнымъ свойствамъ Галатовъ. „Критяне, говоритъ,

лживы, Далматы — жестокосерды, Фригійцы — боязливы, Греки — тщеславны и легкомысленны, а Галаты не разсудительны. Лишь мало что покажется вѣроятнымъ, они, необдумавши какъ слѣдуетъ, бросаются на то“. Настоящій опытъ оправдываетъ такое мнѣніе. Съ какимъ увлеченіемъ приняли они проповѣдь о Христѣ Спасителѣ?! — И вдругъ обратились къ Нему спиною.

Но въ св. апостолѣ нельзя видѣть негодованія презрѣнія и отвращенія, а негодованіе любви и ревнованія объ ихъ спасеніи, — плачь отеческаго о нихъ сожалѣнія, голосъ напряженнаго желанія возвестъ ихъ поскорѣе къ самоисправленію. Такъ дѣлаютъ родители, желая исправить дѣтей своихъ.

Эта отеческая нѣжность слышится въ вопросѣ: *кто вы прельстили?* Не говоритъ прямо: зачѣмъ вы такъ сдѣлали? Но обращается къ стороннимъ лицамъ, которыя злодѣйски съ ними поступили. Этимъ онъ смягчаетъ отеческій укоръ, приписывая ихъ уклоненіе отъ истины не столько ихъ произволу, сколько увлекательному обману лжеучителей. Таково слово отца, полнаго любви, который и выговоръ дѣлаетъ, и въ самый выговоръ вставляетъ рѣченія извиняющія нѣкоторымъ образомъ виновнаго, чтобы не уколотъ, а уврачевать и воодушевить возвратиться къ истинѣ, указывая въ уклоненіи отъ ней дѣйствіе вражества злонамѣренныхъ людей. Почему и глаголь такой употребилъ: *кто прельстили?* Прельстить значитъ сдѣлать, что другіе начинаютъ видѣть вещи не въ своемъ видѣ, видѣтъ то, чего нѣтъ, и не видѣтъ того, что всѣ видѣтъ.

Греческое слово, — ἐβάσκαυε, отъ βασχαίνω — значитъ взглянуть на что завистливымъ, недоброжелательнымъ окомъ, съ желаніемъ вреда, а далѣе, глазомъ повредить, или, какъ обычно говорятъ, сглазить. Апостольскій будто выразить хотѣлъ: такъ непонятно ваше измѣненіе, что я готовъ приписать его какому-нибудь очарованію. Конечно такой мысли не было у апостола. Онъ хотѣлъ только

смягчить укоръ, указывая, что совращеніе ихъ зависить болѣе отъ козней и хитрости совратителей, чѣмъ отъ нихъ. Позавидовали вашему доброму успѣху въ христіанствѣ и устроили вамъ такіе ковы, что вы совратились и лишаетесь того, что въ такомъ обилии стяжали.

Блаженный Иеронимъ нѣсколько останавливается на сказанномъ значеніи. „Прельстиль, говоритъ, очароваль, сглазилъ. Надобно однакожь истолковывать слова сіи достойно апостола. Не потому онъ такъ сказалъ, чтобы признавалъ чары чѣмъ-либо, но употребилъ ходячее выраженіе. Говорятъ, что глазъ завистника вредить тому, кому онъ завидуетъ, особенно дѣтямъ. Такъ ли это или нѣтъ, Богъ знаетъ. Можетъ быть демоны подслуживаютъ сему грѣху.—Но что очевидно для насъ, это то, что апостоль взялъ слово изъ народной ходячей рѣчи, чтобы показать, что какъ, по обычной поговоркѣ, нѣжнымъ дѣтямъ вредить сглазеніе: такъ Галаты, недавно вновь рожденные вѣрою во Христа, и еще млекою питаемые, а не брашномъ, какъ бы сглазенные кѣмъ, потерпѣли вредъ“.

Но восточные св. толковники разумѣютъ здѣсь прямо зависть. Св. Златоустъ говоритъ: „сказавши: ἐβιάσθητε, позавидовалъ,—апостоль соединяетъ съ укоризною и похвалу. Симъ онъ показываетъ, что первыя дѣла и поступки ихъ были достойны зависти, и что случившееся съ ними произошло хитростію діавола, сильно досадовавшаго на ихъ благосостояніе. Когда же слышишь здѣсь слово — *завистливое око*, равно какъ въ Евангеліи,—*лукавое око* (Мѡ. 20, 15), которое тоже означаетъ, то не подумай, что одно устремленіе глазъ можетъ вредить тѣмъ, на которыхъ смотримъ. Но какъ въ Евангеліи Христось Господь такъ называлъ зависть, такъ и здѣсь апостоль разумѣетъ позавидовавшихъ; дѣло же зависти—вредить. И это говоритъ онъ не потому, чтобы зависть сама по себѣ имѣла силу вредить, но что совратившіе ихъ сдѣлали сіе по зависти“.

Въ томъже смыслѣ пишетъ и блаженный Теодоритъ: „Упрекъ соединяетъ съ похвалою. Ибо завидуютъ богатому, а не бѣдному, благоденствующимъ, а не злощастнымъ. Почему апостольское слово даетъ видѣть прежнюю ихъ ревность по благочестію; показываетъ же и отеческую любовь въ апостолѣ; потому что сѣтуетъ о нихъ, какъ объ утратившихъ собранное богатство. Какой завистливый и зложелательный демонъ, говорить апостолъ, похитилъ досточудное ваше богатство“?

Не покорится истинѣ. Они уже покорились, но не устояли. Греческое слово: *πειθεσθαι*—значитъ и убѣждаться, и стоять на своемъ упорно. Изумленіе свое выражаетъ апостолъ, какъ сдѣлалось, что они не устояли въ однажды принятомъ убѣжденіи, не пребыли покорными истинѣ евангельской, имъ преданной, но оставя ее поддались лживымъ увѣреніямъ невѣдающихъ истины учителей, тогда какъ такъ ясно представлено имъ было дѣло спасенія крестомъ и такъ живо было ими воспринято.

Имже предъ очима Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ. „Преднаписанъ писаломъ проповѣди. Проповѣдь живописала вамъ крестъ; вы же очами вѣры видѣли его, какъ присущаго“ (Экум.). Обоюдное дѣйствіе выражаетъ—и то, какъ сильна была проповѣдь, и то, какъ живо они усвоили силу ея. Вѣра возвела ихъ въ созерцаніе умомъ Господа распятаго и совершеннаго имъ дѣла спасенія. Слово: *въ васъ*, значитъ *или* среди васъ,—какъ бы Господь среди васъ былъ распятъ и всякой изъ васъ видѣлъ Его распатымъ предъ очами; или *въ васъ*—въ сердцахъ вашихъ, въ чувствѣ, въ той мысли, что они вошли въ сочувствіе страданіямъ Господа и сердцами спосградали Ему. Сила рѣчи вотъ въ чемъ: слѣдовательно, вы разумѣли силу смерти Господа, познали, что это есть жертва умиловленія о грѣхахъ всего міра, слѣдственно и вашихъ. Тогда и на мысль вамъ не приходили жертвы законныя. Какъ же сдѣлалось, что вы теперь на нихъ опираться хотите?

Крестная смерть Господа есть средоточіе въ экономіи нашего спасенія, и опора всѣхъ надеждъ спасаемыхъ. Отсюда уклоненіе отъ вѣры, или жизни по вѣрѣ всегда есть слѣдствіе невниманія къ крестной смерти Господа и недолжнаго къ ней отношенія. Но у Галатовъ былъ грѣхъ прямо противъ сей смерти; ибо, принимая законъ, они уничтожили цѣну ея. Отсюда очень важный для всякаго урокъ: не вѣроую только, но и мыслію не отклоняться отъ креста; созерцай всегда Господа распятаго, и тѣмъ питай вѣру свою и ревность о жизни по вѣрѣ.

Св. Златоустъ такъ изображаетъ смыслъ сихъ словъ: *имже предъ очима....* — „Но не въ Галатійской странѣ Онъ распятъ былъ, а въ Іерусалимѣ. Почему же говорить—*въ васъ?*—Симъ онъ указываетъ на силу вѣры, которая и отдаленное можетъ видѣть. Потому и не сказалъ: распятъ, но *преднаписанъ былъ распятымъ*, показывая симъ, что они очами вѣры видѣли происшествія лучше, нежели нѣкоторые изъ видѣвшихъ оныя тѣлесными глазами. Ибо многіе изъ тѣхъ, видѣвши оныя своими глазами, не получили никакой пользы: а сіи, хотя не видѣли ихъ своими глазами, по силою вѣры еще яснѣе увидѣли оныя. Говоря сіе, онъ и укоряетъ ихъ, и вмѣстѣ хвалить. Хвалить за то, что они все повѣствуемое о Христѣ приняли съ полною увѣренностію въ истинѣ; а укоряетъ за то, что оставили Того, котораго видѣли обнаженнымъ за нихъ, привязаннымъ къ столпу, пригвожденнымъ ко кресту, оплеваннымъ, поругаемымъ, напаяемымъ оцтомъ, носимымъ отъ разбойника, прободаемымъ (ибо все это обнялъ онъ словами: *преднаписанъ бытъ въ васъ распятъ*), и, оставивъ Его, обратились къ закону, нисколько не устыдившись оныхъ страданій Его.—Ты же замѣть, какъ онъ, оставивъ небо, землю, море и все прочее, проповѣдывалъ силу Христову, обнося повсюду одинъ крестъ Христовъ; ибо это есть верхъ промышленности Господня о насъ “.

Если отвлеченно отъ Галатовъ взять слово—*преднапи-*

санъ;—то для насъ христіанъ Христось преднаписанъ въ Ветхомъ завѣтѣ. Эту мысль высказалъ блаженный Іеронимъ. „И для насъ, говоритъ, Христось преднаписанъ; потому что о Его страданіяхъ, оплеваніяхъ и заушеніяхъ предсказываетъ весь хоръ пророковъ,—такъ что о крестѣ Его мы узнаемъ не изъ Евангелія только, которое о распятіи Его повѣствуетъ, но и изъ того, что написано въ Божественномъ Писаніи прежде, чѣмъ Онъ благоволилъ снизойти на землю, и воспріять челоуѣка, чтобы распяться въ немъ“.

Ст. 2. *Сіе едино хошу увѣдѣти отъ васъ, отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте, или отъ слуха вѣры.*

Апостоль прямо приступаетъ къ дѣлу, и однимъ вопросомъ рѣшаетъ споръ. Онъ выставляетъ такое положеніе безспорное: ради чего данъ Св. Духъ, того исключительно и держаться должно. Если ради дѣлъ закона Онъ данъ, то дѣлъ закона и держаться должно, а если ради вѣры, то вѣры. Въ основѣ же сего положенія лежитъ—другое,—что главное для насъ благо—пріятіе Духа Святаго. На какой сторонѣ Духъ Святой, тамъ и намъ надлежитъ стоять.

Рѣшенія вопросу никакого не предлагается; ибо оно само собою очевидно. Это вопросъ саморѣшенный. Всѣ знали, видѣли и чувствовали, что пріяли Св. Духа; и всѣ также знали, что пріяли Его помимо закона чрезъ посредство одной вѣры; и всѣ также были убѣждены, что главное въ дѣлѣ спасенія—благодать Св. Духа. Вопросъ все это приводилъ на память и вызывалъ рѣшеніе, котораго и желалъ апостоль.

Сіе едино хошу увѣдѣти. „Не завожу рѣчь издалека и не излагаю пространныхъ доводовъ: можетъ быть вы не захотите все это прослѣдить. Не представляю вамъ всего величія экономіи нашего спасенія: можетъ быть вы не захотите углубиться въ созерцаніе сего. Совмѣщу все въ краткомъ и простомъ вопросѣ“ (Теофил.).

„Есть много вопросовъ, которыми я могъ бы васъ побудить предпочесть Евангеліе закону; но какъ вы немощ-

ны слухомъ, то я говорю съ вами простою рѣчью и спрашиваю о томъ, что для всѣхъ очевидно“ (Иерон.).

Отъ дѣлъ ли закона Духа пріяете? Подъ дѣлами закона разумѣются здѣсь церковные ветхозавѣтные чины богослуженія и богопочтенія. „Должно обратить вниманіе на то, что апостоль не просто сказалъ: *отъ дѣлъ*, но съ прибавленіемъ: *отъ дѣлъ закона*. Ибо знаемъ, что Корнилій сотникъ пріялъ Духа не безъ дѣлъ (разумѣть — молитвы и милостыни, взошедшія предъ Бога), но не отъ дѣлъ закона, котораго не зналъ“ (Иерон.).

„Надобно знать, пишетъ блаженный Августинъ, что дѣлъ закона есть два рода: священнодѣйствія и таинства, и нравственныя дѣянія. Къ священнодѣйствіямъ относятся обрѣзаніе, суббота, новомѣсячія, жертвы, и всѣ подобнаго рода безчисленные церковныя чины. Къ нравственнымъ дѣяніямъ: не убій, не прелюбы сотвори, не лжесвидѣтельствуи (Исх. 20, 13—16). Здѣсь апостоль говоритъ о священнодѣйствіяхъ“.

Подъ Духомъ разумѣется не одно внутреннее возрожденіе и освященіе, но особенно видимыя дары Св. Духа. Ибо апостоль хогѣлъ указать на иѣчто очевидное и осязательное. Возрожденіе и освященіе нравственное хотя не могли не быть сознаваемы и чувствуемы, но они не такъ очевидны и осязательны. Св. Златоустъ говоритъ: „выше онъ вразумлялъ ихъ бесѣдою, обращенною къ Петру; а теперь къ нимъ обращаетъ рѣчь свою, и все служащее къ ихъ убѣжденію заимствуетъ изъ того, что съ ними случилось; и не изъ тѣхъ только дарованій, кои у нихъ были общія съ другими, но и изъ тѣхъ, которыя имъ именно сообщены, убѣждаетъ и увѣряетъ ихъ. Вы, говоритъ, получили Св. Духа, творили многія чудеса, совершали знаменія, воскрешая мертвыхъ, очищая прокаженныхъ, пророчествуя и говоря разными языками. Законъ ли далъ вамъ такую силу?“—„Въ то время сподобившіеся духовной благодати и разными языками говорили, и пророчествовали, и творили чудеса. Посему апостоль сказалъ здѣсь слѣдующее:

законъ ли далъ вамъ дѣйственность Духа Божественнаго, или одна вѣра въ Господа?" (Теодоритъ).

Или отъ слуха вѣры. Слухъ вѣры—и услышаніе евангельской проповѣди, и послушаніе ей, покореніе разума вѣрѣ, принятіе Евангелія.—Ничего, говорить, законнаго вы не исполняли; между тѣмъ, какъ только услышали слово о вѣрѣ и покорились ему, приняли его сердцемъ и прилѣпились къ Господу,—тотчасъ и благодать получили въ крещеніи и рукъ-возложеніи. Не одно услышаніе Евангелія привлекло къ нимъ такую милость Божію, но то, что услышавши, покорились ему,—что увѣровавши, что спасеніе во Христѣ, прилѣпились къ Нему и крестились. Пришелъ, говорить, я къ вамъ, предложилъ вамъ слово; вы увѣровали, крестились,—и се благодать Духа. Никакихъ дѣлъ закона вы не дѣлали, ни обрѣзанія, ни жертвъ, ни омовеній, ни субботъ не знали. Одна вѣра даровала вамъ сіе. Посудите же сами, „не крайняго ли безумія дѣло—оставить вѣру, толикія блага вамъ даровавшую, и обратиться къ закону, который ничего подобнаго не далъ вамъ“? (Св. Злат.).

Ст. 3. Тако ли несмысленни есте, наченше духомъ, нынѣ плотію скончаваете?

Сдѣлавъ вопросъ, апостоль не даетъ ему рѣшенія. Рѣшеніе ему тотчасъ само собою отзывалось въ мысли: нѣтъ, не дѣлами закона получили мы Духа, а вѣрою. Апостоль беретъ это рѣшеніе и дѣлаетъ изъ него выводъ: итакъ вы, начавши духомъ, нынѣ плотію скончаваете. Что можетъ быть несмысленнѣе этого? Какъ дошли вы до такого несмыслия?

„Благодать назвалъ духомъ, а жизнь подзаконную плотію; потому что въ законѣ все преимущественно касалось тѣла: къ тѣлу относились и обрѣзаніе, и храненіе субботы, и кропленія, и все тому подобное“ (Теодор.). „Опять благовременно укоряетъ ихъ. Надлежало бы вамъ, говорить, съ теченіемъ времени умножить свое преспѣваніе въ вѣрѣ; а вы не только ничего не прибавили, но еще

возвратились назадъ. Другіе, начиная съ малаго и пресупѣвая мало-по-малу, наконецъ восходятъ къ великому; а вы, начавши съ великаго, перешли къ противоположному. Еслибы вы и съ плотскаго начали, то и тогда надлежало бы вамъ возвыситься до духовнаго; а вы и съ духовнаго начавши, возвратились къ плотскому. Творить знаменія есть дѣло духовное, а обрѣзываться—плотское. А вы отъ знаменій перешли къ обрѣзанію; осязавши истину, обратились къ образамъ, при свѣтѣ солнечномъ ищите свѣтильника, послѣ твердой пищи обращаетесь къ молоку. И не сказалъ онъ: плотию продолжаете, но *плотию скончаваете* (съ греч. можно: скончаваемы есте,—васъ кончаютъ, умерщвляютъ, или заканчиваютъ, завершаютъ), показывая, что лжеучители, уловивши ихъ, умертвили, какъ безсловесныхъ животныхъ, а они сами добровольно согласились терпѣть все, что угодно было тѣмъ;—подобно тому, какъ еслибы какой полководецъ и вмѣстѣ храбрый воинъ, стяжавшій уже многочисленные трофеи и побѣды, попавъ въ руки мятежниковъ, дозволилъ имъ безъ всякаго сопротивленія заклеить свое тѣло“ (Св. Злат.).

Плотию скончаваете,—завершаете. Получивъ Духа, вы внутренно приняли духовное благонастроеніе; нравственно-религіозное зданіе въ себѣ начали духомъ, и сколько-нибудь возвели уже его. Сколько ни возвели, все то духовно. Теперь поверхъ того начинаете надстраивать плотское. Верхняя эта часть не отвѣчаетъ нижней, и все зданіе становится никуда негоднымъ. Ни одинъ смысленный хозяйинъ такъ не дѣлаетъ.

Ошибка ихъ не въ томъ, что нѣчто плотское дѣлали въ дѣлѣ спасенія и богоугожденія. Безъ этого чловѣку нельзя обойтись. Но въ томъ, что они это плотское сочли условіемъ спасенія, и тѣмъ портили все дѣло. Этою чертою укоръ и ко всѣмъ намъ можетъ относиться. Мы всѣ начинаемъ Духомъ, получая возрожденіе въ купели крещенія. Въ церкви Божіей положено възгрѣвать сей духъ благодати всѣми чинопослѣдованіями церковными, осо-

бенно же дѣломъ говѣнія съ достодолюжною исповѣдію и причащеніемъ Св. Таинъ. Но все это имѣеть и внутреннюю и внѣшнюю сторону, и послѣдняя есть выраженіе первой, и потоліку цѣну имѣеть, поколику проникается ею. Положимъ, что кто-либо остановился на одной этой внѣшной сторонѣ; тогда о немъ можно сказать: начавши, духомъ, ты плотію скончаваешь.

Плоть—здѣсь не имѣеть значенія грѣха; но внѣ контекста мѣсто сіе можно относить и къ тѣмъ, кои послѣ доброй жизни поблажили недоброй: къ тѣмъ, кои, получивъ духовную жизнь въ крещеніи, и не вспомнятъ о томъ, чего она требуетъ, во всю жизнь свою, а живутъ, по требованіямъ плоти и плотскихъ помышленій; равно и къ тѣмъ, кои опомнившись, въ покаяніи обратившись къ Господу, въ св. причащеніи прискренно съ Нимъ соединившись, и сколько-нибудь потрудившись въ хожденіи путемъ заповѣдей, опять разслабили и охладѣвъ къ Господу обратились къ дѣламъ самоугодія и челоувѣкоугодія. И такіе всѣ, начавши духомъ, плотію скончавають.

Но это суть только приложенія сего мѣста, прямая же мысль его та, что Галаты начавши вѣроу, даровавшею имъ благодать Св. Духа, теперь обратились къ плотскимъ оправданіямъ, которыя даютъ только внѣшнюю чистоту безъ внутренняго освященія.

Ст. 4. *Толика поспрадасте туне? аще тоциу и туне.*

Вопросъ за вопросомъ ставить св. Павель; и хотя оставляетъ ихъ безъ отвѣта, но отвѣты сіи сами собою отзывались въ головѣ читавшихъ, и все больше и больше тѣснили ихъ, приводя къ сознанію, какъ неразумно поступили они, склоняясь къ закону. Впереди поминаль о благодатныхъ дарахъ, о томъ, что въ духѣ ихъ произвела вѣра; теперь останавливаетъ вниманіе на внѣшнемъ ихъ положеніи вслѣдствіе вѣры. Тогда всѣ страдали за вѣру; страдали вѣроятнo и Галаты, хотя объ этомъ ясно не говорится въ посланіи. Апостоль говоритъ имъ: вотъ вы страдали за вѣру; страданія за вѣру сочетаваютъ тѣснѣ

со Христомъ, насъ ради пострадавшимъ, и умножаютъ притоки благодати и чрезъ то еще болѣе возвышаютъ внутреннее духовное совершенство въ христіанствѣ. Возвышая въ семъ отношеніи, возвышаютъ во мнѣніи всѣхъ вѣрующихъ, Божіе благоволеніе привлекаютъ и вѣнцы въ вѣчности готовятъ. Столько благъ доставляютъ страданія! Но обращаясь къ закону, все это вы теряете: страданія ваши не имѣютъ уже никакой цѣны, пострадали вы понапрасну. Какъ же допускаете вы до того, чтобъ это все даромъ пропадало? И вамъ не жаль, что страданія свои вы дѣлаете тщетными? „Это должно тронуть ихъ еще сильнѣе, нежели что сказалъ выше. Ибо воспоминаніе о знаменіяхъ не столько могло подѣйствовать на нихъ, сколько указаніе на подвиги и страданія, претерпѣнныя ими за Христа; ибо все, говорить, что вы ни потерпѣли за Христа, они хотятъ отнять у васъ и тѣмъ лишить васъ принадлежащаго вамъ вѣнца“ (Св. Злат.).

Точію аще туне. Всѣ древніе толковники полагаютъ, что этими словами св. апостоль выражаетъ надежду, что они не доустыятъ, чтобъ страданья ихъ пропали даромъ, именно тѣмъ, что бросая законъ и опять всецѣло воспріимутъ единую, непримѣсную вѣру.—По нашему бы сказать: но авось не даромъ,—надѣюсь, что не будетъ даромъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Но чтобъ слишкомъ не поразить ихъ души, и вовсе не разслабить ихъ силъ, не дожидаясь отъ нихъ отвѣта, тотчасъ присовокупилъ: *аще точію туне.* Ибо если уцѣломудритесь, говорить, и исправитесь, то не будетъ *туне* и напрасно. Что скажутъ теперь отвергающіе покаяніе? Вотъ Галаты и Духа Святаго получили, и знаменія творили, и были исповѣдниками, и терпѣли ради Христа безчисленныя скорби,—и послѣ такихъ дарованій отпали отъ благодати. Однакожь апостоль говоритъ, что если захотите, можете все возвратить“.—Вотъ сужденіе и блаженнаго Іеронима: „Напрасно, говорить, потерпѣли вы страданія за вѣру, если отступите отъ благодати Христовой, ради коей терпѣли. Но вмѣстѣ съ

тѣмъ выставляется здѣсь и та мысль, что если кто потерпитъ за вѣру Христову, а потомъ впадетъ въ грѣхъ, то какъ напрасно потерпѣвшимъ считается онъ, когда впадаетъ въ грѣхъ, такъ ничего изъ этого не потеряетъ онъ, если опять возвратится къ прежней вѣрѣ и къ прежней ревности жить по вѣрѣ.“

Но нѣкоторые изъ нихъ такъ разумѣютъ эти слова: да всеу ли только? Когда бы всеу! „Не со вредомъ ли еще? *Всеу*, значить, ни получить что, ни потерять: но начавшій духомъ, и за то подвергшійся большимъ искушеніямъ, а потомъ перемѣнившійся, не только всеу попесъ претерпѣнное, но и ущербъ потерпѣлъ, лишаясь того, что было ему отложено въ награду за скорби и лишенія ради Христа“ (Экум.). Блаженный Августинъ такъ: „что называется сдѣланнымъ *всеу*, то ни вредить, ни пользоваться. Но надобно, говорить, смотрѣть, не повело бы сдѣланное къ гибели. Не возставать не то же, что падать по возстанію. Хотя они еще не пали, но уже склонились къ паденію. Ибо Духъ Святой еще дѣйствовалъ въ нихъ, какъ показываетъ слѣдующій стихъ“.—И Иеронимъ послѣ приведеннаго уже его сужденія, прибавляетъ: „или такъ: не малый для васъ вредъ, если, склоняясь на обрѣзаніе, вы потеряете только прежній трудъ вѣры; но къ этому вреду можетъ присоединиться еще и наказаніе за измѣну; такъ что вы и прежнее потерпѣли напрасно, и еще въ будущемъ вѣкъ будете мучены за то (если, разумѣется, не исправитесь).

Такое пониманіе послѣднихъ словъ подаетъ поводъ иначе взглянуть и на первыя, и *пострадасте* отнести не къ страданіямъ, а къ тому, что они навязали на себя иго закона. *Толика пострадасте*,—такія возложили вы на себя узы, которыхъ и сами Іудеи понести не могли—обрѣзанія, субботы, новомѣсячія, омовенія, жертвы и проч.—И все это вы понесли, или начали нести, думаете, туне?—Когда бы туне! а то со вредомъ; ибо отпадаете отъ благодати. Нынѣ греки говорятъ напр.: τὶ ἔπαθεσ;—въ смыслѣ: что съ тобою? что случилось, что сдѣлалось съ

тобою? Прилагая къ настоящему мѣсту это, получимъ: это случилось съ вами даромъ?—Или это пройдетъ вамъ даромъ?—Такое пониманіе проглядываетъ у блаженнаго Иеронима. „Представимъ, говоритъ онъ, несчастныхъ іудеевъ, съ какими трудами живутъ они среди другихъ народовъ, стараясь соблюсти свои постановленія: не коснися, не вкуси, не осяжи,—и увидишь, какъ вѣрно говорится: *толика пострадаете.*“—Видна мысль, что Галаты, подкланяясь подъ иго закона, тяготу страдательную на себя возлагаютъ. Почему и прибавляетъ далѣе: подумайте о прежней свободѣ благодати, и теперешенемъ игъ соблюденія закона, и увидите, какъ много напраснаго поднимаете вы труда.“

Сдается, будто такая мысль натуральнѣе, особенно при томъ обстоятельстве, что во всемъ посланіи нѣтъ прямого указанія на страданія Галатовъ за вѣру. Но авторитетъ множайшихъ отцевъ долженъ брать верхъ.

Ст. 5. *Подаяи убо вамъ Духа и дѣйствующая силы въ васъ, отъ дѣла ли закона, или отъ слуха вѣры?*

Этотъ стихъ содержитъ ту же мысль, что и второй: только тамъ апостоль останавливалъ вниманіе на нихъ самихъ, пріяхшихъ Духа, а здѣсь возводитъ ихъ умъ къ подающему Духа и дѣйствующему въ нихъ силы, Богу. „Богъ, подающій вамъ Духа, такъ что вы и пророчествуете и языки говорите; Богъ дѣйствующій силы въ васъ, — показывающій знаменія и чудеса, ради дѣла закона это совершаетъ,—ради того, т.-е., что ими вы Ему очень угодили,—или ради вѣры во Христа?“ (Феофилактъ). Всяко однакожь и та же мысль получаетъ здѣсь особый оттѣнокъ, грозный и ужасающій: ибо тогда какъ въ первомъ образѣ выраженія она побуждала Галатянъ только жалѣть о себѣ, какъ себѣ самимъ причиняющихъ вредъ, здѣсь она устрашаетъ опасностію богоборства. Такой вопросъ близокъ къ слѣдующему: такъ что же? Бога вы хотите изгнать изъ себя, Который дѣйствуетъ теперь въ васъ ради

вѣры, и отойдетъ, если останетесь упорно въ своей при-
веерженности къ закону?

Слова: *подавай и дѣйствуй* показываютъ, что они еще не лишились Божія благоволенія, какъ заблуждавшіе по невѣдѣнію. Но послѣ указанія заблужденія такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ апостоль, грѣхъ невѣдѣнія превратился бы въ упорное противленіе истинѣ, слѣдствіемъ котораго должна быть подгнѣвность Богу съ лишеніемъ всѣхъ даровъ. Это и хотѣлъ внушить апостоль повтореніемъ сего вопроса. Онъ какъ бы говоритъ имъ: послѣ всего сказаннаго какъ же вы разсудите: ради дѣла закона или ради вѣры Богъ такъ приблизился къ вамъ?—Конечно ради вѣры. Такъ смотрите, поопаситесь; ибо если ради вѣры приблизился къ вамъ Богъ, то ради склоненія вашего къ закону Онъ удалится.

Такимъ образомъ этотъ стихъ есть заключеніе предыдущей рѣчи; но не столько словъ, сколько того ряда мыслей, какой должны были возбудить слова тѣ. Свои положенія въ вопросахъ апостоль ставитъ, какъ версты на большей дорогѣ, и ими приводитъ къ опасливому помышленію: въ самомъ дѣлѣ, свѣтло наше во благодати состояніе, котораго сподобились мы безъ всякаго участія въ томъ закона: какъ бы не потерять намъ его, примѣшавши дѣла закона къ вѣрѣ?—Или вотъ-вотъ потеряемъ. Поспѣшимъ же поскорѣе очистить себя отъ этой примѣси. По св. Златоусту, апостоль и хотѣлъ этимъ навестить ихъ на ту мысль, что „если присоединится законъ, то вѣра не принесетъ никакой пользы: ибо вѣра тогда только и сильна, когда ничего къ ней не привносится отъ закона.“

Нельзя не замѣтить, какъ у апостола все вниманіе стоитъ на благодати Св. Духа. Отличіе христіанъ есть облагодатствованіе. Потеряй благодать, ты ничто. И ничто въ мірѣ не можетъ подать тебѣ благодати, какъ вѣра въ Господа чрезъ св. Таинства, при твоёмъ крѣпкомъ рѣшеніи быть всегда вѣрнымъ вѣрѣ и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ.

Епископъ Теофанъ.

Разказы изъ Исторіи Русской Церкви.

Г Л А В А XXXV.

Уничтоженіе мѣстничества.—Кончина царя Ѳеодора.—Цари Іоаннъ и Петръ подъ опекою царицы Софіи.—Стрѣлецкій и раскольникій мятежи въ Москвѣ.—Строгія мѣры противъ раскола.—Усиленіе раскола и раздѣленіе его на толки.—Борьба патріарха Іоакима съ расколомъ и папизмомъ.—Развитіе устной проповѣди.—Законоспаская академія.—Братья Іоанникій и Софроній Лихуды.—Споры о „пресуществленіи“ въ таинствахъ Евхаристіи.—Подчиненіе Кіевскій митрополіи московскому патріарху.—
Виды патріарха Іоакима относительно южныхъ Славянъ.

Въ числѣ многихъ заслугъ отечеству бдительнаго и ревностнаго первосвятителя Іоакима, нельзя умолчать объ участи его въ уничтоженіи пагубнаго мѣстничества *). Когда, по челобитной выборныхъ людей, представленной царю Ѳеодору бояриномъ княземъ В. Голицынымъ, созванъ былъ Земскій Соборъ (12 января 1682 года), патріархъ произнесъ сильную рѣчь отъ лица духовенства **); всѣ

*) Устряловъ въ своей Русской Исторіи говоритъ, что „мѣстничество въ нѣкоторомъ смыслѣ стѣсняло даже власть самодержавную, ибо воля государя была священна во всѣхъ случаяхъ, кромѣ расчетовъ объ отечествѣ: подданные безпрѣкословно исполняли всѣ велѣнія его, не роптали на самыя тяжкія опалы, отнимавшія у нихъ имущество, свободу, жизнь; но какъ скоро сталкивались права родословныя, обиженный отказывался отъ назначенной ему должности, и часто охотнѣе подвергался ссылкѣ въ Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, т. е. не стоять на равной степени съ товарищемъ, прапрадѣдъ котораго былъ въ низшемъ званіи въ сравненіи съ его прапрадѣдомъ. Легко вообразить, до какой степени озабочивали государя пустые споры людей самыхъ близкихъ къ престолу, и сколь пагубны были неминуемыя слѣдствія несогласія, порождаемаго мѣстничествомъ, особенно въ военное время. Эти споры погубили Шенна подъ Смоленскомъ, Ромодановскаго подъ Конотопомъ, Шереметева подъ Чудновымъ и Хованскаго въ Литвѣ“.

**) Патріархъ сказалъ, между прочимъ, что отъ мѣстничества, „какъ

члены Собора пристали къ мѣнѣю патріарха, и разрядныя книги были сожжены въ присутствіи царя и Собора. Такимъ образомъ, дѣла государственныя начали приходить въ порядокъ при тихомъ шестилѣтнемъ правленіи царя Θεодора: усмирилась Малороссія и съ Портою заключень былъ миръ, также съ другими сосѣдами, Швеціею и Польшею. Благоденствовала и Церковь: патріархъ Іоакимъ старался угашать расколы, распространялъ просвѣщеніе въ училищахъ духовныхъ, и даже, для лучшаго надзора за духовенствомъ и паствою, хотѣлъ учредить въ расширяющемся царствѣ до пятидесяти каедръ епископскихъ, мѣстныхъ и викарныхъ. Предпріятіе рушилось съ преждевременною смертію бездѣтнаго царя Θεодора (27 апрѣля 1682 года), и государство временно погрузилось въ смуты и волненія, изъ которыхъ исторгла его только мощная десница возмужавшаго Петра.

Неистовый стрѣлецкій бунтъ былъ началомъ золь, когда патріархъ, съ благонамѣренными боярами, провозгласилъ на царство, вмѣсто болѣзненнаго Іоанна *), десятилѣтнаго бодрого Петра, подъ управленіемъ матери его царицы Наталіи и добродѣтельнаго боярина Матвѣева. Честолюбивая царица Софія, дѣйствуя втайнѣ съ родственными ей Милославскими, взволновала стрѣльцовъ, и жертвами ихъ сдѣлались, въ теченіи трехдневнаго бунта,

отъ источника горячайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ вредительная происходили, и благое начинаніе яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковоежъ враждованіе и ненависть содѣялись; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, тобъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе“. (Соловьевъ. Исторія Россіи XIII. 320).

*) „Скорбнаго главою“, по выраженію современниковъ, и вовсе неспособнаго къ дѣламъ правленія.

Матвѣевъ, Нарышкины и всѣ бывшія опоры царствованія Алексія и Θεодора; едва не погибъ самъ патріархъ, устремившійся съ Краснаго крыльца увѣщевать толпу. Вынужденное провозглашеніе Іоанна, для соцарствованія Петру, и приглашеніе Софіи управлять государствомъ совокупно съ малолѣтними братьями, были плодами перваго мятежа стрѣльцакаго, стоившаго отечеству столько драгоцѣнной крови.

Спустя нѣсколько дней, смятеніе гражданское приняло личину церковнаго. Когда вся Москва была еще въ трепетѣ отъ кровопролитія, раскольники подговорили стрѣльцовъ Титова полка „постоять за старую вѣру“. Никогда расколъ повидимому не имѣлъ лучшаго времени для выполнения самыхъ безразсудныхъ замысловъ. Начальникомъ стрѣльцовъ былъ князь Хованскій, тайный приверженецъ раскола. Хованскій, не столько желая дать вѣсь расколу, сколько стать первымъ при тронѣ, оказалъ покровительство заговорщикамъ. Они желали доставить себѣ болѣе, чѣмъ полную свободу; они желали получить всю власть въ свои руки и отмстить, какъ за Соловецкую осаду, такъ и за казнь Аввакума и его сообщниковъ. Хованскій далъ имъ въ предводителя Никиту Пустосвята, уже нѣсколько разъ сужденнаго за расколъ *). Подобные Никитѣ, соловецкій бѣглець Савватій и другіе, нарочно вызваны были въ Москву. Они настаивали немедленно приступить къ переменамъ. Хованскій едва уговорилъ ихъ не спѣшить, польстивъ имъ обѣщаніемъ, что предстоявшее вѣнчаніе царей (23 іюня) совершится по старымъ книгамъ. Никита и другіе бродяги ходили между народомъ, призывая на защиту стараго благочестія. „Постояйте, постояте, право-

*) Послѣ своего покаянія на соборѣ 1667 г. Никита опять совратился въ расколъ и успѣлъ пріобрѣсти себѣ у раскольниковъ громкую репутацію непобѣдимаго книжника. Самъ Хованскій сказалъ про него, что онъ всѣмъ заградить уста, что и прежде никто не могъ его перекричать.⁴

славные, за истинную вѣру, не принимайте новой Никоновой“, шумѣль Пустосвятъ. Выборные Титова полка ходили съ тѣмъ же по стрѣлецкимъ полкамъ. Волненіе становилось общимъ, хотя большинство стрѣльцовъ (исключая Титова полка) не согласилось подписываться подъ челобитную, составленную бродягой, монахомъ Сергіемъ.

По настояніямъ Хованскаго, назначенъ день для выслушанія челобитной—5 іюля 1682 года. Въ этотъ день толпы раскольниковъ съ шумомъ ворвались въ кремль. Неся предъ собою налои, образа, зажженные свѣчи, а за пазухами каменья, они подошли къ Архангельскому собору и расположились на площади. Сергій взошелъ на скамью и читалъ вслухъ соловецкую челобитную. Возбужденный фанатиками, народъ грозно волновался. Первосвятитель съ соборомъ святителей совершалъ моленіе объ усмирении мятежа. Изъ храма онъ выслалъ протопопа съ напечатаннымъ увѣщаніемъ народу и съ обличеніемъ клятвопреступному Никитѣ. Раскольники едва не убили посланнаго. Послѣ молебна патріархъ возвратился въ Крестовую палату. Князь Хованскій не разъ присылалъ требовать, чтобы патріархъ вышелъ на площадь; съ тѣмъ же требованіемъ явился онъ и во дворецъ, куда приглашенъ былъ Софіею патріархъ. Софія и патріархъ видѣли намѣренія заговорщиковъ; да и страшный опытъ былъ такъ недавно. Софія, царица Наталія, двѣ царевны объявили, что не оставятъ церкви и ея пастырей безъ защиты. Хованскому сказано, что собраніе будетъ въ Граповитой палатѣ въ присутствіи царственныхъ особъ, тамъ выслушана будетъ челобитная.

Долго заговорщики не хотѣли разстаться съ площадью, однако соборъ открылся въ палатѣ. Близъ правительницы царицы и царевенъ сидѣли съ патріархомъ 7 митрополитовъ, 5 архіепископовъ, 2 епископа, между ними святитель Митрофанъ. Нѣсколько архимандритовъ и пресвитеровъ, бояре и выборные войска стояли. Раскольники, по знаку Хованскаго, вошли въ палату съ шумомъ, съ

образами, налоями, свѣчами. Они подали челобитную. Софія приказала читать ее.

„Бьютъ челомъ, такъ начиналась челобитная, священнической и иноческой чинъ и вси православнии христіане, опрично тѣхъ, которые Никоновымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулять“. Патріархъ замѣтилъ: „книгъ старыхъ не хулимъ мы, напротивъ по нимъ и по греческимъ исправляются позднія испорченныя; вы, суди старой и новой вѣры, еще не касались и грамматики, а принимаете на себя судить о вѣрѣ, что принадлежитъ пастырямъ“. Дерзкій Никита, несмотря на то, что ему запрещено было говорить, сказалъ съ грубостію: „мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматѣхъ“,—и продолжалъ шумѣть въ томъ же тонѣ. Холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, самъ прежде бывший въ расколѣ, замѣтилъ Никитѣ дерзость и грубость его. Пьяный разстрига въ порывѣ ярости бросился на архипастыря, хотѣлъ бить его и едва удержанъ былъ однимъ изъ выборныхъ.— Далѣе въ челобитной читали: „цари изнемогаша, архіереи падоша; просимъ, чтобы великіе государи взыскали старое правдѣ и дѣда ихъ благочестіе“. Выраженное въ этихъ словахъ сомнѣніе о православіи царей Алексѣя и Θεодора особенно раздражило цылку Софію: она вскочила съ мѣста и грозила, что все царское семейство послѣ этого уйдетъ изъ Москвы. Стрѣльцы струсили этой угрозы, потому что въ случаѣ ухода царскаго семейства изъ Москвы, на нихъ поднялись бы всѣ войска и вся земля; они постѣшили успокоить гнѣвную правительницу *). Патріархъ взялъ въ одну руку Евангеліе свят. Алексія, въ другую соборное установленіе патріаршества. Первое показывалъ, какъ улику упорству, не желающему переменить въ старомъ ни одной буквы. Въ послѣднемъ прочелъ Символъ вѣры, гдѣ напи-

*. Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ сказали царевнѣ: „пора, государыня, давно вамъ въ монастырь. только-де царствомъ мутить.“

санъ овъ безъ прибавленія слова о Святомъ Духѣ: „и истиннаго“, тогда какъ эта прибавка печаталась при патриархахъ Филаретѣ и Юсифѣ. По отношенію къ изображенію святаго креста указалъ на сосуды преподобнаго Антонія Римлянина. Сдѣлано было и еще нѣсколько указаній въ древнихъ книгахъ по главнымъ пунктамъ спора.

Чувствуя, что ничего не сдѣлали для себя, невѣжды подняли неистовый крикъ: „вотъ-такъ, вотъ-такъ“—кричали они, поднявъ дуперстное знаменіе. Мятежникамъ сказано, что рѣшеніе имъ будетъ объявлено. Царственные особы удалились; за ними вышли патриархъ и прочіе.

Невѣжды возвращались изъ кремля съ крикомъ: „побѣдили“. На лобномъ мѣстѣ еще разъ поставили налож и кричали: „вѣруйте по нашему, мы переспорили всѣхъ архіереевъ“. За Язуою отзвонили въ колокола.

На утро, разстригѣ Никитѣ, выданному стрѣлецкими выборными, была отрублена голова на лобномъ мѣстѣ; товарищи Пустосвята разосланы были по дальнимъ монастырямъ, многіе разбѣжались *).

Послѣ столь явнаго и столь неистоваго мятежа въ самыхъ палатахъ царскихъ, правительство принуждено было прибѣгнуть къ самымъ строгимъ, согласно духу времени, мѣрамъ для усмиренія раскольниковъ: расколъ былъ совершенно запрещенъ въ государствѣ; тѣхъ, которые перекрещиваютъ совращенныхъ, назначено казнить смертію, хотя бы они и покаялись; за пристанодержательство раскольниковъ виновныхъ бить кнутомъ и налагать на нихъ пеню. Множество раскольниковъ въ отчаяніи бросились за границу **), или укрывались отъ правитель-

*) Въ числѣ послѣднихъ былъ и Савва, позднѣе написавшій раскольничью „исторію о вѣрѣ, или сказаніе о соборѣ 1682 года“. Отобранная у товарищей Пустосвята, при слѣдствіи надъ ними, книга показала, какими низкими уловками вовлекали они простыхъ людей въ обманъ. Въ этой старинной книгѣ всѣ слова, которыя говорили противъ раскола, были подскоблены и замѣнены другими согласно съ мыслями раскола.

**); Многія тысячи раскольниковъ, преступая клятву въ вѣрности царю, бѣжали за границу и завели тамъ гнѣздо раскола. Такъ основались

ства въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣвера и Сибири; самые рьяные изувѣры сами стремились на казни, какъ на мученіе за вѣру, или же сами себя сожигали въ срубахъ; ученіе объ очистительномъ подвигѣ самосожженія, которое проповѣдывалъ еще Аввакумъ, нашло себѣ множество послѣдователей.

Между тѣмъ расколъ, отвергнувъ церковный авторитетъ и предоставленный самому себѣ, распался на множество толковъ. Прежде всего, вслѣдствіе отверженія православной іерархіи, между раскольниками возникъ трудный вопросъ: „откуда брать священниковъ“? Одни стали брать ихъ у Церкви, сманивая къ себѣ пьяныхъ и нищихъ поповъ и разными способами очищая въ нихъ благодать рукоположенія отъ Никоновой скверны; другіе положили, что можно обойтись и безъ священства, предоставивъ всѣ требоисправленія выборнымъ мірянамъ. Такъ возникли два основныхъ толка въ расколѣ: „Поповщина“ и „Безпоповщина“, которые въ свою очередь распались на множество мелкихъ толковъ *), раздѣленныхъ другъ отъ друга или обрядовыми разностями, или степенью отрицательнаго отношенія ихъ къ Церкви и государству. Ничѣмъ необуздываемое отрицаніе часто принимаетъ въ нихъ характеръ уже не раскола, а чистой ереси **). Ер-

въ Лифляндіи извѣстныя поселенія раскольниковъ по берегу Пейлуса. Другіе въ 1683 г. перешли за рубежъ польскій и основали долго бывшую въ славу у раскольниковъ Вѣтку и столь же славное Стародубье. Иные дѣлали еще хуже: бѣжали въ Крымъ къ Татарамъ и оттуда вмѣстѣ съ мусульманами то съ моря, то сухимъ путемъ дѣлали набѣги на Россію, грабили и убивали христіанъ; или скрывались въ гребняхъ Кавказа близъ рѣкъ Терека и Кумы и оттуда дѣлали набѣги на мирныхъ поселенцевъ, по примѣру дикихъ горцевъ.

*) Цѣль и предѣлы нашихъ Разказовъ не дозволяютъ намъ входить въ подробности исторіи раскола и его толковъ.

***) Не говоримъ здѣсь о ересяхъ случайныхъ, не составляющихъ сущности раскола, каковы напр. мнѣніе Аввакума, что Троица тресуща въ трехъ равныхъ естествахъ, что Христосъ Богъ особый сидитъ на четвертомъ престолѣ, соцарствуя Троицѣ, что душа человѣка и ангелы ѿтовидны; или противоположное мнѣніе дякова Федора, что Троица

тическій характеръ раскольническаго отрицанія главнымъ образомъ выразился въ отверженіи православной іерархіи, отверженіи таинствъ: евхаристіи, священства и брака, или въ ложномъ представленіи о силѣ и способахъ совершенія этихъ и другихъ таинствъ, въ смѣшеніи ихъ съ обрядами, раздаваніи напр. вмѣсто евхаристіи пасхальнаго хлѣба (артоса) и богоявленской воды. Крайняя степень отрицанія выразилась въ „Нѣтовщинѣ“, которая совершенно отвергнула всѣ таинства и обряды и, отчаянно опустивъ руки, все предоставила Богу: „пусть спасаетъ, какъ Самъ вѣдаетъ“.

Послѣ раскольничьяго бунта московскаго, правительство приняло особыя настоятельныя мѣры. Неутомимый патріархъ Іоакимъ составилъ пространное опроверженіе челобитной, представленной собору 1682 года,—сочиненіе, достойное христіанскаго пастыря и по духу, и по изложенію, въ которомъ видна обширная ученость, умъ глубокій и основательный. Оно составляетъ какъбы отчетъ въ поправкахъ богослуженія, на которыя расколъ указывалъ, какъ на отступленіе отъ вѣры истинной. Каждой такой поправкѣ показаны основанія въ подлинной священной древности. „Увѣтъ духовный“ (такъ названо опроверженіе челобитной) разосланъ былъ ко всѣмъ архипастырямъ для чтенія по всѣмъ церквамъ. Сверхъ того патріархъ издалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій противъ раскола *) и отправилъ въ разныя мѣста избран-

невѣкома, одно лицо. Подобныя мнѣнія завлѣкли отъ личнаго невѣжества расколоучителей.

*) Таковы: 1) „Извѣщеніе чудесе, бывшаго въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, о сложеніи трехъ первыхъ перстовъ, ниже подобаетъ воображати крестное знаменіе на себѣ всякому православному христіанину, по древнепреданному отъ отцевъ преданію“, напечат. 1677 г. 2) „Поученіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ“ 1681 г. 3) „Слово благодарственное Господу Богу...“ за избавленіе Церкви отъ раскольниковъ, 5 іюля 1790 г. 4) „Посланіе ко всѣмъ возлюбленнымъ святымъ, восточнымъ, православнымъ Церкви синамъ“.. 5) Списокъ съ соборнаго опредѣленія о казни Никиты Пустосвята, 1682 г. 6) Клятвенное объявленіе на ругатели св. иконъ послѣ 1684 года.

ныхъ имъ увѣщателей. Такъ архіепископъ холмогорскій Аѳанасій, возвратившись въ свою епархію, ревностно дѣйствовалъ тамъ противъ „поморянь“ *). Онъ собралъ обширную бібліотеку рукописей для вразумленія невѣждъ и написалъ для нихъ „Щить вѣры“. Въ сибирскіе остроги и волости въ 1688 г. посланъ былъ іеродиаконъ Михаилъ „для исправленія церковныхъ догматовъ и духовныхъ дѣлъ“, поставленный послѣ въ игумена Енисейскаго съ тѣмъ же назначеніемъ **). Игнатій Корсаковъ въ 1689 г. въ санѣ Новоспасскаго архимандрита отправленъ былъ въ Кострому и Кинешму для увѣщанія тамошнихъ раскольниковъ. Казанскій митрополитъ Адріанъ написалъ для своей паствы „О крестномъ знаменіи“.

Письменная дѣятельность патріарха Іоакима не ограничивалась обличеніемъ расколоучителей: онъ долженъ былъ вести борьбу и съ папизмомъ. Польско-латинское вліяніе начало беспокоить русскую іерархію еще при жизни Славенецкаго, вскорѣ по прибытіи въ Москву Симеона Полоцкаго. Между этими представителями двухъ направленій кіевскаго образованія, стараго—еллинославянскаго, и новаго—польско-латинскаго, съ самаго начала обнаружилось столкновеніе, въ которомъ московская іерархія приняла сторону Епифанія и старалась его авторитетомъ ослабить авторитетъ Полоцкаго. По своему кроткому и миролюбивому характеру, Епифаній не входилъ въ непріязненныя отношенія къ Полоцкому, но не скрывалъ и своего несочувствія къ образу его мыслей, напр. указывалъ на то, что въ основу своего „Вѣнца Вѣры“ Полоцкій принялъ не Никейскій, а мнимо-апостольскій католическій Символь вѣры. Когда Епифанію было поручено исправлять Библию, онъ не принялъ Полоцкаго въ число своихъ сотрудниковъ, какъ человѣка не знающаго греческаго языка, а знающаго одинъ латинскій, и

*) Истор. акты V. № 93.

**) Тамъ же, № 166.

замѣтилъ, что вообще въ послѣднее время въ Кіевѣ читаютъ однѣ латинскія книги и отъ этого иногда истины не знаютъ. Послѣ смерти Епифанія, Полоцкій оставшись безъ соперниковъ, началъ еще рѣзче отзываться о невѣжествѣ москвитянъ, держалъ себя заносчиво и гордо, не хотѣлъ знать ни патріарха, ни другихъ духовныхъ властей, даже сочиненія свои печаталъ безъ благословенія патріарха въ дворцовой типографіи. Патріархъ Іоакимъ былъ сильно раздраженъ противъ гордаго придворнаго монаха, обвинялъ его въ „хлѣбопоклоннической ереси“ (такъ какъ онъ училъ поклоняться хлѣбу въ евхаристіи до времени его дѣйствительнаго пресущественія), называлъ его орудіемъ іезуитовъ. Но Полоцкій былъ недоступенъ для патріаршей власти, потому что находилъ себѣ сильную поддержку въ царѣ и при Дворѣ *).

Симеонъ Полоцкій отличался также, какъ проповѣдникъ. Живая проповѣдь, давно уже замолкшая на сѣверѣ, начала подавать голосъ съ половины XVII вѣка, особенно по примѣру южной Руси. Еще патріархъ Никонъ дозволилъ Епифанію Славенецкому произносить иногда проповѣди, а въ 1667 году восточные патріархи Паисій и Макарій преподали благословеніе прихожанамъ церкви Іоанна Богослова имѣть по ихъ желанію священника-проповѣдника. Однако для русской Церкви нуженъ былъ примѣръ чловѣка сильнаго, чтобы ослабить предубѣжденіе народное противъ проповѣди. И такимъ явился Симеонъ Полоцкій. Воспитанникъ южныхъ училищъ, даровитый ученикъ просвѣщеннаго и добродѣтельнаго Лазаря Барановича, учитель царскій, увѣренный въ благоволеніи своего вѣнценоснаго воспитанника, Симеонъ, съ пылкимъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, съ жаждою дѣятельности, свободно сталъ на кафедрѣ. Успѣхъ проповѣдника былъ блистатель-

*) Симеону Полоцкому особенно покровительствовалъ царь Феодоръ, который учился у него латинскому и польскому языку, такъ что Полоцкій сохранилъ свою силу и вліяніе при Дворѣ до самой своей кончины.

ный. Произнесенныя имъ поученія на воскресные дни („Обѣдъ душевный“, изданный въ Москвѣ, 1681), и на праздники („Вечера душевная“ 1683) быстро распространились по Россіи; они стали извѣстны еще прежде, чѣмъ вышли изъ типографіи *). Однакожь новость Полоцкаго для иныхъ была странностію; а тѣ, которымъ не нравилась власть его при дворѣ, особенно желали найдти въ новомъ что-нибудь худое. Патріархъ Іоакимъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на проповѣдника, но не могъ запретить ему **). Впрочемъ, къ чести Полоцкаго нужно сказать, что онъ, не ограничиваясь тонкостями кievской схоластики, имѣлъ въ виду живыя, практическія цѣли и умѣлъ приспособляться къ потребностямъ и понятіямъ слушателей: онъ сильно укорялъ духовенство за лѣность къ назиданію паствы, обличалъ невѣжество народа, раскола, грязные пороки, суевѣрія, остатки язычества—вѣру въ волшебство, въ нашептыванія, заговоры, встрѣчи, примѣты, ложныя чудеса и святыни, обличалъ народныя игры, праздники Коляды и Купалы, проповѣдывалъ необходимость просвѣщенія и обращался къ царю съ моленіемъ объ умноженіи школъ и учителей.

‘Примѣръ Полоцкаго не остался безъ подражателей: въ Пермскихъ усольяхъ умнаго Строганова, поощряемый его покровительствомъ, неизвѣстный по имени, приходскій священникъ городка Орла, написалъ книгу: „Статирь“ или поученія воскресныя и праздничныя, подражая, какъ самъ онъ говорилъ, поученіямъ святыхъ отцевъ, премудраго Кирилла Транквилиона и „трудолюбиваго, разумнаго

*) Сильвестръ Медвѣдевъ въ 1676 г. писалъ объ этихъ сочиненіяхъ къ Полоцкому: „Поченія недѣльныя и праздничныя скончалъ еси и опя началъ еси читати въ церквѣ, имѣюще намѣреніе въ кнждо недѣлю и во всякій праздникъ народу прочитати“.—Слѣдов. тѣ и другія поученія были говорены съ кафедръ.

***) Патр. Іоакимъ называлъ „Обѣдъ душевный“ исполненнымъ душевныхъ бѣдъ. Впрочемъ уже по смерти Полоцкаго, произнося о сужденіи на проповѣди его, патріархъ прибавилъ: „а могло быть, сочинитель имѣлъ другія мысли.“

отца Симеона Полоцкаго“. Сей неученый, но съ здравымъ смысломъ, проповѣдникъ умно рассуждалъ о нуждѣ живой проповѣди. Но ему не легко обходилась проповѣдь его; невѣжи прихожане кричали: „здѣсь бывали у насъ священники добрые, но не дѣлали того, а жили по-просту; откуда же этотъ вводитъ странности“?—Въ предисловіи къ „Статиру“ проповѣдникъ излагаетъ обстоятельства жизни своей въ любопытномъ разказѣ, по которому можно судить о степени образованія нашего духовенства въ концѣ XVII вѣка *).

Послѣднимъ трудомъ Полоцкаго была грамота для новой академіи **). Мы видѣли, что царь Θεодоръ, не желая ограничиться одними начатками еллинскаго ученія, захотѣлъ устроить высшее училище—академію. Намѣреніе царя сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ Европы, и ученые стали являться изъ Польши съ намѣреніемъ занять мѣста

*) Статиръ, или поученія воскресныя и другія числомъ 156, сочиненныя въ 1684 году неизвѣстнымъ приходскимъ священникомъ Пермской епархіи въ городѣ Орлѣ. (Рукопись Румянцев. Музея № 411).—Въ предисловіи авторъ говоритъ о самомъ себѣ: „Азъ поселянншъ сынъ и навозогребъ, сущій невѣжа .., отца имамъ усмаря, дѣда портнягу, прадѣда скотопаса... къ дровосѣчеству немощень, къ земледѣланію лѣнивъ, къ култѣ несмыслень, въ просительство стыжудся и отъ послѣдней грубости постуникъ несмысленнѣ, воспріяхъ санъ діаконаства: не яко Богу служити, но тупежителства ради... И препроводихъ лѣтъ пятерницу во обители Пыскорскаго монастыря и ту покусихся отъ части святыхъ книгъ чтанія и воспріяхъ мало вѣдѣнія о законѣ Божіи... Воспріяхъ же и санъ священства, служихъ два лѣта во градѣ Соли-Камской.. По сихъ возвѣсти Божія благодать о мнѣ недостойнѣмъ благородному и великоименитому господину Григорію Дмитріевичу Строганову“.—Далѣе повѣствуетъ, что Строгановъ перевелъ его къ церкви Похвалы Богородицы „въ вотчинѣ своей на Орлѣ городкѣ. Убѣди же мя, невѣжду сущаго, въ церкви Божіи люди учити, зѣло бо онъ любляше поученія Божественнаго закона слушати.“

**) Въ превосходномъ сочиненіи г. профессора Моск. Дух. Академіи, доктора богословія, С. К. Смирнова: „Исторія Моск. Славено-Греко-Латинской Академіи“ (стр. 15 и 16) приведены доказательства того, что сочинителемъ грамоты нельзя признать никого другаго, кромѣ Симеона Полоцкаго, какъ представителя въ то время западнаго образованія въ Москвѣ, и имѣвшаго большую силу при Дворѣ.

наставниковъ въ будущей академіи. Въ 1681 году прибылъ въ Москву съ этою цѣлью нѣкто Янъ Бѣлободскій, бывший кальвинскимъ проповѣдникомъ въ Слуцкѣ. Симоновскій архимандритъ Гавріиль Домецкій и Павелъ Негребецкій, выходецъ изъ Польши, вскорѣ изъ бесѣдъ съ нимъ открыли его неправомысліе *). Бѣлободскій обличенъ самимъ патріархомъ въ неправомыслии и не допущенъ въ училище. Осторожный царь не хотѣлъ поручить академію даже ученымъ изъ югозападныхъ областей русскихъ, которыхъ представлялъ ему Негребецкій, какъ мужей отлично-образованныхъ и твердыхъ въ православіи. Русскій посланникъ въ Царь-градѣ Возницынъ, по волѣ царя, въ 1682 году обратился къ патріархамъ: Цареградскому, Антиохійскому и Александрійскому съ прошеніемъ прислать въ Москву испытанныхъ въ православіи и ученіи наставниковъ, и патріархъ Іоакимъ писалъ о томъ же къ патріарху іерусалимскому Досиѣю **).

Написанная Полоцкимъ грамота замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Академіи предназначалось быть верховнымъ училищемъ всѣхъ свободныхъ наукъ, храмомъ мудрости духовной и гражданской, со всѣми правами самостоятельнаго ученаго корпуса, какими пользовались въ то время европейскіе университеты: она должна была управляться совѣтомъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ избираемаго изъ среды ихъ блюстителя или ректора, подлежала только собственному своему суду во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, могла приобрѣтать всякаго рода имущество въ полную безотчетную собственность. Учащіеся изъ низшихъ сословій народа только чрезъ нее получали право на высшія степени государственной службы по части гражданской; для благородныхъ, академическій аттестатъ облегчалъ и сокращалъ производство, давая немедленно чины, соотвѣтственные успѣхамъ. Сверхъ

*) Рукопись Моск. Дух. Акад. № 68.

**) Исторія Слав. Гр. Лат. Академіи стр. 11.

того академіи принадлежало право завѣдыванія всею системою народнаго образованія и воспитанія: безъ разрѣшенія академіи не дозволялось нигдѣ заводить училищъ, ни даже имѣть домашнихъ наставниковъ и учителей. Иностранные ученые, прїѣзжающіе въ Россію, должны были подвергаться испытанію въ академіи, и только на основаніи полученныхъ отъ нея свидѣтельствъ допускались къ свободному пребыванію въ государствѣ. Наконецъ, сообразно съ духомъ времени, академическая конференція облечена была грозною властью верховнаго судилища по дѣламъ вѣры и благочестія надъ людьми всякаго чина и званія. Ректору же и учителямъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы ни у духовныхъ, ни у мірянъ не было въ домахъ запрещенныхъ книгъ, и чтобы неучившіеся свободнымъ наукамъ не вступали въ состязанія о вѣрѣ.

Общія понятія о важности и цѣляхъ христіанскаго просвѣщенія изложены въ первомъ пунктѣ грамоты *). Далѣе исчисляются предметы преподаванія: грамматика, пѣнѣтика, риторика, діалектика, философія разумительная (умозрительная), естественная (физика), богословіе созерцательное (учащее вещей божественныхъ), и дѣятельное (учащее совѣсти очищенія), право церковное и гражданское (ученіе правосудія духовнаго и мірскаго) и прочія свободныя науки.

Отъ блюстителя и учителей требовалась присяга въ твердомъ сохраненіи православія. Если кто изъ учителей пожелаетъ опредѣлиться въ царскую службу, то не иначе можетъ быть принятъ, какъ съ свидѣтельствомъ ректора и прочихъ учителей. А за продолжительную усердную службу при академіи, засвидѣтельствованную ректоромъ, учителю обѣщается особая пенсія отъ щедротъ царскихъ.

* „Мудростію слава Божія умножается, православная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется; варварскіе народы богознаніемъ просвѣщаются, иновѣрная царствія къ благовѣрію обращаются, правовѣрныя же ко извѣстнѣйшему познанію догматовъ вѣры достигаютъ и очищеніе совѣсти хранить учаются.“

Помѣстить академію предназначалось въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ для сего обѣщано построить до Неглинныхъ воротъ зданіе на казенный счетъ. На содержаніе училища, учителей и учениковъ приписывались къ Заиконоспасскому монастырю еще семь монастырей съ ихъ отчинами. Сверхъ того царь прибавлялъ еще на содержаніе академіи свою дворцовую вышестородскую волость въ Верейскомъ уѣздѣ со всѣми угодьями и мельницами и нѣсколько пустошей. Наконецъ, чтобъ обезпечить академію со стороны учебныхъ пособій, царь обѣщаль предоставить академіи царскую библіотеку *).

Послѣ кончины Θεодора, не успѣвшаго привести въ исполненіе задуманнаго имъ великаго дѣла, бунтъ стрѣleckій и волненія, поднятыя раскольниками, отвлекли на время правительство отъ устройства академіи; впрочемъ ученіе въ типографской школѣ продолжалось. По укрощеніи мятежей, когда бразды правленія приняла царица Софія, заботы о начатомъ дѣлѣ образованія возобновились, и два ученые инока представили царицѣ просьбы въ стихахъ о водвореніи наукъ въ столицѣ, по плану Θεодора. Первымъ былъ чудовскій іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ, который въ ноябрѣ 1682 года поднесъ царицѣ просьбу въ стихахъ: въ ней онь изображаетъ высокое значеніе мудрости, восхваляетъ умъ Софіи, напоминаетъ ей заботы отца ея и брата о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, и проситъ, чтобъ она умолила братьевъ своихъ Іоанна и Петра утвердить въ Москвѣ полный курсъ образованія **). Другой былъ настоятель Заиконоспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ

*) Впрочемъ этой грамоты нельзя принимать за уставъ Академіи: въ ней же царь неоднократно обѣщается выдать уставъ, напр. въ пунктѣ четвертомъ „блюстителю училищъ и учителямъ творити крестное цѣлованіе по чину, иже отъ Царя В. Государя во уставѣ Академическомъ“. Тутъ же самая грамота называется привилегією: „аще кто явится противно сему привилегію каковую привнеся“ и проч.

***) Ист. Слав. Грск.-Лат. Академіи стр. 396—400.

Симеона Полонякаго: въ январѣ 1685 года онъ представилъ царевнѣ грамоту царя Θεодора объ учрежденіи академіи и вмѣстѣ съ нею свое стихотворное посланіе *). Но вѣроятно вслѣдствіе вліянія патріарха Іоакима, который неблагопріятно смотрѣлъ на Медвѣдева, какъ поборника латинства, опасался видѣть его блюстителемъ будущей академіи, — привилегіи академіи не были утверждены руками царей. Въ это время въ Москву уже ожидали учителей греческихъ, за которыми посылали къ восточнымъ патріархамъ.

Въ мартѣ 1685 года прибыли въ Москву, послѣ многотруднаго и продолжительнаго путешествія два родные брата—іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды **). Они представили въ Посольскомъ приказѣ двѣ грамоты: одну отъ восточныхъ патріарховъ, свидѣтельствующую о ихъ православіи и учености, а другую отъ гетмана Самойловича, обласкавшаго путниковъ при проѣздѣ черезъ Малороссію. Цари и царевна приняли милостиво ученыхъ восточныхъ наставниковъ; для нихъ построены были особыя деревянныя кельи въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Здѣсь начались труды Лихудовъ ***). Между тѣмъ при-

*. Древн. Росс. Библіог. ч. VI.

**.) Фамилія Лихудовъ замѣчательна и древностію и знатностію. Еще въ XI вѣкѣ князья Лихуды занимали высшія мѣста въ Греческой имперіи. Потомки ихъ, по раззореніи Цареграда Турками, переселились на островъ Кефалонію. Здѣсь отъ одного изъ Лихудовъ, Марка родились Іоаннъ и Спиридонъ, послѣ въ монашествѣ—Іоанникій и Софроній. Начатки ученія сообщилъ юнымъ Лихудамъ одинъ священникъ кефалонійскій; потомъ они учились богословію и философіи въ Венеціи и въ падуанской Академіи, гдѣ и получили докторскіе дипломы. Въ 1670 году возвратились въ Кефалонію, приняли постриженіе, посвящены въ іерейскій санъ, учили и проповѣдывали. Въ 1683 году въ мартѣ мѣсяцѣ оба брата отправились на венеціанскомъ кораблѣ въ Константинополь, и здѣсь, выдержавъ испытаніе въ ученіи и православіи, по порученію патріарха Діонисія въ продолженіе пяти мѣсяцевъ неоднократно говорили поученія въ кафедральной церкви въ присутствіи всѣхъ духовныхъ властей. По предложенію патріарховъ, они охотно согласились ѣхать въ Россію.

***.) На первый разъ перевели къ нимъ, для обученія греческому язы-

ступлено къ постройкѣ обширнаго зданія для академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, чему весьма много содѣйствовали и деньгами и распоряженіями сильный въ то время при дворѣ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго Лихуды называли своимъ „заступникомъ, защитителемъ, помощникомъ, покровомъ и прибѣжищемъ“. — Зданіе было окончено въ 1686 году: самъ патріархъ съ соборомъ духовенства присутствовалъ при открытіи его, и благословилъ перейти туда Лихудамъ съ учениками изъ Богоявленскаго монастыря. Открылся полный, но постепенный курсъ ученія на двухъ языкахъ, латинскомъ и греческомъ. Грамматику и піитику Лихуды преподавали на греческомъ, а реторику, логику и физику на обоихъ языкахъ. Успѣхи учениковъ такъ были блистательны, что они въ три года изучили означенныя науки, могли говорить на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ на славянскій языкъ.

Но едва только первыя сѣмена науки начали приносить плоды, какъ учителя подверглись тяжкимъ искушеніямъ. Еще до пріѣзда Лихудовъ въ Москву, начали распространяться въ народѣ неправильныя толки о таинствѣ Евхаристіи, принесенныя съ запада: нѣкоторые держались мнѣнія лютеранъ о значеніи хлѣба и вина въ Евхаристіи; другіе принимали ученіе римскихъ католиковъ о времени пресуществленія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову. Въ девятый день по пріѣздѣ, Лихуды уже имѣли споръ о святой Евхаристіи съ Полякомъ Бѣлободскимъ въ присутствіи царей и придворныхъ. Бѣлободскій не могъ устоять въ спорѣ съ православными докторами богословія и наконецъ сознался, что онъ „непричастенъ богословія“.

ку, пять учениковъ изъ типографской школы, а именно: Алексѣя Барсова, Николая Семенова-Головина, Ѳедора Поликарпова, Ѳедота Агѣева и Іосифа Афанасьева; къ нимъ присоединились чудовскій монахъ Ювъ и іеродіаконъ Богоявленскаго монастыря Палладій Роговъ. По переведеніи Академіи въ Заиконоспасскій монастырь, къ нимъ присоединены всѣ ученики типографской школы и вновь принято до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ.

Но такое благопріятное окончаніе спора было только началомъ продолжительныхъ состязаній. Во главѣ приверженцевъ римско-католическаго ученія о Евхаристіи стоялъ строитель Законоспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, по отзывамъ современниковъ „чернецъ великаго ума и остроты ученой“ *). Онъ представилъ свои мысли въ сочиненіи, подъ названіемъ „манна“, усиливаясь доказывать, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христовы при произнесеніи словъ Спасителя, выражающихъ установленіе таинства: „примите, ядите, сіе есть тѣло Мое; пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя“,—и не считали важными послѣдующія слова молитвы церковной, которою призывается на освящаемые Дары благодать Св. Духа. Для опроверженія сего мнѣнія Лихуды написали: „акошь или врачеваніе, противопологаемое ядовитымъ угрызениямъ змиевымъ“,—и на основаніи многихъ свидѣтельствъ, взятыхъ изъ преданій апостольскихъ и писаній св. отецъ,—изложили православное ученіе о времени пресуществленія. Противъ „акоша“ Сильвестръ написалъ: „тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ“, на которую Лихуды отвѣчали „діалогами грека учителя къ нѣкому іесуиту“. Споръ зашелъ такъ далеко, что о высочайшихъ предметахъ святѣйшаго Таинства даже простой народъ сталъ толковать на торжищахъ. Для пресѣченія соблазна, патріархъ Іоакимъ вступилъ въ сношенія съ восточными патріархами, которые и прислали цѣлое собраніе церковныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ православное ученіе о Св. Евхаристіи **).

*) Въ то время еще сильна была партія сторонниковъ западнаго образованія—учениковъ пезадолго передъ тѣмъ умершаго Семеона Полоцкаго. Во главѣ ея стоялъ Сильвестръ, враждебно расположенный къ Лихудамъ съ самаго ихъ пріѣзда въ Москву. Потерявъ надежду быть главою академіи, онъ сталъ жаловаться, что Лихуды захватили подѣшкі школы землю, принадлежащую его монастырю, что они посягаютъ въ ученикахъ плевать ересей, и подобными клеветами успѣлъ при Дворѣ охладить расположеніе къ Лихудамъ.

**) Вся исторія этихъ споровъ подробно изложена въ статьѣ покойнаго А. И. Смѣловскаго: „Братья Лихуды“ въ журн. Мин Нар. Просв. 1845 годѣ.

особенною пастырскою строгостію писалъ посланія къ духовнымъ властямъ кievскимъ, подозрѣвая, что ложныя мнѣнія первоначально возникли на югѣ Россіи, и получилъ отъ нихъ удостовѣрительныя листы, которыми они соглашались съ православнымъ ученіемъ и отвергали заблужденіе напистовъ *).

Въ это время первосвятитель московскій могъ имѣть властное вліяніе на южнорусскую православную Церковь: кievская митрополія была уже подчинена патріархату московскому и всея Россіи.

При гетманѣ Самойловичѣ настало самое удобное время для соединенія Кіева съ Москвою въ церковномъ отношеніи. Мы видѣли, что это дѣло было близко къ успѣху при Богданѣ Хмѣльницкомъ и патріархѣ Никонѣ, но удаленіе послѣдняго и наконецъ низверженіе его отсрочило успѣхъ надолго. Теперь гетманъ Самойловичъ также сознавалъ необходимость быть вѣрнымъ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Хмѣльницкому, все въ Малороссіи старался подчинить своей власти, отъ всѣхъ требовалъ къ себѣ полнѣйшаго повиновенія; а патріархъ Іоакимъ, еще болѣе Никона, способенъ былъ устроить это дѣло, потому что лучше Никона зналъ состояніе малороссійскаго духовенства, такъ какъ въ юности своей много лѣтъ провель въ Малороссіи **).

*) По окончаніи сказанныхъ сношеній, въ 1689 году открытъ былъ въ Москвѣ соборъ, который предалъ анаемѣ поборниковъ папистическаго мнѣнія о Евхаристіи и опредѣлилъ предать сожженію ихъ сочиненія, въ томъ числѣ и „Манну“ Медвѣдева; самъ онъ назначенъ въ заточеніе. Но узнавъ о рѣшеніи собора, онъ бѣжалъ, былъ пойманъ, лишень инокскаго сана и, подъ именемъ разстриги Семена Медвѣдова, сосланъ на покаяніе въ Троицко-Сергіеву лавру. Здѣсь въ декабрѣ тогоже года онъ написалъ покаянное исповѣданіе, каялся въ прежнихъ заблужденіяхъ и просилъ разрѣшенія. Соборъ (въ январѣ 1690 года простилъ Медвѣдева, но въ слѣдующемъ году, за участіе въ стрѣльцкомъ бунтѣ, онъ былъ обезглавленъ.

**) Патріархъ Іоакимъ имѣлъ постоянныя сношенія съ Малороссією. Съ 1676 года игумень Кіево-Межигорскаго монастыря ежегодно присылалъ своихъ монаховъ съ посланіями къ патріарху. Съ этими лицами,

Переписка между патриархомъ Іоакимомъ и гетманомъ Самойловичемъ относительно поставленія въ Кіевъ митрополита начинается съ 1683 года. Въ письмѣ къ Самойловичу (отъ 4 сентября 1683 г.) патриархъ высказываетъ глубочайшее сожалѣніе о томъ, что, по дошедшимъ къ нему слухамъ, кіевская митрополія безъ начальнаго пастыря, кіевского митрополита, всякаго благочинія лишилась. Дѣйствительно, положеніе іерархіи въ кіевской митрополіи могло подать поводъ патриарху къ сожалѣнію и къ вмѣшательству въ дѣла митрополіи. Іерархія тогда совсѣмъ пала. Вмѣсто настоящихъ архіереевъ въ кіевской митрополіи ходило много греческихъ и сербскихъ архіереевъ, изгнанныхъ патриархами и даже лишенныхъ сана, которые тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ въ Малороссіи настоящихъ архіереевъ, совершали всякія священнодѣйствія и рукоположенія. Но еще болѣе сильное побужденіе заботиться объ избраніи въ Кіевъ митрополита имѣлъ московскій патриархъ потому, что въ то же время могло выставить претендента на ту же митрополію польское правительство, которое возобновило попытку привлечь въ унию представителей южно-русской іерархіи—епископовъ тѣхъ областей, которыя находились еще подъ польскимъ обладаніемъ. Одинъ изъ нихъ Іосифъ Шумлянскій, епископъ львовскій, охотно согласился принять унию. Снискавъ себѣ такимъ образомъ расположеніе польскаго правительства, онъ началъ незаконно титуловаться

пріѣзжавшими изъ Малороссіи въ Москву, Іоакимъ могъ очень часто бесѣдовать о поставленіи въ Кіевъ новаго митрополита. Но особенно часто разговаривалъ объ этомъ патриархъ съ пріѣзжавшими въ Москву людьми гетмана, и неоднократно писалъ о томъ гетману, зная, что отъ него главнымъ образомъ зависитъ устройство дѣла. Въ 1683 году, по случаю избранія въ архимандриты Печерской лавры Варлаама Ясинскаго, гетманъ испросилъ благословеніе избранному отъ московскаго патриарха, а позднѣе самъ Варлаамъ, опасаясь, чтобы униаты не завладѣли лаврою или по крайней мѣрѣ маестностями ея въ польскихъ владѣніяхъ, исходатайствовала себѣ у Іоакима утвердительную грамоту.

администраторомъ кievской митрополіи и старался возбуждать въ Малороссіи мятежъ противъ Москвы.

Вслѣдъ за тѣмъ (въ 1684 г.), когда гетманъ Самойловичъ заботился о пріисканіи достойнаго лица для занятія престола кievской митрополіи, прибылъ въ Батуринъ епископъ лудкій и острожскій Гедeonъ Святополкъ, князь Четвертинскій, знаменитый происхожденіемъ и страданіями за вѣру православную *). На съѣздѣ въ Кіевѣ, онъ былъ избранъ на митрополію и тогда же изъявилъ непремѣнное свое желаніе принять жезлъ архипестырскій не отъ кого другаго, какъ отъ первосвятителя всероссійскаго въ Москвѣ. Послѣ продолжительной переписки о правахъ и преимуществахъ будущаго архипастыря кievскаго, цари и царевна изъявили полное согласіе на присоединеніе южной митрополіи; а патриархъ Іоакимъ съ великою радостію отвѣчалъ Самойловичу, что онъ согласенъ избраннаго архипастыря на престолъ въ кievскую епархію возвести и благословеніемъ его утвердить вопервыхъ потому, что съ самаго начала распространенія христіанской вѣры въ Россіи митрополія была одна и повсюду Россіяне были въ повиновеніи и послушаніи всероссійскому престолу; вовторыхъ потому, что когда соборомъ всѣхъ святѣйшихъ восточной Церкви патриарховъ устроился въ царствующемъ градѣ Москвѣ

*) Онъ происходилъ изъ древнѣйшей княжеской фамиліи, ведшей свой родъ отъ Святополка-Михаила, внука Ярослава 1-го, отчего составилось и двойное имя Четвертинскаго: „Гедeonъ-Святополкъ, князь Четвертинскій“. Онъ уже 25 лѣтъ носилъ санъ епископа лудскаго и острожскаго, бывъ посвященъ въ этотъ санъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ. Изгнанный изъ Луцка отступникомъ Шумлянскимъ, онъ рѣшился бѣжать изъ польскихъ владѣній тѣмъ болѣе, что король и королева лично объявили ему, что если онъ не сдѣлается униатомъ, то будетъ сосланъ на вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ. Тогда, писалъ Четвертинскій, „немоощъ человѣческую имый, устрашился абіе, соглядая сіе, яко не точію азъ имѣхъ быти въ толпкомъ лишеніи, но и овдамъ словеснаго стада не возмогъ быхъ помощи ни въ чемъ же, сего ради оставити престолъ мой и вся своя понужденъ есмь“.

патріаршій престолъ, то на соборѣ повелѣно было всѣмъ россійскихъ престоловъ архіереямъ повиноваться патріаршему престолу московскому. Въ особомъ письмѣ къ Четвертинскому Іоакимъ приглашалъ его въ Москву для посвященія.

Прибывъ въ Москву съ многолюдною свитою духовныхъ и мірскихъ лицъ, Гедеонъ былъ посвященъ въ санъ митрополита кіевскаго 8-го ноября 1685 г. при торжественномъ служеніи патріарха въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царей. Стоя предъ патріархомъ среди церкви на орлецѣ и произнося обыкновенную архіерейскую присягу, Гедеонъ давалъ обѣщаніе, что во всемъ будетъ повиноваться московскому патріарху *). Послѣ посвященія, онъ получилъ драгоценныя дары отъ щедроты царской **), и двѣ утвердительныя грамоты: одну отъ царей, другую отъ патріарха. Въ первой изъ нихъ подтверждены всѣ привилегіи, о которыхъ просилъ гет-

*) Вотъ слова присяги: „еще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдать... и послѣдовать мнѣ во всемъ и повиноватися всегда отцу моему, великому господину, святѣйшему киръ Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и аще случится, и по немъ благословіемъ Божиимъ будущему святѣйшему патріарху московскому и всея Россіи и всему преосвященному собору.—Аще же, еже обѣщано здѣ мною что преступлю, и отцу моему, святѣйшему киръ Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и сѣверныхъ странъ, и по немъ будущимъ святѣйшимъ московскимъ и всея Россіи патріархамъ, и всему священному собору явлюся непослушенъ, или противенъ, или отъ него во особность восхощу отступити и епархію, мнѣ врученную, каковымъ либо образомъ ему, отцу моему, святѣйшему патріарху и всему святому собору въ чемъ непослушно сотворю, и тогда абіе лишень буду всего сана своего и власти, безъ всякаго извѣта и слова.“

**) Гедеонъ получилъ отъ царей для обветшавшаго и оскудѣвшаго Софійскаго собора: 1) богослужбные сосуды золотые съ финифтяными рисунками; 2) кованную изъ чистаго золота митру, украшенную драгоценными камнями (между которыми особенно замѣчательнъ большой превосходный сапфиръ); 3) полное облаченіе изъ персидской золотой парчи, обнизанное жемчугомъ. Эти утвари хранятся донынѣ въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора.—Лично Гедеону цари подарили множество соболей, великолѣпную карету, обитую голубымъ бархатомъ, и шестерикъ лошадей. Всѣ лица свиты его были щедро одарены.

манъ *), за исключеніемъ одной—права называться экзархомъ константинопольскаго патріарха. Въ грамотѣ, данной отъ патріарха, замѣтно стремленіе съ его стороны поставить Гедеона въ такое же положеніе, въ какомъ были и другіе митрополиты, подчиненные московскому патріархату. Такъ онъ титулуетъ новопоставленнаго митрополита „митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ и малыя Россіи“, и ни разу не называетъ его митрополитомъ всея Россіи, какъ назывались до того времени Кіевскіе митрополиты. Дозволяя Гедеону носить митру съ крестомъ и ношеніе креста предъ нимъ въ своей его епархіи, патріархъ, „ради единчества“ съ прочими русскіими митрополи-

*) Въ письмахъ къ царю и патріарху гетманъ отъ своего имени и отъ имени духовенства просилъ, чтобы послано было изъ Москвы посылство въ Константинополь къ патріарху съ большою посылкою и просьбою, чтобъ константинопольскій патріархъ прислалъ свое согласіе на подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху. вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ просилъ, чтобы соблюдены были права и преимущества кievской митрополіи, чтобы оставлено было митрополиту прежнее облаченіе: мигра съ крестомъ и предношеніе креста; просилъ, чтобъ избраніе кievскаго митрополита по прежнему совершалось вольными голосами, чтобы по прежнему дозволено было имѣть въ кievской митрополіи типографію и заводить школы, и о томъ наконецъ, чтобы патріархъ московскій совершалъ только посвященіе митрополита кievскаго, но въ суды и распоряженія его не вступался. Нельзя было просить только объ одной привилегіи кievскаго митрополита изъ указанныхъ духовенствомъ, именно чтобы онъ назывался по прежнему митрополитомъ всея Россіи. вмѣсто того, гетманъ просилъ отъ своего имени, чтобы дозволено было кievскому митрополиту именоваться по прежнему „экзархомъ константинопольскаго трона“, считая это званіе необходимымъ для того, чтобы православные епископы въ польскихъ владѣніяхъ не избрали особаго митрополита съ титуломъ экзарха, что можетъ заставить весь народъ преклониться къ этому новому митрополиту. Въ царской грамотѣ утверждено за митрополитомъ право невозбраннаго печатанія книгъ, а также „и ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ: въ дѣлахъ же, принадлежащихъ Малой Россіи, какъ въ военныхъ, такъ и въ расправныхъ, кievскимъ митрополитомъ воля быти не имѣть и вступатися не додѣть“. Запрещено имѣть какія-либо сношенія съ духовными особами державы польской, безъ вѣдома и совѣта гетмановъ, и потому всякая переписка „изъ странъ польскихъ и литовскихъ и иныхъ“, должна быть объявляема гетману, а чрезъ него всероссійскому престолу.

тами, повелѣваетъ носить бѣлый клобукъ, что до сихъ поръ не было въ обыкновеніи у кievскихъ митрополитовъ, по примѣру свитителей восточныхъ. О неподсудности митрополита патріарху по дѣламъ администраціи (чего особенно добивался гетманъ) въ патріаршей грамотѣ не упоминалось *).

Послѣ того какъ Гедѣонъ Четвертинскій принялъ посвященіе въ санъ митрополита кievскаго въ Москвѣ отъ московскаго патріарха и торжественно обѣщаль повиноваться ему во всемъ, подчиненіе кievской митрополи московскому патріархату уже совершилось на дѣлѣ. Но, пока константинопольскій патріархъ не изъявилъ своего согласія, присоединеніе не могло еще считаться совершенно законнымъ. Притомъ гетманъ и Четвертинскій считали необходимымъ, чтобы константинопольскій патріархъ зналъ о совершающемся подчиненіи кievской митрополи московскому патріархату и далъ на это свое согласіе: они опасались, чтобы вселенскій патріархъ не поразилъ ихъ своимъ проклятіемъ, чему уже бывали примѣры **). Немедленно послѣ посвященія Гедѣона, отправлено было посольство въ Константинополь и чрезъ годъ получены грамоты отъ патріарха константинопольскаго Діонисія и

*) Подчиненіе митрополитской каѳедры настояною царскою грамотою архіепископъ черниговскій и архимандритъ кievопечерскій не захотѣли оставаться въ вѣдомствѣ митрополита, и представили отъ себя грамоты, утверждавшія независимость ихъ ни отъ кого, кромѣ патріарховъ. Вслѣдствіе сего новыми царскими и патріаршими грамотами черниговская епархія и кievопечерская лавра исключены изъ-подъ вѣдомства Гедѣона и подчинены непосредственно московскому патріаршему престолу, при чемъ Черниговъ объявленъ первою архіепископіею, а лавра—первою ставропигіею всероссійскихъ патріарховъ.

***) Такъ, патріархомъ Паисіемъ былъ проклятъ гетманъ Брюховецкій, патріархомъ Меодіемъ гетманъ Многогрѣшный. Это проклятіе патріарховъ много смущало гетмановъ, потому что подрывало народное въ нихъ довѣріе, и оба, подвергнушіеся проклятію, гетмана усердно просили московское правительство, чтобы оно ходатайствовало за нихъ предъ патріархами.

іерусалимскаго Досіеоя, разрѣшающія подчиненіе южно-русской Церкви московскому патріарху *).

Такимъ образомъ благоразумный и дѣятельный патріархъ Іоакимъ блистательно довершилъ то, чего не успѣли въ свое время сдѣлать великій патріархъ Никонъ и незабвенный гетманъ Богданъ Хмѣльницкій **). Присоединеніе кievской митрополіи къ Москвѣ имѣло весьма важное значеніе для современной церковной и государственной жизни. Съ одной стороны оно давало московскому первосвятителю возможность слѣдить за ученіемъ православной вѣры на югѣ, не допуская лжеученій, притекающихъ съ запада. Съ другой—предотвращалась возможность участія духовныхъ властей въ смутахъ, возбуждаемыхъ честолюбцами, которые постоянно находили поддержку въ мѣстномъ духовенствѣ ***). Наконецъ самое соединеніе политическое, совершенное Богданомъ, оставалось непрочнымъ безъ единства религіознаго, которое одно могло связать неразрывными узами малороссійскій югъ и великороссійскій сѣверъ въ одну необъятную Россію посредствомъ единства Церкви.

Совершивъ великое дѣло соединенія, Іоакимъ явилъ себя самымъ глубокимъ политикомъ XVII вѣка, тѣмъ болѣе, что свѣтлый умъ его прозрѣвалъ еще далѣе для блага и силы Россіи. Въ немъ созрѣла обширная мысль: соединить подъ властію патріаршаго престола всея Руси, какъ основаннаго перевозваннымъ апостоломъ, всѣхъ пра-

*) Обѣ эти патріаршія грамоты напечатаны въ приложеніяхъ къ „описанію Кіево-Софійскаго собора“, митропол. Евгенія.

**) Въ изложеніи дѣла о церковномъ подчиненіи Кіева Москвѣ, мы преимущественно пользовались весьма подробнымъ и основательнымъ сочиненіемъ Г. С. Терновскаго: „Исслѣдованіе о подчиненіи кievской митрополіи моск. патріархату“. Кіевъ 1872.

***) Вспомнимъ, что приближалось время Мазены, и что онъ уже не встрѣтилъ приверженцевъ среди духовенства (какъ прежде Дарошенко). Проникнутый чувствомъ церковнаго единства, Малороссійскій народъ заклеилъ вѣчнымъ позоромъ самое имя измѣнника. Церковь дала Петру средства сохранить Малороссію и побѣдить непобѣдимаго дотогѣ короля шведскаго.

вославныхъ нашихъ единоплеменниковъ на югъ Европы. Эту мысль подтвердилъ сербскій митрополитъ Савва II Бранковичъ, прїѣзжавшій въ Россію для сбора въ пользу своей каѳедры, разоренной междоусобіями *). Выѣхавшій изъ Болгаріи въ Москву князь Ростиславъ Страшиміровичъ, еще болѣе утвердилъ Іоакима въ его намѣреніяхъ: обласканный патріархомъ, онъ обѣщаль склонить къ церковному соединенію не только своихъ единоземцевъ, между которыми имѣлъ много приверженцевъ, какъ единственный потомокъ государей Болгарскихъ **), но даже и Сербовъ съ Черногорцами и Молдаванъ съ Волохами. Іоакимъ надѣялся преклонить вселенскаго патріарха къ отказу отъ духовной власти надъ этими странами, какъ достигъ тойже цѣли относительно Малороссіи; но племянникъ его Дубровскій, посланный имъ въ Цареградъ для предварительныхъ переговоровъ съ греческимъ духовенствомъ и турецкимъ правительствомъ объ этомъ дѣлѣ, едва спасся отъ разъяренной черни, когда въ Константинополѣ получено извѣстіе, что въ Москвѣ подписанъ (26 апрѣля 1686 г.) наступательный и оборонительный союзъ съ Польшею противу Крыма и Турціи ***). Такъ

*) Русск. Вѣстникъ 1865. № 5. Статья професс. Н. А. Попова: Сербы въ Австріи.

**) Онъ происходилъ отъ князя Страшиміра Александровича, сына одного изъ достопамятныхъ королей Болгарскихъ, проникавшаго даже до Адрианополя, при византійскомъ императорѣ Андроникѣ, и побѣдившаго потомъ Іоанна Кантакузена. (Исторіографія початія имени, славы и распріенія народа славянскаго, собранная изъ многихъ книгъ историческихъ чрезъ г. Мавроурбина, архимандрита Рагужскаго. Перев. съ итальянскаго. Спб. 1722, стр. 332—334.)

***) Страшиміровичъ и Дубровскій приняли потомъ участіе въ возмущеніи Болгаръ противъ султана и едва успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Здѣсь поселился Страшиміровичъ, женившись на сестрѣ Дубровскаго, и оставилъ послѣ себя сына Савелья, родоначальника дворянъ Савельевыхъ-Ростиславичей. Всѣ свѣдѣнія о намѣреніяхъ патріарха Іоакима относительно Болгаръ заимствованы нами изъ статьи г. Н. Е—на: „Патріархъ Іоакимъ и заслуги его отечеству, въ гражданскомъ, политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ“. (Сѣвер. Пчела 1847. № 133—136.) Въ этой статьѣ г. Е—нъ ссылается на какой-то „Хроно-

неудачная попытка къ завоеванію Крыма, предпринятая по внушенію славолюбиваго князя В. Голицена, вопреки желанію патріарха Іоакима, вопреки убѣдительному моленію цареграцкаго патріарха *) и настояніямъ умнаго гетмана Самойловича **)—послужила препятствіемъ къ тому великому дѣлу, которое и доннѣ еще не вполнѣ совершилось: мы разумѣемъ здѣсь освобожденіе православныхъ Славянъ, и въ особенности многострадальнаго народа Болгарскаго, отъ греческой іерархіи, и возвращеніе имъ права имѣть своихъ единоплеменныхъ архипастырей и возносить свои молитвы предъ престоломъ Божиимъ на своемъ родномъ языкѣ.

Гр. М. Толстой.

графъ, собранный повелѣніемъ патріарха Іоакима“, и на грамоты жалованныя царями Дубровскому и Страшмировичу. Этого хронографа и грамотъ намъ не удалось отыскать.

*) Патріархъ Діонсій умолялъ царей не начинать войны съ Турками, „зане дадутъ вину потребитися всѣмъ христіанамъ, которіи подъ симъ царствомъ, безвинно“ (Непереплетенный сборникъ Синод. библиотеки подлѣ IV. Переводы съ грамотъ л. 3.)

**) „Пусть будетъ, какъ угодно великимъ государямъ, говоритъ гетманъ, а мнѣ кажется, нѣтъ причины съ султаномъ и ханомъ миръ нарушать. Этотъ миръ послѣ великой и страшной войны заключилъ блаженной памяти великій государь царь Ѳедоръ Алексѣевичъ безпрестаннымъ, премудрымъ промысломъ и усерднымъ стараніемъ, да и моя служба и радѣніе въ томъ были. А теперь этотъ миръ разорвать мнѣ кажется неприлично и не для чего. И въ мысли нельзя держать не только намъ, но и дѣтямъ нашимъ, что Поляки когда-нибудь перестанутъ къ намъ враждовать. Мнѣ кажется, что лучше держать миръ, а на Поляковъ оглядываться, съ Турками и Татарами поступать разумно“. (Соловьевъ. Исторія Россіи XIV, 23.)

Опытъ злоупотребленія словами Св. Писанія.

Кому неизвѣстно, что апостоль Павелъ, какъ предназначенный быть апостоломъ язычниковъ, больше прочихъ апостоловъ и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ каждый изъ нихъ, потрудился въ распространеніи среди язычниковъ Евангелія? Кому также неизвѣстно, что никто изъ апостоловъ не оставилъ послѣ себя столько письменныхъ памятниковъ проповѣднической дѣятельности, сколько апостоль Павелъ? Отъ него дошло до насъ 14 посланій, почти ежедневно читаемыхъ на литургіи. И какія драгоценныя посланія! На нихъ, послѣ Евангелія, зиждется все христіанское богословіе. Въ нихъ евангельское ученіе нашло себѣ лучшее истолкованіе, такъ что, по справедливому выраженію св. Златоуста, уста Павла поистинѣ суть уста Христовы. Но, къ сожалѣнію, какъ ученіе Христа Спасителя подвергалось и подвергается превратнымъ толкованіямъ со стороны невѣждъ, еретиковъ и изувѣровъ *), такъ и ученіе апостола Павла не избѣжало подобной участи. Уже при жизни его, какъ видно изъ свидѣтельства св. апостола Петра, невѣжествующіе и неутвержденные въ вѣрѣ, къ собственной своей гибели, превращали (т.-е. превратно понимали) слова св. Павла (2 Петр. 3, 15.

*) Напримѣръ римскіе католики ученіе о главенствѣ папы основываютъ на словахъ Иисуса Христа къ ап. Петру: „Ты еси Петръ, и на семь каменіи созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей“ (Мат. 16, 18). Послѣдсватели гнусной скопческой секты въ оправданіе своего заблужденія ссылаются на слова Иисуса Христа: „есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небснаго“ (Мат. 19, 12),—хотя эти слова относятся не къ отрѣченію членовъ, ибо отрѣкающій членъ подвергается проклятію,—а къ истребленію нечистыхъ помысловъ (Злат.).

16). Поводомъ къ невѣжественному и несогласному съ ученіемъ Вѣры разумѣнію словъ апостола могла служить высота и глубина выражаемыхъ въ нихъ истинъ и многозначительная сжатость выраженія. Апостолъ Петръ не сказываетъ, какія именно мѣста въ посланіяхъ ап. Павла были превращаемы невѣждами и неутвержденными въ вѣрѣ; за то намъ извѣстны опыты позднѣйшихъ кривотолкованій его посланій. Такъ одни изъ кривотолковъ въ словахъ апостола о Христѣ, Который, по соединенію въ Его лицѣ божеской и человѣческой природы чрезъ воплощеніе отъ Духа Свята и Дѣвы Маріи,—*есть Господь съ небесе и человекъ небесный* (1 Кор. 15, 47. 48),—думали видѣть подтвержденіе своему лжеученію, будто Иисусъ Христосъ не заимствовалъ плоти Своей отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, а только прошелъ сквозь Нее, какъ чрезъ каналъ, съ тѣломъ тончайшимъ, принесеннымъ съ неба. Другіе изъ словъ ап. Павла, что „помилованіе зависитъ не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога милующаго“ (Рим. 9, 16), выводили заключеніе о безусловномъ предопредѣленіи однихъ ко спасенію, другихъ къ вѣчной гибели, не обращая вниманія на ученіе тогоже апостола о предопредѣленіи вѣчной участи каждаго въ зависимости отъ предувѣдѣнія нравственныхъ качествъ его (Рим. 8, 29). Третьи—слова апостола: *мыслимъ вѣрою оправдитися человеку безъ дѣлъ закона* (Рим. 3, 28), такъ обширно понимаютъ, что не даютъ никакого значенія въ дѣлѣ спасенія добрымъ дѣламъ, не почитаютъ ихъ необходимымъ, на ряду съ вѣрою, условіемъ спасенія, вопреки ученію тогоже апостола, что каждому Господь воздастъ по дѣламъ его (Рим. 2, 6). Не исчисляемъ другихъ превратныхъ толкованій ученія св. Павла,—замѣтимъ только, что, къ величайшему сожалѣнію, даже въ средѣ православныхъ ходятъ нелѣпныя, нехристіанскія мнѣнія, въ оправданіе которыхъ они ссылаются на ученіе ап. Павла. Мы въ настоящемъ случаѣ обратимъ вниманіе на одно изъ таковыхъ мнѣній, выраженіе котораго невѣжествуящіе и неутвержденные въ

вѣрѣ думаютъ видѣть въ словахъ ап. Павла: *по нужди и закону прѣмьненіе бываетъ* (Евр. 7, 12), и укажемъ, въ какихъ именно случаяхъ они любятъ повторять эти слова.

Часто люди прибѣгаютъ ко лжи, чтобы избавить себя или другихъ отъ отвѣтственности за нечистыя дѣла,—запираются въ томъ или другомъ проступкѣ и преступленіи, чтобы выручить себя изъ бѣды, увѣряя съ божбою, что знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ взводимыхъ на нихъ нехорошихъ дѣлъ. Напрасно вы стали бы имъ доказывать, что ложь есть великій грѣхъ; напрасно стали бы говорить, что мерзки Господу уста лживыя (Прит. 12, 22), что кто лжетъ, тотъ подражаетъ и угождаетъ отцу лжи діаволу (Іоан. 8, 44), что кто лжетъ, тотъ унижаетъ въ себѣ образъ Божій, состоящій, по слову апостола, въ правдѣ и святости истины (Еф. 4, 24), что любящій лгать — нетерпимый членъ общества, ибо союзъ общественный держится взаимнымъ довѣріемъ,—онъ невозможенъ или непроченъ тамъ, гдѣ не боятся обманывать другъ друга, не исполнять даннаго слова и обязательства и т. п. Напрасно вы стали бы все это и подобное представлять на видъ инымъ лжецамъ. Они, пожалуй, и сами сознаютъ, что ложь—нехорошее дѣло, что они лгутъ вопреки своей же совѣсти, и готовы даже признаться въ этомъ человѣку, отъ котораго не ожидаютъ себѣ вреда за свое признаніе. Но спросите ихъ: зачѣмъ же они позволяютъ себѣ ложь, которой сами не одобряютъ? Отвѣтъ готовъ: нужда заставляетъ ихъ кривить душею. Кому не жаль себя? Кому охота чистосердечнымъ сознаниемъ въ своей винѣ накликать на себя бѣду, выдавать себя головою? Конечно, ложь противозаконное дѣло, но нужда, говорятъ, сильнѣе закона. *По нужди и закону прѣмьненіе бываетъ*, — заключаютъ защитники лжи.

Другой, поправъ страхъ Божій и совѣсть, прибѣгаетъ къ безчестнымъ средствамъ для наживы: обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ, обсчитываетъ покупателей, живетъ безза-

конною лихвою, взятками, за которыя готовъ сдѣлать всякую неправду въ пользу того, съ кого беретъ ихъ. Спросите его: зачѣмъ онъ такъ поступаетъ? Вѣдь все это безчестно. Неужели онъ не видитъ, что грѣшитъ противъ заповѣди, запрещающей воровать, если незаконными средствами наживается насчетъ ближняго, если своею алчностью къ корысти готовъ разорить его и пустить по міру? Онъ не затруднится отвѣтить вамъ: нельзя иначе жить на свѣтѣ. Веди честно дѣло,—только проживешься, а не наживешься. И радъ бы вести ихъ на чистоту, да нужда заставляетъ дѣлать то, чего бы и не хотѣлось. Про нужду законъ не писанъ. *По нужди и закону премъненіе бываетъ.*

А иной просто промышляетъ грубымъ воровствомъ и грабительствомъ, и тоже оправдываетъ себя нуждою, хотя не испыталъ всѣхъ честныхъ средствъ, чтобы избавиться отъ ней. Праздность и склонность къ тунеядству—вотъ причина его гнуснаго промысла, а онъ ссылается на нужду, говоря: грѣхъ воровать, да нельзя миновать. *По нужди и закону премъненіе бываетъ.*

Есть люди благочестивые, строго соблюдающіе посты, но слабохарактерные. Вотъ они попадаютъ въ общество людей, которые, хотя принадлежать къ числу православныхъ христіанъ, ни во что ставятъ церковныя учрежденія, презираютъ посты и смѣются надъ постниками. А между тѣмъ эти люди нужны мнѣ по житейскимъ дѣламъ, разсуждаетъ благочестивый постникъ,—какъ отказаться отъ общенія съ ними, въ постный день, въ скоромной трапезѣ? Какъ не отступить, изъ угожденія имъ, отъ постаго устава? Вѣдь иначе будутъ смѣяться надо мною и, пожалуй, еще обидятся на меня, скажутъ, что я брезгаю ими. Нѣтъ, лучше уважить ихъ, и вопреки совѣсти раздѣлить съ ними непостную пищу. По нуждѣ чего не бываетъ? *По нужди и закону премъненіе бываетъ.*

И мало ли другихъ случаевъ, въ которыхъ люди не только оправдываютъ свои грѣхи нуждою, не желая знать,

что лучше претерпѣть всякую нужду, скорбь и тѣсноту, чѣмъ поступить вопреки совѣсти и заповѣдямъ Божиимъ,—но еще въ свое оправданіе приводятъ апостольское изреченіе: *по нужди и закону премъненіе бываетъ?*—Но дѣйствительно ли это изреченіе имѣетъ тотъ смыслъ, какой приписываютъ ему обыкновенно? Нѣтъ, оно имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, который не замѣчается съ перваго разу потому только, что слова апостола обыкновенно приводятъ не въ полномъ составѣ. Въ полномъ составѣ они читаются такъ: *Прелагаему свящисству, по нужди и закону премъненіе бываетъ.* О чемъ говоритъ апостоль? Онъ говоритъ о перемѣнѣ закона вслѣдствіе перемѣны священства,—говоритъ, что если священство положено отмѣнить и замѣнить, то необходимо тому же подлежить и законъ. О какомъ священствѣ идетъ рѣчь у апостола? О священствѣ ветхозавѣтномъ, левитскомъ, по чину Ааронову. О какомъ законѣ говоритъ апостоль? О законѣ обрядовомъ,—о ветхозавѣтныхъ жертвахъ, очищеніяхъ, праздникахъ, обрѣзаніи и т. п.,—о томъ самомъ обрядовомъ законѣ, на служеніе которому назначено было сословіе священниковъ, происходившихъ отъ Аарона, потомка Ливіина. Ветхозавѣтное священство и обрядовый законъ, по слову апостола, такъ тѣсно соединены, что если отставляются, признаются совсѣмъ ненужными священники, служители закона обрядовъ, то вмѣстѣ съ симъ необходимо упраздняются самые обряды, теряетъ силу законъ обрядовъ. На чемъ же апостоль основываетъ свое положеніе объ отмѣнѣ ветхозавѣтнаго священства и съ нимъ закона обрядовъ? На опредѣленіи самого Господа. Въ чемъ апостоль видитъ это опредѣленіе? Въ томъ, что Богъ Отець съ клятвою изрекъ единородному Сыну Своему, имѣвшему воплотиться: *Ты еси іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Евр. 5, 16; 8, 21. Слич. Псал. 109, 4). По толкованію апостола, назначеніе, въ лицѣ Іисуса Христа, новаго священника по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронову, предполагаетъ упраздненіе священства

по чину Ааронову, какъ уже неудовлетворительнаго, а съ нимъ и закона обрядоваго. Со времени явленія Христа, новаго священника, принесшаго въ Своемъ лицѣ жертву за людей лучшую и совершеннѣйшую, чѣмъ какія до Него приносимы были,—священство ветхозавѣтное съ его жертвами и обрядами должно престать, какъ такое учрежденіе, которое дано на время, до новаго священства во Христѣ, и которое само по себѣ не можетъ служить къ освященію и спасенію людей. Ибо,—повторимъ слова апостола,—еслибы совершенство (*освященіе и спасеніе*) достигалось посредствомъ левитскаго священства съ его обрядовыми постановленіями (ибо съ нимъ сопряженъ (*обрядовый*) законъ народа): то какая бы еще нужда была возставать иному священнику, по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться,—съ инымъ закономъ, благодатнымъ, въ замѣнъ закона обрядовъ? Потому что, продолжаетъ апостоль, съ перемѣною священства необходимо быть перемѣнѣ и закона“ (Евр. 7, 11. 12).—Итакъ, у ап. Павла идетъ рѣчь совсѣмъ не о томъ, что въ случаѣ нужды можно, безъ страха отвѣтственности если не предъ людьми, то предъ Богомъ,—нарушать законъ Божій, творить беззаконіе,—предполагать такую мысль у апостола значило бы оскорблять Св. Духа, чрезъ него глаголавшаго,—а о томъ, что съ пришествіемъ Христовымъ необходимо потерялъ силу ветхозавѣтный законъ обрядовый;—не о томъ, что въ случаѣ нужды позволительно не соблюдать этого закона, а о томъ, что онъ совсѣмъ необязателенъ для насъ, что онъ имѣлъ значеніе только до Христа, до Его всеосвящающей и всеспасительной жертвы, что послѣ этой жертвы соблюдать его не только не спасительно, но еще грѣшно, особенно когда извѣстно, что на апостольскомъ Іерусалимскомъ соборѣ торжественно объявлены необязательными для христіанъ ветхозавѣтныя обрядовыя постановленія (Дѣян. 15, 28).

Таковъ смыслъ словъ ап. Павла: *по нужди и закону премъненіе бываетъ*. Не очевидно ли, что въ этомъ ис-

тинномъ смыслѣ они ни мало неблагопріятствуютъ тѣмъ, которые видятъ въ нихъ подтвержденіе ложнаго мнѣнія, будто нужда даетъ право поступать вопреки закону Божію. Тяжко грѣшить престапующій заповѣди Божіи подѣ предлогомъ нужды, на самомъ же дѣлѣ по своеволю и своекорыстію. Но гораздо тяжелѣе грѣхъ, если грѣшникъ оправдываетъ себя словами Св. Писанія: *по нужди и закону претмненіе бываетъ*. Онъ принимаетъ на свою душу два грѣха: грѣхъ безстрашнаго нарушенія закона и грѣхъ кощунства,—кощунственно обращая въ свою пользу слова самого Св. Духа, глаголющаго въ Писаніи.

Протоіерей Вас. Нечаевъ.

Образъ Божій въ человѣкѣ.

СЛОВО НА ДЕНЬ НЕРУКОТВОРЕННАГО ОБРАЗА СПАСИТЕЛЯ.

Въ одномъ мѣстѣ Евангелія отъ Іоанна сказано: *Есть многое и другое, что сотворилъ Іисусъ и что однакожь не описано въ этихъ книгахъ, т.-е. въ Евангеліяхъ; ибо еслибы, далѣе замѣчаетъ евангелистъ насчетъ краткости евангельскаго сказанія,—писать обо всемъ, что совершенно Христомъ Спасителемъ, подробно, то и самому міру, думаю, не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ,—эникакой памяти человѣческой не обнять бы, не удержать бы всего* (Іоан. 21, 25; 20, 30).

Одно изъ такихъ, не описанныхъ въ Евангеліи, чудесныхъ дѣйствій Іисуса Христа; служить, предстоящіе, основаніемъ настоящаго праздника. До Авгаря, едесскаго владѣльца, какъ говоритъ древнее преданіе, страдавшаго неизлѣчимою болѣзнію, дошелъ слухъ, что въ Іудейской землѣ явился необыкновенный человѣкъ, называемый Іисусомъ, Который однимъ словомъ, или однимъ прикоснове-

ніемъ исцѣляетъ всякаго рода болѣзни. Побуждаемый желаніемъ здоровья, Авгарь немедленно отправляетъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, по имени Ананію, искусствомъ живописца, съ письмомъ къ великому Чудотворцу и чрезъ письмо это приглашаетъ Его прибыть въ Едессу и исцѣлить ея владѣльца. вмѣстѣ съ тѣмъ дано было Ананіи повелѣніе снять съ Господа Иисуса Христа въ томъ случаѣ, если онъ не согласится прибыть въ Едессу, незамѣтнымъ для Него образомъ портретъ, изображеніе лица Его. Ананія въ точности исполнилъ одну часть сдѣланнаго ему порученія, вручилъ Господу Иисусу Христу письмо своего владѣльца, и самъ получилъ въ отвѣтъ письмо, въ которомъ было сказано, что Ему, Господу Иисусу, нужно, до самага Своего вознесенія на небо, безысходно оставаться въ Іудеѣ, но что послѣ вознесенія будетъ посланъ къ Авгарю одинъ изъ Его учениковъ и что ученикъ этотъ и исцѣлитъ его и научитъ его спасенію. Но другую часть порученія—снять портретъ съ Господа Иисуса, Ананія никакъ не могъ исполнить: Господь Иисусъ Христосъ, бесѣдуя съ народомъ, обращался изъ стороны въ сторону, и портретъ, несмотря на всѣ усилія художника, оставался далеко несходенъ съ подлинникомъ. Серцевѣдецъ все это зналъ и не хотѣлъ, чтобы трудъ Ананіи и усердіе его владѣльца остались безъ награды. Подозвавши къ себѣ живописца, потребовавши воды и умывшись, Онъ взялъ убрουςъ (полотенце), утерся, и—о чудо!—лице Его отразилось на полотенцѣ со всею точностію, во всемъ совершенствѣ,—и этотъ *нерукотворенный*, не руками живописца написанный образъ, отправленъ былъ въ даръ Авгарю.

Чуденъ нерукотворенный образъ, о происхожденіи котораго сейчасъ разсказано. Но еще чуднѣе, еще удивительнѣе другой нерукотворенный образъ Божій, именно тотъ, который находится въ каждомъ изъ насъ. Да, слушатели христіане, каждый изъ насъ, или что то же, душа всякаго изъ насъ есть нерукотворенный образъ Божій,

есть подобіе Божіе, есть какъбы портретъ Господа Бога. Богъ напримѣръ всевѣдущъ; и человѣкъ многое и многое знаетъ: онъ знаетъ не только то, что на поверхности земли, но и то, что въ нѣдрахъ, въ сердцѣ ея; онъ знаетъ, что находится и что происходитъ въ пучинахъ морей. Онъ восходитъ на высоты горъ, поднимается выше облаковъ, исчисляеть, измѣряеть и взвѣшиваетъ безчисленныя и необъятныя тѣла небесныя, знаетъ ихъ пути и предсказываетъ время ихъ появленія и необыкновенныя между ними явленія. Человѣкъ знаетъ и событія давно минувшихъ лѣтъ, и дѣянія давно сошедшихъ съ лица земли людей и народовъ; можетъ даже, по своимъ наблюденіямъ и соображеніямъ, предвѣщать заранѣе о иныхъ явленіяхъ какъ въ неодушевленной природѣ, такъ и въ человѣкѣ, и дѣльныхъ царствахъ земныхъ. Этого мало: человѣкъ имѣеть, хотя болѣе при помощи откровенія Божія, понятіе и о Высочайшемъ существѣ, своемъ Создателѣ и Искупителѣ, разумѣеть, хотя только отчасти, тайны царствія Божія, вѣдаетъ и о будущей загробной жизни своей.—Богъ вездѣприсущъ: нѣтъ мѣста ни на небѣ, ни на землѣ, ни въ преисподней, гдѣ бы не было Господа Бога. И человѣкъ, если не тѣломъ, то мыслями и воображеніемъ въ одно и тоже время можетъ обтекать всю вселенную, даже восходить на небеса и нисходить во адъ; можетъ, хотя только постепенно, все и повсюду созерцать умомъ своимъ, со всѣмъ и со всѣми, даже съ ангелами, съ душами праведныхъ въ раю и душами грѣшниковъ во адѣ, и съ самимъ Владыкою вселенной бесѣдовать. Но человѣкъ въ нѣкоторомъ смыслѣ вездѣприсущъ и не только мыслями и воображеніемъ: напримѣръ слово человѣка, сказанное ли только имъ и слышанное другими, или преданное отъ него письмени, въ настоящее время, при нынѣшнихъ изобрѣтеніяхъ, не болѣе какъ въ нѣсколько минутъ и часовъ дѣлается извѣстнымъ за сотни, тысячи и десятки тысячъ верстъ; или еще: какая нибудь особенная мысль человѣка, какое-нибудь новое

его изобрѣтеніе, нынѣ посредствомъ печати въ самое короткое время дѣлаются извѣстными въ цѣломъ мірѣ, поступаютъ въ достояніе цѣлыхъ милліоновъ людей.—Богъ всемогущъ;—и человѣкъ, конечно, не всемогущъ, но по крайней мѣрѣ могущъ и весьма могущъ: онъ употребляетъ на пользу себѣ не только какія-нибудь былинки, цвѣты, травы, сѣмена и плоды, но и крѣпкіе дубы и высочайшія пальмы; онъ пользуется не только обыкновенными почвами земли, но и тяжелыми камнями и крѣпкими металлами, проникаетъ внутрь гранитныхъ, мраморныхъ скалъ, высѣкаетъ изъ нихъ, передвигаетъ съ мѣста на мѣсто и поднимаетъ на огромныя высоты такія тяжести, которыя въ милліонъ разъ превышаютъ его силы; ему, повидимому такому слабому созданію, служатъ не только кроткій агнецъ, но и быстрый конь, сильный волъ и великанъ слонъ; онъ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ иной, однимъ взглядомъ укрощаетъ львовъ, смиряетъ тигровъ и барсовъ; по его волѣ, вѣтры заставляютъ плавать огромнѣйшіе и съ огромными грузами корабли; по его мановенію, повидимому, ничего незначащія пары заставляютъ гораздо скорѣе коня и быстрѣе птицы летѣть тяжелѣйшіе, со множествомъ еще людей и кладей, экипажи и суда; по его же волѣ, иногда въ самое непродолжительное время воздвигаются не только селенія, но многолюднѣйшіе города и неодолимыя укрѣпленія, создаются, а иногда и сокрушаются, цѣлыя царства, покоряются многочисленныя народы; этого мало: человѣкъ покорилъ себѣ даже молнію и громы небесныя и самъ, когда нужно, напримѣръ противъ непріятелей, дѣлается громовержцемъ и молніеносцемъ.

Авгаръ принялъ нерукотворенный образъ Спасителя, принесенный Ананіей, съ особеннымъ благоговѣніемъ и получилъ чрезъ него исцѣленіе отъ болѣзни своей, но не окончательное, еще не полное. Окончательно исцѣлилъ его, научилъ вѣрѣ христіанской и окрестилъ его и не только его, а и многихъ подчиненныхъ его, святой апо-

столю Ѡаддей, прибывшій, по слову Спасителя, въ Едессу уже по Его вознесеніи. Затѣмъ Авгарь помѣстилъ образъ Спасителя надъ городскими воротами и приказалъ, чтобы всѣ проходившіе чрезъ эти ворота воздавали ему поклоненіе. Повелѣніе это соблюдалось при немъ и при сынѣ его. Но одинъ изъ его внуковъ или правнуковъ, принявши идолопоклонство, хотѣлъ было святой образъ снять съ (городскихъ) воротъ и поставить на его мѣсто идола. Едесскій епископъ, по особенному внушенію Божію, ночью, зажегши предъ нимъ лампаду, закрылъ каменной доской, заложилъ кирпичемъ, словомъ—сдѣлалъ такъ, что мѣсто то совершенно сравнялось съ прочею поверхностію стѣны и сдѣлалось непримѣтнымъ. Прошло послѣ того много лѣтъ и люди совсѣмъ забыли, гдѣ сокрытъ былъ нерукотворенный Образъ.

Едесскій владѣлецъ хранилъ нерукотворенный Образъ Спасителя, самъ благоговѣлъ и другихъ заставлялъ благоговѣть предъ нимъ. Сохранилъ ли ты, христіанинъ, свой нерукотворенный, полученный тобою при самомъ рожденіи, образъ Божій? Увы! И хорошіе подданные приобрѣтаютъ и чтутъ портреты своихъ государей, и добрыя дѣти съ благоговѣніемъ хранятъ изображенія своихъ родителей, и любящіе дорожатъ портретами любимыхъ ими особъ; а ты? Ты, христіанинъ, не соблюлъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ въ цѣлости и чистотѣ, образа и подобія Божія; ты, внявши льстивому голосу діавола, послушавшись своего любочестія и сластолюбія, разбилъ его и очернилъ его. Когда-нибудь, при добромъ на примѣръ раздумѣ, уединись ты, человекъ, войди внутрь самого себя, посмотри въ безпристрастное зеркало своей совѣсти, сличи находящійся теперь въ тебѣ образъ Божій съ его первообразомъ, т.-е. самимъ Богомъ,—и ты увидишь, что это дѣйствительно такъ. И въ самомъ дѣлѣ, Господь Богъ на примѣръ святъ, а ты, кажется, рѣдко и думаешь о святости, о спасеніи; на ищущихъ спасенія, изрѣдка по мѣстамъ и временамъ еще встрѣчающихся, ты смо-

тришь, какъ на людей странныхъ и ни къ чему непригодныхъ; ихъ ты съ гордостію презираешь, ты готовъ даже называть ихъ унижительными именами; изъ источника святости ты почти никогда, даже и при склонности читать или слушать и при способности понимать, ты никогда не хочешь почерпать воды живой, воды текущей въ жизнь вѣчную: въ самомъ дѣлѣ, Слово Божіе, писанія святыхъ мужей и жизнеописанія подвижниковъ вѣры и добродѣтели не для тебя писаны,—они всегда тебѣ кажутся скучными, тяжелыми; вообще ты живешь такъ, какъ будто бы ты созданъ единственно для земли, а не для неба; весь ты предался суетѣ земной.—Богъ благъ, человеколюбивъ и долготерпѣливъ. Правда, въ мірѣ не безъ добрыхъ людей, не безъ мужей и женъ сострадательныхъ къ бѣдствующему человечеству, и не безъ снисходительныхъ къ немощамъ, даже слабостямъ людскимъ; но изъ такихъ ли ты, христіанинъ, ты носящій въ себѣ образъ Божій? Доброта твоя, если она иногда и проявляется въ тебѣ, не есть ли только мнимая, кажущаяся, даже, быть можетъ, корыстная? Ты и чувствителенъ бываешь не тогда ли болѣе, когда съ самимъ тобою случаются какія-либо невзгоды и непріятности, чѣмъ тогда, когда скорбятъ и влостраждутъ твои ближніе? А въ случаѣ непріятныхъ столкновеній съ другими не готовъ ли ты скорѣе уподобляться тому слугѣ евангельской притчи, который бѣднаго своего товарища, состоявшаго ему должнымъ только 100 денаріевъ, подвергъ побоямъ и заключилъ въ темницу, чѣмъ милосердому царю тойже притчи, который именно этому безжалостному слугѣ своему простилъ цѣлыя 10 тысячъ талантовъ?—Господь правосуденъ, у Него при судѣ нѣсть на лица зрѣнія; но у тебя, облеченнаго въ Его образъ и подобіе, на твоёмъ судѣ (если только судъ въ твоихъ рукахъ) не склоняются ли иногда вѣсы правосудія болѣе туда, гдѣ дружба, родственныя связи, знатность и особенно, гдѣ златники, и сребренники, чѣмъ туда, гдѣ правда и невинность? Или, для чего у тебя—лица частнаго, лица необлеченнаго ни-

какою властію, самая большая часть твоихъ бесѣдъ и разсужденій съ кѣмъ бы то ни было состоятъ изъ толковъ о ближнихъ твоихъ, изъ пересудовъ ихъ словъ и поступковъ, и для чего ты при этомъ почти всегда готовъ смотрѣть на сучецъ въ глазу брата твоего не менѣе какъ на бревно? Для чего у тебя, въ твоихъ сужденіяхъ о ближнихъ, иногда и самыя добрыя ихъ качества и дѣла превращаются въ дурныя, достойныя порицанія, напри- мѣръ ихъ искреннее, сердечное благочестіе тебѣ кажется ханжествомъ, благоразумная строгость жестокостію, умѣренность въ жизни скупостію, скромность недостаткомъ умственныхъ способностей или образованія и пр.? Еслибъ еще сдѣлать сравненіе между всегдашнимъ дѣланіемъ и дѣланіемъ только одного истиннаго и блага нашего Первообразца-Бога и нашею, по крайней мѣрѣ иныхъ изъ насъ, недѣятельностію или и дѣятельностію, но которую приличнѣе назвать суетностію; еслибъ также по- смотрѣть на неизмѣняемость въ Господѣ Богѣ и наше, по крайней мѣрѣ иныхъ изъ насъ, непостоянство въ мысляхъ, дѣйствіяхъ и чувствахъ: то и опять пришли бы мы къ тому же заключенію, а именно, что образъ Божій въ насъ утраченъ черезъ грѣхъ, по крайней мѣрѣ далеко уже не тотъ, чѣмъ съ какимъ явился на свѣтъ прародитель рода человѣческаго.—Но возвратимся еще разъ къ нерукотворенному образу Христа Спасителя.

Около 400 лѣтъ спустя послѣ того, какъ сокрытъ былъ Нерукотворенный Образъ Спасителя въ крѣпостныхъ воротахъ, на Едессу напалъ персидскій царь Хозрой. Когда граждане едесскіе начали было унывать, ихъ благочестивому епископу явилась въ сонномъ видѣніи Божія Матерь и указала мѣсто, гдѣ находился Нерукотворенный Образъ, и способъ, какимъ избавиться городу отъ непріятеля. По этому указанію разобрана была небольшая стѣнка, скрывавшая святыню, и эта святыня оказалась совершенно невредимою, даже лампада предъ ней, нѣкогда затепленная, найдена не погасшею; по тому же указанію

совершенно былъ по городскимъ стѣнамъ крестный ходъ, при чемъ Нерукотворенный ликъ Христа Спасителя обращали къ осаждавшимъ Персамъ, и они все обратились въ бѣгство. Нерукотворенный Образъ и еще нѣсколько разъ служилъ для Едессы неборимой стѣной противъ враговъ. Наконецъ въ 944 году греческій императоръ Романъ (Лакапены), движимый благочестіемъ, дорогою платою и разными обѣщаніями приобрѣлъ отъ жителей Едессы Нерукотворенный Образъ себѣ и 15-го августа перенесъ его въ столицу греческой имперіи—Константинополь. Въ память сего послѣдняго событія и установлено праздновать нынѣшній день въ честь чудесно явившагося лика Христа Спасителя.

Нерукотворенный образъ Спасителя, скрытый отъ отступника вѣры и за тѣмъ забытый, впослѣдствіи времени былъ однакожь обрѣтенъ. Слушатели христіане! И нашъ первобытный образъ Божій, утраченный, искаженный чрезъ грѣхъ прародителей и наши собственные грѣхи, также уже возстановленъ. Господь Богъ, прогнѣвавшійся на человѣка и наказавшій его за утрату, или по крайней мѣрѣ за искаженіе Его образа, прогнѣвался однакожь не до конца; по неизреченному Своему милосердію Онъ положилъ возстановить его въ человѣкѣ посредствомъ Своего Единороднаго Сына, и Единородный Сынъ Божій для этой цѣли снисшелъ съ небесъ, облекся въ плоть человѣческую, сообщилъ людямъ небесное ученіе, оставилъ имъ въ образецъ жизни жизнь Свою, вкусилъ крестную смерть, воскресъ и вознесся на небо. Будемъ же, христіане, сколько можно чаще взирать на Господа Иисуса Христа, этотъ подлинный, вновь явившійся предъ нами Образъ Божій, и черты сего образа—смиреніе, кротость, покорность и любовь, постепенно одну за другой, чрезъ размышленіе и дѣла, станемъ переносить въ свои души; будемъ, взирая на Него, распинать плоть свою со страстями и похотями, воскреснемъ отъ жизни чувственной, грѣховной къ жизни святой и духовной. станемъ

возносятся умами своими и сердцами на небо и при этомъ будемъ просить себѣ небесной благодатной помощи въ дѣлѣ, конечно не легкомъ для насъ, въ дѣлѣ обновленія, возстановленія въ насъ образа и подобія Божія. Въ такомъ только, а не иномъ случаѣ, и при этихъ только дѣйствіяхъ съ нашей стороны обновится въ насъ образъ Божій, или, говоря другими словами, свѣтъ нашихъ добродѣтелей просвѣтится предъ человѣками: другіе увидятъ нашу перемену, наши добрыя дѣла и сами такую же переменую, подобными же нашимъ дѣлами прославятъ Отца нашего небеснаго (Мѡ. 5, 16). Аминь.

Протоіерей Александръ Сулоикій.

Подвигъ миротворства.

СЛОВО НА ДЕНЬ СВ. БЛАГОВѢРНАГО, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

„Блажені миротворци, яко тѣи сынове Божіи нарекутса.“ (Мѡ. 5, 9).

Примиришь враждующихъ, соединишь людей, которыхъ разъединили страсти злобы и зависти, отъ чувствъ горькихъ и тяжелыхъ возвратитъ ихъ къ радостнымъ чувствамъ довѣрія и спокойствія,—вражду, это порожденіе ада, начало и причину всякаго безпорядка и нестроенія, измѣнитъ на миръ—это величайшее благо людей, небесный даръ божественной любви, усвоенный намъ кровію Богочеловѣка,—вотъ подвигъ, за который ученики Христовы, по Его обѣтованію, сынами Божіями нарекутся и слѣдственно, по праву сыновства, прямыми наслѣдниками царства небеснаго. Высокъ и благодворенъ этотъ подвигъ въ се-

мейномъ и въ частномъ быту; но гораздо выше, святѣе и безцѣннѣе предъ Богомъ и людьми является онъ, когда умиротвореніе обнимаетъ цѣлый народъ, когда имъ облагодѣтельствовано цѣлое государство.

Въ святой Церкви, братіе, празднуется сегодня память св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, государя древней Руси, которому она много обязана именно тѣмъ, что въ мрачную годину ея исторіи онъ послужилъ народу благодѣяніемъ своего миротворнаго правленія. Воздадимъ ему нашъ долгъ воспоминаніемъ его высокихъ подвиговъ.

Александръ Ярославичъ вступилъ на великокняжескій престолъ въ такое время, котораго ужасы представляются намъ теперь почти невѣроятными.

Съ одной стороны, Россія раздроблена, раздѣлена на множество княжествъ. Отдѣльные князья считаютъ себя самостоятельными, никому не подвластными. Главный, или великій князь владимірскій,—великъ только по имени, его не слушаютъ. По прихоти, зависти, злобѣ, князья объявляютъ другъ другу войну, выводятъ полчища русскихъ противъ русскихъ, льется кровь братная, попираются священныя узы единоплеменности, единокровности, опустошаются поля, расхищаются имуществы, пылаютъ города и селенія. Съ другой стороны, Россія стонетъ подъ страшнымъ игомъ Монголовъ. Она, обширная, богатая сокровищами природы, знаменитая честностію, гостепримствомъ, боевою славою сыновъ своихъ, прославленная именами Рюриковъ и Олеговъ, Святославовъ и Владиміровъ, она, привлеченная Міроправителемъ къ семьѣ христіанской, освященная апостольскими подвѣгами Ольги и Владиміра, кроющая въ своихъ объятіяхъ нетлѣнныя мощи святителей, мучениковъ и преподобныхъ, обезславлена, унижена, покорена. Дикіе варвары изъ Азіи наводятъ на нее грозу за грозою, полчище за полчищемъ, бьютъ сыновъ ея, жгутъ и опустошаютъ ея селенія и города, истощаютъ ее налогами и данью, попираютъ ея религію и нравственность.

Итакъ, страна, изнывающая въ рабствѣ, погибающая отъ междусобій,—вотъ та Россія, которую застааетъ Александръ Невскій, вступая на великокняжескій престоль.

Что предстояло ему? Ему предстоялъ подвигъ, совершить который мало было до него желающихъ, еще менѣе способныхъ. Примирить между собою удѣльныхъ князей, не ожесточая ихъ, кротостью и любовью заставить ихъ признать главенство и власть великокняжескую и этимъ слить ихъ воедино, образовать силу, грозную для внѣшнихъ враговъ, за тѣмъ, кротостью же, подвигомъ смиренія и самоотверженія привлечь къ себѣ расположеніе работниковъ, воспользоваться этимъ расположеніемъ къ ослабленію тяжести ихъ дикаго давленія на русскій народъ, сдѣлать изъ грозныхъ враговъ—сносныхъ друзей,—вотъ подвигъ, къ которому Провидѣніе призвало Александра Ярославича.

И, съ Божіею помощію, онъ совершилъ этотъ великій подвигъ. Съ одной стороны, князья удѣльные не могли устоять предъ кроткими, любвеобильными совѣтами Александра. Междоусобная вражда прекратилась. Великокняжеская власть стала на подобающую ей высоту, служа средоточіемъ русской силы. Съ другой стороны ханы татарскіе, видя славу русскаго великаго князя, мудрость его правленія, добросовѣстный платежъ дани, смиреніе и покорность предъ ихъ властію, были побѣждены этою кротостью Александра и уступили чувству справедливой оцѣнки его дѣйствій. Прекратились нашествія и опустошенія, грабежи и убійства. Русь вздохнула свободно, почти въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ гибельная ошибка Ярослава раздѣлила ее и предала въ руки враговъ. Таково, братіе, было правленіе св. Александра Невскаго. И народъ достойно оцѣнилъ своего благодѣтеля. „Закатилось солнце земли русскія“, крестьясь говорили въ народѣ, когда пронеслась вѣсть о кончинѣ Александра. И Господь, обѣтовавшій удостоить миротворцевъ великаго име-

ни сыновъ Божіихъ, принявъ духъ Александра въ лоно свое, и мощи его прославилъ нетлѣніемъ.

Братіе христіане—сыны Руси святой! Воздавъ долгъ благодарной памяти угоднику Божію, св. Александру Невскому воспоминаніемъ подвиговъ его миротворнаго княженія, мы можемъ теперь съ особеннымъ, радостнымъ чувствомъ остановиться нашимъ вниманіемъ и на его благословенномъ потомкѣ, нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II-мъ.

Государь Императоръ достойно носить имя своего славнаго предка. Духъ мира и умиротворенія, какимъ проникнуть былъ Александръ Невскій, сдѣлался руководителемъ Александра II-го съ первыхъ дней Его царствованія.

Вступленіе Его на престолъ застало Россію въ тяжелой и опустошительной войнѣ съ Западомъ. Война не была для насъ счастлива и въ будущемъ обѣщала много бѣдствій. Страна истощалась въ неравной борьбѣ. Она принесла много жертвъ. Правда, она готова была на всё. Она принесла бы всѣ жертвы, какихъ война потребовала бы. Всякій знаетъ, что Россія на это способна. И можетъ быть, въ далекомъ будущемъ успѣхъ войны перешелъ бы на ея сторону. Но Боже мой! какими страшными послѣдствіями купилась бы эта побѣда! Государь прекратилъ войну и возвратилъ Россіи и Европѣ благодѣянія мира. Достаточно ли ясно понялъ тогда народъ дѣли правительства,—этого мы не можемъ рѣшить; но что всякій владѣющій здравымъ смысломъ съ благодарностью вспоминаетъ теперь это дѣйствіе Монаршей воли, что исторія непристрастная оцѣнитъ его по достоинству, это вѣдъ всякаго сомнѣнія.

Отъ мирнаго разрѣшенія восточной войны, которымъ Европа обязана миролюбію Александра II-го, мы можемъ обратиться нашимъ вниманіемъ къ столь же мирнымъ дѣйствіямъ нашего Государя въ отношеніи къ Европѣ по поводу польскаго возстанія. Извѣстно, что Западъ восполь-

зовался этимъ возстаніемъ, чтобъ поднять бурю противъ Россіи. Со всѣхъ сторонъ посыпались на нее жесткія и оскорбительныя требованія. Что было бы, еслибъ Государь, сознавая правое дѣло Россіи и оскорбившись представленіями западныхъ державъ, объявилъ имъ войну? Россія опять очутилась бы одна противъ цѣлой Европы: ужасы кровопролитія повторились бы въ ужасныхъ размѣрахъ, и трудно сказать, что принуждены были бы испытать Россія и Европа вслѣдствіе этого столкновенія. А между тѣмъ какъ было оно возможно, и даже естественно! Почти вѣроятно, что съ силами, какими владѣетъ Россія, каждая изъ европейскихъ державъ нисколько не задумалась бы пойти на встрѣчу войнѣ. Но къ счастью Европы вообще и Россіи въ особенности, Государь нашъ посмотрѣлъ на дѣло иначе. Кроткій и любящій, Онъ не могъ не содрогаться при одномъ представленіи тѣхъ страшныхъ для Европы послѣдствій, которыя возникли бы изъ объявленія войны. И мы знаемъ, на чѣмъ остановилась Его державная воля. Кротко, безъ раздраженія, но твердо и безъ страха, съ полнымъ достоинствомъ Русскаго Царя сказалъ Онъ Западу свое слово. Правда этого слова и миролюбіе нашего Государя были такъ очевидны, что при всемъ ожесточеніи противъ Россіи, иноземцы устыдились своего вмѣшательства и оставили насъ въ покоѣ. Такъ кротость и миролюбіе Государя еще разъ спасло Россію отъ бѣдствій войны. И никогда, быть можетъ, слово такъ торжественно не обезоруживало меча и не одерживало такой полной и такой важной побѣды, какъ въ сказанномъ случаѣ.

Братіе слушатели! Имѣя предъ глазами этотъ высокій примѣръ царственнаго миролюбія и всѣ его великія послѣдствія, не побуждаемся ли и всѣ мы воспитывать въ себѣ подобныя чувства? Не располагаетъ ли это и насъ къ желанію мира, къ молитвѣ о мирѣ, не укореняетъ ли убѣжденія, что миръ со всѣми есть первое условіе процвѣтанія государства? Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ политическомъ неудовольствіи поднять народъ и воору-

жить его, двинуть въ поле милліонныя арміи, прославить ихъ побѣдами, провозгласить первенство между народами,—это для многихъ очень лестно, и, повидимому, очень славно. Но не нужно заблуждаться: эта слава возникаетъ и держится на трупахъ милліоновъ человѣческихъ существъ, она вноситъ въ чертоги и хижины—скорбь и слезы, отнимаетъ у государства бездну людей, которые способствовали бы его благосостоянію и преуспѣянію; она останавливаетъ поступательный ходъ наукъ, просвѣщенія, промышленности и торговли, поселяетъ въ побѣжденныхъ ожесточеніе и злобу противъ побѣдителей, и затаивъ ее, побѣжденные, при наступленіи благопріятныхъ обстоятельствъ, огнемъ и мечемъ спѣшатъ отмстить своимъ побѣдителямъ. Вотъ она—военная слава! Нѣтъ, она слишкомъ дорога, да притомъ и не надежна. Не на нашихъ ли глазахъ совершились событія, доказавшія слишкомъ ясно всю ефемерность военной славы?

Напротивъ, прекратить войну, хотя бы въ далекомъ будущемъ она обѣщала побѣду, возвѣстить миръ народамъ ожесточеннымъ враждой, возвратить семействамъ ихъ отцевъ, сыновъ и братьевъ, государству—его дѣятелей, отереть слезу, успокоить старость, сообщить движеніе производительнымъ силамъ государства, не достойно ли это истинной славы? Или когда еще не произошло разрыва, не произнесено страшное слово: война,—не дать народу увлечья обманчивыми надеждами, заставить во время замолчать излишнюю обидчивость, стать въ прямые, откровенныя отношенія къ недружелюбному правительству, даже въ случаѣ нужды, рѣшиться на уступку, которой требуютъ обстоятельства, и этимъ предотвратить страшную грозу войны, вотъ подвигъ, достойный христіанскаго народа. И нашъ Августѣйшій Государь вѣренъ, какъ сказано выше, этому образу дѣйствій. Миръ и миръ—вотъ правило его политики.—18-ть лѣтъ, какъ онъ вступилъ на прародительскій престолъ, и всѣ эти 18-ть лѣтъ Россія наслаждается миромъ. И кто рѣшится сказать, что

миръ этотъ безславенъ для насъ, или что иноземцы потеряли къ намъ уваженіе? Напротивъ, очевидно, что никогда Россія не шла такъ быстро къ своему преуспѣянію и никогда столь вѣрно не овладѣвала она всеобщимъ уваженіемъ народовъ, какъ въ эти 18-ть лѣтъ кроткаго, мирнаго, разумнаго и благословеннаго царствованія Александра II-го.

Намъ остается, братіе, отъ всей души благодарить Всевышняго, даровавшаго намъ Царя по сердцу своему, умолять Его милосердіе, да умножить дни Государя при совершенномъ здравіи, благополучіи и славѣ, да сопутствуютъ ему молитвы тезоименитаго ему праведника. Намъ остается, наконецъ, пожелать, чтобъ въ нашемъ обществѣ хранилась и росла любовь къ миру въ быту семейномъ, общественномъ и государственномъ, чтобъ люди русскіе считали для себя честью видѣть въ своихъ государяхъ не только потомковъ Олеговъ и Святославовъ, но вмѣстѣ потомковъ Александра Невскаго, поборника мира и христіанской тишины.

Россія—страна православія! *Взыщи мира и поженіи* (Пс. 33, 5). Аминь.

Свящ. Констант. Финиковъ.

Состояніе Іудеевъ послѣ Нееміи при персидскихъ царяхъ, потомъ подъ властію Александра Македонскаго и его преемниковъ, царей египетскихъ и сирійскихъ.

Новое Іудейское государство, какимъ можно уже назвать Іудею послѣ Нееміи, со временъ возвращенія Іудеевъ изъ плѣна считало себя болѣе ста лѣтъ отъ Кира до смерти Артаксеркса Лонгимана. Отъ временъ Нееміи исторія іуд. народа содержится уже не въ каноническихъ, а въ неканоническихъ книгахъ. Притомъ свѣдѣнія, почерпаемая изъ послѣднихъ, мы должны дополнять то изъ I. Флавія, то

изъ другихъ іудейскихъ сочиненій, наконецъ изъ древнихъ свѣтскихъ писателей, которые чѣмъ ближе ко временамъ Мессіи, тѣмъ лучше знакомятся съ Іудеями.

Отъ смерти Нееміи еще около 100 лѣтъ Іудея находилась подъ управленіемъ царей персидскимъ; черезъ годъ по смерти Артаксеркса Лонгимана, оказавшаго такія милости Іудеямъ въ продолженіи 41 года, вступилъ Дарій Нотъ (непосредственно за Артаксерксомъ царствовали Ксерксъ и Согдіанъ, оба одинъ годъ). До восшествія ан престолъ Нота первосвященникъ Еліасивъ не дожилъ, званіе первосвященника перешло къ его сыну Іодаю.

Со времени Нееміи, съ званіемъ первосвященника соединялось еще званіе правителя Іудеи. О возобновленіи царскаго достоинства нельзя было и думать. Народъ уже привыкъ къ управленію князей священниковъ; Іудея была слишкомъ слаба, чтобы подражать примѣру Египта, который отложился отъ Персовъ и имѣлъ своего государя *Амиртея*. Потомство Давида сошло на степень простыхъ гражданъ, и не показывало никакихъ притязаній на управленіе народомъ. Посему достоинство первосвященника сдѣлалось для людей честолюбивыхъ цѣлю, которой помогались достигнуть какимъ бы то ни было образомъ. Іосифъ Флавій рассказываетъ одинъ случай, бывшій во времена Артаксеркса Мнемона, сына Дарія Нота. Артаксерксъ Мнемонъ царствовалъ 46 лѣтъ. Въ возмущеніи противъ него его брата Кира младшаго, которое описано у Геродота, Іудеи не принимали никакого участія. Несмотря на частныя возстанія противъ Персовъ сосѣднихъ областей, особенно Египта, Іудеи всегда оставались вѣрными персидскому царю. Въ послѣдніе годы Артаксеркса Мнемона между первосвященникомъ Іонаѳаномъ, который наследовалъ Іодаю, и его братомъ Іисусомъ, возникла вражда, въ которую вмѣшался Вагозь, полководецъ Артаксеркса. Вагозь, подружившійся съ Іисусомъ, хотѣлъ доставить ему первосвященническое достоинство; Іонаѳанъ замѣтилъ намѣренія своего брата и убилъ его въ храмѣ.

Это раздражило Вагоза противъ Ионаана и народа. Онъ прибылъ въ Іерусалимъ, чтобы отмстить смерть своего друга, укорая Іудеевъ, допустившихъ осквернить храмъ человѣческой кровію, и когда они запрещали ему, какъ язычнику, войти въ храмъ, Вагозь сказалъ: развѣ я хуже того трупа, который лежитъ теперь въ храмѣ? и силою ворвался туда. Прискорбно было видѣть Іудеямъ насильственное оскверненіе храма присутвіемъ язычника, но мщеніе Вагоза этимъ не ограничилось; онъ наложилъ подать на каждое жертвенное животное по 40 драхмъ, и 7 лѣтъ Іудеи должны были платить эту дань. Эта подать со всѣхъ ежедневныхъ и праздничныхъ жертвъ простиралась до трехъ сотъ тысячъ рублей.

За Ионааномъ слѣдуетъ Адуй, первосвященство котораго падаетъ на времена Артаксеркса Оха и Дарія Кодомана, послѣдняго персидскаго царя. Предки Адуя Іодай и Ионаанъ дожили до преклонной старости, и самъ Адуй пережилъ паденіе персидской монархіи. Деспотическое правленіе Оха возбудило ненависть къ нему какъ его вельможъ, такъ и подвластныхъ народовъ. Противъ него возмутился Артабазъ, намѣстникъ Малой Азіи, и потомъ Финикіяне. Артаксерксъ Охъ подавилъ возмущенія. Вѣроятно въ это время часть Іудеевъ приняла участіе въ финикійскомъ возстаніи, потому что Охъ, по свидѣтельству Юлія Африканскаго, взялъ Іерихонъ, и жителей его переселилъ частію въ Вавилонъ, частію къ Каспійскому морю; но Іерусалимъ не принималъ участія въ этихъ движеніяхъ, и потому не былъ беспокоимъ Охомъ. Флавій умалчиваетъ объ этомъ событіи.

Послѣ 23-лѣтняго правленія, Охъ былъ отравленъ евноухомъ своимъ Вагозомъ, и его младшій сынъ *Арсесъ* посаженъ на престолъ, и умерщвленъ черезъ два года. Послѣ него корона персидская перешла къ одному изъ родственниковъ персидскихъ царей, который впрочемъ доселѣ не занималъ никакого важнаго мѣста въ государствѣ—*Дарію Кодоману*. Годъ вступленія его на престолъ

совпадаетъ съ годомъ смерти Филиппа Македонскаго восшествія на престолъ Александра, который спустя два года открылъ походъ противъ Персіи.

Дарій назначилъ правителемъ Самаріи Санаваллата II, природнаго самарянина. Санаваллатъ искалъ дружбы Іудеевъ, тѣмъ болѣе, что со времени Нееміи Іерусалимъ постоянно укрѣплялся и расширялся. Онъ думалъ достигнуть этой цѣли, отдавъ въ замужество дочь свою Никису за Маннассію, брата первосвященника Адуя. Этотъ бракъ можетъ быть дѣйствительно успѣлъ бы сблизить эти два народа, еслибы верховный іерусалимскій совѣтъ по своей слишкомъ пуританской мнительности не вмѣшался въ это дѣло. Члены совѣта требовали, чтобы Манассія или развелся съ женою, или не приступалъ къ алтарю; мнѣніе это поддерживалъ даже братъ Манассіи, первосвященникъ Адуя. Манассія отправился къ тестю своему, и объяснилъ ему, что онъ сильно любитъ жену свою, но что ему жаль отказаться отъ жреческаго достоинства, потому что жрецы принадлежатъ къ высшимъ сословіямъ народа. Санаваллатъ предложилъ ему остаться въ Самаріи, гдѣ онъ обѣщалъ его сдѣлать первосвященникомъ: Манассія согласился. Санаваллатъ думалъ испросить позволенія у Дарія на сооруженіе храма на горѣ Гаризинѣ, которая издревле была священною горою для Іудеевъ и отличалась прекрасною мѣстностію. Для Самаріи было очень лестно имѣть священниковъ изъ іудейскаго народа; почитая себя Израильтянами и уважая законъ Моисеевъ, они не хотѣли поставить изъ среды себя жрецовъ, потому что это достоинство однажды навсегда было отдано потомству Ааронову, которое сохранилось въ Іудеѣ. Теперь, не нарушая закона, они будутъ имѣть законное священство. Санаваллатъ кромѣ Манассіи склонилъ на свою сторону многихъ жрецовъ, женившихся на иноплеменницахъ,—деньгами и богатыми землями, данными имъ во владѣніе. Но постройка храма при Даріи Кодоманѣ не состоялась, потому что теперь возгорѣлась война ме-

жду имъ и Александромъ. Иосифъ Флавій говоритъ: всѣ въ Азіи были *уверены, что Александръ съ 30-тысячною арміею не посмѣетъ и показаться передъ Персами*. Но огромныя полчища Дарія потерпѣли страшное пораженіе при Иссъ. Вся Сирія покорилась Александру, даже *Дамаскъ съ гаремомъ и сокровищами царя и сатраповъ былъ отданъ комендантомъ Александру*. Жители Сидона также признали господство Грековъ, но Тиръ, обязанный Персамъ своимъ возобновленіемъ, не сдавался. Александръ отправился осаждать его. Въ это время Санаваллатъ, начальникъ Самаріи, передался на сторону Александра и явился къ нему въ лагерь передъ Тиромъ съ осмисотымъ отрядомъ. Александръ принялъ его ласково. Обнадеженный приемомъ, Санаваллатъ представилъ ему Манассію своего зятя, который, какъ братъ іудейскаго первосвященника, вмѣстѣ съ другими іудеями желаетъ воздвигнуть храмъ своему Богу на горѣ Гаризинъ, и просилъ у Александра позволенія на то. Александру было выгодно поддерживать раздоры въ іудеѣ, еще непокоренной, и онъ позволилъ построить храмъ. Вскорѣ послѣ этого Санаваллатъ умеръ.

Александръ, занятый осадомъ Тира, написалъ въ Іерусалимъ къ первосвященнику приказаніе выслать въ его лагерь жизненныхъ припасовъ, вспомогательное войско, и прислать дань, которую прежде Іудеи платили Дарію. Адуй отвѣчалъ, что онъ до самой смерти своей не измѣнитъ царю персидскому, которому далъ присягу въ вѣрности. Разгнѣванный такимъ отвѣтомъ, Александръ сказалъ: *я покажу ему, кому слѣдуетъ сохранять присягу въ вѣрности*. По взятіи Тира и Газы, Александръ могъ уже исполнить свою угрозу. Первосвященникъ видѣлъ, что гнѣвъ молодого завоевателя скоро обратится на Іерусалимъ, и потому заповѣдалъ всеобщій постъ, приносилъ обильныя жертвы, чтобы Господь отвратилъ опасность. Въ слѣдующую ночь, говоритъ Флавій, Богъ явился ему во снѣ, повелѣлъ украсить городъ, какъ въ праздничный

день, отворить ворота города, и въ своемъ первосвящ. облаченіи со всѣми жрецами, одѣтыми въ бѣлыхъ одеждахъ, выйти на встрѣчу Македонскому царю. Такъ и сдѣлалъ Адуй. Когда стало извѣстно, что Александръ не далеко уже отъ города, первосвященникъ, сопровождаемый іудейскою знатью, вышелъ на одно возвышеніе, откуда открывался видъ на городъ и храмъ. Взглядъ на эту великолѣпную процессію въ бѣлыхъ одеждахъ, на первосвященника украшеннаго драгоценными ризами и тиарою съ изображеніемъ имени Божія, поразилъ Александра. Онъ воздалъ поклоненіе Богу, служителя котораго видѣлъ предъ собою, и ласково привѣтствовалъ Адуа. Никто не ожидалъ этого; всѣ думали, что Александръ отдастъ Іерусалимъ на разграбленіе; а Парменіонъ, полководецъ Александра, даже спросилъ его, почему онъ, обожаемый отъ всѣхъ, воздалъ такую честь іудейскому жрецу? Александръ отвѣчалъ, что поклонился не жрецу, а Богу, которому онъ служить, и объяснилъ, что еще въ Македоніи, въ городкѣ Діи, онъ видѣлъ во снѣ челоуѣка въ подобныхъ же одеждахъ, который ободрялъ его воевать съ Даріемъ, и что съ того времени онъ не видалъ челоуѣка въ такой одеждѣ. Послѣ сего Александръ подаль руку первосвященнику, взошелъ въ городъ и лично самъ принесъ жертву Іеговѣ. Здѣсь ему показали пророчество Даніила о судьбѣ персидской монархіи, которая должна пасть отъ Грековъ. Это понравилось Александру и онъ спросилъ: что можетъ онъ сдѣлать полезнаго для іудейскаго народа? Первосвященникъ просилъ, чтобы онъ далъ свободу Іудеямъ сохранять вѣру отцовъ своихъ, не требовалъ отъ нихъ дани въ субботній годъ, и оказалъ покровительство Іудеямъ, жившимъ въ Вавилонѣ и Мидіи. Александръ согласился на просьбу первосвященника и предложилъ, не хочетъ ли кто изъ Іудеевъ служить въ его войскѣ, увѣрая, что они могутъ сохранять свои обычаи и свою вѣру. Тогда многіе изъ народа вступили подъ его знамена.

Самаряне, еще прежде заслужившіе благорасположеніе Александра, вышли также къ нему на встрѣчу, и просили его, чтобы и ихъ онъ уволилъ отъ податей въ субботній годъ; но когда они двусмысленно отвѣчали на его вопросъ: Іудеи ли они? то онъ отказалъ имъ, общааясь разсмотрѣть это дѣло по возвращеніи изъ Египта. Очень естественно, что Александръ боялся такими привиллегіями возбудить охоту и въ другихъ покоренныхъ народахъ искать для себя льготы у милостиваго побѣдителя. 8,000 Самарянъ, которые высланы ему были при осадѣ Тира, онъ взялъ съ собою въ Египетъ, гдѣ въ Оивайдѣ, или Верхнемъ Египтѣ, отвелъ имъ земли для поселенія. Но когда Самаряне въ продолженіе похода Александра въ Египетъ, неизвѣстно по какой причинѣ, сожгли живымъ Андромаха, котораго онъ поставилъ намѣстникомъ въ Самаріи, тогда уже не смѣли вторично предложить своей просьбы. Разгнѣванный Александръ не только наказалъ виновныхъ, но и всѣхъ жителей выслалъ изъ Самаріи, а на ихъ мѣсто поселилъ македонскихъ колонистовъ. Изгнанные изъ города, Самаряне избрали Сихемъ своею столицею, гдѣ стоялъ и храмъ ихъ на горѣ Гаризинъ. *Гекатей* у I. Флавія, прибавляетъ, что Александръ раздѣлилъ Іудеямъ область Самарянскую. Это извѣстіе заслуживаетъ вѣроятія, если подъ Самарянскою областью разумѣть не всю Самарію, а полосу земли по берегу Средиземнаго моря до Кармила; въ послѣдующія времена мы видимъ, что эта область дѣйствительно была заселена Іудеями

Разсказъ I. Флавія объ отношеніяхъ Александра къ Іудеямъ подвергаютъ сомнѣнію, потому что о дѣлахъ іудейскихъ не говоритъ ни одинъ изъ свѣтскихъ историковъ Александра. Но это несправедливо. Что Іудея во время походовъ Александра противъ Египта и Тира должна была быть театромъ военныхъ дѣйствій, это очевидно само собою; потому что отъ Тира въ Египетъ иначе никакъ нельзя и пройти, какъ только чрезъ Іудею. О по-

ступкѣ Александра съ взбунтовавшимися Самарянами говорить Курцій; другой историкъ Александра Іустинъ такъ говоритъ о походѣ Александра въ Сирію: „Александръ пошелъ въ Сирію; тамъ его встрѣтили многіе цари съ тиарами на головахъ, изъ которыхъ однихъ онъ принялъ въ союзъ съ собою, а у другихъ отнялъ царство“. Эти встрѣтившіе Александра цари съ тиарами на головахъ были конечно два первосвященника іудейскій и самарянскій, которые могли быть названы царями, или вассалами царей, потому что управляли своимъ народами, какъ намѣстники персидскаго двора. Что касается до жертвы принесенной Александромъ въ храмъ іерусалимскомъ и ласковаго поступка съ жрецами, это очень сообразно съ характеромъ Александра, который отличался вѣротерпимостію и никогда не раздражалъ покоренныхъ нападками на религію. Сны видѣнные самимъ Александромъ и Адуемъ представляютъ нѣчто чудесное; но для сохраненія народа своего до времени Мессіи Богъ конечно могъ сдѣлать чудо, какъ дѣлалъ и прежде, когда народъ былъ нисколько не лучше. Что касается до освобожденія Іудеевъ въ субботній годъ отъ всякой подати, то позднѣйшіе іудейскіе писатели талмудисты (2 в. по Р. Х.) точно такъ же передаютъ свидѣтельство объ этомъ Іосифа, хотя видно, что они почерпали свои свѣдѣнія не изъ одного съ нимъ источника.

Всемирная монархія Александра тотчасъ же послѣ его смерти стала распадаться. Сирія и Финикія достались Лаомедону, а Египетъ Птоломею, называемому *Сотеромъ*. Птоломей считалъ себя совершенно независимымъ отъ Греціи и полновластнымъ государемъ; онъ принялъ титулъ царя, и хотѣлъ подчинить себѣ всю Сирію. Для этой цѣли онъ вступилъ съ Лаомедономъ въ переговоры, обѣщалъ ему великую сумму денегъ, если онъ уступитъ ему свои владѣнія. Лаомедонъ отказалъ, а Птоломей рѣшился покорить его области оружіемъ. Іудея не могла и думать о сопротивленіи. Ворота Іерусалима были ему от-

ворены. Это было при первосвященникѣ Оніи I, сынѣ Адуя. Во время субботняго дня, когда Іудеи по религиозной мнительности считали грѣхомъ взяться за оружіе, Птоломей взшелъ въ городъ подѣ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ принести жертву подобно Александру. Но овладѣвши городомъ, онъ сталъ жестоко поступать съ жителями.—Въ подтвержденіе своего разказа Іосифъ ссылается на свидѣтельство Агаарянда Книдскаго; онъ пишетъ: „народъ называющійся Іудеями населяетъ хорошо укрѣпленный и великій городъ Іерусалимъ. Они безъ сопротивленія отдали его Птолемею, потому что по суевѣрію не хотѣли взяться за оружіе“.—Птоломей взялъ много плѣнныхъ изъ Іерусалима и его окрестностей и переселилъ въ Египетъ, и потомъ узнавши вѣрность Іудеевъ клятвамъ, ввѣрилъ имъ въ охраненіе нѣкоторыя изъ крѣпостей и сравнялъ ихъ права въ новопостроенной Александріи вмѣстѣ съ Греками. Это привлекло въ Египетъ многихъ Іудеевъ, которые сверхъ того были привлекаемы плодоносіемъ Египта. Такимъ образомъ для іудейскаго народа настали хорошія времена; Александрія, считающаяся и донинѣ однимъ изъ лучшихъ портовъ Египта, благопріятствовала торговлѣ и промышленности. Около этого времени въ Египтѣ жилъ греческій историкъ Гекатей, который написалъ особую книгу о Іудеяхъ. Его знакомство съ Птолемеемъ Лагомъ дало ему случай ознакомиться и съ исторіею Іудеевъ. Отрывокъ изъ исторіи Гекатея сохранился у Флавія въ книгѣ противъ Аппіона; приведемъ этотъ отрывокъ: „Въ годъ 117 Олимпіады Птоломей побѣдилъ при Газѣ Димитрія Поліоркета сына Антигонова. Послѣ этой битвы Птолемею покорились многія крѣпости въ Сирии. Великое множество народа добровольно переселилось въ Египетъ, послѣ того какъ узнали доброту и человѣколюбіе Птолomeя; между переселенцами былъ нѣкто Езекія, знаменитый священникъ іудейскій 66 лѣтъ отъ роду; онъ пользовался великимъ уваженіемъ отъ своихъ единоплеменцевъ, былъ человѣкъ образованный, кра-

спорѣчивый и до того искусный въ различныхъ занятіяхъ, что немного можно встрѣтить подобныхъ людей. Такихъ священниковъ въ Іудеѣ считается до полуторы тысячи; всѣ они содержатся десятинами и занимаютъ общественныя должности. Этотъ достойный человѣкъ, который довѣрился намъ, взялъ съ собою нѣкоторыхъ изъ своихъ и училъ ихъ законамъ общежитія. — Далѣе Гекатей описываетъ приверженность Іудеевъ къ своей религіи. „Хотя Іудеевъ презираютъ жители какъ сосѣднихъ, такъ и отдаленныхъ городовъ, хотя они много потерпѣли отъ персидскихъ царей и сатраповъ, или намѣстниковъ, но они не могли поколебать Іудеевъ въ ихъ главныхъ правилахъ; они охотнѣе пойдутъ на самыя жестокія мученія, нежели оставить наслѣдованный отъ отцовъ законъ... Когда Александръ былъ въ Вавилонѣ и приказалъ всѣмъ своимъ солдатамъ возстановить храмъ Бела и разчистить мусоръ, то одни Іудеи не согласились работать: они съ твердостью переносили побои и жестокія наказанія; наконецъ Александръ узналъ объ этомъ и не велѣлъ ихъ принуждать“. О прежней исторіи Іудеевъ и столицѣ ихъ Гекатей пишетъ такъ: „Іудеи были прежде многочисленнымъ народомъ, потому что Персы (*халдеи*) отвели многія тысячи изъ нихъ въ Вавилонъ, а по смерти Александра по причинѣ безпокойствъ въ Сиріи они тысячами переселялись въ Египетъ и Финикію. Вся земля простирается до 3 милліоновъ аруровъ (аруръ греч. 50 квадр. футовъ), большею частію хорошей и плодоносной почвы. Іудеи имѣютъ много укрѣпленныхъ мѣстъ; множество деревень разсыпано по областямъ, но только одинъ у нихъ крѣпкій городъ, который имѣетъ 50 стадій въ окружности и 120,000 жителей. Они называютъ его Іерусалимъ. Въ срединѣ этого города есть каменное зданіе (кремль или замокъ) въ 500 футовъ длины, и 100 локтей ширины, которое имѣетъ двое воротъ. Въ этомъ зданіи находится четырехугольный алтарь, изъ камней нетесаныхъ, каждая его сторона 20 локтей а высота 12. Около этого алтаря

находится большой храмъ, въ которомъ стоитъ алтарь и золотой свѣтильникъ вѣсомъ въ 2 таланта. Огонь не погасаетъ ни днемъ, ни ночью. Въ немъ нѣтъ никакого изображенія божества, никакихъ подарковъ (посвящаемыхъ богамъ), никакихъ растений, никакой роци, вообще нѣтъ ничего такого (что бываетъ въ храмахъ). Денно и ночью въ немъ пребываютъ священники, которые прежде очищаются; они не пьютъ въ храмѣ никакого вина“.

Наконецъ онъ рассказываетъ что Іудеи не только при Александрѣ, но и при его преемникахъ отличались военнымъ искусствомъ и храбростію. Онъ приводитъ одинъ примѣръ который онъ видѣлъ самъ.— Однажды я собрался къ Черному морю; однимъ изъ спутниковъ, сопровождавшихъ насъ, былъ Іудей по имени Месолламъ, человекъ храбрый и сильный, и по свидѣтельству всѣхъ Грековъ и варваровъ (знавшихъ его), искуснѣйшій стрѣлокъ изъ лука. Когда мы были уже на дорогѣ, авгуръ требовалъ, чтобы всѣ остановились. Месолламъ спрашивалъ о причинѣ (такой остановки). Авгуръ показалъ ему птицу (летающую надъ кораблемъ) и сказалъ, что если эта птица будетъ летать на одномъ мѣстѣ, то и всѣмъ нужно остановиться; если же она полетитъ дальше, то можно отправляться и путникамъ; а если она полетитъ назадъ, то непременно нужно воротиться. Іудей молча натянулъ свой лукъ и убилъ птицу. Это не только раздражило птицегадателя, но и всѣ прочіе (пассажиры) проклинали Іудея. Месолламъ сказалъ имъ: неужели вы такъ глупы, что довѣряете полету птицъ? Какъ можетъ птица эта, не умѣвшая сберечь своей жизни, сказать намъ, что нибудь дѣльное о нашемъ путешествіи? Еслибы она имѣла какое-нибудь познаніе о будущемъ, то не придѣла бы сюда и не была бы поражена стрѣлою іудея Месоллама.

Во время правленія Птолемея многіе Іудеи переселились не только въ Египетъ, но и въ Кирену и другіе города Ливіи. Птоломей надѣялся, что чѣмъ больше бу-

дѣть въ этихъ областяхъ Іудеевъ, тѣмъ безопаснѣе будутъ его владѣнія. Если эта надежда основывалась не на вѣрности и храбрости Іудеевъ, какъ говоритъ Флавій, то на политическомъ соображеніи. Птоломею хотѣлось упрочить свое господство надъ Іудеею, Іерусалимомъ и храмомъ, мѣстами священными для пересенцевъ, и потому они служили для него заложниками всегдашней покорности Іудей.

Въ это время положено было начало колоніямъ, которыми усѣяна была Киринейская Ливія и Египетъ. Нужно удивляться, какъ много было іудейскихъ колоній около времени Іисуса Христа въ этихъ странахъ. Но если принять въ соображеніе то, что еще Александромъ Великимъ открыты были эти области для Іудеевъ, представлявшія богатыя выгоды въ торговомъ отношеніи, что Іудеямъ оставлена была свобода вѣроисповѣданія, предоставлены гражданскія права и свобода, то очень не мудрено, что тысячи Іудеевъ оставляли свою родину и селились тамъ, тѣмъ болѣе, что Іудей всегда были расположены къ торговлѣ и промысламъ.

Продолжительныя войны, которыя велъ Птоломей и Селевкъ противъ Антигона и его сына Димитрія должныствованіе быть отяготительны для Палестины, потому что отчасти она была театромъ военныхъ дѣйствій. Антигонъ напирьмѣр осаждалъ Тиръ, который послѣ завоеванія Александра объявилъ себя свободнымъ городомъ. Птоломей побѣдилъ Димитрія при Газѣ, разрушилъ ее и вмѣстѣ съ нею Іопнію и Самарію. Извѣстно также, что Димитрій стоялъ съ войскомъ при Мертвомъ морѣ. Конечно во время этихъ переходовъ египетскихъ и сирійскихъ войскъ Іудей были страдательными существами. Но Флавій ничего не говоритъ о бѣдствіяхъ Іудей въ это время, можетъ быть потому, что Іудея дѣйствительно мало страдала въ это время; Греки были довольно благородны на войнѣ, и безъ нужды не оскорбляли націй, съ которыми сталкивались. Побѣда осталась за Птоломеемъ, но особенно вос-

пользовался ею Селевкъ; послѣ пораженія Антигона Селевкъ овладѣлъ Сирією, которая составляла небольшую частичку его огромнаго государства, простиравшагося до Инда. Птоломей и Селевкъ приняли титулы царей. Такимъ образомъ Іудея опять какъ и прежде находилась среди двухъ могущественныхъ монархій сирійской и египетской. Селевкъ, по прозванію Никаторъ, былъ сильнѣйшимъ соудомъ, хотя и Птоломей былъ однимъ изъ могущественныхъ преемниковъ Александра. Оба они и ихъ послѣдователи Селевкиды и Птолемеи по положенію ихъ царствъ называются у Даніила царями сѣверными и южными, отъ взаимнаго соперничества которыхъ должны были страдать Іудеи.

Не долго Іудея оставалась подъ владычествомъ Птолемея, потому что еще при его жизни Селевкъ присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ; Іудеи платили ему дань, но удержали свою форму правленія и свободу. Этотъ переходъ Іудеи подъ власть Селевка былъ слѣдствіемъ мировой сдѣлки между имъ и Птолемеемъ, и потому Іудеи не были тревожимы; сирійскій монархъ оказывалъ расположеніе Іудеямъ, далъ имъ право гражданства въ новопостроенномъ городѣ Антиохіи и другихъ малоазійскихъ городахъ; посему многіе изъ Іудеевъ поселились тамъ.

Въ то время какъ Селевкъ по смерти Антигона сдѣлался обладателемъ огромной сирійской монархіи, первосвященникомъ въ Іудеи по смерти Оніи сдѣлался сынъ его Симонъ, прозванный праведнымъ. Это прозваніе, по свидѣтельству Флавія, онъ получилъ за свою религіозность и патріотизмъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій о этомъ важномъ лицѣ. Іисусъ сынъ Сираховъ сравниваетъ его съ Зорововавелемъ, Навиномъ и Неемією, но изъ поэтическаго панегирика Іисуса, написаннаго въ честь Симона, можно извлечь не много историческаго. Видно, что Симонъ возобновилъ храмъ, возвысилъ и расширилъ крѣпостный валъ, устроилъ большой

водоємъ въ городѣ, и заботился о безопасности города во время осады вѣроятно во время войнъ Птолемея и Димитрія. Сюда также относятся его заслуги и касательно устройства благолѣпія и благочинія церковнаго.

По смерти Симона праведнаго первосвященство досталось брату его Елеазару; во время правленія его случилось очень важное событіе какъ для еврейскаго народа, такъ въ особенности для послѣдующаго христіанскаго міра.

Птоломей Лагъ былъ уже старъ, и потому правленіе Египтомъ передалъ младшему сыну своему Птолемею, извѣстному подъ именемъ Филадельфа. Старшій сынъ Лага Керавнъ былъ лишень отцомъ престола за беспокойный характеръ и порочную жизнь. Птоломей Филадельфъ вступившій на престолъ въ 285 г. предъ Р. Х. нашелъ государство такъ спокойнымъ и счастливымъ, что свободно могъ предаться своей склонности къ наукамъ. Его отецъ человекъ былъ образованный, любилъ ученыхъ и ученость и, по свидѣтельству Арріана, самъ написалъ біографію Александра Великаго, которая въ свое время высоко цѣнилась, но для насъ потеряна. Ему также приписываютъ учрежденіе въ Александріи Академіи, названной *Музеумомъ*, гдѣ ученые пользовались царскимъ содержаніемъ и имѣли очень порядочную бібліотеку. Сынъ Лага Филадельфъ наследовалъ отъ отца любовь къ наукамъ, и много заботился о собраніи ученыхъ въ Александрію и о увеличеніи бібліотеки. Онъ пользовался въ этомъ дѣлѣ совѣтами и помощію знаменитаго Димитрія Фалерейскаго. О любви Птолемея къ наукамъ свидѣлствуютъ не только Іосифъ Флавій и приводимый имъ Аристей, но также Страбонъ, Атеней, Плутархъ и другіе. Атеней напр. говоритъ, что Птоломей Филадельфъ имѣлъ у себя бібліотеку Аристотеля, которую онъ вмѣстѣ съ прочими книгами купленными въ Аѣинахъ и Родосѣ привезъ въ Александрію. Очень естественно, что такой любознательный государь хотѣлъ для себя и для пользы народа имѣть на греческомъ языкѣ священныя книги Евреевъ, въ которыхъ за-

ключались исторія, законодательство и религія ихъ. Объ этомъ-то желаніи царя и самомъ переводѣ Библии Іосифъ Флавій, Іустинъ и Филонъ рассказываютъ исторіи, которыя не чужды прикрасъ.

Вотъ какъ рассказываетъ І. Флавій о переводѣ книгъ еврейскихъ. Однажды Птоломей спрашивалъ своего бібліотекаря Димитрія Фалерейскаго, сколько книгъ въ бібліотекѣ; онъ отвѣчалъ, что число ихъ простирается до 200,000, что въ скоромъ времени онъ надѣется умножить это число другими знаменитыми сочиненіями, и въ особенности выхвалялъ книги еврейскія, которыя хотя были въ бібліотекѣ, но не на греческомъ языкѣ и потому составляли только рѣдкость. Онъ предложилъ царю перевести ихъ на греческій языкъ съ помощію знатоковъ еврейскаго языка. Царь согласился и велѣлъ написать къ первосвященнику Елеазару, чтобы онъ выслалъ по шести человѣкъ изъ каждаго колѣна опытныхъ въ законѣ старцевъ. Этимъ расположеніемъ царя воспользовался Аристей, близкій къ нему и другъ Евреевъ; онъ выпросилъ у царя свободу всѣмъ Іудеямъ бывшимъ въ рабствѣ въ Египтѣ; всѣхъ ихъ было около 110 тыс., и несмотря на это царь согласился выкупить ихъ на счетъ государственной казны, что стоило царю болѣе 460 талантовъ золота. Кромѣ этой милости къ народу царь оказалъ необычайную щедрость въ подаркахъ для храма. Онъ прислалъ золотую трапезу въ длину $2\frac{1}{2}$, въ ширину 1 и въ высоту 6 локтей, потомъ двадцать золотыхъ чашъ, и тридцать серебряныхъ, пять кувшиновъ, изъ коихъ два золотые и 3 серебряные, а для жертвоприношеній и другихъ потребъ храма 110 талантовъ серебра. Кромѣ того трапеза и чаши были украшены драгоцѣнными камнями, которыхъ было, какъ говоритъ Флавій, неисчислимое множество. Послѣ сего первосвященникъ Елеазаръ не могъ уже отказать просьбѣ Птолемея; согласно съ его желаніемъ онъ прислалъ въ Александрію по 6-ти старцевъ изъ колѣна, и съ ними экземпляръ закона хранившійся въ храмѣ.

Царь принялъ старцевъ очень ласково, заключилъ ихъ въ свои объятія и обѣщаль праздновать день ихъ прибытія повсегодно во всю жизнь. Будущимъ переводчикамъ назначено было особенное отдѣленіе на время въ самомъ дворцѣ. Птоломей пригласилъ ихъ къ своему столу, который былъ приготовленъ по іудейскому обычаю; зная религіозную отдѣльность Евреевъ, онъ удалилъ отъ стола языческихъ жрецовъ, читавшихъ молитвы предъ столомъ, и дружески бесѣдовалъ съ ними; этотъ пріемъ продолжался 12 дней. Послѣ чего имъ отведены были особые покои на одномъ изъ Нильскихъ острововъ, гдѣ они въ 70 дней окончили переводъ священныхъ книгъ. Переводъ былъ одобренъ александрійскими Іудеями и представленъ царю. Птоломей слушалъ съ особенною радостію законъ іудейскій, и дивился, почему доселѣ никто изъ свѣтскихъ писателей не упоминаетъ объ немъ. Димитрій Фалерейскій, читавшій переводъ предъ царемъ, объяснилъ ему, что никто не смѣлъ писать объ немъ, потому что онъ святъ, и что всѣ дерзнувшіе писать объ немъ были наказаны отъ Бога. Въ доказательство привелъ два примѣра. Нѣкто Θεопомпъ, осмѣливавшійся писать о законѣ іудейскомъ, находился въ безуміи 30 дней, наконецъ онъ догадался (безумный?), что это божеское наказаніе, и раскаялся въ своемъ грѣхѣ. Дѣйствительно во снѣ ему было открыто, что онъ наказанъ за то, что осмѣлился писать о дѣлахъ божественныхъ и хотѣлъ издать свое сочиненіе въ народъ невѣрный. Другой—Θеоденъ трагикъ, хотѣвшій привести отрывокъ изъ книгъ священныхъ въ своемъ твореніи, былъ пораженъ слѣпотою, и получилъ исцѣленіе, когда поклялся отказаться отъ своего намѣренія.—Послѣ перевода Птоломей сдѣлалъ великіе подарки старцамъ, первосвященнику и въ храмъ іерусалимскій—всего до 300 талантовъ,—сумма необычайная! и звалъ старцевъ къ себѣ въ гости во всякое время, увѣряя ихъ, что ему очень пріятно для нихъ истощать свое имѣніе.

Изъ всего приведеннаго разсказа можно заключить

только то, что Птоломею пріятно было увидать на греческомъ языкѣ мудрое законодательство Моисея и безискусственную исторію еврейскаго народа. Какъ человекъ любознательный и ученый, онъ конечно умѣлъ оцѣнить, какъ важно это пріобрѣтеніе для ученаго греческаго міра. Думаютъ, что не всѣ книги еврейскія были переведены 70-ю толковниками, а только Пятокнижіе Моисеево; это можно даже заключать изъ словъ Флавія, который говоритъ, что Птоломей дивился еврейскому законодателю. Отъ того, вѣроятно, Пятокнижіе и переведено несравненно лучше, нежели прочія книги, напр. Псалтирь и пророки. Прочія книги еврейскія были вѣроятно переведены послѣ александрійскими Іудеями, которые забыли уже прямое значеніе нѣкоторыхъ словъ и нѣкоторые идиотизмы своего языка.

Переводъ 70-ти былъ очень важенъ для современныхъ Іудеевъ, коихъ теперь было чрезвычайно много (разсѣяно въ Сиріи, въ приморскихъ городахъ Малой Азіи, и въ Египтѣ). При нестрашимомъ вліяніи греческой образованности, ихъ языкъ необходимо долженъ былъ потерять свою чистоту и слиться отчасти съ греческимъ, и тогда знаніе закона іудейскаго для нихъ было бы затруднено. Мы видѣли, что въ продолженіе 70 лѣтъ плѣна Іудеи уже забыли отчасти свой родной языкъ и говорили большею частію по-халдейски, такъ что ученые священники должны были объяснять имъ слова закона. Теперь, ознакомившись съ греческимъ языкомъ, они могли пользоваться въ своихъ синагогахъ переводомъ 70, который такъ буквально передавалъ подлинникъ. Безъ сего перевода іудеи, не имѣвшіе близкаго общенія съ Іерусалимомъ, легко могли уклониться въ язычество. Кромѣ того священныя книги знакомы теперь въ первый разъ Грековъ съ высокимъ ученіемъ о Богѣ и добродѣтели и открывали путь умноженію прозелитовъ іудейскихъ, а позднѣе для христіанъ изъ Грековъ служили руководствомъ къ историческому убѣжденію себя и язычниковъ въ истинѣ христіанской

религіи, которая во всѣхъ частяхъ была прообразована закономъ и предречена пророками. Главное достоинство перевода 70—буквальная точность, которая часто вредила даже ясности. Въ переводчикахъ видно несовершенное знаніе греческаго языка; потому такъ много въ немъ гебраизмовъ. Какъ трудно было Евреямъ переводить на греческій языкъ еврейскія сочиненія, это видно изъ жалобы Іисуса сына Сирахова въ предисловіи его книги.

На пятомъ, или на 6-мъ году царствованія Птолемея Филадельфа въ Египтѣ, на престолъ сирійскій взошелъ Антиохъ Сотерь, сынъ Селевка Никатора, царствовавшего 32 года. Сотерь послѣ 19-лѣтняго царствованія оставилъ престолъ сыну своему Антиоху II-му, по прованію *Θεοσς*, который царствовалъ 15 лѣтъ. Такимъ образомъ Птоломей Филадельфъ въ продолженіи сорока лѣтъ пережилъ трехъ царей Сиріи, и дожилъ до восшествія на престолъ четвертаго *Селевка-Каллиника*.

До смерти Филадельфа въ Іудеѣ не происходило никакихъ важныхъ перемѣнъ,—она находилась во власти сирійскихъ государей, впрочемъ управлялась не сирійскимъ намѣстникомъ, но собственнымъ первосвященникомъ. За Елеазаромъ принялъ первосвященство Манассія, его дядя. Хотя Антиохъ II велъ съ Филадельфомъ войну, но Іудея, кажется, не была поприщемъ этой войны. Антиохъ такъ былъ благосклоненъ къ Іудеямъ, что далъ имъ право гражданства и свободу вѣроисповѣданія въ Іопіи.

По смерти Птолемея Филадельфа Іудеи снова перешли подъ власть египетскихъ государей. Поводомъ къ этой перемѣнѣ было слѣдующее обстоятельство. Антиохъ *Θεосς* женился на дочери Филадельфа Вереникѣ. Этотъ бракъ былъ совершенъ не по склонности, но по расчетамъ политическимъ; потому Антиохъ скоро взялъ къ себѣ прежнюю свою супругу, съ которой развелся—Лаодикию. Лаодикия, чтобы не подвергнуться въ другой разъ подобному стыду изъ-за капризовъ мужа, отравила его, провозгласила царемъ сына своего Каллиника, и умертви-

ла Веренику. Чтобы отмстить за смерть сестры своей, Птоломей *Евергетъ*, сынъ Филадельфа, вступившій около этого времени на престолъ, собралъ армию, умертвилъ Лаодикию и отнялъ у Каллиника многія области и города, и между ними Иудею и Іерусалимъ. На возвратномъ пути Птоломей былъ въ Іерусалимѣ, принесъ жертву и дары въ храмъ іерусалимскій. Скоро впрочемъ Селевкъ Каллиникъ нашелъ себѣ друзей; многіе изъ областныхъ начальниковъ вскорѣ покорились ему добровольно; Птоломей Евергетъ заключилъ съ нимъ миръ, и обратилъ свое вниманіе на умноженіе Александрійской бібліотеки; для надзора за нею онъ вызвалъ изъ Аѳинъ ученаго Еристоена Киренейскаго.

Во время правленія Египтомъ этого третьяго Птолемея, первосвященникъ Манассія умеръ, проходивши свою должность 26 лѣтъ, и оставилъ первосвященничество Оніи второму, сыну Симона праведнаго. Онія такъ худо исправлялъ свою должность, что только санъ первосвященника, котораго, по общему мнѣнію Іудеевъ, онъ былъ недостойнъ, дѣлалъ его безопаснымъ. Онія, какъ старикъ, заразился корыстолюбіемъ и скупостію, которая едва не подвергла опасности всѣхъ Іудеевъ. Каждогода Іудеи черезъ своего первосвященника платили царю дань 200 талантовъ серебра. Дань, какъ видно, совсѣмъ неотяготительная для народа. Онія собиралъ эту дань, но не думалъ посылать ее въ Египетъ. Раздраженный Евергетъ послалъ въ Іерусалимъ посла Аѳеніона, черезъ котораго угрожалъ всѣхъ Іудеевъ выселить въ Египетъ, а землю раздѣлить между своими солдатами. Народъ пришелъ въ ужасъ, но первосвященникъ и не думалъ покорностію отвратить опасность. Тогда иѣкто Іосифъ, племянникъ Оніи по матери, человекъ хитрый и ловкій, взялъ на себя обязанность примирить Евергета съ Іудеями. Услышавъ о прибытіи Аѳеніона въ Іерусалимъ, онъ отправился къ своему дядѣ, дерзко выговаривалъ ему за его безпечность о благѣ народа и за пристрастіе къ деньгамъ, совѣтовалъ ему ѣхать

самому къ царю въ Египеть, и если ему жалко отдать царю всю подать, то выпросилъ бы у него хоть нѣкоторую часть, которую бы потомъ съ большимъ уже правомъ могъ ввять себѣ. Но Онія отвѣчалъ, что онъ къ царю никогда не поѣдетъ, что онъ не имѣетъ даже склонности управлять народомъ, и давно бы сложилъ съ себя санъ первосвященника, еслибы это отъ него зависѣло. Иосифъ просилъ его, чтобы онъ по крайней мѣрѣ позволилъ ему ѣхать въ Египеть въ качествѣ посланника. Онія согласился. Тогда Иосифъ, собравъ народъ въ храмѣ, успокоилъ его и обѣщалъ оправдать его предъ царемъ. Иосифъ старался прежде всего пріобрѣсти къ себѣ расположеніе Аееніона. Онъ перевелъ его въ свой домъ, угощалъ его богато нѣсколько дней, и на дорогу подарилъ достаточную сумму денегъ, объявивъ ему, что онъ самъ пріѣдетъ въ Египеть. Посланникъ ободрилъ Иосифа и обѣщалъ за него ходатайствовать при дворѣ. Дѣйствительно Аееніонъ, прибывъ въ Египеть, представилъ дѣло съ очень выгодной стороны для Іудеевъ. Онъ во всемъ обвинилъ Онію, какъ скупago и нерадиваго старика, и расположилъ Евергета и его супругу Клеопатру въ пользу Иосифа. Иосифъ занялъ у своихъ друзей въ Самаріи 20,000 драхмъ на самыя необходимыя путевыя издержки и отправился въ Александрію. На пути онъ настигъ сирійскихъ и финикійскихъ мытарей, или откупщиковъ, которые брали на откупъ города и цѣлыя области за извѣстную цѣну, получали полномочіе разорять народъ, какъ имъ угодно. Они думали, что Иосифъ для тойже цѣли ѣдетъ въ Египеть, и смѣялись надъ его бѣдностію. Птоломея не было въ это время въ Александріи,—онъ ѣздилъ съ Клеопатрою и Аееніономъ въ Мемфисъ. Иосифъ поѣхалъ ему на встрѣчу. Аееніонъ, увидѣвши его, представилъ Евергету, и еще разъ рекомендовалъ его честность и добродушіе. Царь былъ столько милостивъ, что удостоилъ его посадить съ собою въ колесницу и выговаривалъ ему за поступокъ Оніи. „Прости, государь, отвѣчалъ Иосифъ, его старости.

Ты знаешь, что старый да малый одинаково глупы“. Бесѣда Іосифа такъ понравилась Птоломею, что онъ приказалъ ему жить въ своемъ дворцѣ и пользоваться царскимъ столомъ. Наступилъ день, когда сборъ государственныхъ податей былъ отдаваемъ на откупъ съ аукціона знатнѣйшіе вельможи приступили къ торгу. Всѣ подати въ Сиріи, Финикіи, Іудеи и Самаріи оцѣнены были только въ 8,000 талантовъ. Цѣна незначительная. Іосифъ, подошедши къ откупщикамъ, въ присутствіи самого царя упрекалъ ихъ за то, что они заранѣе сговорились не наносить слишкомъ высокой цѣны, и вызвался вносить въ казну 16,000 талантовъ, да сверхъ того высылать всѣ движимыя опальные имущества, которыя поступали прежде въ пользу мытарей. Птоломей благодарилъ его за усердіе къ выгодамъ царя, обѣщалъ отдать ему сборъ государственныхъ податей, и спросилъ, кого онъ представитъ въ поруки? „Честныхъ и добрыхъ людей, отвѣчалъ Іосифъ, которымъ вы безъ сомнѣнія повѣрите. Это самый ты государь, и твоя супруга Клеопатра“. Птоломею очень понравился остроумный отвѣтъ Іосифа, и онъ приказалъ откупъ податей оставить за нимъ. Іосифъ, выпросивъ у друзей своихъ въ Александріи 500 талантовъ, а у Птолемея 2,000 конницы, отправился въ Сирію собирать подать.—Здѣсь слѣдуетъ весьма интересный разговоръ самого Іосифа, сборщика дани, такъ и Птолемея Евергета. Іосифъ, прибывши въ Аскалонъ, требовалъ дани, безъ сомнѣнія несравненно выше той, какую платили прежде жители этого города; потому что онъ самъ нанесъ на откупъ вдвое большую сумму. Граждане противились, но Іосифъ умѣлъ справиться съ ними. Поймавъ около 20 человекъ богатѣйшихъ гражданъ, онъ умертвилъ ихъ, захватилъ все имѣніе, и выручивъ около 1,000 талантовъ, послалъ ихъ къ царю, уведомивъ его о всемъ, что происходило. Птоломей похвалилъ его поступокъ и позволилъ ему дѣлать все, что онъ хочетъ. Замѣйте, что

царь называется *Еверетомъ* (благодѣтелемъ), а Флавій пренаивно называетъ Іосифа мужемъ *честнымъ и великодушнымъ*. Этотъ честный и великодушный мужъ, справившись съ жителями Аскалона, отправился въ Скиеополь. Когда Скиеопольскіе граждане стали упорствовать, онъ умертвилъ ихъ начальниковъ и имѣнія отослалъ къ царю. Прочіе города уже не смѣли сопротивляться; такимъ образомъ Іосифъ въ скоромъ времени нажилъ огромное богатство, такъ что въ состояніи былъ посылать богатые подарки Птоломею и Клеопатрѣ и подкупать придворныхъ. Кромѣ того онъ завелъ богатую банкирскую контору въ Александрію, которая имѣла въ оборотѣ до 3,000 талантовъ. Если Іосифъ былъ честнымъ и великодушнымъ сборщикомъ; то каковы же должны быть менѣе честные? Не удивительно, что должность мытаря была ненавистна Іудеямъ, и въ послѣдствіи имя мытаря и грабителя или грѣшника были синонимами.

Но кромѣ величайшаго корыстолюбія Іосифъ зараженъ былъ другою порочною наклонностію,—сладострастіемъ. Флавій рассказываетъ очень соблазнительную исторію о томъ, какъ онъ влюбился въ одну танцовщицу, но по хитрости ея брата женился на его дочери. Отъ нея имѣлъ онъ сына Гиркана, который въ пронырствѣ и хитрости не уступалъ отцу своему. Іосифъ уже приблизился къ старости и не могъ самъ заниматься исправленіемъ своей обязанности; между тѣмъ у Птоломея родился сынъ, и всѣ начальники областей были намѣрены ѣхать въ Александрію съ дарами для поздравленія. Старшія дѣти Іосифа отказались ѣхать къ царю и совѣтовали послать Гиркана, какъ болѣе способнаго. Гирканъ согласился на предложеніе, и зная скупость отца, просилъ у него очень не много денегъ на дорогу. Кромѣ того онъ совѣтовалъ Іосифу не посылать съ нимъ подарковъ, но дать ему письмо къ управляющему конторою на полученіе нужной суммы денегъ для покупки ^{въ} самой столицѣ пристойныхъ даровъ. Отецъ предполагалъ, что онъ истратитъ не бо-

лѣе 10 талантовъ. Но Гирканъ, прибывъ въ Александрію, потребовалъ отъ Аріона завѣдывавшаго банкомъ 1,000 талантовъ. Аріонъ отказалъ ему и далъ при этомъ случаѣ очень назидательный урокъ, чтобы онъ не былъ расточителемъ, а подражалъ отцу своему, который нажилъ имѣніе воздержностію и трудами. Но Гирканъ не расположенъ былъ слушать подобныя уроки и велѣлъ посадить Аріона въ кандалы. Птоломей и Клеопатра, уважавшіе Аріона, узнавъ о поступкѣ Гиркана, разгнѣвались и требовали, чтобы онъ явился къ нимъ и объяснилъ свое поведеніе. Гирканъ отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ явиться предъ ихъ свѣтлѣйшія очи безъ приличныхъ подарковъ, а на эти-то подарки Аріонъ и не даетъ ему денегъ, и что онъ поступилъ съ нимъ, какъ господинъ съ ослушнымъ рабомъ. Птоломею былъ угоденъ такой отвѣтъ, и Аріонъ по неволѣ долженъ былъ согласиться дать ему требуемую сумму. Гирканъ купилъ сто ученыхъ юношей изъ рабовъ и столько же красивыхъ дѣвицъ, а между тѣмъ другимъ начальникамъ, пріѣхавшимъ для поздравленія, говорилъ, что онъ не въ состояніи поднести большаго подарка, какъ только въ пять талантовъ; но когда пришелъ назначенный день, онъ представилъ Птоломею 100 юношей, а Клеопатрѣ 100 дѣвицъ, и тѣ и другія подносили царю и царицѣ по золотому таланту; такимъ образомъ это поздравленіе стоило ему 400 талантовъ. Птоломею очень понравился поступокъ Гиркана,—онъ благосклонно писалъ объ немъ къ отцу его Іосифу и къ другимъ областеначальникамъ. Между тѣмъ отецъ и братья Гиркана совѣмъ не такъ смотрѣли на его дѣйствія; отецъ чрезвычайно жалѣлъ о деньгахъ потраченныхъ напрасно, а братья, опасаясь честолюбиваго Гиркана, рѣшились умертвить его, и не безъ вѣдома отца своего отправились встрѣтить его на дорогѣ. Но при нападеніи на его свиту братья потерпѣли поражение, многіе изъ ихъ сообщниковъ были убиты, и самъ Гирканъ убилъ двоихъ братьевъ. Прочіе должны были удалиться. По прибытіи въ городъ

никто не хотѣлъ впускать въ домъ свой убійцу братьевъ, не только отецъ, но даже граждане, и Гирканъ, опасаясь за свою жизнь, удалился за Іорданъ. Здѣсь онъ построилъ себѣ укрѣпленный замокъ, весь изъ бѣлаго мрамора, украсилъ его многими статуями и обвелъ глубокимъ ровомъ. Гору, находившуюся противъ замка, онъ прорылъ, и подѣлалъ въ ней множество пещеръ и потаенныхъ ходовъ, изъ которыхъ нѣкоторые простирались на нѣсколько стадій. Замокъ свой онъ назвалъ Тиромъ; отсюда онъ дѣлалъ набѣги на Аравитянъ, такъ что сосѣднія области признавали его власть надъ собою въ продолженіи семи лѣтъ.—Около этого времени въ Сиріи вступилъ на престолъ Антиохъ Великій, который мало-по-малу приобрѣталъ себѣ всѣ области, принадлежавшія прежде Птоломеямъ. Гирканъ своими набѣгами раздражилъ его, но чувствовалъ, что онъ не въ силахъ противостать ему открытою силой; посему изъ опасенія подвергнуться позорной казни отъ Антиоха, Гирканъ лишилъ себя жизни, а его замокъ и все имущество досталось Антиоху. Это событіе рассказанное Флавіемъ показываетъ, что гражданскія отношенія Іудеевъ были слишкомъ шатки и не опредѣленны, а внутреннее управленіе не имѣло достаточной силы и прочности. Власть первосвященника только тогда была уважаема, когда самъ онъ обладалъ дарованіями нужными для управленія; въ противномъ случаѣ, каждый хитрый и предприимчивый человѣкъ, расположивъ въ свою пользу царя, становился выше первосвященника и управлялъ Іудеями по своей прихоти и для своей пользы.

Живые пророки нашего времени.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
БЛАГОЧЕСТИВЪЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАН-
ДРОВНЫ, 22 июля 1874 г.

„Внемлите отъ живыхъ пророкъ, иже
приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ,
внутри же суть волцы хищницы“ (Мат.
7, 15).

Намъ, братіе, сегодня слѣдовало бы говорить о благо-
честивомъ усердіи св. Магдалины, раньше всѣхъ достиг-
шей гроба Спасителя и прежде всѣхъ увидѣвшей Его
воскресшаго. Слѣдовало бы припомнить ея равноапостоль-
ные труды для распространенія христіанскаго просвѣщенія
между невѣрующими. Примѣръ ея просвѣтительной
дѣятельности воодушевилъ бы всѣхъ насъ, не исключая
и женщинъ, къ распространенію святаго просвѣщенія
между людьми, живущими во тмѣ, чтобы не сказать еще:
и въ снѣи смертнѣй. Прилично было бы всѣмъ этимъ
почтить память св. Магдалины, которая, вмѣстѣ съ Ан-
геломъ-хранителемъ, невидимо руководить тезоименитою
ей царски-вѣнчанною Марію въ тойже просвѣтительной
дѣятельности.

Но когда разсматриваешь свѣтлую прекрасную картину,
взоръ невольно останавливается иной разъ на густой тѣни,
которая легла возлѣ предметовъ ярко освѣщенныхъ, ко-
торая еще рѣзче отдѣляетъ, какъ будто свѣтлѣе дѣлаетъ
свѣтлыя части картины. И въ настоящую минуту чей взоръ
не приковался какъбы невольнымъ образомъ къ той мни-
мо-просвѣтительной, а въ существѣ темной, дѣятельности,
надъ которой только что совершился вполне заслужен-

ный судъ *)? Вотъ почему, подъ живымъ впечатлѣніемъ выведенной теперь на свѣтъ этой-то темной дѣятельности, намъ, кажется, кстаті пришло на память слово Спасителя, предостерегавшаго и народъ и самихъ даже апостоловъ отъ лживыхъ пророковъ.

Внемлите, говорить Онъ, отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы.

Да, съ недавняго времени, какъ видно, стали появляться у насъ въ народѣ такіе именно пророки. Они по наружности—кроткія овцы, по своимъ лукавымъ увѣреніямъ—доброжелатели народа, по складу своихъ рѣчей—проповѣдники евангельскаго слова, а въ самой сущности своей это хищные волки, проповѣдники общаго безначалія, и безправія, кощунствующіе и корчемствующіе словомъ Христовымъ. Берегитесь и особенно берегите народъ отъ этихъ пророковъ безбожія и безвѣрія; станемъ, братіе, всѣ дружно на стражѣ стада Христова.

Къ охраненію народа отъ вреднаго вліянія пронырливыхъ учителей безвѣрія теперь призывается каждый образованный человѣкъ голосомъ самого Царя. Не значитъ это, что народу угрожаетъ какая-нибудь серьезная опасность; этого нѣтъ. Но все-же осторожность и внимательность нужна. Появленіе хищника въ какой-нибудь мѣстности заставляетъ осмотрѣться, все ли хорошо задищено отъ его вторженія, хорошо ли караулятъ сторожа. Осмотримся, все ли у насъ хорошо.

Не для успокоенія покоемъ безопасности, а для утѣшенія тѣхъ, которыхъ, можетъ быть, смущаютъ по временамъ раскрывающіяся тайныя ухищренія зла, для нашего общаго утѣшенія и успокоенія скажемъ прежде всего, что народъ нашъ крѣпко огражденъ внушеніями вѣры Христовой противъ лукавыхъ внушеній лстиваго духа. Этотъ духъ *лстивій* и его лживые пророки, послѣ многихъ опытовъ, поняли наконецъ, какъ сильно дѣйствуетъ на народъ

*) Разумѣется судъ по дѣлу о прокламаціяхъ преступнаго содержанія.

слово Христово, слово Евангелія. И они берутъ эту священную книгу, читаютъ ее со вниманіемъ, вырываютъ изъ нея тексты, изреченія Спасителя, влагаютъ ихъ въ свою безбожно-кощунственную проповѣдь, потомъ свою уродливую смѣсь безумія съ божественнымъ ученіемъ они вкладываютъ опять въ то же Евангеліе и бросаютъ все это въ народъ, рассчитывая, что народъ, который такъ любитъ евангельское слово, этотъ темный народъ не узнаетъ яда, подслащеннаго текстами изъ Евангелія. Не ошиблись на этотъ разъ лживые пророки древняго льстеца, когда поняли, что народъ любитъ Евангеліе. Но ошиблись точно такъ же, какъ и самъ древній льстецъ, который, чтобы искутить Сына Божія, приводилъ текстъ изъ священнаго писанія,— ошиблись они въ предположеніи, что народъ не съумѣетъ различить и отдѣлить спасительное слово отъ лукаваго внушенія губителей. Не новая истина открывается для насъ теперь, но являются новые проповѣдники давно извѣстной истины. Проповѣдники эти—враги Евангелія, а истина—та, что нашему народу нужна азбука и первая книга послѣ азбуки—Евангеліе.

Осмотримся еще: все ли хорошо и благополучно вокругъ насъ. Темные дѣятели «идутъ въ народъ». Зачѣмъ? Просвѣщать его. Но зачѣмъ же они скрываются? Просвѣщеніе народа есть святое дѣло, а не какое-нибудь запрещенное. Къ просвѣщенію народа зоветъ теперь каждый просвѣщеннаго и правительство, и св. Церковь, и нравственный долгъ, и общая польза, и требованія современной государственной жизни, и болѣзненные проявленія жизни общественной,—можно сказать, что и эти темные дѣятели зовутъ насъ всѣхъ къ просвѣщенію народа. Да, если не самый успѣхъ ихъ темнаго дѣла, то ихъ надежда на успѣхъ главнымъ образомъ основывается на темнотѣ народной среды. Пророки древняго льстеца принимаютъ видъ апостоловъ Христовыхъ, являются ловцами чловѣковъ, но только ловцами въ мутной водѣ. Въмѣсто просвѣщенія, они стараются ввергнуть его еще въ боль-

шую тму — языческаго невѣдѣнія. Темнота, которой еще такъ много вокругъ насъ, зоветъ къ себѣ дѣятелей, но не темныхъ, которые сами скрываются отъ свѣта, а ждетъ истинныхъ просвѣтителей съ Евангелиемъ *не во устнахъ мстивыхъ*, а на устахъ говорящихъ отъ избытка вѣрующаго сердца. Съ свѣтомъ истиннаго христіанскаго просвѣщенія пойдемъ въ эту темноту, не дадимъ ступить ей до тмы кромѣшной, распространяемой служителями духа тмы.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ.

И въ особенности мы, пастыри духовные, должны *внимать себѣ и всему стаду*, въ немже насъ Духъ Святыи поставилъ *пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею*. Апостолъ Павелъ, предостерегалъ современныхъ ему пастырей, что вотъ скоро появятся между нами лжеучители, которые, какъ хищные волки, начнутъ расхищать духовное ихъ стадо. Будьте же внимательны, говорить онъ, и къ себѣ и къ своему стаду, — къ самимъ себѣ, чтобы не задремать на стражѣ, — къ стаду чтобы не дать его на расхищеніе этимъ волкамъ. Будьте внимательны, потому что это стадо слишкомъ дорого для самого Господа: оно приобрѣтено Имъ цѣною собственной крови. Наша внимательность къ духовному стаду въ настоящее время главнымъ образомъ должна выразиться въ просвѣтительной дѣятельности. Намъ нѣтъ нужды „идти въ народъ“; мы и такъ живемъ въ народѣ, знаемъ и нерѣдко дѣлимъ его радости и скорби; намъ хорошо извѣстны его вещественныя нужды и средства, его нравственные недостатки и его духовное богатство. На первой очереди намъ предстоитъ теперь усилить нашу просвѣтительную дѣятельность въ народѣ. Но мы надѣмся, но мы въ правѣ ожидать и со стороны народа, и со стороны образованнаго общества, и со стороны ревнующихъ о народномъ просвѣщеніи, нравственной и вещественной поддержки въ этомъ дѣлѣ. Говорятъ: мы должны жертвовать безмезднымъ трудомъ на пользу народнаго просвѣщенія. Такъ,

должны: это—правда. Но можно ли жертвовать трудомъ, когда у самого скудныя средства и когда трудъ есть одно изъ главныхъ средствъ существованія? Тѣ изъ насъ, которые живутъ въ средѣ, наиболѣе нуждающейся въ нашей просвѣтительной дѣятельности, болшею частію сами крайне нуждаются въ средствахъ насущнаго пропитанія. Но и при всемъ томъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ своего далеко необезпеченнаго существованія, духовенство много потрудилося надъ религіознымъ воспитаніемъ народа и всегда будетъ трудиться болше всѣхъ другихъ,—и оно болше всѣхъ чувствуетъ и понимаетъ необходимость и свое призваніе трудиться надъ этимъ дѣломъ. Непоколебимая религіозная стойкость нашего народа, давшая такой могущественный отпоръ темнымъ дѣятелямъ, не сама собою выросла, а обязана своимъ развитіемъ, конечно, представителямъ религіи.

Господь да благословитъ тебя, нашъ добрый, православный русскій народъ! Ты отвергъ безумныя рѣчи о какомъ-то раѣ безъ Бога. Тебѣ даже не посмѣли темные люди сказать хоть одно слово противъ Царя, несмотря на то, что объ этомъ-то собственно хотѣли и говорить съ тобой.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое. Аминь.

Прот. Александръ Ивановъ.

Резолюціи московскаго митрополита Филарета.

1. „Изображеніе Господа Иисуса стоящаго на колѣнахъ предъ Богомъ Отцемъ противно равночестію лицъ Пресвятыя Троицы, если представлено видѣніе небесное, какъ можно примѣчать изъ присутствія ангеловъ. Поручить двумъ благочиннымъ осмотрѣть всѣ изображенія сей церкви (*Троицкой, на Воробьевыхъ горахъ*), и донести,

нѣтъ ли противнаго догматамъ, священной исторіи и приличію“. (Резол. отъ 20 мая 1843).

2 На рапортѣ священника о томъ, что во время литургии, уже по пресуществленіи св. Даровъ, одинъ старецъ, преклонныхъ лѣтъ, внезапно упалъ съ скамейки, на которой сидѣлъ, и повредивъ себѣ голову, окровавилъ церковный помостъ,—Высокопреосвященный написалъ (22 сент. 1842): „Консисторіи предписать, чтобы при освященіи воды и окропленіи всего храма, прочтена была молитва, положенная большаго Требника въ 49 главѣ, на отверженіе храма, въ немже случится челоуѣку умерети нуждею, съ переменною словъ: *отъ нападенія и нуждныхъ смерти, на слѣдующія: отъ внезапнаго паденія и изліянія крове.* Прежде же сего окровавленное мѣсто очистить, состроганіемъ, или переменною камня или доски. И потомъ совершать священнослуженіе“.

3. „Возобновленіе престольной срачицы произвести слѣдующимъ порядкомъ: 1) совершить освященіе воды. 2) По входѣ въ олтарь св. антиминсъ священнодѣйствующій на дискосѣ перенесетъ на жертвенникъ, на время переоблаченія престола. 3) Затѣмъ при закрытыхъ вратахъ олтаря престоль разоблачить, ветхую срачицу снять, и древо престола, если нужнымъ окажется, отереть губою со святою водою. 4) Потомъ новую срачицу и одежду по окропленіи св. водою на престоль возложить, при пѣннн псалма, положеннаго для сего дѣйствія въ чинѣ освященія храма. 5) За симъ слѣдовать будетъ кажденіе и кропленіе олтаря съ пѣніемъ псалма изъ тогоже чина, и наконецъ внесеніе св. антиминса паки на престоль, послѣ чего приступить къ совершенію божественныхъ литургій“. (Резол. отъ 22 ноября 1844).

4. Просили у владыки позволенія росписать паперть Спасо-Преображенской, на Пескахъ, церкви. На семъ прошеніи архипастыръ написалъ (12 сентября 1852): „при посѣщеніи нынѣ мною сейцеркви, оказалось, что въ притворѣ церкви поставлены подмосты, начато росписаніе стѣнъ, и нѣкоторыя изображенія уже подмалеваны. Какъ оставить притворъ въ ссѣмъ неблагообразіи на немалое время представляется неудобнымъ, то учинить слѣдующее: 1) начатаго дѣла не останавливать. 2) Своевольное начатіе еще до подачи прошенія оставить на отвѣтственности священника и церковнаго старосты. 3) Благочинному пред-

писать и наблюдениі, чтобы изображенія написаны были приличныя и прилично. 4) Усмотрѣны мною въ сей церкви въ двухъ мѣстахъ двѣ плащаницы, открыто поставленныя. Какъ по уставу Церкви плащаница выносятся въ церковь только въ извѣстные дни страстныхъ недѣли, и потомъ на извѣстное также время полагается на престолѣ: то поставленіе въ церкви и одной плащаницы есть нововведеніе, а поставленіе двухъ есть несообразность. Посему замѣтить благочинному, что когда намѣревались поставить другую, онъ долженъ былъ остановить сіе и донести“.

5. а) „Иконостасъ съ царскими вратами есть принадлежность церкви, а не часовни *). Царскія врата должны вести къ престолу въ олтарь, а не въ пустое мѣсто“ (Рез. отъ 30 сент. 1853).

б) „Рисунокъ (царскихъ дверей) не можетъ быть утвержденъ. По уставу церковному, священникъ, кадя святыи олтарь, кадитъ и отверзтыя царскія двери: но какъ на рисунокѣ нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній, то къ чему относиться будетъ каженіе? Золоченое дерево кадитъ неприлично“. (Резол. отъ 3 мая 1855).

6. Мая 26-го 1842. „Антиминсъ безъ святыхъ мощей, и непримѣтно признака, чтобъ онѣ когда были. Консistorіи: 1) предписать, чтобы выданъ былъ новый освященный. 2) Сей, почти столѣтній (1744 г.), хранить въ ризницѣ, какъ древность. 3) Благочиннаго и мѣстнаго священника (Николаевскаго, на Студенцѣ) спросить, видѣли ль, что святыхъ мощей нѣтъ, и почему не обратили на сіе вниманіе, и не донесли начальству“ **).

„Сент. 23. Консistorіи объявить правило (*седьмое VII вселенскаго Никейскаго собора*) благочинному и мѣстному священнику, и изъяснить, что дѣло могло быть невинно въ томъ только случаѣ, если престолъ освященъ архіерейскимъ освященіемъ и положены святыя мощи подъ престоломъ; но какъ освященіе на старомъ антиминсѣ послѣ 1812 года не благопріятствуетъ сему пред-

*) Въ какой-то часовнѣ хотѣли устроить подобный иконостасъ.

**) Священникъ просилъ перемѣнить антиминсъ за одною ветхостію. Видя, что св. мощей нѣтъ, онъ полагалъ, что въ древности всѣ антиминсы выдавались для священнодѣйствія безъ св. мощей. Благочинный не доносилъ по примѣру своихъ предшественниковъ, не считая этого нужнымъ.

положенію, то допущенъ грѣхъ противъ правила, и они должны молить Бога о прощеніи“.

7. Священникъ не понимаетъ, что святой антиминсъ для того полагается на освященномъ престолѣ, а не на простомъ столѣ, и для того облачается илитономъ, чтобы никакая неосвященная вещь къ нему не прикасалась, и не нарушила его освященія. Посему учинить слѣдующее: 1) священнику за неосторожное и неразумительное обращеніе со святынею *) положить въ каедральной церкви (Чудова монастыря) сто поклоновъ. 2) Антиминсъ перемѣнить. 3) Полотенце, которое къ нему прикасалось, предать огню“ (Резол. отъ 20 дек. 1852).

8. 1852, іюля 17-го. „1) Цѣлость мощей въ антиминсѣ весьма сомнительна (*одинъ воскъ*). Предписать Чудовскому намѣстнику съ ризничимъ, чтобы освидѣтельствовали и о послѣдующемъ донесли. 2) О поступкѣ діакона (*сельскаго*), который освященный (въ 1739 г.) антиминсъ похитилъ въ церкви, или похищенный принялъ и держалъ въ домѣ, учинить законное разсмотрѣніе“.

20 іюня 1854. „Когда дѣло дошло до судебного разсмотрѣнія поступка діакона: онъ вздумалъ говорить, что хранилъ антиминсъ, какъ простую картину (въ рамкѣ), и уже по разбитіи стекла узналъ, что она есть дѣйствительно антиминсъ освященный. Но это опровергается предшествовавшимъ показаніемъ діакона (*данномъ не въ присутствіи консисторіи*), гдѣ онъ не говоритъ о картинѣ, а говоритъ, что тестемъ **) найденъ былъ антиминсъ (*послѣ 1812 г.*), и хранимъ былъ какъ святыня тестемъ и имъ, и что онъ только по неимѣнію постоянной квартиры отдаетъ его въ церковь. Посему діакону и за неправильное держаніе въ домѣ церковной святыни и за непрямодушное о семъ показаніе положить въ Подольской церкви сто поклоновъ“.

9. „Можно поставить на престолѣ (*ковчегъ съ св. мощами, пожертвованный въ Знаменскую церковь, что въ Зубовѣ*), а въ дни святыхъ, которыхъ мощи обрѣтаются въ семъ ковчегѣ, полагать на аналогій въ церкви“ (Рез. отъ 2 сент. 1848).

*) На антиминсъ, во время литургіи, упалъ налѣпокъ съ трехсвѣчника и образовалъ пятно, темноватаго цвѣта. Священникъ старался снять пятно чистымъ полотенцемъ.

**) Космодамианскимъ, въ Шубинѣ, діакonomъ.

10. „Священникъ (вызванный съ антиминомъ) явился, и антиминосъ представилъ. Пятна (кровяныя) оказываются сдѣланными не во время служенія, а тогда, какъ антиминосъ былъ сложенъ. Слѣдственно на священника не падаетъ вина въ причиненіи оныхъ (*въ чемъ и самъ онъ не признался*), но не безъ вины онъ, что не тщательно охранялъ святыню. Учинить слѣдующее: 1) антиминосъ изъять отъ употребленія, и отдать въ каѳедральную ризницу. 2) Вмѣсто его выдать освященный по надлежащему. 3) Священнику за грѣхъ допущенія оскорбить святыню, хотя непроизвольный, положить въ каѳедральной церкви Чудова монастыря сорокъ поклоновъ, чего впрочемъ въ послужный о немъ списокъ не вносить. 4) Подтвердить священнику о бдительномъ охраненіи святыни, чего можно было достигнуть посредствомъ запиранія олтарныхъ дверей, частію изнутри, частію нутрянымъ замкомъ“ (Рез. отъ 8 дек 1845).

11. „Опись необстоятельна и неправильна. Не сказано, въ узаконенную ли мѣру устроенъ престолъ. Вписанъ въ опись и номеромъ означенъ антиминосъ, котораго нѣтъ. Подъ № 7 показанъ крестъ съ изображеніемъ надлежащихъ лицъ, а какихъ лицъ и есть ли на немъ изображеніе распятія Господня, не сказано. Въ описяхъ обоихъ предѣловъ сказано, что потиръ находится въ описи главнаго храма: по одинъ потиръ для трехъ престоловъ недостаточенъ: ибо какъ возбранено на одномъ престолѣ совершать двѣ литургии, такъ не разрѣшено и то, чтобы въ одномъ потирѣ совершать таинство въ одинъ день на двухъ или трехъ престолахъ. Посему консисторіи: 1) принять мѣры къ исправленію описи, и къ удостовѣренію въ полнотѣ устройства (одного изъ предѣловъ). 2) Протоіерею (онъ же и благочинный) за неисправность сдѣлать замѣчаніе, чтобы должностныя дѣла совершалъ внимательно и разсудительно“ (Резол. отъ 9 сентября 1842).

12. „Священникъ (сельскій) долженъ быть внимательнѣе и разсудительнѣе семилѣтней дѣвицы *), и потому вина нечаянности больше на немъ лежитъ. Притомъ еслибы онъ вполнѣ сохранялъ себя въ благоговѣйномъ вниманіи

*) Подойдя для причастія, она стала креститься и тольнула лѣнцу съ коей упала на полъ (каменный) часть соединенія. Эта частица осторожно была подянта, а мѣсто падевія оной вытерто плитономъ и обмыто водою.

должно уповать, что ангель хранитель предохранилъ бы его отъ нечаянности, оскорбляющей святыню. Посему 1) послать его въ Виѣанскій монастырь, чтобы очистилъ совѣсть свою исповѣдію, и провелъ тамъ, не приступая къ священнослуженію, три дня, сверхъ обычнаго богослуженія, читая канонъ покаянный и акаѣисты Господу Иисусу и Пресвятой Богородицѣ, и полагая поклоны по силѣ и по разсужденію духовнаго отца. 2) Поверхность камня острогать, и состроганное положить въ текущую рѣку. 3) Священнику внушить, что еслибы онъ имѣлъ болѣе благоговѣнія и страха Божія, то поспѣшилъ бы непосредственно (*а не чрезъ благочиннаго*) принять разрѣшеніе и наставленіе архіерея, и не остался бы безпечно продолжать служеніе безъ разрѣшенія въ такомъ случаѣ, за который Номоканонъ ясно подвергаетъ запрещенію, а того не говорить, чтобы сей случай могъ когда-либо остаться свободнымъ отъ епитиміи. 4) Для исполненія послать сіе къ Виѣанскому настоятелю съ тѣмъ, чтобы по исполненіи донесъ, съ возвращеніемъ сего.“ (Резол. отъ 6 марта 1843).

13. „Рисунокъ, мною подписанный, лучше другаго.— Но надъ иконостасомъ лучше бы поставить крестъ, хотя въ маломъ видѣ.—Вообще въ исполненіи поступить осмотрительно, чтобы устроеніе согласно было съ приличіемъ и удобствомъ. Напримѣръ, сѣверная дверь на рисунокѣ узка; и если нельзя сдѣлать шире, то лучше на ея мѣстѣ поставить образъ, а ее устроить съ сѣвернаго бока придѣла“. (Рез. отъ 8 февраля 1841).

14. 1840, фев. 14. „*Въ четвертомъ колѣнѣ*: выраженіе (*священника*) не довольно толковое. Кормчая считаетъ родство степенями. Четвертымъ колѣномъ въ просторѣчій называютъ часто не четвертую, а осьмую степень. Спросить (*его*) въ консисторіи о родствѣ полномъ, и написать росписаніе“.

15. Коломенскаго Успенскаго собора ключарь съ братією, вслѣдствіе дороговизны и недостатка въ жизненныхъ потребностяхъ, просилъ на содержаніе соборянъ отдѣлить часть суммы изъ Троицкаго Новоголутвина монастыря, не то часть процентовъ съ капитала, положеннаго на причетъ приписной къ собору Крестовоздвиженской церкви. Митрополитъ отказалъ. „Дороговизна, писалъ онъ 14 сентября 1834 года,—не для однихъ соборянъ. Мона-

стырь потерпѣлъ отъ пожара, да и не обязанъ собору. Проценты нельзя тронуть безъ воли вкладчика, когда въ церкви, для которой капиталъ положенъ, нѣтъ службы“.

16. 1837 года, 26 сентября. „1) Священникамъ (московскимъ), въ приходахъ которыхъ (въ шести приходахъ) жительствоуютъ оглашаемые въ сектаторствѣ (хлысты), дать секретное наставленіе, чтобы возымѣли за сими людьми скромное, но тщательное наблюденіе, и если въ ихъ дѣйствіяхъ или словахъ усмотрятъ признаки ихъ уклоненія отъ православія, старались вразумленіями и увѣщаніями обратить ихъ на правый путь, а о замѣченномъ секретно донесли; если же и не замѣтятъ оказательства сектаторства, старались при исполненіи обязанностей духовныхъ отцевъ давать подозрѣваемымъ наставленія, требуемая возникшимъ подозрѣніемъ. 2) Выписку изъ репорта (священника такой-то церкви) при секретномъ отношеніи препроводить отъ меня къ московскому военному генераль-губернатору, для соображенія съ секретно производящимся дѣломъ. 3) По показанію о Данилѣ Филиповомъ, погребенномъ въ селѣ Кривушинѣ (въ 20 верстахъ отъ Костромы *), и послѣдней изъ рода его **) Уляня Васильевой (богиня,) секретно отнестись отъ меня къ преосвященному костромскому, не признаеть ли онъ за нужное, съ предосторожностію противъ гласности и невѣрнаго дѣйствованія, чрезъ благонадежное и довѣренности достойное духовное лицо сдѣлать ближайшее развѣдываніе и дознаніе, какъ для принятія мѣръ къ охраненію православныхъ отъ совращенія въ секту, такъ и для приведенія въ большую ясность открывающихся свѣдѣній о сектѣ для дальнѣйшихъ начальственныхъ соображеній, и что откроется, о томъ просить не оставить меня безъ увѣдомленія. 3) Св. синоду донести о семъ секретнымъ репортомъ“.

А. Г—рій.

*) Онъ почитался основателемъ секты, и на гробѣ его сектанты служили панихиды.

**) Его роду исключительно позволялось вступать въ бракъ, дабы не пресѣлось его „божественное поколѣніе“

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1874 Г.

МАЙ, ІЮНЬ, ПОЛЬ и АВГУСТЪ.

1. Толкованіе посланія къ Галатамъ	3—12	137—153
	265—298	381—408
2. Разказы изъ исторіи русской церкви.	13— 37.	409—435
3. Состояніе Іудеевъ при персидскихъ царяхъ и потомъ идоу властію Александра Македонскаго и его преем- никовъ.	38—64	158—180 456—479
4. Игуменъ лавры св. Саввы Освященнато о. Іоасафъ.		64—80
5. Цвѣты		80—100
6. Нѣсколько словъ къ новобрачнымъ послѣ вѣнчанія.		100—103
7. Дневникъ священника.		103—128
8. Резолюціи моск. митрополита Филарета.	129—136	256—264
	373—380	484—490
9. Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государа Императора Александра Николаевича.		153—158
10. Архіерей-патріотъ (1812 года)		181—186
11. Бесѣда на освященіе церкви въ хуторѣ Верхне-киби- ревскомъ, Кобылянской станицы, въ землѣ донскаго войска.		187—195
12. Объясненіе догматика седьмаго гласа.		196—205
13. Чудотворенія вѣрующихъ въ Господа Іисуса. Слово на праздникъ Вознесенія Господня и въ день свя- тителя Николая.		206—209
14. Изъ путешествія въ Святую землю Феликса Бове въ 1860-хъ гг.	210—233	299—391
15. Двѣ рѣчи пресвященнѣйшаго Леонида, епископа Дмит- ровскаго 25 и 26 апрѣля.		234—239
16. Святый Духъ—обличитель невѣрія во Христа.		239—248
17. Отвѣтъ Современнымъ Извѣстіямъ		249—256

II.

18. Нѣкоторыя черты изъ жизни графа Михаила Михайловича Сперанскаго	319—330
19. Пареміи изъ книги Исходъ	331—359
20. Пустынникъ Григорій Агафоновъ	360—367
21. Слово во время крестнаго хода изъ скитской церкви въ монастырь, предъ пещерою преподобнаго Саввы, сказанное Леонидомъ епископомъ Дмитровскимъ 17 іюля 1873 года.	368—372
22. О таинствѣ исповѣди. (<i>Въ приложеніи</i>).	1—16. 17—32
23. Опытъ злоупотребленія словами Св. Писанія	436—442
24. Образъ Божій въ человѣкѣ. Слово въ день Нерукотвореннаго образа Спасителя.	442—450
25. Подвигъ миротворства.	450—456
26. Живые пророки нашего времени.	480—484
